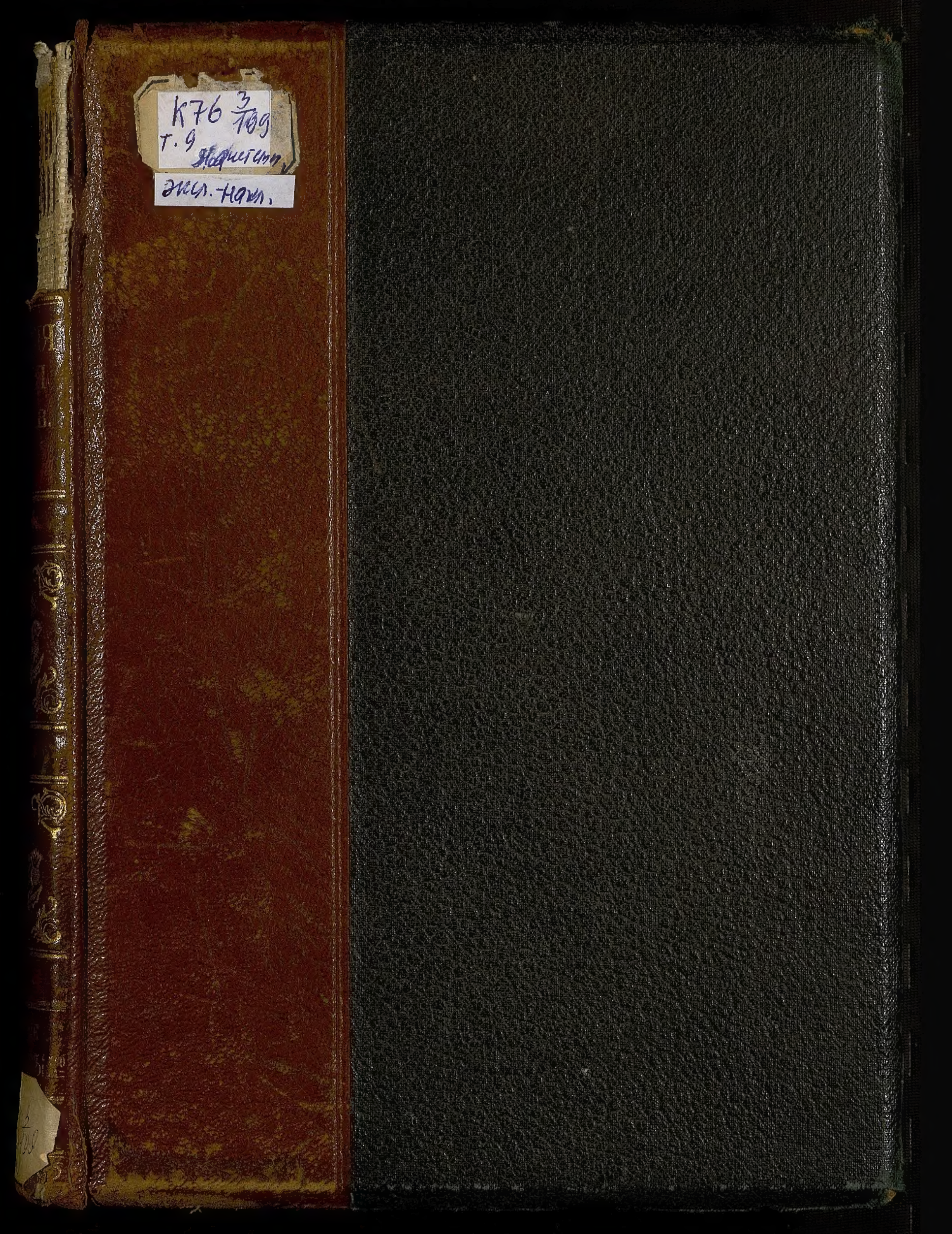
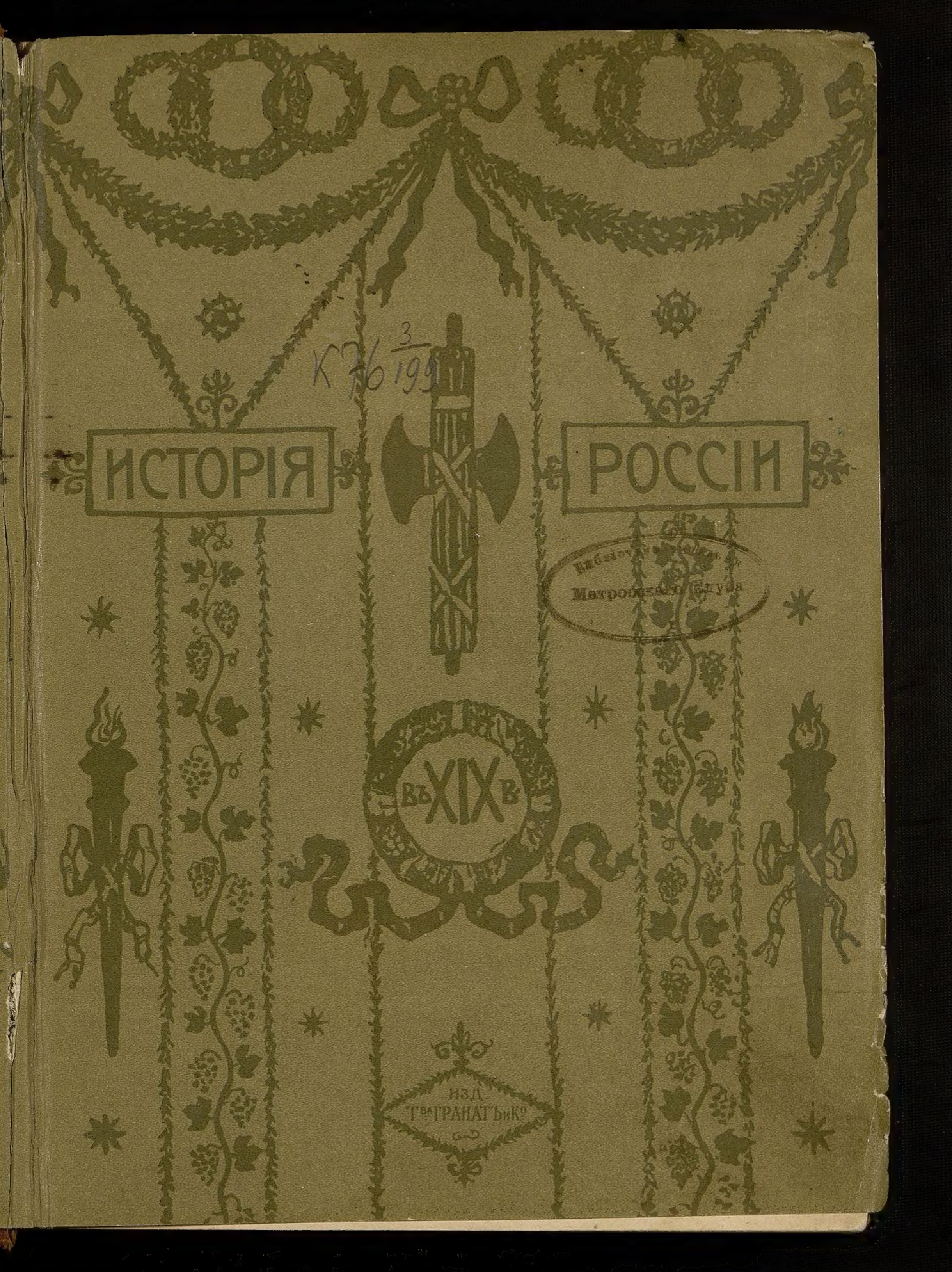

К76 3/109
т. 9

БИБЛІОТЕКА
Гельсингфорсскаго
Матросскаго Клуба.
Отд.
Хр. кат. 283
Сист. кат. 9(47)
Р.9
283
178907
9(47)
ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX В.
ИЗД.
Т-ВА ГРАНАТЪ И К°


ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX В.
ИЗД.
Т-ва ГРАНАТЪ и К°

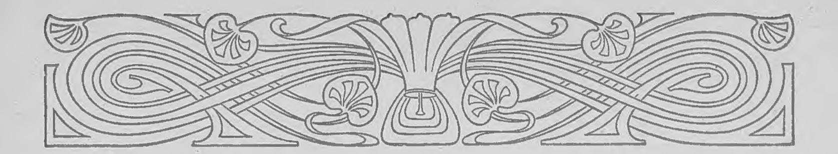
А. Пастернакъ

ЗАГЛАВНЫИ ЛИСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГР. МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩ. (Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.) С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ФОНТАНКА, 117.

ТЕКСТЪ ОТПЕЧАТАНЪ ВЪ ТИПОГРАФІИ „РУССКАЯ СКОРОПЕЧАТНЯ" С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ, 94.

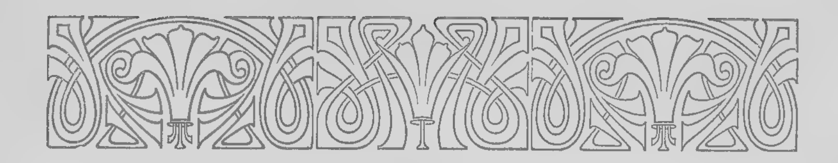
КОНЕЦЪ ВѢКА.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.



Оглавленіе IX тома.

(Часть четвертая, отдѣлъ второй).



Снимки съ портретовъ и скульптуръ, помѣщенные въ IX томѣ.

ГЛАВА IV.

80-ые и 90-ые годы въ нашей литературѣ.

(М. Невѣдомскаго.)

I.

Эпоха ликвидаціи народничества.—Синтезъ Михайловскаго, Успенскаго и др.—Распадъ семидесятническаго синтеза.

Восьмидесятые годы и первая половина девяностыхъ—это эпоха перелома, кризиса въ идеологіи, эпоха не органически-творческая, а *критическая*, въ подлинномъ смыслѣ этого слова. Не положительныя задачи, не выработка новыхъ утвержденій и не реализація утвержденій, уже выработанныхъ, стояли на очереди, передъ этимъ поколѣніемъ нашей интеллигенціи, какъ его миссія и цѣль, а лишь задача—*пересмотра, переоцѣнки* ранѣе господствовавшихъ, а теперь дискредитировавшихъ себя цѣнностей...

Эпоха 80-ыхъ годовъ есть эпоха ликвидаціи нашей *сельской* культуры, двуединаго *барски-крестьянскаго* уклада и, соотвѣтственно этому,—эпоха *ликвидаціи народнической идеологіи*, доселѣ почти безраздѣльно властвовавшей надъ умами и сердцами нашей интеллигенціи, — идеологіи, выросшей именно на почвѣ отношеній указаннаго двуединаго уклада...

Середина и конецъ 90-ыхъ годовъ являются моментомъ зарожденія у насъ *городской культуры* и элементовъ соотвѣтствующей идеологіи.

Чтобы понять литературу этихъ десятилѣтій, необходимо прежде всего вникнуть въ характеръ указаннаго идеологическаго кризиса: ибо все наиболѣе яркое и талантливое въ литературѣ этого періода порождено этимъ кризисомъ, имъ вдохновлялось, его въ своемъ творчествѣ отражало.

Полоса *народничества* въ нашей литературѣ тянется отъ 40-ыхъ годовъ, отъ мечтаній Герцена о россійскомъ „половодьѣ“, отъ „Деревни“ и „Антона Горемыки“ Григоровича—до самыхъ 80-ыхъ годовъ, когда постепенно выдыхается и

подходитъ къ своей ликвидаціи. Я употребляю терминъ *народничество* въ широкомъ смыслѣ, — разумѣя всѣ оттѣнки нашей демократической идеологіи, вызванные къ жизни фактомъ паденія крѣпостного права, предвосхищавшіе этотъ фактъ и затѣмъ питавшіеся имъ, какъ источникомъ огромнаго соціальнаго энтузіазма. Отличительными признаками народничества являются: 1) служеніе интересамъ народа (главнымъ образомъ, *крестьянства*), какъ основной нервъ идеологіи, при чемъ понятіе „народъ" не диференцируется въ соціальномъ смыслѣ,—народъ признается чѣмъ-то, вообще говоря, единымъ, по своимъ интересамъ— это, во-первыхъ; и 2) извѣстные элементы *мессіанства*, признаніе для русскаго народа особаго, болѣе легкаго и радостнаго пути соціальнаго развитія,—отличнаго отъ пути западно-европейскаго, — болѣе быстро и успѣшно приводящаго къ соціальному равенству. Въ этихъ, наиболѣе общихъ, но и существенныхъ чертахъ своихъ, понятіе *народничество* охватываетъ идеологіи такихъ на первый взглядъ различныхъ представителей нашего демократизма, какъ Герценъ, Чернышевскій, Лавровъ, Михайловскій, Л. Толстой, а отчасти, и Достоевскій, съ его церковью-государствомъ или „русскимъ соціализмомъ", какъ опредѣлилъ его идею Влад. Соловьевъ.

Мечта о возможности *миновать* ненавистную фазу капитализма, владычества буржуазіи,—вотъ, поистинѣ, соблазнительная мечта, поистинѣ, грандіозная, могуче-вдохновляющая перспектива! Эта утопическая мечта составляла *святая святыхъ* народнической идеологіи.

„Нынѣшнему даже очень чуткому молодому человѣку надо сильно напрячь свою мысль, чтобы вполнѣ проникнуться потрясающимъ смысломъ этихъ двухъ словъ: „освобожденіе крестьянъ",—говорилъ Н. К. Михайловскій, характеризуя 60-ые годы, и выставлялъ, какъ основную черту этой эпохи, — „чрезвычайно рѣдкое въ исторіи *сочетаніе идеальнаго съ реальнымъ, головокружительно-возвышеннаго съ трезво-практическимъ*"...

„Головокружительно - возвышенное"—это и есть указанная мною мечта объ „особомъ пути" и „миновавіи", о достиженіи желанной цѣли непосредственнымъ восхожденіемъ отъ „низшей степени высшаго типа" (общинный укладъ) на „степень высшую"—укладъ соціальнаго равенства. Сошлюсь на того же Н. К. Михайловскаго, который пишетъ о начальной порѣ своей дѣятельности:

„Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя... „Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же" — вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали: именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго"...

Программы и пути, намѣчаемые

для практическаго достиженія завѣтной цѣли, были очень разнообразны, пестры и смутны. Огромное впечатлѣніе, произведенное освобожденіемъ крестьянъ—современниками оно переживалось, какъ актъ правительственный, какъ демократическая реформа, худо-ли, хорошо ли, но осуществленная „сверху"—*властью*,—породило преувеличенную и утопическую вѣру въ силу политической организаціи вообще, правительственной или революціонной. Только что цитированная мною характеристика начала 70-ыхъ годовъ у Михайловскаго заканчивается такъ: „Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные *либо властью*, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути"... Вотъ, можетъ статься, первоисточникъ того бюрократизма въ мышленіи, который проявилъ себя въ годы вымиранія народничества въ проектахъ правительственнаго принудительнаго обученія и законодательнаго закрѣпленія общины, появлявшихся на страницахъ народническихъ журналовъ 90-ыхъ годовъ...

Только что приведенная альтернатива съ двумя *либо*—лучшее доказательство смутности *политическаго* мышленія этой эпохи, невыясненности практическихъ программъ и путей. Вѣдь, одно *либо* относится къ правительственной власти, а другое — очевидно — къ крестьянской массѣ, руководимой революціонерами-народниками... И народническая мысль вмѣщала двойственное допущеніе, что инициатива соціальнаго переворота можетъ исходить отъ одного изъ этихъ двухъ, казалось бы, мало общаго имѣющихъ между собою „элементовъ наличныхъ порядковъ"!.. Но за всѣмъ тѣмъ, при всей этой политической смутности и практической невыясненности народническихъ идей, стоитъ только вдуматься въ сущность самой мечты о новыхъ „особыхъ" путяхъ, въ *психологическое* содержаніе этихъ грандіозныхъ допущеній, въ воздѣйствіе ихъ на умы и сердца, чтобы живо ощутить тепло и свѣтъ, и сіяніе того солнца, въ лучахъ котораго поднимались всходы и зрѣли плоды столь яркой, столь богатой талантами и героическимъ воодушевленіемъ эпохи въ жизни нашей интеллигенціи, какою была эпоха народничества...

Въ силу того, что интеллигенція была, по преимуществу, дворянскаго происхожденія, состояла изъ дѣтей недавнихъ рабовладѣльцевъ, а, съ другой стороны, и молодежь изъ разночинцевъ, къ тому времени достаточно уже многочисленная, заражалась общимъ энтузіазмомъ по отношенію къ только что освобожденному крестьянину,—паѳосомъ и лиризмомъ эпохи явилось настроеніе *дворянскаго покаянія*. Связь между интеллигенціей и народомъ ощущалась, какъ моральное обязательство, какъ *долгъ народу*. Эта формула была ходячей въ тѣ годы:

„Мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ, только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа... Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій, аро-

матный цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ. Мы пришли къ мысли, что мы должники народа. Можетъ быть, такого параграфа и нѣтъ въ народной правдѣ, даже навѣрное нѣтъ, но мы его ставимъ во главу угла нашей жизни и дѣятельности, хоть, можетъ быть, не всегда сознательно. Мы можемъ спорить о размѣрахъ долга, о способахъ его погашенія, но долгъ лежитъ на нашей совѣсти, и мы его отдать желаемъ" (Н. К. Михайловскій, „Литературныя и журнальныя замѣтки", 1873 года: „Коментаріи къ „Бѣсамъ" Достоевскаго").

Интимное моральное содержаніе этого настроенія „кающихся дворянъ" сводилось въ основѣ своей къ работѣ совѣсти, къ „болѣзнямъ совѣсти", по слову Успенскаго, и къ *жалѣнію* „униженныхъ и оскорбленныхъ", къ состраданію—„вѣковымъ страданіямъ"... Вотъ какъ высказывается о зарожденіи этого настроенія Г. И. Успенскій, устами своего Тяпушкина:

„Кто несчастнѣй? Мать? Отецъ? Баринъ? Мужикъ? Тотъ, кто билъ? Или тотъ, кого колотятъ?.. Всѣ несчастны, бѣшены, злы, подлы, измучены, всѣ виноваты, всѣ придавлены. И чувство жалости стало обращаться... къ какому-то огромному надо всѣми и всѣмъ висящему горю... Отвыкнувъ совершенно думать и знать, что бы я могъ пожелать „для себя", что *для меня* лучше, что *для меня* хуже... я начиналъ думать, что *для всѣхъ* (никакихъ лицъ я при этомъ не представлялъ) должно быть и лучше и легче!.."

Въ концѣ этихъ очерковъ Успенскій приходитъ къ своеобразному синтезу, къ примиренію противорѣчивыхъ элементовъ 60-ыхъ годовъ—Писаревскаго индивидуализма съ идеями Рахметова (Чернышевскаго)—въ своеобразномъ *жертвенномъ индивидуализмѣ*, сказалъ бы я, очень характерномъ для 70-ыхъ годовъ умонастроеніи:

„Вообще я думалъ, что потребуется масса, несмѣтная масса народа, нужнаго въ то мгновеніе для освобожденія деревни... Да, я убѣдился тогда, что *въ этомъ служеніи—начало нашей русской интеллигентной личности, начало нашего эгоизма*... И не готовымъ, не шаблоннымъ, а оригинальнымъ оказывался только одинъ путь—обновленіе самого себя реальной работой для реальной справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ"...

Личность находила свое утвержденіе въ томъ, что приносила себя въ жертву народу, находила свое утвержденіе — въ самоотрицаніи. Я подчеркиваю здѣсь эту особенность интеллигентскаго умонастроенія этихъ лѣтъ, ибо она можетъ, на мой взглядъ, послужить отправной точкой для истолкованія того перелома, который произойдетъ въ 80-ыхъ и особенно въ 90-ыхъ годахъ.

70-ые годы должны быть названы эпохой *критическаго* народничества. Народъ—„соціалистъ въ душѣ"—не оправдывалъ, при ближайшемъ съ нимъ соприкосновеніи, былого о немъ представленія. О внѣшнихъ, полицейскихъ препонахъ на пути интеллигенціи нечего и говорить.

Элементы „сильные властью“ вовсе не обнаруживали готовности къ соціальному реформаторству въ духѣ народничества. Пропагандисты сотнями и тысячами населяли тюрьму и ссылку. Но, что всего важнѣе— самое солнце утопіи, недавно съ ослѣпительнымъ блескомъ сіявшее въ зенитѣ, начинало склоняться къ горизонту и заволакиваться тучами. Община крестьянская разлагалась. Раздавался вопль Салтыкова „Чумазый идетъ!“, а вмѣстѣ съ Чумазымъ шелъ „его величество купонъ“ и, ступая семимильными шагами, надвигался капитализмъ, надвигалась ненавистная, „отрицательная“ фаза... И теоретики народничества вводятъ одну поправку за другой, замѣняютъ утвержденія условными допущеніями, словомъ, создаютъ то направленіе *критическаго народничества*, органомъ котораго явились „Отечественныя записки“, а лучшими представителями Салтыковъ, Успенскій и Михайловскій.

Въ 78-мъ году послѣдній писалъ:

„Пора бы намъ перестать толковать объ отличіи историческихъ путей, коимъ слѣдуетъ наше отечество, отъ тѣхъ, по которымъ шла и идетъ Европа. Еще есть, конечно, до извѣстной степени возможность позаимствовать у историческаго опыта Европы все хорошее и избѣжать дурного. Но для этого нужны энергическія усилія, а не безсмысленное закрываніе глазъ на то, что кругомъ насъ творится... У насъ сплошь и рядомъ можно услышать утѣшительные разговоры насчетъ того, что мы, такъ сказать, не отъ міра сего, объ наживѣ не думаемъ, а потому и буржуазіи вырастить изъ себя не можемъ. Хорошо бы, кабы этими устами да медъ пить. Но въ то самое время, какъ медоточивыя уста разглагольствуютъ, сборная команда купцовъ, помѣщиковъ-предпринимателей и кулаковъ-крестьянъ слагается въ совершенно опредѣленную буржуазію, хотя, конечно, на нашъ отечественный солтыкъ и притомъ пока не сомкнутую еще корпоративнымъ духомъ“ („Литературныя замѣтки“: „О повѣстяхъ Писемскаго“).

Беллетристы-народники, сосредоточивая все свое вниманіе на деревнѣ и ея судьбахъ, давали длинный рядъ картинъ, которыя, въ сущности, разбивали ихъ собственную вѣру, опровергали ихъ теоріи.

Златовратскій, этотъ представитель „лирическаго“ народничества, съ его беззавѣтной вѣрой въ общину и идеализаціей „устоевъ“,—и тотъ регистрировалъ появленіе „Сысоевъ строгихъ“, тяготѣвшихъ къ городу и бѣжавшихъ изъ крестьянства, и „умственныхъ“ Петровъ — идеологовъ „хозяйственности“... Чтобы „спасти“ свою идею, Златовратскій заставлялъ этихъ опасныхъ для „міра“ героевъ пассовать передъ общинниками и увозилъ ихъ въ городъ. Успенскій смотрѣлъ глубже и не былъ склоненъ къ подобнымъ самообольщеніямъ. Это былъ представитель именно *критическаго* народничества, критическаго отношенія къ деревнѣ. Въ очеркѣ „Деревенская неурядица“ онъ писалъ:

„Бѣда именно въ томъ и состоитъ, что кулачество—явленіе не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, ор-

ганическій недугъ. Но самая горькая и обидная черта этого явленія заключается не собственно въ хищничествѣ, а въ томъ, что ничего другого, хотя мало-мальски равнозначущаго по разработкѣ и техникѣ, деревенская жизнь за послѣднее время не представляетъ".

И даже доходилъ до такихъ признаній:

„Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно геніальныя способности, и въ то же время вы не можете не убѣдиться, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, ни въ мірскихъ общинныхъ дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ не выразилось".

Община, та самая община, которая являлась каменнымъ фундаментомъ возведеннаго народничествомъ „воздушнаго замка", которая поставляла главный аргументъ въ пользу идеи объ „особомъ пути", измѣняла самымъ жестокимъ образомъ народническую въ нее вѣру. Почва ощутительнымъ образомъ уходила изъ-подъ ногъ. Тотъ же Успенскій, который являлся самымъ вдумчивымъ, самымъ чуткимъ художникомъ этой эпохи, въ знаменитомъ очеркѣ своемъ „Власть земли", все „благообразіе" крестьянской общинной жизни объяснялъ безсознательными навыками, обусловленными формой *труда* — экономическими, значитъ, причинами,—и уподоблялъ психологію крестьянскаго міра психологіи рыбьей стаи, ударяющей „въ заколъ коллективнымъ рыломъ"...

Онъ особенно настаивалъ на безсознательности деревенскихъ навыковъ и ихъ пассивности:

„Если онъ, крестьянинъ, слушаетъ того, что велитъ ему земля, онъ ни въ чемъ не виновенъ, а главное, какое счастье не выдумывать себѣ жизни, не разыскивать себѣ интересовъ и ощущеній, когда они сами приходятъ къ тебѣ каждый день, едва только открылъ глаза! Дождь на дворѣ — долженъ сидѣть дома, ведро—долженъ идти косить, жать и т. д. Ни за что *не отвѣчая*, ничего *не придумывая*, человѣкъ живетъ, только *слушаясь*, и это ежеминутное, ежесекундное послушаніе, превращенное въ ежеминутный трудъ, и образуетъ *жизнь*, не имѣющую, повидимому, никакого результата (что выработаютъ, то и съѣдятъ), но имѣющую результатъ именно въ самой себѣ"...

Въ *послѣсловіи* къ „Власти земли", въ очеркахъ „Изъ разговоровъ съ пріятелями", Успенскій дѣлаетъ сопоставленіе „безсознательной", природой подаренной, красоты русскаго крестьянскаго быта съ глубоко - сознательнымъ творчествомъ жизни у европейскихъ народовъ. По поводу газетнаго сообщенія объ „образцовомъ фамилистерѣ" въ Люттихѣ и разсужденій газеты о томъ, что „рабочій можетъ имѣть столъ, какой пожелаетъ, за отдѣльнымъ столикомъ" и „сохраняетъ, такимъ образомъ, свою *полную независимость*", одинъ изъ „пріятелей" говоритъ:

„Теперь обрати вниманіе, какъ мизеренъ этотъ „отдѣльный столикъ" съ полной независимостью смотрѣть въ стѣну и ѣсть блюдо, состоящее изъ объѣдковъ—въ сравненіи съ нашей крестьянской семьей, того случайно - благообразнаго и

благоустроеннаго вида, о какомъ я тебѣ такъ много говорилъ!.. И однако, мы рѣшительно не правы, предаваясь необузданной гордости по поводу „образчиковъ“, которыми владѣемъ *даромъ*. Столикъ точно мизерность, но онъ—*побѣда*; онъ завоеваніе вершковое, но непремѣнное завоеваніе въ пользу справедливости... Въ глубинѣ всѣхъ этихъ мизерныхъ опытовъ важна именно мысль о полной независимости человѣка. Опытъ малъ, но мысль велика... Мысль эта, развиваясь и укрѣпляясь, будетъ осуществляться практически, и все, что будетъ добыто ею, будетъ вѣковѣчно и прочно. У насъ, у нашего крестьянина, эта независимость, идеалъ ея... есть уже, но онъ созданъ ржанымъ полемъ, а не человѣкомъ“.

Послѣднее соображеніе иллюстрируется судьбой „Мишанекъ“—„благообразныхъ крестьянскихъ парней“, быстро теряющихъ все свое благообразіе въ водоворотѣ городской жизни.

Это *послѣсловіе* къ „Власти земли“ содержитъ такія углубленныя психологическія параллели между Россіей и Европой, до которыхъ, на мой взглядъ, не доходилъ, не возвышался ни одинъ писатель эпохи народничества, ни Щедринъ, ни Михайловскій... Изъ этихъ сопоставленій можно заключить, что въ интеллигентскомъ сознаніи уже начиналась *капитуляція передъ Европой*, что „особые пути“ заподозривались, не въ смыслѣ только практической ихъ осуществимости, а и по существу, въ смыслѣ законовъ эволюціи и роста самой психики человѣческой... Но *мечта* еще не сдавалась. Выставлена была теорія о „пертурбаціонныхъ вліяніяхъ“, какъ, на вынужденномъ эзоповскомъ языкѣ, обозначалось покровительство капиталистамъ и кулачеству со стороны власти. Заграждавшая пути къ идеалу власть стала первымъ предметомъ вниманія, борьба съ нею первымъ пунктомъ программы. „Земля и воля“ распадается, возникаетъ партія „Народной воли“. Интеллигенція взваливаетъ на свои плечи всю тяжесть политической борьбы и совершаетъ рядъ утопическихъ, но и столь же героическихъ подвиговъ. Это были послѣднія, почти судорожныя, попытки спасти желанныя „возможности“, удержать уходящую изъ-подъ ногъ почву. Это былъ высшій подъемъ мечты и героизма почти на порогѣ отчанія...

Даже по приведеннымъ мною немногочисленнымъ цитатамъ изъ писаній лучшихъ выразителей эпохи 70-ыхъ годовъ можно, мнѣ кажется, видѣть, что въ теченіе второй половины этого десятилѣтія *ликвидація народничества* шла уже довольно быстрымъ темпомъ.

Самый блестящій изъ теоретиковъ народничества этой эпохи Н. К. Михайловскій, въ сущности, пользовался наибольшимъ вліяніемъ именно съ той поры, какъ началась эта ликвидація. Непосредственный живой энтузіазмъ уже ослабѣвалъ; зарождалась критическая мысль и выдвигала одно возраженіе за другимъ противъ прежнихъ стихійныхъ вѣрованій. Тутъ-то и понадобился теоретикъ, который объединилъ бы и закрѣпилъ въ возможно стройной системѣ дотолѣ

разрозненныя и недостаточно продуманныя аспираціи, чаянія, оцѣнки. Онъ выступилъ со своей „теоріей прогресса“, выдвинулъ принципъ „гармоническаго развитія личности“, какъ критерій прогресса, какъ основу для всѣхъ оцѣнокъ (причемъ элементы такого именно развитія усматривалъ въ укладѣ крестьянской жизни); онъ далъ ученіе о „типахъ и степеняхъ развитія“, устанавливавшее, что община есть *типъ* высшій по сравненію съ диференцированнымъ на классы европейскимъ строемъ, хотя послѣдній и представляетъ собою высшую *степень* развитія; въ теоріи „борьбы за индивидуальность“, онъ дѣлалъ попытку соціологически обосновать тотъ „жертвенный индивидуализмъ“, ту связь между интеллигентскимъ *я* и народомъ, которую я характеризовалъ выше, цитируя Успенскаго; наконецъ, санкціей и фундаментомъ всего теоретическаго зданія являлся выдвинутый Михайловскимъ вмѣстѣ съ Лавровымъ „субъективный методъ“ въ соціологіи, стремившійся придать соціологическое значеніе моральнымъ, по существу, оцѣнкамъ.

И эти теоретическія скрѣпы служили свою службу до самаго конца 70-ыхъ годовъ, а для извѣстной части нашей интеллигенціи даже и до середины 80-ыхъ. Не только „душу клали въ теоретическія возможности“, но и жизнь за нихъ клали. А беллетристы, опровергая эти теоріи каждой картиной, каждымъ штрихомъ своимъ, продолжали настаивать на томъ, что „деревнѣ (при „гармоническомъ“ ея укладѣ) совершенно не нуженъ ни Пушкинъ, ни Карамзинъ, какъ это доказали такой выдающійся теоретикъ, какъ Михайловскій, и такой пристальный наблюдатель народной жизни, какъ Толстой“, и видѣли въ этомъ не угрозу своимъ чаяніямъ, а подкрѣпленіе имъ... И Успенскій, которому принадлежатъ только что приведенныя слова, въ заключительныхъ строкахъ цитированнаго выше „разговора съ пріятелями“, указывалъ такую программу для интеллигенціи:

„Надо знать, что именно этотъ типъ, который я тебѣ описалъ (типъ крестьянской жизни)... именно и есть образцовѣйшій. Надо всѣмъ существомъ своимъ убѣдиться въ этомъ и дѣлать все, чтобы онъ превратился въ сознательно образцовѣйшій и пересталъ быть образцовымъ безсознательно“.

Писалось это уже въ 82-мъ году... Ясно, что привлекательный синтезъ народнической эпохи еще жилъ, еще освѣщалъ пути своимъ свѣтомъ, хотя и трагическимъ сталъ этотъ свѣтъ...

И никто не даетъ такъ интимно прочувствовать этотъ трагическій синтезъ, какъ тотъ же Успенскій въ очеркѣ „Выпрямила“. Онъ рисуетъ три женскихъ образа, связываемые нитями народнической идеологіи, сводимые ею къ единству: образъ деревенской бабы, которая „ворошитъ сѣно, съ подобранной юбкой, голыми ногами, краснымъ повойникомъ на маковкѣ“, и „такъ легка, изящна, такъ „живетъ“, а *не работаетъ,* живетъ въ полной гармоніи съ природой, съ солнцемъ, съ вѣтеркомъ“... Затѣмъ, образъ „дѣвушки строгаго, почти монашескаго

типа“—очевидно интеллигентки-террористки (В. Н. Фигнеръ, какъ думаютъ)—„съ глубокой печалью, печалью *не о своемъ горѣ*, которая начертана на этомъ лицѣ, въ каждомъ ея малѣйшемъ движеніи, и такъ гармонично слита съ ея личною, собственной ея печалью... что при одномъ взглядѣ на нее всякое „страданіе“ теряетъ свои пугающія стороны, дѣлается дѣломъ простымъ, легкимъ, успокаивающимъ и, главное, живымъ“... Тутъ „нѣтъ уже ни солнца, ни свѣта, ни аромата полей, а что-то сѣрое, темное“ служитъ фономъ этому образу... Наконецъ,—образъ Венеры Милосской, „каменной загадки“, *выпрямившей* въ разсказѣ Успенскаго, человѣка, истерзаннаго „безчеловѣчными отношеніями“ русской да и вообще современной дѣйствительности, похожаго „на скомканную перчатку“. Успенскій такъ говоритъ о художникѣ-создателѣ этой „каменной загадки“:

„Ему нужно было и людямъ своего времени, и всѣмъ вѣкамъ, и всѣмъ народамъ вѣковѣчно и нерушимо запечатлѣть въ сердцахъ и умахъ огромную красоту *человѣческаго* существа, ознакомить человѣка—мужчину, женщину, ребенка—съ ощущеніемъ счастья быть *человѣкомъ*, показать всѣмъ намъ и обрадовать насъ видимой возможностью быть прекрасными“...

Деревенская женщина—олицетвореніе деревенской „гармоничности“, какъ возможность; интеллигентка, жертвующая собой, дабы превратить эту возможность въ дѣйствительность; и идеалъ, конечная цѣль—гармонически-прекрасное человѣческое существо,—вотъ три элемента народнической религіи и эстетики, вотъ интимная суть міросозерцанія, раскрытая въ этомъ очеркѣ съ чарующей искренностью и проникновенностью. Я бы не могъ указать ни одного художественнаго произведенія тѣхъ годовъ, которое бы являлось такимъ цѣннымъ историческимъ документомъ, которое въ такой полнотѣ выявляло бы самую сущность идеологіи 70-ыхъ годовъ...

До сихъ поръ я останавливался исключительно на крайнихъ передовыхъ теченіяхъ... Само собою разумѣется, что ими не исчерпывалась общественная мысль того времени. Но вотъ что необходимо отмѣтить, какъ очень существенную черту эпохи: такіе органы, какъ „Вѣстникъ Европы“, органы умѣреннаго либерализма, совершенно не давали тона литературѣ того времени. Если говорить о художественной литературѣ, то положительно трудно назвать хоть одно сколько-нибудь крупное имя, связанное съ этими средними теченіями [1]).

И это, конечно, не случайность. Этотъ фактъ какъ бы символизируетъ основную черту того времени. Жили и дѣйствовали и *значили* только крайніе элементы: Катковы, ко-

[1]) Изъ корифеевъ одинъ Тургеневъ печаталъ свои послѣднія произведенія въ „Вѣстникѣ Европы“, но это не столько свидѣтельствуетъ о *духовномъ сродствѣ* его съ этимъ органомъ, сколько о расхожденіи съ „Современникомъ“, наслѣдникомъ котораго являлись „Отечественныя Записки“. Онъ печатался въ „В. Е.“ такъ же, какъ ранѣе печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, ибо принципіальное расхожденіе его съ народниками не предоставляло ему иного выбора: вся демократія была народнической.

торые требовали „такихъ мѣръ, чтобы кровь стыла въ жилахъ“, да мечтатели и бойцы, пробавлявшіеся синтезомъ „трехъ женскихъ образовъ“ Успенскаго: власть — съ одной стороны, и революціонеры— съ другой... Середина была вяла и блѣдна. Общества, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, умѣренныхъ, кропотливыхъ созидателей жизни, можно сказать, не было. Робкія выступленія либераловъ-земцевъ въ петиціяхъ и адресахъ 70-ыхъ и начала 80-ыхъ годовъ свидѣтельствуютъ о томъ же: главнымъ, если не единственнымъ, аргументомъ въ этихъ адресахъ было указаніе на крамолу, съ которой-де не подъ силу справиться правительству, т.-е. на все тѣ же единственно-дѣйственные элементы страны. И если въ политикѣ происходило единоборство власти съ народниками-революціонерами, то и въ литературѣ были только полюсы: Катковы, Леонтьевы, Писемскіе, Маркевичи— съ одной стороны; Михайловскіе, Лавровы, Успенскіе и Щедрины—съ другой. И при этомъ первые, можно сказать, жили только за счетъ вторыхъ: ничего положительнаго въ жизнь не вносили, ничего творческаго не давали, а только отрицали вторыхъ и этимъ отрицаніемъ пробавлялись...

Я чувствую необходимость оговориться относительно одной частности. Въ предыдущемъ изложеніи я не разъ зачислялъ въ лагерь народниковъ Щедрина, а привычное воззрѣніе на него совершенно противорѣчитъ такому трактованію этого писателя. Въ самомъ дѣлѣ, онъ— авторъ „Исторіи одного города“, гдѣ народъ представленъ столь же безтолково и безнадежно инертнымъ и скудоумнымъ, какъ скудоумны и безтолковы опекающіе его „градоправители“; онъ,—съ такой горечью разоблачавшій всѣ печальныя свойства „пошехонскаго“ племени и занимавшійся въ своихъ сатирахъ почти исключительно „градоправителями“ и „ташкентцами“, да „культурными людьми“ изъ проѣдающихъ свои „закладныя“ дворянъ,— что общаго имѣлъ онъ съ народниками? Не ссылаясь на самый фактъ редактированія имъ такого органа, какъ „Отечественныя Записки“, опуская нѣсколько сантиментальныхъ народолюбческихъ мѣстъ въ его первыхъ произведеніяхъ („Губернскіе очерки“, „Невинные разсказы“), я замѣчу лишь слѣдующее: Щедринъ, конечно, принадлежалъ къ *критической* струѣ народничества, не идеализировалъ безоговорочно крестьянства и его общины, не закрывалъ глаза на всѣ ихъ прорухи, какъ не закрывалъ глаза и на Колупаевыхъ, Деруновыхъ и Разуваевыхъ... Не только самъ не закрывалъ, а и другимъ открывалъ. Но если и нѣтъ въ его сатирическихъ писаніяхъ народническихъ утвержденій въ прямой и положительной формѣ, какъ у Михайловскаго или Успенскаго, то, быть можетъ, причиной этому отчасти былъ именно *сатирическій* стиль, не вмѣщающій „положительнаго“. Однако, и у него иной разъ проскользнетъ среди этого сатирическаго стиля такой образъ, какъ „мальчикъ безъ штановъ“ въ „За рубежомъ“. Этотъ „мальчикъ“ не только умѣетъ сконфузить нѣмца указаніемъ, что тотъ

„продалъ свою душу Гехту, или— что то же—чорту",—„да еще по контракту": онъ увѣренъ еще, что если и его собственная душа отдана чорту же (Колупаеву), то это, тѣмъ не менѣе,—совсѣмъ другая статья: тутъ нѣтъ контракта—„задаромъ отдалъ, стало быть, и опять могу назадъ взять!" А Колупаевъ, по его показанію, уже „надоѣлъ" и—„Погоди, нѣмчура, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ!.."

Въ чисто - художественныхъ вещахъ всегда ярче проявляется интимная сторона настроенія писателя. И именно изъ такихъ вещей у Щедрина мы можемъ усмотрѣть, что и ему не были чужды мечты объ „особыхъ путяхъ", допущенія „теоретической возможности". Въ сказкѣ „Пропала совѣсть", затравленная, загаженная, превращенная въ ветошку совѣсть, послѣ всѣхъ своихъ мытарствъ, попадаетъ въ сердце „*русскаго* мальчика". Сказка заканчивается такъ: „И будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть, и исчезнутъ тогда всѣ неправды, коварства и насилія"... Болѣе, чѣмъ позволительно сдѣлать предположеніе, что этотъ „русскій мальчикъ"— деревенскій русскій мальчикъ. А тогда—въ сдержанномъ выраженіи—это все та же мысль Михайловскаго и Успенскаго о „благообразномъ типѣ" и т. п...

Отношеніе къ интеллигентамъ-борцамъ, преломленное сквозь призму „сатирическаго стиля" (но, можетъ быть, не уступающее въ теплотѣ и любовности образу „дѣвушки монашескаго типа", данному Успенскимъ), сказывается въ томъ опредѣленіи интеллигенціи, которое Щедринъ дѣлаетъ въ очеркахъ „Въ средѣ умѣренности и аккуратности": „Господамъ Молчалинымъ", подъ которыми разумѣется все общество, и крестьянину—„человѣку лебеды, котораго не знаетъ исторія", противопоставляются—„Галилеи, утверждающіе, что земля вертится, и ломающіе себѣ шею, проваливающіеся сквозь землю или инымъ образомъ пропадающіе"...

Жалѣніе, которое у Успенскаго отождествляется съ любовью, можно сказать, вполнѣ налицо въ такомъ призывѣ любить Россію (въ „Пошехонскихъ разсказахъ"): „Бѣдная эта страна—ее надо любить". Наконецъ, тотъ же суровый сатирикъ даетъ слѣдующій краткій, но характерный очеркъ *исторіи народничества:*

„Мужикъ—герой современности, это вѣрно. И не со вчерашняго дня такъ повелось, а давненько-таки, съ самаго конца сороковыхъ годовъ. Ты, разумѣется, не былъ очевидцемъ „началъ", но я не только помню, но даже лично присутствовалъ при нихъ... Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія человѣческія слезы, и съ легкой руки Григоровича, мысль объ томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, и въ русскомъ обществѣ. А съ половины пятидесятыхъ годовъ эта мысль сдѣлалась уже господствующею въ русской жизни. Все, что ни есть въ Россіи мыслящаго и интеллигентнаго, отлично поняло, что, куда бы ни обратились взоры, вездѣ они встрѣтятся съ проблемой о мужикѣ".

II.

Роковая дата 1881 года.—Михайловскій, Успенскій, Щедринъ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ.

И въ практикѣ жизни, и въ литературѣ поворотнымъ пунктомъ, роковой датой для народничества является 1881 годъ.

Дѣятельность *народовольцевъ* достигаетъ къ этому моменту высшаго своего напряженія, сосредоточиваясь исключительно на политикѣ, на устраненіи „внѣшнихъ" препятствій.

Въ 1880 году Н. К. Михайловскій констатируетъ „братскій союзъ мѣстнаго кулака съ мѣстнымъ администраторомъ" (при чемъ слово *мѣстный,* разумѣется,—лишь дань цензурѣ) и заявляетъ, что при наличности этого союза:

„Наша теоретическая возможность обращается въ простую *иллюзію,* а вмѣстѣ съ тѣмъ наше отреченіе отъ элементарныхъ параграфовъ естестеннаго права теряетъ всякій смыслъ".

Въ письмахъ, за подписью „Гроньяръ", печатавшихся въ „Вѣстникѣ Народной Воли", тотъ же публицистъ усиленно зоветъ въ политику, убѣждаетъ поставить на первую очередь политическій переворотъ...

1-го марта 1881 г. разыгрывается, въ сущности, послѣдній актъ трагедіи, пишется кровью послѣдняя глава и развязка *романа* русской интеллигенціи съ крестьянствомъ. Дальше пойдетъ уже — *эпилогъ*... Революціонеры совершенно одиноки. Общество—въ окончательной оторопи, спѣшитъ предать ихъ, спѣшитъ заявить о своей полной отчужденности отъ крайнихъ группъ, которыя, до послѣдняго времени, пользовались его поддержкой и сочувствіемъ... Откликаясь на 1-е марта, „Вѣстникъ Европы", устами внутренняго обозрѣвателя своего (Л. Полонскаго), открещивается отъ „злодѣевъ" и беретъ по отношенію къ нимъ почти Катковскія ноты. А народъ?—Чтобы понять, какъ, въ сущности, уже ничтожна была вѣра въ его помощь въ душахъ самихъ революціонеровъ, достаточно прочесть „Объявленіе". — „Честнымъ мірянамъ, православнымъ крестьянамъ и всему народу русскому", выпущенное „Комитетомъ народной воли" 2-го марта. Стиль, подражающій правительственнымъ указамъ и манифестамъ; очевидная боязнь задѣть настроеніе царизма, предполагаемое въ душахъ „православныхъ крестьянъ"; умѣренность требованій (выборные отъ крестьянъ въ „Сенаты"—только и всего)—все это свидѣтельствуетъ о глубочайшей, жуткой неувѣренности авторовъ, объ ощущеніи ими своего трагическаго одиночества...

Тѣмъ же тономъ полной неувѣренности проникнуто и извѣстное „письмо къ Александру III", въ которомъ, за отсутствіемъ подлинныхъ либераловъ, сколько-нибудь дѣйственно настроенныхъ, народовольцамъ пришлось нарядиться въ либеральныя ризы... Послѣ кратковременнаго колебанія и размышленій о Лорисъ-Меликовской „конституціи", правительство вняло голосу знаменитаго оберъ-прокурора Св. Синода, и началась эпоха твердой власти и „національной политики"—эпоха, столь удачно символизируе-

мая памятникомъ, работы Трубецкого, на Знаменской площади въ Петербургѣ... Катковъ затянулъ свой „монологъ“, какъ выражался Михайловскій, требуя, и нерѣдко успѣшно, чтобы никакихъ иныхъ разговоровъ, звучащихъ не въ унисcонъ съ этимъ его монологомъ, не было. Настала пора 80-ничества — пора идейнаго кризиса въ средѣ интеллигенціи, пора идеологической *безкрылости,* и въ то же время—удушающей реакціи.

Наступленіе этой поры Щедринъ отмѣчаетъ въ мрачной главѣ своихъ очерковъ „За рубежомъ“, въ которой, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ молчанія, откликается на 1-е марта и его результаты. Намекнувъ на переполненные въ этотъ моментъ ссыльные пункты—„берега Пинеги и Вилюя“, — онъ продолжаетъ:

„По сцѣпленію идей, съ береговъ Пинеги и Вилюя, я перенесся на берега Невы и заглянулъ въ квартиру современнаго русскаго либерала... Увы! онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ одинъ, всѣми оставленный (ибо прочіе либералы тоже сидѣли, каждый въ своемъ углу, въ ожиданіи возмездія), и тревожно прислушивался, какъ бы выжидая: вотъ-вотъ звякнетъ въ передней колокольчикъ... Лицо его замѣтно осунулось и какъ бы выцвѣло противъ того, какъ я видѣлъ его мѣсяцъ тому назадъ, но губы все еще по привычкѣ шептали: „въ надеждѣ славы и добра...“ И куда это онъ все приглашаетъ, на что надѣется?.. Отъ либерала мысленно зашелъ на квартиру консерватора и засталъ тамъ цѣлое сборище... Шумѣли, пили водку, потирали руки, проэктировали мѣры по части упраздненія человѣческаго рода... Затѣмъ, я направился въ курную избу самарскаго мужика, но тутъ, даже не формулировавши вопроса, безъ оглядки побѣжалъ дальше“...

Немного ниже слѣдуетъ діалогъ-сновидѣніе о „Торжествующей свиньѣ“, которая чавкаетъ правду, а публика кругомъ вопитъ: „Любо! нажимай, свинья, нажимай! гложи ее! чавкай! ишь вѣдь распостылая, еще разговаривать вздумала!..“

Михайловскій называетъ этотъ моментъ „временемъ ужаса и чуть не повальнаго одурѣнія!..“ и восклицаетъ: „На что надѣяться? во что вѣрить? чего желать? къ чему стремиться?—все разбито, раздавлено...“

Свѣтъ утопій уже почти замеръ. Практическая попытка проложить дорогу къ ихъ осуществленію, стоившая такого напряженія, стольких жертвъ, привела къ кровавому фіаско. И вотъ должна начаться работа переоцѣнки прежнихъ вѣрованій и утвержденій... Само собою, однако, понятно, что такая могучая идеологія, какъ народничество, не могла сдаться сразу. Происходитъ процессъ какъ бы „сползанія“, медленнаго и постепеннаго сдвига, почти не ощутительнаго для тѣхъ самихъ, въ умонастроеніи кого этотъ сдвигъ происходилъ. Чисто *соціальный* утопизмъ народниковъ, мало-по-малу, переходитъ въ политическій либерализмъ и радикализмъ, лишь окрашенные пережитками прежней идеологіи; хотя терминологія остается прежняя, хотя прежнія формулы и отстаиваются, но самое содержаніе терминовъ и фор-

мулъ какъ бы подмѣнивается, приспособляясь къ новымъ объективнымъ возможностямъ и новымъ же субъективнымъ настроеніямъ. И если 80-ые годы надо опредѣлить, какъ годы окончательной ликвидаціи народничества, то 90-ые характеризуются постепеннымъ переходомъ отъ былого *соціально-утопическаго* мышленія къ мышленію *политическому*.

Чрезвычайно интересно прослѣдить, какъ мѣняется въ 80-ые годы характеръ дѣятельности трехъ корифеевъ 70-ничества, трехъ „учителей жизни", цитатами изъ которыхъ я характеризовалъ предыдущій періодъ.

Михайловскій продолжаетъ настаивать на своихъ формулахъ. Въ 1883 г. въ статьѣ о книгѣ В. В. „Судьбы капитализма въ Россіи" онъ еще почти цѣликомъ присоединяется къ „самобытническимъ" выводамъ автора и дѣлаетъ лишь такую оговорку:

„Безъ сомнѣнія, нашъ капитализмъ находится еще въ зачаточномъ состояніи, и въ данный историческій моментъ мы можемъ съ сравнительно большимъ удобствомъ выбирать характеръ своей экономической политики. Но положеніе о невозможности, химеричности нашего капитализма надо понимать съ тѣми ограниченіями, которыя я сейчасъ заимствовалъ у самого г. В. В.: эта невозможность далеко не абсолютная, и, можетъ быть, даже не совсѣмъ правильно называть ее невозможностью".

Однако, тутъ же прибавляетъ, что непонятно, къ кому собственно обращается г. В. В. со своими „совѣтами, одобреніями, указаніями": „Власть имѣющіе" во всякомъ случаѣ не отзовутся на нихъ, ибо настолько-то мы все-таки знаемъ ихъ виды, чтобы съ увѣренностью сказать, что „обобществленіе" труда при помощи капитала въ нихъ не входитъ..."

Въ 91 г. онъ уже признаетъ, что всѣ практическіе пути и средства, которыми располагаетъ интеллигенція, вся „борьба" съ надвигающимися явленіями, въ конечномъ счетѣ, сводятся только—къ „нравственно-политической ихъ расцѣнкѣ" публицистами...

И вотъ что особенно существенно. Въ писаніяхъ Михайловскаго, начиная съ 80-ыхъ годовъ, вы уже почти не встрѣчаете прежнихъ смѣлыхъ построеній, да и вообще теоретизація почти отсутствуетъ въ нихъ. Всѣ эти „Записки современника" (1881—1882 гг.) и „Письма посторонняго въ редакцію О. З." (1883—1884 гг.) оперируютъ съ частностями, иногда даже съ мелочами литературы и жизни. Это отчасти публицистическія статьи (полемика съ Аксаковымъ, Суворинымъ, Чичеринымъ и т. д.), но гораздо чаще — *критическія*, по поводу различныхъ литературныхъ явленій. Въ послѣднихъ преобладаетъ полемика, отрицательные отзывы, ибо литература 80-ничества—это литература „завѣдомо никому неродныхъ дѣтей", какъ выражался Михайловскій. И такъ пойдетъ и далѣе, до самаго конца его дѣятельности. Главный теоретикъ *критическаго народничества* превращается въ блестящаго публициста, въ горячаго критика-полемиста и только. Никакихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ *утвержденій* вы

въ эту пору у него не найдете. Онъ осыпаетъ ѣдкими сарказмами предводителей реакціоннаго лагеря, вездѣ и всюду борется за демократизмъ. Въ критическихъ статьяхъ отстаиваетъ царящій въ нашей литературѣ со времени Бѣлинскаго (въ его послѣднемъ періодѣ) принципъ *идейнаго, гражданскаго искусства,* ополчаясь на размножившихся въ эти годы поборниковъ „чистаго искусства"; призываетъ литературу къ жизни; высмѣиваетъ всѣ извращенія и фокусничество такъ называемыхъ *декадентовъ,* „новыя мозговыя линіи" г. Волынскаго, „мэоны" г. Минскаго; горячо и даже запальчиво опрокидывается на всякаго, отважившагося сколько-нибудь покуситься на дорогіе ему 60-ые и 70-ые годы. Но принципіально-новаго не даетъ уже ничего и даже прежнихъ утвержденій своихъ въ прямой и положительной формѣ не повторяетъ. Чисто критической—*полемикой и только полемикой*—была и его борьба съ марксизмомъ въ 90-ыхъ годахъ...

Благодаря огромному литературному таланту и блестящему уму, онъ до конца находился въ первыхъ рядахъ прогрессивной литературы, а вѣрнѣе являлся главой ея. 40 слишкомъ лѣтъ стоялъ онъ на „славномъ посту", говоря словами сборника, изданнаго въ годъ сорокалѣтняго его юбилея. Но этотъ „постъ", начиная съ середины 80-ыхъ годовъ, уже не былъ тотъ, какой онъ занималъ въ годахъ 70-ыхъ: изъ идеолога революціонной интеллигенціи, изъ „властителя" ея думъ и „учителя жизни", Михайловскій превратился въ литератора-демократа, для всѣхъ интереснаго и всѣмъ нужнаго, но никѣмъ уже не руководившаго въ смыслѣ опредѣленной практической программы, пріемлемой не только „къ свѣдѣнію", но и „къ исполненію"...

Да и могло ли быть иначе, если самъ онъ въ 1891 году высказывался такъ:

„О наличности какой-нибудь общественной задачи, которая соединяла бы въ себѣ грандіозность замысла съ общепризнанною возможностью немедленнаго исполненія, нечего въ наше время и говорить. Нѣтъ такой задачи. Но нѣтъ и гораздо меньшаго. А за отсутствіемъ общедоступныхъ точекъ приложенія для крупныхъ талантовъ, горячей проповѣди, страстной дѣятельности, на сцену выступаетъ вялая, холодная, безцвѣтная посредственность..."

Изъ большихъ критическихъ работъ Н. К. Михайловскаго, относящихся къ 80-мъ годамъ, надо поставить на первое мѣсто статьи: о Достоевскомъ („Жестокій талантъ"), объ Успенскомъ и о Лермонтовѣ („Герой безвременья"). Къ началу 80-ыхъ годовъ относится его теоретическое изслѣдованіе „Герои и толпа", въ которомъ онъ предвосхитилъ многія мысли Тарда о „подражаніи". Изъ статей позднѣйшаго періода отмѣчу „Литературныя воспоминанія" (особенно характеристику Елисеева) и маленькій, но удивительно тонкій этюдъ-характеристику „О послѣднихъ дняхъ Некрасова". Что касается новыхъ теченій 90-ыхъ годовъ, то здѣсь точка зрѣнія блестящаго семидесятника какъ бы оказывалась сли-

шкомъ узкой — *моралистскій,* по существу своему, синтезъ народничества не обнималъ, не вмѣщалъ въ себя такихъ явленій, какъ Ницше, Ибсенъ, кое-какіе положительные элементы декадентства. Недоброжелательно встрѣтилъ Михайловскій Чехова и еще менѣе доброжелательно Горькаго... Привычное *моралистское* мышленіе, свойственное его эпохѣ, побуждало его сводить все творчество Ибсена къ вопросамъ о *совѣсти* и *чести*, въ „переоцѣнкѣ цѣнностей" Ницше одобрить только его вражду къ „историзму", а все міросозерцаніе его квалифицировать, какъ настроеніе озлобленныхъ „отбросовъ" общества, „босяковъ и чалдоновъ". Совершавшійся въ эти годы переходъ отъ *морально-публицистическихъ* синтезовъ, которыми жили дотолѣ, къ синтезамъ *эстетико-философскимъ* былъ совершенно чуждъ и непонятенъ Михайловскому... (Объ этомъ переходѣ мнѣ придется говорить подробнѣе въ дальнѣйшемъ изложеніи). Не даромъ, выпуская свои очерки, къ 90-ымъ годамъ относящіеся, отдѣльнымъ изданіемъ, онъ въ самомъ заглавіи книги назвалъ новыя теченія *„Современной смутой"*...

Необходимо, однако, отмѣтить, что и въ этотъ періодъ неутомимая мысль его реагировала съ неослабѣвающей чуткостью на всѣ сколько-нибудь выдающіяся явленія какъ русской литературы, такъ отчасти и иностранной. Правда, онъ какъ бы упустилъ изъ виду Рёскина, Уайльда, Морриса и другихъ основоположниковъ новыхъ эстетико-философскихъ теченій, пользующихся теперь такимъ вниманіемъ русскаго читателя; однако, одинъ изъ первыхъ у насъ онъ заговорилъ о Ницше, нѣсколько разъ возвращаясь къ нему (какъ бы чувствуя неудовлетворительность первоначальныхъ опредѣленій), одинъ изъ первыхъ же заговорилъ объ Ибсенѣ и т. д.

Аналогична и эволюція творчества Глѣба Успенскаго. И онъ съ середины 80-ыхъ годовъ уже перестаетъ давать глубокія и широкія обобщенія. Въ немъ чувствуется очевидный переломъ. Съ закрытіемъ въ 84-мъ году „Отечеств. Записокъ" (отчасти по доносу Дегаева, указавшаго на причастность нѣкоторыхъ членовъ редакціи къ дѣятельности „Народной воли"), начинаются скитанія Успенскаго по разнымъ журналамъ, и вполнѣ *своего*, интимно близкаго, органа онъ уже найти не можетъ.

Успенскій печатается въ „Русской Мысли", въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", который не надолго попадаетъ въ руки Н. К. Михайловскаго, а затѣмъ, по его уходѣ, превращается въ органъ первыхъ нашихъ „мистиковъ-идеалистовъ" (Волынскій, Л. Гуревичъ, Мережковскій и др.). Но не только къ этому сводятся *скитанія* Успенскаго. Имъ какъ бы овладѣваетъ жажда провѣрки прежнихъ идей, и онъ расширяетъ кругъ своихъ наблюденій не только на всю Россію (Кисловодскъ, Чудово, Баку, Калуга, Новороссійскъ, Пермь, Козловъ, Рязань, Ростовъ, Одесса, Ялта, Москва, Казань, Воронежъ, Нижній, Самара, Томскъ, Бѣлгородъ, Минскъ, Владикавказъ и др.), но еще на Константинополь, Софію, Парижъ. И вотъ начинает-

ся въ его дѣятельности полоса „Путевыхъ замѣтокъ“ и „Путевыхъ очерковъ“, представляющихъ длинный рядъ всегда интересныхъ и вдумчивыхъ наблюденій, но не дающихъ прежней *сводки*, прежнихъ синтезовъ... Къ началу этого періода относятся серіи мелкихъ разсказовъ: „Пришло на память“, „Скучающая публика“, „Черезъ пень колоду“, великолѣпные очерки: „Буржуй“ и „Дохнуть некогда“. Чисто деревенскихъ замѣтокъ среди этихъ вещей очень немного. Центръ вниманія какъ бы перемѣщается. А дальше слѣдуютъ: „Письма изъ Сербіи“, „Поѣздки къ переселенцамъ“ (1888—1890 гг.), „Письма съ дороги“. Въ этотъ рядъ путевыхъ наблюденій только вкраплено нѣсколько деревенскихъ очерковъ (какъ „Живыя цифры“, „Четверть лошади“, „Ноль цѣлыхъ!“ и др.), гдѣ съ глубочайшей горечью отмѣчается оскудѣніе и гибель стараго деревенскаго уклада подъ вліяніемъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ производству на рынокъ, желѣзнодорожнаго сообщенія и прочихъ атрибутовъ надвигающейся промышленной фазы...

Очень интересно одно письмо Успенскаго къ Соболевскому, относящееся къ концу 80-ыхъ годовъ. Онъ пишетъ о своихъ литературныхъ планахъ, о задуманныхъ имъ трехъ очеркахъ. Въ первомъ онъ займется вопросомъ: „что будетъ?“—„Не что дѣлать, не „какъ жить на свѣтѣ“—этому ужъ *не время!*“—подчеркиваетъ Успенскій, какъ бы, помимо своей воли, отмѣчая переходъ въ новую полосу русской жизни, въ полосу реалистическаго изученія дѣйствительности, смѣнившаго былой моралистскій утопизмъ 70-ыхъ годовъ. А въ другомъ письмѣ сообщаетъ: „Я теперь поглощенъ хорошей мыслью, которая во мнѣ хорошо сложилась, *подобрала* и *вобрала* въ себя множество явленій, которыя сразу выяснились, улеглись въ порядкѣ. Подобно „Власти земли“, т.-е. условій трудовой народной жизни, мнѣ теперь хочется до страсти писать рядъ очерковъ „Власть капитала“... Вліянія эти опредѣленны, неотразимо ощущаются въ жизни неминуемыми явленіями. Теперь эти явленія изображаются цифрами, у меня же цифры и дроби превращены въ людей... Увѣренъ, что ужасность ихъ (этихъ явленій) будетъ понята читателями, когда статистическія дроби придутъ къ нимъ въ видѣ людей, изуродованныхъ и искалѣченныхъ“...

Эти широкіе планы остались неосуществленными. Частичное выполненіе ихъ надо видѣть въ тѣхъ очеркахъ съ „дробными“ заглавіями, которые я переименовалъ выше. Съ 1892 года Г. И. Успенскій уже ничего не печатаетъ: онъ заболѣваетъ психическимъ недугомъ и умираетъ въ 1902 г., за два года до смерти своего сподвижника, друга и отчасти вдохновителя Н. К. Михайловскаго...

Еще знаменательнѣе и, если хотите, символичнѣе—перемѣна, происходящая въ 80-ые годы въ творчествѣ Щедрина. Его сатира, въ 70-ыхъ годахъ преимущественно оперировавшая съ представителями власти, со всевозможными бюрократическими проектами „упорядо-

ченія“ или „искорененія“, обнажавшая душу господъ „ташкентцевъ“, „приготовительнаго“ и иныхъ „классовъ“, — теперь направляется въ сторону *„средняго человѣка“*, обывателя, въ сторону того диференціала, изъ котораго слагается общество. Еще въ послѣднихъ главахъ „За рубежомъ“ онъ заявляетъ, что теперь настала эпоха „простой злобы дня“, эпоха „зауряднаго дѣятеля современности, устроителя ея будничныхъ отношеній“...

„Этотъ средній человѣкъ,—поясняетъ сатирикъ,—именно и есть дѣйствительный объектъ исторіи. Для него пишетъ исторія свои сказанья о старой неправдѣ, для него происходитъ процессъ наростанія правды новой... ради него самоотвергаются тѣ исключительныя натуры, которыя носятъ въ себѣ зиждительное начало исторіи“.

Такимъ образомъ, зоркій глазъ Щедрина какъ бы прозрѣвалъ, что игнорировавшаяся дотолѣ толща общества, бездѣятельнаго и не игравшаго до тѣхъ поръ никакой роли, въ ближайшемъ будущемъ должна занять свое мѣсто въ оцѣнкахъ дѣйствительности, ибо этому „мѣщанину“, этому обывателю, этой буржуазіи словомъ, — настала очередь вмѣшаться въ жизнь, явиться конечной инстанціей при рѣшеніи исторической тяжбы между свободолюбивой интеллигенціей и властью... Въ 80-хъ годахъ пишутся, кромѣ окончанія „За рубежомъ“,—„Мелочи жизни“, характерныя уже по одному своему заглавію и посвященныя именно обывательской средѣ, буднямъ, всему сплетенію житейскихъ условій, въ сѣтяхъ которыхъ бьется *средній человѣкъ*, отъ обитателя салоновъ и воспитанницъ привиллегированныхъ пансіоновъ—до мужика и пролетарія. Въ „Мелочахъ жизни“ раздается угрожающее предостереженіе: „Чумазый идетъ, идетъ!.. И даже уже пришелъ. Идетъ съ фальшивой мѣрой, съ фальшивымъ аршиномъ и неутомимой алчностью... Сдается, что придется еще пережить эпоху чумазовскаго торжества, чтобы понять всю глубину обступившаго массы злосчастья“!.. Слѣдующая за „Мелочами жизни“ — „Современная идиллія“ посвящена темѣ обывательскаго „гоженія“, т.-е. пассивнаго уклоненія отъ всякаго вмѣшательства въ жизнь,—трусливаго и пошлаго намѣреннаго самопогруженія въ тину житейскихъ мелочей и корысти... Въ „Пестрыхъ письмахъ“ прослѣживаются всевозможные типы и разряды неопредѣлившихся, спутаннаго настроенія людей, которые, въ силу этой „пестроты“ своей, являются лучшей опорой реакціи, являются матеріаломъ, абсолютно лишеннымъ свойства сопротивленія и весьма опаснымъ, ибо людямъ идеи совершенно невозможно на нихъ положиться: „Не на кого положиться, не во что вѣрить: вездѣ шатаніе, пустодушіе, пестрота“...

Въ эти же годы пишется грустно эпическая по тону „Пошехонская старина“.

Тонъ сатирика къ этому времени вообще изъ бичующе-саркастическаго все больше переходитъ въ тоскливо-скорбный и созерцательный, что особенно чувствуется въ его трагическихъ „Сказкахъ“ и въ „Сборникѣ“. А въ предсмертныхъ „Забы-

тыхъ словахъ“ (1889 г.), которыя остались неоконченными, слышится уже подлинный вопль разбитаго жизнью мыслителя, нѣкогда сочетавшаго „головокружительно-идеалистическія перспективы съ реально-конкретнымъ дѣломъ“, а теперь утратившаго эти перспективы и только скорбно напоминающаго интеллигенціи о великихъ словахъ, потерявшихъ *для нея* свое обаяніе...

III.

„Восьмидесятничество“.—Его органъ—„Недѣля“.—Схема эволюціи народничества.

80-ые годы, по справедливости, могутъ быть названы „десятилѣтіемъ *о среднемъ человѣкѣ*“, какъ озаглавилъ одну главу своихъ этюдовъ о Щедринѣ В. П. Кранихфельдъ. Именно къ нему, *среднему человѣку*, направляется вниманіе всего художества, всей литературы, всей идеологіи того времени. И самое типичное направленіе этого времени—это направленіе „Недѣли“, Гайдебурова и Абрамова, направленіе серединной, умѣренной, культуртрегерской интеллигенціи, отчасти окрашенное народничествомъ, которое, однако, было совершенно лишено того идейнаго размаха, той революціонности и яркости, какою обладали народники-семидесятники. Все здѣсь было тускло и мизерно: и пропаганда „реабилитаціи дѣйствительности“, и теорія „малыхъ дѣлъ“ и „средняго человѣка“ (терминологія Абрамова), и крохоборческая радость по поводу грошевыхъ „отрадныхъ явленій“. И, однако, думается, надо признать, что этотъ органъ имѣлъ и нѣкоторое положительное значеніе. Въ моментъ, когда высокіе идеалы народничества революціоннаго разсѣивались, какъ фата-моргана, когда интеллигенція начинала переживать трагическое сознаніе своего безсилія и закрытости всѣхъ путей, недавно столь заманчиво ей предлежавшихъ,—эта проповѣдь небольшихъ практическихъ начинаній, это культурничество все же могли пригодиться, могли спасать отъ окончательной прострации многочисленныхъ культурныхъ работниковъ—учителей, врачей, земцевъ, въ чьей средѣ, главнымъ образомъ, и распространялась „Недѣля“. А лозунгъ „реабилитаціи дѣйствительности“, пожалуй, былъ шагомъ впередъ, шагомъ въ сторону реалистически-трезваго анализа дѣйствительности, который долженъ былъ явиться на смѣну прежней романтикѣ и утопіямъ... Отвратительной и вредоносной стороной этого „недѣльнаго направленія“ (какъ каламбурилъ Михайловскій) было то, что оно трезвость превращало въ *трезвенность*, съ гордостью провозглашая свое „новое слово“, возводило свою *безкрылость* и безъидейность въ идеалъ, предаваясь тусклому самодовольству, не реабилитировало только дѣйствительность, а *примиряло* съ ней и, будучи абсолютно аполитическимъ, принижало мысль и жажду протеста.

Вотъ типическій образчикъ „недѣльной“ литературы изъ статьи

„Новое литературное поколѣніе", относящейся къ 1886 г.:

„Новое поколѣніе (80-ыхъ годовъ) родилось скептикомъ, и идеалы дѣдовъ и отцовъ оказались надъ нимъ безсильными. Оно не чувствуетъ ненависти и презрѣнія къ обыденной человѣческой жизни, не признаетъ обязанности быть героемъ, не вѣритъ въ возможность идеальныхъ людей. Всѣ эти идеалы—сухія, логическія произведенія индивидуальной мысли, и для новаго поколѣнія осталась только дѣйствительность, въ которой ему суждено жить и которую оно потому и признало. Оно приняло свою судьбу спокойно и безропотно, оно прониклось сознаніемъ, что все въ жизни вытекаетъ изъ одного и того же источника—природы, все являетъ собою одну и ту же тайну бытія, возвращается къ пантеистическому міросозерцанію"...

Въ „направленіе" органа восьмидесятниковъ „Недѣли" вливались двѣ струи, обѣ порожденныя разочарованіемъ въ широкихъ революціонно-народническихъ теоріяхъ, съ одной стороны, и приспособленіемъ къ политическому моменту—съ другой. Одна струя была своеобразнымъ продолженіемъ народничества предыдущей полосы. Откинуты были всѣ творчески - дѣйственные или революціонные элементы, а идеализація „устоевъ" крестьянской жизни, преклоненіе передъ общиной и артелью еще усилились, какъ бы компенсируя убыль творческихъ заданій. Это было направленіе эпигоновъ, „послѣдышей„ народничества (Юзова, нѣкоего Д. Ж. и др.), отрицавшихъ интеллигенцію, писавшихъ о пріоритетѣ чувства надъ разумомъ; г. Д. Ж. приглашалъ интеллигенцію отказаться отъ „умственной работы, которая всегда не свободна", и заняться „свободнымъ трудомъ" лавочника, землевладѣльца и т. д. Юзовъ усиленно полемизировалъ съ „критическими народниками", особенно съ Михайловскимъ, называя его направленіе „бюрократическимъ народолюбчествомъ", ополчался на Михайловскаго за то, что онъ-де самозванно берется защищать *интересы* народа, по интеллигентски „научно" понятые, и совершенно не считается съ *мнѣніями* народа... Свою достаточно сбивчивую теорію, изложенную сначала въ рядѣ статей, Юзовъ въ началѣ 90-ыхъ годовъ напечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Основы народничества". Интереснымъ въ его писаніяхъ является, пожалуй, только точное обозначеніе различія между двумя давнишними теченіями народничества. Именно такъ: одни преклонялись передъ „мнѣніями" народа, растворяя въ этихъ мнѣніяхъ свою личную мысль, отказываясь отъ науки и опыта Запада; другіе, критическіе народники, искали синтеза между обоими началами и по-своему утилизировали европейскую науку для расцѣнки мнѣній народа и для практическаго использованія, въ его же интересахъ, уцѣлѣвшихъ у насъ первобытныхъ формъ народной жизни. Первые были, по существу, аполитическими мыслителями, вторые въ пунктѣ о политической свободѣ къ концу 70 - ыхъ годовъ капитулировали передъ Западомъ, хотя и смотрѣли на эту свободу, лишь какъ на средство для проложенія своихъ „особыхъ" путей. Родоначальникомъ своимъ поборники „мнѣній" имѣли лирическаго народника Златоврат-

скаго. И именно изъ его лиризма вытекла струя „недѣльныхъ“ эпигоновъ, фактически совершенно отрѣшавшихся отъ общественности, ибо все „бунтарство“ г. Юзова, напримѣръ, было лишь чисто академическимъ пережиткомъ 70-ыхъ годовъ...

Нѣсколько особую позицію занялъ авторъ „Судебъ капитализма въ Россіи“ г. В. В. (В. П. Воронцовъ); сотрудникъ „Отеч. Записокъ“, во многомъ соприкасавшійся съ „недѣльнымъ“ Юзовымъ. Онъ допускалъ лишь частичное и незначительное у насъ развитіе капиталистической промышленности, лишь въ нѣсколькихъ покровительствуемыхъ государствомъ отрасляхъ ея, а остальную Россію перестраивалъ все на тѣхъ же основахъ общины и артели, отрицая возможность развитія у насъ крупнаго землевладѣнія. Какъ соціалистъ, онъ допускалъ, что фабричный пролетаріатъ и у насъ, подобно Европѣ, обобществитъ производство въ указанныхъ отрасляхъ, а въ области аграрнаго вопроса былъ типичнымъ народникомъ. Но, какъ типично аполитическій мыслитель, онъ отрицалъ необходимость политической свободы („укрѣпляющей буржуазію“) и провозглашалъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что только самодержавіе можетъ осуществить свободу слова, немыслимую при конституціонномъ режимѣ...

Другая струя „Недѣли“ — или „восьмидесятничества“ вообще—носила лишь слабый колеръ народничества, лишь въ видѣ *тяги въ деревню*, а по существу, была чисто культуртрегерской. Она не отвертывалась отъ общественности; призывала къ земской дѣятельности, но прежде всего игнорировала политику, не ставила задачи расширять наличныя рамки культурной работы, предоставленныя даннымъ строемъ, а примирялась съ узостью этихъ рамокъ и, перегибая дугу, отрекаясь отъ недавняго революціоннаго утопизма, вдавалась въ *практицизмъ*, слѣпой, кротовій, самодовлѣющій и при наличныхъ условіяхъ тоже утопическій. Наиболѣе виднымъ и крикливымъ представителемъ этой струи былъ Я. Абрамовъ.

Изъ эпигоновъ народничества упомяну еще о С. Н. Кривенко, сотрудникѣ „Слова“ и затѣмъ „Рус. Богатства“, который въ 90-ыхъ годахъ одно время редактировалъ послѣ Л. Оболенскаго „Новое Слово“: онъ сочеталъ Юзова съ Абрамовымъ, воспѣвая „культурныхъ одиночекъ“ и т. п.

Въ тѣ же восьмидесятые годы Левъ Толстой, отказавшійся въ своей „Исповѣди“ отъ художественнаго творчества, начинаетъ свою проповѣдь „опростительства“, нравственной обязательности физическаго труда, необходимости для интеллигенціи „омужичиться“. И эта проповѣдь находитъ себѣ откликъ, и оставшаяся безъ идейныхъ помочей, разочарованная интеллигенція „садится на землю“, продѣлываетъ „три упряжки“, основываетъ „колоніи толстовцевъ“. Въ „толстовствѣ“, какъ и въ только что описанныхъ теченіяхъ, можно усмотрѣть логическую связь съ общими предпосылками народнической идеологіи. Въ „тостовствѣ“ проявлялъ

себя тотъ же паѳосъ преклоненія передъ „мнѣніями" народа, передъ „народной правдой", которую мы видѣли, хотя бы у Златовратскаго и Юзова. Затѣмъ, Толстой въ своей проповѣди „опростительства" лишь доводилъ, съ присущимъ ему безстрашіемъ мысли, до ихъ логическаго конца народническія тенденціи „барскаго покаянія" и самоотрицанія, ученія объ уплатѣ „долга" народу. Въ обстановкѣ 80-ыхъ годовъ, когда сила „внѣшнихъ искусственныхъ преградъ", сила правительства, дѣлала совершенно немыслимыми иные, революціонные пути уплаты, когда героически настроенные утописты поистинѣ расшибали себѣ обнаженныя груди объ каменную стѣну, какъ рисуетъ въ своемъ очеркѣ „Стѣна" Л. Андреевъ, для уплаты историческаго долга оставалось только одно средство: полное самоотрицаніе, полный немедленный отказъ отъ „роли ароматнаго цвѣтка, поглощающаго лучшіе соки растенія". И интеллигенція, при ея глубоко моралистской закваскѣ, воспитанной всѣми предшествующими періодами народничества, естественно, шла за Толстымъ... Наконецъ, и основная моральная идея, высшая цѣнность въ скрижали народническихъ цѣнностей, аскетическій принципъ *самопожертвованія*, Рахметовскій принципъ, на которомъ сходились такіе, казалось бы, различные оттѣнки народнической идеологіи, какъ Достоевскій, Толстой, съ одной стороны, Степнякъ, Михайловскій, Успенскій—съ другой, при упадкѣ дѣйственнаго энтузіазма, когда въ безсиліи складывались революціонныя крылья,—естественно превращался въ идею „непротивленія злу насиліемъ"—эту основную идею ученія Толстого. И эта идея такъ же находила широкій откликъ въ разбитыхъ сердцахъ интеллигентныхъ восьмидесятниковъ...

Можно нарисовать слѣдующую общую схему эволюціи народничества отъ времени его нарожденія до эпохи распада. Идеализація общины и „устоевъ" у основоположника направленія Герцена, романтическое трактованіе деревни Григоровичемъ, а затѣмъ *реалистическіе*, отрезвляющіе тона Рѣшетникова и пессимизмъ Николая Успенскаго; съ другой стороны, отрицаніе интеллигенціи у Добролюбова и Писаревская апологія „мыслящаго реалиста".—Это начальная стадія.

Ея антагонистическіе элементы сводятся къ единству въ эпоху „критическаго" народничества, у Успенскаго и Михайловскаго:—въ признаніи общины *съ оговорками*, въ допущеніи лишь *условныхъ* возможностей; въ идеѣ объ нахожденіи своего *я*, при отдачѣ его на служеніе народу; въ ощущеніи „гармоніи" въ „дѣвушкѣ почти монашескаго типа"; въ своеобразномъ отождествленіи понятій *труда* и *личности*, которое дѣлалъ Михайловскій („Служа народу, вы служите просто труду, слѣдовательно, между прочимъ, и самому себѣ")... Такова средняя стадія.

Въ эпоху ликвидаціи этотъ синтезъ распадается на свои составные элементы: опять, съ одной стороны, отрицаніе интеллигенціи („толстовство", Юзовъ), съ другой—въ обкарнанномъ и обуженномъ видѣ—тотъ же „мыслящій реалистъ" въ лицѣ

культуртрегеровъ, реабилитирующихъ дѣйствительность и совершающихъ „малыя дѣла", и опять въ потускнѣвшемъ видѣ, но *романтика*—въ теоріяхъ Юзова, а вмѣсто реализма — *трезвенность* Гайдебурова, Абрамова и др... Конечная фаза, такимъ образомъ, аналогична начальной...

Я ограничусь этимъ общимъ абрисомъ умонастроенія русской демократической интеллигенціи въ 80-хъ и первой половинѣ 90-хъ годовъ. Добавлю только, что дѣло этими теченіями не исчерпывалось. Наиболѣе активная часть интеллигенціи сначала упорно держалась за знамя „критическаго народничества". „Народная воля" существовала до 84 г. (арестъ В. Н. Фигнеръ). Въ 87 г. партія снова сдѣлала попытку возродиться. Но ни психологической, ни реальной почвы это теченіе уже не находило. А идеологи „критическаго народничества", какъ я отмѣчалъ, на примѣрѣ Н. К. Михайловскаго, постепенно превращались въ политическихъ радикаловъ и только радикаловъ [1]).

IV.

Беллетристы 80-ыхъ годовъ.—Моментъ *перелома*—творчество Надсона и Гаршина.

Перехожу къ беллетристамъ-восьмидесятникамъ.

На рубежѣ 70-хъ и 80-хъ годовъ стоятъ два художника слова: поэтъ С. Я. Надсонъ и прозаикъ В. М. Гаршинъ.

Если бы какой-нибудь геніальный беллетристъ писалъ историческую повѣсть изъ эпохи этихъ годовъ, то врядъ ли ему удалось бы создать двѣ фигуры, столь полно и характерно воплощающія эти годы перелома, этотъ рубежъ, этотъ моментъ утраты народническихъ вѣрованій, „помраченія" недавно лучезарнаго солнца утопіи...

„Онъ вышелъ въ сумерки. Прощальный
Лучъ солнца въ тучахъ догоралъ;
Казалось... факелъ погребальный
Ему дорогу освѣщалъ.
Въ темь надвигающейся ночи
Вперивъ задумчивыя очи,
Онъ видѣлъ—смерть идетъ...
Хотѣлъ
Тревоги сердца успокоить,
И хоть не могъ еще настроить
Всѣхъ струнъ души своей,—запѣлъ"...

Этими строфами Полонскаго, написанными на смерть „юноши поэта", прекрасно характеризуется непродолжительная—восьмилѣтняя—дѣятельность Надсона. Онъ начинаетъ писать очень рано, съ 16 лѣтъ, и сразу выступаетъ съ типическими своими чертами. Уже въ первомъ „шестнадцатилѣтнемъ" его стихотвореніи „На зарѣ" (1878 г.) упоминаются: „грудь больная, полная тоской", „надеждъ разбитыхъ безотрадный рой", „злобныя сомнѣнія, отравившія вѣру въ счастье и людей". Но тутъ же и призывъ:

„Не пройдетъ безплодно тяжкая борьба,
И зарею ясной запылаетъ время,
Время свѣтлой мысли, правды и труда".

---

[1]) Въ серединѣ 80-хъ годовъ появляются и первые ростки русскаго марксизма. Объ нихъ я упоминаю ниже въ связи съ теченіями 90-хъ годовъ.

Въ еще наивной, дѣтски-безпомощной формѣ здѣсь прозвучали уже двѣ основныя ноты, къ которымъ сводится почти вся поэзія Надсона. Внутренняя борьба, сомнѣнія „сумеречной" эпохи и призывы къ себѣ и другимъ, побуждающіе вѣрить, бороться... Вскорѣ форма будетъ очень выработанная, можетъ быть, даже чрезмѣрно „гладкая", подчасъ лишенная интимности, злоупотребляющая *публицистическими* общими мѣстами. Но тѣ же два мотива будутъ звучать безсмѣнно—до конца. Можно сказать, что этими двумя красками исчерпывается небогатая поэтическая палитра безвременно на 25-мъ году умершаго поэта.

Вотъ стихотвореніе „зрѣлой" поры—1885 г. (Надсонъ родился въ 1862 г.):

О неужели будетъ мигъ,
Когда и эти дни страданья,
Я помяну, уже старикъ,
Тепломъ въ часы воспоминанія,
И подъ тяжелой ношей дней,
. . . .
Я пожалѣю и о ней,
Объ этой юности безсильной?

И дальше ставится вопросъ: „я развѣ жилъ?"—и дается отвѣтъ:

...„Не такъ живутъ!
Я спалъ—и всѣ позорно спали...
Что мы свершили, гдѣ нашъ трудъ?
Какое слово мы сказали?
Нѣтъ, не зови ты насъ впередъ...
Назадъ! тамъ жизнь полнѣй кипѣла,
Тамъ роковыхъ сомнѣній гнетъ
Не отравлялъ святого дѣла.

Или на ту же тему:

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ.

А рядомъ призывъ вѣрить, какъ вѣрили недавно:

Дай мнѣ жгучія муки принять,
Брось меня на страданье, на смерть, на позоръ,
Только бы полною грудью дышать,
Только бы вспыхнулъ отвагою взоръ!..

Иногда сплетаются одновременно оба мотива:

Онъ мнѣ знакомъ, твой путь... лишенія, тревоги,
Въ измученной груди немолчный стонъ „за что?"
А послѣ, какъ сведешь послѣдніе итоги,
Поруганная жизнь и жалкое ничто...
И все-таки иди—и все-таки смѣлѣе...
Иди на тяжкій крестъ, иди на подвигъ твой,
И пусть безплоденъ онъ, но жизнь другимъ свѣтлѣе,
Молясь предъ чистою, возвышенной душой!

Послѣдніе стихи отзываются уже тѣмъ „героизмомъ отчаянія" которыми полно творчество П. Якубовича—поэта „разбитой Народной воли"... Еще опредѣленнѣе звучитъ этотъ мотивъ въ стихотвореніи послѣдняго года Надсона—„Икаръ":

Пусть это только мигъ, короткій, бѣглый мигъ,
И послѣ—гибель безъ возврата,
Но за него—такъ былъ онъ чуденъ и великъ,
И смерть—не дорогая плата!

„Гражданскій паѳосъ" Надсона всегда такого пошиба: это не энтузіазмъ, *задаромъ* полученный отъ эпохи, проникающій въ душу изъ окружающей атмосферы,—это уединенная, внутренняя работа надъ собой, стараніе „воспитать" себя въ духѣ недавно царившаго настроенія, какъ бы гальванизировать это умирающее въ себѣ и другихъ—настроеніе. Отсюда невольная подчасъ афектированность нѣкоторыхъ его стиховъ, въ которой чувствуется волевое уси-

ліе, преднамѣренность, сознательное желаніе поднять себя до опредѣленнаго тона...

Народническихъ мотивовъ, въ подлинномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ у Надсона. О народѣ онъ почти не упоминаетъ, если не считать общихъ формулъ „народное счастье“ и т. п. Можетъ быть, тутъ сказалась и личная судьба рано заболѣвшаго чахоткой поэта, большинство своихъ произведеній писавшаго въ лѣчебныхъ пунктахъ, въ Швейцаріи, Италіи, въ Крыму — вдали отъ близкихъ друзей и народа,—но отъединенность, тоскливое одиночество постоянно звучатъ въ его стихахъ..

А какіе пути онъ видитъ для осуществленія своихъ чаяній?—

Гдѣ жъ ты вождь и пророкъ?.. О приди,
И стряхни эту тяжесть удушья и сна!

Или:

Напрасная мечта! Пророковъ нѣтъ... Мельчая,
Не въ силахъ ихъ создать ничтожная среда...

Вотъ и все по части путей и возможностей.. И бѣдному поэту приходится ограничиваться только призывами „вѣрить“ въ какое-то неопредѣленное торжество правды и любви:

Вѣрь настанетъ пора, и погибнетъ Ваалъ,
И на землю вернется любовь..

Глубже, искреннѣе звучатъ скорбные мотивы, и болѣе *простыя* находитъ Надсонъ слова для ихъ выраженія:

Друзья, я былъ слѣпцомъ! Несбыточнымъ мечтаніемъ
Я долго разумъ мой болѣзненно питалъ.
Я долго вѣрилъ въ то, во что, какъ въ бредъ, и дѣти
Не вѣрятъ въ наши дни...

Интересно, что Надсонъ очень дорожилъ своимъ „Геростратомъ“ и горячо сѣтовалъ на друзей, не помѣстившихъ этой пьесы въ первый сборникъ его стихотвореній (1885 г.): „тѣнь“ Герострата, говорится въ стихотвореніи, „близка душѣ огнемъ своихъ страданій“,—поэтъ любитъ его „одинокія, безжалостныя сомнѣнія“...

Что настроеніе Надсона не было исключительнымъ, индивидуальнымъ, это ясно изъ того огромнаго успѣха, который имѣли его стихотворенія именно въ средѣ радикальной интеллигенціи. Въ теченіе второй половины 80-хъ годовъ и первой половины слѣдующаго десятилѣтія онъ былъ излюбленнымъ поэтомъ въ этой средѣ. Такія стихотворенія его, какъ „Другъ мой, братъ мой“, „Завѣса сброшена“ и др. заучивались молодежью наизусть. Первое стихотвореніе въ 90-хъ годахъ можно было часто видѣть нацарапаннымъ на стѣнахъ тюремныхъ камеръ... Это показываетъ, что онъ выразилъ именно общераспространенное настроеніе, нащупалъ общій лиризмъ передовыхъ кружковъ того времени. Дѣло тутъ не въ художественности этихъ пьесъ: эти особенно популярныя „гражданскія“ стихотворенія, въ смыслѣ художественномъ, у него слабѣе чисто лирическихъ, интимныхъ мотивовъ. Изъ послѣднихъ особенно удачны тѣ, въ которыхъ вспоминается юношеская любовь поэта — рано умершая дѣвушка И. М. Д.,—а также пьесы съ картинками крымской природы.

Напомню одну изъ такихъ чисто лирическихъ вещей:

Все это было, но было какъ будто во снѣ:
Были нѣжныя ласки и тайныя встрѣчи...
Личико дѣвушки кротко склонялось ко мнѣ,
Тонкія блѣдныя руки ложились на плечи...
Въ сумеркахъ вечера глухо рыдала рояль,
Лампа свѣтила на книгу родного поэта...
и т. д.

Другой выразитель той же „сумеречной" эпохи, В. М. Гаршинъ, можетъ быть названъ *братомъ* Надсона и по мотивамъ творчества и по судьбѣ. Онъ былъ старше Надсона на 7 лѣтъ. Какъ и тотъ, писалъ всего какихъ-нибудь 9 лѣтъ; пять разъ въ этотъ промежутокъ времени заболѣвалъ психически и въ припадкѣ ипохондріи покончилъ съ собою въ мартѣ 1888 г., переживъ Надсона всего на 1 годъ. Мотивы его творчества—тѣ же надтреснутые, подточенные сомнѣніями порывы, та же оглядка на „мельчающую" среду и попытки жить ускользающими изъ души настроеніями недавняго прошлаго. Однако, рѣзкая разница между ними—это *стиль*. Стиль Гаршина застѣнчиво робокъ и простъ, чуждъ не только фразы, но и простыхъ восклицаній, почти повышеній голоса. Чарующая простота и задушевность — вотъ коренныя, типическія черты этого писателя. И, можетъ быть, въ силу этого, впечатлѣніе отъ его очерковъ еще болѣе скорбное, нежели отъ Надсоновской поэзіи, словно еще осязательнѣе обнаруживается въ нихъ та пустота, которая разверзалась на мѣстѣ недавней всеобъемлющей вѣры.

Первый же маленькій разсказъ „Четыре дня" (эпизодъ изъ русско-турецкой войны), напечатанный въ 1877 г. въ „Отеч. Зап.", создаетъ Гаршину популярность, которая растетъ съ каждымъ дальнѣйшимъ очеркомъ. Ихъ немного, этихъ маленькихъ очерковъ. Всѣ они, вмѣстѣ съ нѣсколькими замѣтками о художественныхъ выставкахъ, составляютъ три небольшихъ томика, изъ которыхъ въ третьемъ значительную часть занимаетъ біографія Гаршина. Но тѣмъ не менѣе, они даютъ удивительно цѣлостный и полный образъ автора. Въ смыслѣ темъ, Гаршинъ только немного богаче Надсона. Тургеневъ, сочувственно встрѣтившій его дебюты, писалъ, что онъ страдаетъ отсутствіемъ *выдумки*. Гаршинъ, дѣйствительно, писалъ почти лишь о пережитомъ. Значительная часть его писаній трактуетъ войну, пережитую авторомъ: Гаршинъ кончалъ технологическій институтъ, когда она разразилась, бросилъ экзамены, поѣхалъ добровольцемъ въ дѣйствующую армію и въ первомъ же сраженіи былъ раненъ. Впечатлѣніямъ отъ войны и военной жизни вообще, помимо уже упомянутаго очерка, которымъ Гаршинъ дебютировалъ, посвящены: „Трусъ", „Деньщикъ и офицеръ", „Изъ воспоминаній рядового", „Аяслярское дѣло", отчасти и „Очень коротенькій романъ". Изъ „мирныхъ" очерковъ Гаршина— „Встрѣча" трактуетъ тему объ „измельчаніи среды", рисуетъ свиданіе послѣ долгой разлуки двухъ пріятелей, изъ которыхъ одинъ вѣренъ юношескимъ идеямъ, а другой уже „приспособился" къ жизни, обмѣщанился. Въ „Художникахъ" въ образахъ двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ дебатируется вопросъ, раздѣлявшій на два лагеря нашихъ писателей и художниковъ — вопросъ объ „идейномъ" и „чистомъ искус-

стзѣ“. Въ тѣ годы поклонники послѣдняго рода искусства поднимали довольно высоко голову. Гаршинъ былъ склоненъ рѣшать вопросъ въ традиціонномъ духѣ, въ духѣ народническаго искусства. Рябининъ, пишущій рабочаго котельщика („глухаря“), терзается надъ картиной до того, что психически заболѣваетъ. Пейзажистъ Глѣбовъ занятъ только красивыми „пятнами“. Авторъ надѣляетъ перваго и большимъ талантомъ, и большей глубиною натуры... Но въ концѣ повѣсти какъ бы оказывается, что примирить искусство съ идейнымъ настроеніемъ не такъ легко: Рябининъ бросаетъ живопись и становится народнымъ учителемъ... Такъ что позиція Гаршина въ этомъ вопросѣ совсѣмъ не боевая, и еще менѣе—торжествующая... Очеркъ „Ночь“ изображаетъ мучительныя душевныя терзанія интеллигента, почувствовавшаго, что онъ опускается, гибнетъ духомъ. Онъ уже близокъ къ самоубійству. Но звонъ церковныхъ колоколовъ пробуждаетъ въ немъ душевную свѣжесть, напоминаніемъ о дѣтствѣ, и наступаетъ просвѣтлѣніе, рѣшеніе обновиться. И какъ разъ этого момента не выдерживаетъ сердце—разрывается. Лиризмъ—совсѣмъ Надсоновскій, только еще углубленный и болѣе мрачный... Дважды обращается Гаршинъ къ темѣ о падшей женщинѣ, доведенной жизнью до отчаянія и озлобленія. Очеркъ „Происшествіе“ рисуетъ сложную и гордую натуру, въ самомъ паденіи своемъ сохраняющую свою гордость: Надежда Николаевна отказывается отъ „опоры“ тихаго, беззавѣтно влюбленнаго въ нее мелкаго чиновника, а тотъ стрѣляется... Повѣсть, названная по имени героини—„Надежда Николаевна“, является какъ бы продолженіемъ очерка. Здѣсь вплетается интересная тема: мечта художника о Шарлотѣ Корде. Образъ французской героини не даетъ покоя художнику. Онъ начинаетъ картину, но не находитъ сколько-нибудь подходящей натурщицы... Въ этой темѣ есть что-то интимно-гаршинское: безсильное, безысходное тяготѣніе къ дѣйственному героическому идеалу, осуществить который такъ трудно... Встрѣтившись случайно съ Надеждой Николаевной, художникъ находитъ въ ней идеальное воплощеніе своей мечты и начинаетъ писать ее. Съ болѣзненной робостью идетъ сближеніе между ними. Но въ самый день, когда они признаются другъ другу въ любви, прежній знакомецъ Надежды Николаевны врывается въ мастерскую и въ порывѣ ревности убиваетъ дѣвушку, ранитъ художника и самъ падаетъ отъ его руки... Той же интимной темѣ, которая лишь вплетена въ этотъ разсказъ, цѣликомъ посвящены двѣ символическихъ вещи Гаршина: „Attalea princeps“ и „Красный цвѣтокъ“. Запертая въ оранжереѣ пальма захотѣла „видѣть небо и солнце не сквозь эти рѣшетки и стекла“, и, вопреки хихиканію и сварливымъ предостереженіямъ своей „среды“, доросла до верхнихъ стеколъ и сломала ихъ гордой вершиной. Небо оказалось—„холоднымъ и грязнымъ осеннимъ небомъ, падали снѣжинки:“ „Attalea поняла, что для нея все было кончено. Она застыла... Вернуться снова подъ крышу? Но она уже не

могла вернуться. Она должна была стоять на открытомъ вѣтрѣ, чувствовать его порывы и острое прикосновеніе снѣжинокъ". Директоръ оранжереи приказываетъ ее спилить...

„Attalea" написана Гаршинымъ въ 1879 г. Съ безнадежной грустью символизировалъ онъ въ этой пальмѣ и ея судьбѣ—трагическую судьбу террористовъ. Аналогія съ Надсоновскимъ мотивомъ, отмѣченнымъ мною выше, полная: „Иди на тяжкій крестъ, иди на подвигъ твой... пусть безплоденъ онъ", и т. д.

И если Надсонъ тщетно ждалъ и искалъ „пророка", который указалъ бы путь, исходъ изъ бездорожья, то Гаршинъ далъ только одну фигуру, знающую практическій путь—душевно-больного въ чудесномъ очеркѣ „Красный цвѣтокъ". Больному кажется, что красный цвѣтокъ, растущій въ цвѣтникѣ больничнаго сада, есть все зло міра: „Онъ впиталъ въ себя всю невинно пролитую кровь, всѣ слезы, всю желчь человѣчества... Нужно было сорвать его и убить". Больной спряталъ его у себя на груди. Онъ надѣялся, что къ утру цвѣтокъ, потеряетъ всю свою силу: „Его зло перейдетъ въ его грудь, его душу и тамъ будетъ побѣждено или побѣдитъ, тогда, самъ онъ погибнетъ, умретъ, но умретъ, какъ честный боецъ, какъ первый боецъ человѣчества, потому что до сихъ поръ никто не осмѣливался бороться разомъ со всѣмъ зломъ міра". Цвѣтковъ на клумбѣ было три. Сорвавъ послѣдній изъ нихъ, больной умираетъ, надорвавъ свои силы... Краски здѣсь еще мрачнѣе, чѣмъ въ сказкѣ о пальмѣ. И не мудрено, потому что „Красный цвѣтокъ" написанъ въ 1883 г.

Изъ разсказовъ о войнѣ самый большой и лучшій, въ смыслѣ художественной обработки,—„Изъ воспоминаній рядового". Въ общемъ, это наименѣе окрашенная гаршинскимъ *трепетнымъ лиризмомъ* вещь. Тутъ всего больше бытового матеріала; интересны типы солдатской среды и тонко задуманная сложная фигура одновременно презирающаго и любящаго солдатскую толпу офицера Венцеля. Но именно въ этой вещи Гаршинъ „проговаривается"—такъ сказать—о двухъ думахъ, наиболѣе глубоко залегшихъ въ его душу. Какъ шелъ на войну самъ Гаршинъ, такъ и всѣ его добровольцы („Трусъ", „Четыре дня") идутъ на войну не ради идеи, не потому, чтобы вѣрили въ правоту войны, а—въ силу работы совѣсти, не позволяющей оставаться дома, когда гибнутъ другіе. Но „Рядовой Ивановъ" намекаетъ и на другой поводъ: „Никогда,—говоритъ онъ,—не было во мнѣ такого полнаго душевнаго спокойствія, мира съ самимъ собой и кроткаго отношенія къ жизни, какъ тогда, когда я испытывалъ эти невзгоды и шелъ подъ пули убивать людей. Дико и странно можетъ показаться все это, но я пишу одну правду"...

Ясно, что этотъ „рядовой" бѣжалъ на войну отъ... внутренней войны, отъ себя, отъ душевной смуты, которая терзала его, бѣжалъ отъ созерцанія гибнущихъ „гордыхъ пальмъ", отъ всей этой сумеречной трагедіи послѣднихъ лѣтъ народовольчества... Въ тѣхъ же „Запискахъ" есть

мѣсто, трактующее о могуществѣ чего-то „невѣдомаго и безсознательнаго“, которое ведетъ на бойню сотни и тысячи людей... „Каждый отдѣльно ушелъ бы домой, но вся масса шла“, и съ нею шелъ авторъ записокъ. Н. К. Михайловскій выдвинулъ эту мысль Гаршина, какъ основную его тему. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти „Надежды Николаевны“, „Трусы“, „Рядовые Ивановы“ полны ощущеніемъ своей зависимости отъ „невѣдомой силы“—обстоятельствъ, хода исторіи, жизненныхъ условій, враждебныхъ ихъ *я*, угнетающихъ и терзающихъ это *я*, но непреоборимо могущественныхъ... И среди этого стихійнаго процесса жизни человѣческое *я* ощущаетъ себя, какъ „мизинецъ отъ ноги“. Таково должно было быть ощущеніе жизни у всѣхъ переживавшихъ этотъ сумеречный рубежъ между 70-ми и 80-ми годами. *Дѣйствительность* осязательно давала себя чувствовать, а она такъ мало походила на излюбленныя мечты... И вотъ одни примирялись съ нею, „реабилитировали“ ее, „мельчали“, приспособлялись. Другіе гибли въ безнадежныхъ попыткахъ повернуть колесо исторіи въ сторону своей мечты. Третьи — такія женственно - созерцательныя натуры, какъ Гаршинъ, стонали въ своихъ пѣсняхъ, въ своихъ „Attalea“ и „Красныхъ цвѣткахъ“ и умирали, замученные жизнью...

Временное примиреніе Гаршинъ какъ бы находилъ иногда въ грустномъ юмористическомъ скепсисѣ своихъ сказочекъ („То, чего не было“, „Лягушка-квакушка“), которыя представляютъ перлы этого жанра, а по манерѣ немного напоминаютъ Андерсена (одного изъ любимѣйшихъ авторовъ Гаршина).

Два слова о художественной сторонѣ Гаршинскаго творчества. Совсѣмъ не искусный въ архитектоникѣ (наивная форма „дневниковъ“, „писемъ“ и пр.), Гаршинъ является, однако, прекраснымъ стилистомъ: простота и изящество его фразы предвосхищаютъ отчасти пріемы, такъ удивительно разработанные Чеховымъ. Импрессіонизмъ, введенный у насъ Л. Толстымъ, есть и у Гаршина. И въ соотвѣтствіи съ вѣчно морализирующей душой его, этотъ импрессіонизмъ — такъ сказать—*моральный*: двумя-тремя намеками Гаршинъ освѣщаетъ подчасъ цѣлыя пропасти мученій совѣсти, цѣлую вереницу душевныхъ движеній... Напомню дѣвушку въ очеркѣ „Трусъ“, которая не доводами и разсужденіями, а только „покачавъ кудрявой головой“, безповоротно рѣшаетъ судьбу героя очерка — отправляетъ его на войну...

Таковы были думы и творчество двухъ писателей момента перелома отъ 70-хъ къ 80-мъ годамъ [1]).

---

[1]) Продолжателями Надсона явились въ начальную пору своей дѣятельности два стихотворца: Н. Минскій и Д. С. Мережковскій. При очень отточенной формѣ, оба они страдали риторичностью и отсутствіемъ подлиннаго художественнаго *я*. Первый обратилъ на себя особенное вниманіе стохотвореніемъ „Бѣлыя ночи“. Къ концу 80-хъ годовъ оба эти писателя совершаютъ быструю эволюцію въ сторону *модернизма* и являются у насъ піонерами этого теченія, о которомъ рѣчь будетъ ниже.

V.

„Десятилѣтіе о среднемъ человѣкѣ".—Традиціи семидесятничества въ творчествѣ Якубовича и Каронина.—В. Г. Короленко.

Наступаетъ эпоха восьмидесятничества, — *„эпоха средняго человѣка"*, символически отмѣченная геніальнымъ сатирикомъ въ послѣднихъ главахъ „За рубежомъ"... „Средній человѣкъ" полновластно воцаряется въ литературѣ, свергнувъ съ престола только что царившій въ ней *народъ*, замѣняетъ своими *средними* переживаньицами, средними горестями и радостями, недавнія широкія обобщенія, углубленныя попытки разгадать „сфинкса", изображенія—то скорбныя, то полныя упованій—деревенскаго уклада, серію типовъ крестьянства и типовъ интеллигенціи, ищущей путей для „слиянія" съ крестьянствомъ и служенія ему...

И Щедринъ и Успенскій заносятъ въ свои очерки начинавшій раздаваться въ обществѣ своеобразный протестъ противъ царившаго такъ долго народничества:

„Хочется, знаете, и поотдохнуть немножко. Все мужикъ, мужикъ, мужикъ—позвольте-съ! Дайте вздохнуть!.." „Отъ мужика не стало проходу!" и т. д. и т. п.

Цѣлая фаланга новыхъ писателей переходитъ къ изображенію „въ раздробь" бытія *средняго человѣка*, обращается къ „мелочамъ жизни", къ черточкамъ быта и психологіи различныхъ слоевъ общества—безъ опредѣленныхъ руководящихъ идей и заданій, безъ всякаго синтезирующаго начала.

Распался тотъ, быть можетъ, упрощенный, но такой стройный и привлекательный и вдохновляющій—синтезъ, который такъ красиво изобразилъ Успенскій въ снѣ о *трехъ женскихъ образахъ*. Исчезла живая связь, которая ощущалась между ними. Разошлись и стали порознь, каждая на своемъ мѣстѣ—и „баба, ворошащая сѣно", и „дѣвушка монашескаго типа", и „каменная загадка"—Венеры... Распался, распылился народническій синтезъ, и раздробленность, распыленность жизнеощущенія, и соотвѣтствующее ему творчество „въ раздробь", изображеніе „кусочковъ" жизни, мелкіе психолого-бытовые мотивчики—становятся наиболѣе характерной чертой художества 80-хъ годовъ.

Вѣроятно, именно этой „распыленностью" жизнеощущенія объясняется тотъ фактъ, что на протяженіи этого десятилѣтія, какъ и слѣдующаго, уже не появляется такихъ крупныхъ художниковъ, какіе цѣлыми созвѣздіями украшали литературу предыдущихъ эпохъ. Въ первые ряды нашего художества можетъ быть поставленъ только одинъ *восьмидесятникъ* — А. П. Чеховъ.

„Я вѣрую въ то, что мы можемъ взять усиліями цѣлаго поколѣнія,—не иначе. Всѣхъ насъ будутъ звать не Чеховъ, не Короленко, не Щегловъ, не Баранцевичъ, а „восьмидесятые годы" или „конецъ XIX столѣтія"... Нѣкоторымъ образомъ артель"...

Такъ писалъ о себѣ и своихъ сверстникахъ А. П. Чеховъ въ письмѣ къ В. А. Тихонову 1889 г.

Если исключить изъ „артели“ самого чрезмѣрно-скромнаго автора приведенныхъ строкъ, то эту характеристику литературной полосы 80-ыхъ годовъ надо признать очень мѣткой. И этого мало. Ее можно распространить и на слѣдующее десятилѣтіе, ибо только самый конецъ 90-ыхъ годовъ даетъ писателей съ яркой индивидуальностью,—зачинателей новой полосы нашего художества... Въ 80-ые и 90-ые годы ни въ художественной литературѣ, ни въ публицистикѣ, ни въ критикѣ не появляется такихъ фигуръ, какими изобиловали предшествующія десятилѣтія,—нѣтъ уже тѣхъ „властителей думъ“, „учителей жизни“, какими были въ 60-ые и 70-ые годы Тургеневъ, Толстой, Писаревъ, Чернышевскій, а затѣмъ, Щедринъ, Успенскій, Михайловскій,—которые объединяли на себѣ любовное вниманіе широкихъ круговъ интеллигенціи, каждое слово которыхъ ловилось на лету,—жадно и благоговѣйно, которые *вели* за собою интеллигенцію...

Отнынѣ писатель—все равно, художникъ онъ или публицистъ—имѣетъ только *совѣщательный*, а не *рѣшающій* голосъ: изъ „учителя жизни“ онъ превращается въ „писателя-*друга*“, не руководитъ, а только *высказывается*...

Это новое для насъ—*европейское*—отношеніе между писателемъ и обществомъ нарождается у насъ именно въ 80-ые годы.

Совсѣмъ не походилъ на „учителя жизни“—центральная фигура художества 80-хъ годовъ, А. П. Чеховъ, хотя или — вѣрнѣе — именно потому, что этотъ огромный художникъ какъ бы собралъ въ своемъ творчествѣ всѣ особенности эпохи, сосредоточилъ въ себѣ, какъ въ фокусѣ, отличительныя черты полуторыхъ десятилѣтій нашей жизни и литературы... Изучить Чехова значитъ — почти исчерпывающимъ образомъ изучить литературу 80-хъ и доброй половины 90-хъ годовъ. Я и займусь имъ подробнѣе, лишь бѣгло характеризуя дѣятельность его менѣе яркихъ современниковъ—остальныхъ членовъ „артели“. Но, предварительно, мнѣ надо остановиться на трехъ художникахъ, еще продолжавшихъ традиціи 70-хъ годовъ, до извѣстной степени пытавшихся „учительствовать“, цѣплявшихся, такъ сказать, за ускользавшіе изъ ихъ рукъ идеалы и принципы. Я разумѣю: поэта П. Я. Мельшина-Якубовича, и прозаиковъ Н. Э. Каронина-Петропавловскаго и В. Г. Короленка.

Якубовичъ—поэтъ разбитой „народной воли“. Онъ состоялъ членомъ этой организаціи и въ 84 году былъ сосланъ въ Акатуйскую каторгу... Изъ одного этого ясно, что онъ еще тѣсно и дѣйственно примыкалъ къ героической идеологіи семидесятниковъ. Въ то время, какъ Надсонъ и Гаршинъ были только созерцателями, только сочувствовали, Якубовичъ былъ и поэтомъ и борцомъ, не только *звалъ*, но и самъ *шелъ* туда, куда звалъ.

Казалось бы, можно было ждать отъ его поэзіи иного паѳоса, иного лиризма, чѣмъ тотъ, которымъ проникнуто творчество этихъ двухъ грустныхъ художниковъ... Но интимное ощущеніе жизни, которымъ только и питается настоящее творчество,

опредѣляется не тою или иною теоретическою программою и даже не дѣятельностью человѣка, а причинами болѣе широкими и глубокими. И мотивы Якубовича, по существу, ничѣмъ не отличаются отъ мотивовъ Гаршинскихъ и Надсоновскихъ. Можетъ быть, еще мрачнѣе, еще безнадежнѣе его настроеніе, при всемъ томъ, что *призывовъ* у него вы найдете больше, чѣмъ, напримѣръ, у Надсона.

Якубовичъ былъ дѣйствительно пѣвцомъ трагическаго, несчастнаго поколѣнія, „*поколѣнія проклятаго Богомъ*", какъ онъ самъ называетъ его въ посвященіи къ первому тому своихъ стиховъ.

Его творчество уже нашло въ критикѣ исчерпывающее опредѣленіе: поэзія *героизма отчаянія*. Именно такимъ героизмомъ звучатъ его призывы. Возвышенная красота жертвы и подвига, хотя бы и безрезультатныхъ, но идеалистическихъ—вотъ основной мотивъ этого пѣвца умирающаго народничества.

Душѣ молодой, но любовью могучей
Страшна ли такая могила?..

Еще въ самомъ раннемъ періодѣ попадаются изрѣдка вещи, звучащія сколько-нибудь мажорно, въ родѣ стихотворенія 1880 г.:

Здравствуйте, бодрые мыслью и духомъ!
. . . .
Ночи, темнѣвшей столѣтія цѣлыя,
Призраки скрылись... Заря занялась...
Выйдемъ на встрѣчу ей, бодрые, смѣлые...
Время и правда за насъ!

Или красивыя стихотворенія 85—86 г. „Журавли" и „Веселый лучъ", написанныя уже въ тюрьмѣ и рисующія переживанія узника,—но узникъ этотъ въ крикѣ журавлей слышитъ призывъ „впередъ друзья!", а веселый, весенній лучъ, прокравшійся въ его тюремное окошко, поетъ ему „желанную пророческую вѣсть": „все, все должно перемѣниться!.."

Но къ 90-мъ годамъ уже не преобладаютъ только, а исключительно поются такія пѣсни:

„Есть эпохи печалей, вѣка есть и годы,
О которыхъ историкъ скорбя говоритъ...
Мракъ угрюмѣй, душнѣй въ эти ночи невзгоды,
Но терновый вѣнецъ величавѣй горитъ!"

Да и съ самаго начала, еще въ 82 г., пишутся такія безотрадныя вещи:

„Ни въ чемъ очарованія нѣтъ!
Безкровны, будто привидѣнья,
Безъ радостей, безъ тяжкихъ бѣдъ
Влачатся скучныя мгновенья".

Призывы здѣсь сводятся къ слѣдующему:

„Не бойтесь смерти! Смерти ночь
Страшнѣе-ль жизни бездыханной?
. . . .
Впередъ! дороги нѣтъ назадъ..."

И въ заключеніе такой мрачный аккордъ:

„А солнце жизни свѣтитъ чадно
Самимъ угрюмымъ палачамъ..."

Это, конечно, далеко не *боевая* поэзія... Надо, впрочемъ, отмѣтить, что народническое движеніе боевой поэзіи вообще не создало. Начиная еще съ Некрасова, тонъ ея, по преимуществу, страдальческій, надрывной, полный скорби, покаянія, рефлексіи...

Правда, тутъ играетъ извѣстную роль и тотъ фактъ, что поэты, въ большинствѣ, не дѣйственныя, а созерцательныя натуры... Можетъ

быть, этимъ же, но, конечно, не только этимъ, а и мрачнымъ моментомъ *ликвидацiи* движенiя, — объясняется одна особенно характерная для Якубовича черта его гражданской поэзiи. Повидимому, не только самая идея и цѣли борьбы воодушевляютъ его, но и едва ли не въ большей еще степени—паѳосъ *товарищества, товарищескаго долга*, — нравственная связь съ погибшими ранѣе борцами, трагическое ощущенiе обязанности продолжать ихъ дѣло... По крайней мѣрѣ, наиболѣе интимныя и сильныя строфы въ стихотворенiяхъ Якубовича проникнуты именно этимъ паѳосомъ. И цѣликомъ этому мотиву посвящено лучшее, на мой взглядъ, его стихотворенiе „Битва жизни", написанное за шесть мѣсяцевъ до 1-го марта 1881 г. Приведу нѣсколько характерныхъ мѣстъ изъ этой вещи. Начинается и кончается она совсѣмъ „надсоновскимъ" *рефрэномъ:*

„Ахъ безъ жизни проносится жизнь вся моя!..
Увлекаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ — и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною..."

Далѣе описывается мучительное видѣнiе, преслѣдующее поэта на яву и во снѣ:

„Ночь беззвучно плыветъ надъ печальной землей...
. . . .
Мѣсяцъ смотритъ изъ тучъ—дикiй ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную...
. . . .
Съ головами разбитыми, къ небу лицомъ,
Посинѣвшiе, кровью облитые,
Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь, словно призракъ нѣмой
Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не зная зачѣмъ, мертвецовъ,
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
О, все милыя лица! все братья, друзья,
Все черты дорогiя и близкiя!.."

Поэтъ хочетъ обнять страдальцевъ, наклоняется къ нимъ, но ему чудится, что ихъ лица стали „темны, какъ ночь", на устахъ „зазмѣилась улыбка", и слышится шопотъ:

„Гдѣ ты былъ, когда въ битву мы грозную шли,
Побѣдить иль погибнуть готовые?
Отчего не лежитъ твой растерзанный трупъ
Рядомъ съ нами, погибшими братьями?
Отчего ты, какъ воръ, лишь во мракѣ ночномъ
Къ намъ приходишь съ своими объятьями?
. . . .
О, уйди же, уйди... Мы не знаемъ тебя!.."

Тотъ же паѳосъ „товарищескаго долга" звучитъ и въ пьесѣ 1883 г., „Сказочный городъ":

„Даже грозно-нѣмую твердыню,
О друзья! я люблю, какъ святыню...
. . . . здѣсь и онъ,
Лучшiй другъ моей юности бѣдной,
Былъ во цвѣтѣ надеждъ погребенъ.
Часто, слабый, безпомощный, блѣдный,
Онъ мерещился мнѣ въ тьмѣ ночей...
И безсильною злобой сгорая...
. . . .
Я на битву врага вызывалъ,
Какъ о счастьѣ, о жертвѣ мечталъ"...

Поэтическое дарованiе Якубовича далеко не изъ перворазрядныхъ. Стихъ его часто многословенъ; еще меньше Надсона избѣгаетъ онъ ходячихъ, публицистическихъ терминовъ, и блѣднѣе даже Надсона по краскамъ. Влiянiе только что названнаго поэта и Некрасова очень ощутительно въ его стихахъ. Но

есть въ нихъ одно незамѣнимое достоинство: глубочайшая искренность, постоянно ощущаемая *адэкватность* творчества съ подлинными переживаніями авторскаго *я*. И иныя его вещи, въ родѣ только что цитированныхъ, возвышаются до истинной поэзіи, своеобразной, индивидуальной, „заражающей" читателя—такой, словомъ, какой не найдешь у того же Надсона, да и у многихъ гораздо болѣе яркихъ, красочныхъ и искусныхъ стихотворцевъ... Лучшія его вещи написаны имъ въ первые годы его дѣятельности и почти всѣ вошли въ первый томикъ его стихотвореній, изданный въ годы его заключенія,—подъ псевдонимомъ *Матвѣя Рамшева*. Помимо оригинальныхъ стихотвореній, у него есть и переводныя, преимущественно изъ Бодлэра, котораго онъ изучалъ съ юныхъ лѣтъ (удачѣ переводовъ мѣшаетъ отсутствіе гибкости стиха и „старая" школа, чуждая импрессіонизма). Изъ болѣе позднихъ его стихотвореній, написанныхъ послѣ каторги, отмѣчу полныя глубокаго лиризма вещи: „На родномъ рубежѣ" (1896 г.), передающую моментъ возвращенія изъ Сибири на родину, и „Поздняя радость" (1897 г.), посвященную В.Н.Ф.

Приведу душу щемящія строфы изъ этого послѣдняго стихотворенія:

Поздняя радость не радуетъ—
Тайный лишь будитъ укоръ...
. . . .
Сброшены цѣпи тяжелыя—
Сбросишь ли тяжесть годовъ?
Скроешь ли волосы бѣлые,
Силу воротишь ли вновь?
Сгибли товарищи смѣлые,
Юность, отвага, любовь!..

Начиная со второй половины 90-хъ годовъ, Якубовичъ занимался и беллетристикой и критикой (псевд. Гриневичъ). Наиболѣе замѣчательное его произведеніе—„Въ мірѣ отверженныхъ", этюды жизни на каторгѣ, написанные въ 1895—98 гг. Это была первая книга о каторгѣ послѣ знаменитыхъ „Записокъ изъ мертваго дома" Достоевскаго. Помимо интереснаго бытового и психологическаго матеріала, вдумчивыхъ наблюденій надъ этимъ міромъ злосчастья, книга привлекаетъ духомъ свѣтлаго любвеобилія и какой-то непосредственности и идеализма, которые такъ контрастируютъ съ мрачнымъ фономъ очерковъ, съ мѣстомъ дѣйствія изображаемыхъ сценъ...

Интересно отмѣтить слѣдующую черту Якубовича, какъ пѣвца „умирающаго народничества",—столь же характерную, какъ и отмѣченный выше „паѳосъ товарищескаго долга". Въ его лирикѣ совершенно *отсутствуетъ народъ*. Всѣ призывы и обращенія его очень общи, дѣлаются во имя „любви и гнѣва", во имя будущаго „торжества правды", адресуются—къ „родинѣ матери", а всего чаще къ „товарищамъ, братьямъ, друзьямъ", къ „поколѣнію проклятому богомъ", къ одинокимъ интеллигентнымъ борцамъ народовольческой эпохи...

Таковъ послѣдній пѣвецъ народничества и послѣдній этапъ народнической полосы въ поэзіи. Народъ, крестьянство, какъ таковые, почти исчезаютъ изъ поля зрѣнія художества, продолжая занимать центральное мѣсто въ теоріяхъ и публицистическихъ схемахъ, а недавній ос-

новной паѳосъ и жизненный нервъ народничества — *долгъ народу* какъ бы смѣняется ощущеніемъ *долга* же, но уже по отношенію къ *старшимъ товарищамъ*, предшественникамъ въ героической борьбѣ...

Еще одно замѣчаніе. Первый сборникъ Якубовича, при всѣхъ его достоинствахъ, не имѣлъ такого резонанса, какъ стихотворенія Надсона. Сумеречное, переходное настроеніе ликвидаціи семидесятническихъ идей, на взглядъ широкихъ круговъ интеллигенціи, какъ бы уже нашло своего выразителя, именно въ Надсонѣ. „Матвѣя Рамшева" читала и любила лишь горсточка уцѣлѣвшей къ концу 80-хъ годовъ революціонно-настроенной молодежи... Впослѣдствіи, въ 900-хъ годахъ, въ моментъ рецидива народничества („соціалисты-революціонеры"), возрождается и интересъ къ Якубовичу, и его стихотворенія выдерживаютъ нѣсколько изданій...

У Каронина (Н. Э. Петропавловскаго) *народъ* есть. Это послѣдній беллетристъ народнической полосы, удѣляющій въ своемъ творчествѣ въ описываемые годы значительное мѣсто мужику и деревнѣ. Но какъ изображаются этотъ мужикъ, эта деревня? Что сталось съ ореоломъ грандіозныхъ „возможностей", которымъ—съ оговорками или безъ оговорокъ—окружалась деревня въ предшествующіе годы? Въ сущности, Каронинъ только въ очень условномъ смыслѣ можетъ быть причисленъ къ беллетристамъ-народникамъ, и главнымъ образомъ во имя того трактованія интеллигенціи и культурнаго общества вообще, какое онъ даетъ въ своихъ очеркахъ... Онъ не только „ученикъ" Успенскаго, въ смыслѣ критическаго отношенія къ деревенскимъ „устоямъ", но и *продолжатель* его, вдумчивый и правдивый—до жестокости... Въ его тонѣ есть что-то надорванное, какое-то стремленіе бередить самыя больныя мѣста, обнажать самыя опасныя для исповѣдуемой имъ идеологіи явленія. Самъ онъ примыкалъ къ народовольцамъ и, подобно Якубовичу, лучшіе годы жизни провелъ, если не на каторгѣ, такъ въ ссылкѣ. Правда, по свидѣтельству Плеханова (въ его статьѣ о Некрасовѣ), уже къ концу 1879 года, именно въ этой средѣ нашей интеллигенціи приходили къ заключенію, что „работать въ народѣ при настоящихъ условіяхъ—значитъ биться, какъ рыба объ ледъ". Но въ этой формулѣ несомнѣнно главное значеніе придавалось словамъ: „при настоящихъ условіяхъ", а разумѣлись тутъ, главнымъ образомъ, *внѣшнія*, полицейскія и вообще политическія условія. А все творчество Каронина точно главнымъ заданіемъ своимъ имѣло — доказать *внутреннюю*, въ самой деревнѣ, въ крестьянской психикѣ заложенную невозможность подобной работы для интеллигенціи... И тутъ дѣло сводилось не къ знаменитому „не суйся!" Успенскаго, которое какъ бы по праву произноситъ его „гармоническій" Иванъ Ермолаевичъ. Нѣтъ, у Каронина, картинка за картинкой, отрицается за Иваномъ Ермолаевичемъ именно такое право. У Каронина не заподазривается только, а воочію разрушается и отрицается „гармонич-

ность“ деревенскаго уклада и деревенскаго міросозерцанія,—какая бы то ни было жизненность знаменитыхъ „устоевъ“. *Разложеніе* деревни, *перерожденіе* деревни, выдѣленіе изъ нея новыхъ „бродячихъ“ — пролетарскихъ—элементовъ, не находящихъ себѣ мѣста—въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ, въ смыслѣ окончательной растерянности умонастроенія—вотъ основная тема Каронина.

„Онъ не зналъ, куда себя причислить: кто онъ, бродяга или деревенскій житель?“—такъ формулируетъ Каронинъ раздвоенность духа своего героя Демы („Послѣдній приходъ Демы“).

Повидимому, той же болѣзнью, той же раздвоенностью духа болѣлъ и самъ авторъ. Въ очеркѣ „Борская колонія“ дана психологически очень глубоко задуманная фигура интеллигента Грубова. Это очень удачный образъ. Думается мнѣ, что удача въ извѣстной мѣрѣ обусловлена духовнымъ родствомъ, духовной близостью этого типа къ самому автору. Грубовъ очень дѣятельная натура, съ огромной волей, просто и естественно занимающая первое мѣсто среди товарищей, завоевывающая ихъ уваженіе. Но вотъ какъ рисуетъ его авторъ:

„Старая, никогда не заживавшая рана его—сознаніе своего невѣрія—мучительно заныла... Боль эта была поистинѣ острая, хотя и не физическая. Съ ней онъ началъ свою сознательную жизнь, съ ней участвовалъ въ жизни... Многіе кокетничаютъ пессимизмомъ,—онъ его скрывалъ, какъ порокъ... Въ глубинѣ души его оставалась смутная надежда, что какъ бы ни были мрачны наши мысли и глубоко наше невѣріе, но они не послѣднее слово: за предѣлами нашихъ понятій существуетъ впереди нѣчто, что превратитъ ихъ въ ложь, и то, чего мы сейчасъ боимся со смертельнымъ ужасомъ, завтра, быть можетъ, будетъ вызывать улыбку...Но вотъ и все, чѣмъ успокаивалъ себя Грубовъ. Ни за что больше онъ не могъ ухватиться... И, несмотря на это, онъ продолжалъ, все-таки, дѣятельно жить, повсюду отыскивая пропавшую вѣру... По своему существу, натура его была живая и жадная къ жизни, и если онъ болѣлъ отрицаніемъ жизни, то лишь потому, что все кругомъ вопіяло объ отрицаніи“.

Грубовъ часто ироничeнъ въ разговорѣ съ товарищами—до жестокости (намекаетъ на эту черту, повидимому, и самая фамилія, которой снабдилъ его авторъ); одинъ изъ его друзей даетъ о немъ такой отзывъ:

— „Вы его не знаете!.. Что онъ молчитъ? Но онъ молчитъ отъ того, что каждое слово его вымучено... Что онъ всегда улыбается? Но не дай Богъ такъ улыбаться!.. Я знаю вамъ не нравится, что онъ всегда какъ будто съ насмѣшкой говоритъ, съ юморомъ относится ко всему, но этотъ юморъ у него происходитъ отъ того, что въ душѣ у него слишкомъ тяжело, чтобы и говорить еще съ тяжелою серьезностью...“

Таковы же иронія и юморъ самого Каронина. Это тяжелый юморъ и тяжелая иронія. И въ такомъ именно тонѣ и трактуетъ онъ въ своихъ очеркахъ самые больные вопросы,—самые больные какъ для него, такъ и для всей современной ему интеллигенціи...

Это придаетъ глубоко-оригинальный характеръ его писаніямъ. Художникъ онъ не большой. Онъ схематиченъ, намѣренія его слишкомъ ощутительны, остовъ разсказа чрезмѣрно обнаженъ. Красотъ въ его стилѣ и манерѣ очень мало. Но мысль всегда оригинальна, настро-

еніе *свое*, выношенное, выстраданное, и выливается подчасъ съ замѣчательной энергіей стиля. Въ результатѣ—писательская индивидуальность совершенно опредѣленная и своеобразная. А какъ изобразитель извѣстнаго идеологическаго этапа, съ историко-литературной точки зрѣнія, Каронинъ представляетъ огромный интересъ. Его творчество есть настоящее *преддверіе* къ полосѣ восьмидесятничества, къ эпохѣ Чехова, ибо никто такъ не разрушалъ интеллигентскихъ иллюзій объ „устояхъ" деревни, а вѣдь на „устояхъ" этихъ держалось все зданіе народничества...

Началъ онъ эту „ликвидаціонную" работу съ самыхъ первыхъ своихъ очерковъ. Именно „Разсказы о Парашкинцахъ", которые почти всѣ относятся къ 1880-му году, полны этого сверлящаго „Грубовскаго" юмора. Вотъ фигура Ивана—„Ученаго" (такъ озаглавленъ очеркъ). Этотъ парашкинецъ съ дѣтства пристрастился къ чтенію и сталъ мечтателемъ. Онъ запустилъ свое хозяйство и „все забылъ кромѣ чудесныхъ мыслей и книжекъ"... Но эти элементарныя потуги къ мышленію не ко двору для деревенскаго жителя. Ближайшая порка, по распоряженію исправника, убѣждаетъ его, что „все, что даютъ эти чудесныя мысли—это стыдъ, ѣдкій, смертельный стыдъ". И проснувшееся было смутное ощущеніе человѣческой личности, человѣческаго достоинства, заливается виномъ... А вотъ еще мечтатель въ „Фантастическихъ замыслахъ дяди Миная". Это „*мірской*" человѣкъ, который любитъ свое „опчисво", приписываетъ ему по привычкѣ какую-то „цѣлебную силу", мечтаетъ о ней; но на дѣлѣ видитъ только свое разореніе да преуспѣвающаго кабатчика Епишку, который скупаетъ въ округѣ землю. Образъ Епишки сбиваетъ Миная съ его позиціи—это живой „соблазнъ": „Минай неминуемо приходитъ къ выводу, что для полученія удачи необходимы слѣдующія условія: не имѣть, ни сродственниковъ, ни знакомыхъ, ни „опчисва"—жить самому по себѣ. Быть ото всего оторваннымъ и болтаться, гдѣ *«хочешь»*"... Послѣ долгихъ безплодныхъ фантазій на тему о ссудахъ изъ „черной банки", о переселеніи „въ Азію", дѣло кончается тѣмъ, что Минай идетъ „болтаться" въ городъ, и парашкинцы его навсегда лишаются... Или еще парашкинецъ—„Вольный человѣкъ", кузнецъ Егоръ Панкратовъ, молчаливый, „придерживающійся положительнаго",—„мужикъ-кремень", какъ говорили о немъ односельчане. Попытка вытребовать у помѣщика заработанные три рубля кончается все тѣми же розгами въ волости, и „кремень" изнашивается, бунтарь смиряется. Вмѣсто идей о „душѣ, которая нынче вольна, а тѣло нѣтъ", вмѣсто „хаоса мыслей", до которыхъ онъ „тягостно, цѣной всей жизни доходилъ *своимъ умомъ*", наступило оцѣпенѣніе, равнодушіе ко всему и „живучесть",—такая же, какъ у его пріятеля, поклонника „случая"—фаталиста Ильи Малаго, представителя старинной деревенской философіи. Этотъ старинный типъ деревенскаго мышленія трактуется Каронинымъ уже совсѣмъ не въ духѣ народниковъ, его предшественниковъ. Илья Малый не

расцвѣченъ ни малѣйшей идеализаціей: онъ трусливъ и косенъ, и въ тонѣ автора звучитъ развѣ жалость къ нему. На „гармоничность" его духа нѣтъ ни намека. Нѣчто въ родѣ „гармоничности" изображено въ фигурѣ работника Ефрема въ одномъ изъ позднѣйшихъ очерковъ Каронина—„Борская колонія". Герой очерка Грубовъ (а вмѣстѣ съ нимъ и авторъ) особенно любовно относится къ Ефрему: въ немъ особенно привлекательны „искренность, откровенность и правда, хотя и печальная",—на нихъ отдыхаетъ интеллигентская раздвоенная душа... Но и этотъ Ефремъ именуется „феноменомъ" и только „*физическимъ* человѣкомъ": „жить у него означаетъ—питаться, не жить—быть голоднымъ", „учить дѣтей—значитъ бить, любить—доставлять хорошую жизнь"...

Вотъ къ чему сводится въ эти годы та цѣльность, гармоничность и *круглость*, на которыя такъ завистливо любовался Левъ Толстой въ фигурахъ „казаковъ" Лукашки и Маріанны и въ Платонѣ Каратаевѣ, а позднѣе Успенскій, рисуя своего Ивана Босыхъ...

Общій итогъ деревенскаго бытія у Каронина такой: старые устои рушились, диференціація экономическая сопровождается нарожденіемъ новыхъ типовъ—„съ хаосомъ въ душѣ", искателей, обреченныхъ на безплодныя мечты. *Внутри* деревни, въ самомъ укладѣ ея, нѣтъ фермента, нѣтъ такой живой силы, которая дала бы содержаніе поискамъ, указала бы исходъ. И исходомъ для деревенскихъ „мечтателей" является только *бѣгство* изъ деревни...

Бѣжитъ изъ опостылѣвшей деревни Дема въ очеркѣ „Послѣдній приходъ Демы".

— Ежели на чугунку не удастся, ну, тогда въ Питеръ махну... Здѣсь же мнѣ невозможно... Или еще можно на заводъ Шелопаева; а то спички дѣлать... А то еще...

Парашкинцы всполошились, не нравятся имъ эти мечты Демы:

— Это что жъ такое?—Уйдетъ въ бѣга—и лови его! Душу бросить, хозяйство въ раззоръ—по какой причинѣ? А тамъ плати за него... Кто будетъ платить, ежели мы всѣ въ бѣга, а?...

Но Демѣ было не въ моготу, и онъ все-таки ушелъ. Да и не одинъ онъ. Парашкинцы не даромъ поднимали вопросъ: „ежели мы всѣ въ бѣга?" Дема самъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета, почему онъ бѣжитъ изъ деревни: „мысли у него въ разбродѣ". Уйдетъ къ какому нибудь Шелопаеву и затоскуетъ по деревнѣ. Но вернется домой,—„его сразу обдастъ холодомъ", и видитъ онъ, что ему дѣлать здѣсь нечего и, „поколотившись дома съ мѣсяцъ, онъ снова уходитъ бродяжить". Въ очеркѣ описывается его послѣдній приходъ въ деревню къ старухѣ матери и больной женѣ. Какъ разъ въ этотъ приходъ жена его умираетъ, и послѣдняя смутная связь съ домомъ рвется. Домовитая, бьющаяся изъ послѣднихъ силъ надъ своимъ разваливающимся хозяйствомъ, старуха мать провожаетъ Дему:

— Приходи повидаться-то...

— А можетъ и не свидимся,—возражаетъ Дема, отвѣчая, казалось, не на просьбу Иванихи, а на какую-то свою мысль...

И уже чисто *символическую*, итоговую картину даетъ послѣдній раз-

сказъ о Парашкинцахъ—„Какъ и куда они переселились“. Изнуренные нуждой и тоской Парашкинцы въ одинъ прекрасный день поднялись всѣмъ міромъ. Въ селѣ остался одинъ дряхлый Титъ, который не соглашается покинуть родное мѣсто и грозитъ:

— Не донесете вы своихъ худыхъ головъ... свернутъ вамъ шею... Помяните слово мое, свернутъ!

Парашкинцы шли—„въ бодромъ настроеніи духа и всѣ проникшись одной мыслью и одной рѣшимостью, вопреки худымъ и тощимъ лицамъ, ввалившимся глазамъ и измореннымъ тѣламъ, на которыхъ мотались безобразные лохмотья“...

Ихъ настигъ, однако, становой и погналъ обратно къ домамъ. Но на всѣ его увѣщанія Парашкинцы отвѣчали; „Какъ тебѣ угодно, ваше благородіе, а намъ уже все едино! Мы убѣгемъ“...

„И черезъ нѣсколько дней бѣжали, но не вмѣстѣ и не на новыя мѣста, а въ одиночку, кто куда могъ, сообразуясь съ тѣмъ направленіемъ, по которому въ данную минуту устремлены были глаза“...

Тѣ же темы о новыхъ типахъ деревни, о нарождающихся представителяхъ „накопленія“, съ одной стороны, и о мечтателяхъ, съ „разбродомъ мыслей“,—съ другой, трактуются въ очеркахъ „Братья“, „Больной житель“. И здѣсь доминируетъ тотъ мрачный аккордъ, который звучитъ въ „Разсказахъ о Парашкинцахъ“: въ деревнѣ жить нельзя, незачѣмъ, одно спасеніе—въ бѣгствѣ...

Каронинъ-народоволецъ являлся бы, однако, совершенной загадкой, если бы онъ въ народѣ не нашелъ все-таки хотя бы небольшой точки опоры для своихъ мечтаній и чаяній, если бы въ его писаніяхъ только и звучалъ, что этотъ мрачный итогъ.

Какъ мы видѣли, въ той безнадежной пустынѣ, какую онъ рисовалъ въ началѣ своей дѣятельности, онъ все же съ особенной любовью останавливался на одномъ оазисѣ: на этихъ безпомощныхъ, жалкихъ мечтателяхъ-бродягахъ, цѣлую вереницу которыхъ я назвалъ по именамъ, говоря о типахъ Парашкинцевъ. Вскорѣ, къ 1883 г., мысль Каронина дѣлается опредѣленнѣе и конкретнѣе. Его „мечтатели“ превращаются изъ бродягъ въ городскихъ рабочихъ,—съ жаждой къ чтенію, къ самообразованію... Въ очеркахъ, собранныхъ подъ общимъ характернымъ заглавіемъ „Снизу вверхъ“, описывается судьба крестьянскаго парня Михайлы Лунина. Первый очеркъ „Молодежь въ ямѣ“ трактуетъ тѣ же безсильныя потуги мысли, которыми болѣли и Парашкинцы. Но Лунину повезло: попавши въ городъ, онъ сталкивается на заводѣ со слесаремъ Ѳомичомъ, а послѣдній уже просвѣщенъ интеллигентной барышней, вышедшей затѣмъ за него замужъ. Ѳомичъ помогаетъ Михайлѣ въ его поискахъ, снабжаетъ его книжками и газетами, и вскорѣ сводитъ его со „строгимъ“ интеллигентомъ Колосовымъ. „Если онъ даже меня бить будетъ, я все-таки буду слушаться его“,—рѣшаетъ Михайло, и съ чисто крестьянской „упрямкой“ принимается за ученье. Однако, ученье не удовлетворяетъ его. Гуляя какъ-то съ Ѳомичомъ, онъ неожиданно заявляетъ:

— А вѣдь они, Ѳомичъ, тамъ на днѣ...
— Кто они?
— Всѣ. Я вотъ здѣсь, на свободѣ... а они тамъ на днѣ, гдѣ темно и холодно... У меня въ деревнѣ и теперь живутъ отецъ, мать, сестры... А я здѣсь!
— Посылай имъ больше.
— Да, что деньги!.. Развѣ деньгами поможешь?

Авторъ поясняетъ, что мысль Михайлы уже начала охватывать болѣе широкіе горизонты, начала ставить вопросы *обо всѣхъ*, о всемъ трудящемся людѣ:

„Все свое онъ сталъ считать чѣмъ-то не дорогимъ, не важнымъ или даже вовсе не нужнымъ. Даже его умственное развитіе, добытое имъ съ такими усиліями, стало казаться ему сомнительнымъ. Онъ спрашивалъ себя—да кому отъ этого какая польза и что же дальше?“

Его умственное развитіе ни на іоту не облегчаетъ положенія его деревенскихъ братьевъ и всѣхъ, кому „худо, очень худо“... „*Что же дѣлать*?“—спрашиваетъ себя Михайло... Такимъ образомъ, Михайло уже на порогѣ къ революціонному настроенію. Это уже элементъ „броженія“, дрожжи въ народной массѣ,—искры, своимъ огнемъ способныя зажигать и чужую мысль... Онъ не теряетъ связи съ деревней, не забываетъ о ней, ищетъ и для нея исхода изъ той „ямы“, въ которую она заброшена исторіей...

Вотъ, несомнѣнно, единственный свѣтлый пунктъ, единственный проблескъ надежды для раздвоеннаго, мрачно-ироническаго Каронина. Нужно отмѣтить, что онъ, несомнѣнно, былъ тенденціозенъ въ этомъ пунктѣ, слишкомъ подчеркивалъ эту единственную соломинку, за которую хватался... Въ тѣ годы это выдѣленіе деревней ищущихъ натуръ, которыя въ городахъ превращались въ сознательныхъ людей, готовыхъ къ активному вмѣшательству въ жизнь, разумѣется, было лишь еле намѣчавшимся явленіемъ какъ качественно, такъ и количественно. Но захлестываемый волной разочарованія народникъ Каронинъ, судорожно хватаясь за эту соломинку, преувеличивая ея размѣры,—тѣмъ не менѣе, наложилъ руку на огромный и новый фактъ нашей жизни, съ того времени нараставшій, развивавшійся вширь и вглубь... Этотъ фактъ — огромная культурная и соціальная роль города и городского промышленнаго труда. До Каронина всѣ его предшественники лишь отрицательно смотрѣли на городскую „цивилизацію“. Они усматривали только отрицательное вліяніе желѣзной дороги, фабрики, городской жизни вообще,—вліяніе, разрушавшее гармоническое міросозерцаніе деревенскаго человѣка. Нашествіе капитализма, купона, машины встрѣчалось ими почти съ ужасомъ. Успенскій, при всей его вдумчивости, увидалъ лишь „Мишанекъ“, отмѣтилъ лишь опустошеніе, какое производитъ городъ въ душѣ переселившагося туда селянина, и въ то же время видѣлъ непреоборимое могущество этой новой, ненавистной „буржуазной“ силы: „Ея вліяніе,—писалъ онъ,—отражается на простодушномъ поселянинѣ рѣшительно при самомъ ничтожномъ прикосновеніи... Буквально прикосновеніе, одно только легкое,—и тысячелѣтнія идеальныя постройки превращаются въ щепки“...

Каронинъ первый понялъ и ука-

залъ, что эти „разрушительныя“ вліянія, не только разрушаютъ. То, чего не могла изнутри себя породить деревня,—толчокъ тому даютъ эти „разрушительныя“ вліянія городской цивилизаціи, научающія мыслить *обо всѣхъ,* кому „худо, худо“... Каронинъ не настаиваетъ на этомъ выводѣ, не подчеркиваетъ его публицистически. У него вообще почти нѣтъ разсужденій по поводу изображаемыхъ имъ картинъ, какъ это мы постоянно видимъ у Успенскаго и Златовратскаго. Но всѣ „картины“ его, въ сущности, лишь умышленное воплощеніе уже заранѣе выношенныхъ идей. Каронинъ, пожалуй, тенденціознѣе, въ этомъ смыслѣ, всѣхъ своихъ предшественниковъ. Писанія его — это какая-то сплошная *публицистическая символика.* И потому, выдвинутая имъ въ серіи очерковъ „Снизу вверхъ“ идея, высказанная при этомъ въ зрѣлую пору его творчества, несомнѣнно, не случайная обмолвка, а дѣйствительно новая точка зрѣнія, совершенно и по существу *чуждая народничеству...*

Очерки Каронина изъ быта культурной среды не представляютъ такого интереса, какъ только что охарактеризованные „крестьянскіе“ очерки. Изъ этюдовъ объ интеллигенціи самый значительный — „Борская колонія“, о которомъ я уже упоминалъ. Направленъ онъ противъ увлеченія толстовскими идеями о необходимости „садиться на землю“. Колонія идейныхъ землепашцевъ, разочаровавшихся въ своихъ революціонныхъ теоріяхъ, сѣла на землю, но терпитъ очень быстро фіаско: къ работамъ всѣ они не приспособлены, выѣзжаютъ на тѣхъ же мужикахъ; искусственность положенія и вынужденно-совмѣстное житье вызываетъ „принципіальное“ слѣженіе другъ за другомъ, укоры и раздоры; сюда примѣшиваются романическія осложненія,—и всѣ они, разочарованные въ затѣѣ и другъ въ другѣ, бѣгутъ отъ земли, какъ бѣжали Парашкинцы,—„куда глаза глядятъ“... Въ „Учителѣ жизни“ изображенъ типъ интеллигента, уже разувѣрившагося въ своей вѣрѣ, но остающагося въ позѣ проповѣдника, „учителя жизни“,—совсѣмъ въ родѣ того „неизвѣстнаго человѣка“, разсказъ о которомъ впослѣдствіи напишетъ Чеховъ... Единственный очеркъ Каронина съ намекомъ на народническое настроеніе — „Мой міръ“. Здѣсь—опять-таки утратившій вѣру въ былыя идеи—интеллигентъ, дошедшій почти до душевной болѣзни, ѣдетъ отдохнуть въ уединенную усадьбу; по дорогѣ заболѣваетъ тифомъ и попадаетъ въ крестьянскую семью. Семья сердечно относится къ нему, онъ дружится съ ней и остается въ деревнѣ и по выздоровленіи, покуда не вмѣшивается въ дѣло все та же неизбѣжная полиція... Краски въ этой вещи нѣсколько идиллическія. Это уникумъ своего рода среди произведеній Каронина. Но основной мотивъ, въ сущности, лишь въ очень скромной дозѣ совпадаетъ съ народническими традиціями: никакихъ горизонтовъ, никакихъ путей развитія для деревни не намѣчается... Вся суть разсказа въ томъ душевномъ отдыхѣ, который интеллигентъ, запутавшійся, изболѣвшій въ тщетныхъ поискахъ путей, обрѣтаетъ среди непосредственныхъ, пер-

вобытныхъ людей деревни. Такъ что даже въ этомъ единственномъ „народническомъ“ очеркѣ, противопоставляющемъ интеллигентскую „раздвоенность“ деревенской „цѣльности“, все же въ достаточной мѣрѣ сказывается *„ликвидаціонная“* унылая пора...

Творчество Каронина можно назвать пограничнымъ столбомъ: отъ него начинается поворотъ къ новой полосѣ. У В. Г. Короленко, при всей его формальной или теоретической принадлежности къ народническому направленію, при всемъ томъ, что онъ былъ сотрудникомъ,—а позднѣе и входилъ въ редакціи,—исключительно народническихъ органовъ, еще меньше даже тѣхъ слабыхъ вспышекъ догорающей идеологіи семидесятничества, которыя все же—то тамъ, то здѣсь—можно выискать у Каронина. И прежде всего отмѣчу основную черту творчества Короленки, которая является новшествомъ въ нашей литературѣ, отличаетъ его отъ всѣхъ писателей народническаго лагеря. До сихъ поръ наша беллетристика, начиная съ 50-хъ годовъ, была почти исключительно *соціальной* или точнѣе—даже *соціологической*. Она трактовала цѣлыя группы населенія, преимущественно деревенскаго, прослѣживая ихъ эволюцію, заглядывая въ *соціальныя возможности*, въ эти группы заложенныя. Занимаясь мужикомъ и интеллигенціей, тщательно вникая въ міросозерцаніе той и другой группы, она изображала не столько типы, не столько индивидуальное, хотя бы и распространенное въ извѣстной средѣ умонастроеніе, сколько общее умонастроеніе именно *цѣлыхъ группъ*, цѣлыхъ соціальныхъ пластовъ. Начиная съ 80-хъ годовъ, художество наше отъ *соціологіи* переходитъ къ *психологіи*, отъ *группъ* и слоевъ къ недѣлимымъ, къ *личностямъ*... Короленко, не вполнѣ олицетворяя собою художника новой полосы, являясь продуктомъ переходнаго момента, совершенно *порываетъ*, однако, *съ соціологіей*. Никакихъ соціальныхъ группъ, никакой эволюціи ихъ вы въ его очеркахъ не примѣтите. Разница, въ этомъ отношеніи съ Успенскимъ, Щедринымъ, даже Каронинымъ—огромная.

Начинаетъ Короленко почти одновременно съ Каронинымъ, въ 1880 году, небольшими очерками, напечатанными въ „Словѣ“. Но литературная дѣятельность его вскорѣ прерывается ссылкой въ Вятскую губернію, затѣмъ въ Томскъ и, наконецъ, — за отказъ отъ присяги Александру III—онъ попадаетъ въ Якутскую область. Только вернувшись изъ ссылки, въ 1885 году, онъ вторично дебютируетъ въ литературѣ — своимъ „Сномъ Макара“ и сразу завоевываетъ себѣ популярность. Въ этой вещи онъ уже является художникомъ съ вполнѣ опредѣлившимся обликомъ, со всѣми отличительными чертами своего дальнѣйшаго творчества. Уже тутъ онъ типичный *романтикъ*, уже тутъ, несмотря на *формально*-народническій сюжетъ очерка, онъ совершенно отрывается отъ обычнаго до сихъ поръ соціологическаго реализма, отъ прослѣживанія возможностей, отъ народнической школы словомъ. И тутъ же сказывается черта, которая остается доминирую-

щей до самыхъ послѣднихъ его произведеній: нѣсколько идиллическая созерцальность и какой-то наивный юморъ, напоминающій юморъ украинскихъ народныхъ легендъ и анекдотовъ... То и другое вноситъ какъ бы духъ *примиренія* въ изображенія самыхъ тяжелыхъ, самыхъ трагическихъ сторонъ жизни, которыхъ совсѣмъ не чуждается Короленко въ своемъ творчествѣ, и отъ того, это творчество на рѣдкость спокойное, ровное, совсѣмъ не похожее на нервные, судорожной рукой набросанные эскизы Успенскаго или на угрюмый, тяжелый юморъ Каронина... Да и вообще указанные элементы творчества выдѣляютъ Короленко, пожалуй, изъ всей нашей демократической литературы... Что касается, въ частности, Каронина, то они съ Короленкой—противоположности по всѣмъ пунктамъ. Насколько сѣры краски, не причесанъ стиль, бѣденъ языкъ у Каронина, настолько, наоборотъ, живописенъ и обработанъ—часто до изысканности—стиль Короленки. И насколько угрюмъ, реалистиченъ, болѣзненно-саркастиченъ первый, настолько примиряюще-спокоенъ и мечтательно-романтиченъ второй...

Если писанія Каронина могутъ быть названы „преддверіемъ" къ художеству эпохи восьмидесятничества, и преддверіемъ, такъ сказать, лишь *отрицательнымъ,* въ томъ смыслѣ, что въ немъ „сходятъ на *нѣтъ*", выцвѣтаютъ въ самомъ существѣ своемъ почти всѣ основные мотивы народническаго художества, то творчество Короленки уже содержитъ и элементы новой полосы.

Съ народничествомъ его связываетъ, между прочимъ, *субъективизмъ* его концепціи.

Народническое художество, при всей его „соціологичности", всегда трактовало явленія русской дѣйствительности съ чисто *интеллигентской* точки зрѣнія, подчиняло всѣ свои оцѣнки заданіямъ и чаяніямъ интеллигентской идеологіи того времени, по отношенію къ нимъ располагало всю перспективу... Какъ я уже отмѣчалъ, большинство беллетристовъ даже дополняло свои картины жизни комментаріями къ нимъ, идеологическими экскурсіями, публицистикой.

„*Субъективный* методъ" царилъ не только въ соціологіи народниковъ, но и въ ихъ „соціологической" беллетристикѣ и очень ощутительно давалъ себя чувствовать... Короленко неизмѣнно прибѣгаетъ къ этому же „субъективному методу".

Онъ никогда не довольствуется описаніемъ и повѣствованіемъ. *Оцѣнка* у него всегда налицо; а очень часто даже выписывается всѣми буквами въ формѣ личныхъ размышленій автора. При чтеніи Короленки, ни на одну секунду не пропадаетъ ощущеніе присутствія автора. Онъ никогда не перевоплощается въ изображаемыя имъ фигуры: онъ *показываетъ* ихъ читателю [1])...

---

[1]) Короленко очень любитъ темы изъ лично имъ пережитого, воспоминанія дѣтства. Многія его вещи имѣютъ довольно „прозрачные" подзаголовки, въ родѣ: „Изъ дѣтскихъ воспоминаній моего пріятеля" (повѣсть „Въ дурномъ обществѣ"), или даже заглавія: „Очерки сибирскаго туриста". Подзаголовокъ повѣсти „разоблаченъ" самимъ авторомъ въ его „Запискахъ моего современника"—вещи уже вполнѣ автобіографической...

Но, видимо или невидимо, присутствуетъ авторъ, дѣлаетъ ли онъ комментаріи или только *внушаетъ* читателю свою оцѣнку, эта оцѣнка уже вовсе не соціологическая, не связанная съ исповѣдуемой имъ соціальной доктриной, а—чисто *моральная* или эстетико-моральная,—гораздо болѣе общая, гораздо менѣе опредѣленная, чѣмъ у народниковъ прежнихъ лѣтъ. Да и трактуетъ онъ не группы и слои народа, не ихъ эволюцію олицетворяетъ въ типахъ, а даетъ *типы психологическіе*—почти въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что даетъ и Чеховъ, и всѣ соратники Чехова изъ восьмидесятнической „артели"...

Отъ послѣднихъ Короленку отличаетъ лишь *мечтательный романтизмъ* его настроенія, смѣнившій соціальный теоретическій энтузіазмъ его предшественниковъ. Этотъ романтизмъ побуждаетъ его съ особенной любовью останавливаться на типахъ именно мечтателей и романтиковъ.

„Сонъ Макара"—прекрасная иллюстрація ко всему сказанному объ этомъ художникѣ, уже стоявшемъ одной ногой въ полосѣ восьмидесятничества, а пожалуй,—не одной, а даже обѣими, и только оглядывавшемся на уходившую въ даль прошлаго эпоху. „Семидесятничества" въ этой повѣсти, можетъ статься, больше, чѣмъ во многихъ другихъ произведеніяхъ Короленки. Но къ чему сводится здѣсь это семидесятничество?—Къ темѣ *о мужикѣ*, хотя здѣсь дѣйствуетъ уже не русскій земледѣлецъ, а полу-якутъ, житель тайги; да еще—къ темѣ о непосильномъ трудѣ, темнотѣ и нуждѣ, искупающихъ всѣ его мелкія прегрѣшенія... Только и всего.

Настроеніе этой вещи — глубочайшая *жалость* къ примитивному существу. Это настроеніе нѣсколько смягчается, благодаря обычному *юмору* автора да еще той *мечтѣ*, которой онъ надѣляетъ душу своего Макара... Немного искусственно и вполнѣ субъективно—„апріорно", по своему обычаю, авторъ передаетъ представленіе полудикаря о страшномъ судѣ. Богъ рисуется Макару въ видѣ старика-Тойона (начальника), гнѣвливаго, но добродушнаго; ангелы превращаются въ „работниковъ въ бѣлыхъ рубахахъ съ крыльями за спиной" (послѣдняя подробность, думается, совсѣмъ не психологичная). Макаръ видитъ во снѣ, что умеръ и отведенъ покойнымъ попикомъ-пьянчужкой Иваномъ на судъ къ Тойону. На золотую чашку вѣсовъ „работники" кладутъ труды, понесенные Макаромъ; а на деревянную—всѣ немудреныя его прегрѣшенія: обманы, мелкія кражи, выпитую водку и т. д. Послѣднія перевѣшиваютъ. Тойонъ рѣшаетъ превратить Макара въ мерина, на которомъ возятъ исправника. Но Макаръ протестуетъ противъ такой *метемпсихозы*. Не потому, чтобы боялся гоньбы, которая предстоитъ мерину,—ему это не вновѣ, его вѣдь гоняли всю жизнь: „гоняли становые и старшины, засѣдатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняли нужда и голодъ; гоняли морозы и жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга!.. Скотина идетъ впередъ и смотритъ въ землю, не зная, куда ее гонятъ, и онъ также"... Макаръ

протестуетъ потому, что находитъ приговоръ несправедливымъ. Впервые въ жизни разговорился тутъ Макаръ, и вызвала слезы у Тойона и всѣхъ окружающихъ горячая и и даже гнѣвная рѣчь его о жалкомъ его существованіи, и перетянула золотая чаша деревянную, и суровый судья рѣшилъ: „Погоди, барахсанъ (бѣдняга)! Ты не на землѣ... Здѣсь и для тебя найдется правда...“ Только эта мечта о загробной правдѣ, повидимому, и даетъ силу Макару сносить свою долю, болѣе тяжкую, нежели доля исправниковскаго мерина...

Столь же *обще*, столь же лишено всякихъ „програмныхъ“ элементовъ и горизонтовъ, — трактованіе крестьянства у Короленки и въ позднѣйшихъ его вещахъ, во всѣхъ его вещахъ, гдѣ онъ рисуетъ крестьянскіе типы, крестьянскія настроенія...

Два основныхъ мотива, очень часто повторяющихся, можно подмѣтить въ этихъ изображеніяхъ. Мотивъ стихійнаго, неудержимаго тяготѣнія къ земледѣльческому труду, къ тусклому подвижничеству *землероба*, и мотивъ *мечтательности*. *Мечтатели* распадаются на двѣ категоріи: на созерцателей вполнѣ пассивныхъ, тонущихъ, растворяющихся безъ остатка въ окружающей природѣ, и на созерцателей со смутными порывами, съ неопредѣленной тоской по широкому вольному и яркому житью...

Это главное дѣленіе своихъ типовъ Короленко проводитъ всюду, не только тамъ, гдѣ имѣетъ дѣло съ мотивами крестьянской жизни. Можно, до извѣстной степени, сблизить это основное дѣленіе съ теоріей семидесятника Михайловскаго о „вольницѣ“ и „подвижникахъ“, какъ двухъ основныхъ типахъ русской,—вѣками, исторически сложившейся—психологіи. Съ другой стороны, мы вскорѣ увидимъ, что то же основное дѣленіе красной нитью пройдетъ и въ произведеніяхъ восьмидесятника изъ восьмидесятниковъ — Чехова, правда, преломленное сквозь специфическую его призму скепсиса и усталаго разочарованія...

Наиболѣе выпукло и законченно это дѣленіе у Короленки въ одной изъ болѣе позднихъ его повѣстей „Марусиной Заимкѣ“, относящейся къ циклу *воспоминаній о ссылкѣ*. Вотъ фигура упорнаго „землероба“, ссыльнаго Тимоѳея. Онъ, было, пытался поднять пашню—одинъ на одинъ съ дѣвственной землей, но всѣ усилія его разбились объ суевѣрное сопротивленіе якутовъ, смотрящихъ на земледѣліе, какъ на грѣхъ и оскорбленіе божества. Тогда онъ поступилъ въ работники къ „мечтателю о волѣ“—Степану и его женѣ Марусѣ. Оба — тоже ссыльные. Маруся съ неослабѣвающей энергіей возводитъ зданіе хозяйственности, осѣдлости, домовитости; ея трудами и заботами создается цѣлая „заимка“. „Землеробъ“ Тимоѳей является незамѣнимымъ ей помощникомъ.— „Что это за человѣкъ?—разсуждаетъ о немъ авторъ: — Герой своеобразнаго эпоса, сознательно отстаивающій высшую культуру среди низшей, или автоматъ-пахарь, готовый при всѣхъ условіяхъ приняться за свое нехитрое дѣло?..“

Рядомъ съ фигурой землероба Тимоѳея становится и образъ Ма-

руси, у которой *созидательное*, хозяйственное начало окрашено, однако, въ романтическія краски и превращается въ какую-то болѣзненную тоску и страсть... Въ противоположность имъ обоимъ, Степану не сидится на мѣстѣ: земледѣліе совсѣмъ не его стихія, онъ предпочитаетъ бродить на охотѣ, тоскуетъ среди окружающей заимку тайги, съ ея однообразно-ровнымъ шумомъ или полнымъ молчаніемъ, собирается на пріиски, соблазняемый азартнымъ ремесломъ „искателя", но понимаетъ, что пріиски—это конецъ его „воскресенію", — конецъ съ такимъ трудомъ налаженной порядливости существованія... Жажда движенія, вкусъ къ азарту побуждаютъ его вмѣшаться въ распрю татарскаго и якутскаго населенія сосѣднихъ деревень; онъ превращается даже въ „якутскаго генерала", и подъ его предводительствомъ якуты одолѣваютъ враговъ, тогда какъ до него терпѣли постоянныя обиды отъ болѣе воинственныхъ татаръ. „Не выдержалъ,—поясняетъ авторъ,—говора своей тайги, прозаической добродѣтели своей Маруси и невозмутимаго Тимохи..." Исторія кончается тѣмъ, что хозяйственные типы, Маруся и Тимоѳей, сходятся, а Степанъ, послѣ неудачной попытки застрѣлить соперника, исчезаетъ на пріискахъ. Маруся излѣчивается отъ своей тоски, окончательно „выпрямляется", какъ говоритъ (терминомъ Успенскаго) авторъ...

Въ разсказѣ „Безъ языка", двое крестьянъ-волынцевъ эмигрируютъ въ Америку. Матвѣй Дышло—„человѣкъ огромнаго роста, въ плечахъ сажень, руки, какъ грабли... *только глаза и сердце, какъ у ребенка"*: это—родной братъ Тимоѳея изъ „Марусиной заимки", нѣсколько опоэтизированный, впрочемъ, и расцвѣченный той же романтикой, которую я отмѣчалъ въ фигурѣ Маруси. Матвѣй—и землеробъ-подвижникъ и мечтатель одновременно. Антитезой ему служитъ его пріятель Иванъ Дыма—раціоналистъ и практикъ. Матвѣй послѣ всевозможныхъ злоключеній попадаетъ, наконецъ, на ферму, осваивается съ земледѣльческими машинами, женится на землячкѣ и устраивается своимъ домкомъ. Нью-Іоркъ онъ ненавидитъ всей душой, а давно мечталъ и теперь мечтаетъ вотъ о чемъ:

„Хотѣлось бы человѣку, конечно... клокъ вольной земли, чтобы было гдѣ разойтись плугомъ... Ну тамъ... пару воловъ, хорошаго коня... корову... крѣпкую телѣгу... Ну потомъ... своя хата, значитъ, уже и своя жена"...

Есть, впрочемъ, въ его душѣ и какая-то мечта о *волѣ*, но настолько смутная, что онъ словами обозначить ее не въ состояніи, а только вспоминаетъ бездонное море и игру волнъ, которыя произвели на него сильное впечатлѣніе во время переѣзда черезъ океанъ... Мечтатель—землеробъ налаживаетъ свою жизнь въ Америкѣ, гдѣ такъ легко было затеряться и растеряться „безъ языка", среди чуждой и сложной культуры. Наоборотъ, практическій раціоналистъ Дыма именно затеривается среди городской голытьбы Нью-Іорка, никакого жизненнаго успѣха не достигаетъ. Авторъ какъ бы подчеркиваетъ свои симпатіи самой фабулой повѣсти.

Пассивно-созерцательный типъ съ большой любовностью нарисованъ въ одномъ изъ лучшихъ очерковъ Короленки „Рѣка играетъ". Фигура этого „стихійнаго, безалабернаго, распущеннаго и вѣчно страждущаго отъ похмѣлья" — перевозчика Тюлина прекрасно вставлена въ пейзажъ „шаловливой", во время весенняго разлива, но въ общемъ такой тихой, такой безмятежной рѣки Ветлуги... Тюлинъ просыпается отъ своей дремотной созерцательности лишь въ минуты опасности, когда плоту его грозитъ гибель отъ водоворота или бурного теченія. Тутъ онъ всегда на высотѣ положенія. Но прошла эта минута, и онъ снова погружается въ неподвижность физическую и умственную. Непосредственную наивность его авторъ предпочитаетъ „схоластикѣ раскольничьихъ споровъ", которая только что утомляла его голову на „святомъ озерѣ" Китежѣ. Ему „тяжело было среди книжныхъ разговоровъ, среди „умственныхъ" мужиковъ и начетчиковъ, и такъ легко, такъ свободно теперь—на этой тихой рѣкѣ", съ этимъ молчаливымъ созерцателемъ...

„Милый Тюлинъ, милая, веселая, шаловливая, взыгравшая Ветлуга!.. Гдѣ же это и когда я васъ видѣлъ раньше?"... Такъ заканчивается очеркъ, по мысли автора, очевидно, символизирующій основную и особенно дорогую ему—стихію русскаго народа...

Въ богатомъ бытовыми штрихами разсказѣ „За иконой", который, по яркости красокъ, можетъ быть поставленъ рядомъ съ только что отмѣченнымъ очеркомъ, оба указанныхъ выше мотива вложены въ душу мастерового - сапожника, Андрея Ивановича (съ которымъ авторъ отправляется пѣшкомъ въ монастырь въ день монастырскаго праздника) и ведутъ въ этой душѣ нескончаемую борьбу. Андрей Ивановичъ то живетъ въ полномъ смиреніи, въ полномъ подчиненіи у своей жены, вполнѣ искренно почитая своихъ богатыхъ давальцевъ, то вырывается изъ привычной обстановки, сбрасываетъ хомутъ, какъ въ тотъ моментъ, который описанъ въ разсказѣ: „тогда онъ предается мечтамъ, спорамъ о религіи, буйному, хотя и довольно безтолковому демократизму, доводя свои обличенія до дракъ, до совершенно неожиданныхъ выходокъ, по большей части кончающихся для него синяками"... [1])

Таковы *бытовые* очерки Короленки, затрагивающіе крестьянскій и мастеровой людъ.

Въ чисто романтическихъ вещахъ своихъ онъ, конечно, вѣренъ своимъ симпатіямъ,—и здѣсь онѣ выступаютъ еще болѣе открыто...

Въ ранней своей повѣсти „Лѣсъ шумитъ", типично романтической вещи, воспроизводящей „полѣсскую легенду", опять тѣ же два мотива, тѣ же два основныхъ психологическихъ типа, излюбленныхъ авторомъ. Примитивный, тугой на мысль, работяга-лѣсничій, Романъ, и „вольница"—доѣзжачій лихого пана, пѣ-

---

[1]) Въ недавно напечатанномъ очеркѣ „Русскіе за Дунаемъ" („Русское Богатство", январь 1910 г.) землеробъ-мечтатель руссинъ противополагается соціалъ-демократу изъ рабочихъ, живому и дѣятельному, но лишенному именно созерцательности, съ „упрощенными" чувствами и оцѣнками.

вецъ и поэтъ, а впослѣдствіи разбойникъ—Опанасъ. Это все тѣ же Тимоѳей и Степанъ изъ „Марусиной заимки". Только здѣсь ни требованія „реалистической школы", ни юмористическіе штришки не затушевываютъ контуровъ: стиль легенды, далекая эпоха даютъ просторъ романтической красочности.

Замѣчу, однако, что тонъ „хохлацкой", благодушной усмѣшки все же не вовсе покидаетъ автора и здѣсь даже въ наиболѣе драматическихъ мѣстахъ. Напомню хотя бы слѣдующую Опанасову отповѣдь пану, котораго они съ Романомъ собираются убить:

„— Пустите, — кричитъ панъ, — за меня вы всѣ погибнете въ Сибири...

— Не печалься за насъ, пане: Романъ будетъ на болотѣ раньше твоихъ доѣзжачихъ, а я по твоей милости, одинъ на свѣтѣ, мнѣ о своей головѣ думать не долго. Вскину рушницу за плечи и пойду себѣ въ лѣсъ... Наберу проворныхъ хлопцевъ и будемъ гулять... Изъ лѣсу будемъ выходить ночью на дорогу, а когда въ село забредемъ, то прямо въ панскіе хоромы... Эй подымай, Ромасю, пана, вынесемъ его милость на дождикъ..."

Такую же *пару* составляютъ въ красивомъ, поэтичномъ очеркѣ дѣтской психологіи, озаглавленномъ „Ночью",—дядя Генрихъ и молодой врачъ Михаилъ. Первый, потерявъ молодую жену, „сильно перемѣнился": изъ весельчака превратился въ задумчиваго мистика; второй исполненъ вѣры въ свою медицину. Вотъ характерный разговоръ между ними послѣ удачной пріемки, сдѣланной Михаиломъ у матери маленькихъ героевъ очерка:

„— Ну что скажешь, Геня, каково я справился?.. А случай былъ трудный...

— Молодецъ, Миша!.. Да, мы пріѣхали съ тобой во время. Можетъ быть, если бы два года назадъ... у моей Кати...

Но тутъ голосъ его сталъ глуше... Онъ отвернулся.

— А все-таки, — сказалъ онъ,— рожденіе и смерть... такъ близко рядомъ... Да, это великая тайна!

Михаилъ пожалъ плечами.

— Эту тайну мы, братъ, прослѣдили чуть не до первичной клѣточки"...

Въ „Слѣпомъ музыкантѣ"—психологическомъ этюдѣ, относящемся къ 1886 г.,—отецъ слѣпого мальчика, панъ Козельскій — „добродушенъ, даже, пожалуй, добръ, хорошо смотритъ за рабочими и очень любитъ строить и перестраивать мельницы". Вся духовная связь его съ семьей исчерпывается ежедневнымъ вопросомъ къ женѣ: „здорова-ли ты, моя голубка?", — который онъ задаетъ, усаживаясь за обѣдъ... Зато „дядя Максимъ", бывшій гарибальдіецъ и дуэлянтъ, а теперь калѣка, вѣчно сидитъ, окутанный облакомъ табачнаго дыма, и за этимъ облакомъ *мечтаетъ:* онъ вкладываетъ всю душу въ воспитаніе несчастнаго слѣпца, вообще, является возвышеннымъ романтикомъ-идеалистомъ.

Въ тѣхъ же романтическихъ тонахъ нарисована и фигура отца въ повѣсти „Въ дурномъ обществѣ": неподкупно-честный судья, заугрюмѣвшій послѣ смерти жены, безпристрастный защитникъ справед-

ливости, пользующійся безграничнымъ довѣріемъ населенія, даже „босяковъ“ изъ „Замка“—развалины, въ подвалахъ которой ютятся эти „бывшіе люди“...

Нечего и прибавлять, что романтически же трактованы у Короленки и всѣ фигуры революціонеровъ, имъ нарисованныя, относящіяся къ далекимъ эпохамъ, какъ Менахемъ изъ „Сказанія о Флорѣ“, какъ герой очерка „Мгновеніе“, или типы современниковъ, бѣглыми штрихами очерченные въ циклѣ „воспоминаній о ссылкѣ“.

Реалистическое, будничное служитъ у Короленки только фономъ, на которомъ только рѣзче выдѣляются излюбленныя имъ фигуры. Въ этомъ слыслѣ можно отмѣтить, что ко времени выступленія Короленки *народническая школа* уже разстается со своимъ завѣтнымъ лозунгомъ чистаго *реализма.* Многое и многое сближаетъ писанія Короленки съ писаніями Горькаго, который въ концѣ 90-хъ годовъ развернетъ знамя такой безпримѣсной романтики: если моральныя и общественныя тенденціи у буйнаго Горькаго въ большинствѣ случаевъ являются прямыми „возраженіями“ на тенденціи мечтательнаго народника Короленки, то пріемы ихъ творчества все же представляютъ значительную аналогію. Но объ этомъ ниже.

Типичное для романтиковъ сочетаніе тривіальной или ужасной внѣшности, физическаго уродства, съ величіемъ духа, съ мечтательностью и идеализмомъ; или „просвѣчиваніе“ этого идеализма и душевной теплоты сквозь оболочку мрачности, даже желчности — также излюбленный мотивъ Короленки.

Реалистическая школа наша питала пристрастіе къ сочетанію заурядной внѣшности съ интереснымъ содержаніемъ. Это могло вытекать изъ требованій именно реализма— изображать среднихъ, заурядныхъ людей, а отнюдь не героевъ. Красота толстовскаго „дяди Акима“, Любима Торцова у Островскаго, пожалуй, дьякона Успенскаго изъ очерка „Неизлѣчимый“ — всегда привлекала нашихъ художниковъ полосы реализма.

Но у Короленки дѣло не въ сѣрости, не въ заурядности оболочки, прикрывающей возвышенное содержаніе. У него и эта оболочка отнюдь не заурядная, но въ противоположную сторону—въ сторону исключительнаго уродства или исключительной же, трагической мрачности. У него—именно то, что всегда любили всѣ романтики, что, по ихъ мнѣнію, создаетъ „проблематическій“, заинтересовывающій и трогательный образъ...

Вотъ желчный „феноменъ“, изъ очерка „Парадоксъ“,—безрукое, съ длинными ногами и маленькимъ туловищемъ существо — „какое-то паукообразное чудовище“, у котораго, однако, „голова лучше, чѣмъ у многихъ людей съ руками“, какъ аттестуетъ его его „импрессаріо“, развозящій его на телѣжкѣ за подаяніемъ. Феноменъ своими „злыми“ глазами видитъ все насквозь, сразу выдѣляетъ изъ толпы чуткаго по душѣ мальчика и пишетъ для него своей ногой такой „поучительный афоризмъ и парадоксъ вмѣстѣ“:

„Человѣкъ созданъ для счастья, какъ птица для полета"...

Босякъ Тыбурцій Драбъ („Въ дурномъ обществѣ") тоже безобразенъ, и если не страшенъ, то смѣшонъ. Онъ зачитываетъ своихъ товарищей цитатами изъ Цицерона и цѣлыми главами изъ Ксенофонта, приводитъ тѣмъ же въ изумленіе и толпу на базарѣ, слыветъ ученымъ и отчасти колдуномъ, и послѣднее званіе даетъ ему кое-какой заработокъ. Но при этой комической оболочкѣ—душа его полна безконечной нѣжности къ роднымъ дѣтямъ—Валеку и малюткѣ-Марусѣ... Онъ является и къ судьѣ, отцу маленькаго героя повѣсти, когда послѣднему грозитъ бѣда за таинственныя свиданія съ „дѣтьми подземелья". Подъ смѣшной и уродливой его оболочкой живетъ, несомнѣнно, интересная и привлекательная натура.

Даже въ многочисленныхъ очеркахъ изъ жизни сибирскихъ ссыльныхъ („Въ подслѣдственномъ отдѣленіи", „Очерки сибирскаго туриста", „Соколинецъ", „Убивецъ", „Государевы ямщики", „Морозъ", „Послѣдній лучъ", „Марусина заимка") — Короленко останавливается не столько на бытѣ и общей психологіи ссыльныхъ и мѣстнаго люда, сколько на отдѣльныхъ романтическихъ фигурахъ и штрихахъ.

Вотъ „Соколинецъ"—бѣглый съ Сахалина, ставшій теперь хозяиномъ, пользующійся извѣстностью за свой смѣлый побѣгъ среди поселенцевъ и уваженіемъ якутовъ за домовитость и дѣловитость. Наружность его описывается такъ:

„Черные выразительные глаза его кидали быстрые, короткіе взгляды. Нижняя часть лица нѣсколько выдавалась впередъ, обнаруживая пылкость страстной натуры, но бродяга давно уже привыкъ сдерживать эту пылкость. Только легкое подергиваніе нижней губы и нервная игра мускуловъ выдавали по временамъ безпокойную напряженность внутренней борьбы..."

И, конечно, онъ тоже изъ категорій „вольницы" и мечтателей:

„Въ глубинѣ души онъ сознавалъ,—хотя и подавлялъ пока это сознаніе,—что эта сѣрая жизнь... не про него. Изъ глубины души уже поднимались въ немъ призывы тайги, его манила уже отъ сѣрыхъ будней безвѣстная, обманчивая и заманчивая даль"...

Или фигура „Убивца"—бывшаго каторжника. Слухи о его прежнихъ подвигахъ внушаютъ непреодолимый страхъ всѣмъ бродягамъ... Теперь онъ на волѣ и является самымъ надежнымъ ямщикомъ, ибо никто не посмѣетъ напасть на его сѣдоковъ...

Или „подвижникъ" Яковъ въ очеркахъ „Въ подслѣдственномъ отдѣленіи"... Внѣшность его:—„сѣрые, выразительные глаза, слегка лишь подернутые какою-то мутью, какъ у сильно утомленнаго человѣка. Лобъ—высокій и по временамъ собирается въ рѣзкія, не то гнѣвныя, не то скорбныя складки". Этотъ Яковъ утверждаетъ, что страдаетъ безвинно, и стучитъ ногами въ дверь камеры при каждомъ приближеніи начальства. Ноги уже опухли у него отъ этого стучанія... Между Яковомъ и авторомъ происходитъ такой діалогъ:

„— Скажи мнѣ, зачѣмъ ты стучишь?

Яковъ вскинулъ на меня своими большими глазами и въ голосѣ его, когда онъ отвѣчалъ, слышалась какая-то „обрядная“ важность:

— Стою за Бога, за великаго Государя, за Христовъ законъ, за святое крещеніе, за все отечество и за всѣхъ людей.“

И замѣтивъ удивленіе собесѣдника, Яковъ поясняетъ:

— „Обличаю начальниковъ, начальниковъ неправедныхъ обличаю. Стучу.

— Какая же отъ этого польза тебѣ?“

Вмѣсто отвѣта Яковъ снова повторяетъ свою тираду о Богѣ и т. д.

„Я понялъ, — пишетъ Короленко,—что Яковъ не искалъ реальныхъ осязательныхъ послѣдствій отъ своего стучанія для того дѣла, за которое онъ „стоялъ“ столь неуклонно среди глухихъ стѣнъ и не менѣе глухихъ къ его обличеніямъ людей... Онъ поступалъ такъ... для души“.

Авторъ увѣренъ, что Яковъ своего рода сектантъ, „подвижникъ идеи“, но начальство увозитъ его въ больницу для умалишенныхъ...

Въ „Запискахъ туриста“ романтически истолковывается фигура бродяги-жигана, убивающаго не изъ корысти, и не для чего, а просто потому, что„—такая ужъ моя линія“...

Больше быта и реализма въ позднѣйшихъ сибирскихъ очеркахъ, какъ, напримѣръ, „Государевы ямщики“. Здѣсь рисуется безконечно однообразное и скудное житье, а вѣрнѣе медленное вымираніе ямщичьей общины, для казенныхъ надобностей загнанной на холодные пустынные берега Лены и прикрѣпленной къ мѣсту. Но и тутъ вниманіе сосредоточено прежде всего на тихомъ *мечтатель* Микешѣ, съ его тоскливо-недоумѣнными запросами...

Микеша завидуетъ даже тѣмъ, кто сидитъ по тюрьмамъ и „много знаетъ, умной бываетъ“; онъ излагаетъ свою „ущербленную и тоскующую вѣру, угасающую среди равнодушныхъ камней“,—въ такой трогательной формулѣ:

„Другіе говорятъ... никакой Богъ нѣту... Не можетъ быть, враки! Хоть худенькій-худой, ну, все еще сколько-нибудь дѣлами же правитъ!“

А рядомъ съ Микешей уже не мечтательная, а озлобленная и „отчаянная“, какъ говорятъ про него ямщики, — стальная фигура ссыльнаго уніата Островскаго. Послѣ неудачи съ хозяйствомъ на мерзлой землѣ и смерти жены и ребенка, онъ сжигаетъ домъ, вмѣстѣ со всѣмъ обзаведеніемъ,—и въ лодкѣ съ дѣвочкой - дочерью отправлется на пріиски...

Въ очеркѣ „Атъ-даванъ“—на фонѣ такой же заброшенности и забитости—выступаетъ жалкая фигура смотрителя станціи Кругликова. Онъ былъ сосланъ „за любовь“—за выстрѣлъ въ начальника по службѣ, сватавшаго за себя его невѣсту. Много лѣтъ провелъ онъ въ ссылкѣ и затѣмъ на службѣ писаремъ на заброшенной станціи, но до сихъ поръ сквозь его „тривіальную оболочку“ просвѣчиваетъ трогательная любовь къ далекой Раисѣ Павловнѣ, уже давно вышедшей за другого и народившей дѣтей... И воспоминанія о юношеской люб-

ви, нахлынувшія съ особенной силой послѣ того, какъ Кругликовъ разсказалъ свою исторію двумъ пріѣзжимъ, на минуту пробуждають въ немъ человѣка: онъ давно опустившійся, съежившійся и забитый осмѣливается требовать прогонныя деньги отъ грознаго „Арабынъ-тойона“ — полусумасшедшаго казачьяго хорунжаго, ѣздившаго курьеромъ и наводившаго трепетъ.

Очеркъ „Морозъ“ трактуетъ чисто психологическій тяжкій мотивъ о „застывающемъ“ отъ физической стужи чувствѣ человѣчности. Съ глубокимъ волненіемъ ссыльный Сокольскій разсказываетъ событіе изъ своего прошлаго,— какъ онъ съ товарищемъ проѣхалъ въ морозъ мимо усталаго замерзающаго путника. Когда товарищи добрались до тепла, чувство „оттаяло“. Сокольскій пошелъ сзывать народъ на розыски, а товарищъ его, гонимый угрызеніями совѣсти, отправился одинъ, не зная дороги, и исчезъ. Путника нашли уже мертвымъ, вскорѣ Сокольскій отыскалъ и трупъ товарища...

Въ итогѣ надо сказать, что и всѣ эти *сибирскіе* очерки и повѣсти, прежде всего, далеко—не бытовые. *Соціологія* же въ нихъ отсутствуетъ совершенно. А присутствуютъ, главнымъ образомъ, все тотъ же неопредѣленный, мечтательный идеализмъ и романтика. Тяжкіе, трагическіе мотивы звучатъ какъ бы заглушенно, какъ бы сквозь дымку этой романтики. Коегдѣ къ тому же результату приводитъ и тотъ „хохлацкій“ благодушный юморъ, о которомъ я уже говорилъ. Этотъ юморъ проявляетъ себя въ чистомъ видѣ въ одной изъ наиболѣе художественныхъ вещей Короленки—повѣсти „Іомъ кипуръ“ (Судный день), гдѣ живо и ярко иллюстрируется бытовыми картинками украинской деревни еврейская легенда о чортѣ, похищающемъ въ „Судный день“ какого-нибудь большого грѣшника, который, на сей разъ, оказывается не евреемъ, а русскимъ кулакомъ... Въ этомъ полномъ юмора анекдотѣ—авторъ даетъ своеобразный аргументъ противъ антисемитизма; а удачный южнорусскій колоритъ — онъ всегда удается Короленкѣ — яркія краски южной ночи, дѣлаютъ эту повѣсть о „еврейскомъ чортѣ“ очень поэтичной вещью, которая вмѣстѣ съ очеркомъ „Рѣка играетъ“ должна, въ смыслѣ художественномъ,—быть выдвинута въ первый рядъ среди его произведеній...

Далеко не перворазрядными надо, на мой взглядъ, признать тѣ вещи, гдѣ Короленко пытается затрагивать морально-философскія темы, какъ „Сказаніе о Флорѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды“ и фантазіи „Тѣни“. Образы здѣсь не достаточно ярки и отнюдь не обладаютъ величавостью, которая соотвѣтствовала бы вложенной въ нихъ идеѣ... Героическая фигура Менахема, защитника іудеевъ отъ римскаго правителя Флора, а равно и фигура вѣчно ищущаго, „вѣчно вопрошающаго“ Сократа—вышли какъ бы укороченными, какъ бы нарисованными *не во весь ростъ*... Французскій художникъ Деларошъ отличался такой особенностью—„укорачивать“ свои фигуры. Думается, философская беллетристика мало соотвѣтствуетъ художественному дару романтика

Короленки, это не его „жанръ", какъ говорятъ французы. Фантазія о Сократѣ передаетъ сонъ, который видѣлъ одинъ изъ его учениковъ Ктезиппъ, въ ночь послѣ смерти Сократа. Вмѣстѣ съ тѣнью учителя и тѣнь Ктезиппа очутилась въ подземномъ царствѣ, и оба долго идутъ каменистой дорогой во тьмѣ подземелья, пока не открывается видъ на Олимпъ, который весь заволокли тучи. Сократъ, проповѣдывавшій во время пути вѣчное исканіе истины, и здѣсь, у подножья горы „небожителей", въ бесѣдѣ съ Зевсомъ, кидаетъ ему свой вызовъ: онъ отрицаетъ современныхъ боговъ, на его взглядъ не совершенныхъ, и требуетъ себѣ права стремиться къ „невѣдомому, чье имя тайна"... Пусть онъ только „мусорщикъ", очищающій жизнь отъ заблужденій, туманныя тѣни не должны преграждать ему пути, заграждать свѣтъ будущей зари...

Громы Зевса постепенно смолкаютъ, какъ бы въ смущеніи передъ пытливостью человѣческаго ума, тучи разсѣиваются, и передъ путниками стоитъ въ лучахъ утренняго солнца Олимпъ, безъ олимпійцевъ, какъ простая гора... И одно только ясно чувствуетъ Ктезиппъ,—„что вся природа до послѣдней былинки проникнута біеніемъ единой таинственной жизни": „чье-то дыханіе слышалось въ ласкающемъ вѣяніи воздуха, чей-то голосъ звучалъ чудной гармоніей, чьи-то чуялись невидимые шаги въ торжественномъ шествіи сіяющаго дня"... Фантазія эта интересна, лишь какъ открытое исповѣданіе авторомъ его пантеистическаго настроенія съ элементами смутной мистики, которые сквозятъ кое-гдѣ въ его очеркахъ, какъ, напримѣръ, въ уже упомянутомъ очеркѣ „Ночью". Но діалоги Сократа съ Ктезиппомъ, какъ и его *богоборческое* обращеніе къ Зевсу, не только не „историчны", но и мало опредѣлительны, а въ философскомъ смыслѣ мало интересны...

„Сказаніе о Флорѣ", написанное въ 80-хъ годахъ, имѣетъ заданія до извѣстной степени, полемическія: повѣсть направлена противъ „толстовства", противъ теоріи „непротивленія злу", которой тогда увлекалась часть молодежи, и оправдываетъ тѣхъ, кто „проливаетъ кровь для дѣла защиты, а не утѣсненія". Непосредственно противъ „непротивленія" направлена легенда, которую разсказываетъ герой Менахемъ своимъ единоплеменникамъ. Легенда повѣствуетъ о любимцѣ Бога—„ангелѣ невѣдѣнія", который указалъ гонителямъ, гдѣ скрывается преслѣдуемый ими, а тѣ погубили защитника гонимаго. Ангелъ этотъ впервые спустился на землю и, натворивши ошибокъ такимъ „непротивленіемъ злу",—утрачиваетъ „ясность святого невѣдѣнія", а Богъ превращаетъ его въ ангела „скорбнаго пониманія", объясняя, что кровь, которою забрызгана его одежда, „кровь, пролитая на защиту слабаго,—чистая кровь", и „ангелъ скорбнаго пониманія" попрежнему остается любимцемъ Бога...

Въ этомъ произведеніи, принадлежащемъ къ начальному періоду дѣятельности писателя, имѣется и наиболѣе „семидесятническій" мотивъ, какой только можно у него найти.

Въ молитвѣ своей Менахемъ говоритъ:

„И если Ты, въ безконечной мудрости твоей, судилъ въ наше время погибель правому дѣлу и еще разъ дашь торжествовать насилію, — да будетъ!

Но исполни же просьбу обреченныхъ, исполни нашу просьбу, Всевышній!

Пусть никогда не забудемъ мы, доколѣ живы, завѣта борьбы за правду“...

Звучитъ этотъ мотивъ у Короленки именно такъ, какъ звучали подобные мотивы у Мельшина, а, пожалуй, и у Надсона, — „героизмомъ отчаянія“, идеализмомъ одинокихъ борцовъ - интеллигентовъ... Двѣ вещи „Мгновеніе“ и „Не страшное“, первая—чисто романтическая и немного искусственная, вторая уже совсѣмъ въ Чеховскихъ тонахъ,—трактуютъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, въ сущности, одну и ту же тему. Плѣнникъ Діацъ провелъ долгіе годы заключенія во вражеской крѣпости на островѣ. Въ бурную ночь онъ совершаетъ побѣгъ. Бушующее море сначала пугаетъ его. Онъ возвращается къ тюрьмѣ и заглядываетъ въ окно своей камеры, и тутъ ему чудится, что онъ видитъ самого себя на постели,—успокоившимся, съ ровнымъ дыханіемъ, приспособившимся... „Это онъ, тотъ Діацъ, который вошелъ сюда полнымъ силъ и любви къ жизни и свободѣ?“ Это видѣніе рѣшаетъ для него вопросъ: онъ кидается въ челнъ и пускается въ море... „Вѣроятно погибъ, — разсуждаетъ о немъ офицеръ крѣпостной стражи.—Но кто знаетъ, не стоитъ ли одинъ мигъ настоящей жизни цѣлыхъ годовъ прозябанія?“... Такова идея очерка „Мгновеніе“. Очеркъ „Не страшное“ является какъ бы сводкой и итогомъ „Чеховскихъ“ мотивовъ: самое страшное въ жизни, по мысли автора,—это прозябаніе, тина обыденщины и мелочей, заурядность и будни—самое страшное есть именно то, что людямъ кажется совсѣмъ „не страшнымъ“....

Эти публицистическіе и философскіе очерки, очень немногочисленные у Короленки, столь же общи и неопредѣленны по своей тенденціи, какъ и всѣ указанныя выше романтическія и полу-бытовыя вещи. Неопредѣленный идеализмъ, мечтательное — тоже неопредѣленное — стремленіе къ свѣту, свободѣ, всегда гуманный, демократическій тонъ, съ налетомъ нѣкоторой сентиментальности,—вотъ основной тонъ его творчества. Ничего похожаго на вполнѣ опредѣленныя соціальныя заданія беллетристовъ-народниковъ предыдущей полосы. Вся его „программа“, пожалуй, выражена имъ въ небольшомъ *стихотвореніи въ прозѣ* „Огоньки“, поставленномъ имъ во главѣ послѣдняго тома его очерковъ (написано оно въ 1900 году). Это сибирское воспоминаніе: авторъ плыветъ ночью по угрюмой рѣкѣ, между темныхъ горъ; впереди появились огоньки и казалось, что они близко... Но гребецъ только налегалъ на весла, зная, что это лишь обманъ зрѣнія:

„Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка,—пишетъ Короленко,—и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше и послѣ манили

не одного меня своей близостью. Но—жизнь течетъ въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки впереди—огни"!

И, можетъ быть, наибольшій успѣхъ имѣвшее его произведеніе, выдержавшій 12 изданій разсказъ о юномъ „Слѣпомъ музыкантѣ",—символизируетъ лучше всего настроеніе и творчество Короленки.

Органическое стремленіе къ свѣту, смутная, неопредѣленная тоска по свѣтовымъ ощущеніямъ, которыхъ никогда не испытывалъ этотъ слѣпой отъ рожденія юноша,—вотъ основная идея повѣсти, по признанію самого автора—этого романтика, эпигона народничества, жившаго въ годы утраченной идеологіи и угаснихъ надеждъ на близость „огоньковъ"...

Два слова о внѣшней сторонѣ его писаній. Стиль Короленки очень выработанный, даже изысканный. Онъ очень любитъ описанія природы, но, не зная еще импрессіонизма, пишетъ въ старой, „детальной",—Тургеневской манерѣ. (Само собою разумѣется, что я имѣю здѣсь въ виду средства, а не добытые ими результаты: рисунокъ Короленки далеко не столь точенъ и тонокъ, какъ у Тургенева, и часто страдаетъ излишней красочностью и „зализанностью", какъ выражаются живописцы). Нѣкоторая искусственность и многословность являются вообще основными дефектами его манеры. Языкъ его не слишкомъ разнообразенъ, ноярокъ и мѣтокъ особенно,—какъ я уже упоминалъ,—въ передачѣ южно-русскаго народнаго говора и въ картинахъ южнорусской природы...

Помимо чисто беллетристическихъ произведеній, имъ написаны еще: „Голодный годъ"—глубоко интересные и правдивые очерки нижегородской губерніи, въ эпоху голода 1892 года, рисующіе картины полнаго разложенія деревенской общины и обнищанія бывшихъ „жителей"; очерки о „Павловскихъ кустаряхъ" и воспоминанія о Чернышевскомъ, Успенскомъ и Чеховѣ (сборникъ „Отошедшіе"). Изъ нихъ особенно удачны воспоминанія объ Успенскомъ: здѣсь много тонкихъ, съ любовью подмѣченныхъ черточекъ психологіи этого писателя-мученика, хотя, быть можетъ, по обыкновенію, авторомъ затерты нѣкоторыя рѣзкія черты, закруглены углы. Послѣдній недостатокъ особенно чувствуется въ характеристикѣ Чернышевскаго. Наконецъ, перу Короленки принадлежатъ мастерскія публицистическія обозрѣнія — въ „Русской Мысли" 1890-хъ годовъ, подписанныя — „Провинціальный наблюдатель". Здѣсь беллетристъ проявилъ рѣдкій даръ популяризаціи основныхъ параграфовъ политическаго міросозерцанія, путемъ умѣлаго анализа сутолоки и мелочей провинціальной жизни.

VI.

А. П. Чеховъ. — Итоги эпохи. — Художественныя завоеванія. — О беллетристахъ 80-хъ и 90-хъ годовъ вообще.

Если въ той уже немногочисленной средѣ интеллигенціи, выразителями которой являлись Якубовичи, Гаршины, Короленки, еще теплились остатки прежней идеологіи; если эта интеллигенція усиліемъ идеалистической воли заставляла себя вѣрить и дѣйствовать по-старому; если рядъ организацій народовольческаго типа пытаются продлить традицію нѣкогда такой интенсивной борьбы, и попытки эти, роковымъ образомъ, являются одна неудачнѣй другой по мѣрѣ приближенія къ 90-мъ годамъ; если въ 87-мъ году происходитъ заговоръ „второго 1-го марта", и еще три года спустя идутъ аресты народовольческой группы, во главѣ которой стоялъ Фойницкій,—то для широкихъ круговъ интеллигенціи съ середины 80-хъ годовъ наступаетъ та полоса „безкрылья", безыдейности и „малыхъ дѣлъ", конкретныхъ,—„гомеопатическихъ" по размѣрамъ—культурныхъ начинаній, съ апологіей которыхъ, какъ я упоминалъ, выступила Гайдебуровская „Недѣля"... Волна революціонныхъ надеждъ и энтузіазма могла бы смѣниться ровнымъ и медленнымъ теченіемъ культурнаго творчества. Старый споръ народничества о „книгѣ" и „топорѣ" былъ уже давно рѣшенъ къ тому времени: „отрицатели науки", „бунтари", уже отжили свой вѣкъ и существовали теперь только въ „академическомъ" — такъ сказать—„изданіи"—въ видѣ неуклюжихъ теорій Юзова, имѣвшихъ весьма незначительный резонансъ. Но культурная работа натыкалась на полицейскую рогатку, на систему Побѣдоносцева, съ его знаменитымъ девизомъ: „Русскому народу образованіе не нужно, ибо оно научаетъ логически мыслить". Земская дѣятельность, работа сельскихъ учителей, съужалась до утраты почти всякаго жизненнаго смысла, тормозилась и, можно сказать,—парализовалась залѣзавшей всюду рукой реакціи. Апологія и даже апоѳеозъ этой культурной работы, которыми занималась „Недѣля", сводились, поэтому, къ призыву (въ буквальномъ смыслѣ) *„довольствоваться малымъ"* и, конечно, никакого подлиннаго воодушевленія порождать не могли... Въ обстановкѣ нашего режима того времени, въ обстановкѣ полной подавленности общественной инипіативы и неограниченнаго администрированія, стремившагося проникать во всѣ поры жизни, предусматривать все до послѣднихъ мелочей и направлять жизнь по линіи Катково-Побѣдоносцевскихъ идеаловъ,—въ такой атмосферѣ даже наименѣе склонныя къ скептицизму, самыя довѣрчивыя натуры не могли со сколько-нибудь горячей и прочной вѣрой смотрѣть на свою культурную работу, не могли надѣяться на мало-мальски значительную продуктивность этой работы.

Съ другой стороны, въ эпохи подъема, въ эпохи творческія та идеологія, во имя которой живутъ

и борются наиболѣе активные элементы, бросаетъ какъ бы отраженный свѣтъ и тепло на жизнь всего общества. И болѣе умѣренные темпераменты и совсѣмъ не героическія натуры какъ бы ощущаютъ непрестанно излученія этого не ими поддерживаемаго огня. И это помогаетъ имъ координировать свои мелочныя, разрозненныя усилія, помогаетъ осмысливать ихъ, позволяетъ ощущать, что и ихъ мелкая лепта укладывается въ общую работу созиданья и творчества. Не то—въ эпохи идейной растерянности и бездорожья... Въ такія эпохи культурное строительство превращается по истинѣ въ *египетскій* трудъ, если не въ каторгу...

А культурное поприще было единственнымъ, сколько-нибудь доступнымъ для интеллигенціи поприщемъ. И если въ 30-хъ и 40-хъ годахъ на Руси создался типъ *лишнихъ людей,* цѣлая галлерея которыхъ зарисована Тургеневымъ; если тогда единичные образованные представители общества не находили точки приложенія для своихъ силъ, путей для осуществленія своихъ воспитанныхъ на европейской литературѣ идеаловъ и стремленій,—то въ 80-е годы появилась у насъ цѣлая *группа общественная,* которую по справедливости можно назвать *„лишней интеллигенціей“*.

И именно, наиболѣе чуткая часть обреченной на эту „каторгу“ интеллигенціи особенно изнывала въ ней... *Хмурый* А. П. Чеховъ самъ былъ причастенъ къ этой культурной работѣ (онъ нѣсколько лѣтъ служилъ земскимъ врачомъ), изображалъ во многихъ своихъ вещахъ эту близкую ему среду земскихъ работниковъ и отражалъ въ своихъ писаніяхъ умонастроеніе этой среды. Въ противоположность тѣмъ художникамъ, о которыхъ мнѣ приходилось говорить до сихъ поръ, онъ былъ съ юношескихъ лѣтъ въ сторонѣ отъ всякихъ революціонныхъ теченій и кружковъ. Онъ дебютировалъ, еще будучи студентомъ, въ юмористическихъ журналахъ: „Стрекозѣ“ и „Будильникѣ“, затѣмъ писалъ въ „Новомъ Времени“. Это былъ первый нашъ большой художникъ, пришедшій въ литературу изъ *обывательской* среды, изъ лагеря „средняго человѣка“. И именно онъ оказался лучшимъ выразителемъ „эпохи средняго человѣка“.

Сначала брали свое молодость и, конечно, природный, основной его даръ—даръ *комика*. Чеховъ создаетъ въ эти годы цѣлую коллекцію маленькихъ шедевровъ юмора и комизма, вошедшихъ въ первые три томика собранія его сочиненій. Писалось все это „машинально, полубезсознательно“, какъ сообщаетъ Чеховъ въ письмѣ къ А. Н. Плещееву отъ 1886 г., прибавляя тутъ же: „Не помню *ни одного* своего разсказа, надъ которымъ бы я работалъ болѣе сутокъ, а „Егеря“, который вамъ понравился, я писалъ въ купальнѣ“... А между тѣмъ, если откинуть нѣкоторую часть I-го томика, гдѣ комизмъ часто нѣсколько внѣшній, именно, „веселые“ и „пестрые“ разсказы веселаго „Антоши Чехонте“ (псевдонимъ Чехова въ эти годы), представляютъ классическіе образцы этого созданнаго имъ у насъ жанра. Ясно, что природный даръ его находилъ здѣсь непосредственное, сво-

бодное и полное свое выраженіе. Необходимо отмѣтить тутъ же, что и въ этихъ „веселыхъ" разсказахъ Чеховъ то и дѣло накладываетъ руку на весьма серьезныя темы. Шутя, онъ вскроетъ иной разъ такую бездну темноты и некультурности и такое ужасающее непониманіе между современниками и членами одного и того же, такъ называемаго, „національнаго цѣлаго", что вмѣсто смѣха или вмѣстѣ со смѣхомъ—вызываетъ въ читателѣ самое серьезное и жуткое раздумье. Таковъ, напримѣръ, юмористическій очеркъ „Злоумышленникъ"—одинъ изъ Чеховскихъ перловъ. Или совсѣмъ смѣхотворная, шаржированная „Смерть чиновника": не заложенъ ли въ этой „веселой" бездѣлушкѣ цѣлый символъ, обнимающій безконечный рядъ безконечно грустныхъ явленій, столь характерныхъ для нашего отечества, которое, по мнѣнію Руссо, издавна подвергалось столь усиленному воздѣйствію администраціи, что никогда не будетъ хорошо управляемо...Этотъ мелкій чиновникъ, умирающій отъ чинопочитанія,—кто разберетъ, буффонада тутъ или трагедія? Или безконечная и безчеловѣчная некультурность помѣщика въ очеркѣ „Англичанка", напоминающая Герценовскій разсказъ (въ „Былое и Думы") о встрѣчѣ съ русскими за границей: семья помѣщиковъ гдѣ-то на станціи кормитъ юную гувернантку объѣдками, и по одному этому Герценъ узнаетъ въ нихъ „соотечественниковъ"... Или безпросвѣтная праздность и скука, наполняющая, кажется, весь домъ до самого потолка, и эти никчемные обывательскіе разговоры, и тупая, безсмысленная обрядность въ очеркѣ „Передъ постомъ" и т. д., и т. д. Все это и смѣшно, и серьезно—въ одно и то же время. Все это вскрываетъ, въ веселой, эскизной, легкой формѣ, далеко не веселыя противорѣчія бытія „средняго человѣка".

Вскорѣ смѣхъ Чехова затихаетъ. Начиная со сборника „Хмурые люди", уже очень ощутителенъ поворотъ къ новому и именно *хмурому* настроенію. Настроеніе это не покидаетъ художника до конца и становится настолько типичнымъ для него, что слово „Чеховскій" получаетъ нарицательный смыслъ и подъ „Чеховскимъ мотивомъ", „Чеховскимъ настроеніемъ" разумѣется именно хмурый, тоскливо-созерцательный тонъ, тонъ интимной, сосредоточенной грусти отъ „безкрылости", отъ бездорожья, словомъ, тонъ 80-хъ годовъ...

Природный, основной даръ Чехова, даръ *комизма*, все же остается въ силѣ и, измѣнившись *по содержанію*, наполнившись новымъ жизнеощущеніемъ, творчество Чехова *формально* остается прежнимъ—комическимъ: художественный рычагъ, съ которымъ онъ подходитъ къ явленіямъ жизни, концепція его прежде всего сводится къ *выискиванію противорѣчій*, къ противоположности между „идеей" и ея „овеществленіемъ", если говорить терминами Гегеля, къ которымъ прибѣгалъ Бѣлинскій при опредѣленіи дара комическаго писателя. Чтобы не быть голословнымъ, приведу нѣсколько иллюстрацій.

Вотъ профессоръ въ „Скучной исторіи", лучшемъ очеркѣ сборника „Хмурые люди". Онъ выдаю-

щійся ученый съ европейскимъ именемъ, „другъ Некрасова и Кавелина“, высокій авторитетъ и въ научномъ, и въ моральномъ смыслѣ для обожающей его молодежи. Но подъ этой блестящей формой скрыто рѣзко дисгармонирующее съ нею содержаніе. Чеховъ и вскрываетъ въ очеркѣ именно это содержаніе: научный авторитетъ оказывается въ жизни совершенно безпомощнымъ, несостоятельнымъ, растеряннымъ существомъ. У него, по его собственному признанію, „нѣтъ того, что его товарищи-профессора называютъ *общей идеей*“, и онъ пасуетъ передъ запросами племянницы, ничего не можетъ отвѣтить ей на вопросъ о смыслѣ жизни, даже на простой житейскій вопросъ: что ей дѣлать? Онъ „смущенъ, сконфуженъ, озадаченъ“ и отвѣчаетъ только одно: „По совѣсти говоря, Катя, не знаю“...

Вотъ купчиха милліонерша изъ повѣсти „Бабье царство“: она владѣетъ огромной, доставшейся по наслѣдству фабрикой; за ней увивается извѣстный адвокатъ, она окружена лестью и заискиваніемъ. Но безсмысленность и пустота ея существованія тяготятъ ее, и въ тоскѣ она чуть не выходитъ замужъ за простого рабочаго, въ котораго вовсе не влюблена, который, съ своей стороны, и не помышляетъ ни о какомъ романѣ съ нею... Иванова, героя первой драмы Чехова, всѣ въ уѣздѣ считаютъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, интеллигентомъ и умницей. А онъ надорванъ, разбитъ и такъ исповѣдуется своей невѣстѣ: „Безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей“...

Популярный беллетристъ Тригоринъ въ „Чайкѣ“, славѣ и счастью котораго такъ завидуетъ Нина Зарѣчная, вскрываетъ передъ ней свое „писательское счастье“ въ такихъ безнадежно-тоскливыхъ тонахъ: „Я говорю обо всемъ, тороплюсь, меня со всѣхъ сторонъ подгоняютъ, сердятся, я мечусь изъ стороны въ сторону, какъ лисица, затравленная псами, вижу, что жизнь и наука все уходятъ впередъ и впередъ, а я все отстаю и отстаю, какъ мужикъ, опоздавшій на поѣздъ...“

Иногда вскрываются противорѣчія, заложенныя не внутри данной фигуры, а во всемъ укладѣ отношеній цѣлыхъ семей или группъ. Драма „Дядя Ваня“ изображаетъ именно такое противорѣчіе, лежащее въ самой основѣ жизни цѣлой семьи. Мыслящій и чуткій „дядя Ваня“ вмѣстѣ съ племянницей Соней изныватотъ въ тусклой работѣ домоводства и счетоводства: они отказались отъ личной жизни, заточили себя въ имѣніи и все это лишь для того, чтобы поддерживать существованіе столичнаго профессора, Сониного отца, самовлюбленнаго тупицы и эгоиста, никому ненужнаго, но заѣдающаго цѣлый рядъ жизней, въ томъ числѣ и жизнь своей второй жены, молодой и красивой, но остающейся вѣрной своему „долгу“... Глубочайшая никчемность, *случайность,* несообразность всѣхъ этихъ отношеній—вотъ безконечно унылый фонъ драмы, такой характерной для русскаго житья-бытья, этого царства случайностей...

Нечего и прибавлять, что указанный формально-комическій пріемъ сослужилъ Чехову хорошую службу.

Будучи лишенъ всякой идеологіи, враждебно-настроенный, какъ увидимъ ниже, ко всякимъ „программамъ", чуждый всякой теоретизаціи, онъ при помощи своего излюбленнаго метода вскрывалъ одно за другимъ глубочайшія противорѣчія дѣйствительности, давалъ сначала „мѣстные", частичные, а затѣмъ и такіе широкіе итоги русской жизни, какихъ не давалъ ни одинъ изъ его современниковъ и ближайшихъ предшественниковъ. Правда, что его пріемъ былъ, такъ сказать, вполнѣ своевременъ, отвѣчалъ вполнѣ той фазѣ русской жизни, въ которой Чеховъ жилъ и писалъ. То была фаза усиленной ликвидаціи нѣкогда прочной дворянско - крестьянской, вообще говоря, *сельской* культуры, эпоха окончательнаго разложенія прежнихъ „устоевъ", распадавшихся на глазахъ у этого поколѣнія,—эпоха, по этому самому, преисполненная именно *противорѣчій*. Но методъ Чехова далъ больше: Чеховъ при помощи его углублялся до вопросовъ совсѣмъ не временныхъ или не столь временныхъ, а и общечеловѣческихъ и общекультурныхъ, нащупывалъ противорѣчія, заложенныя, вообще, въ современномъ обществѣ. Уже упомянутая, напримѣръ, повѣсть „Бабье царство", какъ и „Скучная исторія", охватываютъ рядъ явленій далеко не мѣстныхъ только и не связанныхъ спеціально съ эпохой 80-хъ годовъ: „кающійся буржуа" есть явленіе всеевропейское, какъ и лишенный „общей идеи" спеціалистъ-ученый...

Хмурый періодъ Чехова начался съ „возражательства". Чутьемъ художника онъ, словно, понималъ, что носители прежней идеологіи отстаивали уже проигранное дѣло, цѣплялись за окостенѣвшія, лишенныя жизнетворности идейныя подпорки. „Идеалы дѣдовъ и отцовъ",—говоря словами „Недѣли",—не только были „безсильны" надъ нимъ, но во многихъ и многихъ пунктахъ, *какъ психологія*, являлись мишенью его нападокъ. Очерки „На пути" и „Разсказъ неизвѣстнаго человѣка" направлены противъ революціонной интеллигенціи; „Хорошіе люди" и „Скучная исторія" скептически трактуютъ представителей умѣренныхъ либеральныхъ теченій. Это могло вызывать неудовольствіе и должно было вызывать его въ кругахъ, непосредственно затронутыхъ Чеховымъ. Въ перепискѣ Чехова съ Плещеевымъ мы видимъ слѣды этого неудовольствія, и осторожныя, нѣсколько уклончивыя самооправданія Чехова въ отвѣтъ на нападки его стараго друга, помогавшаго ему при выступленіи на литературную арену. Михайловскій, почувствовавшій такія нападки въ драмѣ „Ивановъ", очень жестоко отнесся къ этому драматургическому дебюту Чехова. „Драма успѣха не имѣла, и, къ счастью, имѣть не могла",—писалъ суровый семидесятникъ... Но ниже мы встрѣтимся у Вересаева съ такой жестокой критикой именно этихъ же идеологическихъ „пережитковъ" (въ повѣсти „Безъ дороги"), о какой и не помышлялъ Чеховъ. И любопытно, что повѣсть Вересаева печаталась въ „Русскомъ Богатствѣ", въ органѣ, редактируемомъ Михайловскимъ: дѣло, должно быть, въ томъ, что тогда уже истекали девяностые годы, что въ лагерѣ Михайловскаго уже мно-

гое перемѣнилось къ этому времени...

Въ „Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка“ изображенъ утратившій свою вѣру террористъ. Онъ какъ бы по инерціи продолжаетъ жить и дѣйствовать попрежнему; поступаетъ лакеемъ къ чиновнику, съ цѣлью убить отца его, важнаго сановника. Но когда представляется ему случай исполнить свой планъ, онъ ощущаетъ, что не въ силахъ это сдѣлать... На вопросъ Зинаиды Ѳедоровны, которую увезъ за границу, чтобы посвятить въ свою вѣру, онъ признается въ своемъ давнишнемъ „банкротствѣ“ и объясняетъ свое поведеніе тѣмъ, что „трудно быть искреннимъ“. Какъ я уже упоминалъ, тема почти совпадаетъ съ темой Каронинскаго разсказа „Учитель жизни“, написаннаго, приблизительно, въ тѣ же годы. Очевидно, тема эта была злободневной, идейное „банкротство“ было типичнымъ для эпохи явленіемъ... Разница въ трактованіи этого явленія у обоихъ писателей, однако, значительная: если Каронинъ скорбитъ и ненавидитъ, то Чеховъ только *регистрируетъ* и, пожалуй, не менѣе мѣста удѣляетъ въ своей повѣсти психологіи чиновника Орлова, съ его опустошенной душой, а также среды, его окружающей, чѣмъ самому „неизвѣстному человѣку“ и его душевной драмѣ. „Банкротство“ представителей болѣе умѣренныхъ направленій изображено въ „Хорошихъ людяхъ“ и „Скучной исторіи“. Въ первой вещи фельетонистъ либеральной газеты „отдѣлывается фельетонами“ отъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, поетъ со студентами gaudeamus, „возлагаетъ“ вѣнки, и разочаровываетъ въ себѣ сестру, которая уходитъ отъ него въ деревню лѣчить крестьянъ. „Лишенный общей идеи“, профессоръ въ „Скучной исторіи“ (я о немъ уже упоминалъ) не случайно оказывается у Чехова другомъ Кавелина и Некрасова: фигура этого тоскливо-растеряннаго человѣка, очевидно, типична, по мнѣнію Чехова, для либерализма того времени. Въ очеркѣ „На пути“ какъ бы выражено скептическое настроеніе по отношенію ко всѣмъ „вѣрамъ“, какими пробавлялась когда бы то ни было наша интеллигенція: грустная, съ теплымъ юморомъ трактованная фигура Лихарева изображаетъ опять „банкрота“, побывавшаго и славянофиломъ, и нигилистомъ, и народникомъ-бунтаремъ, и толстовцемъ, всѣмъ, чѣмъ хотите, словомъ,— растратившаго на всѣ эти „вѣры“ свое состояніе, а теперь поступающаго на службу къ кулаку-заводчику... Но Чеховъ не только изображалъ теряющихъ крылья и безкрылыхъ, тоскующихъ по смыслѣ жизни людей. Его недовѣріе къ идеямъ и программамъ жизни какъ бы принимало даже обобщенный характеръ: на подобную мысль наводятъ такія его вещи, какъ „Палата № 6“, очеркъ „Пари“, отчасти „Черный монахъ“, затрагивающія, повидимому, тему *о тщетности всякой идеологіи вообще...*

Вѣрный сынъ своей эпохи, Чеховъ, если одно время и поддавался чарамъ какой-либо идеологіи, то очень недолгое время и то лишь „толстовства“, какъ онъ и признается въ одномъ письмѣ къ Суворину (1894 г.). Отраженіе этого кратковре-

меннаго, идейнаго увлеченія можно видѣть въ повѣсти „Моя жизнь“, въ упомянутомъ уже мною очеркѣ „Хорошіе люди“ (сестра героя) и, пожалуй, въ „Домѣ съ мезониномъ“ (въ проповѣдяхъ художника)... Интересно отмѣтить, какъ своеобразно преломилось въ душѣ атеоретическаго Чехова ученіе Толстого. Отъ идейнаго размаха, отъ глубины „барскаго покаянія“ Толстого не осталось и слѣда: герой наиболѣе „толстовской“ вещи Чехова „Моя жизнь“ идетъ въ маляры не во имя какого-либо „опростительства“, а просто отъ тоски и отвращенія къ праздной и безтолковой сутолокѣ „культурнаго“ существованія... А въ упомянутомъ письмѣ къ Суворину Чеховъ заявляетъ, что на него дѣйствовали не столько самыя идеи Толстого, сколько „толстовская манера выражаться“. Приведу наиболѣе интересное мѣсто изъ этого, вообще, очень характернаго для Чехова письма:

„Во мнѣ течетъ мужицкая кровь и меня,— пишетъ Чеховъ,— не удивишь мужицкими добродѣтелями. Я съ дѣтства увѣровалъ въ прогрессъ и не могъ не увѣровать, такъ какъ разница между тѣмъ временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда перестали драть, была страшная. Я любилъ умныхъ людей, нервность, вѣжливость, остроуміе, а къ тому, что люди ковыряли мозоли, и къ тому, что ихъ портянки издавали удушливый запахъ, я относился такъ же безразлично, какъ къ тому, что барышня по утрамъ ходитъ въ папильоткахъ. Но толстовская философія сильно трогала меня, владѣла мною лѣтъ 6—7, и дѣйствовали на меня не основныя положенія, которыя были мнѣ извѣстны и раньше, а толстовская манера выражаться, разсудительность и, вѣроятно, гипнотизмъ своего рода. Теперь же во мнѣ что-то протестуетъ; расчетливость и справедливость говорятъ мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса. Война — зло, и судъ—зло, но изъ этого не слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ и спать на печи вмѣстѣ съ работникомъ, его женой и проч.“...

Объ идейной подкладкѣ всего ученія Чеховъ и не заговариваетъ. Теорія „уплаты долга“, нравственнаго самоусовершенствованія въ „опростительствѣ“ и пр. его, повидимому, не занимаютъ. И отвергается ученіе Толстого во имя простого здраваго смысла, во имя *житейскихъ*, такъ сказать, соображеній — „расчетливости и справедливости“... Чутье и здравый смыслъ подсказываютъ Чехову трезвую оцѣнку и другой теоріи Толстого— его взглядовъ на искусство. По поводу книги „Что такое искусство?“, содержаніе которой онъ зналъ со словъ Толстого еще до появленія ея въ печати, Чеховъ писалъ:

„Мысль у него не новая; ее на разные лады повторяли умные старики во всѣ вѣка. Всегда старики склонны были видѣть конецъ міра и говорили, что нравственность пала до nec plus ultra, что искусство измельчало, износилось, что люди ослабѣли и проч., проч. Левъ Николаевичъ въ своей книжкѣ хочетъ убѣдить, что въ настоящее время искусство вступило въ свой окончательный фазисъ, въ тупой переулокъ,

изъ котораго ему нѣтъ выхода (впередъ)..."

Но и тутъ опять огромной важности теоретическіе вопросы, поставленные Толстымъ, вопросъ объ индивидуальномъ и коллективномъ творчествѣ, вопросъ объ искусствѣ привилегированныхъ классовъ и искусствѣ всенародномъ,—какъ бы проходятъ мимо Чехова, не задѣвая его, какъ бы не существуютъ для него...

Эта *атеоретичность* Чехова, его склонность скептически заподазривать всякую теоретизацію жизни вообще и дѣлали изъ него типичнаго представителя эпохи 80-хъ годовъ. Онъ не только изображалъ *безкрылыхъ* людей, но и самъ былъ *безкрылымъ поэтомъ*. И это его свойство рѣзко отличаетъ его отъ всѣхъ его предшественниковъ. Народническая беллетристика была, быть можетъ, слишкомъ теоретичной, слишкомъ интеллигентски-субъективной, такъ сказать — *предумышленной*. Чеховъ хотѣлъ быть только *точнымъ* и правдивымъ, подходилъ къ явленіямъ жизни „запросто", импрессіонистически, ни на что не опираясь, кромѣ личныхъ переживаній. Отсюда вытекла и та единственная теорія, которую исповѣдывалъ этотъ атеоретическій человѣкъ, — теорія *свободнаго искусства*, въ противоположность „идейному" или „гражданскому" искусству народнической полосы. Отсюда вытекло и вообще то *новое слово*, которое призванъ былъ произнести Чеховъ въ русской художественной литературѣ и о которомъ мнѣ придется еще говорить ниже. Но эта же безкрылость порождала и ту *распыленность* жизнеощущенія, на которую я указывалъ, какъ на типичнѣйшую черту 80-хъ годовъ и всей восьмидесятнической литературы. Раздроблено, распылено, лишено сопрягающаго лучи фокуса— жизнеощущеніе Чехова, и потому та общая картина жизни, которую даютъ въ итогѣ его чудесныя по чуткости настроенія и красотѣ формы очерки и драмы, — это царство случайностей, хаосъ мелочей, опрокидывающихся на человѣка и давящихъ его и засасывающихъ его душу. Никакихъ путей и исходовъ, никакой планомѣрности ни въ чемъ!.. Герои Чехова и не пытаются складывать свои усилія въ какую-нибудь общую творческую работу... Эти герои, кромѣ того, *распылены* и физически или „географически",—разсѣяны по лицу земли русской и изнываютъ въ своей отъединенности, въ уныломъ безсиліи. Никакихъ излюбленныхъ группъ и слоевъ населенія, на которыхъ бы возлагались особенныя надежды, за которыми бы признавалась особенная соціальная миссія (какъ только - что передъ тѣмъ—за крестьянствомъ и интеллигенціей), у Чехова, разумѣется, нѣтъ.

Въ письмѣ 1899 года (къ И. И. Орлову) Чеховъ высказывается о своихъ надеждахъ въ такомъ родѣ:

„Я не вѣрю въ нашу интеллигенцію... Я вѣрю въ отдѣльныхъ людей, я вижу спасеніе въ отдѣльныхъ личностяхъ, разбросанныхъ по всей Россіи тамъ и сямъ"...

Мотивъ о „разбросанности" этихъ „отдѣльныхъ личностей" проходитъ черезъ все его творчество, начиная съ первой его драмы „Ивановъ". Съ какимъ-то страннымъ однообра-

зіемъ постоянно возвращается почти буквально та же фраза объ „уѣздѣ“ или „городѣ“, въ которомъ найдется только одинъ такой человѣкъ, съ кѣмъ „можно потолковать“, перекинуться „словомъ“ и т. д. Ивановъ, героиня очерка „Жена“, Войницкій въ „Дядѣ Ванѣ“ говорятъ это о своемъ уѣздѣ; въ „Моей жизни“, „Палатѣ № 6“, „Трехъ сестрахъ“ тоже утверждается про провинціальные города, а въ повѣсти „Три года“—даже про Москву...

Но кто же эти „разбросанныя“, одинокія личности? Это, конечно, совсѣмъ не героически настроенные интеллигенты-народники. Это даже не романтики-мечтатели Короленки. У Чехова это грустные неудачники, тихіе созерцатели, въ лучшемъ случаѣ противопоставляющіе безъисходной тоскѣ безсмысленнаго существованія робкую и смутную мечту о томъ, „какова будетъ жизнь лѣтъ черезъ 200—300“...

Вершининъ, „тихій мечтатель“ изъ драмы „Три сестры“, говоритъ:

„Въ сущности, какая разница между тѣмъ, что есть, и что было! А пройдетъ еще немного времени, какихъ-нибудь двѣсти-триста лѣтъ, и на нашу теперешнюю жизнь такъ же будутъ смотрѣть и со страхомъ, и съ насмѣшкой, все нынѣшнее будетъ казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и очень неудобнымъ, и страннымъ. О, навѣрное, какая это будетъ жизнь, какая жизнь!“

И почти дословно въ тѣхъ же выраженіяхъ мечтаетъ о красотѣ жизни „черезъ 200 — 300 лѣтъ“ докторъ Астровъ въ „Дядѣ Ванѣ“... Эта неопредѣленная мечта является у Чехова почти такимъ же „рефрэномъ“, какъ недавно отмѣченный мною мотивъ о малочисленности понимающихъ другъ друга *милыхъ* людей. Одинъ разъ только этотъ срокъ у него сокращается почему-то до 50 лѣтъ. Это въ очеркѣ „Случай изъ практики“, гдѣ врачъ утѣшаетъ измученную безсмыслицей жизни молодую фабрикантшу:

„У васъ, почтенная, безсонница,— говоритъ врачъ; — какъ бы то ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей вашихъ былъ бы немыслимъ такой разговоръ, какъ вотъ у насъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали. Мы же, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей или внуковъ вопросъ этотъ,— правы они, или нѣтъ,—будетъ уже рѣшенъ. Имъ будетъ виднѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жаль только, что мы не дотянемъ. Интересно было бы взглянуть...“

Въ концѣ этого очерка имѣется рѣдкостное у Чехова оптимистическое по настроенію мѣсто. Описывается ясное утро въ день отъѣзда врача:

„Было слышно, какъ пѣли жаворонки, какъ звонили въ церкви. Окна въ фабричныхъ корпусахъ весело сіяли и, проѣзжая черезъ дворъ и потомъ по дорогѣ къ станціи, Королевъ уже не помнилъ ни о рабочихъ, ни о свайныхъ постройкахъ, ни о дьяволѣ (который, какъ представлялось ему ночью, заправлялъ всей жизнью на фабрикѣ), а думалъ только о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь

будетъ такою же свѣтлой и радостной, какъ это тихое, воскресное утро...“

Такія тирады—большая рѣдкость въ *хмуромъ* творчествѣ Чехова...

Подобно врачу Королеву и Вершинину, и другіе тихіе мечтатели у Чехова никакихъ опредѣленныхъ „путей, ведущихъ въ рай“, не видятъ, не предчувствуютъ и потому не прокладываютъ. Они не люди дѣла, не люди борьбы и творчества. Они только *милые люди*, чуткіе, сердечные, искренніе. Такими *милыми людьми* являются и всѣ остальныя фигуры, нарисованныя Чеховымъ съ симпатіей. И прежде всего, таковы его героини—всѣ эти тихія женщины, которыя противоставляются у него жестокой, унылой и пошлой окружающей средѣ, какъ бы смягчаютъ ее, и вмѣстѣ съ немногими мечтателями о томъ, что будетъ „лѣтъ черезъ 200—300“, являются въ мрачныхъ картинахъ Чехова единственными пятнами свѣта—робкаго, блѣднаго, мерцающаго, но все же свѣта. Такова мятущаяся Катя въ „Скучной исторіи“, единственный другъ проглядѣвшаго жизнь ученаго; такова Зинаида Ѳедоровна—единственное свѣтлое пятнышко среди чиновничьяго бездушія и болѣющихъ душой банкротовъ-революціонеровъ въ „Разсказѣ неизвѣстнаго человѣка“, и такова героиня очерка „Жена“, и всѣ три героини драмы „Три сестры“, и Нина Зарѣчная въ „Чайкѣ“, и Соня въ „Дядѣ Ванѣ“ и т. д. и т. д. Эти Чеховскія героини совсѣмъ не похожи на Тургеневскихъ дѣвушекъ, переживающихъ расцвѣтъ чувства и сознательности, опирающихся на героевъ Инсаровыхъ или ищущихъ великаго дѣла и великихъ путей, какъ его Маріанна; ничѣмъ не напомнятъ онѣ и Толстовскихъ женщинъ, какъ-то безсознательно, стихійно, и потому, спокойно—выполняющихъ свою жизненную миссію; еще меньше общаго у нихъ съ героинями-подвижницами семидесятнической литературы, съ этими „дѣвушками почти монашескаго типа, съ печалью не о своемъ горѣ на лицѣ“. У героинь Чехова именно *свое* горе, домашнее, личное, при всей ихъ душевности, при всей сердечности ихъ отношенія къ окружающимъ. И если онѣ находятъ на своемъ языкѣ слова утѣшенія для друзей и близкихъ, то эти утѣшенія звучатъ такъ:

„Что же дѣлать, надо жить!.. Мы, дядя Ваня, будемъ жить. Проживемъ длинный-длинный рядъ дней, долгихъ вечеровъ; будемъ терпѣливо сносить испытанія, какія пошлетъ намъ судьба; будемъ трудиться для другихъ и теперь, и въ старости, не зная покоя, а когда наступитъ нашъ часъ, мы покорно умремъ и тамъ за гробомъ мы скажемъ, что мы страдали, что мы плакали, что намъ было горько, и Богъ сжалится надъ нами, и мы съ тобою, дядя, милый дядя, увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешнія наши несчастья оглянемся съ умиленіемъ, съ улыбкой—и отдохнемъ. Я вѣрую, дядя, я вѣрую горячо, страстно... Мы отдохнемъ!..“

Этотъ стонъ-утѣшеніе единственное, что находитъ въ своей сиротливой душѣ Соня въ „Дядѣ Ванѣ“, чтобы побудить къ жизни и себя и

несчастнаго своего родственника. Этотъ стонъ-утѣшеніе является, пожалуй, единственнымъ „призывомъ“, какой вообще въ силахъ сдѣлать безкрылый поэтъ эпохи бездорожья, эпохи „лишней интеллигенціи“... Мы видѣли, какъ цѣплялись за прежнюю вѣру Надсонъ, Гаршинъ, Якубовичъ; видѣли, какъ болѣзненно замирала эта вѣра у Каронина, и какъ, оглядываясь на нее, формально придерживаясь ея, уходилъ въ романтическую созерцательность Короленко. Для Чехова эта вѣра уже безусловно прошлое, быльемъ поросшее; романтики онъ былъ совершенно чуждъ. Онъ стоялъ одинокій среди угрюмой правды русской жизни, смотрѣлъ ей прямо въ глаза, не прикрываясь никакими утопіями—беззащитный, голый... И если два-три изображенныхъ имъ мечтателя назначаютъ „срокъ“ для будущей „красивой“ жизни, то огромное, подавляющее большинство тѣхъ его героевъ, которыхъ онъ даритъ своей симпатіей, только повторяютъ на разные лады стонъ Сони: „Что-же дѣлать, *надо* жить!..“

И никто въ нашей литературѣ не умѣлъ находить такихъ подлинныхъ, за душу хватающихъ нотъ для подобныхъ *стоновъ*, не умѣлъ такъ изображать этой сверлящей тоски, этого надрывающагося надъ самимъ собою, изнывающаго въ безсиліи ощущенія никчемности существованія...

Если говорить о преобладающемъ тонѣ Чехова и поставить вопросъ, гдѣ и въ чемъ достигалъ онъ вершинъ выразительности стиля, то придется отмѣтить три мотива.

Во-первыхъ, смѣхъ, юморъ. Въ юмористическихъ мѣстахъ попадаются такіе блестки и штрихи, создаются такія искрящіяся смѣхомъ словечки, что всякое чуткое ухо сразу распознаетъ въ художникѣ первокласнаго, прирожденнаго юмориста. Припомните юмористическіе очерки или такіе „хорошіе водевили“ (терминъ самого Чехова)—какъ „Медвѣдь“ и „Предложеніе“, или рецидивы, проблески прежняго смѣха въ самыхъ позднихъ произведеніяхъ „хмураго“ поэта, въ родѣ фигуръ Епиходова или Симеонова-Пищика въ „Вишневомъ садѣ“,—и вы, конечно, признаете, что это *достиженія* огромныя, сила и выразительность — поистинѣ классическія. Это отъ природы, отъ основного психическаго склада художника.

Другой даръ Чехова—это *пейзажъ*. Чтобы такъ овладѣть природой, такъ передавать ее, какъ передавалъ своей импрессіонистической кистью Чеховъ, нужно дѣйствительно интимно сродниться съ ней, подлинно возлюбить ее. И если вообще и стиль и вся концепція у Чехова обнаруживаютъ натуру, не склонную къ паѳосу, къ сильнымъ порывамъ, а сдержанно-созерцательную, то здѣсь, въ пейзажѣ чувствуется именно порывъ, воодушевленіе. Можно думать, что подобно Тригорину, изображенному въ „Чайкѣ“, и у Чехова *единственнымъ паѳосомъ была любовь къ природѣ*. Мнѣ незачѣмъ цитировать, приводить образцы его удивительной живописи словомъ. Напомню только очеркъ „Степь“, весь состоящій изъ пейзажей, или дивное описаніе вечера въ повѣсти „Въ оврагѣ“ въ сценѣ,

гдѣ несчастная Липа несетъ своего мертваго ребенка изъ больницы. Повидимому, когда свѣтлый смѣхъ Чехова погасъ, когда болѣзнь и русская жизнь въ эпоху бездорожья превратили его въ художника-„*нытика*", какъ онъ себя въ шутку называлъ, именно, на природѣ, на пейзажѣ только и отдыхалъ его взглядъ... Даже какую-то духовную поддержку, какое-то ободреніе черпаютъ иные измученные герои его—въ природѣ, въ пейзажѣ:

„Я точно первый разъ въ жизни вижу эти ели, клены, березы... Какія красивыя деревья, и, въ сущности, какая должна быть около нихъ красивая жизнь!"—это слова Тузенбаха въ „Трехъ сестрахъ", онъ произноситъ ихъ, разставаясь съ Ириной передъ дуэлью.

А въ повѣсти „Въ оврагѣ" тихая Липа повѣряетъ своей матери безотчетный ужасъ передъ тѣмъ, что творится въ кулацкомъ гнѣздѣ:

„—И зачѣмъ ты отдала меня сюда, маменька!"—И чувство безутѣшной скорби готово было овладѣть ими. Но казалось имъ, кто-то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы оттуда, гдѣ звѣзды, видитъ все, что происходитъ въ Уклеевѣ, и сторожитъ. И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью"...

Наконецъ, еще достиженія, еще вершины выразительности—это тѣ *стоны*, о которыхъ я говорилъ,—сокрушеніе надъ своей жизнью, въ родѣ недавно цитированнаго монолога-стона Сони, такого благоуханно-прекраснаго по простотѣ формы, такого трогательнаго по своему лиризму. Тутъ подлинная музыка—жалобная, надрывная, но прекрасная... А рядомъ съ этимъ монологомъ—*стонъ* другой чеховской *тихой* героини Ирины изъ „Трехъ сестеръ": „музыки" здѣсь меньше, вещи названы своими будничными, прозаическими именами; но выразительность—та же:

„Довольно, довольно!... Мнѣ уже двадцать четвертый годъ, работаю уже давно, и мозгъ высохъ, похудѣла, подурнѣла, постарѣла, и ничего, ничего, никакого удовлетворенія, а время идетъ и все кажется, что уходишь изъ настоящей, прекрасной жизни, уходишь все дальше и дальше, въ какую-то пропасть..."

Или тотъ же мотивъ—тоже ощущеніе уходящей, даромъ потраченной жизни, трактованный инымъ пріемомъ въ очеркѣ „На подводѣ", гдѣ сельская учительница видитъ въ поѣздѣ пассажирку, напоминающую ей ея мать:

„И она живо, съ поразительной ясностью, въ первый разъ за всѣ эти тридцать лѣтъ представила себѣ мать, отца, брата, квартиру въ Москвѣ, аквваріумъ съ рыбками и все до послѣдней мелочи... почувствовала себя, какъ тогда, молодой, красивой, нарядной, въ свѣтлой теплой комнатѣ, въ кругу родныхъ; чувство радости и счастья охватило ее, отъ восторга она сжала себѣ виски ладонями и окликнула тяжело, съ мольбой:—Мама!.. И заплакала неизвѣстно отъ чего..."

Эти три дара—даръ свѣтлаго смѣха, даръ пейзажный и, говоря словами Ибсена,—*„даръ скорби“*, надъ тщетой существованія, засасываемаго „мелочами“ и изсушаемаго бытомъ, отжившими, но не исчезающими формами,—вотъ три основныхъ дара Чехова. Къ нимъ сводится, на мой взглядъ, его поэтическая палитра, его стиль въ высшихъ его достиженіяхъ. Они же, думается, являются основными элементами его міроощущенія. Если первые два дара получены имъ отъ природы, то третій—подарила ему жизнь: мертвая идеологически эпоха, своего рода точка интерференціи между двумя волнами жизни—волною 60-хъ—70-хъ гг. и той, которая начала подниматься лишь во второй половинѣ 90-хъ гг.

Отъ этого бездорожья и распыленности, отъ этой идеологической оскомины, которая тогда переживалась, а въ Чеховѣ, какъ я указывалъ, отразилась съ особенной силой,—куда было уйти? гдѣ преклонить голову, особенно, когда прирожденная спасительная сила юношеской ироніи начала измѣнять, ослабѣла?.. Выбора не было, и Чеховъ прислонился къ „елямъ, кленамъ, березамъ“, впивалъ всей душой „воскресное утро“, „тихія и прекрасныя ночи“, да еще возлюбилъ тихихъ, искреннихъ, *милыхъ людей*... Просмотрите мысленно всю галлерею Чеховскихъ типовъ. Если онъ сколько-нибудь любовно относится къ человѣку, то именно къ такому какъ и его героини-„утѣшительницы“. Простыя сердцемъ, пожалуй, „нищія духомъ“, говоря языкомъ Евангелія,—тихія, застѣнчивыя и прежде всего искреннія натуры—вотъ единственное, что нашелъ Чеховъ въ жизни *положительнаго*. Таковъ робкій Мисаилъ въ „Моей жизни“, ненавидящій „умственный трудъ“ прокуроровъ, судей, администраторовъ, инженеровъ „съ ясными глазами“, и уходящій въ маляры; такова же его сестра; или тихій и добродушный, разочарованный искатель идеаловъ Лихаревъ, или сангвиникъ докторъ Самойленко въ „Дуэли“, помѣщикъ Брагинъ въ очеркѣ „Жена“, и фигуры засасываемыхъ средой интеллигентовъ въ родѣ Иванова въ драмѣ того же имени, доктора Астрова изъ „Дяди Вани“, „учителя словесности“ и т. д.

И этотъ чеховскій „идеалъ“—*милаго человѣка*—царитъ во всей литературѣ того времени. Никакого другого героя не могутъ придумать въ эти годы ни Мамины-Сибиряки, ни сочлены Чехова по восьмидесятнической „артели“, ни даже беллетристы, начинающіе въ 90-хъ годахъ, какъ Потапенко. *Средній человѣкъ*, какъ главный и постоянный объектъ творчества, *милый человѣкъ*, какъ идеалъ—вотъ въ двухъ словахъ характеристика всей этой полосы нашей беллетристики.

Чеховъ далъ безконечный рядъ картинъ бытія этого *средняго человѣка*, — цѣлый калейдоскопъ всевозможныхъ уголковъ русской жизни: отъ крестьянина, босяка, почтальона, учителя, врача, священника до архіерея и сановника или профессора—онъ перебралъ всѣ чины, званія и состоянія...

Чеховъ не задавался при этомъ ни сатирическими, ни, вообще, публицистическими цѣлями. Онъ толь-

ко рисовалъ, что видѣлъ и какъ видѣлъ. Можетъ быть, субъективный моментъ „безкрылости“ и мѣшалъ ему зарисовать кое-какія искры жизненности, элементы будущаго, которые существовали въ толщахъ жизни и въ унылую эпоху восьмидесятничества (ибо въ этихъ толщахъ жизнь, разумѣется, не останавливалась, какъ она остановилась въ интеллигентныхъ слояхъ). Если говорить о послѣднихъ годахъ Чехова, то извѣстная слѣпота его, въ этомъ смыслѣ, есть вещь очевидная: въ душѣ „хмураго“ восьмидесятника, вѣроятно, атрофировалась способность воспринимать *динамику* жизни, которая въ эти годы уже явственно начинала обнаруживаться. Но, конечно, относительно *своей* эпохи, въ общемъ и итоговомъ смыслѣ, онъ былъ глубоко правъ, подводилъ ей именно вѣрный *итогъ*. Типичными, преобладающими явленіями были именно тѣ, что онъ отражалъ своимъ „хмурымъ“ зеркаломъ; типичнымъ, основнымъ *тономъ жизни* въ тѣ годы былъ именно тонъ *Чеховскій*. Застоявшіяся, создавшіяся нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ формы жизни, въ годы господства деревенской помѣщичьей культуры, совершенно не были приспособлены къ нарождавшейся, усложненной жизни, гдѣ городъ уже начиналъ завоевывать значительную роль, гдѣ разслоившаяся деревня выдѣляла новые элементы; исконная, всюду проникавшая опека правительства душила всѣ зачатки новаго, герметически предотвращала доступъ свѣжаго воздуха. Износившіяся, подгнившія старыя рамки и перегородки усиленно ремонтировались и закрѣплялись. И въ этихъ рамкахъ и перегородкахъ задыхалась искусственно задерживаемая жизнь. И начиналось гніеніе, и подымались міазмы. Въ этой отравленной атмосферѣ, безъ идей, безъ надеждъ, растерявши недавнія мечты и упованія, бродили русскіе люди. Въ этой отравленной атмосферѣ „*надо* было жить“, какъ говоритъ Чеховская Соня. Не нужно было быть ни сатирикомъ, ни тенденціознымъ писателемъ, чтобы въ подобную эпоху давать „Чеховскіе“ итоги русской жизни.

Переутомившійся въ работѣ земскій врачъ неожиданно для самого себя, Богъ вѣсть почему, ударилъ по лицу своего фельдшера („Непріятность“) и онъ исповѣдуется передъ знакомымъ: „По вашему все это мелочи, пустяки? Но поймите же, что этихъ мелочей такъ много, что изъ нихъ сложилась вся жизнь, какъ изъ песчинокъ гора! Я больше не могу! Силъ нѣтъ!“

Мужъ увозитъ съ бала свою молодую жену, не изъ ревности, и не по инымъ причинамъ, а лишь потому, что ей хочется остаться („Мужъ“). Кандидатъ филологіи, готовящійся къ ученой карьерѣ „Володя маленькій“, „получившій отъ жены своего пріятеля, что ему нужно было“, сидитъ въ столовой и закусываетъ, а она, чуткая и интеллигентная женщина, стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ. Онъ сравниваетъ ее съ „собачкой, которая ждетъ, чтобы ей бросили кусочекъ ветчины“, потомъ сажаетъ ее къ себѣ на одно колѣно и качаетъ, припѣвая: „Тара... рабумбія“!.. („Володя большой и

Володя маленькій"). Мѣщанинъ „съ правилами" (очеркъ „Бабы") живетъ съ женой знакомаго, ушедшаго въ солдаты, а по возвращеніи послѣдняго „вручаетъ" ему свою возлюбленную и поучаетъ ее: „Вы, Марья Семеновна, говорю, должны теперь Василію Максимовичу ноги мыть и юшку пить. И будьте вы ему покорная жена, а за меня молитесь Богу, чтобы онъ, говорю, милосердный, простилъ мнѣ мое согрѣшеніе". А когда она снова бѣжитъ отъ мужа къ нему: „Не могу жить съ постылымъ; силъ моихъ нѣтъ! Если не любишь, то лучше убей!", онъ бьетъ ее уздечкой и гонитъ отъ себя, а мужъ истязуетъ ее... Другой любовникъ въ очеркѣ „Хористка" растратилъ казенныя деньги; жена его является въ квартиру къ наивной и простодушной хористкѣ—его любовницѣ; онъ дарилъ ей только „леденцы", но жена увѣрена, что онъ тратился именно на нее, и умоляетъ „вернуть драгоцѣнности". Хористка отдаетъ все, что у нея есть. А мужъ, спрятавшійся и слышавшій всю сцену, бросаетъ несчастной въ лицо—„тварь!" и пораженъ лишь однимъ: его „чистая и благородная" жена готова была стать на колѣни передъ „тварью"...

Или такая картинка провинціальнаго города:

„Наши лавочники... поили собакъ и кошекъ водкой или привязывали собакѣ къ хвосту жестянку изъ-подъ керосина, поднимали свистъ, и собака мчалась по улицѣ, гремя жестянкой, визжа отъ ужаса: ей казалось, что ее преслѣдуетъ по пятамъ какое-то чудовище... У насъ въ городѣ было нѣсколько собакъ, постоянно дрожавшихъ, съ поджатыми хвостами, про которыхъ говорили, что онѣ не перенесли такой работы — сошли съ ума" („Моя жизнь").

А вотъ общая характеристика города изъ той же повѣсти „Моя жизнь":

„Во всемъ городѣ ни одного честнаго человѣка! Дома — проклятыя гнѣзда, въ которыхъ сживаютъ со свѣта матерей, дочерей, мучаютъ дѣтей... Нужно одурять себя водкой, картами, сплетнями, надо подличать, ханжить... чтобы не замѣчать всего ужаса, который прячется въ этихъ домахъ".

Это ли не міазмы разложенія? Это ли не удушающая атмосфера?

Именно подобныя картины побудили одного англійскаго критика отозваться о Чеховѣ, какъ о „поразительномъ изобразителѣ рабьей души". Особенно поразили критика образчики безцѣльнаго, безсмысленнаго мучительства, которыхъ такъ много у Чехова. Англичанинъ отказывался понимать, „какимъ образомъ населеніе цѣлыхъ городовъ не только привыкаетъ къ такой атмосферѣ, но считаетъ ее вполнѣ нормальной"...

Къ концу своей дѣятельности Чеховъ перешелъ отъ отдѣльныхъ штриховъ и уголковъ, отъ психологіи единицъ, къ попыткамъ давать психологію цѣлыхъ слоевъ и классовъ. Эти попытки всѣ относятся къ концу 90-хъ годовъ и началу 900-хъ. Первый изъ такихъ итоговъ данъ тому именно слою населенія, который служилъ дотолѣ основной базой для всѣхъ интеллигентскихъ теорій и надеждъ. Чеховъ въ своей

повѣсти „Мужики“ (1896 г.) точно задался цѣлью очистить представленіе о деревнѣ отъ всѣхъ утопическихъ красокъ, въ которыя рядило деревню народничество. Мы видѣли у Каронина достаточно мрачныя картины изъ жизни „Парашкинцевъ“. Но если въ самой деревнѣ Каронинъ не находилъ элементовъ будущаго, то спѣшилъ уцѣпиться за выходцевъ изъ нея, за Луневыхъ, не рвавшихъ связи съ деревней и не забывавшихъ о ней. Такимъ образомъ, освѣщеніе вопроса, при всей его мрачности, все же какъ бы указывало на выходы, на динамику. Чеховъ даетъ статику и только статику—здѣсь, какъ и вездѣ. А статика эта такова, что официантъ московской гостиницы, Николай Чикельдѣевъ, и его тихая религіозная жена Ольга оказываются головой выше, много развитѣе, психически тоньше и культурнѣе всей этой озвѣрѣвшей отъ нужды и темноты деревни, куда они пріѣхали отдохнуть и поправиться. Николай заболѣлъ въ Москвѣ на своей изнуряющей службѣ. Но здѣсь, въ семьѣ родственниковъ, московское житье кажется ему раемъ. Онъ съ трогательной, наивной радостью, прячась отъ родныхъ, надѣваетъ иногда свой фракъ и обдергиваетъ его фалдочки... Иныя безчеловѣчныя сцены доводятъ его до того, что онъ „прижимается къ Ольгѣ, точно ища у нея защиты, и говоритъ ей тихо, дрожащимъ голосомъ“:

„— Оля, милая, не могу я больше тутъ. Силы моей нѣтъ. Ради Бога, ради Христа Небеснаго, напиши ты своей сестрицѣ Клавдіи Абрамовнѣ, пусть продаетъ и закладываетъ все, что есть у ней, пусть высылаетъ денегъ, мы уѣдемъ отсюда. О, Господи, — продолжалъ онъ съ тоской:—хотя бы однимъ глазкомъ на Москву взглянуть! Хоть бы она приснилась мнѣ, матушка!..“

Николай умираетъ, а Ольга съ дочуркой Сашей идетъ, побираясь Христовымъ именемъ, въ городъ. Ея мягкая душа готова простить всѣ обиды, какія она съ семьей перетерпѣла за зиму. Но вотъ какъ она все-же отзывается о деревнѣ и ея жителяхъ:

„Въ теченіе лѣта и зимы бывали такіе часы и дни, когда, казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга“.

Ольга находитъ объясненіе этому:

„Тяжкій трудъ, отъ котораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и не откуда ждать ее... Да и можетъ ли быть какая-нибудь помощь или добрый примѣръ отъ людей корыстолюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣнивыхъ, которые наѣзжаютъ въ деревню только затѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать? Ольга вспомнила, какой жалкій былъ видъ у стариковъ, когда зимою водили Кирьяка наказывать розгами“...

По вопросу о религіозности крестьянства Чеховъ даетъ такіе штрихи:

„Старикъ не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о Немъ; онъ признавалъ сверхъестественное, но думалъ, что это можетъ касаться однѣхъ только бабъ, и ко-

гда говорили при немъ о религіи или чудесномъ и задавали ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь:—А кто жъ его знаетъ!.. Бабка вѣрила, но какъ-то тускло: все перемѣшалось въ ея памяти, и едва она начинала думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда спать, становилась передъ образами и шептала:—Казанской Божіей Матери, Смоленской Божіей Матери, Троеручицы Божіей Матери"...

Нельзя было болѣе жестоко сорвать съ традиціоннаго представленія о деревнѣ послѣдніе остатки ореола, трудно было представить ее въ болѣе ужасающей наготѣ. Не удивительно, что повѣсть Чехова вызвала ожесточенныя нападки со стороны народнической критики. Марксисты, наоборотъ, выдвигали эту повѣсть, какъ показанія достовѣрнаго и безпристрастнаго свидѣтеля, оправдывающія ихъ скептицизмъ по адресу недавняго предмета поклоненія... Повѣсть Чехова, словно нарочно, появилась въ моментъ особенно ожесточеннаго спора между двумя лагерями, на которые въ эти годы раздѣлилась наша интеллигенція. Лагерь марксистовъ, уже достаточно многочисленный, имѣлъ на своей сторонѣ журналъ „Міръ Божій", въ которомъ покойный А. И. Богдановичъ и выступилъ съ горячей апологіей Чехова и его „Мужиковъ".

Таковъ былъ первый соціальный итогъ, который далъ Чеховъ...

Второй касался мѣщанства—деревенскаго кулачества: это повѣсть „Въ оврагѣ". Краски здѣсь еще мрачнѣе, чѣмъ въ „Мужикахъ". Тутъ картина хищнаго, упорнаго стяжанія, выколачиванія копейки, правдами и неправдами изъ всего и изо всѣхъ; тутъ сыновья, корысти ради, служащіе въ столицахъ сыщиками и фабрикующіе фальшивую монету; тутъ невѣстки, чтобы оставить наслѣдство за собою, ошпариваютъ кипяткомъ ребенка соперницы... Глава дома старикъ Цыбукинъ, послѣ ареста сына (фальшивомонетчика), впадаетъ въ ипохондрію: онъ боится денегъ, потому что „уже не можетъ отличить фальшивыя отъ настоящихъ", отказывается вести хозяйство; всѣмъ завладѣваетъ Аксинья, его невѣстка—хищная и распутная; она не кормитъ его, выгоняетъ въ концѣ-концовъ изъ дому... Объ Аксиньѣ работникъ даетъ такой отзывъ:—„Баба ничего, старательная. Въ ихнемъ дѣлѣ безъ этого нельзя... безъ грѣха то-есть".

Еще до ареста своего Анисимъ, чуя, что близится часъ расплаты за поддѣлку монеты, собирается въ городъ и при прощаніи его съ мачехой, богомольной Варварой, между ними происходитъ слѣдующій *символическій* діалогъ:

„— Ужъ очень мы народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ—и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ, покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ—на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?

— *Кто къ чему приставленъ*, мамаша.

— Да вѣдь умирать надо? Ой-ой, право, поговорилъ бы ты съ отцомъ!

— А вы бы сами поговорили!

— Н-ну! Я ему свое, а онъ мнѣ, какъ ты, въ одно слово: *кто къ чему приставленъ...*

Въ дальнѣйшемъ Анисимъ поясняетъ:

„— Да и откуда мнѣ знать, есть Богъ или нѣтъ? Насъ съ малолѣтства не къ тому учили, и младенецъ еще мать сосетъ, а его только одному учатъ: *кто къ чему приставленъ*"...

Немногимъ веселѣе и картины купеческой жизни. Вотъ старикъ-милліонщикъ, отецъ героя въ повѣсти „Три года": вся жизнь его ушла на амбаръ; приказчики забиты и запуганы, какъ крѣпостные, пресмыкаются передъ хозяиномъ и, только сходя съ ума, отваживаются на протестъ, на оцѣнку хозяина по заслугамъ; забиты, запуганы и на всю жизнь духовно искалѣчены и сыновья милліонера: они страдаютъ какимъ-то душевнымъ безсиліемъ, у нихъ словно отбили всякій вкусъ къ жизни и, получивши наслѣдство, они не знаютъ, что дѣлать ни съ деньгами, ни съ собой. Въ общемъ— какое-то тусклое, тоскливое безсиліе и никчемность.

Тоскуетъ среди приживалокъ и приживальщиковъ, въ безысходной праздности и пустотѣ жизни молодая купчиха въ „Бабьемъ царствѣ", *заболѣваетъ* тоскою молодая фабрикантша (въ „Случаѣ изъ практики"), о которой я уже упоминалъ. И всему существованію ея и работающихъ день и ночь въ пяти корпусахъ фабричныхъ—подводится такой итогъ:

„Ляликова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть, живетъ въ свое удовольствіе только одна Христина Дмитріевна (компаніонка молодой Ляликовой), пожилая, глупая дѣвица въ pince-nez. И выходитъ такъ, значитъ, что работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру... Но это такъ кажется, она здѣсь подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается—это дьяволъ"...

Таковы купцы и фабриканты и таково, по Чехову, существованіе наиболѣе сознательныхъ изъ нихъ.

А дворянскій, помѣщичій классъ?

Если Тургеневъ и Щедринъ рисовали наши помѣщичьи нравы въ эпоху крѣпостничества, если второй изъ нихъ зарегистрировалъ въ цѣломъ рядѣ картинъ моментъ „краха", моментъ перехода къ хозяйству съ вольнонаемнымъ трудомъ и бѣшеную погоню за всякими субсидіями и теплыми мѣстечками въ эпоху, когда уже началось дворянское „оскудѣніе", говоря терминомъ Сергѣя Атавы;—то Чеховъ знаетъ лишь оскудѣвшее дворянство. Въ его поле зрѣнія почти не попадаютъ крупныя, преуспѣвающія хозяйства. А среднее и мелкое землевладѣніе влачитъ у него ту же жизнь, полную тоски и ощущенія своей никчемности, какую влачатъ и перечисленныя выше группы. Почему то здѣсь у Чехова тона мягче, любовнѣе, трактованіе болѣе „снисходительное". Кажется, наиболѣе су-

рово нарисованъ бюрократъ-помѣщикъ въ очеркѣ „Жена"; да еще мелкопомѣстные, отъ праздности нестерпимо-словоточивые, то и дѣло несущіе какую-то банальщину о важныхъ матеріяхъ, „Печенѣгъ" и „жаба" — Ракевичъ (очеркъ „Въ усадьбѣ")... А въ большинствѣ, это, въ Чеховскомъ изображеніи, — безсильные, дряблые, люди, надорвавшіеся, какъ Ивановъ въ драмѣ, или такіе уже отъ рожденія, какъ въ очеркахъ „Сосѣди", „Страхъ" и др.

Здѣсь, уже не подъ вліяніемъ нужды и не во имя стяжанія, а какъ-то само собою, подъ вліяніемъ какого-то фатума жизнь складывается особенно нелѣпо, неключимо, и, такъ сказать,—бездарно. Именно здѣсь „дяди Вани" и Сони—Богъ вѣсть во имя чего!—пошлому и пустому фразеру „профессору" приносятъ себя въ жертву. Отсюда именно выходятъ мятущіяся, ищущія и ненаходящія, трепетныя, бездомныя „чайки"—Нины Зарѣчныя и талантливые Треплевы, кончающіе самоубійствомъ. И именно этому дворянскому углу русской дѣйствительности, именно *дворянской культурѣ* и *психологіи* пропѣлъ Чеховъ грустно-юмористическую *отходную* въ послѣдней своей драмѣ „Вишневый садъ". Въ глубокихъ по содержанію символахъ драма вскрываетъ всю немощность, всю психическую несостоятельность этихъ Гаевыхъ и Роневскихъ, практически безпомощныхъ—до смѣшного, до ребячливости; культурныхъ и чуткихъ, но пасующихъ передъ какимъ - нибудь лакеемъ понаглѣе и безропотно уступающихъ свое мѣсто въ жизни дѣльцамъ изъ кулаковъ—Лопахинымъ... Оскудѣвшіе дворяне ищутъ мѣстъ въ банкахъ, Лопахины вырубаютъ (очищая мѣсто подъ „дачи") ихъ чудесные поэтическіе „вишневые сады", а другая ипостась дворянской культуры дворовые изъ крѣпостныхъ Фирсы—умираютъ, всѣми забытые, въ заколоченныхъ усадьбахъ... Вотъ финалъ, послѣдній аккордъ панихиды.

Вся русская дѣйствительность въ писаніяхъ Чехова—это одинъ сплошной вздохъ, изрѣдка смягчаемый грустной улыбкой, а чаще стонъ безнадежнаго унынія; это—мелодія пастушьей *свирѣли* (изъ очерка „Свирѣль") — мелодія разоренія, вымиранія, обмелѣнія, истощенія...

Довольныхъ, спокойно жизнерадостныхъ, удовлетворенныхъ не знаетъ кисть Чехова. И въ этомъ сказывается, конечно, извѣстный субъективизмъ этого „бытописателя", этого поклонника точности и реализма: Чеховъ *не интересовался* довольными и спокойными. Гдѣ они въ его картинахъ? Съ трудомъ отыщемъ мы какого-нибудь инженера Должикова съ „ясными глазами", какого - нибудь натуралиста фонъ-Корена въ „Дуэли", педанта профессора въ „Дядѣ Ванѣ"... Даже символическій „человѣкъ въ футлярѣ", своими доносами и предупрежденіями—„какъ бы чего не вышло"—„державшій въ страхѣ" всѣхъ товарищей учителей и весь городъ,—даже и это классическое олицетвореніе реакціи и рутины—и тотъ полонъ страха жизни и въ сущности жалкій, полубольной чудакъ...

А все прочее задыхается въ невыносимой атмосферѣ „вымиранія" и обмелѣнія" и либо ожесточается

отъ тоски и творитъ безцѣльныя гадости, либо вмѣстѣ съ „учителями словесности“ вопіетъ:

„Гдѣ я, Боже мой?! Меня окружаетъ пошлость и пошлость... Нѣтъ, ничего страшнѣе, оскорбительнѣе, тоскливѣе пошлости. Бѣжать отсюда, бѣжать сегодня же, иначе я сойду съ ума!..“

Короленко, какъ мы видѣли, раздѣлилъ человѣчество на двѣ категоріи— практически, трезво мыслящихъ, будничныхъ людей и романтиковъ-мечтателей, отчасти мистиковъ. У Чехова тоже двѣ основныхъ категоріи. Къ одной сторонѣ онъ отодвигаетъ всѣхъ *нашедшихъ мѣсто* въ русской дѣйствительности, всѣхъ, кто „приставленъ“ къ чему-либо, какъ выражался герой „Оврага“ въ приведенномъ выше діалогѣ—и кто ничего иного не жаждетъ и не ищетъ, кто сумѣлъ *приспособиться*. Это царство пошлости, это — враги Чехова. Даже наименѣе вредныхъ изъ нихъ, какъ какой-нибудь учитель Кулыгинъ изъ „Трехъ сестеръ“, или Лида въ „Домѣ съ мезониномъ“, или фонъ-Коренъ, онъ изображаетъ съ затаенной, а то и явной ироніей.

Другая категорія это всѣ *не* нашедшіе, ищущіе, тоскующіе, не понимающіе смысла такой жизни, боящіеся ея.

„Безъ вѣры, безъ любви, безъ цѣли, какъ тѣнь, слоняюсь я среди людей...“ — это вопль героя первой Чеховской драмы Иванова. Его могли бы повторить, да и повторяютъ на разные лады,—почти всѣ герои всѣхъ очерковъ и драмъ, которые когда-либо писалъ Чеховъ.

Развѣ не „тѣни“, не призраки эти три сестры, восклицающія: „О, если бы знать... Если бы знать!“, и вторящій имъ несчастный, спившійся докторъ Чебутыкинъ: „Насъ нѣтъ, ничего нѣтъ на свѣтѣ, мы не существуемъ, а только кажется, что мы существуемъ... И не все ли равно!“... А Нина Зарѣчная въ „Чайкѣ“, а Катя въ „Скучной исторіи“, дядя Ваня и проч., и проч.

Въ очеркѣ „По дѣламъ службы“, докторъ, пріѣхавшій на слѣдствіе, видитъ сонъ на тему этого Чеховскаго лейтмотива. Въ образѣ старика „Цоцкаго“ (сотскаго), разносящаго цѣлую жизнь непонятные для него пакеты изъ управы въ волость, изъ стана въ управу, въ непогоду и вьюгу, въ холодъ и жару,—доктору чувствуется какой-то символъ всего нашего существованія: „мы идемъ... мы идемъ, мы идемъ“—звучитъ во снѣ доктора заунывный голосъ старика... Куда? зачѣмъ?—кто отвѣтитъ?..

И если „приставленныхъ къ мѣсту“ Чеховъ отвергалъ, то этихъ *ищущихъ*, этихъ блѣдныхъ и трепетныхъ Чеховъ дарилъ своей грустной улыбкой. Онъ самъ искалъ и не находилъ, этотъ *безкрылый* поэтъ, сынъ эпохи бездорожья.

Трудно, конечно, утверждать, что слѣдующая тирада выражаетъ настроеніе самого автора, что это Чеховскія мысли — лишь вложенныя въ уста Силину — герою очерка „Страхъ“:

„Я, голубчикъ, не понимаю и боюсь жизни... Нормальному, здоровому человѣку кажется, что онъ понимаетъ все, что видитъ и слышитъ, а я вотъ утерялъ это „кажется“ и изо дня въ день отравляю

себя страхомъ... Когда я лежу на травѣ и смотрю на козявку, которая родилась только вчера и ничего не понимаетъ, то мнѣ кажется, что ея жизнь состоитъ изъ сплошного ужаса, и въ ней я вижу самого себя...“

Но, на мой взглядъ, такое, напримѣръ, разсужденіе Чехова въ чудесномъ разсказѣ о скитальцѣ „Перекати-поле“ позволяетъ видѣть въ „страхѣ“ Силина кое-что родственное духу самого автора:

„Не далѣе какъ на аршинъ отъ меня лежалъ скиталецъ; за стѣнами (номера монастырской гостиницы) въ номерахъ и на дворѣ, около телѣгъ, среди богомольцевъ не одна сотня такихъ же скитальцевъ ожидала утра, а еще дальше, если сумѣть представить себѣ всю русскую землю, какое множество такихъ же перекати-поле, ища гдѣ лучше, шагало теперь по большимъ и проселочнымъ дорогамъ, или, въ ожиданіи разсвѣта, дремало въ постоялыхъ дворахъ, корчмахъ, гостиницахъ, на травѣ подъ небомъ... Засыпая, я воображалъ себѣ, какъ бы удивились и, быть можетъ, даже обрадовались всѣ эти люди, если бы нашлись разумъ и языкъ, которые сумѣли бы доказать имъ, что ихъ жизнь такъ же мало нуждается въ оправданіи, какъ и всякая другая“...

Тонъ разсужденія спокойный, но затаенный вздохъ чувствуется подъ этимъ спокойствіемъ, но душевная смута, безусловно, даетъ себя знать въ этомъ вздохѣ по адресу всѣхъ россійскихъ „перекати-поле“...

Отъ своей „безкрылости“, отъ этой душевной смуты Чеховъ — какъ я указывалъ — находилъ спасеніе въ юморѣ да въ „паѳосѣ пейзажа“. Всю безысходную нескладицу жизни, все это море убожества, пошлости и скорби онъ умѣлъ обвѣвать цвѣтами поэзіи, обвѣвать ароматомъ „вишневыхъ садовъ“, „прекрасныхъ ночей“, „яснаго утра“... И эта смѣсь и чередованіе душу угнетающаго жизненнаго матеріала, съ юморомъ и съ благоухающей поэзіей, эта своеобразная, чисто чеховская комбинація — только и создаютъ извѣстную гармонію, безъ которой былъ бы не выносимъ тонъ Чеховскихъ писаній, безъ которой они превратились бы въ сплошной стонъ:

> Словно какъ мать надъ сыновней могилой
> Стонетъ куликъ надъ равниной унылой...

Вотъ *тонъ* Чеховской музы, вотъ основа его жизнеощущенія...

А вѣдь онъ любилъ жизнь—этотъ стонущій восьмидесятникъ... Объ этомъ свидѣтельствуютъ не только его юношескія произведенія и письма, въ родѣ письма къ Плещееву: „Мое святое святыхъ — это человѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода,— свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣднія не выражались. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ“... Въ своихъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ, И. А. Бунинъ передаетъ его восторженный отзывъ о Лермонтовской Тамани: „Чехова прельщала, несомнѣнно, буйная, дикая сила, которую Лермонтовъ сумѣлъ нарисовать съ такимъ изяществомъ... Но у самого Чехова въ двухъ-трехъ вещахъ есть намекъ

на это тяготѣніе его къ „язычеству". Въ послѣднихъ вещахъ, уже отражающихъ хоть и очень слабо новыя времена и новую атмосферу, есть такія мѣста:

„Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить отъ высшаго, отъ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или — не нужно разсуждать вовсе" („О любви").

Или:

„Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь эти три аршина нужны трупу, а не человѣку... Человѣку— нуженъ весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа" („Крыжовникъ").

А въ одномъ изъ произведеній средней полосы его дѣятельности есть мѣста, какъ это ни странно, но какъ бы предвосхищающія мотивы такого антипода Чехова, какъ Горькій: я разумѣю очеркъ „Воры", гдѣ Мерикъ и Любка являются предшественниками Челкашей и Мальвъ. Фельдшеръ, у котораго они украли лошадь, размышляетъ о нихъ съ завистливымъ чувствомъ:

„Къ чему на этомъ свѣтѣ доктора, фельдшера, купцы, писаря, мужики, а не просто вольные люди? Есть же вѣдь вольныя птицы, вольные звѣри, вольный Мерикъ, и никого они не боятся, и никто имъ не нуженъ!.. Ахъ, вскочить бы на лошадь, не спрашивая, чья она, носиться бы чортомъ въ перегонку съ вѣтромъ, по полямъ, лѣсамъ и оврагамъ, любить бы дѣвушекъ, смѣяться бы надъ всѣми людьми..."

Писанія Чехова, несмотря на полное отсутствіе у него всякихъ публицистическихъ намѣреній и заданій, а вѣрнѣе — именно благодаря этому отсутствію, — при томъ мрачномъ, безнадежномъ итогѣ, который всѣ въ совокупности они давали русской дѣйствительности того времени, имѣли огромное общественное значеніе. Впечатлѣніе отъ чеховскаго *итога* было тѣмъ сильнѣе, что художникъ совершенно не преслѣдовалъ цѣлей бичеванія, сатирическаго поученія, занимался не формами жизни, а лишь *психологіей*. Да и по всему складу своему онъ вовсе не походилъ на какого-нибудь отрицателя современности и былъ совершенно чуждъ всякаго сантиментализма и болѣзненной впечатлительности. Наоборотъ, какая-то спокойная, можетъ быть, нѣсколько равнодушная, сдержанная созерцательность — вотъ основная черта его темперамента, сквозящая и въ его художественномъ творчествѣ, а особенно ярко проявляющаяся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ въ положительной, публицистической формѣ высказывается на соціальныя темы (напомню его очерки Сахалина). „Стоны" *такого* человѣка, безнадежные психологическіе итоги, подводимые *такимъ* художникомъ, должны были дѣйствовать и дѣйствовали — такъ сказать — a fortiori, съ усугубленной убѣдительностью. И именно въ 90-хъ годахъ, къ концу ихъ, когда русская дѣйствительность уже стала выдѣлять изъ себя новые творческіе элементы, когда застоявшаяся, загнившая трясина, наконецъ, всколыхну-

лась, и надъ ней повѣяло свѣжимъ воздухомъ, когда, словомъ, *чеховщина* въ жизни начала отодвигаться въ прошлое,—произведенія Чехова завоевали себѣ огромную популярность и дали могучій толчокъ общественному самосознанію. Для представителей новаго поколѣнія, для людей новой полосы Чеховъ поставлялъ такіе аргументы и доводы, разительнѣе, убѣдительнѣе которыхъ нельзя было и желать...

Направленіе культуртрегеровъ изъ „Недѣли", какъ я упоминалъ, объявило Чехова *своимъ* художникомъ. И формально было, пожалуй, право: вмѣстѣ съ гг. Гайдебуровыми и Абрамовыми и Чеховъ, въ идеологическомъ смыслѣ, являлся „точкой интерференціи", былъ типичнымъ восьмидесятникомъ. Но злую, можно сказать, шутку сыгралъ онъ съ этими своими апологетами. Они возводили въ идеалъ свою промежуточность и безкрылость, съ тупымъ самодовольствомъ пропагандировали ихъ, создавали „направленіе" изъ своего крохоборства. А Чеховъ, быть можетъ, и помимо всякихъ намѣреній, далъ, именно, полное опроверженіе ихъ примирительныхъ, приспособляющихся идеекъ. Изъ того итога русской дѣйствительности, какой онъ далъ въ своихъ картинахъ ея, логически вытекала необходимость радикальной ломки и чистки всего зданія, коренного переустройства его сверху до низу, отъ крыши до фундамента...

Помимо временнаго и мѣстнаго значенія своего, та основная язва русской жизни, которую указалъ Чеховъ,—это дѣленіе на людей, *приставленныхъ* къ чему-либо и для жизни мертвыхъ, и *людей-призраковъ,* людей ищущихъ и не находящихъ,—въ его обобщенномъ художественномъ трактованіи, получаетъ значеніе расширенное, не мѣстное, а *общечеловѣческое.* Искусственыя перегородки, классовыя и культурныя, изсушаютъ и калѣчатъ человѣческій обликъ не только въ Россіи, а въ любомъ современномъ обществѣ... Количественная разница между нами и Европой, въ этомъ смыслѣ, конечно, велика, но все же это разница *количественная,* а не качественная...

Но если велико было общественное значеніе Чехова, то еще больше художественная цѣнность его произведеній. Въ области художества Чеховъ, безспорно, сказалъ у насъ *новое слово* и формальное и по существу.

Я не буду входить въ подробности о формальныхъ *нововведеніяхъ,* сдѣланныхъ Чеховымъ въ нашей литературѣ. Отмѣчу только, что всѣ они шли по направленію—*экономіи художественныхъ средствъ* и *концентрированной силы впечатлѣнія.* Можетъ быть, „распыленное" жизнеощущеніе лишало Чехова возможности давать широкія картины, компановать романы и эпопеи, какіе создавались въ 50-хъ и 60-хъ годахъ Тургеневыми и Толстыми... По мѣрѣ того, какъ стройное въ основныхъ своихъ линіяхъ міросозерцаніе эпохи освобожденія крестьянъ дробилось и усложнялось, большія произведенія смѣнялись очерками и набросками.

Уже эпоха критическихъ народниковъ не знаетъ романа. Очерки и только очерки пишутъ Успенскій,

Гаршинъ, Каронинъ, Короленко. Именно, форму *очерка* разрабатываетъ до удивительнаго совершенства Чеховъ. Нужно замѣтить, что попытки большихъ повѣстей ему не удавались: „Моя жизнь“ и „Три года“, какъ по архитектоникѣ, такъ и внутренней силѣ, безспорно гораздо ниже Чеховскаго очерка... И вотъ форма сама по себѣ могла побуждать къ той *экономіи средствъ*, о которой я говорю...

Импрессіонизмъ и *драматическая форма повѣствованія* (зачатки того и другого имѣются уже у Толстого) примѣняются Чеховымъ сознательно и неизмѣнно, замѣняя былыя „протокольныя“, детальныя описанія и curriculum vitae каждаго героя, какія мы въ изобиліи находимъ у Тургенева. Чеховъ же вводитъ (этого почти не знаетъ и Толстой) *синтетическое трактованіе личности и среды*, фигуры и обстановки, которыя трактуются имъ во взаимодѣйствіи, по отношенію другъ къ другу, а не самостоятельно и раздѣльно, какъ въ былое время.

Всѣ эти три пріема диктуются именно *экономіей художественныхъ средствъ*.

Въ письмѣ къ беллетристу Житкевичу Чеховъ дѣлаетъ такія замѣчанія: „Томы Пушкина у васъ „разъединяются“, изданіе Д. Библіотеки „прижато“. И чего ради все это? Вы задерживаете вниманіе читателя и утомляете его, такъ какъ заставляете его остановиться, чтобы вообразить пеструю этажерку или прижатаго Гамлета...“

Или въ томъ же письмѣ о пейзажѣ въ беллетристикѣ:

„Описанія природы тогда лишь умѣстны и не портятъ дѣла, когда они кстати, когда помогаютъ вамъ сообщить читателю то или другое настроеніе, какъ музыка въ мелодекламаціи“...

Чеховъ обучаетъ здѣсь той простотѣ, которою такъ чаруютъ его собственныя вещи, и все тому же принципу *экономіи*, отъ котораго самъ никогда не отступалъ.

Въ этихъ новшествахъ Чеховъ развивалъ то, что уже намѣчается у Толстого, и переносилъ къ намъ европейскую технику очерка, такъ удивительно разработанную Мопассаномъ. Этотъ французскій художникъ являлся, до извѣстной степени, учителемъ Чехова: послѣдній не только восторженно отзывался о немъ, не только хорошо зналъ его произведенія, но высказывалъ даже намѣреніе заняться переводомъ ихъ на русскій языкъ и перевести все— отъ доски до доски...

О богатствѣ, точности и разнообразіи Чеховскаго языка, а также объ удивительномъ, изящномъ *чувствѣ мѣры*, никогда ему не измѣнявшемъ, говорить не буду: слишкомъ общеизвѣстны, слишкомъ бросаются въ глаза эти свойства его прозы.

Во второй половинѣ своей дѣятельности, Чеховъ, расширяя свои темы и задаваясь нѣкоторыми итогами, переходитъ отъ чисто реалистическихъ пріемовъ къ робкому и сдержанному символизму. Въ „Чайкѣ“ судьба ищущей, трепетной Нины Зарѣчной символизируется въ видѣ этой бѣлой птицы, безпокойно носящейся надъ водами, съ безпокойно-унылымъ крикомъ, гибнущей отъ пули Треплева... Символически

сгущены контуры въ фигурахъ „лишней интеллигенціи“ въ драмѣ „Три сестры“; символиченъ и ихъ вопль „въ Москву! въ Москву!“— вопль безсильной тоски отъ сознанія своей оторванности, своей никчемности... Еще опредѣленнѣе символистична послѣдняя драма Чехова „Вишневый садъ“: тутъ и сгущенные контуры у фигуръ, олицетворяющихъ помѣщичье оскудѣніе и самый образъ вишневаго сада, вырубаемаго Лопахинымъ, и смерть Фирса, символизирующая смерть цѣлаго уклада жизни — и особенный, жуткій, непонятный звукъ „какъ бы отъ бадьи, упавшей въ воду“, дважды повторяющійся на протяженіи пьесы—все это типическіе пріемы символизаціи...

Прибѣгаетъ Чеховъ къ символизаціи и въ очеркахъ этого времени: напомню „Человѣка въ футлярѣ“, героя очерка „Крыжовникъ“—мономана мѣщанскаго счастья, напомню приведенный выше діалогъ изъ повѣсти „Въ оврагѣ“ (о томъ, „кто къ чему приставленъ“), тамъ же—сцены ухода Липы изъ кулачьяго гнѣзда и встрѣчи ея съ неизвѣстнымъ старикомъ, утѣшающимъ ее странной рѣчью о „великой матушкѣ Россіи“... и т. д.

Въ драмахъ своихъ Чеховъ являлся новаторомъ уже и *по существу*. За исключеніемъ пожалуй, „Иванова“ — вещи, написанной почти въ обычныхъ пріемахъ,—Чеховъ всюду даетъ *драму настроенія,* а не драму дѣйствія и характеровъ. *Наростающій лиризмъ, не находящій себѣ разрѣшенія* въ катаклизмѣ, въ борьбѣ, *въ дѣйствіи* словомъ, а такъ и остающійся лиризмомъ, вотъ паѳосъ Чеховской драмы... И надо признать очень характернымъ для того момента русской жизни это нововведеніе Чехова: и въ жизни „лиризмъ“ интеллигенціи не находилъ себѣ дѣйственнаго исхода, оставался безъ разрѣшенія, обреченный какъ бы поѣдать самого себя. Да, пожалуй, и вообще въ Чеховской *драмѣ настроенія* надо признать много русскихъ національныхъ чертъ...

Другая особенность Чеховской драмы — *отсутствіе діалога,* въ настоящемъ значеніи этого слова. Герои Чехова не столько ведутъ бесѣду, не столько обмѣниваются мыслями, сколько просто *высказываются* каждый за себя: это все *одиночки,* выявляющія свое индивидуальное настроеніе, свой лиризмъ въ рядѣ *монологовъ.*

И здѣсь можно опять провести параллель съ Чеховской эпохой,—эпохой раздробленности и распыленности интеллигентныхъ одиночекъ...

Повторяю, трудно найти другого такого писателя, который являлся бы столь адэкватнымъ выразителемъ своей эпохи въ общемъ и мелочахъ.

Но основное „новое слово“, которое произнесъ Чеховъ въ нашей беллетристикѣ,—это новизна самой концепціи художественной. Тутъ онъ былъ истиннымъ новаторомъ, хотя и не шумѣлъ, не развертывалъ эффектнаго знамени, а, по обычаю своему, тихо, но увѣренно дѣлалъ свое дѣло. Конечно, и здѣсь онъ выражалъ общее тяготѣніе, общее устремленіе нашей интеллигенціи, въ умонастроеніи которой происходилъ значительный переломъ.

Господствовавшая дотолѣ теорія

Николай Николаевичъ Златовратскій.

Съ фотографическаго портрета.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

2

гражданскаго, идейнаго искусства вполнѣ соотвѣтствовала эпохѣ, когда почти вся политическая и общественная жизнь вгонялась въ литературу, въ журналистику; а съ другой стороны, немногочисленная еще интеллигенція естественно чувствовала обязанность и право учительствовать, до извѣстной степени, *опекать* массы, стоявшія на безконечно болѣе низкой степени общественнаго и культурнаго развитія. При всей беззавѣтной преданности народу, при всемъ преклоненіи передъ нимъ, въ интимной подоплекѣ народническихъ настроеній не могла не сказываться и дѣйствительно сказывалась эта черта,—по существу своему, конечно, не демократическая. Въ реакціонную и безыдейную пору 80-хъ годовъ въ міросозерцаніе интеллигенціи вносится поправка, глубоко демократическая и плодотворная: оставшись безъ ученій, которыя позволяли приписывать себѣ рѣшающее значеніе въ жизни страны, побуждали преувеличивать роль „критически-мыслящей“ личности, какъ это дѣлали Лавровъ и Михайловскій,—интеллигенція какъ бы поняла свою истинную *практическую задачу*—быть истолковательницей массовыхъ стремленій и лишь помогать ихъ реализаціи. Какъ я уже отмѣчалъ, и голосъ литературы въ эти годы изъ *рѣшающаго* становится только *совѣщательнымъ*, а „учителя жизни“, въ родѣ Чернышевскихъ, Герценовъ, Михайловскихъ, смѣняются „писателями-друзьями“, писателями-наперстниками... Одновременно и во внутренней связи съ этимъ измѣняется и взглядъ на искусство и его задачи. Область искусства расширяется, искусство освобождается отъ своей прежней специфически гражданской миссіи, провозглашается принципъ *свободнаго искусства*, а по содержанію своему оно постепенно переходитъ отъ концепціи *морально-общественной* къ расширенной и углубленной *эстетико-философской* концепціи.

Чеховъ, конечно, дѣлалъ лишь первые шаги на этомъ пути: онъ еще не вливалъ новаго содержанія, не указывалъ и не могъ указывать новыхъ цѣлей. Но что онъ сознательно шелъ по этому новому пути,—доказываетъ такое мѣсто изъ того же его письма къ Плещееву, изъ котораго я выписалъ выше его profession de foi:

„Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непремѣнно либераломъ или консерваторомъ. Я не либералъ, не консерваторъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индиферентистъ. Я хотѣлъ бы быть *свободнымъ художникомъ и—только,* и жалѣю, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы быть имъ“.

Это писано въ 1887 г., а въ 1895 г.—къ этому времени въ литературѣ уже достаточно шумѣли новаторы-декаденты—Чеховъ, какъ бы отграничивая себя отъ ихъ проповѣди эстетизма, устами Дорна въ „Чайкѣ“ такъ резюмируетъ свой взглядъ на искусство и его задачи:

„Художественное произведеніе непремѣнно должно выражать какую-нибудь большую мысль. Только то прекрасно, что серьезно... И вотъ еще что. Въ произведеніи должна быть ясная, опредѣленная мысль. Вы должны знать, для чего пишете, иначе, если пойдете по этой живо-

писной дорогѣ безъ опредѣленной цѣли, то вы заблудитесь, и вашъ талантъ погубитъ васъ"...

Теорія гражданскаго искусства въ эти годы уже лишалась своего былого обаянія. Я уже упоминалъ, что Н. К. Михайловскій настаивалъ на ней, хотя и дѣлалъ это лишь въ отрицательной, полемической формѣ, ополчаясь на поборниковъ „новой мозговой линіи"—Волынскихъ, Минскихъ и пр. Въ положительномъ же смыслѣ, онъ выставлялъ лозунги настолько общіе, что они, въ сущности, вопроса не рѣшали (въ родѣ ссылокъ на Фехнеровскую идею о томъ, что „цѣлью искусства можетъ быть только благоденствіе человѣчества"). Настроеніе Чехова, однако, за отсутствіе „гражданскихъ" мотивовъ, Михайловскій опредѣлялъ такъ: „холодная кровь" (по заглавію одного изъ Чеховскихъ очерковъ) и иронизировалъ надъ „бубенчиками, которые такъ мило пересмѣиваются съ колокольчиками"...

Но В. Г. Короленко уже далеко не былъ такъ твердъ въ этомъ пунктѣ. Описывая въ своихъ воспоминаніяхъ о Чеховѣ первую встрѣчу съ нимъ, относящуюся къ 1887 г., Короленко говоритъ:

„Въ воздухѣ чувствовалась необходимость нѣкотораго „пересмотра", чтобы пуститься въ путь дальнѣйшей борьбы и дальнѣйшихъ исканій... И поэтому самая „свобода" Чехова отъ „партій" данной минуты, при наличности большого таланта и большой искренности, казалась мнѣ тогда, признаюсь, нѣкоторымъ преимуществомъ. Все равно,—думалъ я,—это не надолго"... (Сборникъ „Отошедшіе".)

„Необходимость пересмотра" дѣйствительно чувствовалась всюду и вездѣ. Переоцѣнкѣ подвергались самыя интимныя стороны былого міросозерцанія, и въ томъ числѣ—постановка вопроса о назначеніи и цѣнности искусства. Чеховъ осторожно, съ оговорками, на которыя я указывалъ, пролагалъ въ этомъ вопросѣ новые пути. Именно идеѣ о *самоцѣнности свободнаго искусства*, о значеніи его, какъ таковаго, независимо отъ всякихъ утилитарнослужебныхъ цѣлей, посвящены нѣкоторые Чеховскіе очерки. Назову такія чудесныя вещи, какъ „Художество", „На паромѣ" и юмористическій „веселый" очеркъ „Капитанскій мундиръ"...

Что касается предчувствія новаго расширеннаго міросозерцанія и расширеннаго содержанія искусства, то намеки на такое предчувствіе можно найти у Чехова во многихъ мѣстахъ.

Такъ, *мечтатели* его говорятъ чаще всего не о „счастливой" и „справедливой" жизни, а о *прекрасной* или *красивой*... „Все нынѣшнее будетъ казаться и угловатымъ, и тяжелымъ, и очень неудобнымъ, и страннымъ", (а не „несправедливымъ", или „безнравственнымъ")—говоритъ Вершининъ, мечтая о людяхъ, каковыми они будутъ „лѣтъ черезъ 200—300". Въ приведенной уже мною цитатѣ изъ очерка „О любви" Чеховъ, какъ бы explicite, высказывается о недостаточности и несостоятельности моральныхъ и эвдемонистическихъ критеріевъ, которыми пробавлялись дотолѣ:

„Нужно исходить отъ высшаго, отъ болѣе важнаго, чѣмъ счастье

или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ"...

Во всемъ этомъ уже чувствуется типичное для новой эпохи устремленіе отъ морально-общественныхъ критеріевъ и синтезовъ, къ синтезамъ *эстетико-философскимъ*...

Остановившись на Чеховѣ,—этой центральной фигурѣ въ нашемъ художествѣ 80-хъ и первой половины 90-хъ годовъ,—съ тѣмъ вниманіемъ, какое дозволялось рамками статьи, я могу уже въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ коснуться остальныхъ представителей нашей беллетристики, дѣйствовавшихъ въ упомянутую пору. Всѣ типичныя черты Чехова налицо и у нихъ (за изъятіемъ, конечно, его огромнаго художественнаго дара и тѣхъ „новшествъ", которыми онъ какъ бы подавалъ руку слѣдующей эпохѣ).—Характеръ темъ и мотивовъ, основныя черты жизнеощущенія объединяютъ всѣхъ членовъ восьмидесятнической „артели" съ ея „старостой", съ ея главой—Чеховымъ.

О томъ же *среднемъ человѣкѣ* и его *психологіи, внѣ всякихъ соціальныхъ перспективъ и всякой общественной динамики,* о тѣхъ же „*мелочахъ*" быта различныхъ угловъ жизни—пишутъ восьмидесятники, которыхъ можно было бы обнять терминомъ *литераторы-обыватели*. Какъ идеалъ они выдвигаютъ все того же *милаго человѣка,* непосредственнаго, искренняго, „внѣ партій", „внѣ предвзятыхъ идей" и... *внѣ* всякихъ помысловъ о творческомъ вмѣшательствѣ въ жизнь. Таковы оба брата Тихоновы: драматургъ и фельетонистъ Владиміръ („Военные и путевые очерки и разсказы", „Разбитые кумиры", „Комедіи" и др.) и Алексѣй (пишущій подъ псевдонимомъ А. Лугового)—авторъ красивыхъ по формѣ, не лишенныхъ красокъ и живой психологіи романовъ „На куриномъ насѣстѣ", „Pollice verso" и др. Таковъ И. Щегловъ (Леонтіевъ), печатавшій свои разсказы сначала въ „Отеч. запискахъ", а затѣмъ въ „Новомъ Времени", авторъ книги „О народномъ театрѣ" и нѣск. комедій и водевилей („Дачный мужъ", „Въ горахъ Кавказа", „Господа театралы" и др.). Таковъ Бѣжецкій, авторъ живыхъ, но именно *обывательскихъ* по настроенію очерковъ изъ военнаго быта.

Къ этой же категоріи *художниковъ-обывателей* надо отнести женщинъ-писательницъ, какъ С. И. Смирнова (подобно Щеглову, начавъ съ „От. Записокъ", перекочевала впослѣдствіи въ „Новое Время" и даетъ тамъ фельетоны, преисполненные нововременскаго духа); М. В. Крестовская, съ ея схематической психологичностью, давшая впрочемъ интересные „Уголки театральнаго міра"; и В. Микуличъ (Л. Н. Веселовская); повѣсти послѣдней изъ свѣтской жизни: „Мимочка на водахъ", „Мимочка отравилась", „Зарницы" и др., обнаруживаютъ хорошую технику и живой юморъ... Женщины-писательницы восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ еще типичнѣе для своей эпохи, чѣмъ мужчины: у нихъ уже все безусловно сосредоточено на личной психологіи, а рамки наблюденій совпадаютъ съ рамками личной и семейной жизни...

Къ тому же; въ сущности, сводится въ эти годы творчество старшихъ современниковъ Чехова. К. С. Баранцевичъ въ романахъ, какъ „Раба", и цѣлой серіи мелкихъ разсказовъ, въ сборникахъ „Подъ гнетомъ", „Порванная струна", „Старое и новое",—унылыми, сѣрыми красками рисуетъ судьбу цѣлой серіи жалкихъ неудачниковъ. М. Н. Альбовъ пробавляется тѣми же мотивами въ пространныхъ повѣстяхъ и романахъ, съ нѣсколько вымученнымъ психологическимъ анализомъ „одиночекъ", въ этомъ анализѣ ощутительно подражая Достоевскому и съ особенной тщательностью останавливаясь на психіатрическихъ моментахъ. Изъ *бытовыхъ* его вещей отмѣчу „Конецъ Невѣдомой улицы" и „Ряса" (бытъ духовенства).

Нѣсколько *„старшихъ* современниковъ" пытаются оживить народническія традиціи, неизмѣнно придерживаются ихъ, но, думается,—„свобода отъ партій" — по выше цитированному выраженію Короленки—„въ данную минуту" была бы для нихъ лишь „преимуществомъ"...

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, наиболѣе яркій въ первыхъ своихъ вещахъ, посвященныхъ быту Зауралья и Западной Сибири („Золотуха", „Уральскіе разсказы" и пр.) даетъ подчасъ довольно наивные перепѣвы народническихъ мелодій, воспѣвая стихійную мощь трудового крестьянства (при видѣ, напримѣръ... голодныхъ сплавщиковъ, согнанныхъ нуждой на Чусовую!), и не прочь даже полемически высказаться о новомъ (марксистскомъ) теченіи, которое именуетъ „индивидуалистическимъ"... При нѣкоторой наивности и необработанности формы, онъ даетъ все же яркія и правдивыя картины жизни какъ пролетаризируемаго крестьянства, на промыслахъ, такъ и всевозможныхъ аферистовъ и промышленниковъ, „кормящихся отъ Сибири". Въ позднѣйшихъ романахъ онъ переходитъ къ изображенію такъ называемаго „общества", и талантъ его обезличивается: въ 90-хъ годахъ онъ даетъ лишь заурядныя вещи въ родѣ „Очерковъ изъ жизни Пепко",—совершенно въ духѣ и тонѣ восьмидесятнической артели. Ему же принадлежитъ нѣсколько талантливыхъ сборниковъ дѣтскихъ сказокъ.

С. Я. Елпатьевскій, пріобрѣвшій имя своими „Очерками Сибири", продолжалъ также народническія традиціи, грѣша тенденціозностью и нѣкоторой сантиментальностью. Въ послѣдніе годы онъ бросаетъ беллетристику и, думается, находитъ свое истинное призваніе, давая очерки видѣннаго и пережитого, впечатлѣнія изъ путешествій, полныя интересныхъ наблюденій и гораздо болѣе яркія, чѣмъ его беллетристика, въ которой ему, повидимому, мѣшали именно „традиціи"...

Традиціями же пробавляются и двѣ писательницы—О. А. Шапиръ и В. І. Дмитріева: первая въ духѣ либеральнаго идеализма, а вторая—въ духѣ народничества. Перу послѣдней принадлежатъ повѣсти и очерки почти исключительно изъ жизни крестьянства и „идейной" интеллигенціи; въ самые послѣдніе годы она затрагивала и фабричную среду, но, конечно, подъ тѣмъ же народническимъ угломъ зрѣнія.

Колеблющуюся позицію между народничествомъ и либерализмомъ буржуазнаго оттѣнка всю жизнь занимаетъ А. И. Эртель. Въ своихъ искусственныхъ, страдающихъ излишней „литературностью“ и многословіемъ произведеніяхъ онъ даетъ рядъ картинъ крестьянской и помѣщичьей жизни, пристально слѣдитъ за нарожденіемъ кулачества и „хозяйственности“ („Записки степняка“), пригоняетъ къ сельскохозяйственной практикѣ ученіе Толстого („Смѣна“, „Гарденины“); но въ общемъ, въ силу именно непокидающей его *предвзятости,* при отсутствіи сколько-нибудь опредѣленнаго міросозерцанія, онъ, въ смыслѣ художественномъ, представляетъ небольшой интересъ. Слѣдуетъ отмѣтить въ его писательской физіономіи очень характерное проявленіе той растерянности, той спутанности идей, которыя переживались въ его эпоху... Въ послѣднее время интересъ къ нему пытались искусственно оживить поклонники новой откровенно-буржуазной интеллигенціи, по поводу недавно опубликованной переписки Эртеля: здѣсь критика интеллигенціи кое въ чемъ совпадаетъ съ критикой ея въ пресловутомъ сборникѣ „Вѣхи“. Но, на мой взглядъ, и переписка Эртеля не болѣе значительна, чѣмъ его художество, о которомъ Н. К. Михайловскій выразился такъ: „Г. Эртель никому не угодилъ“. И въ перепискѣ—то же отсутствіе искренности и простоты и изрядная доза претенціозности...

Не нарушали, конечно, общей картины восьмидесятнической литературы только что указанные—далеко не яркіе—пережитки народничества. Тѣмъ менѣе могли ее нарушить писанія такихъ второстепенныхъ дидактическихъ и сантиментальныхъ продолжателей Шеллера, какъ Г. А. Мачтетъ, пользовавшійся одно время, какъ бы „по инерціи“, успѣхомъ въ кружкахъ радикальной молодежи, преимущественно въ провинціи... Сергѣй Атава, привлекшій къ себѣ вниманіе своими очерками „Оскудѣніе“, трактовалъ темы историко-бытовыя, съ нѣкоторымъ однообразіемъ, но ярко живописуя *разложеніе* дворянства (главнымъ образомъ, Тамбовской губерніи). Д. Муравлинъ-Голицынъ, авторъ романовъ „Убогіе и нарядные“, „Теноръ“, „Баба“, „Хворь“ и др., живописалъ, какъ бы въ параллель съ С. Атавой,—*вырожденіе аристократическихъ родовъ.* Оба, стало быть,—каждый, конечно, по-своему—подтягивали мотиву Чеховской „Свирѣли“, вторили монологамъ его Астрова въ частномъ пунктѣ о нашемъ дворянствѣ...

Поэзія этой эпохи сначала, короткое время, какъ я упоминалъ, пробавлялась перепѣвами Надсона и Некрасова, а затѣмъ сводилась— къ начинаніямъ „декадентовъ“, съ одной стороны, а съ другой — къ творчеству такихъ *не* гражданскихъ поэтовъ, какъ Голинищевъ-Кутузовъ (началъ въ 70-хъ годахъ),—мастеръ стиха—типичный *эклектикъ*, о которомъ даже энциклопедическіе словари отзываются, какъ о поэтѣ съ „ровнымъ и спокойнымъ творчествомъ, чуждымъ злобы дня“, или Апухтинъ—изящный, грустный лирикъ, съ совсѣмъ уже *личными* мотивами, съ ограниченнымъ поэтическимъ полемъ зрѣнія, но съ впол-

нѣ индивидуальной и подлинной, задушевной поэзіей, преобладающимъ мотивомъ которой была нераздѣленная любовь...

Перечисленные до сихъ поръ писатели выступили на литературное поприще въ 80-хъ годахъ, а иные— и того ранѣе. Изъ „девятидесятниковъ“ останавлюсь на поэтѣ К. М. Фофановѣ, начавшемъ въ 1896 г., и беллетристѣ И. Н. Потапенко (первая его вещь относится къ 1881 г., но болѣе значительныя произведенія, создающія ему имя, появляются лишь съ 1890 г.).

Фофановъ—лирикъ чистой воды съ случайными темами, съ неопредѣленнымъ, какимъ-то разбросаннымъ, такъ сказать—„пестрымъ“ настроеніемъ и пестрымъ же творчествомъ, въ смыслѣ художественной разноцѣнности его произведеній: рядомъ со случайнымъ перломъ, случайной удачей, столь же случайное паденіе, рядомъ съ удивительно поэтическими строфами элементарнѣйшія прегрѣшенія противъ художественной грамотности... Общее впечатлѣніе—крайне неуравновѣшенной психики и малой культурности... Вѣроятно, именно эти свойства и не дали развиться несомнѣнно-большому природному дару...

Потапенко своей повѣстью „На дѣйствительной службѣ“, а затѣмъ такими вещами, какъ „Секретарь его превосходительства“ и „Шестеро“, быстро завоевалъ себѣ значительную извѣстность. Живой, занимательный разсказъ,—грѣшащій, впрочемъ, нѣкоторой надуманностью и искусственностью фабулы, — знаніе быта духовенства и довольно бодрое настроеніе,—все это были данныя обѣщающія... Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшей своей дѣятельности, авторъ надеждъ не оправдалъ. Потапенко—лишь умѣлый составитель большихъ романовъ, печатающихся изъ года въ годъ во всевозможныхъ періодическихъ изданіяхъ. Отмѣченный же „первородный“ недостатокъ автора не сгладился, а прогрессировалъ...

Слѣдуетъ подчеркнуть, что общій тонъ Потапенки, выступившаго по настоящему въ литературѣ къ 90-мъ годамъ, уже значительно отличается отъ восьмидесятническаго тона: онъ уже далеко не столь *минорный*, этотъ тонъ. Потапенко уже не однихъ „оскудѣвающихъ“ или тоскующихъ по смыслѣ жизни рисуетъ, а ищетъ и находитъ „героя“, способнаго къ жизненному творчеству, дѣйственнаго... Увы! этотъ герой оказывается, однако, крещенымъ въ той же купели восьмидесятничества: это—умѣренный, „*средне-хорошій*“ человѣкъ, какъ мѣтко характеризовалъ любимцевъ Потапенки одинъ критикъ,—какая-то курьезная смѣсь умѣреннаго общественнаго идеализма, толстовства и „абрамовщины“... Молодой о. Кириллъ Игнатьевичъ, въ повѣсти „На дѣйствительной службѣ“, отказывается отъ блестящей карьеры, на которую могъ разсчитывать, въ качествѣ „перваго магистранта“ академіи, становится простымъ сельскимъ священникомъ и сближается съ крестьянами. Онъ необыкновенный счастливецъ: архіерей ему покровительствуетъ, помѣщицы даютъ субсидіи его нищему причту, женатъ онъ на состоятельной женщинѣ. Единственное его горе, — что

жена его не способна возвыситься до его „идеализма"... Наступаетъ голодный годъ. О. Кириллъ раздаетъ все, что можетъ, ухаживаетъ за тифозными больными. Жена-же взываетъ къ его „долгу мужа и отца". Герой Потапенки возражаетъ... совсѣмъ не въ стилѣ Ибсеновскаго Брандта, а именно такъ:

„Только теперь, въ молодые годы человѣкъ охотно отдается благороднымъ порывамъ и жертвуетъ личнымъ благомъ... Вѣдь придутъ годы зрѣлости, когда и мы, вѣроятно, будемъ коснѣть въ равнодушіи ко всему, кромѣ своего маленькаго гнѣзда. Зачѣмъ же спѣшить, Мура? Зачѣмъ спѣшить?.."

Другой герой Потапенки—„средне-хорошій" докторъ Рожновъ („Надворный совѣтникъ") — сначала жилъ лишь для денегъ. Смерть дѣтей, въ лѣченіи которыхъ онъ допустилъ ошибку, потрясаетъ его, и онъ ѣдетъ „на подвигъ"—„искупать свою вину" дѣятельностью среди бѣдняковъ... Отмѣчу, что и въ этой повѣсти авторъ изображаетъ голодъ и холеру, косившую населеніе въ тотъ достопамятный 1891—92 г., который иные считаютъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашей общественности...

Можно сказать, что „милый человѣкъ" восьмидесятниковъ у Потапенки, хотя и присоединяетъ къ разговорамъ дѣло, но остается все тѣмъ же воплощеніемъ обывательской, промежуточной психологіи, умонастроенія „средняго человѣка". Пожалуй, однако, въ „разумномъ идеализмѣ" его героевъ можно усмотрѣть, какъ и въ письмахъ Эртеля, какъ и въ знаменитыхъ въ свое время „Письмахъ изъ деревни" Энгельгарта, — зародышъ будущаго, — нашего современнаго *практицизма* господъ Струве, Галичей, Изгоевыхъ, etc. Во всякомъ случаѣ, только тономъ своихъ писаній выходитъ нѣсколько Потапенко изъ рамокъ Чеховской эпохи; но, конечно, ни по настроенію своему, ни по художественной цѣнности его писаній, онъ никакимъ *этапомъ* въ нашей литературѣ, никакой *вѣхой* въ эволюціи интеллигентскаго самосознанія не являлся...

VII.

Вторая половина 90-хъ гг.—Элементы новаго умонастроенія.—Идея личности.—О первыхъ декадентахъ.—Публицистика.—Вересаевъ.—Горькій.—Кое-какіе итоги.

Къ серединѣ 90-хъ годовъ уже явственно обнаруживается значительный поворотъ какъ въ общественномъ настроеніи вообще, такъ и въ идеологіи нашей интеллигенціи. „Точка интерференціи" 80-хъ годовъ мало-по-малу смѣняется новой волной, постепенно и неудержимо растущей въ ширь и въ высь. И на гребнѣ этой волны рождается, наконецъ, 1905 годъ...

Зачатки, нѣкоторые основные элементы той идеологіи, которая явилась преобладающей и можно сказать—объединяющей почти всю интеллигенцію въ предреволюціонный моментъ, можно найти гораздо ранѣе—за многія десятилѣтія до революціи.

Не буду останавливаться на 40-хъ годахъ—этомъ „утрѣ бытія“ нашей интеллигенціи, когда она лишь слагалась въ живой организмъ, лишь нащупывала себя въ качествѣ активной общественной силы. Замѣчу только, что это было нарожденіе именно къ *активности*, къ *дѣйственности*. Пусть эта активность была только интеллектуальная, сводилась къ работѣ самосознанія; вѣдь, никакая иная не допускалась объективными условіями, да и *сложиться* интеллигенція иначе, какъ путемъ интеллектуальной работы, не могла... *Содержаніе* же этихъ философскихъ исканій было именно *дѣйственное, творческое*... И эта количественно ничтожная горсточка такихъ энтузіастовъ мысли, какъ Грановскіе, Станкевичи, Бѣлинскіе, этотъ микроскопическій островокъ, окруженный цѣлымъ океаномъ звѣрства и косности, началъ съ Гегеля, учившаго вѣрить въ *измѣняемость вещей*, въ своего рода гераклитовское „Πάντα ῥεῖ“ (и какъ нужна была этимъ людямъ такая вѣра, чтобы быть въ силахъ дышать!).—А съ другой стороны эти первые интеллигенты наши, въ странѣ, гдѣ человѣкъ еще былъ *вещью*,—прилѣплялись идеалистической душой своей къ *апологіи личности* Шеллинга и Фихте...

Идея личности, такимъ образомъ, стояла, можно сказать, у колыбели нашего общественнаго самосознанія, при самомъ рожденіи его, а вѣрнѣе—явилась тѣмъ сѣменемъ, изъ котораго выросла наша общественность...

Говоря о народничествѣ, я уже указывалъ на наличность въ немъ двухъ борющихся антагонистическихъ элементовъ. Великое *дѣло* уничтоженія рабства въ преобладавшей струѣ поработило, заполонило интеллигентскую *мысль* и, въ ряду другихъ жертвъ для „уплаты долга“ своего—народу, интеллигенція готова была пожертвовать и культомъ личности. Понятія личность и общество стали мыслиться, какъ своего рода антиномія. Народникъ безъ остатка хотѣлъ растворить свою личность въ народѣ. Но коррективомъ являлась другая струя: въ новомъ освѣщеніи, съ инымъ—біологическимъ, вмѣсто метафизическаго,—обоснованіемъ, лагерь Писарева, въ сущности, оставался вѣрнымъ поклонникомъ бога 40-хъ годовъ, при всемъ чудовищномъ расхожденіи по вопросамъ эстетики и многимъ другимъ. Временный, красивый, но искусственный и аскетическій по существу синтезъ личности и общества, создавшійся въ эпоху *критическаго народничества*, скоро распался... Да при ближайшемъ анализѣ легко, впрочемъ, увидѣть, что этого синтеза въ подлинномъ смыслѣ слова и не было: морально и эстетически плѣнительный сонъ героя Успенскаго о „крестьянкѣ“, „террористкѣ“ и „Венерѣ Милосской“ (совершенно такъ же, какъ и теорія Михайловскаго, отождествлявшая идеи *личности* и *труда*), конечно, были лишь попыткой насильственнаго соединенія элементовъ несоединимыхъ, и для этого насилія надъ логикой необходимъ былъ все тотъ же моралистскій „субъективный методъ“, который выручалъ въ тѣ годы интеллигенцію и въ столькихъ иныхъ роковыхъ для нея вопросахъ... Синтезъ Михайловскаго

и Успенскаго былъ тѣмъ, что въ химіи зовутъ *непрочнымъ* соединеніемъ. И къ 80-мъ годамъ онъ распался, ничего, повидимому, не оставивъ себѣ на смѣну.

Однако только „повидимому". Жизнь идеологическая не останавливается, не терпитъ перерывовъ. И въ одну изъ самыхъ мрачныхъ, глухихъ, безнадежныхъ эпохъ нашей исторіи, въ 80-е годы уже нарождается нѣчто, для дальнѣйшей жизни и дальнѣйшаго жизнестроительства—необходимое и неоцѣнимое: нарождается умонастроеніе съ простымъ и вѣрнымъ—*демократическимъ* и *реалистическимъ* (и скажу тутъ же—*европейскимъ*) *отношеніемъ къ вопросу о личности*...

Несостоятельность того рѣшенія этого вопроса, которое давалось народничествомъ, повидимому, ощущалась самими творцами того временнаго синтеза, о которомъ я только что говорилъ.

У Успенскаго въ очеркахъ, къ которымъ я уже не разъ обращался на протяженіи этой статьи,—ибо очень ужъ показательны и содержательны они, — въ тѣхъ же „Запискахъ Тяпушкина",—есть глава: „Намъ самимъ ничего не нужно", а въ этой главѣ—такія строки:

„...Мы съ радостью и восхищеніемъ бросаемся туда, гдѣ можно лично не хотѣть, можно покоряться велѣніямъ, которыя „*то*" захочетъ наложить на наши рамена, но сами мы такихъ явленій не создаемъ, потому что „самихъ насъ" нѣтъ"...

Не напоминаетъ это развѣ цитированный выше безнадежный вопль Чеховскаго „*человѣка-тѣни*"—Чебутыкина? Мы не существуемъ, а только кажется" и т. д. А вѣдь это не Чеховъ говоритъ, а одинъ изъ лучшихъ идеологовъ семидесятничества!

А дальше:

„...Лично изъ насъ, изъ нашего *я*, никакихъ благообразныхъ общественныхъ явленій пока не исходитъ: лично намъ „ничего не нужно"... Лично я могу терпѣть голодъ, насиліе, несправедливость... Лично я могу поддерживать несправедливость, дать взятку, примазаться по откупамъ... Лично я могу переносить глупую и пустую семейную жизнь, лично я знакомъ съ трусостью, и т. п. Что же я внесу въ общественное дѣло? На чемъ я осную протестъ противъ общественныхъ неправдъ? У меня *лично нѣтъ матеріала* для общественнаго дѣла, и мы видимъ, что при безпрерывномъ гомонѣ, писаньѣ, толкотнѣ и разговорахъ объ общемъ благѣ, о народѣ и т. д. ровно ничего человѣчески простого, нужнаго другимъ такъ же, какъ и мнѣ, не сдѣлано"...

Если Успенскій выражалъ это настроеніе лишь въ „страдательномъ" такъ сказать залогѣ, лишь въ отрицательномъ родѣ, то Михайловскій, въ индивидуальности котораго было заложено гораздо болѣе *личнаго* начала, чѣмъ у Успенскаго, высказывался и положительно: именно ему принадлежатъ слѣдующія прекрасныя строки, на тему *о свободѣ индивидуальнаго сознанія* и правѣ отстаивать его, хотя бы противъ „мнѣній" народа,—этого высшаго и священнѣйшаго авторитета въ глазахъ „не критическихъ" народниковъ того времени:

„У меня на столѣ стоитъ бюстъ Бѣлинскаго, который мнѣ очень

дорогъ, вотъ шкапъ съ книгами, за которыми я провелъ много ночей. Если въ мою комнату вломится русская жизнь со всѣми ея бытовыми особенностями и разобьетъ бюстъ Бѣлинскаго и сожжетъ мои книги, я не покорюсь и людямъ деревни; я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки. И если бы даже меня осѣнилъ духъ величайшей кротости и самоотверженія, я все-таки сказалъ бы по малой мѣрѣ: прости имъ, Боже милости и справедливости, они не знаютъ, что творятъ! Я все-таки, значитъ, протестовалъ бы. Я и самъ сумѣю разбить бюстъ Бѣлинскаго и сжечь книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что ихъ надо бить и жечь; но, пока они мнѣ дороги, я ни для кого ими не поступлюсь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня стало и другимъ дорого, вопреки, если случится, ихъ бытовымъ особенностямъ". („Записки профана", 1875 г.).

Одновременно съ этими струйками индивидуализма въ теченіе критическаго народничества, какъ я уже указывалъ, вливалась и струя *европеизма.* Начиналась уже во многихъ пунктахъ *капитуляція передъ Европой*, преклоненіе передъ цѣнностями ея культуры и самымъ *духомъ культуры.*

Можно сказать, что эта идеологическая эволюція, заключала въ себѣ глубокое внутреннее единство: идея культуры и идея личности— органически связанныя между собою идеи.

Народничество было по существу *филантропическимъ* направленіемъ. Оно создалось въ эпоху всяческой *опеки:* съ одной стороны, самовластно - правительственной, съ другой—интеллигентской. Морализирующіе „кающіеся дворяне" и слившіеся съ ними разночинцы, въ своемъ народолюбчествѣ, были именно *опекунами* народныхъ массъ и не могли быть иными въ условіяхъ момента...

Идея личности, конкретно и во всемъ своемъ объемѣ, родилась въ Европѣ въ эпоху выступленія средняго сословія на историческую сцену, въ эпоху завоеванія гражданской равноправности и политической свободы. Эта идея предполагаетъ интимное признаніе принципа равноцѣнности человѣческихъ особей, принципа *равенства*, говоря однимъ словомъ. И когда жизнь вступаетъ въ эпоху общественной самодѣятельности, въ эпоху борьбы классовъ, а дѣятельность власти, въ сущности, лишь направляется по равнодѣйствующей борющихся силъ,— эпохѣ *опеки* настаетъ конецъ, а на смѣну филантропическому морализму нарождается идеологія, въ основѣ коей лежитъ именно принципъ самодѣятельности личности, ея самовоспитанія, ея *культуры.* Эти понятія уже выходятъ изъ предѣловъ *морали* и являются понятіями *эстетико-философскими...*

Цѣлое столѣтіе передъ тѣмъ народились эти идеи въ Европѣ. Въ 80-е годы XIX вѣка начался и у насъ поворотъ въ эту сторону. Именно въ 80-е годы, среди мрака реакціи и идеологическаго бездорожья интеллигенціи, начало пробивать себѣ дорогу новое умонастроеніе, съ идеей личности во главѣ скри-

жали цѣнностей, — умонастроеніе европейское, реалистически-жизненное, а не утопическое, и не только соціальное, какимъ исключительно было народничество, но и—*политическое*.

Я уже отмѣчалъ у Чехова элементы,—вѣрнѣе блѣдные и робкіе намеки на это новое умонастроеніе. Указывалъ я также и относительно „реабилитаціи дѣйствительности", которой занималась „Недѣля", — что и въ этомъ теченіи было зерно истины. Реабилитація, признаніе дѣйствительности въ сущности значило—признаніе того же эволюціоннаго историческаго процесса и тѣхъ же путей, какіе знала и какими шла Европа. Это былъ первый шагъ къ реалистическому изученію этихъ путей, а такое изученіе обязывало найти и новые методы строительства жизни. Тутъ уже не „субъективнымъ методомъ" облюбованные идеалы являлись рѣшающей, конечной инстанціей, апеллируя къ которой можно было перестраивать жизнь по утопическому плану. Теперь задача ставилась иначе: въ исторически неизбѣжномъ потокѣ событій надлежало отыскать то теченіе, которое быстрѣе и вѣрнѣе другихъ приводило бы къ цѣли, и въ помощь этому теченію надлежало вкладывать свою сознательную энергію. Проникшее къ намъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ *марксистское направленіе* начало именно съ подобной постановки вопроса о методахъ активнаго вмѣшательства въ жизнь... Но къ этому теченію я обращусь ниже, а говоря о зарожденіи новаго умонастроенія вообще—укажу еще слѣдующее.

Подобно „недѣльному" направленію, и заполонявшее одно время сердца молодежи толстовство, помимо своей „ликвидаторской" тенденціи, на которую я указывалъ выше, имѣло и другую сторону: это былъ аскетическій, пассивный, антиобщественный индивидуализмъ, но все же *индивидуализмъ*. И этой своей стороной толстовство укладывалось въ новое русло. Съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ, параллельно съ толстовствомъ, шло увлеченіе проповѣдью Достоевскаго о нравственномъ самоусовершенствованіи, объ ухожденіи „въ себя" и т. д... А наряду съ этимъ, напомню общеизвѣстный фактъ необычайнаго успѣха рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ 1880 года: съ этого праздника начинается *возвращеніе* къ Пушкину, культъ Пушкина, бывшаго въ забвеніи въ теченіе двухъ предыдущихъ десятилѣтій. Нечего и пояснять, что этимъ смыкалась порванная цѣпь, возстановлялась преемственность съ страстотерпцами мысли 40-хъ годовъ, что возвращались мы—къ ихъ цѣлостному многогранному міросозерцанію. Возвращеніе къ Пушкину было *возвращеніемъ къ эстетическому началу*, которое отнынѣ должно было снова войти, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней, въ зданіе нарождавшейся идеологіи...

Въ тѣ же 80-ые годы выростаетъ своеобразная, сложная фигура перваго русскаго самостоятельнаго философа Владиміра Соловьева, какъ бы олицетворяющая собою тѣ же стремленія къ расширенному эстетико-*философскому* взгляду на жизнь.... Правда, въ этомъ отношеніи, Соло-

вьевъ можетъ быть разсматриваемъ скорѣе какъ *символъ*, лишь какъ признакъ зарождающейся русской философіи: его мистическій идеализмъ durch und durch, какъ говорятъ нѣмцы, пропитанъ все тѣмъ же исконнымъ морализмомъ (даже до отождествленія понятій жизни и добра, смерти и зла). Но въ своихъ попыткахъ дать синтезъ религіи и науки, въ своихъ поискахъ философски обоснованной религіи, Владиміръ Соловьевъ неизмѣнно отправлялся отъ начала человѣческой *личности* и ея совершенствованія, т.-е. шелъ по общему для того времени пути...

Наконецъ, на исходѣ тѣхъ же 80-хъ годовъ возникаетъ у насъ и школа „декадентства" въ поэзіи. *Культъ личности* и *эстетика*—вотъ альфа и омега всѣхъ тѣхъ „новыхъ мозговыхъ линій", которыя провозглашались теоретиками этого теченія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что наши первые декаденты были подражателями, что они заимствовали, особенно у французовъ, почти весь свой эстетическій и идейный багажъ. Но если это и было подражательное, подъ чужой образецъ подлаженное творчество, если, идя по стопамъ и рецептамъ Маларме и Метерлинка (перваго его періода), они съ наивной добросовѣстностью продѣлывали всѣ ихъ вычуры и курбеты, а къ тому же, оторвавшись отъ жизни, они всецѣло и исключительно преданы были *техникѣ* своего искусства, кокетничая даже отсутствіемъ или нелѣпостью содержанія, то все же и декаденты были отчасти піонерами новаго, новой эпохой нашей исторіи порождаемаго умонастроенія.

Я уже упоминалъ, что первыми вступили на путь декадентства два писателя, воспитавшіеся въ старой, народнической школѣ—Н. Минскій и Д. Мережковскій. Первый, послѣ настроенныхъ въ униссонъ Надсону „Бѣлыхъ ночей" и „Пѣсенъ о родинѣ", даетъ рядъ стихотвореній съ философскими мотивами. Правда, поэзія часто уступаетъ въ нихъ мѣсто риторикѣ и вычурамъ, правда, стихотворецъ ходитъ не иначе какъ на котурнахъ и беретъ изумительно „сильныя" краски, не зная ни мѣры, ни художественныхъ, ни психологическихъ зазрѣній. Но по тенденціи къ расширенію области поэзіи, въ сравненіи съ эпохой узкой „гражданственности", Минскій все же долженъ быть отмѣченъ, какъ новаторъ. Въ концѣ 80-хъ годовъ онъ даетъ и теоретическія статьи, выступаетъ,—не особенно удачно, впрочемъ,—поборникомъ свободнаго искусства. Такъ, вмѣстѣ съ Максимомъ Бѣлинскимъ онъ въ журналѣ „Свѣтъ" дѣлаетъ выпады противъ художественной критики Михайловскаго. Къ сожалѣнію, съ самаго начала полемика пошла по ложному пути. Являясь продуктами реакціи на господствующую традицію, новаторы противопоставляли *гражданскому* искусству искусство *чистое*, чѣмъ и отбрасывали споръ на старую позицію эпохи Добролюбова и Писарева, не двигая его теоретически ни на шагъ впередъ. Мы видѣли, что Чеховъ и дѣломъ и словомъ (въ письмахъ) сумѣлъ указать истинный путь и нашелъ истинный синтетиче-

скій терминъ, хорошо выражавшій новый взглядъ на искусство и новыя требованія, къ нему предъявляемыя: онъ говорилъ о *свободѣ* искусства, о *свободномъ* художникѣ. Минскій при его первородномъ недостаткѣ—риторичности и гиперболичности, разумѣется, не оказался истиннымъ пророкомъ, произносящимъ истинное новое слово...

Тѣ же риторика и гиперболичность побудили этого писателя въ 90-хъ годахъ довести до геркулесовыхъ столбовъ культъ личности: въ своей статьѣ „При свѣтѣ совѣсти" онъ договорился до такого свирѣпаго *эготизма*, до такой степени заткнулъ за поясъ всѣхъ Максовъ Штирнеровъ и Ницше, вмѣстѣ взятыхъ, что произвелъ поистинѣ комическое впечатлѣніе. Въ годы революціи съ нимъ произошелъ рецидивъ народничества—правда въ новомъ облаченіи: оказавшись номинальнымъ редакторомъ соціалъ-демократической газеты, онъ писалъ въ ней стихотворенія въ высокой степени соціалъ-демократически — „ортодоксальныя"; вскорѣ, впрочемъ, превратился въ анархиста-коммуниста и высказывался въ этомъ смыслѣ въ журналѣ „Переломъ" и др. органахъ.

Д. С. Мережковскій, искусный версификаторъ, въ сущности никогда не былъ художникомъ. Гораздо значительнѣе его поэзіи и беллетристики критическія его работы,—при всей ихъ предвзятости, при той удивительной безцеремонности, съ какою онъ заставляетъ авторовъ служить собственнымъ его, Д. С. Мережковскаго, идеямъ, при всемъ томъ жонглерствѣ цитатами, которое составляетъ прирожденный талантъ этого писателя... Въ художественной дѣятельности онъ былъ всегда подражателемъ: сначала вдохновлялся Надсономъ, потомъ поклонялся Ницше и вульгаризирвалъ его идеи въ стихахъ, воспѣвая „Бога и дьявола", проповѣдуя „культъ силы" и впадая въ тотъ *эстетическій нигилизмъ*, которымъ пробавлялось въ 90-хъ годахъ все наше декадентство. Въ эту пору начинаетъ онъ свою „трилогію"—„Юліаномъ Отступникомъ",—причемъ этотъ романъ довольно близко напоминаетъ Ибсеновскую драму „Кесаря и Галлилеянинъ" (въ то время въ русскомъ переводѣ запрещенную),—до того близко, что деликатный Брандесъ пришелъ въ изумленіе отъ такого „совпаденія"... Въ этомъ романѣ, какъ и въ стихотвореніяхъ того времени, г. Мережковскій является „язычникомъ". Къ 900-мъ годамъ въ немъ начинается поворотъ къ новому религіозному настроенію—„неохристіанству". Во второй части трилогіи—„Воскресшіе боги" — эстетическій нигилизмъ еще достаточно ярко выраженъ въ трактованіи фигуры Леонардо да Винчи. Но въ лучшемъ своемъ критическомъ трудѣ „О Толстомъ и Достоевскомъ" авторъ уже является вѣрнымъ ученикомъ и продолжателемъ Достоевскаго, мечтаетъ о новомъ „символическомъ" словѣ, которое произнесутъ русскіе и прежде всего русскіе декаденты, причемъ новое слово это явится „синтезомъ-символомъ" Запада и Востока, язычества и христіанства, а произнесено будетъ въ моментъ перехода отъ „царства

Сына“ къ „царству Святого Духа“, т.-е. въ моментъ свѣтопреставленія... Нечего указывать, что эта новая „религія“ является смѣсью изъ идей Ибсена, Достоевскаго и Владиміра Соловьева...

Параллельно и одновременно съ г. Мережковскимъ проходила многочисленныя фазы той же быстрой эволюціи г-жа Гиппіусъ, въ художественномъ смыслѣ гораздо болѣе одаренная, чѣмъ онъ, давшая въ первомъ сборникѣ своихъ разсказовъ вещи, безусловно интересныя, но затѣмъ до такой степени увлекшаяся теоріями г. Мережковскаго, что талантъ ея дошелъ до полнаго упадка и исковерканности: мѣста живого въ немъ не осталось—все заполняютъ вычуры и выдумки... Ея перу принадлежатъ критическіе этюды, въ которыхъ можно отыскать мѣткіе и тонкіе штрихи, но, въ общемъ, они проникнуты какимъ-то салоннымъ духомъ, какой-то нарочитой поверхностностью и представляютъ типичную дамскую causerie... Изъ поэтовъ девятидесятниковъ, зачинателей нашего декадентства, наиболѣе значительными надо признать трехъ стихотворцевъ: Бальмонта, Валерія Брюсова и Өедора Сологуба. Изъ нихъ послѣдній далъ нѣсколько красивыхъ стихотвореній съ тяжелымъ ритмомъ, очень однообразныхъ по формѣ и мотивамъ. Мотивы эти: „непріятіе жизни“, смерть, какъ желанная избавительница, любовь. На эротикѣ Сологуба съ самаго начала лежалъ налетъ извращенности и порнографичности. Впослѣдствіи, въ 900-хъ годахъ, въ первые пореволюціонные годы, когда расцвѣли у насъ на нѣкоторое время „реабилитація плоти“ и всяческія „обнаженія“, этотъ налетъ превратился въ густой и пахучій слой, съ рѣзко выраженнымъ „садизмомъ“ „мазохизмомъ“ и прочими прелестями... Сологуба надо признать едва ли не единственнымъ среди девятидесятниковъ подлиннымъ *декадентомъ*—въ буквальномъ смыслѣ этого слова. У прочихъ все это было отъ головы, заимствованное и подражательное, съ непрестанной заботой о dernier cri французскаго искусства. У Сологуба творчество носило, повидимому, органическій характеръ. Еще въ самомъ началѣ онъ писалъ стихотворенія, наводящія на эту мысль:

„Чѣмъ бы и какъ меня не унизили,
Что мнѣ людскіе покоры и смѣхъ!
Къ страннымъ и тайнымъ утѣхамъ приблизили
Сердце мое наслажденье и грѣхъ“.

Въ соотвѣтствіи съ этой поэзіей была и его проза: въ одной изъ первыхъ своихъ повѣстей „Тѣни“ Сологубъ живописалъ мальчика и его мать, цѣлыя ночи проводящихъ въ такомъ занятіи: сидятъ у стѣны и дѣлаютъ руками разныя фигуры, кидающія тѣнь на стѣну,—а на лицахъ у нихъ—„странныя смущенныя улыбки“...

„Демонолатръ“ Пеладанъ, конечно, влилъ не одну каплю своего меда (или дегтя?) въ эту поэзію и прозу. Но несомнѣнно, что французское сѣмя попадало въ этомъ случаѣ на плодородную почву...

Въ 900-хъ годахъ поэтъ окончательно „обнажается“, — уже безъ умолчаній воспѣваетъ истязаніе нагихъ женщинъ (напомню пресловутое: „Разстегни свои застежки и

завязки развяжи...“ и пр.), а въ „Миломъ пажѣ“ и „Капляхъ крови“ (II-я часть „Творимой Легенды) доходитъ положительно до эротоманскихъ галлюцинацій. Имя этотъ писатель пріобрѣлъ романомъ „Мелкій бѣсъ“, гдѣ, отчасти вышивая по канвѣ Чеховскаго „Человѣка въ футлярѣ“, далъ дѣйствительно яркую символизацію пошлости и злобной отъединенности обывательской души въ русскомъ провинціальномъ захолустьѣ. Само собою разумѣется, что и этотъ романъ не обошелся безъ „налета“, соотвѣтствующаго основнымъ аспираціямъ автора. Дальнѣйшія произведенія, какъ упомянутая „Творимая легенда“ (вышедшая въ 3-хъ частяхъ, но до сихъ поръ не законченная)— свидѣтельствуютъ о томъ, что временный успѣхъ окончательно вскружилъ голову автору, долго ждавшему признанія: при необычайно скудной мысли (все тѣ же: любовь и смерть—und damit Punctum!) фабула достигаетъ такихъ предѣловъ нелѣпости, что наводитъ на мысль о глумленіи автора надъ читателемъ; къ тому же и ни одной новой ноты не беретъ здѣсь Сологубъ, а преподноситъ лишь *конспектъ* уже ранѣе—и многократно при томъ—имъ же преподнесеннаго... Въ красочной манерѣ письма много лубочнаго эффектничанія, а, главное,—выработаннаго единожды навсегда, мертваго шаблона, словечекъ и фразъ, неизмѣнно, какъ штемпель, прикладываемыхъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ...

Валерій Брюсовъ—лучшая иллюстрація къ моей мысли о библіотечно-подражательномъ характерѣ творчества нашихъ первыхъ декадентовъ. По существу, очень уравновѣшенное и трезвое настроеніе, умѣренность и даже промежуточность взглядовъ—вотъ о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ теоретическія писанія Брюсова, гдѣ онъ высказывается въ положительной формѣ. Все творчество его, вся его поэзія въ изрядной степени разсудочная, головная. Онъ большой мастеръ формы, ювелиръ стиха, и послѣдній подчасъ достигаетъ у него почти пушкинской пластичности; но „вдохновенія“ его типично эклектическія, книжныя, лишенныя непосредственности...

Началъ онъ (въ „Московскомъ сборникѣ“) съ такихъ „отраженій“ Метерлинковскихъ „Serres chaudes“:

„Золотистыя феи
Въ атласномъ саду!
Когда я пройду
Ледяныя аллеи!
Влюбленныхъ наядъ
Серебристые всплески...
Гдѣ ревнивыя доски
Вамъ путь заградятъ?... и т. д.

Тамъ же, если не ошибаюсь, было помѣщено знаменитое однострочное „стихотвореніе“:

„О, закрой свои блѣдныя ноги!“

Затѣмъ, вмѣстѣ съ прочими, поэтъ „ницшеанствовалъ“, „демонолатрствовалъ“ (по Пеладану), воспѣвалъ „дьявола“ и „порокъ“ и т. д.; но мало по малу все ближе подходилъ къ истинному своему призванію, превращался въ уравновѣшеннаго „парнасца“ и эклектика и порывалъ навсегда съ своими прежними вычурами. Въ предисловіи къ послѣднему изданію своихъ стиховъ онъ самъ отзывается о періодѣ дека-

дентства своего, какъ о давно изжитой, пройденной и *наивной* ступени своего развитія... Помимо оригинальныхъ стихотвореній, Брюсовъ далъ рядъ переводовъ, въ томъ числѣ образцовые переводы изъ Верхарна, подъ вліяніемъ котораго послѣдніе годы пытался создать русскую „поэзію города", и нашелъ въ этомъ пунктѣ многихъ подражателей изъ молодыхъ модернистовъ, въ томъ числѣ, прежде всего—Александра Блока...

Отмѣчу еще, что огромное мастерство Брюсова не измѣнило ему, въ противоположность Бальмонту и Минскому, когда онъ вздумалъ откликнуться на революціонное движеніе. Оба названные стихотворца дали въ этотъ моментъ до странности банальныя вещи, которыя только подписью авторовъ заставляли выдѣлять ихъ изъ кучи однородной макулатуры въ стихахъ. Брюсовъ отозвался на революцію слѣдующими безподобными строфами, которыя озаглавилъ—„Близкимъ" и которыя могутъ служить образчикомъ его стиля, въ лучшихъ его проявленіяхъ:

„Нѣтъ, я не вашъ! Мнѣ чужды цѣли ваши,
Мнѣ страненъ вашъ неокрыленный крикъ.
Но въ шумномъ кругѣ, къ вашей общей чашѣ
И я бъ, какъ вѣрный, клятвенно приникъ!
Гдѣ вы—гроза, губящая стихія,
Я—голосъ вашъ, я вашимъ хмелемъ пьянъ.
Зову крушить устои вѣковые,
Творить просторъ для будущихъ сѣмянъ" и т. д.

„Популяризатору модернизма" Бальмонту принадлежитъ замѣтная роль въ исторіи нашей поэзіи—и это, не столько по художественной цѣнности его произведеній, сколько потому, что онъ подошелъ „ко времени", оказался надлежащимъ человѣкомъ на надлежащемъ мѣстѣ.

Въ смыслѣ чисто художественномъ, творчество его далеко не перворазрядное. Онъ очень музыкаленъ—вотъ его основной, органическій даръ. Но не только не отличаются глубиной его замыселъ и поэтическое настроеніе, а даже—въ чисто формальномъ смыслѣ—при богатствѣ ритмовъ, при звучности риѳмы и мелодичности стиха, поэзія его грѣшитъ какой-то дешевой, несерьезной красивостью... Нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ чеканеннаго стиха Пушкина или сосредоченнаго лиризма Лермонтова, чѣмъ эта „бѣгло-текучая" поэзія, эти невыношенные, скороспѣлые, то крикливые, то банально-ходячіе образы Бальмонтовской поэзіи. Чувства мѣры, художественнаго цѣломудрія—ни признака. Можетъ быть, именно общедоступная эффектность формы и создала быструю популярность Бальмонта, а вмѣстѣ съ тѣмъ проложила дорогу къ слуху широкой публики звукамъ новой поэзіи вообще. Но, конечно, не къ одному этому сводится причина его успѣха. Въ доступной и музыкальной формѣ онъ бралъ *тѣ ноты, которыя будили отзвукъ* въ новомъ поколѣніи. А ноты эти были—все та же свобода настроенія, все тотъ же культъ личности, инстинкта и еще нѣкоторый *космическій энтузіазмъ,* нѣкоторый пылъ къ природѣ въ ея цѣломъ, который помогалъ вырываться изъ тисковъ традиціоннаго морализма... Если вся

школа „модернистовъ-декадентовъ“, прибѣгая къ ложной терминологіи, писала на своемъ знамени „*чистое* искусство“, то вѣдь еще Ницше справедливо замѣтилъ: „Чистое искусство значитъ: „къ чорту мораль!“—или ничего не значитъ“... И именно этотъ бунтъ противъ устарѣлой моралистской традиціи завоевывалъ сердца. Подобно Минскому, и Бальмонтъ въ культѣ личности закусывалъ, такъ сказать, удила, доходилъ до эксцессовъ: онъ давалъ апологію такого *импрессіонистическаго я*, лишеннаго всякаго координирующаго начала, распыленнаго на мгновенныя переживанія, что, въ концѣ-концовъ, воспѣвалъ именно отсутствіе *я*, упраздненіе личности...

Приведу слѣдующую извѣстную его самохарактеристику:

Я изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи;
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я—внезапный изломъ,
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ничей.

Переплескъ многопѣнный, разорванно слитный,
Драгоцѣнные камни земли самобытной,
Переклички лѣсныя зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая,

Вѣчно юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя и въ другихъ,
Я—изысканный стихъ.

Въ этомъ кокетливомъ автопортретѣ хорошо подчеркнутъ духовный импрессіонизмъ поэта, который онъ склоненъ принимать за „стихійность“. Отмѣчу мимоходомъ рискованныя выраженія: „перепѣвное“, „все возьму, у другихъ отнимая“, „я—для всѣхъ и ничей“... Поэтъ и не чувствуетъ, что ненарокомъ указалъ здѣсь слабыя свои стороны: „перепѣвнаго“ и „отнятаго у другихъ“, очень много въ произведеніяхъ Бальмонта (у Верлена, напримѣръ,—взять хотя бы извѣстное „Я—облачко свободное“)... Что касается стиха: „Я—для всѣхъ и ничей“—онъ болѣе нежели мѣтко попадаетъ въ самое больное мѣсто Бальмонтовскаго художественнаго облика: именно *всѣмъ* доступна эта поэзія и *ничья* она въ то же время, никому интимно не близкая...

Апологія инстинктивизма и „языческій“ индивидуализмъ роднятъ Бальмонта съ зачинателемъ слѣдующей полосы въ нашей литературѣ, Максимомъ Горькимъ. И однако, какъ я постараюсь показать ниже, это лишь формальное родство. Можно, впрочемъ, сказать, что и самый индивидуализмъ Бальмонта—до извѣстной степени формальное, отвлеченное понятіе. Никакого опредѣленнаго содержанія въ личность онъ не вливалъ: это содержаніе сводилось у него все къ тому же „эстетическому нигилизму“, общему для всѣхъ родоначальниковъ нашего декадентства, да еще, какъ я упоминалъ, въ соотвѣтствіи съ собственнымъ психическимъ складомъ автора—къ „духовному импрессіонизму“... Думается, надо признать, что истинктивизмъ Бальмонта, плѣнявшій многихъ читателей въ ихъ тоскѣ по „натуральному“, не источенному моралистскими рефлексіями существу, былъ тоже далеко не подлинный. Не „натуральный“ человѣкъ, не „homo naturae“ Руссо, не сво-

бодное сильное инстинктами существо, а что-то истерически-нервозное проглядываетъ, напримѣръ, въ столь шумѣвшемъ въ свое время стихотвореніи:

„Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ,
Хочу одежды съ тебя сорвать“ и т. д.

Соотвѣтственно этому и тотъ культъ тѣла и „стихійной любви“, который рядомъ съ „космическимъ“ энтузіазмомъ пропитываетъ собою всю поэзію Бальмонта, на самомъ дѣлѣ, былъ совершенно чуждъ здороваго первобытнаго оргіазма, какимъ тщился прослыть; былъ, какъ земля отъ неба, далекъ отъ здоровой игры тѣла и духа, а сводился все къ той же нервической взмыленности, вспѣненности, взвинченности, и былъ культомъ не стихійной, а лишь *импульсивной* любви...

Лучшій періодъ творчества Бальмонта заканчивается сборникомъ „Будемъ какъ солнце“ (1903 г.). Съ этого момента начинается упадокъ, доходящій въ послѣднихъ сборникахъ до, поистинѣ, грустныхъ размѣровъ. Импрессіонизмъ молодой поры—единственный багажъ автора—повидимому, измѣняетъ ему съ годами, а отсутствіе серьезнаго вкуса и художественной выдержки сказываются въ откровенныхъ уже „перепѣвахъ“-компиляціяхъ, книжныхъ и вымученныхъ...

Бальмонтъ давно занимается переводами. Благодаря ему, мы имѣемъ переводы По и Шелли. Замѣчу, однако, что преувеличенное мнѣніе о себѣ какъ поэтѣ, для коего всѣ предыдущіе были „лишь предтечами“, побуждаетъ, должно быть, автора слишкомъ свободно обращаться съ оригиналомъ: лишенный энергіи стихъ и свойственная Бальмонту многословность, которой онъ наводняетъ чужія произведенія,—вотъ основные недостатки Бальмонтовскихъ переводовъ...

Въ итогѣ, о первыхъ нашихъ модернистахъ надо сказать, что основная ихъ заслуга—это тотъ же бунтъ противъ устарѣлыхъ взглядовъ на искусство, который чинилъ спокойно и скромно-увѣренно Чеховъ. А затѣмъ, въ чисто технической области, они подарили нашу поэзію новыми ритмами и размѣрами, вообще разработали технику стиха. Но именно эти техническія, формальныя заданія до такой степени выпячивались у нихъ на первый планъ, что риѳма и ритмъ-самоцѣль, образъ-самоцѣль—втягивали въ себя живое начало поэтическаго творчества, — поглощали поэтическую индивидуальность. Оторванное отъ жизни *слово* мстило за себя, порабощая произносившихъ его... И несмотря на самоотверженное служеніе искусству и только искусству, этотъ лагерь не выдвинулъ ни одного дѣйствительно выдающагося поэта.

Наиболѣе подлиннымъ дарованіемъ изъ нихъ надо признать, конечно, Бальмонта; но указанныя свойства его музы очень умаляютъ художественную цѣнность его произведеній...

Печатались эти новаторы въ Московскомъ книгоиздательствѣ „Скорпіонъ“ и въ журналѣ „Сѣверный вѣстникъ“, (1891—1897), редактируемомъ г-жей Гуревичъ и г. Волынскимъ. Послѣдній въ своихъ критическихъ статьяхъ пытался со-

здать идеологію новаго теченія въ видѣ „мистическаго идеализма“. Во многихъ пунктахъ этотъ писатель предвосхитилъ тѣ теоріи, которыми одно время пробавлялись гг. Булгаковъ, Струве, Новгородцевъ и др. участники сборника „Проблемы идеализма“ (1903 г.). „Сѣверному вѣстнику“ и указаннымъ его редакторамъ принадлежитъ безспорная заслуга ознакомленія русскаго читателя съ корифеями новой европейской литературы, какъ Уайльдъ, Гауптманъ и др., которые до того оставались внѣ поля зрѣнія русской журналистики...

Эпоха восьмидесятничества, „десятилѣтіе о среднемъ человѣкѣ“, постепенно претворялась въ *десятилѣтіе „о человѣкѣ вообще“*, о человѣческой *личности*: этимъ именемъ по праву можетъ быть названа вторая половина девяностыхъ годовъ и первые годы XX вѣка.

Подоплека и нервъ идеологической эволюціи въ эту пору—это постепенный переходъ къ признанію и провозглашенію самодѣятельности личности и общества, изъ которой вытекало и требованіе ихъ самоопредѣленія, т.-е. требованіе *политической свободы*.

Публицистика этихъ лѣтъ все усиленнѣе и усиленнѣе сосредоточивается именно на этомъ лозунгѣ, на этомъ *„насущномъ вопросѣ“*, какъ выражалась посвященная этой темѣ брошюра „народоправцевъ“... Этотъ же „насущный вопросъ“ становится *объединяющимъ* для всѣхъ направленій оппозиціонной прессы, для всѣхъ теченій прогрессивной общественности.

Демократически - *политическая* струя, свободная отъ народническаго durch und durch соціальнаго утопизма,—если говорить о двадцатилѣтіи 60—80-ыхъ годовъ, имѣетъ своимъ истокомъ Писаревскій индивидуализмъ, направленіе „Русскаго Слова“ 60-ыхъ годовъ. Именно нѣкоторые сотрудники этого органа, какъ Н. В. Шелгуновъ, Г. Е. Благосвѣтловъ, перешедшіе затѣмъ въ журналъ „Дѣло“ (основанный Благосвѣтловымъ), Станюковичъ и другіе, писавшіе также и въ „Словѣ“, ведутъ ту линію политическаго радикализма, которая въ 70-ыхъ и началѣ 80-ыхъ годовъ являлась лишь ничтожнымъ „пятнышкомъ“ на солнцѣ народничества...

Въ заграничной русской прессѣ еще въ концѣ 70-хъ годовъ этотъ радикализмъ былъ ярче всего представленъ Драгомановымъ.

Въ легальной печати большая заслуга, въ этомъ смыслѣ, должна быть признана за Н. В. Шелгуновымъ. Печатавшіеся въ „Русской Мысли“ съ 1885 по 1891 г. его „Очерки русской жизни“ имѣли очень сильный разонансъ среди молодежи. Эти очерки стараго шестидесятника проникнуты именно настроеніемъ бодраго и трезваго политическаго *радикализма*. Шелгуновъ уже совершенно отрѣшается въ нихъ отъ того народничества, которому платилъ дань въ свое время [1]).

---

[1]) Недаромъ онъ при изданіи собранія своихъ сочиненій опустилъ всѣ народническія мѣста (мечтанія объ „особыхъ путяхъ“ и пр.), за что и получилъ репримандъ отъ Н. К. Михайловскаго, написавшаго вступительную статью къ этому собранію сочиненій Шелгунова.

Къ 90-ымъ годамъ политическое настроеніе, наконецъ, пролагаетъ себѣ широкую дорогу. Въ „эпоху безнародности", когда крестьянство перестало служить опорой для революціонныхъ надеждъ (приведенное мѣткое опредѣленіе принадлежитъ А. Н. Потресову), это политическое настроеніе, явившееся на смѣну безкрылости 80-ыхъ годовъ, могло питаться лишь земскимъ движеніемъ. Будничная и въ сущности—мелочная борьба либеральныхъ земствъ съ администраціей сосредоточиваетъ на себѣ все вниманіе политической мысли, служитъ почти единственной темой публицистики начала 90-ыхъ годовъ.

Голодъ 1891-го года доказываетъ съ грандіозной—можно сказать—наглядностью весь ужасъ и всю опасность существующаго порядка вещей, всю безпризорность хозяйственной жизни народа, при всей изощренности административной опеки надъ нимъ, которая сводилась исключительно къ опекѣ политической, точнѣе — полицейской: 20 голодающихъ, болѣющихъ цынгою, тифомъ и холерой губерній—это былъ аргументъ, которому не внять было нельзя.

И именно этотъ голодный годъ является своего рода этапомъ и поворотнымъ пунктомъ. Общественная мысль оживляется. Пресса, задушенная и малочисленная до убожества („Нов. Время"—съ одной стороны, „Русск. Вѣдомости", „Вѣст. Европы" и „Русск. Мысль"—съ другой, вотъ все сколько-нибудь „руководящее", что осталось у насъ къ этому времени), съ 1891 года начинаетъ рости и понемногу поднимать голову. Появляется въ Петербургѣ радикальная—нѣсколько „уличнаго" характера—газета „Русская Жизнь". „Русское Богатство" переходитъ въ руки Михайловскаго и завоевываетъ серьезное положеніе. Появляются журналы „Міръ Божій" (о немъ два слова—ниже), радикальный „Хозяинъ" (подъ ред. А. П. Мертваго), народническое „Новое Слово" С. Н. Кривенки. На книжный рынокъ усиленно поступаютъ брошюры и книги по народо-хозяйственнымъ вопросамъ. Политическое настроеніе, въ общемъ, еще неопредѣленное, „бездорожное", съ невыясненной программой, съ надеждами на земство, на внѣшніе политическіе конфликты, наконецъ, на снисхожденіе и уступчивость власти,—неуклонно растетъ. Спячкѣ и апатіи 80-ыхъ годовъ наступаетъ конецъ. Колесо жизни выходитъ изъ „мертвой точки".

Но если политическія требованія, общее признаніе насущности вопроса о гражданской свободѣ объединяли все живое и жизнеспособное, то въ тѣ же годы обозначается и новое явленіе: *диффеtренціація интеллигенціи по классовымъ симпатіямъ* въ силу выступленія на сцену исторіи новаго фактора—класса фабричнаго пролетаріата.

Европейскаго типа соціализмъ, реально-политическій, съ опредѣленной практической программой въ видѣ *соціалъ-демократическаго* направленія, зарождается у насъ еще въ самомъ началѣ 80-ыхъ годовъ. Основоположниками его являются бывшіе „черно-передѣльцы",—народники-экономисты, не примкнувшіе къ „Народной волѣ". Въ эмиграціи

они начинаютъ пропаганду марксистскихъ идей. Плехановская брошюра „Соціализмъ и политическая борьба“, а затѣмъ „Наши разногласія“ (1884 г.) уже совершенно опредѣленно ставятъ вопросъ о путяхъ для завоеванія какъ политической свободы въ Россіи, такъ въ дальнѣйшемъ— и соціалистическаго строя: этотъ путь—движеніе пролетаріата. Вмѣстѣ съ Г. В. Плехановымъ работаютъ на этомъ поприщѣ В. И. Засуличъ и П. Б. Аксельродъ. Въ 1888 г. они издаютъ журналъ „Соціалъ-демократъ“, гдѣ не только даютъ переоцѣнку соціально-политическихъ цѣнностей, но выдвигаютъ и цѣлый рядъ новыхъ точекъ зрѣнія по вопросамъ философскимъ и общественно - нравственнымъ—въ серіи статей по русской литературѣ. (Плехановъ „О Чернышевскомъ“, О „беллетристахъ народникахъ“ и др.)

Къ серединѣ 90-ыхъ годовъ разрастается рабочее движеніе—пока на чисто экономической, профессіональной почвѣ. Интеллигенція устремляется къ пролетаріату. Кружки пропагандистовъ соціалъ-демократовъ выростаютъ и множатся съ каждымъ годомъ. Эпоха „безнародности“ приходитъ къ концу. *Народъ* снова *найденъ* и на этотъ разъ безъ помощи „субъективнаго метода“. Если голодъ 1891 года далъ толчокъ общественно-политическому настроенію, то онъ же, можно сказать, покончилъ съ народничествомъ, какъ живымъ направленіемъ... Молодежь ѣхала въ деревню участвовать въ организаціи помощи голодающимъ, въ санитарныхъ отрядахъ и т. д. Послѣ долгаго промежутка, повторилось, такимъ образомъ, „хожденіе въ народъ“, и притомъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Но если въ комъ еще уцѣлѣли и теплились народническія утопіи по отношенію къ деревенскому народу, то впечатлѣнія отъ этого новаго паломничества разрушили ихъ, стерли дочиста. Именно послѣ голода начинается усиленный притокъ интеллигенціи въ марксистскій лагерь.

И вотъ политически, въ общемъ, единая русская интеллигенція раскалывается на два лагеря. Либерализмъ — весь окрашенъ народнической краской: „Русскія Вѣдомости“ съ Чупровымъ и Посниковымъ во главѣ—довольно ярко, „Вѣстникъ Европы“ много блѣднѣе, главнымъ образомъ, въ лицѣ К. К. Арсеньева (работавшій тамъ же г. Слонимскій былъ издавна „западникомъ“ чисто-либеральнаго оттѣнка). „Русское Богатство“ сплачиваетъ вокругъ себя всѣ народнически - демократическіе элементы, пытаясь продолжать традиціи „Отеч. Записокъ“, хотя, какъ я уже указывалъ, вопреки народническому теоретизированію, по практическому настроенію—журналъ являлся представителемъ политическаго радикализма—не болѣе того. Преобладающая часть публицистики была, слѣдовательно, именно въ народническихъ рукахъ или въ рукахъ, народничеству родственныхъ.

Марксизмъ долгое время пробавлялся лишь нелегальной литературой. Только „Міръ Божій“, въ разгорѣвшемся спорѣ между новыми „западниками“ и „славянофилами“, между „дѣтьми“ и „отцами“, — сталъ на сторону „дѣтей“. Такъ, фактическій редакторъ его,

А. П. Богдановичъ съ 1895-го года въ своихъ „Критическихъ замѣткахъ" высказывается рѣшительно противъ народничества, а затѣмъ все ближе подходитъ къ марксизму.

Но идутъ года, и мало-по-малу марксизмъ завоевываетъ легальную прессу. Въ 1897—98 гг. „Новое Слово" переходитъ въ руки марксистовъ, затѣмъ, по закрытіи его, въ 1899 г. основывается „Начало" съ П. Струве (тогда марксистомъ) во главѣ. Въ ту же пору одна за другой выходятъ марксистскія книги: „Критическія замѣтки" — Струве; „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію" — Бельтова (Плеханова); „Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова" (книга написана тѣмъ же Плехановымъ, но на этотъ разъ — подъ новымъ псевдонимомъ — Волгина); упомяну тутъ же сборникъ статей рано умершаго Н. В. Водовозова и т. д. Изъ нихъ особенный успѣхъ и значеніе имѣла работа Плеханова о „монистическомъ взглядѣ", какъ попытка (болѣе детальнаго) обоснованія Марксовой теоріи въ ея конкретномъ примѣненіи къ Россіи и благодаря тому новому освѣщенію многихъ роковыхъ вопросовъ русской жизни, которое давала эта книга...

Споръ разгорался по всему фронту и становился все ожесточеннѣе. Численно еще преобладающіе въ легальной прессѣ народники и народничающіе либералы въ эти годы наполняютъ свои писанія сплошной полемикой съ „марксятами", „учениками" и какъ ихъ только ни именовали... Но не только новое поколѣніе устремлялось въ марксизмъ — годъ отъ году все въ большемъ количествѣ, — особенно, послѣ огромной стачки ткачей въ С.-Петербургѣ, произведшей въ положительномъ смыслѣ столь же большое впечатлѣніе, какое въ отрицательномъ произвелъ историческій голодный годъ: въ лагерь марксизма уже переходятъ и нѣкоторые литераторы, ранѣе сотрудничавшіе въ народническихъ органахъ, какъ Е. Соловьевъ, Поссе, Филипповъ. Вслѣдъ за „Началомъ", закрытымъ на 5-мъ мѣсяцѣ своего существованія, выходитъ „Жизнь", подъ редакціей Поссе; Филипповъ редактируетъ въ духѣ новаго теченія „Научное Обозрѣніе", А. Я. Острогорскій сначала помѣщаетъ въ „Образованіи" статьи марксистскаго толка, а затѣмъ журналъ становится уже вполнѣ марксистскимъ. А жизнь все болѣе оправдываетъ прогнозы „дѣтей". Рабочее движеніе ширится и растетъ. Интеллигенція ощущаетъ все болѣе твердую почву подъ ногами и все охотнѣе „прислоняется" къ пролетаріату.

Народническая струя, въ лицѣ В. В., Карышева и Николай — она, дѣлаетъ попытки ремонтировать прежнее зданіе, ищетъ новыхъ опоръ и подпорокъ. Но попытки эти не имѣютъ успѣха, и лагерь „отцовъ" фактически таетъ не по днямъ, а по часамъ... Нелегальная литература почти исключительно въ рукахъ соціалъ-демократовъ. Рядомъ съ ними только бывшіе народники, какъ Степнякъ-Кравчинскій и др., ведутъ изъ Лондона пропаганду „Земскаго собора", — создаютъ направленіе своеобразнаго „революціоннаго либерализма", съ неопредѣленной

классовой базой, со столь же неопредѣленной программой, главнымъ образомъ опираясь однако на земство и третій элементъ въ немъ, къ тому времени уже очень многочисленный и оппозиціонно настроенный. Объединеніе на этомъ „революціонномъ либерализмѣ“ всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ силъ страны—вотъ основная идея этого направленія. Надо замѣтить, что „освобожденчество“, которое сыграло извѣстную роль въ предреволюціонные годы, въ сущности, имѣло много общаго съ программою Степняка. Разница въ результатахъ опредѣлялась разницей въ моментахъ: ко времени „освобожденчества“ демократія уже стала активной революціонной силой, и объединители могли опираться на нее въ своей мирно-оппозиціонной работѣ. Нѣчто аналогичное попыткѣ Степняка и „Лондонскаго фонда“ вообще—представляло внутри Россіи „народоправчество“ 1893—94 гг. Это была попытка объединенія радикальныхъ и соціалистическихъ элементовъ, на чисто политической почвѣ. О соціализмѣ „манифестъ“ партіи, основанной М. А. Натансономъ, умалчивалъ. Соотвѣтственно заданіямъ организаціи, литература ея носила эклектическій характеръ, лавируя между Сциллой народничества и Харибдой марксизма. Партія просуществовала недолго: только что сорганизовавшись, была разбита и не возобновлялась.

Возраставшее вліяніе марксизма объяснялось двумя причинами: интеллигенція революціонная всей душой прилѣплялась къ новому „народу“, не покоящемуся въ загадочно-гармоническомъ снѣ, не говорящемъ по ея адресу знаменитое „не суйся!“ — а дѣйственно настроенному и жадно впитывавшему въ себя культуру вообще и новую интеллигентскую идеологію въ частности. Это — съ одной стороны. Съ другой же—элементы, по существу своему буржуазно-либеральные, не только естественно прислонялись къ единственной активной силѣ той эпохи и къ лагерю ея идеологовъ, но еще горячо были заинтересованы борьбой съ пережитками народничества, съ остатками „восточной“ идеологіи, которой марксизмъ противополагалъ признаніе прогрессивной роли капитализма, признаніе *европейскаго хода вещей* вообще. Необходимость фактически не только „прорубить окно“ въ Европу, но и очистить европейскій путь для развитія Россіи ощущалась этими либерально-буржуазными элементами очень остро и ясно, и они примыкали къ соціалъ-демократіи, къ ея легальной литературѣ, солидаризируясь съ нею прежде всего въ борьбѣ съ народничествомъ [1]).

Изъ беллетристовъ второй половины 90-хъ годовъ остановимся на В. В. Вересаевѣ, какъ лучшемъ выразителѣ переходной эпохи: его произведенія даютъ въ образахъ

[1]) Это соединеніе разнородныхъ и антагонистическихъ, по существу, элементовъ было воочію вскрыто революціонной эпохой, когда недавніе марксисты, даже видные теоретики легальнаго марксизма, какъ Струве и др., эволюціонировали отъ марксизма черезъ „идеализмъ“ къ ... господамъ Крестовниковымъ и превращались въ кадетовъ или даже кадетствующихъ октябристовъ...

настоящую исторію нашей интеллигенціи въ годы перехода отъ эпохи *безнародности и бездорожья* къ эпохѣ революціоннаго подъема.

Первая значительная повѣсть Вересаева (1895 г., „Русское Богатство") такъ и озаглавлена—„Безъ дороги". Она рисуетъ распространенный въ то время типъ интеллигента-народника, потерявшаго свою вѣру. Изнывающій въ культурной земской работѣ врачъ испытываетъ—едва ли не первый разъ въ жизни—счастье, когда, искалѣченный во время холернаго бунта, онъ умираетъ въ больницѣ... Типъ этого врача совсѣмъ Чеховскій или, вѣрнѣе—Каронинскій,—по тому тону, въ какомъ трактуются авторомъ муки опустѣвшей души и тоска по общественному идеалу...

Разсказъ ведется въ формѣ записокъ или дневника этого несчастнаго врача. Въ самомъ началѣ дается такая характеристика момента бездорожья и безнародности:

„То, что происходило кругомъ: лишь укрѣпляло меня въ убѣжденіи, что страхъ мой не напрасенъ, что сила времени—сила страшная, и не по плечу человѣку... Какимъ это чудомъ могло случиться, что въ такой коротенькій срокъ все такъ измѣнилось? Самыя свѣтлыя имена вдругъ потускнѣли, слова самыя великія стали пошлыми и смѣшными; на смѣну вчерашнему поколѣнію явилось новое, и не вѣрилось, неужели эти—всего только младшіе братья вчерашнихъ?..

Въ литературѣ шло какое-то общее заворачиваніе фронта, и шло не во имя какихъ-нибудь новыхъ началъ—о нѣтъ! Дѣло было ясно: это было лишь ренегатство общее, массовое и, что всего ужаснѣе, безсознательное. Литература тщательно оплевывала въ прошломъ все свѣтлое, хорошее, но оплевывала наивно, сама того не замѣчая, воображая, что поддерживетъ какіе-то „завѣты"; прежнее чистое знамя въ ея рукахъ давно обратилось въ грязную тряпку, а она съ гордостью несла эту опозоренную ею святыню и звала къ ней читателя... Съ мертвымъ сердцемъ, безъ огня и вѣры, говорила она что-то, чему никто не вѣрилъ..."

Болѣе мрачной картины этого момента не давалъ ни одинъ изъ предшественниковъ Вересаева. Чеховъ сравнительно индиферентно относился къ политическимъ теоріямъ и настроеніямъ. Онъ весь уходилъ въ психологію. Вересаевъ—продуктъ иной эпохи. Литература въ его лицѣ снова обращается къ общественности, послѣ перерыва 80-хъ годовъ. Она идетъ въ ногу съ самимъ обществомъ, съ настроеніемъ интеллигенціи. Но если общественное настроеніе къ году, когда писалась Вересаевская повѣсть, уже обнаруживало нѣкоторое повышеніе, то объективныхъ данныхъ, которыми питалось это повышеніе, не было. Отсюда—этотъ безконечно минорный тонъ. И однако, даже въ этой минорной повѣсти, въ фигурѣ двоюродной сестры врача—Наташи есть какой-то проблескъ, какая-то струя бодрящаго уже не „Чеховскаго"—воздуха. Врачъ, умирая, завѣщаетъ ей—„упорно работать и искать дорогу". А Наташа уже давно сама инстинктивно ищетъ этой дороги, душа ея переполнена вопросами и запросами. И вотъ, констатируемая авторомъ наличность этихъ *запро-*

совъ къ жизни, только что передъ тѣмъ окончательно заглохшихъ и задушенныхъ, а теперь пробудившихся, — и представляетъ слабый, но обнадеживающій лучъ свѣта, прорвавшійся въ „камеру обскуру" Вересаевской повѣсти.

Въ слѣдующемъ по времени очеркѣ—„Повѣтріе"—изображена та же Наташа, но уже въ иномъ совершенно настроеніи. „Она нашла дорогу и вѣритъ въ жизнь"—такъ не безъ завистливаго чувства формулируетъ свое впечатлѣніе отъ нея ея старый пріятель - народникъ, съ которымъ Наташа и ея товарищъ студентъ ведутъ горячіе споры: молодежь отстаиваетъ, марксистскую теорію „исторической необходимости", проповѣдуетъ трезвый взглядъ на дѣйствительность, иронизируетъ надъ народнической „слезой"... Подобно народнической журналистикѣ того времени, народники въ „Повѣтріи" — Наташинъ знакомый и его пріятель — прибѣгаютъ въ спорѣ, въ качествѣ ultima ratio, именно къ этой „слезѣ",—къ сантиментальному идеализму, брезгливо отворачиваясь отъ „признающихъ (подобно восьмидесятникамъ!) дѣйствительность" юныхъ марксистовъ. Небольшой, но содержательный очеркъ этотъ заканчивается сценой горькаго раздумья Наташинаго знакомаго—народника. Въ концѣ спора онъ объявилъ, что они „говорятъ на разныхъ языкахъ и никогда не столкуются". Теперь, вспоминая этотъ споръ, онъ размышляетъ:

„Сергѣй Андреевичъ, угрюмо сдвинувъ брови, смотрѣлъ въ даль. Онъ чувствовалъ, какъ дорога и близка ему эта окружающая его бѣдная, тихая жизнь, сколько удовлетворенія испытывалъ онъ, отдавая ей на служеніе всѣ свои силы. И онъ думалъ о Киселевѣ (устроителѣ крестьянскихъ артелей), думалъ о сотняхъ разсѣянныхъ по широкой русской землѣ безвѣстныхъ работниковъ, дѣлающихъ въ глуши свое трудное, полезное и невидное дѣло... *Тѣ*, узкіе и черствые, относятся къ этому дѣлу свысока... Что-то сами они сдѣлаютъ? И тяжелая злоба къ нимъ шевельнулась въ Сергѣѣ Андреевичѣ, и онъ почувствовалъ, что никогда не примирится съ ними, не протянетъ имъ руки... Черезъ всю жизнь, полную ударовъ и разочарованій, онъ пронесъ одно— горячую любовь къ народу и его душѣ, облагороженной и просвѣтленной великою властью земли. И эта любовь и его тоска передъ тѣмъ, что такъ чужда ему народная душа, — все это для *нихъ* смѣшно и не понятно... Да, что-то они сдѣлаютъ?"

Очеркъ въ новѣйшихъ изданіяхъ сочиненій Вересаева снабженъ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

„Разсказъ этотъ въ свое время вызвалъ со стороны критики не мало нареканій за то, что лишенъ дѣйствія и состоитъ изъ однихъ разговоровъ... Но показать представителей молодого поколѣнія *въ дѣйствіи* было по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ совершенно немыслимо. Даже въ предлагаемомъ видѣ разсказъ могъ появиться въ свѣтъ только послѣ долгихъ мытарствъ.—Время дѣйствія относится къ лѣту 1896-го года—знаменитая іюньская стачка ткачей,—отмѣтившаго собой наро-

жденіе у насъ организованнаго рабочаго движенія [1])".

Печаталось „Повѣтріе" уже не въ „Русск. Богатствѣ", какъ первая повѣсть этого автора, а въ марксистскомъ „Новомъ Словѣ". Въ „Русскомъ Богатствѣ" же вызвала именно тѣ нареканія, о которыхъ упоминаетъ въ своемъ примѣчаніи авторъ.

Въ повѣсти „На поворотѣ", относящейся къ 1902 г., *лѣтописецъ нашей интеллигенціи* Вересаевъ—отмѣчаетъ уже начало того распада въ марксистскомъ лагерѣ, о которомъ я упоминалъ выше. Отпадаетъ отъ марксизма и его молодыхъ адептовъ „зрѣлый" Токаревъ, побывавшій въ ссылкѣ, а теперь соблазняющійся дѣятельностью земца и... комфортомъ и благообразіемъ помѣщичьей жизни:

„Хорошо бы такъ жить!.. И чтобы все это покрывалось широкимъ общественнымъ дѣломъ, которое бы захватывало цѣликомъ, оправдывало жизнь, и въ то же время не требовало слишкомъ большихъ жертвъ"...

Этотъ типичный представитель нарождающейся буржуазной по духу интеллигенціи очень напоминаетъ своими мечтаньями характеризованныхъ выше „разумныхъ идеалистовъ" Потапенки. Разница однако та, что у Потапенки они трактованы, какъ положительные типы, какъ идеалъ, Вересаевъ же рисуетъ своего героя, очутившагося „на поворотѣ", въ скорбно - сатирическомъ тонѣ, вполнѣ правдиво и тонко, впрочемъ, изображая его душевную драму... Другія фигуры повѣсти олицетворяютъ расколъ въ самомъ революціонномъ марксизмѣ, появленіе въ его средѣ двухъ теченій: конспиративно - централизаторскаго и демократически - легалистскаго; не забылъ Вересаевъ въ своей повѣсти и того рецидива народническихъ— или, вѣрнѣе, народовольческихъ — настроеній, какой происходилъ въ тѣ годы подъ впечатлѣніемъ крестьянскихъ волненій, съ одной стороны, и медленности „стихійнаго" движенія пролетаріата—съ другой; отмѣчаетъ онъ и нарожденіе того интереса къ философскому обоснованію своей дѣятельности, къ вопросамъ міросозерцанія вообще, который наблюдается у насъ къ 1900-ымъ годамъ, и въ частности, интереса къ идеямъ Ницше, которыя въ эту пору проникли къ намъ и уже оказывали значительное вліяніе на интеллигенцію...

Въ послѣднемъ своемъ романѣ

[1]) Такимъ образомъ, оба поворотныхъ пункта въ жизни нашей интеллигенціи отмѣчены Вересаевымъ: въ „Безъ дороги" проходятъ голодъ и холерные бунты, въ „Повѣтріи"—стачка 1896 г. Мы видѣли выше, что голодный годъ занималъ и другого беллетриста — Потапенко, дважды возвращавшагося къ этой темѣ. Голоду же была посвящена книга Короленки, подводившая такіе безнадежные итоги нашей народохозяйственной политикѣ того времени и производившая огромное впечатлѣніе... Нечего говорить, что эта тема прошла также чрезъ произведенія многихъ второстепенныхъ беллетристовъ, какъ Дмитріева и др. Беллетристъ и статистикъ Астыревъ (авторъ интересныхъ очерковъ „Въ волостныхъ писаряхъ") отозвался на голодный годъ прокламаціей „Къ народу—отъ народолюбцевъ", въ которой призывалъ крестьянство къ борьбѣ, и за эту прокламацію былъ заключенъ въ крѣпость, гдѣ у него развилась чахотка, отъ которой онъ вскорѣ погибъ

изъ жизни интеллигенціи, озаглавленномъ „Къ жизни“, авторъ рисуетъ дальнѣйшій, пореволюціонный, распадъ интеллигенціи и ставитъ тотъ вопросъ о цѣли и цѣнности жизни личной въ связи съ судьбами массы, большинства,—который естественно всплылъ въ эту пору. Постановка вопроса въ романѣ вполнѣ гармонируетъ съ тѣмъ устремленіемъ отъ *морализма* къ эстетико-философскимъ синтезамъ, зачатки котораго я отмѣчалъ еще у Чехова и которое красной нитью проходитъ черезъ всю нашу художественную литературу новѣйшей полосы.

Продуктъ *момента перелома,* охарактеризованнаго выше, Вересаевъ въ основныхъ своихъ произведеніяхъ главное вниманіе посвящаетъ именно темѣ о „безнародности“ и обрѣтеніи интеллигенціей „народа“: Онъ особенно чутокъ къ вопросу объ отношеніяхъ между интеллигенціей и массой: таковы темы повѣстей „Безъ дороги“, „На поворотѣ“ и только что упомянутаго романа, гдѣ тема эта расширена и обобщена до вопроса о взаимоотношеніи между нашимъ *я* и человѣчествомъ вообще...

Скромный въ своей манерѣ, не богатый красками, но чуткій и правдивый, Вересаевъ не былъ только „лѣтописцемъ нашей интеллигенціи“, какъ я его назвалъ. Правда, стоя духовно въ такой близости къ революціонной интеллигенціи, какъ почти никто изъ остальныхъ нашихъ современныхъ беллетристовъ, онъ интимнѣе, нежели остальные, проникался ея настроеніями и далъ подлинную лѣтопись этихъ годовъ ея жизни. Но, наряду съ этимъ, онъ первый началъ давать эскизы изъ жизни фабричнаго пролетаріата; съ другой стороны, ему же принадлежитъ рядъ деревенскихъ очерковъ

Изъ вещей, посвященныхъ „городскому народу“, отмѣчу, связанныя по фабулѣ повѣсти „Конецъ Андрея Ивановича“ и „Конецъ Александры Михайловны“, гдѣ прослѣживается зарожденіе человѣческой и классовой сознательности въ средѣ мастеровыхъ и рабочихъ, и изображается упорное, неистребимое стремленіе осмыслить жизнь, „обсудить все—*до самыхъ основныхъ мотивовъ*“, какъ выражается умирающій Андрей Ивановичъ...

Отмѣчу кстати, что новое сближеніе интеллигенціи съ народомъ, на этотъ разъ не явившееся нераздѣленнымъ — „одностороннимъ“ — увлеченіемъ, какимъ оказался „романъ“ народниковъ съ крестьянствомъ,—не вызвало къ жизни романтики, подобной романтикѣ Григоровича или позднѣйшихъ представителей „не критической“ струи народничества. Духъ ли реализма, которымъ было проникнуто новое теченіе, былъ тому причиной, но ни Вересаевъ, ни кто другой изъ сколько-нибудь замѣтныхъ по таланту беллетристовъ, касавшихся быта фабричныхъ, не вдавались въ сантиментализмъ, не идеализировали новаго „бога“ интеллигенціи, не рядили его въ романтическія ризы. Концепція и манера Вересаева глубоко реалистическія. Вскорѣ должна будетъ возродиться романтика, подъ перомъ „буревѣстника“ Горькаго, но объектомъ ея послужитъ не пролетаріатъ, а—„отрицатели“ босяки...

Помимо указанныхъ повѣстей, на

тему о пролетаріатѣ написаны Вересаевымъ небольшіе очерки: „На мертвой дорогѣ“, „Ванька“, „Въ степи“ и др.

Въ очеркахъ изъ крестьянской жизни писатель останавливается надъ темнымъ, суевѣрнымъ мистицизмомъ деревенскаго мышленія... И какъ мало похожи герои и героини очерковъ „Объ одномъ домѣ“ или „Исправилась“ на полныя загадочной, недоступной для интеллигенціи деревенской мудрости фигуры не только романтиковъ народничества, но даже и Успенскаго!.. Мертвой неподвижностью и скудостью вѣетъ отъ этихъ жалкихъ душъ, загнанныхъ жизнью въ—по истинѣ—языческую фантастику, поддерживающую ихъ въ ихъ „терпѣніи“... Чудесный очеркъ „Лизаръ“ рисуетъ не „власть земли“ надъ деревней 70-хъ годовъ, а *власть копейки* надъ деревней нашихъ дней...

Вересаевъ писалъ и чисто-психологическіе этюды, какъ „Паутина“, и вещи съ философскимъ настроеніемъ, какъ „Загадка“, „Передъ завѣсою“, „На эстрадѣ“... Въ надѣлавшихъ столько шума „Запискахъ врача“ онъ поставилъ вопросъ объ отношеніи врача къ обществу и обратно—общества къ медицинѣ и врачамъ; иныя горькія истины, безъ которыхъ не могъ обойтись писатель, въ качествѣ врача хорошо знающій эту среду, вызвали противъ него цѣлые каскады злобной полемики въ медицинскихъ журналахъ, цѣлую бурю негодованія за „подрывъ вѣры въ медицину“... Публика же раскупала одно изданіе „Записокъ“ за другимъ, нисколько не утрачивая при этомъ вѣры въ медицину, ибо правдивое трактованіе вопроса въ его цѣломъ, какое давалъ Вересаевъ, и не могло подорвать этой вѣры... Наконецъ, „Записки“—„На войнѣ“ рисуютъ кошмарную послѣднюю нашу кампанію, которую писатель наблюдалъ въ качествѣ врача при полевомъ госпиталѣ. Вересаевъ описываетъ только то, что видѣлъ собственными глазами, либо сообщаетъ документы, но и изображенный имъ небольшой уголокъ всей картины способенъ привести въ ужасъ каждаго мыслящаго читателя. Въ концѣ „Записокъ“ живо изображены волнующіе слухи объ успѣхахъ революціи и сцены встрѣчи возвращающихся на родину войскъ съ полными энтузіазма „товарищами“—желѣзнодорожными рабочими... Той-же войнѣ посвящены очерки „Издали“, „Враги“ и „Ломайло“. Послѣдній очень глубоко, хотя и въ бѣглыхъ чертахъ, сопоставляетъ застывшую древнюю культуру китайцевъ съ бойкимъ варварствомъ ворвавшагося въ ихъ предѣлы воинства...

Заканчивая очеркъ литературы 90-хъ годовъ, я долженъ коснуться Максима Горькаго, начавшаго въ самые послѣдніе годы этого десятилѣтія. Но я именно лишь коснусь его въ самыхъ общихъ чертахъ, ибо большая часть творчества этого художника падаетъ на 900-е годы, да и вообще всѣмъ писательскимъ обликомъ своимъ онъ относится уже къ слѣдующей,—*революціонной*,—полосѣ нашей литературы, которая не входитъ въ рамки настоящей статьи...

Горькій—не только сынъ новой эпохи, но и по самому происхожденію своему дитя „новаго" класса,—класса, который впервые учиняетъ активное вмѣшательство въ жизнь нашей страны, *рождается*, такъ сказать, *къ историческому бытію*.

И все въ фигурѣ этого писателя проникнуто новымъ духомъ, энергіей in statu nascendi, какъ выражаются естествоиспытатели, — „утреннимъ" буйнымъ задоромъ... Но, несмотря на всю новизну этой художественной индивидуальности, логика исторіи, законы эволюціи идей дѣлаютъ то, что все его творчество, при всемъ внѣшнемъ бунтарствѣ и возражательствѣ, совершенно укладывается въ общее русло, по которому течетъ наша литература, является продолженіемъ и завершеніемъ того процесса развитія, который, какъ я отмѣчалъ, начался въ глухую пору мертвыхъ 80-хъ годовъ и продолжался, все убыстряя ходъ свой, до самыхъ дней революціи. Если съ 80-хъ годовъ интеллигентская мысль отъ „опеки" надъ народомъ и героическаго перестраиванія жизни по облюбованнымъ утопистами образцамъ приходитъ къ *признанію* дѣйствительности, а стало быть,—и дѣйствующихъ въ ней факторовъ во всей ихъ многосложности и многообразіи; если отъ этого не труденъ уже былъ переходъ и къ признанію роли различныхъ классовъ, какъ слагаемыхъ силъ, опредѣляющихъ характеръ движенія;—то, пройдя черезъ вліяніе марксизма, съ его ученіемъ о борьбѣ классовъ, естественно было признать законность особыхъ идеологій для каждаго изъ классовъ и закономѣрность появленія идеологовъ уже не обще-интеллигентскихъ, не „руководящихъ" всѣмъ, что есть „хорошаго" на Руси, а выражающихъ стремленія и чаянія своего класса или группы...

Горькій съ самыхъ первыхъ дней своихъ весь пропитанъ ощущеніемъ кровнаго родства своего съ демократіей, съ трудовымъ людомъ, съ „плебсомъ"... Не размышляя, не теоретизируя, не задаваясь никакой „точкой зрѣнія", онъ просто глядитъ глазами своего класса, чувствуетъ его чувствами, мыслитъ его мыслями. Онъ стихійно занимаетъ свое мѣсто въ литературѣ и поетъ свои первыя пѣсни, увѣренный, что его голосъ нуженъ и будетъ услышанъ *своими*... Но эволюція идеологіи какъ бы забираетъ его своими шестернями. Пѣсни его продолжаютъ именно то, чего не допѣли его предшественники. Отъ любви къ психологіи, отъ пристальнаго вниманія къ личности, отъ теоретической защиты ея наша литература, въ его лицѣ, переходитъ къ непосредственному и живому *паѳосу индивидуализма,* къ восторженному поклоненію свободѣ личности. Историческій моментъ диктовалъ именно такое настроеніе. Именно это настроеніе и могло только служить бродиломъ, и могло только явиться тѣмъ рычагомъ, который долженъ былъ взломать царство опеки, упразднить гнетъ „упорядоченія" жизни извнѣ, гнетъ механической и насильственной ея регламентаціи...

Личность задыхалась и билась въ путахъ и оковахъ, налагаемыхъ тѣмъ порядкомъ жизни, который еще Чеховскимъ героемъ былъ оха-

рактеризованъ формулой: „*Кто къ чему приставленъ*". Ко днямъ Горькаго демократія уже достигла того культурнаго и общественнаго уровня, когда непосредственно ощущается нестерпимость этихъ путъ и оковъ, когда человѣкъ жаждетъ простора и свободы почина, хотя бы въ узкой области экономическаго, хозяйственнаго творчества... Горькій и поднялъ свой голосъ противъ этихъ путъ и оковъ, противъ привязей и перегородокъ, закрѣплявшихъ человѣческую личность на томъ мѣстѣ, къ которому она была „приставлена"... Переводя на языкъ политики лиризмъ Горькаго въ его первомъ періодѣ, можно сказать, что это было сплошное *отрицаніе полицейскаго государства* и только. Отрицалъ онъ отъ имени и во имя родного ему класса, чувствовалъ это такъ живо, что не считалъ нужнымъ и оговариваться. Но именно такое отрицаніе *объединяло* всѣ сколько-нибудь прогрессивные слои населенія. Именно это отрицаніе стало лозунгомъ момента, формулой исторической задачи. Отсюда небывалый успѣхъ первыхъ произведеній Горькаго, отсюда его необычайно быстрая и широкая популярность.

Положительное содержаніе его лиризма—неопредѣленный, но буйный и *непримиримый индивидуализмъ*,—какъ я говорилъ, тоже совпадалъ съ нарождавшимся въ ту пору настроеніемъ. Въ этомъ смыслѣ, успѣхъ Бальмонтовской поэзіи можетъ отчасти послужить объясненіемъ того резонанса, который имѣли пѣсни Горьковскихъ босяковъ. Съ другой стороны, подобно Бальмонту же, Горькій рѣшительно рвалъ съ морализмомъ, съ той аскетической традиціонной догмой, которая связывала по рукамъ и ногамъ и приводила выродившееся народничество къ двойственности, дряблости, анемичности и безсилію... Аналогій между начальными періодами творчества этихъ двухъ столь различныхъ по существу писателей можно вообще провести много. Не даромъ критика народническаго лагеря такъ недружелюбно встрѣтила Горькаго, а Михайловскій сближалъ его именно съ декадентами, указывалъ на „преклоненіе передъ силой безотносительно къ содержанію этой силы", на его аморализмъ „ницшеанскаго" типа и т. д. Все глубокое различіе между „эстетическимъ нигилистомъ" Бальмонтомъ и „буревѣстникомъ" демократомъ, какимъ былъ Горькій, въ его первомъ періодѣ,—сводилось почти всецѣло къ *тону*, какимъ говорили тотъ и другой. Разница эта воочію обозначилась бы, если бы Горькій въ то время не умалчивалъ о томъ, что ему казалось самоочевиднымъ... Ибо между интимными подоплеками творчества того и другого была цѣлая пропасть: у Бальмонта полная отъединенность, оторванность, подлинный *эготизмъ;* у Горькаго живое ощущеніе тождественности своихъ стремленій съ стремленіями огромныхъ массъ... Но на поверхности, формально, словесно — они во многихъ пунктахъ, дѣйствительно, совпадали. И у Горькаго, какъ у Бальмонта, въ видѣ *возраженія* противъ традиціоннаго аскетизма народниковъ, мы находимъ „язычество". Но Горькій является ницшеанцемъ-*самородкомъ,* тогда какъ

Бальмонтъ и его соратники были ницшеанцами-*книжниками*.

И у Горькаго, какъ у Бальмонта, мы находимъ культъ *стихійной* любви; но это дѣйствительно стихійная, здоровая „звѣриная" любовь (вспомните борьбу между обожателями „Мальвы"). Повторяю, тонъ и психическая подоплека, обнаруживающаяся въ писаніяхъ этого *новаго* человѣка, вотъ что дѣлаетъ „музыку" Горькаго. Безоговорочность же его инстинктивизма и индивидуализма — людямъ, не способнымъ услышать этотъ тонъ, внушали мысль о томъ, что этотъ новый человѣкъ, представитель новой полосы нашей исторіи, есть лишь новое и только слегка передѣланное изданіе декадентства начала 90-хъ годовъ...

Возражательство Горькаго противъ „корана" его учителей-народниковъ (какъ извѣстно, его первыми опытами руководили В. Г. Короленко и его близкіе) начинается очень рано. Напомню наиболѣе яркія вещи въ этомъ направленіи: это—„О чортѣ", и „Еще о чортѣ" (здѣсь весьма полемически изображается писательская „душа"—въ видѣ „студня", состоящаго изъ одной „нервозности"); это—„Варенька Олесова", гдѣ возвышенный идеализмъ приватъ-доцента, не соотвѣтствующій его природнымъ инстинктамъ, терпитъ позорное фіаско, а за слишкомъ неумѣренное проявленіе инстинктовъ героиня повѣсти наказываетъ приватъ-доцента... мокрой простыней; это—„Мой спутникъ", гдѣ симпатичному, но безвольному идеалисту-мечтателю противопоставленъ здоровый звѣрь—грузинъ Шакро, помыкающій имъ совершенно самовластно... Отдѣльными вылазками противъ дряблаго морализма пересыпаны почти всѣ очерки Горькаго, какъ „Коноваловъ", „Бывшіе люди". Та же тема затрагивается въ драмѣ „Дачники": живая и правдивая фигура Рюмина, который „даже застрѣлиться не умѣетъ", представляетъ злую сатиру именно на эту интеллигентскую черту...

Неопредѣленность, невыясненность „мажорнаго" настроенія Горькаго побуждала его, вмѣсто реалистическихъ пріемовъ, прибѣгать къ откровенной и красочной *романтикѣ*. Именно потому, должно быть, избралъ онъ объектомъ своихъ изображеній не какой-либо дѣйствительно творящій реальную жизнь классъ, а фантастическихъ въ злосчастьѣ своемъ, подлинно ужъ ни къ чему „не приставленныхъ" босяковъ.

Мы видѣли, впрочемъ, что реалистическая школа нашей беллетристики, царившая съ 40-хъ годовъ, уже доживала свои дни къ концу дѣятельности Чехова, который въ послѣднихъ своихъ очеркахъ и драмахъ все болѣе рѣшительно обращается къ символистическимъ пріемамъ. Отмѣчалъ я и типично *романтическую* концепцію у Короленки (Такимъ образомъ, „вечерняя заря" народничества какъ бы совпадаетъ по окраскѣ съ „утромъ" новой полосы нашей литературы...). Нечего и говорить, что вся школа первыхъ декадентовъ нашихъ не имѣла ничего общаго съ реализмомъ. Горькій романтиченъ и ирреаленъ отъ первой своей строки до послѣдней. Онъ расцвѣчиваетъ своихъ босяковъ всѣми цвѣтами радуги, безъ всякой

церемоніи заставляетъ ихъ говорить собственнымъ его, Горькаго, языкомъ, красочнымъ и мѣткимъ, пересыпаннымъ *крылатыми* словами и задорно-полемическими афоризмами... И фигуры этихъ босяковъ своихъ онъ почти всегда помѣщаетъ въ соотвѣтственную обстановку, окружаетъ соотвѣтственнымъ романтическимъ пейзажемъ: онъ то укладываетъ ихъ на песчаный берегъ моря, подъ южнымъ солнышкомъ, то возитъ по широкой Волгѣ „на плотахъ" или водитъ по безпредѣльнымъ степямъ... И даже тогда, когда онъ изображаетъ ихъ въ тѣхъ трущобахъ, къ которымъ — увы! — приставленъ и этотъ ни къ чему не приставленный „вольный" народъ, то такъ ловко затушевываетъ грязь и нечистоты, такъ освѣжаетъ затхлый воздухъ, что читателю подъ вольныя пѣсни вольныхъ людей чудятся все тѣ же широкіе горизонты, напоенный морской влагой воздухъ, горячее солнце...

Вотъ какъ высказываются эти романтическіе босяки на тему объ путахъ и оковахъ, по вопросу о „тѣснотѣ жизни":

Бывшій пекарь, ушедшій бродяжить, Коноваловъ лежитъ на берегу Чернаго моря и разсуждаетъ:

„Каждый разъ, какъ я бываю у моря, я все думаю, что люди мало селятся около него?.. Были бы они отъ этого лучше, потому оно ласковое и такое... хорошія думы отъ него въ душѣ у человѣка... Совсѣмъ напрасно ты, Максимъ, въ городахъ трешься... Тусклая тамъ жизнь и тѣсная. Ни воздуху, ни простору, ничего, что человѣку надо... Настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга. Хорошая жизнь!

Нѣтъ—вотъ она жизнь... вотъ какъ мы"...

Мальва, красавица босячка со сложной душой, мечтательной и цинично-жестокой—въ одно и то же время,—лежитъ тоже на морскомъ песочкѣ и сопоставляетъ деревенскую жизнь съ босяцкой „волей":

— „Какъ въ ямѣ,—и темно и тѣсно... А здѣсь я—я здѣсь ничья. Свободная... какъ чайка! Куда захочу, туда и полечу"...

А старикъ Кувалда изъ „Бывшихъ людей" даетъ намъ въ короткомъ афоризмѣ всю идеологію Горьковскихъ любимцевъ:

— Я—бывшій человѣкъ, — такъ? Я отверженъ—значитъ, *я свободенъ отъ всякихъ путъ и узъ...* значитъ, я могу наплевать на все!.. Я долженъ по роду своей жизни отбросить въ сторону все старое"... и т. д.

Таковы герои Горькаго въ его первомъ періодѣ и таковы ихъ мажорныя, смѣлыя, вольнолюбивыя пѣсни...

Къ 900-мъ годамъ картина мѣняется. Горькій уже принимается за „оговорки". Онъ словно начинаетъ понимать, что та связь, о которой онъ до сихъ поръ умалчивалъ, которая составляла святая святыхъ его философіи и фундаментъ жизнеощущенія, должна быть выявлена, чтобы не порождать недоразумѣній, чтобы не лить воду на колеса совсѣмъ чужихъ мельницъ... *Отрицающій* періодъ писаній Горькаго смѣняется періодомъ съ *утвержденіями*. Взглядъ на жизнь пріобрѣтаетъ большую опредѣленность, не только въ смыслѣ оцѣнокъ

и симпатій, но и въ области практическихъ выводовъ. Героевъ-босяковъ смѣняютъ *машинисты* Нилы (драма „Мѣщане"), *рабочіе* Павлы („Трое"), интеллигенты-революціонеры—правда, дѣти прачекъ („Дачники"). Въ поэмѣ (такъ, кажется, можно назвать это нѣсколько неуклюжее по формѣ произведеніе), подъ названіемъ „Человѣкъ",—Горькій даетъ уже вполнѣ опредѣленное *сочетаніе индивидуалистическихъ стремленій съ соціализмомъ*, формулируетъ то настроеніе „соціализированнаго ницшеанства", которое не покинетъ его до конца... Это то самое настроеніе, которое воодушевляетъ всѣхъ лучшихъ представителей нашей беллетристики въ годы, непосредственно предшествовавшіе революціи... Въ „Человѣкѣ" проводится также мысль о будущемъ синтезѣ идеалистическихъ велѣній разума съ инстинктами человѣка—мысль, совпадающая съ идеей Ибсеновскаго „Кесаря и Галилеянина", съ мечтой его Юліана о „Третьемъ царствѣ", этомъ *„двуединомъ* царствѣ",—въ которомъ христіанство имѣетъ сочетаться съ язычествомъ, культъ тѣла и человѣческаго *я*—съ культомъ духа и общественности...

„Я созданъ мыслью затѣмъ, чтобы опрокинуть, разрушить, растоптать все старое, все тѣсное и грязное, все злое,—и новое создать на выкованныхъ мыслью незыблемыхъ началахъ *свободы, красоты* и *уваженія* къ людямъ!"..

„Хочу, чтобъ *каждый изъ людей* былъ Человѣкомъ!"...

Такъ *обобществляетъ* свой индивидуализмъ Горьковскій „Человѣкъ". И тутъ же мечтаетъ:

„Настанетъ день, въ груди моей *сольются* въ одно великое и творческое пламя *міръ чувства* моего съ моей безсмертной *мыслью*... и буду я подобенъ тѣмъ богамъ, что мысль моя творила и творитъ"...

Оговорки—всѣ на лицо: культъ „силы и красоты" наполненъ уже болѣе опредѣленнымъ *содержаніемъ*. Ницшеанская" идея *культуры*, воспитанія человѣчества, созданія высшаго человѣческаго типа, просвѣчивающая въ только что цитированной вещи, въ нѣсколько наивной формѣ, но конкретнѣе и ближе къ жизни проводится въ монологахъ Сатина въ драмѣ „На днѣ":

„Для лучшаго люди живутъ! Вотъ, скажемъ, живутъ столяры и все—хламъ-народъ... И вотъ отъ нихъ рождается столяръ... такой столяръ, какого подобнаго и не видала земля; всѣхъ перевысилъ, и нѣтъ ему въ столярахъ равнаго. Всему онъ столярному дѣлу обликъ даетъ... и сразу дѣло на двадцать лѣтъ впередъ двигаетъ... Также и всѣ другіе... слесаря тамъ... сапожники и прочіе рабочіе люди... и всѣ крестьяне... и даже господа *для лучшаго* живутъ!.. Всякъ думаетъ, что для себя проживаетъ, анъ выходитъ, что *для лучшаго!*"...

Ярче воплотить, точнѣе, убѣдительнѣе формулировать свою идею о *синтезѣ между личностью* и *общественностью* (понятіями, въ которыхъ буржуазная мысль усматриваетъ *антиномію*, съ единственно возможнымъ исходомъ въ видѣ мистицизма)—вотъ отнынѣ жизненная задача, вотъ отнынѣ *лейтмотивъ* Горькаго. Только объ этой задачѣ и помышляетъ онъ, когда въ своей

„Исповѣди“ приписываетъ коллективу „чудотворную“ силу и занимается „обожествленіемъ“ народа... Ей онъ посвящаетъ теоретическую работу „Разрушеніе личности“, гдѣ старается доказать, что главнымъ рычагомъ культуры, основнымъ двигателемъ творчества у всѣхъ геніальныхъ художниковъ и мыслителей — было ощущеніе живой связи этихъ одаренныхъ единицъ—съ коллективомъ...

Но все это относится уже къ позднѣйшей порѣ дѣятельности Горькаго. Ограничусь, поэтому замѣчаніемъ, что тотъ привлекательный синтезъ, до котораго онъ доработался къ 900-ымъ годамъ, явился у нашей революціонной интеллигенціи первымъ синтезомъ послѣ распаденія на составные элементы синтеза критическаго народничества, изображеннаго Успенскимъ въ снѣ о „крестьянкѣ“, „террористкѣ“ и „Венерѣ Милосской“. Замѣчу еще, что народническій синтезъ, если и могъ удовлетворять интеллигенцію, воодушевляя ее на исполненіе ея „обязанностей передъ народомъ“, то все же это было *специфически интеллигентское* міросозерцаніе, пригодное и цѣнное лишь въ ограниченной средѣ народолюбцевъ-подвижниковъ... Синтезъ предреволюціонной эпохи совершенно иного характера. Онъ общечеловѣченъ и *демократиченъ*. Это—идеалъ, который можетъ быть осуществленъ только въ обществѣ „равныхъ среди равныхъ“,—въ обществѣ, не знающемъ классовыхъ привилегій и различій, въ обществѣ, гдѣ укладъ жизни не воспитываетъ въ однихъ хищническихъ инстинктовъ и навыковъ, а въ другихъ — рабскихъ... Идеалъ этотъ предполагаетъ общественный укладъ, не искажающій обликъ человѣка, не уродующій тотъ прекрасный образъ, который соціальный пессимистъ и индивидуалистъ Ницше, пользовавшійся, какъ я упоминалъ, къ 900-мъ г. огромнымъ вліяніемъ среди нашей интеллигенціи, — наименовалъ „Сверхъчеловѣкомъ“, а демократъ-общественникъ, соціалистъ и индивидуалистъ въ одно и то же время — Горькій—назвалъ просто „Человѣкомъ“—съ большой буквой въ началѣ слова... И это мало сказать— не уродующій и не искажающій: общественный укладъ, постулируемый этимъ идеаломъ, долженъ быть такимъ, чтобы *взращивать* и воспитывать подобнаго *Человѣка*...

Объ эстетическихъ плюсахъ и минусахъ Горькаго упомяну лишь въ двухъ словахъ. Къ плюсамъ, въ первую очередь, надо отнести прекрасный образный и мѣткій языкъ его раннихъ произведеній (впослѣдствіи стиль его становится схематичнымъ и не чуждъ шаблона, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ увлеченіемъ политической *схемой*, въ которое онъ ударился со своей вѣчной необузданностью); огромнымъ плюсомъ является и живой импрессіонизмъ въ живописи: иные пейзажи Горькаго—чудесные „пленъэры“ (напомню иныя строки о морѣ въ „Мальвѣ“, паркъ утромъ послѣ грозы въ „Варенькѣ Олесовой“, картину гавани въ „Челкашѣ“).

Какъ на минусы укажу на страшную неровность стиля, въ силу которой рядомъ съ подлинными красотами то и дѣло попадаются „кляксы“:

то чрезмѣрная красочность, то просто банальнѣйшіе, истертые, какъ ходячая монета, мелодраматическіе сцены, штрихи и образы. Въ позднѣйшемъ періодѣ присоединяется къ этому та схематичность, о которой я говорилъ, и еще—безвкусно подчеркнутая тенденція...

Что касается художественной концепціи Горькаго, то мнѣ нужно отмѣтить, что онъ, разумѣется, не сходитъ съ того пути, на который сталъ еще Чеховъ, заявившій, что иные вопросы нельзя рѣшать въ традиціонныхъ категоріяхъ добра и зла, что „нужно отправляться отъ чего-то высшаго“: болѣе широкая эстетическая интуиція, свободное и многостороннее воспріятіе явленій жизни, а отнюдь не морализмъ, являются пафосомъ Горькаго въ лучшихъ образцахъ его творчества...

Эта эволюція нашего искусства отъ морализма къ эстетико-философскому воспріятію жизни идетъ неуклонно, а въ Леонидѣ Андреевѣ найдетъ не только убѣжденнаго адепта новой точки зрѣнія, но и проповѣдника ея, отстаивавшаго ее въ цѣломъ рядѣ произведеній, систематически возражавшаго именно противъ морализма...

Но Андреевъ, съ его философской символикой и философскими „вопросительными знаками“, цѣликомъ уже относится къ революціонной эпохѣ и новой,—*городской полосѣ* нашей литературы, когда творчество нашихъ художниковъ опиралось—сознательно или безсознательно—на видимое и ощущаемое движеніе жизни и чувствовало себя свободнымъ отъ прежнихъ вынужденныхъ обязательствъ передъ жизнью, отъ всякихъ непосредственно - служебныхъ задачъ и заданій... То же можно сказать и про „этюдиста“, столь богатаго красками *бытовика*—А. И. Куприна... Вотъ почему я и не включаю характеристикъ этихъ двухъ художниковъ въ свой очеркъ, хотя начало ихъ дѣятельности и относится къ концу 90-хъ годовъ, но именно, къ самому концу этихъ годовъ.

Уже въ творчествѣ Горькаго, на бѣглой характеристикѣ котораго я прерываю свой очеркъ, явственно звучатъ мотивы новой полосы нашей литературы. Во-первыхъ, *городской* пошибъ общаго воспріятія дѣйствительности: болѣе импрессіонистическая, подвижная психика, большая свобода отъ традицій и установленныхъ рамокъ. А во-вторыхъ, и съ особенной силой, именно, въ его писаніяхъ перваго періода сказалось бодрое, *мажорное* настроеніе, смѣнившее собою—увы, не надолго!—десятилѣтія тоски, унынія и рефлексіи... Конецъ 90-хъ годовъ, къ которому относится этотъ начальный „мажорный“ періодъ Горькаго,—вѣдь это было уже утро,—раннее, погожее, преисполненное надеждъ—утро надвигавшейся революціи... Революція приводитъ съ собою быструю дифференціацію нашей интеллигенціи, зачатки каковой я отмѣчалъ ранѣе, и такую смуту въ области художества, что затрагивать эти сложныя явленія въ немногихъ остающихся въ моемъ распоряженіи строкахъ нѣтъ никакой возможности... Я закончу краткимъ резюме той идеологической эволюціи, которую старался прослѣдить въ художествѣ

описываемыхъ десятилѣтій. Въ 80-ые и 90-ые годы наша литература шла отъ *ликвидаціи народничества*, отъ *барскаго покаянія* и *интеллигентскаго самоотверженія* къ *демократическому* и *обобществленному индивидуализму*, проходя черезъ „точку интерференціи" восьмидесятничества. За тотъ же періодъ времени соціально-утопическая точка зрѣнія смѣнялась политическимъ реализмомъ, а морально-филантропическая основа міросозерцанія культурно-философской. Обнимая всю эту эволюцію однимъ опредѣленіемъ, можно сказать, что мы отъ сантиментальнаго *самобытничества* и наивнаго мессіанства шли къ *европеизму*, пріобщались, въ истинномъ смыслѣ этого слова, къ духу европейской культуры... Но именно революція показала всѣмъ умѣющимъ видѣть, что элементы стариннаго исконнаго міросозерцанія еще далеко не изжиты, не отброшены... Народничество наше вымирало на глазахъ тѣхъ поколѣній, художество которыхъ служило предметомъ этой статьи,—годъ за годомъ, десятилѣтіе за десятилѣтіемъ. Къ концу 90-хъ годовъ, оно, казалось, дошло до окончательной своей ликвидаціи. Но революціонные годы обнаружили, что это было до извѣстной степени зрительнымъ обманомъ. Многочисленные и многообразные рецидивы народничества, проявившіе себя въ политикѣ (въ тактикѣ или программахъ всѣхъ нашихъ прогрессивныхъ партій, безъ единаго исключенія), а также кое-какія явленія въ художествѣ (преимущественно у „модернистовъ") доказали живучесть той старой идеологіи, которой пробавлялась наша интеллигенція съ самыхъ 40-хъ годовъ, при свѣтѣ которой создавалась наша литература до самыхъ послѣднихъ лѣтъ, и, можно сказать,—вся наша интеллектуальная культура... Революція доказала, что процессъ *европеизаціи* нашей далеко еще не завершился въ идеологіи, какъ не завершился онъ и фактически въ области политики и общественности вообще.

ГЛАВА V.

Развитіе естествознанія въ Россіи въ послѣднюю четверть вѣка.

(В. Л. Омелянскаго.)

Въ обществѣ довольно прочно установился взглядъ на науку и занятіе ею, какъ на сферу умственной дѣятельности человѣка, стоящую совершенно въ сторонѣ отъ жизни, а на ученыхъ—какъ на людей „не отъ міра сего", находящихся во власти занимающихъ ихъ идей или всецѣло погруженныхъ въ разработку узко-спеціальныхъ вопросовъ. Жизнь течетъ мимо нихъ со своимъ призывнымъ шумомъ борьбы, со своими печалями и радостями, а эти странные люди, эти,

по саркастическому замѣчанію Гейне, „Häupter in Hieroglyphenmützen“ методически продолжають свое дѣло, безстрастные и холодные, не откликаясь на происходящее вокругъ нихъ, брезгливо сторонясь соприкосновенія съ жизнью. Такой взглядъ не рѣдкость встрѣтить и теперь среди образованныхъ людей. Не нужно, однако, большого діалектическаго искусства, чтобы показать очевидную несостоятельность подобнаго взгляда. Достаточно самаго поверхностнаго знакомства съ исторіей науки, чтобы увидѣть, что всегда и вездѣ существовала тѣсная связь между политической жизнью страны и періодами расцвѣта или упадка науки. Когда, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ причинъ, жизнь принимала неестественныя, уродливыя формы, это тотчасъ отражалось пониженіемъ научной дѣятельности. И наоборотъ, подъемъ здоровыхъ общественныхъ силъ страны въ эпохи возрожденія всегда сопровождался усиленіемъ интереса къ наукѣ [1]). Какъ ни далека такъ называемая „чистая наука“ въ ея идеальныхъ стремленіяхъ отъ злободневныхъ вопросовъ текущей политической жизни, но вполнѣ отрѣшиться отъ нихъ она не можетъ— ни она сама, ни тѣмъ болѣе ея служители. Какъ сказочный Антей, она черпаетъ свою силу въ постоянной связи съ „землей“, т.-е. съ народной жизнью, изъ нѣдръ которой она пополняетъ рѣдѣющіе кадры своихъ дѣятелей.

Взаимоотношеніе между политической жизнью страны и усиленіемъ интереса къ наукѣ съ особенной яркостью обнаружилось въ Россіи въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія, въ эпоху великихъ реформъ. Картина всеобщаго пробужденія русской жизни въ этотъ „Sturm-und Drangperiode“ русской исторіи уже нарисована широкой кистью въ статьѣ проф. К. А. Тимирязева (III-й томъ, стр. 1—30), и мнѣ нѣтъ надобности вновь къ этому возвращаться. Какъ бурный вешній потокъ, пронеслись эти годы надъ русской землей, оставивъ глубокій слѣдъ во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Это время, какъ извѣстно, ознаменовалось также необычайнымъ расцвѣтомъ положительныхъ знаній. Обновленная Россія, только что стряхнувшая съ себя ненавистное иго рабства и безправія, не пожелала сносить дальше и гнета дореформенной науки. Началась упорная борьба реальнаго міросозерцанія съ міросозерцаніемъ метафизическимъ, носившимъ явственный отпечатокъ схоластической философіи—съ тѣмъ, что Менделѣевъ, съ присущей ему грубоватой прямолинейностью, называлъ „латинской премудростью“. Молодая Россія стала чутко прислушиваться къ все громче доносившемуся съ Запада призывному кличу къ изученію природы и къ экспериментальной разработкѣ положительныхъ наукъ, уже успѣвшей дать поразительные результаты. И вотъ, повинуясь этому призыву, плеяда

[1]) Сказанное, конечно, не относится къ тѣмъ историческимъ моментамъ, которые носятъ характеръ революціонныхъ движеній и сопровождаются временнымъ разстройствомъ всего механизма народной жизни, отвлекая всѣ силы на политическую борьбу.

молодыхъ русскихъ ученыхъ, одушевленныхъ горячей любовью къ наукѣ, устремляется въ заграничныя лабораторіи, въ тѣ притягательные центры научнаго образованія — Гейдельбергъ, Гиссенъ, Берлинъ,—слава о которыхъ гремѣла во всей Европѣ и гдѣ научный методъ былъ поставленъ на надлежащую высоту. Обратная волна дала Россіи готовыхъ ученыхъ, внесшихъ въ затхлую атмосферу университетскихъ лабораторій свѣжую струю свободнаго изслѣдованія. Вокругъ этихъ идеалистовъ-ученыхъ стали группироваться молодыя силы, и въ русскихъ университетахъ закипѣла работа—быстро создались самостоятельные центры научнаго образованія, въ которыхъ царилъ тотъ же духъ свободнаго изслѣдованія, которымъ отмѣчена вся дѣятельность этой блестящей плеяды ученыхъ чекана 60-хъ годовъ. Казалось, все предвѣщало русскому естествознанію пышній расцвѣтъ и великую будущность, но... 60-е годы такъ же быстро прошли, какъ бурно наступили. Имъ на смѣну настала затяжная полоса реакціи послѣдней четверти вѣка. Надвигались сумерки столѣтія—все сильнѣе сгущались тучи надъ русской жизнью, и тяжелѣе становились условія для нормальной научной работы...

Нерѣдко приходится слышать утвержденіе, что наука совершаетъ свой путь по типу ускоряющагося движенія. Ее сравниваютъ со снѣжной лавиной, низвергающейся съ высоты и увлекающей на своемъ пути все новыя массы снѣга. Это сравненіе, пожалуй, было бы справедливо, если бы научный прогрессъ не тормозился искусственными преградами, затрудняющими нормальное развитіе знаній. Такимъ, именно, тормозомъ послужила реакціонная полоса послѣдней четверти вѣка. Но совершенно парализовать развитіе естествознанія она уже не могла. Здоровыя сѣмена, брошенныя въ 60-хъ годахъ на русскую научную ниву, не заглохли и, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, дали богатые всходы. Дѣло русскаго естествознанія, поставленное предшествующей эпохой на правильный путь, продолжало безостановочно развиваться.

Оцѣнивая событія внутренней жизни за обозрѣваемую эпоху со стороны ихъ вліянія на развитіе науки, необходимо поставить на первое мѣсто введеніе злополучнаго университетскаго устава 1884 г. [1]). Университетская реформа была проведена въ эпоху уже вполнѣ опредѣлившейся реакціи, начавшей оказывать свое разлагающее вліяніе и на университетскую жизнь, но *этотъ* ударъ былъ направленъ прямо на университетъ, а косвенно и на всю русскую науку. Въ особенности онъ былъ чувствителенъ для естествознанія, такъ какъ университетскія лабораторіи являлись едва ли не единственными разсадниками положительнаго знанія въ Россіи.

---

[1]) Всѣмъ, конечно, памятны особенности этого устава, введеннаго въ министерство Делянова примѣнительно къ директивамъ гр. Д. А. Толстого. Характерной чертой его было недовѣріе къ профессорской коллегіи и къ студенчеству, какъ элементамъ неблагонадежнымъ, нуждающимся въ неослабномъ надзорѣ со стороны государства. Автономное начало въ организаціи университетовъ было

Введеніе устава 1884 г. раздѣляетъ обозрѣваемый нами періодъ на двѣ части. Время „до-уставное“ было продолженіемъ эпохи 60-хъ годовъ не только хронологически, но и духовно. Работа шла тѣмъ же порядкомъ, при участіи, въ большинствѣ случаевъ, той же генераціи ученыхъ; законы инерціи еще сохраняли свою полную силу. И. М. Сѣченовъ въ своемъ обозрѣніи научной дѣятельности русскихъ университетовъ за это время, т.-е. до устава 1884 г. (см. „Вѣстникъ Европы“, ноябрь 1883 г.), возстаетъ противъ мнѣнія, „будто научная дѣятельность нашихъ университетовъ падаетъ, что цвѣтущая пора ихъ научной жизни давно миновала“.

Введеніе устава 1884 г., какъ извѣстно, ознаменовалось крупными безпорядками въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и на цѣлые семестры пріостановило нормальный ходъ занятій въ нихъ. Все это не могло не отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на научной работѣ университетовъ и на дѣятельности естественно-научныхъ лабораторій, хотя по новымъ смѣтамъ были значительно увеличены средства на ихъ устройство и оборудованіе.

„Университеты“—пишетъ Сѣченовъ въ уже цитированной статьѣ—„для выполненія ихъ назначенія служить разсадниками знанія, должны быть не только учрежденіями, гдѣ наука проповѣдуется, но и рабочими научными центрами, гдѣ она развивается. Учить и учиться можно съ успѣхомъ, только работая“. Идя навстрѣчу этой насущной потребности, уже уставъ 1863 г. кореннымъ образомъ реформировалъ постановку лабораторнаго преподаванія, но все возрастающій изъ года въ годъ спросъ на практическое обученіе естествознанію скоро перегналъ смѣтныя ассигнованія на этотъ предметъ. Едва ли не единственной положительной стороной новой политики министерства народнаго просвѣщенія относительно университетовъ было значительное

уничтожено. Ректоръ, деканъ и профессора назначались министерствомъ; послѣдніе должны были согласовать свои лекціи съ заранѣе выработанными обязательными планами преподаванія. Введены были государственные экзамены, какъ контроль университетскаго преподаванія. Всѣ студенческія организаціи были безпощадно уничтожены и, взамѣнъ ихъ, преподанъ для руководства принципъ, разсматривающій студентовъ, какъ „отдѣльныхъ посѣтителей университета“. За исправнымъ посѣщеніемъ лекцій должна была неослабно слѣдить инспекція вплоть до ея низшей инстанціи—педелей. Вся студенческая жизнь была строго регламентирована особыми правилами, отличавшимися чиновничьимъ формализмомъ, и за малѣйшія провинности на студентовъ сыпались всевозможныя кары. Чтобы затруднить доступъ въ университетъ лицамъ неимущихъ классовъ, была значительно увеличена плата за право ученія. Одно время эта тенденція—университетъ для богатыхъ—проводилась съ такой опредѣленностью, что студенты отказывались отъ стипендій изъ опасенія быть уволенными за свою бѣдность!

Такой уставъ не могъ имѣть моральнаго значенія въ средѣ студенчества и осужденъ былъ на неизбѣжное фіаско. Между студенчествомъ и профессурой была вырыта цѣлая пропасть. Устраненіе выборнаго начала тяжело отозвалось на достоинствѣ преподаванія и на авторитетѣ профессорской коллегіи. Доходило до того, что каѳедры замѣщались лицами чуждыхъ спеціальностей. Такихъ профессоровъ студенты презрительно называли „ставленниками министерства“.

увеличеніе средствъ для расширенія лабораторій. Но въ новыхъ стѣнахъ—увы!—уже не замѣчалось прежняго энтузіазма къ научной работѣ; въ новыхъ роскошныхъ дворцахъ уже не было той дружной работы, которая ключомъ кипѣла съ утра до ночи въ тѣсныхъ стѣнахъ прежнихъ лачугъ-лабораторій [1]).

Но если новые дворцы не могли удержаться на прежней высотѣ научной работы, то они были какъ нельзя болѣе своевременны и необходимы, какъ школы практическаго обученія для все возрастающихъ кадровъ русскихъ натуралистовъ. Уже давно русское естествознаніе могло гордиться своими учеными, стоявшими вровень съ крупнѣйшими европейскими именами, но это были лишь отдѣльныя единицы, ученые-самородки, выдвинувшіеся среди безлюдья. Не располагая соотвѣтственными лабораторіями, положительная наука не могла, по причинамъ техническаго свойства, воспитать широкіе кадры натуралистовъ и такимъ образомъ обезпечить дальнѣйшее развитіе естествознанія въ Россіи, пустивъ глубокіе корни въ нѣдра русской жизни. И только съ сооруженіемъ новыхъ обширныхъ лабораторій русское естествознаніе перешло изъ стадіи интенсивнаго развитія въ періодъ экстенсивнаго роста.

Переходя къ систематическому обзору успѣховъ естествознанія за послѣднюю четверть вѣка, не можемъ не указать на вполнѣ понятныя затрудненія, связанныя съ характеристикой научной эпохи за такой короткій срокъ, особенно принимая во вниманіе, вообще, условность хронологическихъ датъ. Вѣдь, ничто въ наукѣ не нарождается внезапно, внѣ связи съ ея прошлымъ; все въ ней органически связано непрерывной цѣпью явленій. Изъ ряда научныхъ завоеваній данной эпохи трудно, почти невозможно отобрать только тѣ, которыя принадлежатъ ей по праву и ее характеризуютъ, отъ тѣхъ, которыя являются лишь довершеніемъ идейныхъ завоеваній предыдущаго періода. Между смежными эпохами всегда существуетъ живая связь не только лицъ, но и фактовъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда предшествовавшая эпоха была отмѣчена исключительной научной продуктивностью, какъ въ нашемъ случаѣ.

Внѣшнимъ показателемъ успѣховъ въ развитіи естествознанія въ Россіи могутъ служить: нарожденіе новыхъ обществъ любителей природы въ различныхъ городахъ, возрастающій успѣхъ съѣздовъ натуралистовъ и, наконецъ, ученая дѣятельность естественно-научныхъ лабораторій.

Возникновеніе обществъ естествоиспытателей и устройство съѣздовъ сыграло громадную объединяющую

---

[1]) Покойный Н. А. Меншуткинъ, разсказывая о знаменитыхъ заграничныхъ лабораторіяхъ, многія изъ которыхъ въ его время были очень бѣдно обставлены, любилъ цитировать слова извѣстнаго химика Вюрца что „наука любитъ ютиться на чердакахъ и въ подвалахъ“ (намекъ на лабораторію Пастера на чердакѣ Высшей нормальной школы въ Парижѣ). Еще опредѣленнѣе ту же парадоксальную мысль высказалъ другой, не менѣе извѣстный нѣмецкій химикъ Викторъ Мейеръ: „Die besten Arbeiten sind in schlechtesten Laboratorien ausgeführt“.

роль въ развитіи русскаго естествознанія. Имъ принадлежитъ въ этомъ отношеніи большая историческая заслуга. Они осуществили широкій обмѣнъ знаній и мнѣній между представителями различныхъ спеціальностей и успѣшно боролись противъ чрезмѣрнаго суженія кругозора натуралистовъ, выдвигая на первый планъ вопросы общаго значенія и общаго интереса. Этой стороной своей дѣятельности съѣзды способствовали дѣлу популяризаціи знаній и пробужденія къ нему живого и дѣятельнаго интереса въ обществѣ. „Безнадежно положеніе науки, — говоритъ К. А. Тимирязевъ,—когда она находится въ положеніи искусственно насажденнаго оазиса—среди безграничной пустыни всеобщаго равнодушія". Лучшимъ показателемъ успѣховъ, достигнутыхъ въ этомъ направленіи, и пробудившагося интереса въ обществѣ къ естественно-научнымъ фактамъ и обобщеніямъ можетъ служить хотя бы тотъ фактъ, что въ настоящее время рѣдкая книжка литературнаго журнала обходится безъ популярной статьи по естествознанію. Великое образовательное значеніе съѣздовъ заключалось также въ томъ, что на нихъ можно было знакомиться съ послѣдними новинками научной техники и съ новыми пріемами изслѣдованія.

Общества испытателей природы стали организоваться при университетахъ главнымъ образомъ съ конца 60-хъ годовъ, вслѣдъ за первымъ всероссійскимъ съѣздомъ естествоиспытателей и врачей. Они послужили объединяющимъ органомъ для мѣстныхъ группъ натуралистовъ и любителей природы, ставя своей цѣлью—содѣйствіе развитію естествознанія въ Россіи. Въ крупныхъ научныхъ центрахъ, при обиліи членовъ различныхъ спеціальностей, эти общества подраздѣляются на отдѣленія: химическое, физическое, ботаническое и пр. Многія общества издаютъ свои „Труды" или „Записки", по которымъ можно слѣдить за ихъ нерѣдко весьма плодотворной дѣятельностью. Первое общество испытателей природы возникло при московскомъ университетѣ въ 1805 г.; 12 лѣтъ спустя организовалось въ Петербургѣ Императорское минералогическое общество. Затѣмъ слѣдуетъ перерывъ до начала 60-хъ годовъ, когда въ 1863 г. возникло общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при московскомъ университетѣ. Далѣе постепенно возникаютъ слѣдующія общества натуралистовъ: въ 1868 г.—въ Петербургѣ, въ 1869 г.—въ Казани, Кіевѣ и Харьковѣ, въ 1870 г.—въ Одессѣ и Екатеринбургѣ, въ 1882 г.—въ Варшавѣ, въ 1889 г.—въ Томскѣ, въ 1895 г. — въ Саратовѣ и т. д. Параллельно основываются и физико-математическія общества, главнымъ образомъ при университетахъ. Возникновеніе перваго изъ нихъ—Общества математики при московскомъ университетѣ—относится къ 1811 г., но общество это носило исключительно учебный характеръ и вскорѣ прекратило свое существованіе. Первое научное математическое общество открылось въ той же Москвѣ въ 1864 г. Въ 1879 г. возникло общество въ Харьковѣ, въ 1889 г.—въ Кіевѣ, въ 1890 г.—въ

Казани и въ 1894 г.—въ С.-Петербургѣ. За послѣднюю четверть вѣка Россія покрывается также цѣлой сѣтью медицинскихъ обществъ, которыя основываются почти во всѣхъ губернскихъ городахъ Имперіи. Уже этотъ простой перечень указываетъ на быстрый ростъ естествознанія въ Россіи и на живой интересъ къ нему въ широкихъ кругахъ общества.

Столь же очевиднымъ показателемъ возрастанія интереса къ положительнымъ знаніямъ служили съѣзды естествоиспытателей и врачей, періодически повторявшіеся черезъ каждые 2—3 года, начиная съ 60-хъ годовъ. Если не считать мѣстнаго Кіевскаго съѣзда 1861 г., то первымъ всероссійскимъ съѣздомъ натуралистовъ былъ съѣздъ, созванный въ 1867 г. въ Петербургѣ и послужившій началомъ объединенія русскихъ натуралистовъ. Первые съѣзды повторялись регулярно черезъ 2 года: въ 1869 г.—въ Москвѣ, въ 1871 г.—въ Кіевѣ, въ 1873 г.—въ Казани. Затѣмъ промежутки между ними стали увеличиваться: въ 1876 г.—въ Варшавѣ, въ 1879 г.—въ Петербургѣ, въ 1883 г.—въ Одессѣ, въ 1898 г.—въ Кіевѣ. Пироговскіе съѣзды врачей стали собираться съ 1885 г. Постепенное удлиненіе интерваловъ между съѣздами, помимо своего симптоматическаго значенія, какъ указанія на общую подавленность умственной жизни страны, во многихъ случаяхъ объяснялось административными стѣсненіями и формальными препятствіями, которыя ставились на пути даже такого казалось бы, безобиднаго въ политическомъ отношеніи, чисто культурнаго дѣла, какъ научные съѣзды. Картину дѣятельности съѣздовъ воспроизводятъ ихъ протоколы и труды, содержащіе оргинальные доклады или подробные рефераты ихъ. Многіе изъ сообщеній, доложенныхъ на этихъ съѣздахъ, были признаны впослѣдствіи крупнѣйшими завоеваніями науки. Достаточно сказать, что знаменитая теорія фагоцитоза была впервые провозглашена Мечниковымъ на Одесскомъ съѣздѣ естествоиспытателей 1883 г.

Непосредственнымъ и наиболѣе яркимъ признакомъ возрожденія интереса къ естествознанію, несомнѣнно, служитъ степень научной производительности страны, въ частности — дѣятельность естественно-научныхъ лабораторій въ университетахъ и въ высшихъ техническихъ школахъ. Къ этому мы и переходимъ, сдѣлавъ попытку нарисовать картину достигнутыхъ успѣховъ по каждому отдѣлу естествознанія.

Нашъ очеркъ будетъ носить лишь самый общій, схематическій характеръ. Входить въ подробности и въ детальную характеристику работъ мы не можемъ, такъ какъ это, съ одной стороны, потребовало бы отъ читателя спеціальной подготовки, а насъ самихъ увлекло бы далеко за предѣлы предположеннаго очерка. Наша задача скромнѣе—мы имѣемъ въ виду указать лишь на самые крупные этапы въ развитіи естествознанія въ Россіи за обозрѣваемый періодъ, намѣтить главнѣйшія вѣхи, слѣдуя которымъ оно совершало свой путь. Давая оцѣнку научныхъ дѣятелей этой эпохи, мы

не можемъ не коснуться и ихъ характеристики, какъ личностей, а также внѣшнихъ событій, на фонѣ которыхъ развивалась ихъ дѣятельность и которыя не могли не наложить на нее своего отпечатка. Здѣсь, однако, на нашемъ пути не мало затрудненій, въ значительной степени обусловливаемыхъ близостью изучаемой эпохи. Многіе видные дѣятели ея живы до сихъ поръ, не всего въ ихъ жизни удобно касаться теперь—для этого не настало еще время. Къ тому же характеристика всегда выигрываетъ въ опредѣленности, если личность ученаго разсматривается, такъ сказать, въ нѣкоторомъ перспективномъ отдаленіи—многія частности тогда отпадаютъ, и рѣзче выступаютъ типичныя черты научнаго и общественнаго дѣятеля, т.-е. то, что, собственно, и представляетъ интересъ для обозрѣвателя.

Нашъ выборъ, по необходимости, будетъ крайне ограниченъ, и мы заранѣе оговариваемся, что, дѣлая его, мы не имѣли въ виду умалить значеніе и заслуги другихъ ученыхъ натуралистовъ, съ честью поработавшихъ на научной почвѣ.

Начнемъ съ математики. Хотя ее и обособляютъ обыкновенно въ самостоятельную дисциплину, но во многихъ отношеніяхъ она тѣсно связана съ естествознаніемъ. Математическая обработка положительныхъ наукъ является какъ бы конечнымъ увѣнчаніемъ естествознанія. Физика и химія, уже вошли въ эту стадію математической обработки и не могутъ быть изучены во всей полнотѣ безъ знакомства съ математическимъ анализомъ. Выраженія „математическая физика“ и „математическая химія“ уже не звучатъ парадоксами и принимаются всѣми, какъ техническіе термины, имѣющіе опредѣленное содержаніе. Хотя частное естествознаніе не вошло еще въ эту стадію математической обработки, но во многихъ своихъ отдѣлахъ оно уже, несомнѣнно, приближается къ ней.

Насколько интересъ къ математикѣ возросъ за обозрѣваемый нами періодъ, можно судить по нарожденію въ различныхъ городахъ Россіи—въ Москвѣ, Петербургѣ, Казани, Харьковѣ, Одессѣ — спеціальныхъ журналовъ по математикѣ, какъ результатъ научной дѣятельности мѣстныхъ математическихъ кружковъ. Изъ крупныхъ математическихъ дарованій, много содѣйствовавшихъ распространенію математическихъ знаній въ Россіи, за этотъ періодъ назовемъ проф. Петербургскаго университета, академика А. А. Маркова, выдвинувшагося блестящей разработкой ряда спеціальныхъ математическихъ вопросовъ („О бинарныхъ квадратичныхъ формахъ положительнаго опредѣлителя“, „О нѣкоторыхъ приложеніяхъ непрерывныхъ дробей“ и др.), Н. В. Бугаева, автора крупныхъ работъ по теоріи прерывныхъ функцій и анализу, А. Н. Коркина, извѣстнаго по выдающимся трудамъ въ области интегрированія уравненій съ частными производными и теоріи чиселъ, Д. К. Бобылева, авторитетнѣйшаго спеціалиста въ области механики, и т. д. Въ виду узко-спеціальнаго характера этихъ изслѣдованій, затруднительно здѣсь входить въ ихъ оцѣнку. Но во всякомъ случаѣ необ-

ходимо признать, что совокупными усиліями русскихъ ученыхъ дѣло математическаго преподаванія у насъ въ университетахъ поставлено на надлежащую высоту, и данъ толчокъ къ самостоятельной разработкѣ математическихъ вопросовъ.

Среди русскихъ математиковъ за послѣднюю четверть вѣка особое вниманіе привлекаетъ къ себѣ яркій образъ первой русской женщины-математика, Софіи Васильевны Ковалевской, урожденной Корвинъ-Круковской (1850—1891). Всей своей жизнью, своей блестящей ученой карьерой, поставившей ее въ центрѣ вниманія всего образованнаго міра, она показала, насколько неосновательно мнѣніе, по которому женщинѣ, вслѣдствіе особенностей ея физической организаціи и склада ума, закрыта область занятій высшими родами человѣческой дѣятельности—наукой и искусствомъ. Наклонность къ математикѣ проявилась у Ковалевской еще въ дѣтскомъ возрастѣ, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ ея домашняго учителя и воспитателя Малевича [1]). По тому, что это вліяніе выросло впослѣдствіи въ настоящее призваніе къ этой наукѣ, Ковалевская обязана всецѣло своему врожденному математическому генію. Шестнадцатилѣтней дѣвушкой Ковалевская переселяется въ Петербургъ и здѣсь съ увлеченіемъ отдается занятіямъ высшей математикой подъ руководствомъ извѣстнаго педагога А. Н. Страннолюбскаго, по словамъ котораго она выдѣлялась среди его учениковъ своими способностями и сообразительностью.

Въ 1868 г. она вступаетъ въ бракъ съ извѣстнымъ палеонтологомъ В. О. Ковалевскимъ, и молодая чета отправляется за границу для пополненія своихъ знаній. Ковалевская сначала слушаетъ лекціи въ Гейдельбергѣ, а затѣмъ переселяется въ Берлинъ, гдѣ беретъ частные уроки по математикѣ у знаменитаго профессора Вейерштрасса. Эти занятія оказали огромное вліяніе на развитіе ея математическаго таланта. Подъ руководствомъ Вейерштрасса Ковалевская завершила свое математическое образованіе и навсегда сохранила къ своему учителю глубокое чувство благодарности. Въ 1874 г. Ковалевская получаетъ степень доктора философіи геттингенскаго университета, защитивъ диссертацію: „Zür Theorie der partiellen Differentialgleichungen“, и вскорѣ возвращается въ Россію, но здѣсь ее ждало немало горькихъ разочарованій. Какъ и многимъ дру-

[1]) „Не могу не упомянуть,—пишетъ Ковалевская въ своихъ интересныхъ „Воспоминаніяхъ“ („Вѣстникъ Европы“, 1890 г., іюль и августъ), — объ одномъ очень курьезномъ обстоятельствѣ, возбудившемъ во мнѣ интересъ къ математикѣ. Одна изъ дѣтскихъ комнатъ осталась неоклеенной обоями (не хватило!) и была оклеена простой бумагой. По счастливой случайности, на эту предварительную оклейку пошли листы литографированныхъ лекцій Остроградскаго о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи, пріобрѣтенныя моимъ отцомъ въ его молодости. Листы эти, испещренные странными, непонятными формулами, скоро обратили на себя мое вниманіе. Въ дѣтствѣ я проводила цѣлые часы передъ этой таинственной стѣной, пытаясь разобрать хоть отдѣльныя фразы и найти тотъ порядокъ, въ которомъ листы должны бы слѣдовать другъ за другомъ“.

гимъ русскимъ самородкамъ, ей не нашлось мѣста на родинѣ. Русскими математическими кружками она была встрѣчена недружелюбно и, что ей было особенно обидно, не была приглашена читать лекціи по математикѣ на открывшихся въ 1878 г. высшихъ женскихъ курсахъ, въ организаціи которыхъ она принимала такое горячее участіе. Нравственнымъ утѣшеніемъ для нея послужило то, что ея дарованіе вскорѣ по заслугамъ было оцѣнено за границей. Въ 1884 г. Ковалевская получаетъ лестное приглашеніе читать лекціи по математикѣ въ Стокгольмскомъ университетѣ (Högskola). Здѣсь она прошла всѣ ступени академической карьеры вплоть до званія ординарнаго профессора. Ковалевская быстро освоилась на новой родинѣ, основательно изучила шведскій языкъ и пріобрѣла общія симпатіи какъ въ обществѣ, такъ и въ академической средѣ. Шведскія газеты иначе не называли ее, какъ „нашъ профессоръ Sonya". Въ Швеціи окончательно окрѣпло ея математическое дарованіе, и отсюда вышли ея замѣчательныя работы, создавшія ей солидную извѣстность въ ученомъ мірѣ,—извѣстность, основанную, по замѣчанію А. Г. Столѣтова, „не на интересѣ къ женщинѣ-математику, а на внутреннемъ достоинствѣ работъ". Въ 1888 г. Парижская академія наукъ за ея работы по математикѣ присудила ей полную премію Бордэна (prix Bordin) въ 5.000 франковъ. Знаменитый Дюбуа-Реймонъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „Удостоенная этой преміи г-жа Ковалевская, докторъ философіи и профессоръ математики въ стокгольмскомъ университетѣ, гдѣ она въ теченіе 5 лѣтъ читаетъ лекціи по труднѣйшимъ отдѣламъ математики... Между современными математиками она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Она получила премію за рѣшеніе вопроса о вращеніи твердаго тѣла вокругъ неподвижной точки подъ вліяніемъ дѣйствующихъ на него силъ. Изъ трехъ представляющихся здѣсь задачъ двѣ были рѣшены Лагранжемъ, Ковалевской принадлежитъ рѣшеніе 3-й задачи, наиболѣе сложной".

Въ слѣдующемъ году, уже за другія работы, Ковалевская получаетъ премію стокгольмской академіи наукъ и одновременно избирается членомъ-корреспондентомъ Петербургской академіи наукъ.

Жизнь С. В. Ковалевской представляетъ выдающійся интересъ и въ другомъ отношеніи—какъ примѣръ трагическаго раздвоенія личности. Натура глубокая и разносторонняя, она не могла вмѣстить всю свою жизнь въ тѣсныя рамки занятій одной мамематикой—ее неудержимо влекли къ себѣ и другіе интересы, другіе запросы ея натуры, среди которыхъ преобладало увлеченіе литературной работой. Ея личная жизнь сложилась какъ-то нескладно. Въ усиленныхъ занятіяхъ наукой и литературой Ковалевская старалась заполнить ту внутреннюю пустоту, то глубокое неудовлетвореніе жизнью, которое она все больше и больше чувствовала по мѣрѣ того, какъ возростали ея жизненные успѣхи и вокругъ ея имени создавался ореолъ исключительной избранницы судьбы. Какъ

уже сказано, на ряду съ математическимъ дарованіемъ, Ковалевская обладала также недюжиннымъ литературнымъ талантомъ. Ея перу принадлежитъ рядъ беллетристическихъ произведеній и превосходныя по искренности чувства воспоминанія о своей жизни. Въ одномъ изъ романовъ, написанномъ въ сотрудничествѣ съ шведской писательницей Леффлеръ - Каянелло,—„Борьба за счастье",—Ковалевская изображаетъ себя въ образѣ героини романа—Алисы. Раздвоеніе симпатій между занятіями наукой и литературой прекрасно обрисовано въ письмѣ Ковалевской къ г-жѣ Шабельской („Русскія Вѣдомости", 5 февр. 1891 г.). „Что до меня касается",—пишетъ Ковалевская,—„то я всю мою жизнь не могла рѣшить, къ чему у меня больше склонности—къ математикѣ или къ литературѣ. Только что устанетъ голова надъ чисто - абстрактными спекуляціями, тотчасъ начинаетъ тянуть къ наблюденіямъ надъ жизнью, разсказамъ, и, наоборотъ, въ другой разъ все въ жизни начинаетъ казаться ничтожнымъ и неинтереснымъ, и только одни вѣчные, непреложные научные законы привлекаютъ къ себѣ. Очень можетъ быть, что въ каждой изъ этихъ областей я сдѣлала бы больше, если бы предалась ей исключительно, но тѣмъ не менѣе я ни отъ одной изъ нихъ не могу отказаться совершенно."

Параллельно съ математикой столь же успѣшно развивались въ Россіи и физическія знанія. Въ русскихъ университетахъ за разсматриваемый періодъ продолжали свою преподавательскую и ученую дѣятельность много лицъ, которыхъ съ бо́льшимъ правомъ слѣдовало бы отнести къ предыдущей эпохѣ—Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, Ѳ. И. Шведовъ, А. Г. Столѣтовъ и др. Послѣдній, помимо крупныхъ научныхъ заслугъ, совмѣщалъ въ себѣ также исключительный талантъ организатора. При московскомъ университетѣ имъ былъ устроенъ и оборудованъ на европейскій ладъ первый русскій физическій институтъ, заслуживающій этого названія. Изъ этого разсадника знаній вышелъ цѣлый рядъ ученыхъ, занявшихъ впослѣдствіи каѳедры физики въ русскихъ университетахъ. Столѣтовъ обладалъ также еще однимъ завиднымъ даромъ, столь рѣдкимъ среди русскихъ ученыхъ—даромъ прекраснаго популяризатора науки. Его популярнонаучныя статьи, содержательныя и блестяще изложенныя, читаются съ живѣйшимъ интересомъ и, несомнѣнно, способствовали развитію вкуса къ физическимъ ученіямъ среди образованныхъ людей въ Россіи. Крупными научными заслугами отмѣчена дѣятельность другого русскаго физика—И. И. Боргмана, главнѣйшія работы котораго относятся къ области изученія электрическихъ и магнитныхъ явленій, а также дѣйствія частичныхъ силъ.

Широкое развитіе за обозрѣваемый періодъ получили метеорологія и физическая географія. Изъ крупныхъ именъ въ этой области назовемъ А. И. Воейкова, автора капитальнаго сочиненія „Климаты земного шара" и ряда спеціальныхъ работъ, А. В. Клоссовскаго, трудъ котораго—„Грозы въ Россіи"—

былъ увѣнчанъ академіей наукъ, академика М. М. Рыкачева, автора многочисленныхъ сочиненій по метеорологіи, земному магнетизму и въ смежныхъ областяхъ. При русскихъ университетахъ устраиваются метеорологическія обсерваторіи, и Россія покрывается сѣтью метеорологическихъ станцій, на которыхъ организованы систематическія наблюденія.

Ни одна область положительныхъ знаній не привилась такъ прочно на русской почвѣ, какъ химія. Недаромъ и первый русскій натуралистъ — Ломоносовъ — питалъ наибольшую склонность, именно, къ химическимъ занятіямъ. Но лишь начиная съ шестидесятыхъ годовъ въ Россіи быстро нарастаетъ волна увлеченія химіей, и кадры русскихъ химиковъ пополняются все новыми и новыми работниками. Эти же годы отмѣчены и наиболѣе крупными завоеваніями русской химической науки. Подробное описаніе этой эпохи въ очеркѣ проф. К. А. Тимирязева (т. III, стр. 8—12) освобождаетъ меня отъ необходимости еще разъ входить въ ея характеристику. Въ русскихъ университетахъ создались самостоятельныя химическія школы, ни въ чемъ не уступавшія заграничнымъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходившія ихъ. Наиболѣе выдающимися центрами химическаго образованія были лабораторіи казанскаго, петербургскаго и московскаго университетовъ.

Дѣятельность большинства выдающихся ученыхъ эпохи расцвѣта химическихъ знаній—Д. И. Менделѣева, А. М. Бутлерова, Н. Н. Бекетова, А. М. Зайцева, Ѳ. Ѳ. Бейльштейна, Н. А. Меншуткина, В. В. Марковникова и др.—продолжалась и въ послѣдней четверти вѣка. Они удержали за собой руководящую роль въ развитіи химіи въ Россіи и въ эту эпоху. Нѣкоторые изъ нихъ въ особенности послужили дѣлу насажденія химическихъ знаній въ Россіи, воспитавъ цѣлое поколѣніе видныхъ русскихъ химиковъ. Таковъ былъ А. М. Бутлеровъ, съ именемъ котораго связана „Бутлеровская химическая школа“. Ея представители одно время занимали каѳедры почти во всѣхъ русскихъ университетахъ. Среди нихъ крупными работами о синтезѣ вторичныхъ спиртовъ, объ окисленіи непредѣльныхъ органическихъ соединеній, наконецъ, блестящими работами въ области терпеновъ выдвинулся Е. Е. Вагнеръ. Назовемъ также имена Г. Г. Густавсона, А. Е. Фаворскаго, Н. Д. Зелинскаго и др. Славныя традиціи этой эпохи, которую по справедливости можно назвать золотымъ вѣкомъ химіи въ Россіи, прочно укоренились въ средѣ русскихъ химиковъ и, по закону преемственности, неизмѣнно передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Шестидесятые годы были отмѣчены проявленіемъ живого интереса къ вопросамъ органической химіи. Въ послѣднюю четверть вѣка замѣчается поворотъ въ сторону преимущественной разработки вопросовъ физической и теоретической химіи. Безъ перерыва и съ неизмѣннымъ успѣхомъ продолжались работы и въ прежнемъ направленіи, но онѣ уже въ значительной степени утра-

тили свой творческій характеръ. Нарождались новыя области химіи, временно привлекшія къ себѣ все вниманіе. Разработка физико-химическаго ученія (ученіе о растворахъ, объ электролитической диссоціаціи и пр.) внесла своеобразный оттѣнокъ въ химическія изслѣдованія этого періода, намѣтивъ новый путь для углубленія въ область химическихъ отношеній. Въ дальнѣйшемъ развитіи (уже за предѣлами XIX вѣка) это теченіе произвело въ химіи настоящій переворотъ, который нельзя иначе назвать, какъ революціоннымъ,— до такой степени онъ расшаталъ вѣковые устои старой химіи. Химическіе атомы, на представленіи о которыхъ, какъ о предѣльныхъ химическихъ единицахъ, было построено все химическое ученіе, въ значительной степени теряютъ свой ореолъ недѣлимости. Ихъ стали разсматривать какъ сложныя системы, состоящія изъ еще болѣе мелкихъ единицъ — электроновъ— носителей электрической энергіи. И подъ идею о непревращаемости элементовъ другъ въ друга, на которой, какъ на сказочномъ китѣ, долгое время покоилось стройное зданіе старой химіи, стали энергично подкапываться, приводя неоспоримые факты превращенія однихъ элементовъ въ другіе, напр., радія въ гелій. Зарожденіе этого революціоннаго теченія относится къ концу XIX вѣка. Какъ Гиссенская лабораторія Либиха являлась обѣтованной землей для русскихъ химиковъ - органиковъ шестидесятыхъ годовъ (см. очеркъ К. А. Тимирязева), такъ въ послѣднюю четверть вѣка центромъ научнаго паломничества физико - химиковъ явилась Лейпцигская лабораторія Вильгельма Оствальда (кстати сказать, бывшаго одно время профессоромъ рижскаго политехникума). Новое направленіе окончательно опредѣлилось и окрѣпло лишь къ концу вѣка, и неудивительно, поэтому, что среди русскихъ химиковъ за обозрѣваемый періодъ не выдвинулось много именъ въ этой области. Изъ лицъ, успѣшно занимавшихся физической химіей, назовемъ Д. П. Коновалова, П. И. Вальдена, И. А. Каблукова, Н. С. Курнакова и др.

Нашъ обзоръ былъ бы неполонъ, если бы мы не коснулись русской физіолого - химической школы. Здѣсь не первомъ мѣстѣ должно быть поставлено имя М. В. Ненцкаго, послѣднее десятилѣтіе ученой дѣятельности котораго прошло въ стѣнахъ Императорскаго Института экспериментальной медицины въ С.-Петербургѣ [1]), гдѣ онъ завѣдывалъ химическимъ отдѣломъ. Особенное значеніе имѣютъ класическія работы Ненцкаго по изученію красящаго вещества крови. Полученные результаты дали ему возможность установить несомнѣнную химическую близость между пигментами листьевъ и крови и высказать взглядъ на общность происхожденія животнаго и растительнаго царства. Ненцкому принадлежитъ также

---

[1]) Нельзя не отмѣтить крупныхъ заслугъ этого учрежденія въ разработкѣ не только медицинскихъ, но и естественно-научныхъ вопросовъ. Достаточно упомянуть, что въ лабораторіяхъ Института работали С. Н. Виноградскій, М. В. Ненцкій, И. П. Павловъ и др.

рядъ важныхъ изслѣдованій въ области чистой химіи и бактеріологіи.

Изъ многочисленныхъ работъ другого русскаго физіолого-химика— А. Я. Данилевскаго отмѣтимъ касающіяся химизма пищеваренія и химіи бѣлковъ.

Разработка вопросовъ, относящихся къ области минералогіи и геологіи, за обозрѣваемый періодъ была сосредоточена главнымъ образомъ въ соотвѣтственныхъ лабораторіяхъ русскихъ университетовъ, а также въ горномъ институтѣ послѣ преобразованія его изъ горнаго корпуса. Какъ университетами, такъ и горнымъ вѣдомствомъ былъ снаряженъ рядъ научныхъ экскурсій для геологическаго изученія Россіи. Благодаря имъ, научныя коллекціи университетовъ и горнаго института значительно обогатились и дѣло практическаго изученія Россіи въ минералогическомъ и геологическомъ отношеніи было поставлено на прочную почву. Съ признательностью должны быть отмѣчены заслуги С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества, издающаго, начиная съ 1869 г., весьма цѣнные „Матеріалы для геологіи Россіи“.

Изъ дѣятелей этой эпохи назовемъ А. А. Иностранцева, занявшаго послѣ Э. И. Гофмана (см. очеркъ К. А. Тимирязева) каѳедру геологіи въ петербургскомъ университетѣ. Ему принадлежатъ обширные труды по геологическому изученію сѣвера Россіи, Урала, Кавказа и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей. Большой интересъ представляютъ также его антропологическія изслѣдованія о доисторическомъ человѣкѣ побережья Ладожскаго озера. Выдающимися достоинствами отмѣчены изслѣдованія академика Ѳ. Н. Чернышева палеозойскихъ образованій Урала и Сѣвера Россіи и другія его работы, за которыя онъ получилъ рядъ медалей отъ академіи наукъ, минералогическаго и географическаго обществъ. Благодаря его иниціативѣ, было снаряжено нѣсколько научныхъ экспедицій выдающагося интереса. Своими трудами по геологіи и палеонтологіи Россіи крупныя имена составили себѣ также академикъ А. П. Карпинскій и покойный проф. горнаго института И. В. Мушкетовъ.

За вторую половину XIX вѣка въ Россіи пробудился живой интересъ къ изученію русскихъ почвъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ академику Рупрехту, обнародовавшему въ 1866 г. „Гео-ботаническія изслѣдованія о черноземѣ“, но лишь съ 1883 г., когда появился капитальный трудъ покойнаго проф. минералогіи петербургскаго университета В. В. Докучаева—„Русскій черноземъ“, дѣло русскаго почвовѣдѣнія стало на твердую ногу. Въ этомъ сочиненіи, увѣнчанномъ академіей наукъ полной Макарьевской преміей, разсматриваются вопросы о происхожденіи чернозема, области его распространенія, его составѣ и о классификаціи русскихъ почвъ. Практическое значеніе трудовъ Докучаева было настолько очевидно, что нѣкоторыя земства (Нижегородское, Полтавское) предложили ему взять на себя разработку вопроса о нормальной расцѣнкѣ земель въ предѣлахъ этихъ

губерній. Результатомъ этихъ работъ было появленіе объемистыхъ „матеріаловъ", въ которыхъ эти губерніи были подробно изучены въ геологическомъ, почвенномъ и, вообще, въ естественно-историческомъ отношеніи. Одновременно, въ сотрудничествѣ съ А. В. Совѣтовымъ, Докучаевъ предпринялъ изданіе обширныхъ „матеріаловъ по изученію русскихъ почвъ". Въ 1888 г., по инціативѣ Докучаева, при Вольно-экономическомъ обществѣ образована постоянная почвенная коммиссія, издающая „Труды по изученію русскихъ почвъ". Наконецъ, въ 1894 г., опять-таки благодаря настойчивымъ представленіямъ Докучаева, научное почвовѣдѣніе было включено въ число обязательныхъ предметовъ въ ново-александрійскомъ сельско-хозяйственномъ институтѣ.

Переходя къ описательнымъ біологическимъ наукамъ, начнемъ нашъ обзоръ съ ботаники, развитіе которой въ послѣднюю четверть вѣка шло почти вровень съ ростомъ другихъ отдѣловъ естествознанія. И здѣсь пробужденіе интереса къ ботаническимъ изслѣдованіямъ совпало съ шестидесятыми годами. До того времени русскіе ботаники занимались почти исключительно флористическими изслѣдованіями. Съ усовершенствованіемъ микроскопа и микроскопической техники открылись для изученія новыя области. Молодое поколѣніе ботаниковъ съ увлеченіемъ принялось за изученіе простѣйшихъ водорослей и грибовъ, за изслѣдованія по исторіи развитія высшихъ растеній и ихъ микроскопической анатоміи. Къ этому же времени относится появленіе первыхъ фито-физіологическихъ работъ. Въ связи съ расширеніемъ ботаническаго кругозора, явилась потребность и въ нѣкоторомъ расчлененіи преподаванія ботаники въ русскихъ университетахъ. Въ иныхъ—курсъ споровыхъ растеній былъ выдѣленъ въ самостоятельную каѳедру, почти всюду была образована отдѣльная каѳедра анатоміи и физіологіи растеній, и т. д.

Съ особой признательностью слѣдуетъ отмѣтить заслуги передъ русской наукой академика А. С. Фаминцына, главы русской ботанической школы физіологовъ. Интересъ къ физіологическимъ изслѣдованіямъ опредѣлился у Фаминцына съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, онъ выпускаетъ рядъ работъ надъ созрѣваніемъ винограда, надъ дѣйствіемъ свѣта на водоросли и на образованіе въ нихъ крахмала, а также изслѣдованія по анатоміи и морфологіи растеній. Его перу принадлежитъ прекрасный трудъ „Обмѣнъ веществъ", а также университетскій курсъ „Физіологіи растеній". Въ 1898 г. Фаминцынъ обнародовалъ интересный и содержательный очеркъ „Современное естествознаніе и психологія", являющійся какъ бы его исповѣданіемъ вѣры, подведеніемъ итоговъ многолѣтней ученой дѣятельности.

Ученая карьера другого выдающагося русскаго ботаника, академика И. П. Бородина, протекла почти сплошь въ петербургскомъ лѣсномъ институтѣ, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ около 30 лѣтъ. Главнѣйшія работы Бородина относятся къ

области анатоміи и физіологіи растеній. Особой извѣстностью пользуются его работы по изученію процесса ассимиляціи и дыханія у растеній, роли аспарагина въ растеніяхъ и нѣкоторыя другія. Рядъ учебныхъ книгъ по ботаникѣ, принадлежащихъ И. П. Бородину, отличается яснымъ, живымъ и увлекательнымъ изложеніемъ. Въ послѣдніе годы Бородинъ выступилъ въ защиту доктрины нео-витализма.

Въ петербургскомъ университетѣ, а затѣмъ въ ботанической лабораторіи академіи наукъ, одновременно съ А. С. Фаминцынымъ, работалъ и его ближайшій другъ и товарищъ по университету М. С. Воронинъ. Обладая независимымъ состояніемъ, онъ не добивался ученыхъ степеней и положенія въ университетѣ, а скромно работалъ въ тиши лабораторіи надъ изученіемъ низшихъ растительныхъ организмовъ, главнымъ образомъ грибовъ. Его микологическія изслѣдованія, блестящія по тщательности выполненія, всякій разъ обращали на себя вниманіе спеціалистовъ и создали ему крупное имя не только въ Россіи, но и далеко за ея предѣлами. Имъ впервые былъ открытъ въ желвачкахъ бобовыхъ растеній микробъ, фиксирующій свободный азотъ атмосферы. Изслѣдованія о Plasmodiophora brassicae — возбудителѣ капустной килы — справедливо признаются классическими по выполненію. Скромный по натурѣ, чуждый всякой рекламы и исканій популярности, М. С. Воронинъ никогда не выдвигался въ первые ряды научныхъ дѣятелей, а, напротивъ, умышленно держался въ тѣни, гдѣ ему ничто не мѣшало отдавать всѣ свои силы любимой лабораторной работѣ. Свѣтлый образъ почившаго идеалиста - ученаго навсегда останется памятнымъ въ лѣтописяхъ русской ботанической науки, какъ примѣръ безкорыстнаго служенія научной правдѣ.

Блестящимъ представителемъ русскихъ физіологовъ-ботаниковъ является проф. московскаго университета К. А. Тимирязевъ. Широко образованный натуралистъ, вдумчивый ученый, блестящій ораторъ, неподражаемый популяризаторъ — онъ соединяетъ въ себѣ всѣ качества для плодотворной и разнообразной дѣятельности на пользу русскаго просвѣщенія. Серьезная школа, пройденная имъ въ шестидесятыхъ годахъ въ рядѣ заграничныхъ лабораторій (у Гофмейстера, Бунзена, Кирхгофа, Бертло, Буссенго и др.), дала ему возможность сразу же приступить къ самостоятельной научной работѣ. Симпатіи его быстро опредѣлились. Съ первыхъ же шаговъ онъ зарекомендовалъ себя превосходными работами по физіологіи растеній въ области изученія свойствъ и физіологической роли хлорофилла, хода разложенія углекислоты этимъ пигментомъ подъ вліяніемъ измѣняющихся физическихъ и химическихъ условій и др. Въ работахъ этихъ блестяще обнаружился его талантъ изящнаго и точнаго экспериментатора, избирающаго всегда наиболѣе простой путь для рѣшенія научныхъ вопросовъ. Въ немалую заслугу Тимирязеву должно быть поставлено и то, что онъ первый въ Россіи ввелъ культуру растеній въ искусствен-

ныхъ почвахъ. Первая теплица для этихъ опытовъ была устроена въ Петровско-Разумовской академіи въ семидесятыхъ годахъ. Свой завидный даръ живого и увлекательнаго изложенія онъ использовалъ въ цѣлой серіи популярныхъ статей и болѣе крупныхъ сочиненій по физіологіи растеній и по общимъ вопросамъ естествознанія („Жизнь растеній", „Публичныя лекціи и рѣчи", „Земледѣліе и физіологія растеній", „Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія", „Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе" и т. д.). Доступныя широкому кругу читателей, статьи эти представляютъ глубокій интересъ и для спеціалистовъ по широтѣ проводимыхъ взглядовъ и глубинѣ захвата. К. А. Тимирязевъ является убѣжденнымъ сторонникомъ матеріалистическаго взгляда на жизненныя явленія и стойкимъ приверженцемъ Дарвиновскаго ученія, укрѣпленію интереса къ которому среди русскихъ натуралистовъ онъ много содѣйствовалъ. Какъ университетскій и общественный дѣятель, Тимирязевъ, даже въ періоды торжества реакціи, всегда оставался на стражѣ лучшихъ завѣтовъ университетской автономіи. Все свободное отъ занятій время онъ отдавалъ дѣлу народнаго просвѣщенія, никогда не отказываясь выступать передъ широкой аудиторіей въ качествѣ популяризатора знанія.

Крупными работами въ области ботаники зарекомендовали себя также Горожанкинъ, Навашинъ, Палладинъ и др. ученые, такъ что теперь съ полнымъ правомъ можно говорить о русской ботанической школѣ—о наличности у насъ самостоятельныхъ разсадниковъ этой отрасли знанія.

Однимъ изъ крупнѣйшихъ завоеваній XIX вѣка слѣдуетъ признать выясненіе роли микробовъ въ природныхъ явленіяхъ и возникновеніе новой самостоятельной науки—микробіологіи которая, по какому-то странному недоразумѣнію, до сихъ поръ не включена въ систему преподаванія естественныхъ и медицинскихъ факультетовъ нашихъ университетовъ. Въ этой области рядомъ блестящихъ работъ выдвинулся С. Н. Виноградскій, научная дѣятельность котораго прошла сначала въ заграничныхъ лабораторіяхъ (въ Страсбургѣ, Цюрихѣ, Парижѣ), а затѣмъ въ Петербургѣ въ Институтѣ экспериментальной медицины. Виноградскому принадлежитъ честь введенія въ бактеріологію плодотворнаго принципа элективныхъ, или избирательныхъ культуръ. Въ его рукахъ онъ послужилъ Аріадниной нитью, позволившей ему успѣшно рѣшить сложнѣйшіе вопросы микробіологіи—наглядный примѣръ того, какъ иногда геніальный по замыслу, но въ сущности весьма простой техническій пріемъ можетъ оказать неоцѣнимыя услуги наукѣ. Свои изслѣдованія Виноградскій началъ съ изученія сѣро- и желѣзо-бактерій, своеобразную физіологію которыхъ онъ выяснилъ въ рядѣ работъ. Наибольшей извѣстностью пользуются классическія работы Виноградскаго въ области нитрификаціи, создавшія ему европейское имя. Въ цѣлой серіи статей, появившихся въ концѣ восьмидесятыхъ и въ началѣ девяностыхъ годовъ въ Annalles de

Сергѣй Николаевичъ Виноградскій.

По фотографіи

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ" Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

7

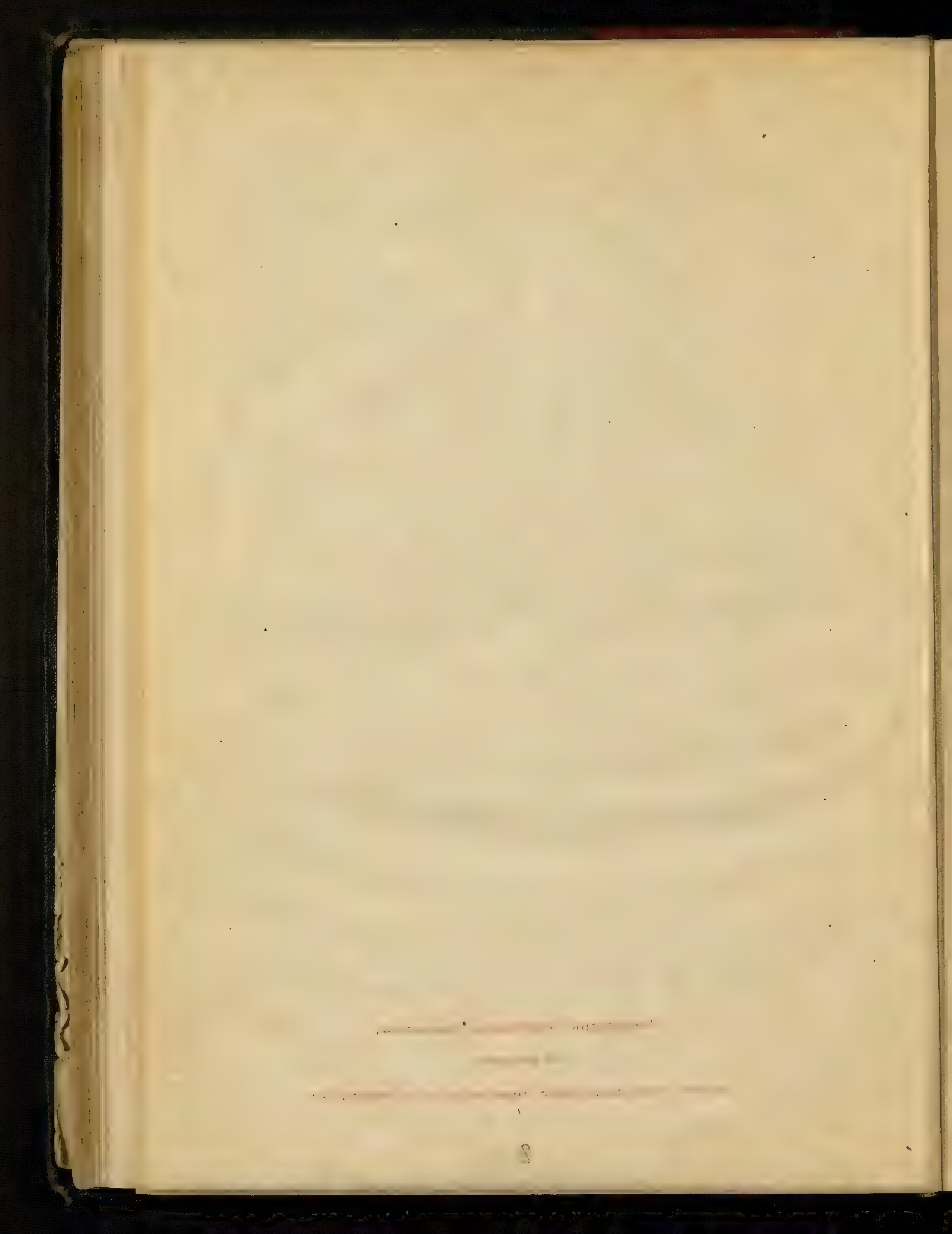
себѣ все его вниманіе, на этотъ разъ на всю жизнь. По окончаніи въ 1862 г. петербургскаго университета Ковалевскій продолжаетъ занятія за границей, сначала у Лейзига въ Тюбингенѣ, а затѣмъ самостоятельно на Неаполитанской зоологической станціи. Въ 1865 г. онъ опять въ Петербургѣ, гдѣ защищаетъ свою знаменитую магистерскую диссертацію „Къ исторіи развитія ланцетника — Amphioxus lanceolatus". Въ этомъ замѣчательномъ трудѣ, поражающемъ тщательностью разработки опытнаго матеріала и новизною проводимыхъ идей, Ковалевскій, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ своихъ работахъ, старался не выходить изъ рамокъ строго провѣренныхъ фактическихъ данныхъ, избѣгая широковѣщательныхъ гипотезъ и обобщеній. Каждый свой шагъ онъ подвергалъ научной критикѣ и былъ въ этомъ отношеніи остороженъ и щепетиленъ до крайности. Этимъ объясняется, что всѣ его работы носятъ характеръ строго-фактическаго изложенія, безъ всякихъ отвлеченій въ сторону, и производятъ впечатлѣніе написанныхъ сухо и слишкомъ спеціально. Этимъ же объясняется и то, что замѣчательный трудъ Ковалевскаго не обратилъ на своего автора вниманія, какого онъ заслуживалъ. Изслѣдуя исторію развитія ланцетника — наиболѣе простого представителя позвоночныхъ животныхъ — Ковалевскій показалъ, что изъ его яичекъ вылупляются покрытыя рѣсничками личинки, весьма сходныя съ личинками многихъ безпозвоночныхъ животныхъ — морскихъ звѣздъ, медузъ, асцидій и др. — и, во всякомъ случаѣ, стоящія гораздо ближе къ нимъ, чѣмъ къ зародышамъ какого бы то ни было позвоночнаго животнаго. Этотъ фактъ имѣлъ первостепенное значеніе въ біологіи, устанавливая генетическое родство между позвоночными и безпозвоночными животными. Интересъ къ этой работѣ одно время всецѣло захватилъ Ковалевскаго, заслонивъ отъ него весь остальной міръ. Мечниковъ, жившій въ то время вмѣстѣ съ нимъ въ Неаполѣ, разсказываетъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" („Вѣстникъ Европы", 1902 г., декабрь), что Ковалевскій долго добивался того, чтобы заставить ланцетниковъ положить икру, но въ ненормальныхъ условіяхъ они упорно отказывались это дѣлать. „Наконецъ, однажды, уже ночью, Ковалевскому удалось найти нѣсколько оплодотворенныхъ яичекъ въ одной изъ банокъ. Онъ не засыпалъ всю ночь, и тутъ же ему представилась изумительная картина. Яйцо, раздѣлившись на цѣлый рядъ сегментовъ, превратилось въ пузырекъ, одна половина котораго углубилась въ другую. Вскорѣ поверхность зародыша стала покрываться мерцательными волосками. Овальный зародышъ закружился въ яйцевой оболочкѣ и, прорвавъ послѣднюю, выплылъ въ видѣ личинки". Какъ привлекателенъ этотъ образъ ученаго, проводящаго безсонную ночь за рабочимъ столомъ, не отрывая напряженнаго взора отъ трубы микроскопа! Это удивительное упорство въ преслѣдованіи цѣли характеризуетъ всю научную дѣятельность Ковалевскаго. Никогда не отдавался онъ своей работѣ наполовину — она поглощала его всего!

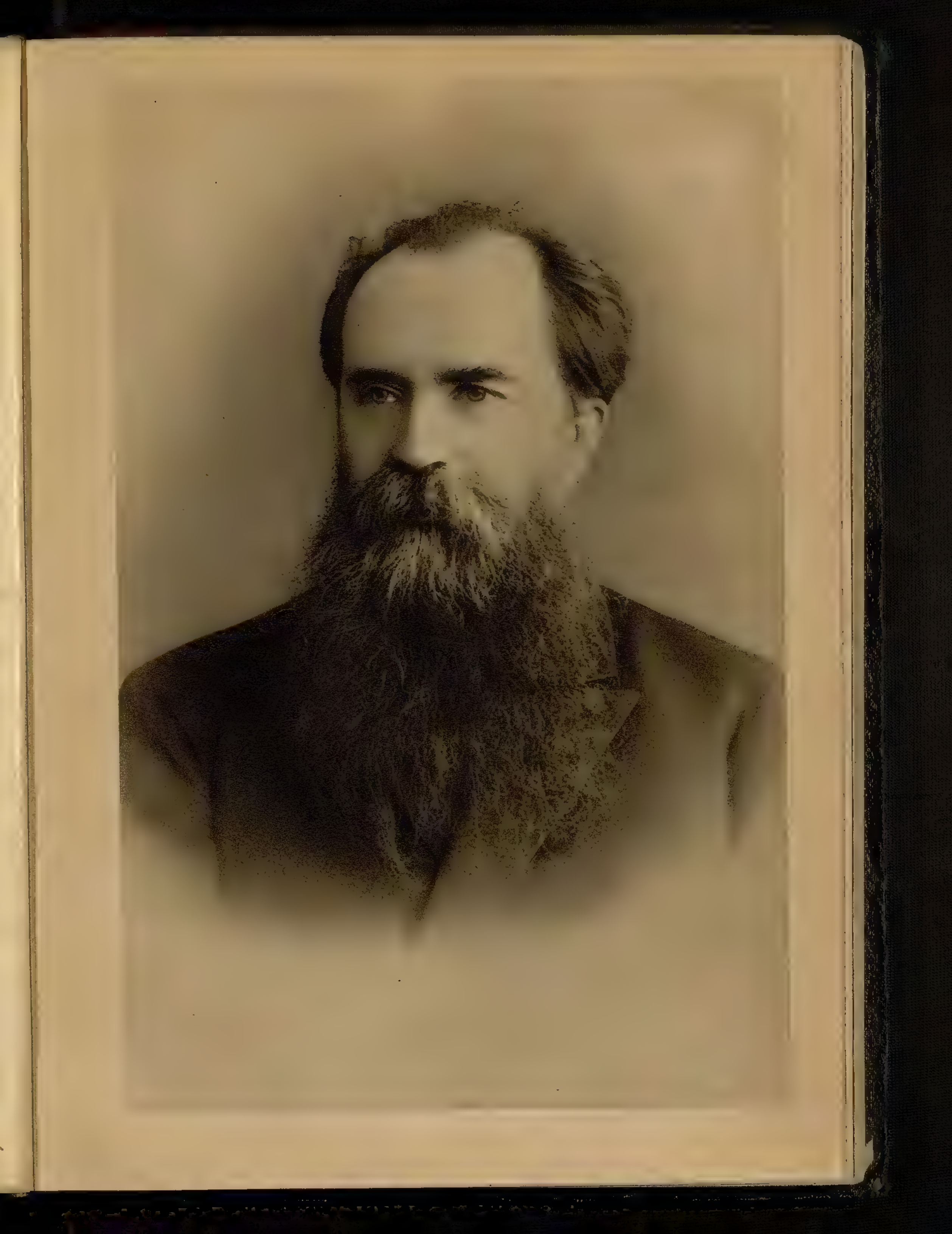
[illegible] Ке[illegible]скій.

[illegible]тографіи.

[illegible] Россія [illegible]" Изданіе Т-ва [illegible] А. и И. [illegible]

8





Въ немъ было то, что Ньютонъ считалъ необходимымъ аттрибутомъ генія — напряженіе мысли, сосредоточенной въ одномъ направленіи. Этотъ фанатизмъ научнаго работника, выше и прежде всего ставящаго служеніе наукѣ и ея интересы, доходилъ у А. О. Ковалевскаго иногда... до границъ комичнаго. Даже въ самые торжественные моменты своей жизни, когда семейныя заботы на время отвлекали его отъ лабораторныхъ занятій, онъ не забывалъ своихъ научныхъ интересовъ. Мечниковъ разсказываетъ, что въ Мессинѣ, гдѣ у Ковалевскихъ родилась дочь, А. О. во время обряда крещенія „былъ особенно озабоченъ тѣмъ, какъ бы остатки восковыхъ свѣчей, употребленныхъ во время церемоніи, не были потеряны, а послужили бы матеріаломъ для заливанія препаратовъ, которые въ тѣ времена заключались въ смѣсь воска съ оливковымъ масломъ“.

Продолжая свои наблюденія надъ развитіемъ ланцетника, Ковалевскій установилъ факты, имѣвшіе первостепенное значеніе для эмбріологіи. Онъ показалъ, что изъ наружнаго слоя зачатка — эктодермы — образуется кожный пластъ и нервная система, а углубленіе зачатка приводитъ къ образованію эндодермы и затѣмъ кишечнаго канала.

Столь же блестяще выполнена была и докторская диссертація Ковалевскаго (1867 г.) „Анатомія и исторія развитія Phoronis“ (промежуточной формы между червями и мшанками),—работа, въ которой затронутъ былъ рядъ основныхъ вопросовъ эмбріологіи. Провѣрка полученныхъ данныхъ на другихъ безпозвоночныхъ—сагиттѣ, кольчатыхъ червяхъ, плеченогихъ — дала возможность Ковалевскому установить общую теорію развитія зародышевыхъ пластовъ для всего царства животныхъ.

Не менѣе важные результаты были получены Ковалевскимъ и въ области изученія сравнительной физіологіи низшихъ организмовъ. Работами этими была установлена близость между функціями нѣкоторыхъ выдѣлительныхъ и фагоцитарныхъ органовъ позвоночныхъ и безпозвоночныхъ животныхъ (мочеотдѣлительныхъ органовъ, селезенки и пр.). Мы видимъ такимъ образомъ, что черезъ всѣ главнѣйшіе труды А. О. Ковалевскаго основнымъ мотивомъ проходитъ идея эволюціонизма, торжеству которой онъ не мало содѣйствовалъ своими трудами.

Къ преподавательской дѣятельности Ковалевскій, по словамъ Мечникова, испытывалъ гораздо меньше влеченія, чѣмъ къ лабораторной работѣ. Этому мѣшала какая-то врожденная застѣнчивость, отъ которой онъ не могъ избавиться всю свою жизнь. Несмотря на большой преподавательскій опытъ, онъ до конца не чувствовалъ себя свободно на каѳедрѣ. Его мѣсто было въ лабораторіи, за рабочимъ столомъ или на научной экскурсіи. Это была его стихія, внѣ которой онъ былъ немыслимъ. Д. К. Заболотный передаетъ слѣдующій любопытный въ этомъ отношеніи фактъ [1]). Будучи

[1]) Пользуемся случаемъ выразить нашу глубокую благодарность проф. Д. К. Заболотному за любезное разрѣшеніе воспользоваться для этого очерка рукописью его воспоминаній объ А. О. Ковалевскомъ,

въ 1896 году назначенъ предсѣдателемъ государственной экзаменаціонной коммиссіи въ университетѣ св. Владиміра, Ковалевскій не могъ и на это краткое время остаться безъ привычныхъ лабораторныхъ занятій, продолжая ихъ въ лабораторіи Общей Патологіи проф. В. В. Подвысоцкаго. По дорогѣ на экзамены онъ неизмѣнно забѣгалъ въ лабораторію провѣдать своихъ кроликовъ и, только убѣдившись, что все у нихъ въ порядкѣ, онъ шелъ исполнять свои обязанности предсѣдателя. Даже въ частной квартирѣ у него всегда имѣлась рабочая комната, гдѣ онъ отдыхалъ за работой.

Не обладая особымъ даромъ краснорѣчія, А. О. Ковалевскій тѣмъ не менѣе „умѣлъ заинтересовать слушателей внутреннимъ содержаніемъ своихъ лекцій. Излагалъ онъ предметъ всегда просто и сжато, какъ бы бесѣдуя со слушателями и удѣляя значительную часть своего курса безпозвоночнымъ животнымъ. Многіе отдѣлы ему приходилось читать исключительно на основаніи своихъ изслѣдованій"... На его лекціяхъ собирался постоянный контингентъ слушателей, заинтересованныхъ ихъ содержаніемъ. Молодежъ чувствовала чистоту идейныхъ интересовъ А. О. Ковалевскаго и невольно льнула къ нему. Съ своей стороны, Ковалевскій неизмѣнно относился къ студенчеству съ трогательной заботливостью и съ участливымъ вниманіемъ къ его нуждамъ.

Особой славой, по словамъ Заболотнаго, пользовались практическія занятія Ковалевскаго по зоологіи. Слѣдя за работой своихъ учениковъ, онъ дѣлился съ ними своими свѣдѣніями и колоссальнымъ опытомъ. Какъ ни были они неопытны, Ковалевскій никогда не подавалъ вида, что говоритъ, по сравненію съ собой, съ невѣждами, и нерѣдко обращался къ нимъ съ вопросами: „не случалось ли вамъ видѣть?", „какъ вы полагаете?", „а, можетъ быть, лучше было бы такъ сдѣлать?" и т. п. Работающихъ это окрыляло, и каждый старался самъ что-нибудь „увидѣть", „сообразить", „получше сдѣлать". А какъ мило радовался Ковалевскій, когда кому что-нибудь удавалось! Какая добрая, искренняя улыбка озаряла его лицо!

Со своими слушателями Ковалевскій не разъ совершалъ длительныя экскурсіи, напр., въ Севастополь, гдѣ уже функціонировала біологическая станція—его любимое дѣтище [1]). На экскурсіяхъ онъ проводилъ со студентами все время, съ утра до вечера. Онъ буквально зналъ каждый камешекъ, каждую бухточку, гдѣ можно найти нужныхъ животныхъ. Результаты дневного улова при помощи драгъ и пелагическихъ сѣтокъ доставлялись на станцію и тамъ, въ укромѣ ла-

ученикомъ котораго онъ былъ по новороссійскому университету.

[1]) Устройство біологическихъ станцій съ вполнѣ оборудованными научными лабораторіями при нихъ, несомнѣнно, сыграло видную роль въ пробужденіи интереса къ біологическимъ наукамъ въ Россіи. На ряду съ А. О. Ковалевскимъ слѣдуетъ въ этомъ отношеніи съ признательностью помянуть и покойнаго проф. петербургскаго университета Н. П. Вагнера, по иниціативѣ котораго (а отчасти и Ценковскаго) была устроена въ 1881 г. Соловецкая біологическая станція.

бораторіи, добыча разсматривалась и изучалась при оживленномъ участіи самого Ковалевскаго.

„Служеніе наукѣ—говорилъ Ковалевскій на своемъ юбилеѣ (въ Одессѣ въ 1888 г.) — было мнѣ всегда легко и пріятно, и за это я такъ же мало заслуживаю похвалы и благодарности, какъ охотникъ, не щадящій своихъ силъ для удовлетворенія своей охотничьей страсти". Въ отвѣтъ на грустную нотку въ адресѣ отъ молодежи Ковалевскій сказалъ: „Спеціальныя изслѣдованія, конечно, въ разумномъ направленіи, даютъ такія прямыя и достижимыя задачи, разрѣшеніе которыхъ изгонитъ пессимизмъ и дастъ исходъ и удовлетвореніе лучшимъ стремленіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвыситъ достоинство русскаго народа, какъ участника въ разрѣшеніи научныхъ міровыхъ вопросовъ". (Цитирую по статьѣ проф. Тихомірова.)

Весь душевный складъ А. О. Ковалевскаго—его рѣдкая нравственная чистота, его безграничная скромность, его удивительное благодушіе и кротость, свѣтившіяся въ его добрыхъ глазахъ—всѣ эти черты неизмѣнно привлекали къ нему всеобщія симпатіи. У него не было и не могло быть враговъ. До конца жизни онъ оставался все тѣмъ же идеалистомъ - ученымъ, беззавѣтно преданнымъ наукѣ и по-дѣтски неприспособленнымъ къ практической жизни. Лѣтопись русской науки золотыми буквами занесетъ на свои страницы чистый образъ этого подвижника науки, всю свою жизнь положившаго за нее. „Счастье жизни,—говоритъ Ренанъ—есть трудъ, добровольно принятый на себя, какъ долгъ". Въ этомъ смыслѣ А. О. Ковалевскій былъ, несомнѣнно, счастливъ, ибо всю свою жизнь онъ посвятилъ дѣлу, которое считалъ наиболѣе важнымъ и наиболѣе нужнымъ для человѣка,—служенію наукѣ. И даже смерть застигла его въ тотъ моментъ, когда онъ хлопоталъ въ Министерствѣ о своемъ любимомъ дѣтищѣ—Севастопольской біологической станціи. Онъ умеръ отъ кровоизліянія въ мозгъ въ ноябрѣ 1901 г.

На своемъ юбилейномъ чествованіи А. О. Ковалевскій, обращаясь къ присутствующимъ, заявилъ съ каѳедры слѣдующее (цитирую по Заболотному): „Во все время моей дѣятельности я шелъ рука объ руку съ моимъ другомъ и товарищемъ по работѣ И. И. Мечниковымъ. Мы постоянно дѣлились другъ съ другомъ мыслями, и въ настоящій моментъ, когда вы оцѣнили мою дѣятельность, мнѣ было бы пріятно, если бы и его не забыли".

И, въ самомъ дѣлѣ, образы этихъ двухъ ученыхъ какъ-то невольно сливаются на общемъ фонѣ современной имъ эпохи. Узы тѣсной дружбы соединяли ихъ съ юныхъ лѣтъ, когда особенно прочно складываются душевныя привязанности. Сближали ихъ также самоотверженное служеніе наукѣ, общность научныхъ интересовъ и, я бы сказалъ, рискуя навлечь на себя упрекъ въ парадоксальности, — противоположность ихъ натуръ. Въ этомъ отношеніи они были настоящими антиподами, какъ бы дополняя другъ друга чертами своего характера. Насколько Ковалевскій былъ застѣнчивъ, нерѣшителенъ и слабо-

воленъ, настолько Мечниковъ отличался смѣлымъ и пылкимъ темпераментомъ. Въ жизни онъ всегда шелъ напроломъ, беря все съ бою, подчиняя обстоятельства своей волѣ.

И. И. Мечниковъ родился въ 1845 г. По окончаніи въ 1864 г. естественнаго факультета Харьковскаго университета онъ три года провелъ въ Германіи, работая у Лейкарта въ Гиссенѣ, у Генле въ Геттингенѣ, у Зибольда въ Мюнхенѣ и самостоятельно на зоологической станціи въ Неаполѣ. Пройдя такую серьезную школу, Мечниковъ возвратился въ Россію и здѣсь въ 1867 г. защитилъ въ петербургскомъ университетѣ магистерскую диссертацію („Исторія развитія Sepiola"), а годомъ позже — и докторскую („Исторія развитія Nebalia"). Въ то же время, въ качествѣ доцента зоологіи читалъ лекціи въ новороссійскомъ и петербургскомъ университетахъ. Въ 1869 г. его кандидатура была выдвинута И. М. Сѣченовымъ на вакантную каѳедру зоологіи въ Медико-хирургической академіи, но онъ былъ забаллотированъ ученымъ совѣтомъ академіи — фактъ, достойный быть отмѣченнымъ въ лѣтописяхъ русской науки [1]). Извѣстно, что это послужило причиной оставленія Сѣченовымъ каѳедры физіологіи въ медико-хирургической академіи. Въ 1870 г. Мечниковъ былъ приглашенъ занять каѳедру зоологіи въ новороссійскомъ университетѣ, но министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой лишь годъ спустя, послѣ долгихъ колебаній рѣшился утвердить его въ этой должности. Въ теченіе 12-тилѣтней профессорской дѣятельности въ новороссійскомъ университетѣ Мечниковъ неоднократно надолго уѣзжалъ за границу, работая главнымъ образомъ въ излюбленной имъ Неаполитанской станціи. Въ 1882 г. Мечниковъ, вмѣстѣ съ группой профессоровъ, принужденъ былъ уйти изъ университета. Матеріальная необезпеченность заставила его въ это время принять мѣсто земскаго энтомолога въ Полтавской губ., но неудержимая страсть къ научнымъ занятіямъ властно влекла его къ себѣ. Вскорѣ онъ опять за границей, а затѣмъ, съ 1886 по 1889 г., завѣдуетъ Одесской бактеріологической станціей, устроенной, по его мысли, одесскимъ городскимъ управленіемъ и херсонскимъ земствомъ. 1890-й годъ былъ поворотнымъ въ судьбѣ Мечникова: ему было предложено Пастеровскимъ институтомъ въ Парижѣ принять мѣсто завѣдующаго одной изъ научныхъ лабораторій. Здѣсь протекла вся его дальнѣйшая дѣятельность и здѣсь, наконецъ, онъ нашелъ надлежащую оцѣнку своему выдающемуся таланту. Небогата событіями научная карьера И. И. Мечникова, но сколько въ ней характерныхъ штриховъ для данной эпохи: забаллотировка въ академіи, долгое неутвержденіе въ должности, затѣмъ вынужденный уходъ изъ университета! И только съ переѣздомъ во Францію

[1]) Въ недавній пріѣздъ И. И. Мечникова въ Россію (весной 1909 г.), когда всѣ объединились въ чествованіи знаменитаго ученаго, та же когда-то отвергшая его Академія поднесла ему званіе доктора медицины honoris causa.

создались для него условія для нормальной научной работы.

Ученая дѣятельность Мечникова, какъ и Ковалевскаго, зародилась „въ созвѣздіи эмбріологіи“. Оба ученые своими трудами по эмбріологіи безпозвоночныхъ положили основаніе новой отрасли знанія, которой суждено было сыграть такую крупную роль въ развитіи зоологіи. Къ этому же первому періоду дѣятельности Мечникова относятся статьи его по антропологіи („Изслѣдованія о калмыкахъ“, „Антропологическій очеркъ калмыковъ“).

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, вскорѣ по оставленіи профессуры въ новороссійскомъ университетѣ, Мечниковъ заинтересовывается вопросомъ о внутриклѣточномъ пищевареніи низшихъ животныхъ. Къ этому времени (1882—3 г.) относятся его статьи: „Die Lehre über die intracellulare Verdauung“, „Untersuchungen über die intracelluläre Verdauung der Wirbellosen“ и „Über die mesodermalen Phagocyten der Wirbelthiere“. Эти работы, выполненныя Мечниковымъ съ обычнымъ мастерствомъ, сыграли крупную роль въ дальнѣйшемъ направленіи его научной дѣятельности и повели къ установленію знаменитой теоріи фагоцитоза, обезсмертившей его имя. Теорія эта явилась какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ его идей въ области изученія дѣятельности фагоцитарныхъ клѣтокъ и внутриклѣточнаго пищеваренія у низшихъ животныхъ. По этой теоріи, впервые провозглашенной на одесскомъ съѣздѣ натуралистовъ въ 1883 г., главная роль въ борьбѣ организма съ проникшимъ въ него инфекціоннымъ началомъ принадлежитъ мезодермальнымъ клѣткамъ (преимущественно бѣлымъ кровянымъ шарикамъ), назначеніе которыхъ—захватывать и выводить изъ строя всѣ чуждыя организму тѣла, въ томъ числѣ и живыхъ микробовъ. Чѣмъ энергичнѣе работа этихъ элементовъ, тѣмъ успѣшнѣе борьба организма съ инфекціей. Эти факты поставили Мечникова лицомъ къ лицу съ важнѣйшими вопросами микробіологіи и патологіи—съ вопросами объ иммунитетѣ, или невоспріимчивости. Вновь открывшаяся область обѣщала дать столь важные результаты, что поглотила все вниманіе Мечникова, и онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ велъ свои работы въ разъ избранномъ направленіи, что придаетъ имъ глубокій идейный интересъ. Успѣшной работѣ въ новой области много способствовала предыдущая научная дѣятельность Мечникова, давшая ему необходимую техническую подготовку.

Теорія фагоцитоза, или клѣточная теорія иммунитета, была встрѣчена страстными нападками, главнымъ образомъ со стороны нѣмецкихъ ученыхъ, выдвинувшихъ, взамѣнъ ея, гуморальную теорію, по которой главнымъ орудіемъ борьбы организма съ бактеріями служатъ не клѣтки, а соки организма съ растворенными въ нихъ бактеріеубивающими веществами. Споръ незаконченъ и до настоящаго времени, но въ немъ Мечниковъ продолжаетъ съ честью удерживать свою первоначальную позицію, искусно отражая нападки противниковъ и приводя все больше и больше доказательствъ въ защиту своего взгляда.

Мечникову принадлежитъ совершенно новая теорія воспаленія, равно какъ рядъ крупнѣйшихъ изслѣдованій по отдѣльнымъ заразнымъ болѣзнямъ—возвратному тифу, холерѣ и друг. Касаться дальнѣйшей научной дѣятельности Мечникова, уже за предѣлами XIX вѣка (его работъ по сифилису и по кишечной микрофлорѣ), мы не будемъ, такъ какъ это выходитъ за предѣлы нашей задачи.

Заслуженной извѣстностью пользуется рядъ крупныхъ сочиненій Мечникова монографическаго характера, въ которыхъ сведены воедино его работы по отдѣльнымъ вопросамъ, напр., „Лекціи о сравнительной патологіи воспаленія", „Невоспріимчивость въ заразныхъ болѣзняхъ" и др. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ носятъ обще-біологическій и даже философскій характеръ, напр., „Этюды о природѣ человѣка" или „Очерки оптимизма". Большой извѣстностью пользуются среди читателей научно-популярныя статьи Мечникова, время отъ времени появлявшіяся въ русскихъ журналахъ (чаще всего въ „Вѣстникѣ Европы") и отличавшіяся яснымъ и увлекательнымъ изложеніемъ.

Его блестящій умъ, глубокій и разносторонній, внутренняя сила убѣжденія, которой проникнуты всѣ его творенія, фанатическая стойкость въ отстаиваніи своихъ убѣжденій—всѣ эти свойства его таланта невольно привлекали къ нему многочисленныхъ учениковъ и сторонниковъ со всѣхъ сторонъ свѣта. Онъ становится общепризнаннымъ главой школы, тѣмъ, что Максъ Груберъ въ недавней статьѣ о Мечниковѣ („Münchener med. Wochenschrift", 1909, стр. 291) называетъ „Ein Führer auf dem Gebiete der biologischen Wissenschaften". Особенно признательны должны быть Мечникову его русскіе ученики, для которыхъ всегда широко были открыты двери его Парижской лабораторіи. Мечниковскую школу прошелъ не одинъ десятокъ русскихъ ученыхъ—врачей и натуралистовъ.

Какъ лекторъ, Мечниковъ отличается живой и образной рѣчью, ясной и доступной для всѣхъ, даже при изложеніи наиболѣе запутанныхъ вопросовъ. Его рѣчи на конгрессахъ, публичныя чтенія, наконецъ, ежегодныя лекціи въ Пастеровскомъ институтѣ создали ему прочную репутацію прекраснаго оратора. Кому приходилось слушать его живую и увлекательную рѣчь, въ которой чувствуется энтузіазмъ страстнаго искателя истины, у того навсегда останется воспоминаніе объ ея изяществѣ, простотѣ и содержательности и о самой фигурѣ оратора съ живыми, свѣтящимися умомъ глазами и съ его характерной жестикуляціей южанина.

Какъ и Пастеръ, Мечниковъ былъ біологомъ, вошедшимъ въ область медицины. Въ обоихъ случаяхъ комбинація оказалась какъ нельзя болѣе счастливой. Нѣкоторая узость научнаго кругозора медика — неизбѣжное слѣдствіе слишкомъ спеціальнаго образованія—въ трудахъ обоихъ ученыхъ замѣнена широкимъ захватомъ біолога, находящаго опору въ общихъ законахъ природы.

Выдающіяся научныя заслуги Мечникова были отмѣчены прису-

жденіемъ ему въ 1908 г. Нобелевской преміи.

Эту честь раздѣляетъ съ Мечниковымъ другой русскій ученый, нашъ знаменитый физіологъ, академикъ И. П. Павловъ. Окончивъ сначала петербургскій университетъ по естественному факультету, а затѣмъ медико-хирургическую академію (въ 1879 г.), Павловъ въ теченіе 10 лѣтъ работалъ при клиникѣ С. П. Боткина. Въ 1890 г. (на 41 году жизни) онъ получилъ назначеніе профессоромъ фармакологіи сначала въ томскій университетъ, а черезъ три мѣсяца—въ военно-медицинскую академію сначала профессоромъ фармакологіи, а затѣмъ, по уходѣ кн. И. Р. Тарханова, занялъ каѳедру физіологіи. Но преподавательская дѣятельность не составляла его главнаго призванія—всѣ его интересы были сосредоточены на лабораторной работѣ. Съ 1891 г. И. П. Павловъ переноситъ свою дѣятельность въ Институтъ экспериментальной медицины, гдѣ становится во главѣ физіологическаго отдѣла. Отсюда вышли всѣ его важнѣйшія работы, составившія ему міровую извѣстность. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Павловъ затрогивалъ различные физіологическіе вопросы и всюду своими работами внесъ въ нихъ ясность и опредѣленность. Въ работахъ, относящихся къ иннерваціи сердца, онъ показалъ, что, на ряду съ задерживающими и ускоряющими нервами, на дѣятельность сердца оказываютъ вліяніе также усиливающіе (а, быть можетъ, и ослабляющіе) нервы. Необыкновенно цѣнныхъ результатовъ относительно роли печени достигъ Павловъ въ своихъ работахъ, выполненныхъ на животныхъ, у которыхъ была продѣлана Экковская операція (непосредственное соединеніе воротной вены съ нижней полой веной, минуя печень). Онъ показалъ, что въ этихъ условіяхъ кровь, идущая отъ пищеварительнаго канала, сохраняетъ въ своемъ составѣ различные вредные продукты, отъ которыхъ она освобождается, проходя черезъ печень. Главнѣйшіе труды Павлова и его учениковъ относятся къ секреторной дѣятельности железъ пищеварительнаго тракта. Для осуществленія этой работы потребовалось придумать и выполнить цѣлый рядъ сложнѣйшихъ оперативныхъ пріемовъ на животныхъ, что и было сдѣлано Павловымъ съ полнымъ успѣхомъ, создавъ ему славу первоклассного вивисектора. Методически произведенными опытами было установлено, что дѣятельность различныхъ участковъ пищеварительнаго прибора находится въ тѣсной зависимости отъ состава принимаемой пищи, а также были найдены нервные пути, по которымъ посылаются соотвѣтственные импульсы для этой работы. Трудами И. П. Павлова въ этой области былъ кореннымъ образомъ реформированъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физіологіи—физіологія пищеваренія, а также добыты данныя, имѣющія первостепенное значеніе для гигіены и клиники. Въ послѣднее время работы Павлова ведутся въ другомъ направленіи — изучаются, въ экспериментальной постановкѣ, психическіе процессы у животныхъ, но входить въ оцѣнку этихъ работъ мы не можемъ, такъ какъ онѣ относятся уже къ текущему столѣтію.

Какъ ученый дѣятель и экспериментаторъ, И. П. Павловъ характеризуется умѣньемъ необыкновенно просто и ясно ставить вопросы, вокругъ которыхъ концентрируется главный интересъ изслѣдованія, и рѣшать ихъ путемъ подбора опытовъ, наиболѣе цѣлесообразно сгруппированныхъ. Любимой лабораторной работѣ Павловъ отдаетъ все свое время и требуетъ того же отъ своихъ учениковъ [1]). Его лабораторія всегда полна работающими, и черезъ нее прошло не мало лицъ, составившихъ себѣ затѣмъ крупное имя и занявшихъ самостоятельныя каѳедры въ русскихъ университетахъ.

Изъ другихъ русскихъ физіологовъ этого же періода назовемъ В. Я. Данилевскаго, извѣстнаго своими работами по физіологіи головного мозга и по другимъ отдѣламъ физіологіи, а также изслѣдованіями чужеядныхъ крови.

Въ заключеніе нашего обзора успѣховъ біологическихъ наукъ не можемъ не отмѣтить заслугъ передъ русскимъ просвѣщеніемъ недавно скончавшагося въ Каирѣ и горько оплаканнаго всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ профессора анатоміи и основателя вольной высшей школы (прежнихъ „курсовъ Лесгафта")—П. Ф. Лесгафта. Честный и открытый дѣятель, никогда не сходившій съ прямого пути, горячій поборникъ академической свободы, незамѣнимый профессоръ-руководитель и учитель жизни, онъ навсегда останется свѣтлымъ примѣромъ честнаго служенія наукѣ и обществу, которымъ онъ беззавѣтно былъ преданъ. Какъ спеціалистъ-анатомъ, онъ извѣстенъ рядомъ изслѣдованій, создавшихъ ему репутацію солиднаго ученаго. Ему принадлежитъ также много статей по антропологіи и по физическому воспитанію дѣтей. Его живыя и увлекательныя лекціи, его образная рѣчь съ безпрестанными отступленіями въ сторону вопросовъ практической жизни собирали всегда огромную аудиторію, привлекая даже лицъ чуждыхъ спеціальностей, и создали ему горячихъ приверженцевъ его доктрины. „Онъ умѣлъ всегда связать описаніе частныхъ явленій,—пишетъ одинъ изъ его учениковъ, С. И. Метальниковъ,—съ общими идеями и устанавливать на конкретныхъ примѣрахъ связь науки и жизни. Лекціи анатоміи превращались въ изложеніе цѣлаго научнаго міросозерцанія". Живыя нити общенія между любимымъ профессоромъ-руководителемъ и молодежью никогда не порывались и создавали ту нравственную связь между ними, которая такъ дорога, такъ необходима въ дѣлѣ преподаванія.

Успѣхи науки нерѣдко измѣряютъ по ея практическимъ приложеніямъ. Послѣднее, несомнѣнно, способствуетъ демократизаціи науки, пробужденію интереса къ ней въ широкихъ кругахъ общества. Въ этой области, т.-е. въ дѣлѣ приспособленія научныхъ данныхъ къ практи-

---

[1]) Въ началѣ своей дѣятельности И. П. Павловъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи лабораторіи и не желая прерывать своихъ занятій, содержалъ опытныхъ животныхъ въ своей тѣсной частной квартирѣ, не останавливаясь передъ очевидными неудобствами столь оригинальнаго сожительства.

ческимъ нуждамъ человѣка, Россія значительно отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей, тѣмъ не менѣе и здѣсь за обозрѣваемый період выдвинулось нѣсколько видныхъ дѣятелей. Такъ, русскій инженеръ П. Н. Яблочковъ изобрѣлъ первую электрическую лампу („свѣча Яблочкова") для освѣщенія улицъ, фабрикъ, магазиновъ и проч. Въ ней угли помѣщались рядомъ, раздѣленные изоляторомъ, плавившимся по мѣрѣ ихъ сгоранія. Ему же принадлежитъ рядъ другихъ, болѣе мелкихъ изобрѣтеній въ области электротехники. Съ именемъ виднаго русскаго физика А. С. Попова связано одно изъ величайшихъ изобрѣтеній послѣдняго времени—безпроволочнаго телеграфа. Простѣйшій типъ этого телеграфа былъ имъ описанъ еще въ 1896 г. (до Маркони) въ статьѣ „Приборъ для обнаруженія и регистрированія электрическихъ колебаній".

Оправдало ли развитіе естествознанія въ Россіи въ XIX вѣкѣ характеристику этой эпохи, какъ золотого вѣка естествознанія? На это мы съ полнымъ основаніемъ можемъ отвѣтить утвердительно. XIX вѣкъ зародился въ нездоровой атмосферѣ всевозможныхъ мистическихъ представленій о природныхъ явленіяхъ, къ трезвому изученію которыхъ въ тѣ времена только что приступали. Его закатъ ознаменованъ рядомъ блестящихъ завоеваній положительной науки, имѣвшихъ первостепенное значеніе для познанія законовъ природы. Тотъ путь, который пройденъ за это время русскимъ естествознаніемъ, поистинѣ изумителенъ! Во всѣхъ областяхъ положительной науки работами русскихъ натуралистовъ внесено много цѣнныхъ вкладовъ и оставлено богатое наслѣдіе новому столѣтію. Много очередныхъ задачъ, нерѣдко цѣлыя отрасли естествознанія, можно сказать, созданы работами русскихъ натуралистовъ — это открыто признается теперь всѣми. Въ тѣхъ сборныхъ руководствахъ - справочникахъ, которые за послѣднее время нерѣдко издаются за границей по различнымъ отдѣламъ естествознанія, при участіи наиболѣе выдающихся спеціалистовъ, многія главы поручаются русскимъ ученымъ, какъ авторитетнѣйшимъ по даннымъ вопросамъ.

Одновременно съ развитіемъ въ глубь, естествознаніе въ Россіи разрасталось и въ ширь. Кадры его дѣятелей изъ года въ годъ умножались, и замѣтно возрасталъ въ обществѣ интересъ къ изученію природы, такъ что дальнѣйшія судьбы естествознанія въ Россіи можно считать навсегда обезпеченными.

Поразительные успѣхи, достигнутые въ послѣднемъ столѣтіи естествознаніемъ, сдѣлали весьма затруднительнымъ его изученіе въ цѣломъ. По мѣрѣ того, какъ наука дифференцируется и расходятся ея пути, все очевиднѣе становится опасность ея чрезмѣрной спеціализаціи. Всестороннее изученіе природныхъ явленій, проникнутое однимъ обобщающимъ началомъ, вырождается въ рѣшеніе задачъ узко-спеціальнаго характера, недоступныхъ для большинства. Все возрастающая дифференцировка знанія роковымъ образомъ приближаетъ насъ къ моменту, когда представители отдѣльныхъ

спеціальностей перестанутъ понимать другъ друга, какъ люди, говорящіе на чуждыхъ языкахъ; когда широко образованные натуралисты выродятся въ спеціалистовъ - химиковъ, спеціалистовъ - ботаниковъ и т. д. Чтобы избѣжать этой опасности или, по крайней мѣрѣ, отдалить время ея наступленія, необходимо всѣми силами бороться противъ крайностей спеціализаціи знанія, противъ суженія кругозора натуралистовъ. Необходимо, чтобы естествознаніе не забывало и другихъ путей, которые ведутъ къ широкому синтезу добытыхъ данныхъ, къ объединенію все возрастающаго матеріала, безъ чего немыслимо осмысленное и плодотворное изученіе природы. Пройдя утомительный путь накопленія фактовъ, наука должна возвратиться къ оставленнымъ попыткамъ широкаго синтеза ея пріобрѣтеній — къ построенію системы міропознанія, но на этотъ разъ не на основаніи однихъ умозрѣній, какъ дѣлалось раньше, а на прочномъ фундаментѣ добытыхъ данныхъ. Будемъ надѣяться, что эта неотложная задача будетъ поставлена на очередь и успѣшно рѣшена въ текущемъ столѣтіи.

Плоды научной работы, какъ выраженіе культурныхъ успѣховъ страны, какъ „кульминаціонный пунктъ ея духовнаго развитія“ (Сѣченовъ), составляютъ вѣчную и неотъемлемую цѣнность народа—лучшее свидѣтельство его духовнаго богатства. Съ этимъ оружіемъ выступаетъ онъ на арену мірового состязанія во имя всеобщаго блага. Побѣды, одерживаемыя на мирномъ поприщѣ науки, поднимаютъ престижъ и достоинство государства, служатъ постояннымъ источникомъ блага для всего человѣчества, вызывая подчасъ крупные соціальные перевороты. Въ особенности это относится къ успѣхамъ положительныхъ наукъ съ ихъ несомнѣннымъ гуманизирующимъ вліяніемъ, ибо никакая другая область знанія не даетъ такого глубокаго удовлетворенія высшимъ запросамъ человѣческаго духа, пробуждая добрые инстинкты и способствуя духовному сближенію между людьми, какъ область познанія природы и ея вѣчныхъ законовъ.

Позволимъ себѣ закончить нашъ очеркъ прекрасными словами профессора К. А. Тимирязева: „Среди попранныхъ идеаловъ и разбитыхъ надеждъ, быть можетъ, только наука, положительная наука, объединенная положительной философіей, переступаетъ порогъ столѣтія безъ колебаній и сомнѣній, въ спокойномъ сознаніи исполненнаго долга и безпримѣрнаго успѣха въ прошломъ и съ бодрой увѣренностью, что ничто не въ силахъ остановить ея побѣднаго шествія въ будущемъ“.

ГЛАВА VI.

Высшая школа въ концѣ вѣка.

(В. М. Фриче.)

I.

Университетскій уставъ 1863 г. далъ профессорамъ автономію и обошелъ студента, какъ пасынка.

А студенчество въ особенности нуждалось въ „правовой" атмосферѣ, въ такихъ условіяхъ, которыя позволяли бы ему свободно распоряжаться собою, свободно объединяться.

Начиная съ 60-хъ годовъ, въ университетъ и другія высшія учебныя заведенія властной рукой застучалъ новый типъ студента,—разночинецъ-демократъ. Огромное большинство студентовъ состояло изъ необезпеченныхъ и неимущихъ.

Въ началѣ 70-хъ г. на стипендіи и пособія жило въ казанскомъ университетѣ 72% студентовъ, въ кіевскомъ и одесскомъ къ недостаточнымъ принадлежало 70 и 80%. Въ Москвѣ въ первое полугодіе 1876 г. отъ платы было освобождено 55%, во второе—уже 59% [1]).

Какъ быстро возрастало число необезпеченныхъ студентовъ, видно хотя бы изъ того, что въ трехъ первыхъ изъ названныхъ университетовъ процентъ лицъ, пользовавшихся пособіями и стипендіями, возросъ въ какія-нибудь восемь лѣтъ (1866—1874) съ 49 до 78.

Для этой необезпеченной студенческой массы, для которой борьба за существованіе начиналась съ университетской скамьи, было чрезвычайно важно имѣть возможность устраивать кассы взаимопомощи, общія столовыя, библіотеки, распоряжаться самимъ раздачей стипендій и т. д. А она встрѣчала на каждомъ шагу, только препятствія и стѣсненія.

Правительство относилось къ студенту - разночинцу, заполнившему университетскія аудиторіи, съ какой-то инстинктивной подозрительностью, съ чисто стихійной враждебностью. Въ каждомъ изъ нихъ оно видѣло непремѣнно бунтовщика и заговорщика. И оно окружало его атмосферой недовѣрія и мнительности, опутывало его по рукамъ и ногамъ сѣтью стѣсненій и запрещеній, такъ что ему жить становилось невмоготу.

Вотъ нѣсколько характерныхъ фактовъ, заимствованныхъ изъ офиціальной записки попечителя петербургскаго учебнаго округа на имя министра народнаго просвѣщенія, отъ 20 февр. 1879 г. [1]).

„Три студента естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета собрались для составленія лекцій и вынуждены были по требованію полиціи разойтись. Другой разъ семь студентовъ изъ самыхъ

[1]) Выдринъ: „Основные моменты студенческаго движенія".

[1]) Георгіевскій: „Матеріалы по исторіи студенческаго движенія". Вып. I.

10*

бѣдныхъ, желая какъ-нибудь удешевить свой и безъ того скудный столъ, уговорились съ кухаркой, которая согласилась кормить ихъ у себя за дешевую цѣну, но полиція, узнавъ о томъ, воспретила студентамъ собираться. Недавно четверо студентовъ собрались у одного товарища на именины, что вызвало появленіе между ними участковаго надзирателя, который тутъ же переписалъ ихъ фамиліи, а одного, вышедшаго вслѣдъ за тѣмъ, обыскалъ на улицѣ". „Подобные случаи—прибавлялъ попечитель—весьма нерѣдки".

Не ограничиваясь полицейскими притѣсненіями правительство было не прочь совсѣмъ изгнать изъ университетскихъ стѣнъ студента-разночинца, этого безпокойнаго и неблагонадежнаго протестанта, этого непрошеннаго гостя. Оно всѣми силами старалось затруднить доступъ къ высшему образованію матеріально-необезпеченнымъ молодымъ людямъ, повышая плату за ученіе, обставляя полученіе стипендій всевозможными условіями и т. д.

На почвѣ этого безправія и этихъ стѣсненій то и дѣло возникали студенческіе безпорядки (1869 г., 1874 г., 1878 г.).

Правительство старалось придать этимъ волненіямъ политическую окраску, считало ихъ виновниками кучку злонамѣренныхъ агитаторовъ. Офиціальная статистика подчеркивала, что съ половины 1873 г. до 1-го января 1877 г. среди лицъ, причастныхъ къ „противогосударственной пропагандѣ", было 50% воспитанниковъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, причемъ 523 студента, т.-е. 32,7% общаго числа всѣхъ студентовъ [1]).

На самомъ дѣлѣ студенческія волненія 60-хъ и 70-хъ гг. носили чисто профессіональный характеръ, были чужды всякой политикѣ, не имѣли въ себѣ ничего революціоннаго.

Достаточно остановиться на безпорядкахъ 78 г., наиболѣе крупныхъ, охватившихъ почти всѣ высшія учебныя заведенія, чтобы понять всю неосновательность офиціальной интерпретаціи.

Волненія начались въ Харьковѣ, въ ветеринарномъ институтѣ, гдѣ одинъ изъ профессоровъ противъ обыкновенія ввелъ обязательныя для студентовъ репетиціи. Студенты устроили обструкцію и обратились за поддержкой въ университетъ. Администрація отвѣтила избіеніями и арестами.

Тогда харьковцы обратились съ воззваніемъ ко всей учащейся молодежи.

„Товарищи! — такъ заканчивалась прокламація, — Неужели вы оставите этотъ фактъ безъ послѣдствій, безъ протеста? Неужели мы не дождемся прямого и смѣлаго заявленія отъ васъ, что нельзя бросать живыхъ людей въ Колу, Шенкурскъ и Мезень?" [2]).

Изъ Харькова безпорядки перекинулись въ Петербургъ. Когда въ университетѣ и въ медицинской академіи было выслушано письмо харьковскихъ товарищей, студенты рѣшили обратиться съ петиціей къ наслѣднику.

---

[1]) Георгіевскій, l. c.

[2]) Напечатано въ „Револ. журналистикѣ 70 гг.", изд. Базилевскаго, стр. 134.

Эта петиція, не дошедшая по назначенію, освѣщаетъ истинную причину студенческихъ безпорядковъ,—правильнѣе, офиціальныхъ правительственныхъ сообщеній.

Протестуя противъ ходячаго мнѣнія, будто волненія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ „причиняются зловреднымъ вліяніемъ горсти лицъ", авторы записки подчеркиваютъ, что самая „правильность", самая „неизбѣжная повторяемость этихъ явленій" указываетъ на то, что „ихъ источникомъ служатъ *условія*, въ которыя поставлена учащаяся молодежь", условія, которыхъ она не можетъ долѣе „терпѣть".

„Внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній,—продолжаетъ петиція,—студенты находятся подъ усиленнымъ полицейскимъ надзоромъ, внутри нихъ они все болѣе лишаются правъ, которыхъ ни одинъ безпристрастный человѣкъ не можетъ не назвать естественными правами человѣка. *Насъ лишаютъ права собраній для обсужденія общихъ дѣлъ, мы не имѣемъ права устроить кассы, хотя бы для взаимной помощи.* Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о нашихъ правахъ, — нашу разъединенность возводятъ въ законъ, тамъ же, гдѣ идетъ вопросъ о нашихъ стѣсненіяхъ, насъ разсматриваютъ, какъ нѣчто цѣлое... *Постоянно затрудняется пріемъ въ высшія учебныя заведенія, такъ что образованіе скоро станетъ привилегіей богатства*".

Въ заключеніе студенты просятъ наслѣдника престола освободить отъ наказанія товарищей, ибо „нельзя наказывать людей, когда нужно вникать условія, въ которыя они поставлены" [1]).

Петиція петербургскихъ студентовъ убѣдительно показываетъ, что студенческое движеніе 70-хъ годовъ носило не политическій, а чисто академическій характеръ, что оно ставило своей цѣлью не измѣненіе политическаго строя, а только полную автономію университета.

Тѣмъ не менѣе правительство продолжало стоять на своей предвзятой точкѣ зрѣнія, придумывая все новыя мѣры для обузданія неблагонадежнаго разночинца. То предполагалось устроить особыя „исправительныя" заведенія, гдѣ для „наиболѣе виновныхъ или строптивыхъ" имѣлись въ виду „одиночныя помѣщенія" и „одиночное обученіе" (мысль принадлежала Апухтину), то думали лишать уволенныхъ за безпорядки всѣхъ льготъ по воинской повинности (мысль принадлежала гр. Лорисъ-Меликову), то, наконецъ, рѣшали отдавать ихъ въ дисциплинарные батальоны и роты (мысль Побѣдоносцева) [2]).

Среди этихъ нервныхъ исканій и метаній правительственныхъ чиновниковъ все опредѣленнѣе вырисовывался одинъ планъ—замѣнить уставъ 1863 г. новымъ, построеннымъ на совершенно иныхъ основахъ.

Собравшаяся въ 1874 г. особая комиссія подъ предсѣдательствомъ гр. Валуева для сужденія о причинахъ студенческихъ безпорядковъ пришла къ тому выводу, что они коренятся, съ одной стороны, въ

---

1) „Револ. журналистика 70 гг.", стр. 133.
2) Георгіевскій, l. c.

преобладанiи въ стѣнахъ университетовъ неимущихъ, а съ другой— въ автономiи профессорской коллегiи.

„Излишняя умѣренность платы за ученiе" и „всякаго рода денежныя льготы" открываютъ, по мнѣнiю комиссiи, доступъ къ высшему образованiю людямъ, „лишеннымъ всякаго матерiальнаго обезпеченiя", находящимся вслѣдствiе „нужды" и всякаго рода „лишенiй" въ „постоянно напряженномъ и раздраженномъ состоянiи" и потому легко поддающимся влiянiю „злонамѣренныхъ литературныхъ и нелитературныхъ агитаторовъ".

Предоставленная профессорскимъ коллегiямъ автономiя, въ свою очередь, „лишаетъ начальствующiя лица прямого влiянiя на общiй ходъ дѣлъ въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ", тѣмъ болѣе, что „наиболѣе влiятельные члены этихъ коллегiй, какъ только возникаютъ волненiя или безпорядки, обыкновенно устраняютъ себя отъ участiя въ ихъ прекращенiи".

Въ виду такого положенiя вещей комиссiя считаетъ „пересмотръ нынѣ дѣйствующихъ уставовъ предметомъ несомнѣнной потребности". Она предлагаетъ „стѣснить дальнѣйшiй притокъ учащихся... не обезпеченныхъ матерiально", „уменьшить число льготъ отъ учебной платы" и давать стипендiи лишь тѣмъ „недостаточнымъ молодымъ людямъ, которые соединяютъ въ себѣ надлежащiя способности и необходимое для дальнѣйшихъ успѣховъ прилежанiе". Что же касается автономiи профессоровъ, то она „можетъ быть ограничена, какъ путемъ изъятiя изъ ихъ вѣдѣнiя нѣкоторыхъ дѣлъ административно-полицейскаго свойства, такъ и установленiемъ другого порядка назначенiя профессоровъ и прочихъ должностныхъ лицъ" [1]).

Для осуществленiя этой программы была въ 1875 г. назначена особая комиссiя, въ составъ которой входило и нѣсколько профессоровъ, напр., физикъ Любимовъ.

Большинство профессоровъ, однако, встало въ довольно рѣшительную оппозицiю.

Когда упомянутая комиссiя по пересмотру дѣйствующаго устава пригласила петербургскихъ профессоровъ сообщить нужныя данныя о положенiи дѣлъ въ университетѣ, они наотрѣзъ отказались, „не считая себя въ правѣ давать какiя-бы то ни было разъясненiя и показанiя иначе, какъ въ коллегiальныхъ учрежденiяхъ самого университета", а когда комиссiя выразила свое желанiе посѣщать лекцiи профессоровъ, то ректоръ университета, проф. Рѣдкинъ, категорически заявилъ, что при такихъ условiяхъ онъ не можетъ ручаться за спокойствiе во ввѣренномъ ему учрежденiи: комиссiи пришлось отказаться отъ своего плана.

Затаенное желанiе бюрократiи посягнуть на уставъ 1863 г. встрѣтило отпоръ и со стороны московскихъ профессоровъ, среди которыхъ были такiе несомнѣнные либералы разныхъ оттѣнковъ, какъ: Герье, Стороженко, Ковалевскiй, Чупровъ, Янжулъ, Муромцевъ и др.

Когда въ Москву вернулся проф.

---

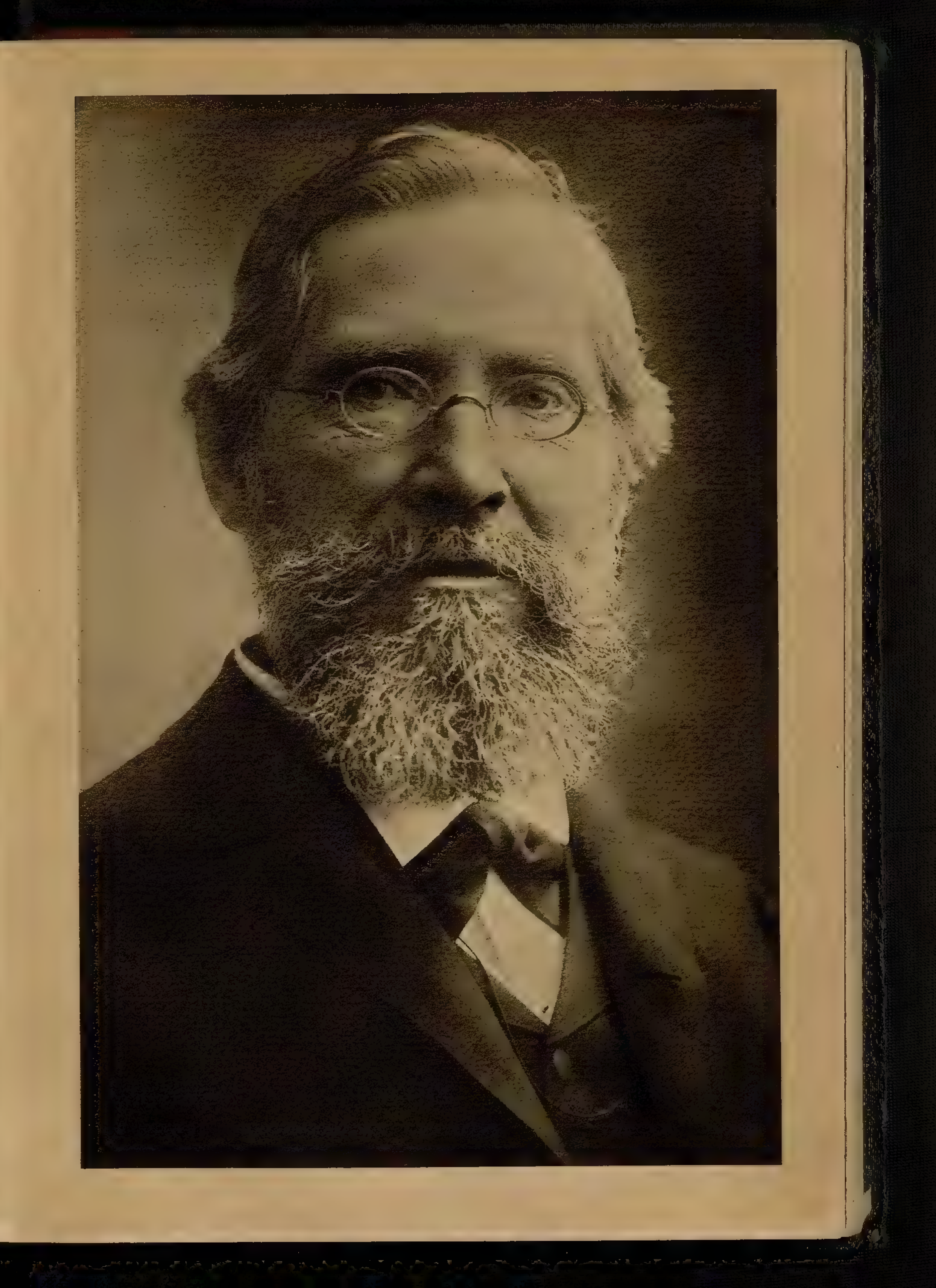
[1]) Георгiевскiй, l. c.

Александръ Ивановичъ Чупровъ.

По фотографіи.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

14



Любимовъ, то 35 профессоровъ выразили ему письменно свое негодованіе, а совѣтъ въ чрезвычайномъ засѣданіи 13 янв. 1877 г. вынесъ ему коллективное порицаніе [1]).

„Въ письмѣ, полученномъ Любимовымъ,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о московскомъ университетѣ 70 и 80 гг. М. М. Ковалевскій [2]),—значилось, что отнынѣ съ нимъ порваны всякія связи и прекращается даже простое знакомство. Любимовъ пожелалъ сдѣлать видъ, что считаетъ такое заявленіе несерьезнымъ. При встрѣчѣ въ профессорской съ С. А. Муромцевымъ, бывшимъ въ это время только преподавателемъ университета, Любимовъ какъ ни въ чемъ не бывало протянулъ ему руку. Незначительное положеніе, занимаемое въ университетской корпораціи молодымъ ученымъ, отчасти объясняетъ расчетъ любимова, что протянутая рука не останется въ воздухѣ. Но Муромцевъ поспѣшилъ разувѣрить его на этотъ счетъ. Послѣдствіемъ былъ новый доносъ Любимова, на этотъ разъ уже высшему начальству, а послѣднее въ лицѣ министра просвѣщенія гр. Толстого, воспользовалось представившимся случаемъ, чтобы возложить отвѣтственность за все происшедшее на тогдашняго ректора университета, знаменитаго историка С. Соловьева“.

Соловьевъ былъ вынужденъ подать въ отставку.

„Стойкость, обнаруженная Муромцевымъ,—продолжаетъ свои воспоминанія Ковалевскій,—привлекла къ нему симпатіи и сдѣлала его популярнымъ. Наоборотъ, рѣзкое выступленіе сына С. М. Соловьева, извѣстнаго впослѣдствіи философа, въ пользу Любимова, вызванное желаніемъ отстоять свободу каждаго высказывать свои убѣжденія, каковы они ни были, получило настолько невыгодную интерпретацію, что отповѣдь, данная ему на одномъ изъ вечеровъ у В. И. Герье самимъ же хозяиномъ, встрѣчена была сочувственно“.

Обиженный измѣнившимся къ нему отношеніемъ коллегъ Вл. Соловьевъ вышелъ изъ состава доцентовъ московскаго университета.

Болѣе коллективный и общій характеръ носило выступленіе петербургскихъ профессоровъ въ 1878 г.

По предложенію Фаминцына совѣтъ занялся „теоретическимъ изученіемъ причинъ безпорядковъ между студентами“ и результаты своихъ изысканій изложилъ въ спеціальной докладной запискѣ на имя попечителя петербургскаго учебнаго округа. Совѣтъ не соглашается съ мнѣніемъ правительства о „революціонномъ“ характерѣ студенческаго движенія. „Огромному большинству русской молодежи,—говорится въ запискѣ, — революціонныя стремленія такъ же чужды, какъ чужды они и всему русскому народу. Политическія волненія въ собственномъ смыслѣ остаются и останутся дѣломъ немногихъ лицъ, составляющихъ незамѣтное исключеніе изъ большинства“. Что же касается „студенческихъ волненій въ дѣйствительномъ значеніи этого слова“, то они опредѣляются „иными спеціальными условіями“, а именно — „об-

[1]) Георгіевскій, l. c.

[2]) „Вѣстникъ Европы“. 1910, № 5.

становкой", среди которой протекаетъ жизнь учащейся молодежи. Указавъ затѣмъ на полицейскія стѣсненія, которыя давятъ студенчество внѣ университетскихъ стѣнъ, и на его безправіе въ самихъ университетахъ, совѣтъ петербургскихъ профессоровъ видѣлъ единственный выходъ изъ создавшагося критическаго положенія съ одной стороны въ упраздненіи полицейской опеки, а съ другой—въ возможности для студентовъ „общенія" какъ „у себя дома", такъ и „въ особыхъ учрежденіяхъ, приспособленныхъ къ его потребностямъ" Какъ только принципъ автономіи будетъ расширенъ и на студентовъ, въ учащейся молодежи „будетъ все сильнѣе развиваться уваженіе къ закону и его требованіямъ, и она будетъ несравненно менѣе доступна воспріятію вредныхъ идей" [1]).

Записка петербургскихъ профессоровъ произвела на студенчество превосходное впечатлѣніе, и 8 февр. 1879, въ день акта, оно устроило имъ шумную овацію. Торжество началось совершенно необычнымъ возгласомъ: „Студенты привѣтствуютъ совѣтъ".

Иначе взглянулъ на боевое выступленіе профессоровъ министръ народнаго просвѣщенія, передавшій имъ черезъ попечителя свой взглядъ на „неумѣстность" и „несвоевременность" ихъ записки и поставившій имъ на видъ, что они „вышли далеко за предѣлы предоставленныхъ имъ закономъ правъ и обязанностей".

Между тѣмъ правительство неукоснительно приступало къ ограниченію автономіи. Особая комиссія подъ предсѣдательствомъ все того же гр. Валуева вырабатывала правила о надзорѣ за студентами еще и въ стѣнахъ университета.

Новыя правила объ инспекціи наносили автономіи ощутительный ударъ. Они упраздняли университетскій судъ съ его выборными судьями изъ профессоровъ юридическаго факультета, устраняли совѣтъ университета отъ карательной власти надъ студентами, отнимали у него право распредѣлять стипендіи и располагать по своему усмотрѣнію спеціальными суммами. Всѣ эти функціи отходили къ инспекціи, зависѣвшей исключительно отъ попечителя учебнаго округа.

Кіевскій генералъ - губернаторъ Чертковъ предложилъ было назначать на должность инспектора и его помощниковъ исключительно военныхъ, однако, мысль эта не встрѣтила сочувствія въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Утвержденныя 23 іюня 1879 г. новыя правила объ инспекціи были встрѣчены одинаково несочувственно и студентами и профессорами.

„Приведеніе въ исполненіе этихъ правилъ,—писалъ попечитель петербургскаго учебнаго округа, впослѣдствіи товарищъ министра народнаго просвѣщенія, кн. М. Волконскій,—было тѣмъ труднѣе, что они были встрѣчены несочувственно профессорами". А „такое ихъ несочувствіе къ новымъ порядкамъ должно было вызвать ропотъ и недовольство въ самихъ студентахъ".

Между тѣмъ въ правительственной политикѣ наступилъ періодъ

[1]) Георгіевскій, l. c.

колебаній и растерянности. Запуганное растущимъ революціоннымъ движеніемъ, правительство вручило бразды правленія гр. Лорисъ-Меликову. Гоненіе на все живое смѣнилось „диктатурой сердца“.

На мѣсто гр. Толстого былъ призванъ сначала Сабуровъ, потомъ Николаи. Всѣ реакціонныя мѣропріятія, изданныя за послѣдніе 17 лѣтъ, были отмѣнены.

Тѣмъ не менѣе волненія продолжались, замѣтно выходя изъ рамокъ чисто профессіональныхъ нуждъ студенчества.

Послѣ 1 марта въ университетахъ происходятъ сходки, носящія уже почти характеръ политическихъ демонстрацій. Часть студенчества протестовала противъ возложенія вѣнковъ на гробъ убитаго государя.

Въ связи съ этими волненіями былъ вынужденъ отказаться отъ проректорства и профессоръ Муромцевъ [1]).

Характеръ скорѣе революціоннаго, чѣмъ академическаго выступленія носилъ и извѣстный инцидентъ, происшедшій 17 марта 1881 г. на защитѣ И. Иванюковымъ диссертаціи на тему „Основныя положенія теоріи экономической политики съ А. Смита до настоящаго времени“.

Послѣ офиціальныхъ оппонентовъ выступилъ студентъ-медикъ Викторовъ и произнесъ агитаціонную рѣчь на тему о „связи между научнымъ и революціоннымъ соціализмомъ“. Остановленный деканомъ, онъ былъ потомъ высланъ, а студенты, участвовавшіе въ сходкѣ по поводу его исключенія, были арестованы [1]).

То были послѣдніе отголоски подъема, вызваннаго народовольческимъ движеніемъ.

Чѣмъ тверже чувствовало себя правительство, тѣмъ энергичнѣе приступало оно къ ликвидаціи всѣхъ остатковъ реформенной эпохи.

23 авг. 1884 г. былъ введенъ новый университетскій уставъ.

Автономія профессорской коллегіи была отмѣнена. Отнынѣ ректоръ, деканъ и профессора назначались министерствомъ, а не избирались совѣтомъ. Инспекція, независимая отъ преподавательской коллегіи, была подчинена попечителю округа. Для провѣрки успѣховъ студентовъ были назначены особыя испытательныя комиссіи и особые государственные экзамены. Студенты были лишены всѣхъ корпоративныхъ правъ, разсматривались лишь какъ „отдѣльные посѣтители“ и давали обѣщаніе не участвовать ни въ какихъ тайныхъ обществахъ и кружкахъ, „хотя бы и не имѣющихъ преступной цѣли“.

Новый уставъ вошелъ въ жизнь при гробовомъ молчаніи профессоровъ и полной пассивности студенчества.

II.

Восьмидесятые годы были въ жизни русскаго университета такой же эпохой безвременья и упадка, какъ и вообще въ жизни русской общественности.

[1]) Подробности см. въ воспоминаніяхъ М. М. Ковалевскаго.

[1]) Георгіевскій, І. с.

Наиболѣе рѣзкіе изъ либеральныхъ профессоровъ одинъ за другимъ отставлялись отъ должности. М. Ковалевскій покинулъ Россію, чтобы акклиматизироваться въ Западной Европѣ. В. Гольцевъ промѣнялъ университетскую каѳедру на постъ редактора „Русской Мысли". В. Ключевскій, лекціи котораго чрезвычайно не нравились министру Делянову, уцѣлѣлъ только благодаря хлопотамъ тогда еще не ставшаго обыкновеннымъ чиновникомъ ректора Боголѣпова [1]).

Оставшіеся на своемъ посту профессора или замѣтно правѣли, или ударялись въ чистую науку, или превращались въ приспѣшниковъ бюрократіи. Отдѣльныя исключенія только рѣзче подчеркивали общій упадокъ настроенія въ профессорской коллегіи.

Преподаватели и студенты, въ 70-хъ годахъ жившіе, въ общемъ, дружно и солидарно, все болѣе пріучались смотрѣть другъ на друга, какъ на двѣ чуждыя, почти враждебныя державы.

Глубоко измѣнилась въ 80-хъ гг. и физіономія студенчества.

„Университетскія аудиторіи,—замѣчаетъ одинъ современникъ [2]),—видавшія когда-то нашествіе неуклюжаго и лохматаго разночинца, стали теперь мѣстопребываніемъ зубрящихъ школьниковъ, безпутныхъ шалопаевъ и ловкихъ карьеристовъ".

Чуткій къ общественной злобѣ П. А. Боборыкинъ поспѣшилъ отмѣтить въ одномъ изъ своихъ романовъ восшествіе этого новаго типа студента [1]).

Глубокимъ пессимизмомъ проникнута оцѣнка студенчества 80-хъ гг., сдѣланная такимъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ судьею, какимъ былъ Союзный Совѣтъ объединенныхъ землячествъ.

„Средній студентъ,—говорится въ одномъ изъ его документовъ [2]),—въ большей или меньшей степени поглощенъ наукой, преподаваемой ему съ каѳедры; внѣ сферы этой офиціальной науки онъ отличается безыдейностью; къ общественнымъ вопросамъ у него полнѣйшій индиферентизмъ... Что же касается тѣхъ студентовъ, которые не удовлетворяются офиціальной наукой и предъявляютъ запросы на нѣчто болѣе живое, то они, конечно, не находятъ себѣ удовлетворенія въ окружающемъ, но создать иную среду по отсутствію иниціативы они не могутъ, и дѣло кончается сплошь и рядомъ нытьемъ, хандрою и пессимизмомъ".

Среди этого всеобщаго унынія и упадка, охватившихъ вмѣстѣ со всѣмъ „обществомъ" и высшія учебныя заведенія, правительство неуклонно продолжало свой походъ противъ пролетарскихъ элементовъ студенчества, въ цѣляхъ монополизаціи университета для дѣтей буржуазіи. Уставъ 1884 г. повысилъ вдвое плату за ученіе введеніемъ особаго гонорара въ пользу профессоровъ. Три года спустя про-

---

[1]) Ковалевскій, l. c.

[2]) Потресовъ-Старовѣръ: „Этюды о русской интеллигенціи", стр. 153.

[1]) Романъ „На ущербѣ".

[2]) Записка II студенческаго съѣзда въ 1896 г., напечатана у Мельгунова: „Студенческія организаціи въ 80 и 90 гг."

Максимъ Максимовичъ Ковалевскій.

Съ фотографическаго портрета.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

15

фессоромъ философіи въ петербургскомъ университетѣ Владиславлевымъ была подана министру просвѣщенія записка, гдѣ онъ предлагалъ сократить число слушателей петербургскаго университета до одной трети (съ 6000 до 2000) за счетъ неимущихъ и необезпеченныхъ.

„Не слѣдуетъ, — писалъ профессоръ философіи,—созывать въ университетъ лицъ, которые по бѣдности своей должны перебиваться изо дня въ день копеечными уроками или перепиской", которымъ приходится „учиться подъ страхомъ голодной смерти", ибо такіе пасынки, обыкновенно закинутые въ столицу изъ провинціи, особенно легко становятся жертвами злонамѣренныхъ агитаторовъ.

„Попавъ въ Петербургъ, такой студентъ оглушается шумомъ большого города, его глаза разбѣгаются на жизнь, которая несется мимо него, онъ чувствуетъ себя одинокимъ, забытымъ, никому ненужнымъ, даже въ университетѣ имъ никто не интересуется, развѣ для полученія отъ него денегъ и исполненія разныхъ формальностей". И онъ бросается въ объятія „крамолы", которая „ловитъ его въ читальнѣ, въ университетскомъ буфетѣ, въ публичномъ скверѣ".

На этомъ основаніи Владиславлевъ предлагаетъ принимать въ высшія учебныя заведенія только лицъ, „имѣющихъ средства къ жизни".

Вознаградивъ находчиваго философа должностью ректора, министерство рѣшило осуществить его планъ.

26 іюня 1887 г. плата за ученіе была увеличена (независимо отъ гонорара въ пользу профессоровъ) съ 10 до 50 руб. въ годъ, и въ томъ же году былъ изданъ циркуляръ, закрывавшій дѣтямъ мѣщанъ и крестьянъ доступъ въ гимназіи (такъ называемый циркуляръ о „кухаркиныхъ дѣтяхъ").

Трудность доступа къ высшему образованію, притѣсненія инспекціи въ самомъ университетѣ, надзоръ со стороны полиціи внѣ его стѣнъ, равнодушіе профессоровъ къ нуждамъ студенчества, казенное отношеніе большинства профессоровъ къ преподаванію—такова была та атмосфера, которая окружала въ 80-хъ г. студента-разночинца. Не мудрено, что порой изъ его груди вырывался крикъ негодованія и боли.

Одна изъ прокламацій казанскихъ студентовъ, изданная во время безпорядковъ 1887 г., очень рельефно передаетъ настроенія передового студенчества.

„Недалеко еще то время,—говорится въ этомъ воззваніи,—когда мы въѣзжали сюда, полные вѣры и любви къ университету и его жизни. Мы думали, что здѣсь, въ храмѣ науки, мы найдемъ тѣ знанія, опираясь на которыя мы могли бы войти въ жизнь борцами за счастье и благо нашей измученной родины. Но навстрѣчу шла намъ „наука для науки"... Вмѣстѣ съ тѣмъ насъ охватило деморализующее вліяніе инспекціи и ея клики шпіоновъ-клевретовъ. Мы не пошли за нашими учителями... Мы сгруппировались въ землячества... Намъ запретили, грозя исключеніемъ. Мы

обратились къ профессорамъ, приглашая прійти къ намъ на помощь въ борьбѣ съ гнетомъ новаго университетскаго устава. Въ отвѣтъ — ни слова. Наконецъ, вышли въ свѣтъ извѣстные циркуляры, закрывшіе доступъ въ гимназіи, и тѣмъ самымъ, и въ университетъ дѣтямъ тружениковъ, дѣтямъ крестьянъ, мѣщанъ и т. д. Все это страшно возмутило насъ" [1]).

На этой почвѣ недовольства существующимъ положеніемъ вспыхнули въ 1887 г. безпорядки, сначала въ Москвѣ, гдѣ одинъ изъ студентовъ далъ пощечину инспектору Брызгалову, потомъ въ Казани, гдѣ такой же актъ насилія былъ произведенъ надъ инспекторомъ Потаповымъ, и дошли, наконецъ, до Петербурга.

И на этотъ разъ движеніе носило чисто академическій характеръ. Это былъ протестъ не противъ существующаго строя, а только противъ дѣйствующаго устава.

„Товарищи!—говорилось въ одной прокламаціи казанскихъ студентовъ. — Тяжкимъ бременемъ легъ новый университетскій уставъ на васъ, питомцевъ дорогой alma mater, васъ, представителей молодой интеллигентной мысли, онъ отдалъ во власть шпіонствующей инспекціи, онъ сузилъ и низвелъ на нѣтъ значеніе профессорской коллегіи, сдѣлалъ изъ нихъ учителей-чиновниковъ, онъ ограничилъ доступъ въ университетъ сыновьямъ бѣдныхъ отцовъ, увеличилъ взносъ за право слушанія лекцій, установилъ тяжелыя условія для полученія стипендій" и т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ студенты казанскаго университета подали профессорамъ „петицію", въ которой настаивали исключительно на полной автономіи университетовъ, не только на безусловной независимости и самостоятельности профессорской коллегіи, но и на правѣ студентовъ устраивать сходки для обсужденія дѣлъ, касающихся студенчества, подавать коллективныя прошенія и заявленія, имѣть свои библіотеки, читальни, кассы взаимной помощи, распоряжаться стипендіями и пособіями по усмотрѣнію выборныхъ отъ студенчества лицъ и т. д.

Съ такими же чисто академическими требованіями выступили въ 1887 г. и петербургскіе студенты, настаивая какъ на „возвращеніи университетской автономіи", ибо „избраніе ректора профессорами сдѣлаетъ немыслимымъ появленіе на этомъ почетномъ мѣстѣ людей, подобныхъ Владиславлеву", а университетскій судъ „избавитъ студенчество отъ безконтрольныхъ распоряженій инспекціи", такъ и на „отмѣнѣ безнравственныхъ правилъ, преслѣдующихъ товарищество во всѣхъ его проявленіяхъ" (научно-литературныя общества, землячества, студенческія кассы).

Три года спустя въ Петербургѣ снова вспыхнули безпорядки.

На одной изъ лекцій проф. Менделѣева студенты подали ему петицію, гдѣ опять-таки единственнымъ требованіемъ была выставлена автономія.

„Мы желаемъ,— говорилось въ ней,—чтобы уставъ университетовъ

[1]) Напечатано у Георгіевскаго, l. c.

былъ основанъ на началахъ автономіи, чтобы ректоръ и профессора были избираемы согласно университетскому уставу 1863 г., чтобы были учреждены университетскій и студенческій суды, а также признаны студенческія корпораціи".

Къ этому основному требованію были присоединены еще свободный доступъ къ высшему образованію всѣмъ желающимъ, безъ различія національности и вѣроисповѣданія, и пониженіе платы за ученіе.

Только подобная реформа, „послѣдовательно проведенная" можетъ, по мнѣнію авторовъ записки, „обусловить нормальное теченіе университетской жизни".

Проф. Менделѣевъ вложилъ петицію въ конвертъ, написалъ на немъ свою фамилію и переслалъ ее министру народнаго просвѣщенія. На слѣдующій день онъ получилъ ее обратно съ приложеніемъ слѣдующаго заявленія:

„По приказанію министра народнаго просвѣщенія прилагаемая бумага возвращается дѣйствительному статскому совѣтнику проф. Менделѣеву, такъ какъ ни министръ, ни кто-либо изъ состоящихъ на службѣ Его Императорскаго Величества лицъ не имѣетъ права принимать подобныя бумаги" [1]).

III.

Девяностые годы открываютъ новый періодъ въ исторіи борьбы за автономію университета.

Попрежнему иниціатива этой борьбы принадлежитъ не профессорской коллегіи, а студенчеству. Но если въ 70-хъ и 80-хъ гг. движеніе носило характеръ стихійный, неорганизованный, бунтарскій, то въ 90-хъ гг. оно получаетъ уже характеръ планомѣрный, сознательный, организованный.

Задачу эту взяли на себя землячества.

Возникшія уже въ 60 годахъ, какъ общества матеріальной взаимопомощи, они достигли наивысшаго расцвѣта и вліянія въ 90-хъ г. при московскомъ университетѣ [1]).

11 марта 1884 г. состоялось учредительное собраніе представителей землячествъ, а въ 1892 г. они насчитывали уже около 1.700 организованныхъ членовъ. Въ союзъ вошло 43 землячества.

Во главѣ стоялъ, орудуя всѣми дѣлами, Союзный Совѣтъ, составленный изъ представителей выбираемыхъ на годъ отъ каждаго землячества (§ 1 устава). Въ концѣ каждаго полугодія Союзный Совѣтъ обязанъ давать подробный отчетъ въ своей дѣятельности (§ 11 устава). Каждое землячество вноситъ въ центральную кассу не менѣе 5% своего годового дохода (§ 15 устава). Центральная касса находится всецѣло въ распоряженіи Союзнаго Совѣта (§ 10 устава). Всѣ недоразумѣнія между Союзнымъ

[1]) Георгіевскій, l. c.

[1]) Подробности взяты изъ книги Мельгунова: „Студенческія организаціи 80-хъ и 90-хъ гг. По архивнымъ даннымъ".

Совѣтомъ и отдѣльными землячествами рѣшаются судомъ союза (§ 14 устава). Члены суда приносили особую присягу. Союзный судъ разбиралъ также недоразумѣнія между студентами и профессорами.

Такъ, 19 февр. 1892 г. Союзный Совѣтъ рѣшилъ отпраздновать день освобожденія крестьянъ и поэтому обратился къ профессорамъ съ просьбой не читать лекцій. Проф. Янжулъ принялъ депутатовъ отъ студенчества грубо и заявилъ, что нарочно будетъ читать. Разсмотрѣвъ всѣ данныя, судебная комиссія признала инцидентъ съ проф. Янжуломъ „до извѣстной степени недоразумѣніемъ". Иногда постановленія суда носили и болѣе грозный характеръ. Такъ, въ 1894 г. въ Москву переѣхалъ профессоръ юристъ, прошлое котораго было въ общественномъ отношеніи не безупречно. Разобравъ его дѣло, судебная комиссія пришла къ тому выводу, что въ виду того, что „проповѣдь реакціонныхъ идей профессоромъ оказываетъ деморализующее вліяніе на студентовъ", а „защита завѣдомо грязныхъ дѣлъ не совмѣстима съ званіемъ профессора", ему въ московскомъ университетѣ не должно быть мѣста.

Союзъ объединенныхъ землячествъ съ самого начала сталъ на позицію чистаго академизма. Одно слово „политика" вызывало въ организованномъ студенчествѣ трепетъ недовольства и ужаса.

„Политической партіей съ опредѣленной политической программой Союзный Совѣтъ никогда не былъ и быть не можетъ какъ по разнородности состава землячествъ и частой смѣняемости своихъ членовъ, такъ и по внѣшнимъ условіямъ своей дѣятельности",—говорится въ одномъ изъ заявленій Союзнаго Совѣта.

Это отрицательное отношеніе къ политикѣ служило, между прочимъ, однимъ изъ острыхъ пунктовъ разногласія между объединенными землячествами и польской студенческой организаціей „коло", преслѣдовавшей не только профессіонально-студенческія, но и общеполитическія цѣли.

Но Союзный Совѣтъ продолжалъ стойко выдерживать свою антиполитическую позицію.

Когда комитетъ „рабочаго союза" обратился къ организованному студенчеству съ приглашеніемъ отказаться отъ своихъ спеціально академическихъ задачъ и слиться для общей борьбы съ рабочимъ классомъ, Союзный Совѣтъ рѣзко заявлялъ въ своемъ отвѣтѣ, что не дѣло студенчества заниматься политикой;—все, что оно можетъ и должно сдѣлать, это—готовить себя къ будущей общественной дѣятельности.

Другой характерной чертой землячествъ было ихъ тяготѣніе къ мирнымъ, лойяльнымъ средствамъ борьбы.

Въ своихъ прокламаціяхъ Союзный Совѣтъ отъ имени организованнаго студенчества неоднократно заявлялъ, что онъ въ принципѣ противъ всякихъ демонстрацій и считаетъ своей задачей „бороться противъ безпорядковъ".

Волненія, происшедшія въ 1894 г. въ московскомъ университетѣ, прекрасно характеризуютъ какъ отри-

цательное отношеніе Союзнаго Совѣта къ политикѣ, такъ и его пристрастіе къ мирной „болѣе правильной тактикѣ“.

Осенью 1894 г. студенты рѣшили подать петицію, которая должна была по мысли Союзнаго Совѣта избѣгать всякихъ „общегосударственныхъ вопросовъ“ и выставлять одни только академическія требованія — требованія университетскаго самоуправленія, свободы преподаванія, свободнаго доступа къ высшему образованію всѣмъ желающимъ, право студенческихъ корпорацій, уменьшеніе платы и т. д.

Петиція, разумѣется, по назначенію не дошла.

Неожиданно, совершенно экспромптомъ, 30 ноября вспыхнули безпорядки. Проф. Ключевскій, котораго когда-то въ товарищескомъ кругу въ шутку называли Робеспьеромъ [1]), лекціи котораго такъ не нравились министру Делянову, что онъ намѣревался перевести его въ Казань, сдѣлалъ такую характеристику минувшаго царствованія, которая вызвала неодобреніе со стороны собравшихся въ аудиторію студентовъ.

Союзный Совѣтъ поспѣшилъ выпустить прокламацію, въ которой заявлялъ, что онъ противъ подобныхъ манифестацій и что онъ, къ сожалѣнію, „не успѣлъ принять никакихъ мѣръ для ихъ предотвращенія“.

И когда, благодаря нетактичному вмѣшательству власти (попечителя гр. Капниста и полицмейстера Власовскаго), безпорядки стали принимать все болѣе грозный характеръ, Союзный Совѣтъ выпускалъ одно за другимъ все новыя воззванія, черезъ которыя красной нитью проходила одна и та же основная мысль: „Организованная часть студенчества противъ безпорядковъ, и если они состоялись, то вина должна пасть не на студентовъ“.

Два года спустя, въ 1896 г., въ московскомъ университетѣ снова вспыхнули волненія (по поводу назначенія одного профессора).

За это короткое время Союзный Совѣтъ уже успѣлъ значительно полѣвѣть. Активный протестъ казался ему теперь не только не ошибочной тактикой, а напротивъ, средствомъ показать молодымъ студентамъ, что „лучшія традиціи университета еще живы“, а „напуганному обществу, что никакія полицейскія репрессіи не въ силахъ искоренить идейныя стремленія, служащія залогомъ лучшаго будущаго“.

Усматривая въ демонстраціяхъ и всякаго рода протестахъ орудіе „огромнаго воспитательнаго значенія“, Союзный Совѣтъ былъ не прочь на этотъ разъ поддержать безпорядки, но масса организованнаго студенчества продолжала стоять на прежней точкѣ зрѣнія „болѣе правильной“ тактики мирнаго образа дѣйствій.

Изъ опрошенныхъ членовъ землячествъ 51% высказался за безпорядки, 37%—противъ, а 12 не голосовало.

Не чувствуя за собой прочнаго большинства, Союзный Совѣтъ рѣшился оставить свою мысль о желательности активнаго протеста и

[1]) См. воспоминанія М. М. Ковалевскаго.

подчинился волѣ организованнаго студенчества.

Несмотря на такой лойяльный образъ дѣйствія землячествъ, министерство народнаго просвѣщенія продолжало видѣть въ нихъ тайный комитетъ агитаторовъ и бунтовщиковъ.

„Если даже,—замѣтилъ однажды гр. Капнистъ,—устранить точку зрѣнія полицейскую и политическую, то такое сообщество (какъ Союзный Совѣтъ) является безусловно вреднымъ съ чисто-академической точки зрѣнія и противорѣчитъ самымъ кореннымъ основамъ всей университетской организаціи“.

Не больше сочувствія встрѣтили землячества и со стороны профессорской коллегіи. Всѣ попытки Союзнаго Совѣта сблизить преподавателей и слушателей (путемъ вечеринокъ) не увѣнчались успѣхомъ. А 29 декабря 1894 г. совѣтъ профессоровъ вынесъ резолюцію, гдѣ объявлялъ Союзный Совѣтъ учрежденіемъ „вреднымъ и подрывающимъ основы университетской жизни“, исходя при этомъ изъ совершенно превратнаго представленія о немъ, какъ объ исключительно тайномъ судилищѣ, „имѣющемъ тенденцію судить университетскихъ преподавателей, начальство и студентовъ, предписывать имъ образъ дѣйствій и карать ихъ за неповиновеніе“.

Какъ ни отрицательно относилось, однако, организованное студенчество московскаго университета къ актамъ политическихъ выступленій, событія властно толкали его на путь ненавистной „политики“.

1896 г. можетъ считаться въ этомъ отношеніи началомъ перелома.

Это годъ, когда студенты, руководимые Союзнымъ Совѣтомъ, устроили панихиду по погибшимъ во время ходынской катастрофы и когда они послали парижскимъ студентамъ свое негодующее письмо, удивляясь, что они, дѣти страны, всегда ратовавшей за „братство, равенство, свободу“, протягиваютъ руку самодержавію.

Оба эти выступленія носили уже общеполитическій характеръ, далеко выходя за рамки чисто профессіональныхъ нуждъ студенчества.

Въ томъ же году на съѣздѣ представителей землячествъ въ Москвѣ, о которомъ мы почти не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, была принята резолюція, выражавшая желаніе, чтобы „возможно большое число участниковъ студенческихъ группъ переходило въ ряды рабочей партіи“.

Стоитъ только сопоставить резолюцію съѣзда съ приведеннымъ выше отвѣтомъ организованныхъ студентовъ комитету „рабочаго союза“, чтобы понять всю глубину происшедшей эволюціи.

А три года спустя по иниціативѣ петербургскихъ студентовъ происходитъ первая всеобщая студенческая забастовка, въ которой участвовали 30 высшихъ учебныхъ заведеній и 25.000 студентовъ, выставлявшихъ уже не только академическія, но и общеполитическія требованія. Борьба студенчества за автономію сливалась съ борьбою демократіи за конституцію.

Въ исторіи университетовъ открывался новый періодъ, относящійся уже къ XX вѣку.

IV.

Тѣ же самыя экономическія причины, которыя заставляли разночинца стучаться въ двери университета, побуждали и дѣвушекъ извѣстныхъ общественныхъ слоевъ стремиться къ высшему образованію [1]).

Уже въ началѣ 60-хъ г. нѣсколько женщинъ посѣщали въ Петербургѣ какъ университетъ, такъ и Медицинскую академію. Оставалось только санкціонировать законодательнымъ порядкомъ обычай, существовавшій въ жизни.

Засѣдавшая въ 1861 г. подъ предсѣдательствомъ фонъ-Брадке комиссія для выработки новаго университетскаго устава обратилась въ университетскіе совѣты съ запросомъ, „могутъ ли вообще лица женскаго пола быть допускаемы къ слушанію университетскихъ лекцій совмѣстно со студентами“.

Допущенію женщинъ въ высшія учебныя заведенія мѣшаетъ, по мнѣнію петербургскихъ профессоровъ, только одно „препятствіе“—а именно „новость самого явленія“. Если женщинѣ дано право быть „читательницей книги“ или „авторомъ произведенія“, то „на какомъ основаніи можно ей отказать въ правѣ быть слушательницей лекцій“?

Къ мнѣнію петербургскаго университета присоединились университеты харьковскій и казанскій.

Напротивъ, московскіе профессора большинствомъ 23 голосовъ противъ двухъ постановили, что допускать женщинъ къ совмѣстному со студентами слушанію лекцій не слѣдуетъ „ни подъ какимъ предлогомъ“, ибо это можетъ имѣть только „вредное вліяніе на успѣшный ходъ занятій молодыхъ людей, обучающихся въ университетѣ“.

Подъ вліяніемъ отзывовъ профессорскихъ совѣтовъ къ § 100 новаго университетскаго устава было сдѣлано примѣчаніе, разрѣшавшее и женщинамъ вступать въ университетъ. Въ концѣ 1861 г. во время студенческихъ безпорядковъ среди арестованныхъ оказалась и одна женщина, посѣщавшая университетъ, и этотъ случайный фактъ рѣшилъ судьбу всего высшаго женскаго образованія: комиссія подъ предсѣдательствомъ гр. Строганова, назначенная для окончательнаго обсужденія новаго университетскаго устава, вычеркнула упомянутое примѣчаніе къ § 100. А 11 мая 1869 г. военный министръ, ссылаясь на новый университетскій уставъ, по которому „лица женскаго пола не принимаются въ число воспитанниковъ и постороннихъ слушателей“ университета, постановилъ не допускать ихъ и въ медицинскую академію [1]).

Однако, потребность въ высшемъ образованіи была такъ сильна въ демократическихъ слояхъ общества, что не могла исчезнуть потому только, что было вычеркнуто какое-то примѣчаніе къ какому-то параграфу устава.

Піонерки феминизма рѣшились

---

[1]) Лихачева: „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“. Т. III.

[1]) Исключеніе было сдѣлано только для Кошеваровой.

добиться своей цѣли окольнымъ путемъ.

Кружокъ передовыхъ женщинъ, группировавшихся вокругъ г-жи Трубниковой, подалъ ректору петербургскаго университета прошеніе, подписанное 396 женщинами, въ которомъ просилъ профессоровъ въ свободное отъ занятій со студентами время читать лекціи женщинамъ по предметамъ историко-филологическимъ и естественно-научнымъ. Назначенная для обсужденія этого прошенія особая комиссія изъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ А. Бекетова отнеслась очень сочувственно къ мысли просительницъ, но не нашла удобнымъ предоставить для этой цѣли университетскія аудиторіи. Министръ народнаго просвѣщенія, къ которому обратились за соотвѣтствующимъ разрѣшеніемъ профессора и дамы, не счелъ „въ настоящее время" возможнымъ дать разрѣшеніе на спеціально женскіе курсы, но ничего не имѣлъ противъ устройства систематическихъ публичныхъ лекцій „совокупно для мужчинъ и женщинъ".

Въ 1869 г. открылись высшіе курсы, называвшіеся въ зависимости отъ мѣста, гдѣ находились, сначала „аларчинскими", потомъ „владимирскими". Читали профессора университета: Бестужевъ-Рюминъ, Менделѣевъ, Бекетовъ, Мечниковъ, Миллеръ и др.

Около того же времени кружокъ московскихъ феминистокъ подалъ ректору университета прошеніе, прося его ходатайствовать о разрѣшеніи высшаго женскаго учебнаго заведенія съ двумя факультетами и подготовительныхъ къ нему курсовъ. Въ 1869 г. одновременно съ петербургскими открылись спеціально женскіе курсы и въ Москвѣ, сначала въ зданіи 2-ой мужской гимназіи, потомъ перекочевавшіе въ 3-ю гимназію на Лубянкѣ и получившіе отсюда названіе „лубянскихъ".

Хотя первоначально здѣсь читались лекціи не только по математикѣ и естественнымъ наукамъ, а также по исторіи и языкамъ, однако „лубянскіе" курсы очень скоро превратились какъ бы въ естественно-научный и математическій факультетъ женскаго университета, такъ какъ остальные предметы посѣщались мало и исчезали одинъ за другимъ изъ программы. Преподавателями состояли профессора московскаго университета: Бредихинъ, Морковниковъ, Горожанкинъ, Церасскій, Млодзѣевичъ и др.

Въ отличіе отъ петербургскихъ „аларчинскихъ" московскіе „лубянскіе" курсы были не только спеціально женскимъ высшимъ учебныиъ заведеніемъ, но и строились на демократическомъ принципѣ самоуправленія: всѣми дѣлами распоряжались выборныя отъ слушательницъ распорядительницы.

„Между тѣмъ, какъ начальство высшихъ учебныхъ заведеній, считая сходки студентовъ чуть не преступленіемъ, разгоняло ихъ съ помощью войска и наказывало исключеніемъ,—говоритъ одна изъ бывшихъ слушательницъ этихъ курсовъ [1]), — слушательницы лубян-

[1]) А. Н. Шереметевская: „Страница изъ исторіи высшаго женскаго образованія". „Историческій Вѣстникъ" 1896, № 7.

скихъ курсовъ преспокойно собирались въ разрѣшенное ихъ директоромъ общее собраніе и безъ всякой помѣхи, хотя и подъ наблюденіемъ надзирателя, обсуждали свои дѣла и назначали себѣ профессоровъ. У нихъ не было причинъ для враждебныхъ демонстрацій! И (въ самомъ дѣлѣ) ни разу въ 20 лѣтъ не поднимался даже вопросъ о возможности обсуждать что-нибудь, не касавшееся прямо курсовъ или интересовъ учащихся. Не было ни одного заявленія, ни одного приглашенія присоединиться къ какой-либо демонстраціи молодежи!"

Въ февралѣ 1871 г. проф. Герье обратился къ попечителю московскаго округа съ просьбой разрѣшить систематическія научныя лекціи для женщинъ, и въ ноябрѣ слѣдующаго года открылись (сначала на четыре года) такъ называемые высшіе курсы Герье. Если „лубянскіе" курсы представляли естественно-научный и математическій факультеты несуществовавшаго женскаго университета, то курсы Герье были какъ бы его историко-филологическимъ факультетомъ. Здѣсь читали, кромѣ самого директора, профессора: Тихонравовъ, Ключевскій, Стороженко, Чупровъ и др.

30 мая 1877 г. петербургскій проф. Бестужевъ - Рюминъ ходатайствовалъ у министра народнаго просвѣщенія объ открытіи спеціально высшихъ женскихъ курсовъ въ Петербургѣ, которые и были открыты 20 сентября слѣдующаго года въ помѣщеніи Александровской женской гимназіи при 795 слушательницахъ, изъ которыхъ 526 записались постоянными. На курсахъ читали профессора: Бестужевъ-Рюминъ, Александръ Веселовскій, Билибинъ, Боргманъ, Бекетовъ, Вагнеръ и др. Число слушательницъ возрастало съ каждымъ годомъ.

Въ 1879—1880 г. ихъ было 840, въ 1880—1881 уже 990 и т. д.

Бестужевскіе курсы скоро вызвали недовольство въ „сферахъ". Запрошенный на этотъ счетъ шефъ жандармовъ доложилъ государю, что при курсахъ въ самомъ дѣлѣ образовался „особый дамскій комитетъ", первоначальное устройство котораго никѣмъ не было „разрѣшено", что проф. Бестужевъ-Рюминъ, „совершенно безупречный въ нравственномъ и политическомъ отношеніи" человѣкъ, является лишь „исполнителемъ", тогда какъ инициатива принадлежитъ всецѣло означенному „дамскому кружку", стремящемуся „помимо педагогической цѣли" къ „достиженью равноправности женщинъ путемъ высшаго полуклассическаго образованія" и, наконецъ, что среди слушательницъ есть и „политически неблагонадежныя", которыя „устраиваютъ сходки для обсужденія общихъ вопросовъ".

На этотъ доносъ шефа жандармовъ министръ народнаго просвѣщенія (гр. Толстой) написалъ возраженіе, гласившее, что „по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ въ помѣщеніи курсовъ ничего выходящаго изъ ряда не случилось со времени ихъ открытія и сходокъ не было, какъ по краткости времени между уроками, такъ и вслѣдствіе постояннаго наблюденія за курсами".

И чтобъ окончательно успокоить сферы, министръ спѣшилъ приба-

вить, что „евреекъ на курсахъ только 60“.

Въ концѣ 70-хъ годовъ высшіе женскіе курсы возникаютъ и въ другихъ городахъ: въ Кіевѣ, Казани, Одессѣ.

Между тѣмъ, какъ къ общеобразовательнымъ высшимъ женскимъ курсамъ тяготѣли болѣе буржуазные слои, демократическіе элементы стремились преимущественно къ спеціально медицинскому образованію.

Изъ отчета общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ (бестужевскимъ) курсамъ за 1879—80 г. видно, что среди слушательницъ было 548 дворянокъ, 108 купеческаго сословія, 85 — духовнаго званія, 86—мѣщанокъ, 8—дочерей солдатъ, 5—крестьянокъ. Изъ отчета женскихъ медицинскихъ курсовъ въ Петербургѣ за 9-лѣтнее существованіе (1872 — 1881) выясняется ихъ гораздо болѣе демократическій составъ, такъ какъ здѣсь преобладали жены и дочери чиновниковъ (352), мѣщанъ (105), духовныхъ (59) и т. д.

Въ 1870 г. президентъ медицинской академіи внесъ въ медицинскій совѣтъ записку „объ образованіи женщинъ по врачебной части“, гдѣ требовалъ или научно-медицинской подготовки для акушерокъ или же передачи акушерской дѣятельности исключительно врачамъ. Медицинскій совѣтъ согласился съ его доводами въ пользу женскаго медицинскаго образованія, прибавивъ для выдержавшихъ экзаменъ акушерокъ право „свободно практиковать по женскимъ, дѣтскимъ и сифилитическимъ болѣзнямъ“.

Министръ народнаго просвѣщенія, въ свою очередь, ничего не имѣлъ противъ открытія акушерскихъ курсовъ, такъ что оставалось только выслушать мнѣніе шефа жандармовъ.

Послѣдній воспользовался этимъ случаемъ, чтобы внести въ совѣтъ министровъ записку, гдѣ изложилъ свои взгляды на женскій вопросъ.

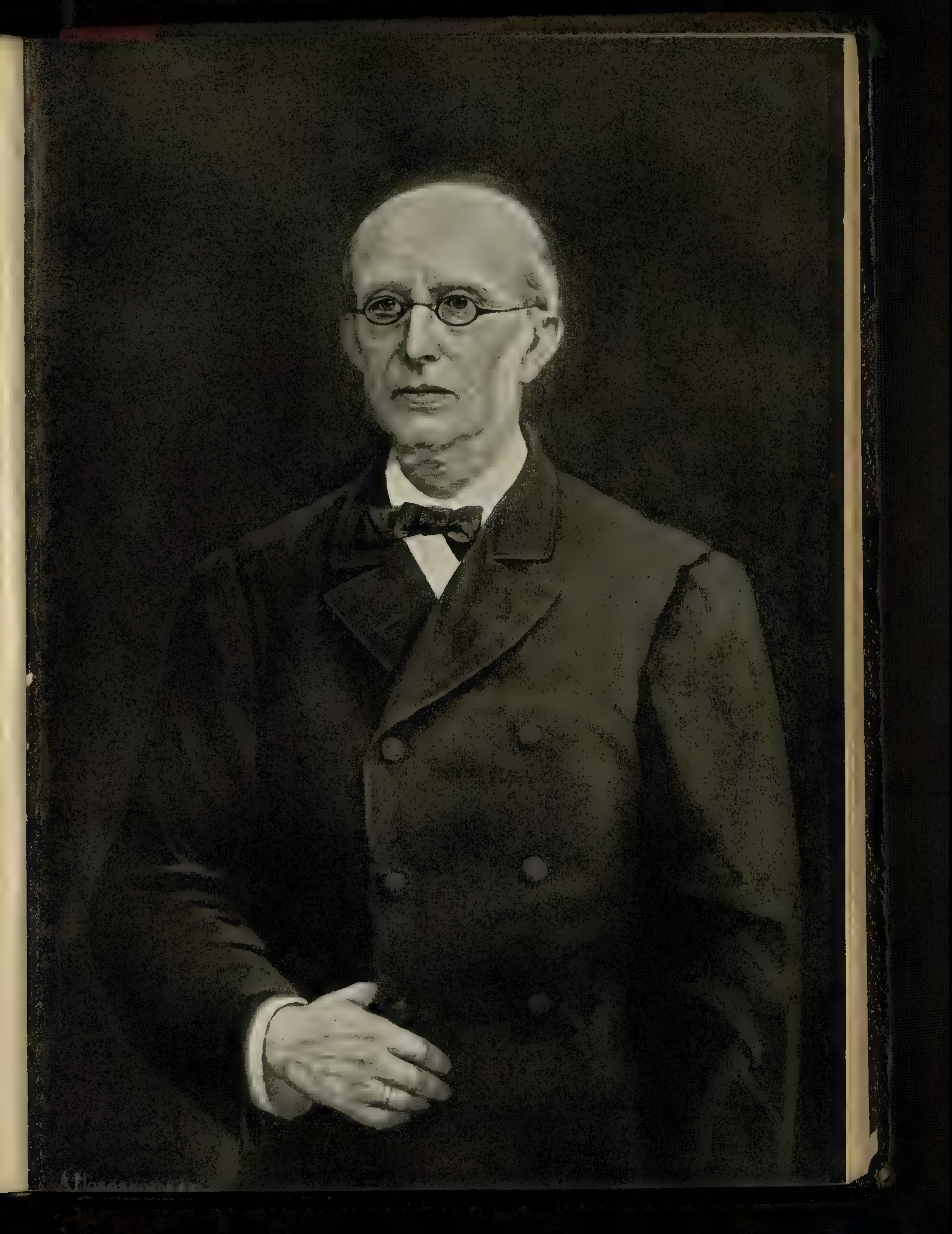
„Все увеличивающіяся заявленія о дозволеніи женщинамъ поступить на службу въ общественныя и правительственныя учрежденія“ заслуживаютъ, по его мнѣнію, серьезнѣйшаго вниманія правительства. Разсуждая чисто теоретически, слѣдовало бы запретить женщинамъ исполнять мужскія обязанности, ибо, „вступая въ общественно-служебную дѣятельность, женщина прежде всего отрывается отъ своего прямого назначенія, отдаляется отъ домашняго очага, отъ помышленія сдѣлаться хорошею женою и матерью и переходитъ въ область независимости и безотчетнаго пренебреженія къ тому, что составляло до сихъ поръ ея главное призваніе“. Разрѣшеніе женщинамъ занимать мѣста, „предоставленныя исключительно мужчинамъ“, непремѣнно должно поэтому отозваться „вредными и губительными послѣдствіями какъ на самихъ женщинахъ, такъ и, въ особенности, на ихъ семействахъ“. Принимая, однако, во вниманіе значительный недостатокъ въ лицахъ на должностяхъ, гдѣ женскій трудъ незамѣнимъ, а именно „повивальныхъ бабокъ и воспитательницъ дѣтей“, шефъ жандармовъ полагалъ, что къ этимъ занятіямъ, „вполнѣ соотвѣтствующимъ какъ ихъ полу, такъ и ихъ назначенію“, привлекать

Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ.

Съ портрета, писаннаго А. Новоскольцевымъ. 1907 г.
(Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ въ С. Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

16



женщинъ слѣдуетъ, и потому онъ, съ своей стороны, рекомендуетъ „всѣми мѣрами содѣйствовать распространенію и преуспѣянію акушерскихъ наукъ, привлекая къ нимъ возможно большее число слушательницъ“. Послѣ обсужденія записки шефа жандармовъ въ совѣтѣ министровъ въ присутствіи государя было постановлено разрѣшить открытіе „отдѣльныхъ для женщинъ курсовъ акушерскихъ наукъ“, чтобы „дать возможность наибольшему числу женщинъ пріискать себѣ акушерскія занятія во всѣхъ частяхъ государства“, а также, въ виду „пользы, приносимой госпитальной дѣятельностью сестеръ милосердія“, разрѣшить женщинамъ занятія „фельдшерскія и по оспопрививанію, а также аптекарскія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

1 ноября 1872 г. при медицинской академіи въ Петербургѣ были открыты первые врачебные женскіе курсы, на нужды которыхъ 24 февраля того же года Лидія Алексѣевна Родственная (впослѣдствіи вышедшая замужъ за ген. Шанявскаго) пожертвовала капиталъ въ 50.000 рублей. Изъ 109 экзаменовавшихся было принято 90 [1]).

Русская женщина, стремившаяся такъ самоотверженно къ высшему образованію, доказала очень скоро вопреки сыпавшимся на нее насмѣшкамъ, что она вполнѣ способна конкурировать съ мужчиной на поприщѣ умственнаго труда, что она во всѣхъ отношеніяхъ доросла до научной дѣятельности.

Достаточно вспомнить такихъ женщинъ, какъ Волкову и Лермонтову, изучавшихъ химію, Ефименко, занимавшуюся этнографіей, Переяславцеву, работавшую по зоологіи, Суслову и Кошеварову, проложившихъ дорогу женщинамъ-врачамъ, и въ особенности Софью Ковалевскую, имя которой извѣстно и за границей, читавшую математику въ стокгольмскомъ университетѣ.

Реакціонная волна 80-хъ гг. на время задержала дальнѣйшіе успѣхи высшаго женскаго образованія.

Въ 1884 г. особымъ циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія пріемъ слушательницъ на высшіе женскіе курсы былъ прекращенъ.

Новый подъемъ высшаго женскаго образованія совпадаетъ лишь съ началомъ новаго столѣтія.

---

[1]) Подробности объ этихъ первыхъ медицинскихъ женскихъ курсахъ см. въ статьѣ Е. Некрасовой, „Женскіе врачебные курсы въ Петербургѣ“, „Вѣстникъ Европы“ 1882 г., № 12.

ГЛАВА VII.

Внѣшняя политика Россіи въ концѣ XIX вѣка.

(М. Н. Покровскаго).

I.

Русско-французскій союзъ.

Въ январѣ 1887 года въ Парижъ пріѣхала болгарская депутація, которую народное собраніе послало просить помощи у европейскихъ кабинетовъ противъ Россіи. Болгары желали, въ сущности, немногаго: освобожденные русскими, они хотѣли на практикѣ воспользоваться этой свободой, выбравъ себѣ такого государя, который былъ имъ по нраву. Бойкотъ, объявленный болгарскому трону русскимъ правительствомъ, лишалъ ихъ всякой возможности къ этому [1]). Но въ силу берлинскаго трактата, охрана болгарской независимости не составляла привилегіи одной Россіи—эту независимость обязаны были, наравнѣ съ нею, защищать всѣ прочія державы, подписавшія трактатъ 1878 года. Апеллировать къ нимъ противъ перешедшей мѣру дозволеннаго „освободительницы" юридически было вполнѣ правильно. Степень сочувствія, которое надѣялись найти болгарскіе делегаты въ европейскихъ столицахъ, могла быть очень различна, въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ международныхъ комбинацій; но что противъ „претензій" болгарскаго народа нечего возразить по существу, въ этомъ были одинаково увѣрены какъ тѣ, кто ѣхалъ бить челомъ Европѣ на Россію, такъ и тѣ, къ кому челобитье было обращено. Пріемъ, оказанный депутаціи въ Лондонѣ, могъ только ободрить; отъ Парижа не ждали иного,—не ждали, между прочимъ, и сами французскіе дипломаты. Но ихъ глава думалъ иначе. Въ отвѣтъ на заявленія болгаръ объ ихъ непререкаемомъ *правѣ*, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Флурансъ, напомнилъ депутаціи о *чувствахъ*, которыя болгары должны питать къ ихъ освободительницѣ, Россіи. Онъ далъ понять при этомъ своимъ гостямъ, что собственно онъ вовсе не обязанъ съ ними разговаривать: такъ какъ Болгарія вассалъ Турціи, то она и не имѣетъ никакого права самостоятельно сноситься съ европейскими державами. А, такъ сказать, по дружбѣ, онъ, Флурансъ, совѣтуетъ болгарскому народу не ссориться съ русскими и дѣлать то, что они прикажутъ. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, „краткій смыслъ" его „длинной рѣчи".

„Такое поведеніе" руководителя французской иностранной политики „глубоко тронуло русское правительство", пишетъ историкъ русско-

---

[1]) О русско-болгарскихъ отношеніяхъ см. ниже, стр. 204 и слѣд.

Императоръ Александръ III.

Съ портрета, писаннаго И. Н. Крамскимъ.
(Русскій музей имп. Александра III въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

17

французскаго союза. Получивъ извѣстіе о совершенно неожиданномъ выступленіи Флуранса, петербургскій кабинетъ, по словамъ этого историка, простилъ республикѣ то, что она нѣкогда отказалась выдать революціонера, покушавшагося на жизнь императора Александра II, и даже то, что тотъ же французскій кабинетъ осмѣлился отозвать изъ Петербурга генерала Аппера, пользовавшагося всѣми симпатіями русскаго двора,— отозвать подъ тѣмъ, совершенно недостаточнымъ, предлогомъ, что Апперъ былъ орлеанистъ, а не республиканецъ. Все было забыто. „Флурансъ поставилъ первую вѣху, на пути русско-французской дружбы"—такъ резюмировалъ значеніе этого достопамятнаго событія другой историкъ этой дружбы [1]).

Русское правительство имѣло возможность тотчасъ же дать на дѣлѣ доказательства своихъ чувствъ. Спустя всего три недѣли послѣ пріема болгарской депутаціи, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ могъ съ торжествомъ предъявить своимъ коллегамъ зрѣлые плоды своего, нѣсколько экстравагантнаго и въ первую минуту немного смутившаго этихъ коллегъ, поступка. 1886—87-й годы были весной буланжистской агитаціи во Франціи; какую роль и въ ней играла русско-французская дружба, мы увидимъ послѣ. Провалъ буланжизма оборвалъ эту любопытную исторію на самомъ любопытномъ мѣстѣ; но къ началу 1887 года, если не въ области русско-французскихъ, то въ области международныхъ отношеній вообще, дѣятельность „браваго генерала" уже давала себя чувствовать. Съ восточнаго берега Рейна очень внимательно наблюдали за тѣмъ, что дѣлалось по ту сторону Вогезовъ, и бряцаніе сабель, начинавшее слышаться во Франціи, не могло укрыться отъ чуткаго слуха нѣмецкихъ сторожевыхъ. А когда Буланже—тогда военный министръ Франціи—безъ всякой видимой причины сталъ концентрировать военныя силы республики на ея восточной границѣ, въ Берлинѣ рѣшеніе было принято. Разъ Франція хочетъ воевать, ее нужно предупредить. А такъ какъ Россія была привычнымъ тыловымъ заслономъ Германіи въ подобныхъ случаяхъ, то естественно было обратиться къ ней съ запросомъ, намѣрена ли она и въ 1887 г. держаться той же политики, которая привела пруссаковъ въ Парижъ въ 1871. Но теперь Германія своей болгарской политикой задѣла русскій кабинетъ въ томъ, что для него было наиболѣе чувствительно, а Франція въ этомъ именно сумѣла быть ему пріятной. Аудіенція германскаго посла въ Петербургѣ, генерала Швейница, окончилась такимъ заявленіемъ его высокаго собесѣдника, къ которому Бисмаркъ едва ли былъ совершенно готовъ, какъ ни ясно уже чувствовалось нѣкоторое охлажденіе старинной русско-нѣмецкой дружбы. Россія уже три раза выручала Пруссію, таковъ, будто бы, былъ смыслъ заявленія: не можетъ же это продолжаться вѣчно. Особенно те-

[1]) E. Daudet, „Histoire diplomatiqne de l'Alliance franco-russe", pp. 203—206. J. Hansen, „Ambassade à Paris du baron de Mohrenheim", p. 26.

перь, когда Германія въ союзѣ съ Австріей, которая стоитъ поперекъ дороги Россіи въ болгарскомъ вопросѣ. Россія не считаетъ себя въ правѣ допустить разгромъ Франціи, что совершенно нарушило бы европейское равновѣсіе; она не можетъ, поэтому, не только обѣщать какоелибо содѣйствіе Германіи, но не обѣщаетъ даже сохранить и нейтралитетъ въ случаѣ новой франко нѣмецкой войны [1]).

Вмѣсто тылового заслона прусская армія могла теперь разсчитывать на нападеніе съ тылу. Вмѣсто изолированной франко-прусской войны, получалось европейское столкновеніе невиданнаго со временъ Наполеона I масштаба. Это заставляло задуматься. Есть всѣ основанія предполагать, что Бисмаркъ зналъ истинную цѣну фанфаронадамъ генерала Буланже: безусловной необходимости воевать для Германіи еще не было. Но что сейчасъ война была бы выгоднѣе нѣмцамъ, которые, по словамъ Мольтке, были готовы, какъ никогда,—чѣмъ французамъ, только что приступившимъ къ перевооруженію своей арміи малокалибернымъ ружьемъ, въ этомъ также нельзя было сомнѣваться. Какъ опытный дипломатъ, Бисмаркъ умѣлъ пользоваться провокаціей и въ международныхъ отношеніяхъ: если нельзя объявить войну Франціи, не рискуя нажить хлопотъ на восточной границѣ, то нельзя ли заставить Францію объявить Германской имперіи войну? Увидѣвъ французовъ въ роли нападающихъ, Россіи будетъ вдвое труднѣе разорвать дружбу со старымъ Вильгельмомъ I, — дружбу, еще недавно заново скрѣпленную скерневицкимъ соглашеніемъ 1884 года, которому, формально, и срокъ еще не вышелъ (онъ истекалъ лишь въ сентябрѣ 1887 года). Зная темпераментъ генерала Буланже, съ одной стороны, нараставшій шовинизмъ французской буржуазіи, съ другой, на какую-нибудь необдуманность со стороны Франціи можно было разсчитывать съ достаточной степенью вѣроятности, — если только умѣло взяться за дѣло. На такой почвѣ выросъ „инцидентъ Шнебеле“, арестъ французскаго чиновника на германской почвѣ по обвиненію въ измѣнѣ... Германской имперіи. Но признательность русскаго двора къ его новому другу помогла послѣднему выдержать и это испытаніе. Русскій императоръ написалъ Вильгельму I письмо, изъ котораго видно было, что русское правительство понимаетъ арестъ Шнебеле именно какъ провокацію и сообразно съ этимъ будетъ дѣйствовать. Къ большому огорченію Мольтке, войну пришлось отложить — Флурансъ могъ торжествовать еще разъ.

Пріемъ болгарской депутаціи французскимъ министромъ имѣлъ мѣсто въ первыхъ числахъ января, а „инцидентъ Шнебеле“ могъ считаться исчерпаннымъ къ концу апрѣля; четыре мѣсяца, отдѣляющіе эти два событія, весна 1887 г., была весною и русско-французскаго союза. Новые друзья Россіи не прочь были формально закрѣпить его тогда же; но въ этотъ моментъ русскій

---

[1]) Hansen, op. cit., 30—31, со словъ барона Моренгейма, тогдашняго русскаго посла въ Парижѣ.

кабинетъ еще не чувствовалъ себя готовымъ формально стать союзникомъ республики, внутренняя политика, которой продолжала возбуждать въ немъ нѣкоторыя сомнѣнія. Республика должна была представить своего рода свидѣтельство о благонадежности,—а она могла это сдѣлать, какъ увидимъ, только къ концу десятилѣтія, въ 1890 году. До этого времени Флурансъ и его коллеги должны были довольствоваться „добрыми чувствами" русскаго правительства, не обезпеченными никакой юридической гарантіей. Пока это былъ еще не союзъ въ собственномъ смыслѣ этого слова (alliance), а только „доброе согласіе", или „взаимное пониманіе", какъ можно, грубо этимологически, перевести слово „entente".

Приведетъ ли оно къ чему-нибудь болѣе прочному, весною 1887 года этого еще нельзя было сказать навѣрное. Въ прошломъ дипломатическихъ отношеній между обѣими странами были моменты, когда „доброе согласіе" казалось еще болѣе обезпеченнымъ, но какая-нибудь несчастная случайность всегда мѣшала дѣлу дойти до конца. Присматриваясь къ этимъ прошлымъ неудачнымъ попыткамъ русско-французскаго союза, можно, однако, замѣтить, что случайности не лишены были нѣкоторой системы. Въ первый разъ, послѣ наполеоновскихъ войнъ, о „союзѣ" зашла рѣчь въ тѣ дни, когда армія Николая Павловича начала испытывать нѣкоторыя затрудненія въ своей задунайской кампаніи 1828 года. На престолѣ Франціи сидѣлъ тогда послѣдній Бурбонъ, Карлъ X, по своимъ политическимъ симпатіямъ и антипатіямъ, какъ нельзя быть болѣе солидарный съ русскимъ государемъ, который искалъ теперь его помощи. Въ обмѣнъ за эту послѣднюю, Николай предлагалъ, во-первыхъ, Алжиръ (какъ видимъ, награждать за услуги въ Азіи кусками Африки было уже и тогда въ обычаѣ), а во-вторыхъ, нѣкоторыя перспективы на возвращеніе Франціи ея „естественныхъ границъ", т.-е. западнаго берега Рейна. Министровъ Карла X особенно соблазняли эти перспективы, по поводу которыхъ королю былъ представленъ очень краснорѣчивый докладъ, написанный Шатобріаномъ. Союзъ скоро сталъ нужнѣе Франціи, чѣмъ Россіи, потому что изъ своихъ балканскихъ затрудненій Николаю Павловичу, благодаря побѣдамъ Дибича, скоро удалось высвободиться [1]). Но къ Франціи Карла X, однако, онъ и послѣ этого продолжалъ относиться благосклонно, и нѣкоторые свидѣтели не считаютъ невозможнымъ, что самый договоръ русско-французскаго союза былъ уже составленъ, если не ратификованъ окончательно. Но съ нимъ, во всякомъ случаѣ, не спѣшили; а французскій народъ, со свойственной ему нетерпѣливостью, не сталъ ждать, пока политика Карла X принесетъ всѣ возможные плоды. Іюльская революція низвергла послѣдняго Бурбона, а какъ Николай Павловичъ относился къ его преемнику, это мы уже видѣли въ

[1]) См. главу „Восточная политика Николая I," во второмъ томѣ настоящей „Исторіи", стран. 583 и слѣд.

своемъ мѣстѣ. Нараставшее отчужденіе отъ новой, буржуазной и капиталистической, Франціи закончилось крымской войной. Мы опять-таки уже видѣли, что этотъ тяжелый урокъ не прошелъ безслѣдно. Французскій императоръ, сравнительно съ которымъ столь презиравшійся Николаемъ Людовикъ-Филиппъ былъ образцомъ аристократизма и законности, сталъ на время другомъ и даже покровителемъ. Но страхъ прошелъ, а привычки остались. Уже съ 1863 года Россія шла по привычной, торной дорогѣ, рука объ руку съ юнкерской Пруссіей, находя и ее, по временамъ, черезчуръ радикальной. Въ 1870 году ничто не могло заставить русскій кабинетъ сойти съ этого пути. Не только Россія все время держала за руки Австрію, не только просьба императрицы Евгеніи о русскомъ посредничествѣ осталась безъ всякаго отвѣта, но еще, что менѣе извѣстно, русское правительство избавило Пруссію отъ крайне неудобной для нея диверсіи со стороны французскаго флота на Балтійскомъ морѣ. Французы могли разсчитывать на успѣхъ, лишь пользуясь датскими гаванями. Данія, помня 1864 годъ, вѣроятно, не очень расположена была этому противиться; въ свое оправданіе она всегда могла сослаться на force majeure, ибо, дѣйствительно, между датскими морскими силами и флотомъ второй въ то время въ Европѣ морской державы не было никакого соотвѣтствія. Но русскій посланникъ въ Копенгагенѣ рѣшилъ дѣло; по его настоянію, русское правительство формально заявило, что вмѣшательство Даніи во франко-прусскую войну вызоветъ немедленное вмѣшательство въ войну Россіи. Флотъ Наполеона III остался безъ базы въ Балтійскомъ морѣ, и какъ извѣстно, его операціи тамъ кончились ничѣмъ; пруссаки могли спокойно увести всѣ свои войска во Францію, не боясь, что имъ высадятъ десантъ въ тылу. Стоитъ отмѣтить, что достигшій этого русскій дипломатъ былъ тотъ самый баронъ Моренгеймъ, который впослѣдствіи, въ Парижѣ, былъ однимъ изъ творцовъ русско-французскаго „добраго согласія“. Это былъ его первый дипломатическій успѣхъ, съ него началась его карьера [1]).

Какъ это ни странно, но превращеніе Франціи въ республику скорѣе улучшило, чѣмъ ухудшило взаимныя отношенія. Наскоро надѣвшіе на себя фригійскій колпакъ роялисты временъ Тьера и Макъ-Магона казались въ Петербургѣ гораздо болѣе благонадежными, нежели слуги демократической, хотя бы только по вывѣскѣ, диктатуры Бонапартовъ. Уже въ правительствѣ національной обороны Россія имѣла друга въ лицѣ графа Шодорди, директора дипломатической канцеляріи при Гамбеттѣ, того самаго, что такъ энергично противился приглашенію Гарибальди во Францію и усердно звалъ на службу республикѣ 4 сентября папскихъ зуавовъ и бретонскихъ шуановъ; того самаго, который по поводу занятія Рима войсками Виктора Эммануила счелъ нужнымъ прежде всего другого напомнить, что Франція

[1]) Hansen, o. c., IX.

Кн. Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

Съ фотографическаго портрета.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

18

и въ ея новомъ, республиканскомъ костюмѣ остается „старшей дочерью католической церкви“. На константинопольской конференціи въ январѣ 1877 года онъ былъ „съ русскими“, конечно, не потому только, что пославшій его на эту конференцію Макъ-Магонъ приказалъ ему быть съ ними [1]). Между французскими дипломатами этого типа и руководителемъ русской внѣшней политики, кн. Горчаковымъ, скоро установились очень теплыя, почти интимныя отношенія. Французскій посолъ въ Петербургѣ, генералъ Лефло, былъ человѣкъ, совершенно чуждый политикѣ, и въ этомъ кн. Горчаковъ не безъ основанія видѣлъ его большое преимущество. Александръ II, видимо, цѣнилъ его. Когда въ 1875 году русскій императоръ своимъ вмѣшательствомъ предотвратилъ рецидивъ франко-прусской войны [2]), это было столько же результатомъ добрыхъ личныхъ отношеній, сколько симптомомъ начинавшагося поворота въ русской внѣшней политикѣ. И надо было, чтобы внутренняя политика Франціи испортила именно эти личныя отношенія, когда они только что такъ хорошо наладились. Осенью 1877 года режимъ Макъ-Магона палъ, и мѣсто костюмированныхъ роялистовъ и бонапартистовъ заняли люди, имѣвшіе нѣкоторое право говорить о республикѣ. На берлинскомъ конгрессѣ Францію представлялъ уже не Шодорди, а Ваддингтонъ, который былъ не „съ русскими“, а „съ англичанами“. Дѣло „союза“ опять потонуло на много лѣтъ.

Оно, однако же, должно было выплыть рано или поздно. Если Франція хотѣла вести активную внѣшнюю политику, а не превратиться въ государство, такъ сказать, по профессіи „мирное“, какъ Бельгія или Швейцарія, она не могла обойтись безъ союзника на европейскомъ континентѣ. По совершенно справедливой оцѣнкѣ одного военнаго авторитета, главное значеніе той ампутаціи, которую совершили надъ Франціей въ 1871 году, отрѣзавъ отъ нея Лотарингію и Эльзасъ, было не въ оскорбленіи національнаго самолюбія французовъ — моральные факторы рѣдко имѣютъ рѣшающее значеніе въ вопросахъ внѣшней политики,—а въ томъ, что Франція стратегически попала въ положеніе по крайней мѣрѣ втрое худшее, чѣмъ ея восточная сосѣдка. Въ то время, какъ разгромъ германской арміи въ первыхъ битвахъ на границѣ означалъ для этой арміи только отступленіе за Рейнъ — не болѣе, и даже послѣ потери линіи Рейна Берлинъ оставался достаточно прикрытымъ, для французовъ первая же неудача означала перенесеніе театра войны подъ стѣны Парижа и повтореніе всѣхъ ужасовъ осады 1870—71 годовъ. Побѣдить въ первомъ же сраженіи для нѣмцевъ было бы лишь очень желательно — для Франціи было необходимо [1]). Но другого цѣннаго въ

[1]) „Vous serez avec les Russes!“—сказалъ президентъ республики Шодорди на прощальной аудіенціи. См. Daudet, op. cit., p. 69.

[2]) См. объ этомъ выше, „Восточный вопросъ“ въ т. VI, стр. 15 и слѣд.

[1]) См. Stoffel, „De la possibilité d'une future alliance franco-allemande“. Авторъ дѣлаетъ изъ этого факта иные выводы, чѣмъ

военномъ отношеніи союзника противъ Германіи, кромѣ Россіи, найти было негдѣ. Вотъ отчего французскіе націоналисты всѣхъ оттѣнковъ всегда сходились на руссофильствѣ, а скептическое отношеніе къ Россіи сдѣлалось удѣломъ группъ и партій, отказывавшихся отъ активной политики, — хотя бы только для Европы. Сторонники франко-германскаго соглашенія, какъ и сторонники союза Франціи съ Австріей, всегда представляли ничтожное исключеніе. Корресподентъ націоналистскаго „Gaulois", бывшій въ Россіи на коронаціи Александра III, въ 1883 году, больше всего былъ занятъ вопросомъ о возможности русско-французскаго союза. Онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ непопулярность, какъ ему кажется, нѣмцевъ среди русскаго народа и съ тревогой—вліяніе ихъ въ правящихъ кругахъ. Онъ охотнѣе всего устроилъ бы тройственный союзъ противъ Германіи изъ Франціи, Россіи и Австріи, но въ крайнемъ случаѣ готовъ удовлетвориться и двумя первыми. И если горячія рѣчи и тосты въ честь Франціи на банкетѣ, устроенномъ русскими журналистами своимъ иностраннымъ коллегамъ (пили, между прочимъ, и за возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи французамъ), оставляютъ его довольно холоднымъ, то больше потому, что онъ хорошо сознаетъ все ничтожество русской прессы, какъ политической силы. Онъ больше надѣется на русское правительство, чѣмъ на русское общественное мнѣніе, а боится больше всего, какъ бы Россія не попала въ руки „нигилистовъ" [1]).

Это опасливое вниманіе къ таинственной силѣ, одинаково враждебной какъ буржуазіи, такъ и самодержавію, отнюдь не было личной особенностью нашего автора Мы скоро увидимъ, что именно „нигилистамъ" суждено было стать сначала яблокомъ раздора, а потомъ, въ извѣстномъ смыслѣ, залогомъ согласія двухъ правительствъ. Но не только симпатіи и опасенія, а и стратегическіе расчеты, сами по себѣ, не могли бы намъ объяснить, почему былъ заключенъ въ исходѣ восьмидесятыхъ годовъ союзъ, съ точки зрѣнія военной логики необходимый уже въ семидесятыхъ. Причины двѣнадцатилѣтней оттяжки рѣшительнаго момента приходится искать около самой оси всякой внѣшней политики—въ области экономическихъ отношеній.

Франко-прусская война положила конецъ не только господству династіи Бонапартовъ во Франціи, но и всякимъ надеждамъ на господство французскаго капитализма надъ капиталистической Европой. Уже всемірная выставка 1867 года показала французскимъ предпринимателямъ, что они занимаютъ на европейскомъ рынкѣ не второе мѣсто (перваго никто еще не рѣшался оспаривать у Англіи), а, пожалуй, третье. Война и созданный ею пятимилліардный долгъ Франціи нѣмцамъ рѣшили дѣло окончательно. Французскія „сбереженія" цѣлыхъ

сдѣлала исторія, но мы беремъ лишь его военные аргументы.

[1]) Louis Test, „Alexandre III et la Russie, lettre au *Gaulois*", Paris 1883.

пять лѣтъ должны были идти на оплодотвореніе не національной, а чужой, германской, промышленности. Когда, въ половинѣ семидесятыхъ годовъ, это кровопусканіе закончилось, объ обратномъ отвоеваніи потеряннаго европейскаго рынка такъ же мало могла идти рѣчь, какъ и о возвращеніи отнятыхъ въ 1871 году восточныхъ департаментовъ. Приходилось искать сбыта гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Отвѣтомъ на эту потребность и была колоніальная политика Жюля Ферри (1880 — 1885). Впослѣдствіи, когда эта политика потерпѣла неудачу, французскіе публицисты изъ руссофильскаго лагеря и здѣсь усмотрѣли „интригу" князя Бисмарка, толкнувшаго, будто бы, республику въ заморскія авантюры, чтобы развязать себѣ руки въ Европѣ. Но германскій канцлеръ былъ тутъ не причемъ: націоналистская публицистика смѣшала причину со слѣдствіемъ. Это Жюлю Ферри нужно было поддерживать хорошія отношенія съ Германіей, чтобы нечаянныя европейскія осложненія не испортили ему какъ-нибудь внѣевропейскихъ конъюнктуръ; а къ этимъ послѣднимъ его толкала экономическая необходимость. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что правленіе Ферри отмѣчено одновременно и чѣмъ-то въ родѣ entente franco-allemande и рядомъ колоніальныхъ захватовъ. Первой намѣченной жертвой французскаго капитализма, въ новой стадіи его развитія, сталъ Тунисъ. Но полуварварская страна съ ограниченными потребностями могла служить лишь очень плохой замѣной утраченнаго въ Европѣ. Въ болѣе далекихъ областяхъ восточной Азіи, на границахъ захваченной еще Наполеономъ III Кохинхины, французская промышленность могла найти потребителя совсѣмъ иного рода, въ лицѣ многолюднаго, трудолюбиваго и, относительно, высококультурнаго населенія южнаго Китая. Какъ набѣги кочевыхъ племенъ на границы Алжира, набѣги, на которые до конца семидесятыхъ годовъ никто не обращалъ рѣшительно никакого вниманія, — дали предлогъ къ оккупаціи Туниса, такъ испоконъ вѣка грабившіе аннамитскіе разбойники въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ вдругъ обезпокоили французское правительство: явился поводъ для тонкинской экспедиціи. То было главное поле битвы французскаго колоніализма: война съ аннамитскими разбойниками очень скоро перешла въ форменную, хотя и не объявленную формально, войну съ Китаемъ. Падающая на этотъ же періодъ первая экспедиція на Мадагаскаръ была, сравнительно съ тонкинской войной, ничтожнымъ боковымъ отвѣтвленіемъ колоніальной политики Франціи въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Но и въ этомъ мелкомъ дѣлѣ, какъ и въ самомъ крупномъ, Жюля Ферри ждали одинаковыя неудачи. Въ Тунисѣ французы третьей республики оказались такими же усердными администраторами и такими же несчастливыми колонистами, какими были они въ заморскихъ странахъ въ дни Кольбера. Захватъ Туниса европейцами открылъ туда дорогу не французской, а итальянской колонизаціи. Въ то время какъ

въ 1881 году въ Тунисѣ было всего 20.000 итальянцевъ, въ 1896 ихъ считали уже 50.000. Но еще хуже кончилась восточно-азіатская авантюра: франко-китайская война ознаменовалась событіемъ, совершенно неслыханнымъ и непріятнымъ для Франціи не только въ своемъ мѣстномъ значеніи, но и какъ симптомъ того, что французская военная сила страдаетъ едва ли не такими же дефектами, какъ и въ 1870 году. Французскія войска вынуждены были отступить передъ китайцами, и какъ ни старалась патріотическая французская пресса объяснить эту неудачу отчасти недостаткомъ снарядовъ, отчасти мудрыми стратегическими расчетами французскихъ генераловъ, не понятными для непосвященныхъ, — она только лишній разъ досадно напоминала аналогичныя объясненія военнаго министра второй имперіи послѣ мецскихъ неудачъ арміи Базена. 322 милліона франковъ денегъ, брошенныхъ на вѣтеръ, и десять тысячъ человѣческихъ жизней составили итогъ Тонкина; этого итога оказалось достаточно, чтобы Жюль Ферри сдѣлался на нѣсколько лѣтъ самымъ непопулярнымъ человѣкомъ во Франціи.

Изъ колоніальной политики ничего не выходило—надо было искать выхода въ другомъ мѣстѣ. Весною 1885 года кончилась политическая карьера Ферри, а годъ спустя одинъ бойкій публицистъ, ухитрявшійся быть патріотомъ двухъ странъ одновременно, и Россіи и Франціи, уже прославлялъ финансовое могущество Франціи на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей". А еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя президентъ французской республики, отпуская съ однимъ интимнымъ порученіемъ въ Россію другого патріота двухъ отечествъ, въ числѣ прочихъ аргументовъ желательности русско-французскаго сближенія, приводилъ и ту поддержку, какую могутъ оказать Россіи французскіе капиталы. Въ то же самое время одинъ мелкій банкирскій домъ Парижа, дѣлавшій свою карьеру на „добромъ согласіи" самодержавной монархіи и демократической республики, сталъ публиковать особенно подробные и тщательные отчеты о положеніи русскихъ финансовъ. Изъ отчетовъ, предназначенныхъ для французской публики, вытекало, разумѣется, что у насъ все обстоитъ болѣе, чѣмъ благополучно [1]).

Звѣрь бѣжалъ въ данномъ случаѣ на ловца. До сихъ поръ роль придворнаго маклера по части заграничныхъ займовъ играли въ Россіи берлинскіе банкиры. Ихъ кліэнтелой была нѣмецкая буржуазія. Но нѣмецкому капиталу было достаточно дѣлъ у себя дома, чтобы идти за границу на слишкомъ льготныхъ для этой заграницы условіяхъ. Къ тому же колоніальная горячка была своего рода эпидемической болѣзнью, переходившей изъ страны въ страну: какъ разъ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ первые пароксизмы этой болѣзни начинали чувствоваться уже въ Германіи. Различныя экзотическія бумаги пользовались на берлинской биржѣ гораздо большимъ фаворомъ, чѣмъ русскія. Обостреніе политическихъ

[1]) См. E. de Cyon (sic!), „Histoire de l'entente franco-russe", p. 142. Hansen, „Alliance fr.-r.", 37.

отношеній изъ-за Болгаріи докончило дѣло. Союзница Австріи, Германія, прямо была заинтересована въ томъ, чтобы лишить Россію финансовой возможности начать войну противъ покровительницы болгарскихъ „мятежниковъ“. Малый интересъ, который представляли русскіе займы для нѣмецкаго рынка, позволялъ вести противъ этихъ послѣднихъ прямую кампанію, не особенно стѣсняясь. Дошло до того, что имперскій банкъ вовсе отказался принимать въ залогъ долговыя обязательства русскаго правительства, а по его примѣру стали бойкотировать русскія цѣнности и частные банки. Если этимъ надѣялись загнать русскаго министра финансовъ въ тупикъ, то, нужно сказать, моментъ былъ выбранъ не слишкомъ удачно. Деньги давно такъ не были дешевы на европейскомъ рынкѣ, какъ въ 1887—1888 годахъ: сравнительно съ началомъ десятилѣтія доходность капиталовъ упала на 10 и даже на 12% [1]). Въ то самое время, какъ германскіе капиталисты почувствовали вкусъ къ заморскимъ прѣдпріятіямъ, къ нимъ утратили вкусъ французскіе. Вопросъ о томъ, кому первому принадлежитъ идея „связать два народа союзомъ интересовъ“ и дать, такъ сказать, металлическую прочность русско-французскимъ симпатіямъ, вопросъ этотъ былъ предметомъ довольно острой полемики на страницахъ печати извѣстнаго типа. Тотъ патріотъ двухъ странъ, который первый сталъ „восхвалять“ могущество французскаго капитала въ русскихъ газетахъ, приписывалъ всю инициативу себѣ [1]); но, кажется, правильнѣе видѣть здѣсь результатъ сотрудничества цѣлаго ряда биржевыхъ агентовъ. Среди нихъ не послѣднее мѣсто принадлежало одному русскому патріоту, датскаго происхожденія, но натурализованному во Франціи и стоявшему во главѣ той самой парижской банкирской конторы, которая строила свое будущее не столько на зыбкомъ пескѣ чисто биржевыхъ спекуляцій, сколько на солидномъ основаніи политическихъ и даже придворныхъ связей, и потому съ особенной симпатіей относилась къ русскому министерству финансовъ. Исторія перваго займа, заключеннаго при его посредствѣ, не лишена драматическихъ моментовъ и по праву занимаетъ не одну страницу въ лѣтописяхъ русско-французскаго сближенія. Г. Госкье—такъ звали этого банкира,—исполненный безкорыстнаго усердія къ обоюднымъ интересамъ какъ Россіи, такъ и Франціи, сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ изъ Парижа въ Петербургъ, предлагая свои услуги, но все было тщетно. Въ министерствѣ финансовъ привыкли къ Берлину, а еще больше боялись его. Наконецъ, когда соблазнъ воспользоваться дешевымъ кредитомъ сталъ особенно великъ, а отношеніе германскаго правительства къ русскимъ фондамъ не допускало уже болѣе

[1]) Ціонъ. „Итоги финансоваго управленія г. Вышнеградскаго“, Парижъ, 1892, стр. 12.

[1]) „Мысль о перенесеніи рынка нашихъ фондовъ во Францію принадлежитъ мнѣ“— заявлялъ г. Ціонъ въ только что цитированной нами брошюрѣ, стр. 36. Ср. стр. 11—12.

никакихъ иллюзій, г. Госкье получилъ изъ Петербурга приглашеніе прибыть туда для переговоровъ. Путешествіе было обставлено величайшей таинственностью: цѣль визита была извѣстна только ближайше заинтересованнымъ лицамъ, а сношенія велись при помощи шифрованныхъ телеграммъ. Войдя въ роль, парижскій банкиръ одно время думалъ даже ѣхать совсѣмъ конспиративно—подъ чужимъ именемъ; но ему объяснили, что это уже лишнее. Драматическія подробности переговоровъ между представителемъ французской биржи и Вышнеградскимъ, — которому его званіе министра финансовъ не мѣшало, въ сущности, съ такимъ же полнымъ правомъ быть представителемъ биржи русской,—впослѣдствіи оспаривались; и весьма возможно, что все происходило гораздо проще и прозаичнѣе, чѣмъ разсказывали потомъ. Но не было надобности въ ночныхъ свиданіяхъ и тому подобномъ, чтобы нѣкоторая приподнятость тона чувствовалась все время около событій, и достойнѣйшимъ ихъ завершеніемъ была аудіенція, данная парижскому банкиру въ знакъ признательности за оказанныя послѣднимъ Россіи услуги [1]). Мы не будемъ касаться чисто финансовой стороны дѣла — она достаточно детально разсмотрѣна въ другой главѣ настоящей книги [2]). Для насъ важно установить политическое значеніе факта: начиная съ 1888 года судьбы французскаго капитала были тѣсно связаны съ судьбами россійскаго самодержавія. „Французскій народъ,— говоря словами историка союза,— засвидѣтельствовалъ свое горячее желаніе быть связаннымъ съ русскимъ также и общностью интересовъ“. Русскій крестьянинъ, когда изъ него выколачивали недоимку, могъ теперь утѣшать себя мыслью, что деньги за отнятую у него корову пойдутъ, хотя отчасти, въ дружескій карманъ.

Казалось, теперь ничто уже не мѣшало окончательному сближенію и обоихъ правительствъ. Съ обычной точки зрѣнія, разсматривающей франко-русскій союзъ, какъ выраженіе общности военныхъ и, въ особенности, финансовыхъ интересовъ, дѣйствительно остается необъяснимымъ, почему для окончательной формулировки отношеній понадобилось еще три года, временами, довольно томительныхъ переговоровъ. Чтобы понять это, нужно постоянно имѣть въ виду, что у русско-французской дружбы восьмидесятыхъ годовъ, кромѣ политической стороны въ общемъ смыслѣ, была еще сторона политическая въ томъ болѣе спеціальномъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ о „политическомъ преступленіи“ или о „политической полиціи“. Позабывъ объ этой сторонѣ, мы многаго не поймемъ во взаимныхъ отношеніяхъ французской дипломатіи и русскаго двора. Въ Петербургѣ были болѣе вѣрны традиціямъ стараго порядка, чѣмъ, можетъ-быть, гдѣ бы то ни было въ Европѣ. Вещи, совершенно естественныя не только въ республиканской Франціи, но даже и въ монархической Англіи, вызывали

[1]) См. обо всемъ эпизодѣ у Daudet, op. cit., pp. 246 ssq.

[2]) См. „Гос. хоз. Росс.“, стр. 96. въ т. VI.

здѣсь припадки самаго тяжелаго недоумѣнія, парализовавшіе добросовѣстнѣйшія усилія друзей Россіи въ Парижѣ. Твердо помня принципъ невмѣшательства въ дѣла другого государства, когда рѣчь шла о своихъ, русскихъ дѣлахъ, наша офиціальная публицистика ежеминутно забывала его, какъ скоро рѣчь заходила о французскихъ. Катковъ, по поводу котораго одинъ изъ иностранныхъ дипломатовъ иронически выразился однажды, что онъ не знаетъ хорошенько, кто въ Россіи министръ иностранныхъ дѣлъ,—г. Катковъ или г. Гирсъ,— на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ имѣлъ случай обмолвиться какъ-то разъ, что Россія можетъ быть союзницей только *монархической* Франціи, и довольно открыто, — черезъ г. Ціона, — поддерживалъ отношенія съ генераломъ Буланже, котораго республикѣ скоро пришлось судить, какъ заговорщика. Только жгучая потребность въ русской арміи на случай войны съ Германіей и горячія симпатіи парижской биржи къ русскому казначейству могли заставить проглатывать молча подобныя вещи. Съ другой стороны, въ русскихъ сферахъ никакъ не могли привыкнуть къ французскому парламентаризму— къ смѣнѣ министерствъ въ связи съ измѣненіемъ большинства въ палатѣ, хотя, за давней привычкой, подобное же явленіе въ Англіи никого уже не шокировало. „У васъ не знаешь, къ кому обратиться,— совершенно искренно было сказано однажды французскому послу въ Петербургѣ: — сегодня одни люди, завтра другіе“. Къ тому, что вышедшіе изъ рядовъ буржуазныхъ парламентаріевъ министры — такое же „правительство“, какъ и составленное изъ тайныхъ совѣтниковъ и генералъ-адъютантовъ, тоже привыкли не сразу. О французскихъ министрахъ въ Петербургѣ иногда, выражались такъ, что нужно было, опять-таки, очень много доброжелательности, чтобы съ этимъ мириться. Но представители французской буржуазіи, въ качествѣ истинно дѣловыхъ людей, мирились не только съ этимъ. Когда въ 1887 году сформировался радикальный кабинетъ, съ Флоке во главѣ, русскій посолъ вспомнилъ, что когда-то, въ дни юности, Флоке при посѣщеніи русскимъ императоромъ Palais de Justice, позволилъ себѣ крикнуть „Vive la Pologne, monsieur!“ Баронъ Моренгеймъ заявилъ, что съ такимъ президентомъ совѣта онъ не можетъ вести никакихъ сношеній и, вѣроятно, вынужденъ будетъ даже уѣхать изъ Парижа. Президентъ республики (тогда Греви) завелъ съ русскимъ посломъ форменные переговоры... по поводу состава французскаго кабинета. Дома, въ Петербургѣ, потомъ были нѣсколько удивлены такимъ оборотомъ дѣла, находя, что Моренгеймъ не долженъ бы былъ ставить вопросъ такъ круто. Но французскіе парламентскіе круги нашли, повидимому, все дѣло совершенно естественнымъ: въ концѣ-концовъ Флоке отказался отъ принятаго имъ уже на себя порученія составить министерство, мѣсто предсѣдателя совѣта занялъ Рувье, а иностранныя дѣла взялъ Флурансъ, скоро, какъ мы знаемъ, успѣвшій заслужить довѣріе русскаго двора

въ высокой степени. Только въ началѣ слѣдующаго, 1888, года опасность почти неминуемой войны съ Австріей и Германіей изъ-за Болгаріи заставили русскую дипломатію пойти на уступки въ этомъ важномъ вопросѣ; Флоке былъ принятъ въ русскомъ посольствѣ и въ 1889 году Моренгеймъ уже не противился образованію кабинета Флоке, но заявилъ, что затруднился бы вести съ нимъ самимъ офиціальныя сношенія, какъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Флоке очень желалъ именно этого портфеля, но подчинился и на этотъ разъ и уступилъ его Гобле.

Отношенія принимали еще болѣе щекотливый характеръ, когда дѣло заходило не о чувствахъ, а уже объ интересахъ русскаго правительства въ данной области. Три случая этого рода связаны съ исторіей русско-французской дружбы — и только въ послѣднемъ изъ нихъ, такъ сказать, съ третьяго разу, французское правительство оказалось на высотѣ, желательной для его новаго союзника. Первымъ изъ нихъ, если не считать задушеннаго графомъ Шодорди въ самомъ зародышѣ проекта правительства національной обороны помиловать Березовскаго,—было очень нашумѣвшее въ свое время дѣло Гартмана, одного изъ организаторовъ покушенія на имп. Александра II на курской дорогѣ, въ ноябрѣ 1879 года. Избѣгнувъ ареста, онъ нашелъ себѣ убѣжище въ Парижѣ. Когда объ этомъ узнала французская полиція, она, по взаимной солидарности, связывающей всѣ полиціи міра, поспѣшила его арестовать. Но затѣмъ французское правительство стало передъ вопросомъ: что же дѣлать съ Гартманомъ дальше? Русскій посолъ (тогда еще кн. Орловъ) потребовалъ выдачи Гартмана. Министерство Фрейсине отнюдь не хотѣло ссориться съ Россіей — но выдача несомнѣнно политическаго эмигранта настолько противорѣчила вѣками сложившемуся праву убѣжища, чт французскіе министры заколебались. Несмотря на добросовѣстныя усилія кн. Орлова имъ помочь, формулировавъ обвиненіе противъ Гартмана, какъ „покушеніе произвести крушеніе пассажирскаго поѣзда“, Фрейсине и его коллеги не могли принять русскую формулировку — ибо слишкомъ очевидно было, что квалификація преступленія опредѣляется его мотивами, а отнюдь не объектомъ. Гартманъ былъ освобожденъ изъ-подъ ареста и имѣлъ возможность уѣхать въ Америку. Въ Петербургѣ были очень раздосадованы этимъ дѣломъ и долго его помнили. Кн. Орловъ получилъ приказаніе уѣхать въ отпускъ—и уѣхалъ весьма демонстративно, не сдѣлавъ ни одного офиціальнаго визита. Но въ тѣ дни о союзѣ не было рѣчи, и французское правительство не очень больно почувствовало ударъ. Въ гораздо болѣе деликатное положеніе попало министерство того же Фрейсине, когда въ 1885 году оно амнистировало кн. Кропоткина, въ качествѣ анархиста отбывавшаго наказаніе по приговору французскаго суда. Весьма возможно, что въ Парижѣ просто не отдавали себѣ яснаго отчета относительно значенія Кропоткина

въ русской революціи и были не мало удивлены, когда узнали отъ ген. Аппера, что, по петербургскимъ представленіямъ, этотъ актъ французскаго правительства дѣлаетъ союзъ едва ли не навсегда не возможнымъ. Только въ 1890 году правительству республики удалось взять реваншъ за всѣ свои неудачи на этомъ поприщѣ, но, нужно сказать, реваншъ былъ блестящій [1]).

Весной 1890 года русскій министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до свѣдѣнія французскаго правительства, что въ Парижѣ, по его свѣдѣніямъ, готовится заговоръ. Свѣдѣнія были безусловно точны, и русскіе агенты во Франціи скоро указали мѣстной полиціи тѣхъ лицъ, которыя принадлежали къ организаціи. Имъ тѣмъ легче было это сдѣлать, что во главѣ всего предпріятія стоялъ тоже русскій полицейскій агентъ, нѣкто Ландезенъ, подъ другимъ именемъ игравшій впослѣдствіи видную политическую роль. Была ли эта подробность неизвѣстна барону Моренгейму, или онъ очень торопился закрѣпить русско-французское „доброе согласіе“ еще прочнѣе, чѣмъ это могли сдѣлать займы, но только онъ требовалъ отъ французскаго министра внутреннихъ дѣлъ, извѣстнаго своей энергіей Констана, немедленнаго ареста нигилистовъ. Но французской полиціи—вѣроятнѣе всего черезъ Ландезена—извѣстно было, повидимому, что заговоръ еще весьма далекъ отъ полной зрѣлости, а декорумъ, который и въ этомъ дѣлѣ хотѣло сохранить республиканское правительство, требовалъ, чтобы виновные были захвачены непремѣнно съ поличнымъ, съ ихъ „адскими машинами“. Пока Ландезенъ не доставилъ, куда слѣдуетъ, этихъ „машинъ“, все дѣло могло быть манкировано изъ-за чрезмѣрной торопливости. Констанъ даже явно бравировалъ положеніемъ, собравшись уѣхать изъ Парижа вмѣстѣ съ президентомъ Карно и запретивъ своимъ агентамъ приступать къ аресту до его возвращенія. Моренгеймъ, крайне встревоженный этой непонятной для него небрежностью, обратился съ новыми настояніями уже къ премьеру Рувье и къ министру иностранныхъ дѣлъ и, заручившись ихъ согласіемъ, поспѣшилъ повидать Констана уже на Ліонскомъ вокзалѣ, гдѣ тотъ дожидался Карно. Главный начальникъ французской полиціи еще разъ успокоилъ русскаго дипломата и весьма ловко использовалъ его необычайный визитъ для новой франко-русской демонстраціи: какъ разъ въ эту минуту президентъ республики прибылъ на вокзалъ, и Моренгеймъ, конечно, долженъ былъ, вмѣстѣ съ Констаномъ, его привѣтствовать. Карно былъ очень польщенъ, а газеты на другой день отмѣтили этотъ фактъ, обставивъ его соотвѣтствующими комментаріями. Невольный виновникъ торжества въ эту минуту былъ у крайняго предѣла отчаянія: ему

[1]) Нижеслѣдующій эпизодъ хорошо извѣстенъ всѣмъ, кому приходилось читать „Былое“ послѣднихъ лѣтъ. Но такъ какъ эти книжки журнала врядъ ли имѣли большое распространеніе, къ тому же послѣдняя публикація Hansen'а (Ambassade de Mohrenheim) даетъ двѣ-три новыхъ детали, мы находимъ не лишнимъ изложить его здѣсь.

только что донесли, что главный изъ русскихъ нигилистовъ не сегодня-завтра уѣзжаетъ въ Россію. За Констаномъ послали чиновника въ провинцію, чтобы добыть отъ него необходимый приказъ. Но министръ внутреннихъ дѣлъ выдержалъ характеръ до конца и арестовалъ „нигилистовъ“ только послѣ своего возвращенія въ Парижъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ руководился правильнымъ представленіемъ о дѣлѣ, отказываясь торопиться; хотя заговорщиковъ судили и безъ присяжныхъ, обвинивъ ихъ не въ заговорѣ, а только въ храненіи взрывчатыхъ веществъ съ преступными цѣлями, все же не обошлось безъ оправдательныхъ приговоровъ; улики были еще не всѣ на лицо. Но русское правительство было довольно и этимъ: какъ никакъ, а это была первая услуга на томъ поприщѣ, гдѣ услуги всего болѣе цѣнились. Моренгеймъ офиціально благодарилъ французское правительство, и одинъ очень хорошо освѣдомленный въ закулисной сторонѣ дѣла свидѣтель, не обинуясь увѣряетъ, что только съ этой минуты окончательно была признана возможной прочная дружба съ Франціей [1]). День 29 мая 1890 года — день ареста русскихъ „нигилистовъ“ — сдѣлался одной изъ самыхъ знаменательныхъ датъ въ исторіи русско-французскаго союза.

Такъ исполнила, наконецъ, республика то обѣщаніе, которое давалъ нѣкогда графу Шодорди Гамбетта, настаивая, чтобы тотъ принялъ постъ русскаго посла въ Петербургѣ: сдѣлать все, что потребуетъ русское правительство въ интересахъ его борьбы съ революціонерами. Съ прозорливостью крупнаго государственнаго человѣка вождь оппортюнистовъ правильно нащупалъ нервъ всего дѣла. И теперь, зная, какое значеніе придавалось въ Петербургѣ этой политической сторонѣ „добраго согласія“, мы не удивимся, встрѣчая на страницахъ исторіи союза на каждомъ шагу имя Рачковскаго — имя хорошо извѣстное русской публикѣ, чтобы оно нуждалось въ комментаріяхъ.

Майскія событія 1890 года разбили ледъ—и съ тѣхъ поръ дѣло пошло быстрымъ ходомъ. Уже конецъ этого года отмѣченъ первой офиціальной манифестаціей „добраго согласія“ Франціи и Россіи: президентъ республики получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, министры Фрейсине (военный) и Рибо (иностранныхъ дѣлъ)—ленты Александра Невскаго. Въ то же время весьма быстро пришли къ желательному результату уже довольно давно тянувшіеся переговоры о манифестаціи, несравненно болѣе широкой. Французскій посолъ въ Петербургѣ, де-Лабулэ, давно хлопоталъ, чтобы Россія офиціально приняла депутацію военной Франціи — въ лицѣ эскадры французскаго военнаго флота, со времени крымской кампаніи ни разу не бывавшаго въ русскихъ водахъ. Зимою 1890—1891 года и это дѣло было окончательно улажено, и въ іюлѣ 1891 г. четыре французскихъ броненосца, командуемые адмираломъ Жервэ, пришли въ Кронштадтъ. Это было, можно сказать,

---

[1]) Hansen, „Mohrenheim“, p. 115.

русско-французское лѣто, какъ весна 1887 года была весною „добраго согласія“ двухъ правительствъ. Въ Москвѣ въ эти же мѣсяцы была устроена выставка произведеній французскаго искусства и промышленности, главнымъ организаторомъ которой былъ тотъ же знаменитый Флурансъ, теперь уже не бывшій министромъ, но остававшійся, тѣмъ не менѣе, добрымъ геніемъ русско-французской дружбы. Встрѣча французскихъ моряковъ населеніемъ Петербурга—современные наблюдатели почему-то отмѣчали на первомъ мѣстѣ чиновниковъ и офицеровъ, но нѣтъ сомнѣнія, что и „véritable peuple russe“ дѣйствительно въ большомъ количествѣ былъ на улицахъ — была „незабвеннымъ событіемъ“. Особенно яркимъ проявленіемъ дружбы къ Франціи казалось явное сочувствіе русской публики къ *марсельезѣ*. Одинъ очевидецъ передаетъ такой трогательный фактъ: въ циркѣ, во время представленія какой-то батальной пьесы, на аренѣ маршировали отряды войскъ разныхъ націй подъ звуки соотвѣтствующихъ національныхъ гимновъ. Когда появились зуавы и послышалась марсельеза, восторгъ зрителей не зналъ предѣловъ: они успокоились не прежде, чѣмъ французскій гимнъ былъ повторенъ нѣсколько разъ. Это наглядное доказательство любви русскихъ къ Франціи произвело на умы французскихъ наблюдателей неизгладимое впечатлѣніе. Марсельезу слушалъ, съ непокрытой головой, и самъ императоръ... Нѣтъ надобности говорить, что французскихъ наблюдателей это приводило въ еще большій восторгъ, чѣмъ все остальное. Но уже тогда русская публика, при нѣсколько болѣе критическомъ отношеніи къ дѣлу, могла бы убѣдиться, что въ дни третьей республики великій гимнъ свободы, неразрывно ассоціировавшійся въ умахъ русской молодежи съ великой революціей, имѣетъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ имѣлъ онъ въ 1792 году.

Народные восторги не мѣшали, однако, заботиться и о дѣловой сторонѣ союза. Въ августѣ того же 1891 года отношенія Россіи и Франціи впервые были закрѣплены документально формальнымъ соглашеніемъ, въ силу котораго каждая изъ договаривающихся сторонъ обязывалась всѣми средствами помогать другой въ случаѣ нападенія на послѣднюю какой-либо третьей державы. Около того же времени французскія казенныя фабрики приняли заказъ на изготовленіе ружей для русской арміи, и былъ поставленъ вопросъ о дополненіи дипломатическаго договора военной конвенціей, подобной той, которая связывала, съ 1888 года, государства тройственнаго союза (Германію, Австрію и Италію). Инціатива и здѣсь шла отъ французскаго правительства, подтверждая этимъ наблюденіе, которое мы не разъ уже имѣли случай сдѣлать: что союзъ былъ гораздо нужнѣе Франціи, чѣмъ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, Россіи соглашеніе Германіи съ Австріей въ 1879 году (лишь почти десять лѣтъ спустя, въ виду русско-французскаго „добраго согласія“, дополненное привлеченіемъ къ союзу и Италіи, конкурировавшей съ Фран-

ціей изъ - за Туниса) угрожало только со стороны Балканскаго полуострова, гдѣ, несмотря на весь славянофильскій шумъ и семидесятыхъ годовъ и позднѣе, крайне трудно разыскать кровные русскіе интересы. Оттого австро-германскій союзъ и не мѣшалъ ни скерневицкому соглашенію 1884 года, ни позднѣйшимъ проявленіямъ русско-германской дружбы, тогда какъ Франція все время была подъ страхомъ новаго нѣмецкаго нашествія, и 1887 годъ могъ объ этомъ только еще разъ напомнить. Осенью 1892 г. военная конвенція была подписана генералами Буадеффромъ и Обручевымъ, начальниками штабовъ обѣихъ армій — французской и русской. Содержаніе ея осталось, конечно, абсолютнымъ секретомъ.

Окончательной ратификаціи какъ этой конвенціи, такъ и предварительнаго соглашенія, подписаннаго Рувье и Моренгеймомъ въ августѣ 1892 года, едва не помѣшала снова внутренняя политика Франціи, нагнавшая еще разъ послѣднее облачко на безоблачный, казалось бы, горизонтъ русско-французской дружбы. Облачкомъ на этотъ разъ была знаменитая Панама. Широкій доступъ, открытый къ фондамъ знаменитой компаніи для нѣкоторыхъ—весьма многихъ—политическихъ дѣятелей Франціи, съ одной стороны, тѣсная близость этихъ дѣятелей и русскихъ „сферъ"—съ другой, сами по себѣ, такъ сказать, a priori наводили на искушеніе спросить: а не простиралась ли близость и на эти фонды? Таинственный чекъ на 500.000 франковъ, получатель котораго былъ покрытъ маской, непроницаемой даже для слѣдственной комиссіи, которая, видимо, боялась, какъ бы неосторожное показаніе кого-нибудь изъ свидѣтелей не сорвало этой маски, и съ этой цѣлью вела по отношенію къ данному именно чеку политику, вызывавшую общее недоумѣніе — явное давленіе на соотвѣтствующихъ свидѣтелей со стороны довѣренныхъ агентовъ русскаго посольства,—все это наводило на ту же ассоціацію идей уже a posteriori. Корреспондентъ одной венгерской газеты назвалъ имя барона Моренгейма въ связи съ Панамой, и, хотя министерство Рибо поспѣшило арестовать корреспондента и выслать его изъ Парижа, въ Петербургѣ все это произвело какъ нельзя быть болѣе тягостное впечатлѣніе. Моренгеймъ угрожалъ, что онъ будетъ отозванъ и на его мѣсто никто не явится. Вдобавокъ дипломатическія, повидимому, соображенія мѣшали русскому послу разрѣшить дѣло наиболѣе простымъ и убѣдительнымъ для всѣхъ образомъ — привлекши клеветниковъ къ суду; а дуэль одного изъ друзей русскаго посольства съ авторомъ особенно обидной для послѣдняго статьи мало разъяснила вопросъ. Въ концѣ-концовъ, не осталось ничего другого, какъ покрыть инцидентъ забвеніемъ и „перейти къ текущимъ дѣламъ". Карно очень охотно пошелъ навстрѣчу такому исходу, написавъ нѣчто въ родѣ извинительнаго письма. Осенью 1893 года русская эскадра въ Тулонѣ отвѣтила на кронштадтскій визитъ французовъ — отвѣтъ былъ задержанъ на годъ именно тѣми тягостными событіями, которыя мы только

что описали,—и французская публика своимъ восторгомъ далеко затмила все, что могъ показать холодный Петербургъ въ 1891 году. А весной 1894 года окончательный актъ оборонительнаго союза Россіи и Франціи былъ подписанъ одновременно въ Парижѣ и Петербургѣ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Казимиромъ Перье, съ одной стороны, и русскимъ, Гирсомъ,—съ другой.

II.

Въ поискахъ внѣшняго рынка.

1. Средняя Азія.

Русско-французскій союзъ прочно спаялъ судьбы русскихъ финансовъ—а черезъ нихъ и господствующаго въ Россіи политическаго строя—съ судьбами европейскаго капитализма. Но развитію капиталистическихъ отношеній въ самой Россіи союзъ способствовалъ лишь косвенно. Черезъ посредство казенныхъ заказовъ, ссудъ и субсидій французское золото оплодотворяло, разумѣется, и „отечественную промышленность". Но съ помощью того же золота въ Россіи искусственно продолжали держаться такія общественныя условія и политическіе порядки, которые въ концѣ-концовъ ставили дальнѣйшему развитію этой промышленности непереходимую преграду. Во всю свою широту эта антиномія развернулась лишь въ наши дни, когда благополучіе русскаго государственнаго кредита за границей, высокій курсъ русскихъ бумагъ на европейскихъ биржахъ совпали съ глубокимъ промышленнымъ застоемъ внутри страны. Но подготовлена она была всѣмъ предшествующимъ развитіемъ,—и чѣмъ больше французскихъ милліардовъ переходило русскую границу, тѣмъ кризисъ становился ближе и неизбѣжнѣе. Было бы, однако, несправедливостью по отношенію къ русскому правительству думать, что его внѣшняя политика за все это время была только пассивной и сводилась только къ подчиненію Россіи западно-европейскому капиталу. На Западѣ послѣ Севастополя это было, дѣйствительно, такъ: минуты оживленія здѣсь были очень коротки и за нихъ, какъ за „освобожденіе славянъ", напримѣръ, приходилось расплачиваться дорогою цѣною. Зато была громадная область, гдѣ успѣхи казались легкими—хотя и не всюду въ одинаковой степени—и прибыль съ лихвой окупала затраты. Этой областью былъ „Востокъ", въ широкомъ смыслѣ этого слова, отъ Чернаго моря до Тихаго океана, отъ Болгаріи до Кореи включительно. Смиренно идя подъ игомъ европейской биржи на Западѣ, здѣсь русскій капитализмъ стремился наложить свое ярмо на шею народовъ, бывшихъ, или по крайней мѣрѣ казавшихся, экономически и политически слабѣе русскаго. На три четверти феодальное въ своей внутренней политикѣ, вполнѣ феодальное въ своихъ отношеніяхъ къ Западу, здѣсь, на Востокѣ, русское го-

сударство уже десятки лѣтъ назадъ было той буржуазной монархіей, какую желали бы видѣть въ немъ нѣкоторые теперь. Ему тѣмъ легче было вести здѣсь „буржуазную“ политику, что для этого оно вовсе не должно было измѣнять своей феодальной природы. Колоніальный капитализмъ, пробивавшій себѣ дорогу въ эти, часто вчера еще совершенно невѣдомыя, страны, нуждался въ бронированномъ кулакѣ феодала больше, нежели въ чемъ-нибудь другомъ. То, что внутри страны загоняло капиталистическую индустрію въ безвыходный тупикъ, внѣ ея было желаннымъ другомъ и союзникомъ, раскрывавшимъ передъ этой индустріей такіе горизонты, о которыхъ въ обычной мирно-буржуазной обстановкѣ и думать не приходилось. Явленіе это слишкомъ хорошо знакомо колоніальной исторіи всѣхъ странъ, чтобы стоило на немъ настаивать. Но, кажется, нигдѣ, даже въ британской Индіи, оно не выступаетъ со столь рѣзкими чертами, въ столь обнаженномъ видѣ, какъ въ русско-азіатской политикѣ. Когда говорятъ о „завоеваніи рынковъ“, то это всегда приходится понимать нѣсколько въ фигуральномъ смыслѣ: завоеваніе, собственно, создаетъ лишь наиболѣе выгодныя условія для капитала завоевателей,— а самое подчиненіе завоеванной страны этому капиталу происходитъ уже болѣе или менѣе „мирнымъ“ путемъ. Только у насъ рынки прямо брались приступомъ: „покупатель“ сливался съ военноплѣннымъ, и боевые генералы непосредственно являлись представителями національнаго капитализма. И не даромъ одинъ изъ отдѣловъ одной изъ первыхъ русскихъ промышленныхъ выставокъ (такъ называемой „политехнической“, 1872 года) былъ украшенъ типичной фигурой туркестанскаго солдата въ бѣлой рубашкѣ и малиновыхъ замшевыхъ шароварахъ. Города-лагери русской Средней Азіи, такъ радовавшіе взоръ одного патріотическаго путешественника своими „истинно-военными“ порядкомъ и чистотою, мало походили на закопченныя и неопрятныя фабрики Московской или Владимірской губерніи: но это были двѣ части одной организаціи. И до тѣхъ поръ, пока русскій штыкъ торжествовалъ надъ коварными, правда, но въ общемъ очень мирными азіатами, владѣльцы этихъ фабрикъ имѣли всѣ основанія быть оплотомъ россійской благонадежности. Они измѣнили этой роли лишь послѣ того, какъ горькій опытъ ихъ убѣдилъ, что время штыка прошло даже въ Азіи.

Восточная политика Россіи, если распредѣлять ея эпизоды географически, по районамъ, идя отъ запада къ востоку, даетъ три крупные отдѣла: первый составитъ болгарская политика 80-хъ и начала 90-хъ годовъ, второй — завоеваніе Средней Азіи, третій—то, что ежедневная пресса непочтительно окрестила именемъ „маньчжурской авантюры“. Лишь въ наши дни, уже въ XX столѣтіи, отчетливо обрисовался четвертый отдѣлъ, который, въ параллель третьему, можно бы назвать „персидской авантюрой“. Онъ лежитъ хронологически за предѣлами нашего изложенія. Но тѣ же хронологическія соображенія заставляютъ нѣсколько из-

мѣнить и порядокъ трехъ первыхъ отдѣловъ. Движеніе русскихъ въ Среднюю Азію началось очень давно—даже если считать изолированнымъ „историческимъ островомъ“ экспедиціи петровскихъ временъ: отъ походовъ временъ еще Николая Павловича вплоть до занятія Мерва и битвы на Кушкѣ тянется рядъ событій, связанныхъ между собою, какъ звенья одной цѣпи. Основные мотивы, общая обстановка, ближайшія цѣли у всѣхъ экспедицій этого періода вполнѣ аналогичны. Мѣняется время отъ времени только интенсивность движенія. Разгаръ его падаетъ, какъ и должно было быть, на тѣ годы, когда Россія болѣе чѣмъ когда-либо за все до-революціонное время была „буржуазной монархіей“: на шестое и седьмое десятилѣтія XIX вѣка. Съ феодальной реакціей 80-хъ годовъ движеніе затихаетъ,—чтобы вспыхнуть вновь уже въ концѣ 90-хъ на другомъ театрѣ. Между блестящими и довольно прочными успѣхами временъ Александра II (текинская экспедиція принадлежитъ цѣликомъ этому царствованію, хотя ея заключительный моментъ, занятіе Мерва, и палъ на 1884 годъ: рѣшительнымъ ударомъ здѣсь было взятіе Скобелевымъ Денгиль-Тепе за два мѣсяца до катастрофы 1 марта) и еще болѣе блестящими, хотя оказавшимися не столь прочными, захватами послѣднихъ лѣтъ столѣтія, царствованіе Александра III представляетъ характерную паузу,—но паузу лишь относительную. Къ этой эпохѣ въ области восточной политики вполнѣ примѣнимъ латинскій стихъ: ut desint vires, tamen est laudanda voluntas. Если силъ не хватало, была, по крайней мѣрѣ, похвальная попытка,—очень интересная попытка примѣнить пріемы колоніальной политики въ почти европейской обстановкѣ. Неудача этой попытки должна была показать, что для Европы—хотя бы полу-Европы—русскіе порядки уже не годятся. А это, естественно, должно было усилить интересъ къ Азіи—притомъ возможно болѣе дальней, глухой и дикой Азіи. Что на самомъ дальнемъ концѣ этой глуши оказались японцы, это была такая же фатальная неожиданность, какъ и то, что православные болгары предпочли имѣть нѣмецкаго государя, нежели сдѣлаться русскими подданными. Не одна Западная Европа—весь Божій міръ обгонялъ феодальную Россію, заставляя ее переходить отъ наступленія къ оборонѣ,—въ ожиданіи того, что другіе будутъ обогащаться на ея счетъ, какъ она обогащалась раньше на счетъ другихъ. Въ этомъ трагическомъ несоотвѣтствіи средствъ и цѣлей неудача политики 80-хъ годовъ въ Болгаріи была грознымъ предзнаменованіемъ для политики первыхъ лѣтъ XX столѣтія—своего рода прелюдіей маньчжурской неудачи. Восьмидесятые годы прошлаго вѣка были переломомъ не въ одной внутренней политикѣ, а конецъ девяностыхъ лишь кажущимся поворотомъ къ лучшему.

Естественный порядокъ изложенія получается, такимъ образомъ, слѣдующій: сначала мы разсмотримъ политику Россіи въ Средней Азіи за все XIX столѣтіе, затѣмъ ближне-восточную политику Александра III и, наконецъ, дальне-

восточную политику нынѣшняго царствованія, поскольку она успѣла обрисоваться къ первымъ годамъ нынѣшняго вѣка.

Когда русской дипломатіи нужно было объяснить Европѣ причины неудержимаго стремленія русскихъ въ Среднюю Азію, эта дипломатія старалась дать Россіи возможно болѣе пассивную роль. Россія отнюдь не посягала на чужое—она лишь защищала свое, то, на что она имѣла неоспоримое право. „Положеніе Россіи въ Средней Азіи одинаково съ положеніемъ всѣхъ образованныхъ государствъ, которыя приходятъ въ соприкосновеніе съ народами полудикими, бродячими, безъ твердой общественной организаціи", писалъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, въ 1864 году, князь Горчаковъ. „Въ подобномъ случаѣ интересы безопасности границъ и торговыхъ сношеній всегда требуютъ, чтобы болѣе образованное государство имѣло извѣстную власть надъ сосѣдями, которыхъ дикіе и буйные нравы дѣлаютъ весьма неудобными. Оно начинаетъ прежде всего съ обузданія набѣговъ и грабительствъ. Дабы положить имъ предѣлъ, оно бываетъ вынуждено привести сосѣдніе народцы къ болѣе или менѣе близкому подчиненію. По достиженіи этого результата, эти послѣдніе пріобрѣтаютъ болѣе спокойныя привычки, но, въ свою очередь, они подвергаются нападеніямъ болѣе отдаленныхъ племенъ. Государство обязано защищать ихъ отъ этихъ грабительствъ и наказывать тѣхъ, кто ихъ совершаетъ. Отсюда необходимость далекихъ, продолжительнѣйшихъ періодическихъ экспедицій противъ врага, котораго общественное устройство дѣлаетъ неуловимымъ". Объясненіе руководителя русской иностранной политики имѣло въ виду успокоить, главнымъ образомъ, англичанъ, но оно всего менѣе способно было удовлетворить англійскихъ дипломатовъ, знавшихъ Среднюю Азію не по дѣтскимъ учебникамъ. На страницахъ этихъ послѣднихъ по берегамъ Оксуса и Яксарта бродили, дѣйствительно, какіе-то „кочевые народы", но болѣе освѣдомленная дѣловая публика и тогда уже прекрасно знала, что помимо кочевыхъ киргизовъ — номинальныхъ русскихъ подданныхъ уже со времени императрицы Анны—къ югу отъ нихъ имѣется густое осѣдлое, земледѣльческое населеніе, общественное устройство котораго не во всякомъ, правда, вызвало бы симпатію, но было какъ нельзя болѣе „уловимо". Брать штурмомъ Ташкентъ съ его стотысячнымъ населеніемъ и увѣрять, что борешься съ какими-то бродячими „народцами", которыхъ никакъ не поймать,—это походило бы на насмѣшку, если бы не существовало полной увѣренности, что свѣдѣнія автора циркуляра по части новыхъ владѣній Россіи не шли дальше дѣтскаго учебника. Во всякомъ случаѣ заключительныя строки документа, взывавшаго, въ качествѣ историческаго примѣра, къ колоніальной политикѣ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, Голландіи и Англіи, гораздо больше шли къ дѣлу, нежели предшествовавшія этому разсужденія о „дикихъ странахъ, гдѣ разстоянія съ каждымъ сдѣланнымъ шагомъ увеличиваютъ затрудненія

и тягости". Болѣе практичная русская дипломатія половины восемнадцатаго вѣка уже отчетливо сознавала, что бродячими народцами далеко не исчерпывается объектъ русской политики по отношенію къ Средней Азіи. Инструкція такъ называемой „оренбургской комиссіи" наряду съ защитой границъ отъ набѣговъ со стороны киргизовъ и дѣйствительнымъ, не только номинальнымъ, подчиненіемъ послѣднихъ Россіи, ставила, какъ одну изъ цѣлей этой политики, развитіе торговыхъ сношеній съ осѣдлыми сосѣдями этихъ киргизовъ. Военныя операціи 30-хъ годовъ девятнадцатаго вѣка были вызваны ближайшимъ образомъ заботами объ охранѣ торговыхъ каравановъ. Первая экспедиція въ глубь Средней Азіи— хивинскій походъ Перовскаго въ 1839 году—однимъ изъ офиціально признававшихся мотивовъ имѣла „огражденіе русскихъ торговыхъ интересовъ въ Центральной Азіи", и, сопоставляя съ этимъ мотивомъ другіе—обезпеченіе спокойствія русскихъ киргизовъ или освобожденіе русскихъ плѣнныхъ, томившихся въ хивинской неволѣ,—слишкомъ нетрудно угадать, что заставило правительство Николая Павловича истратить болѣе полумилліона рублей въ этихъ, такъ далекихъ отъ центровъ его внѣшней политики, мѣстахъ. Не даромъ и самую экспедицію офиціально называли не „карательной",—каковой бы она была, если мотивировать ее отъ хивинскихъ набѣговъ и грабежей, а „научной". Но именно въ отсутствіи всякихъ научныхъ свѣдѣній о театрѣ будущей войны и заключалась ахиллесова пята похода. Перовскому не удалось дойти до Хивы и даже вообще встрѣтиться съ хивинцами. Климатическія условія разсѣяли его отрядъ гораздо раньше, чѣмъ онъ сколько-нибудь приблизился къ цѣли. Изъ 4.000 человѣкъ его солдатъ погибло 1.000 и 1.200 вернулись больными. Прямая дорога изъ Оренбурга на Хиву, черезъ степь, оказалась, какъ это часто бываетъ, самой длинной. Отъ нападенія пока пришлось перейти къ оборонѣ,—но главная цѣль всѣхъ операцій и тутъ не была забыта. „Чтобы защитить своихъ подданныхъ противъ киргизовъ, въ 1845 году Россіей было устроено въ степи два новыхъ укрѣпленія, Тургай и Иргизъ", говоритъ одинъ изъ историковъ русскихъ походовъ въ Средней Азіи: „въ короткое время здѣсь развилась оживленная мѣновая торговля".

До Хивы оказывалось трудно добраться—оставалось попробовать, не окажется ли доступнѣе другое изъ средне-азіатскихъ ханствъ, Коканъ, русскій сосѣдъ на нижней Сыръ-Дарьѣ. Номинально подвластные хивинскому хану, кочевые киргизы продолжали попрежнему грабить киргизовъ, номинально подчиненныхъ Россіи, а также, при случаѣ, и русскіе торговые караваны. Тѣмъ не менѣе, до средины 70-хъ годовъ Хива исчезаетъ изъ района русскихъ военныхъ экспедицій. Зато внезапно оказываются ужасными грабителями коканцы, ничѣмъ особенно въ этомъ отношеніи не выдѣлявшіеся до послѣднихъ лѣтъ царствованія Николая I. Хивинское ханство нигдѣ не соприкасалось непосредственно съ русскими грани-

цами, коканское было охвачено русскими владѣніями съ двухъ сторонъ, со стороны оренбургскаго генералъ-губернаторства и со стороны Сибири, и въ него вела довольно удобная дорога вдоль Сыръ-Дарьи. По ней началъ двигаться уже Перовскій: въ 1853 году его войска взяли Акъ-Мечеть (фортъ Перовскій). То былъ первый ударъ по гнилому дереву—черезъ 20 минутъ послѣ начала приступа крѣпость, заслужившая названіе „глинянаго горшка“ еще въ гораздо большей степени, нежели Эривань, была въ русскихъ рукахъ. Дальнѣйшіе успѣхи Перовскаго на нижнемъ Сырѣ впервые обнаружили передъ русскими военачальниками ту истину, которую впослѣдствіи резюмировалъ генералъ Куропаткинъ: „главную трудность (въ нашихъ азіатскихъ походахъ) представляла не борьба съ людьми, но борьба съ природой“. Тамъ, гдѣ природа не ставила непреодолимыхъ препятствій—а это именно и было въ хорошо орошенной долинѣ Сыръ-Дарьи — русскія войска доходили безъ особенныхъ затрудненій до любого пункта, назначеннаго имъ начальствомъ. Для наступательныхъ дѣйствій въ полѣ не годились даже текинскіе туркмены — въ военномъ отношеніи самый опасный противникъ, съ какимъ только пришлось имѣть русскимъ дѣло въ Средней Азіи. Гораздо болѣе смирные „сарты“ трехъ ханствъ (Хивинскаго, Бухарскаго и Коканскаго) въ полевомъ сраженіи, собственно говоря, вовсе не являлись противникомъ—достаточно было одного мѣткаго залпа, одной удачно попавшей гранаты, чтобы обратить въ бѣгство цѣлый отрядъ. Надо имѣть въ виду, что въ блестящую пору средне-азіатскихъ походовъ, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, русская пѣхота была уже перевооружена дальнобойнымъ нарѣзнымъ оружіемъ,— тогда какъ „арміи“ средне-азіатскихъ хановъ оставались при кремневыхъ и фитильныхъ ружьяхъ. Выносить огонь противника, котораго самъ достать не можешь, не всегда удается даже хорошо дисциплинированнымъ войскамъ,—для азіатскихъ же полчищъ это была задача совершенно непосильная. Вотъ отчего въ оборонѣ русскія войска, если не были захвачены врасплохъ, согласно опыту, признавались абсолютно непобѣдимыми: одной роты за сколько-нибудь сноснымъ прикрытіемъ считалось, по словамъ ген. Куропаткина, достаточно для отраженія любого количества хивинцевъ, бухарцевъ и коканцевъ. Немногочисленныя военныя неудачи завоеватели Туркестана имѣли только при штурмахъ городовъ,—если не считать истребленія мелкихъ отрядовъ, попадавшихъ въ засаду. Но использовать свою побѣду наши противники и въ этихъ случаяхъ никогда не умѣли, опять-таки не исключая даже и относительно воинственныхъ текинцевъ. Однимъ словомъ, если отвлечься отъ „непреодолимой силы“ въ образѣ климатическихъ условій, жестокихъ жаровъ лѣтомъ, жестокихъ морозовъ зимой, при полномъ почти отсутствіи воды въ первомъ случаѣ и топлива во второмъ, никогда не могло быть рѣчи о неудачномъ походѣ: потерянное вчера всегда можно было наверстать сегодня. Пол-

19

Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Съ фотографическаго портрета.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

ная противоположность кавказской войнѣ, гдѣ отдѣльныя удачныя экспедиціи нисколько не мѣшали тому, что въ общемъ и цѣломъ всѣ русскіе походы въ горы, вплоть до 40-хъ годовъ, неизмѣнно кончались отступленіемъ.

Успѣшно начатую Перовскимъ войну съ Коканомъ прервала Крымская кампанія. Какъ только оправились отъ севастопольскаго удара, за Коканъ тотчасъ принялись снова. Наступленіе повели съ обѣихъ сторонъ—и изъ Сибири, изъ Вѣрнаго, и изъ Оренбурга. Двухъ лѣтъ (1864—1865) оказалось достаточно, чтобы русскіе стали въ долинѣ Сыра твердой ногой. Кульминаціоннымъ пунктомъ этого похода, связаннаго съ именемъ генерала Черняева, было взятіе Ташкента 29 іюня 1865 года (первый штурмъ, осенью предшествовавшаго года, былъ отбитъ). Два другія ханства смотрѣли сначала на разгромъ Кокана равнодушно. Неожиданно быстрое появленіе русскихъ войскъ въ самомъ центрѣ Туркестана заставило, однако, выйти изъ созерцательнаго состоянія, по крайней мѣрѣ, ближайшую къ мѣсту дѣйствія Бухару. Любопытно, что истиннаго масштаба своихъ успѣховъ тогда не представляли себѣ даже и побѣдители. На вмѣшательство въ дѣло Бухарскаго эмира Черняевъ въ первую минуту отвѣтилъ предложеніемъ — подѣлить Коканъ между Россіей и Бухарой. Съ Ташкентомъ онъ тоже не зналъ, что дѣлать, и предполагалъ обратить его въ самостоятельное ханство, подъ опекой Россіи. Такая скромность ободрила злосчастнаго бухарскаго государя, и онъ рѣшился „предъявить свои права“. Онъ серьезно вообразилъ, что съ нимъ будутъ считаться, какъ съ равноправной стороной, и отправилъ въ Петербургъ посольство—договариваться непосредственно съ Александромъ II. Посольство не поѣхало дальше перваго русскаго города, гдѣ его заключили подъ стражу. Одновременно, въ видѣ репрессіи за обнаруженную эмиромъ строптивость, были посажены въ тюрьму всѣ бухарскіе торговцы, какіе нашлись въ русскихъ и занятыхъ русскими кокански хъ владѣніяхъ. Эмиръ отвѣтилъ арестомъ русскихъ торговцевъ и посланцевъ ген. Черняева, находившихся тогда въ Бухарѣ, и сталъ готовиться къ войнѣ. Въ общемъ, однако, онъ былъ такъ мало воинственно настроенъ, что одного движенія впередъ русскихъ войскъ оказалось достаточно, чтобы склонить его на уступки. Война затянулась, отчасти благодаря климатическимъ условіямъ, задержавшимъ наступленіе Черняева (дѣло было зимой), главнымъ же образомъ потому, что мѣстныя русскія власти (смѣнившій Черняева Романовскій и главный распорядитель всего дѣла, Крыжановскій, тогда оренбургскій генералъ - губернаторъ) вовсе не желали мириться. Имъ нужны были „блестящія побѣды“, которыя показали бы, что и послѣ Черняева остается еще коечто сдѣлать. Ожиданія ихъ не замедлили оправдаться: при Ирджарѣ, 20-го мая 1866 года, армія эмира была совершенно уничтожена. Послѣ этого Бухара была согласна на все, но русскіе были уже ни на что не согласны. Отъ

эмира потребовали уплаты контрибуціи въ такой срокъ, который для небогатой наличными деньгами бухарской казны являлся совершенно непосильнымъ. Одинъ бухарскій городъ переходилъ въ русскія руки за другимъ, и конецъ военнымъ дѣйствіямъ положила только новая зима: тутъ припомнили неудачу Черняева и вернулись домой.

Рядъ „блестящихъ побѣдъ" Крыжановскаго завершился довольно неожиданно миромъ, несомнѣнно гораздо болѣе выгоднымъ для Бухары, чѣмъ слѣдовало бы, судя по русскимъ реляціямъ о ходѣ войны. Эмиръ не заплатилъ ни копейки контрибуціи, и даже часть территоріи, оккупированной русскими войсками, была послѣдними очищена. Неожиданность исчезаетъ, какъ скоро мы взглянемъ на оборотную сторону блестящихъ успѣховъ. „Въ теченіе 8 мѣсяцевъ 1867—1868 годовъ черезъ лазареты прошло 12.000 больныхъ, и съ августа по апрѣль умерло 820 человѣкъ", — пишетъ генералъ Куропаткинъ. Между тѣмъ въ туркестанскомъ отрядѣ не было полныхъ 10.000 штыковъ: потери отъ лихорадки и тифа составляли почти 10% меньше, чѣмъ за годъ, т.-е., смертность была выше 100 на тысячу въ годъ! Можно думать, что Крыжановскій, въ воинственности котораго послѣ описаннаго выше не можетъ быть сомнѣній, зналъ, что дѣлалъ, когда заключалъ миръ. Но въ Петербургѣ разлакомились легкими завоеваніями,— и высшее начальство отреклось отъ шаговъ, предпринятыхъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ. Заключенный имъ трактатъ былъ признанъ недѣйствительнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ Туркестанъ изъятъ изъ его вѣдѣнія и превращенъ въ особое генералъ-губернаторство, во главѣ котораго былъ поставленъ генералъ Кауфманъ. Едва ли нужно говорить, что, прибывъ на мѣсто, новый начальникъ немедленно убѣдился въ необходимости дальнѣйшихъ завоеваній. Кауфманъ былъ лучшимъ изъ организаторовъ, какихъ имѣла Россія въ Средней Азіи—и походъ 1868 года былъ по своимъ результатамъ самымъ грандіознымъ изъ всего, что происходило въ этихъ мѣстахъ послѣ взятія Ташкента Черняевымъ. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на внѣшнихъ его эффектахъ, такъ тѣшившихъ современную русскую публику, и съ такой любовью изображаемыхъ военными историками. Несмотря на то, что у эмира были теперь и какія-то „регулярныя" войска, одѣтыя въ красные мундиры, очень помогавшіе русскимъ въ нихъ цѣлить, на полѣ сраженія происходило то, что должно было происходить по установившемуся для Средней Азіи своего рода канону. На одного убитаго русскаго приходилось по тысячѣ убитыхъ бухарцевъ, нѣсколько ротъ брали крѣпости съ десятитысячными гарнизонами, и бухарская артиллерія вывозилась въ поле какъ будто единственно для того, чтобы попасть въ русскія руки. Стратегическій смыслъ побѣдъ Кауфмана заключался въ томъ, что, завладѣвъ теченіемъ Зеравшана, откуда начиналась сѣть оросительныхъ каналовъ, охватывавщая всю Бухару, русскіе заняли въ этихъ краяхъ

экономически господствующую позицію: кто былъ хозяиномъ воды, былъ хозяиномъ края. Сопротивленіе бухарцевъ было сломлено навсегда—кампанія 1868 года была послѣдней русско-бухарской войной, и эмиръ съ тѣхъ поръ сталъ вѣрнымъ другомъ и союзникомъ Россіи. А залогомъ этой дружбы, были, какъ и слѣдовало ожидать, льготы для русской торговли. Она не только была объявлена свободной на всемъ протяженіи обоихъ ханствъ, Бухарскаго и Коканскаго (въ уцѣлѣвшей части этого послѣдняго сидѣлъ ставленникъ эмира и, стало быть, тоже „другъ“ Россіи), но и поставлена въ особо привилегированное положеніе, въ смыслѣ охраны,—а притомъ почти совершенно освобождена отъ пошлины: пошлина съ русскихъ товаровъ не должна была превышать $2^1/_2{}^0/_0$ съ ихъ стоимости. Но эти условія признавались еще, очевидно, недостаточно выгодными: въ 1873 году, послѣ взятія русскими войсками Хивы, эмиръ, въ этой войнѣ уже союзникъ русскихъ, получившій за то лоскутъ хивинской территоріи, долженъ былъ согласиться на новыя льготы русскимъ купцамъ. На Бухару были распространены преимущества, предоставленныя русской торговлѣ только что побѣжденнымъ хивинскимъ ханомъ. Резюмируя кратко, они сводились къ полной экстерриторіальности русскихъ торговцевъ: пошлинъ они уже никакихъ не платили, судились за проступки и преступленія только у русскихъ властей, даже за содѣянное на территоріи ханствъ. Если они являлись, какъ кредиторы туземцевъ, имъ при взысканіи долга давалось первенство передъ всѣми туземными кредиторами. Въ то же время они пользовались всѣми правами туземцевъ: могли покупать землю въ обоихъ ханствахъ, устраивать склады, магазины и т. д. Нельзя было шире открыть ворота русскому капитализму въ Среднюю Азію, чѣмъ это сдѣлали побѣды Кауфмана въ 1868 и 1873 годахъ. Несмотря на наличность туземныхъ государей, экономически берега Аму-Дарьи стали ровно столько же Россіей, какъ берега Волги или Енисея. Юридическое упраздненіе одного изъ „самостоятельныхъ“ ханствъ, Коканскаго, въ 1875 году, прошло бы совершенно незамѣченнымъ, если бы не вызвавшія его причины. Послѣдній русскій походъ въ этихъ краяхъ — первый большой боевой успѣхъ столь знаменитаго впослѣдствіи генерала Скобелева—былъ войной не съ мѣстными властями, — онѣ ползали у ногъ русскихъ, а съ возставшими противъ своихъ властей жителями. Коканцы свергли своего руссофильскаго государя, Худояръ-хана, и во главѣ войны противъ Россіи сталъ инсуррекціонный вождь, Абдулъ-Рахманъ-Автобачи. Возстаніе заранѣе осуждено было на неудачу: не говоря ужъ о тактическихъ преимуществахъ русскаго войска—теперь еще во много разъ усилившихся, съ тѣхъ поръ, какъ пѣхота получила скорострѣльную винтовку, а артиллерія нарѣзныя орудія,—оно занимало великолѣпную стратегическую позицію, держа въ своихъ рукахъ ключъ Кокана, крѣпость Ходжентъ, занятую еще въ

1866 году Романовскимъ. Къ веснѣ 1876 года возстаніе коканцевъ было подавлено, и самое имя Коканъ стерто съ лица земли: присоединенный теперь къ Россіи остатокъ ханства получилъ названіе Ферганской области, и столицей ея, вмѣсто Кокана, былъ сдѣланъ, не имѣвшій до тѣхъ поръ значенія, Маргеланъ.

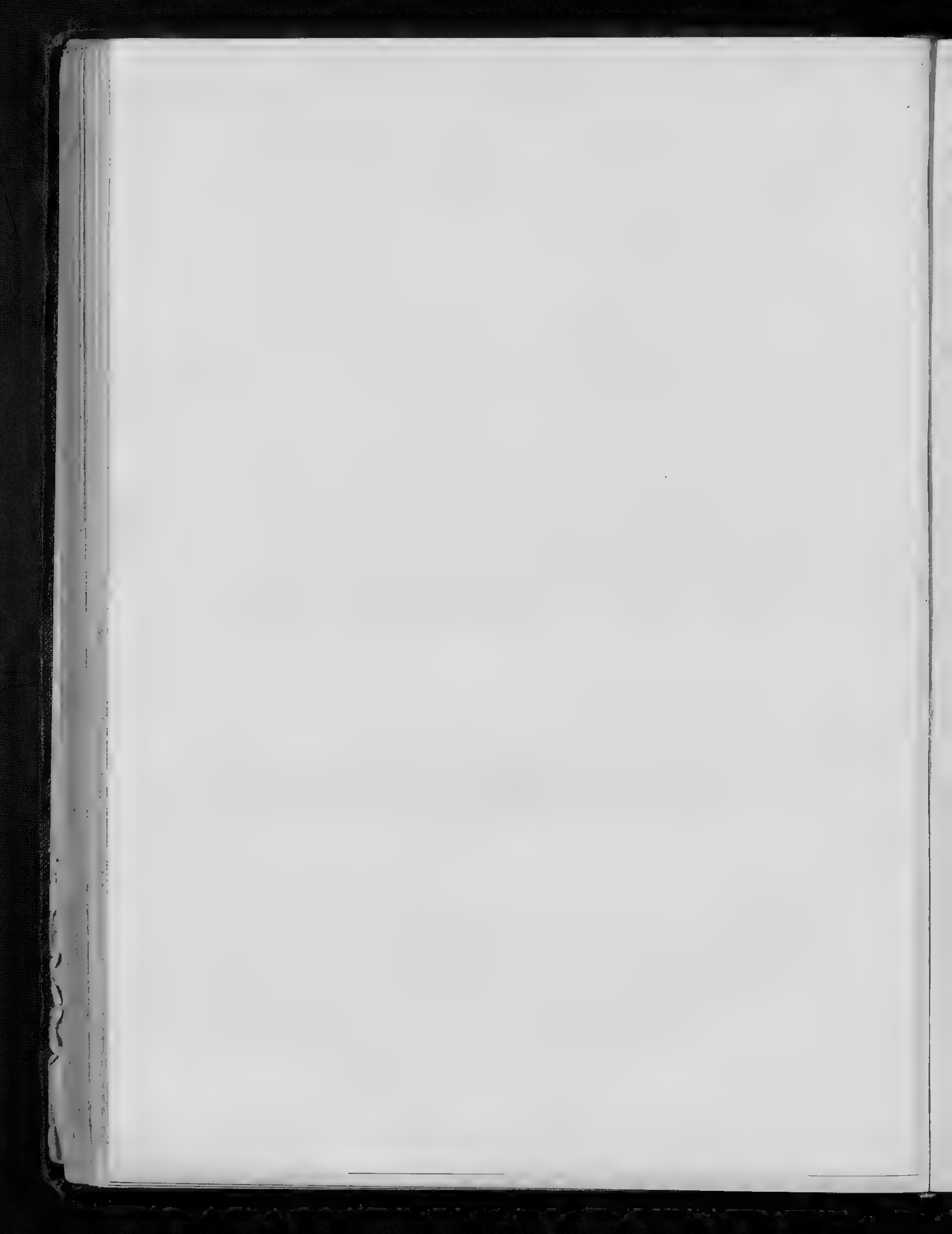
Одного коканскаго возстанія 1875 года достаточно, чтобы разрушить сантиментальное преданіе, утверждающее, будто населеніе Средней Азіи привѣтствовало завоевателей радостно, какъ представителей порядка и гражданской, если не политической, свободы, и будто въ завоеваніи были лишь однѣ свѣтлыя стороны, одно сплошное торжество цивилизаціи надъ „дикостью". Русское высшее начальство все дѣлало, чтобы поддержать эту иллюзію. Вступленіе русскихъ войскъ въ Хиву сопровождалось, очень эффектно, освобожденіемъ всѣхъ рабовъ, томившихся въ хивинской неволѣ: русское вліяніе въ Бухарѣ тоже выразилось въ отмѣнѣ рабства, по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Но цивилизаторы низшаго ранга иногда очень наивно проговаривались насчетъ того, какъ они понимали свою „культурную миссію". Адъютантъ Скобелева, А. Верещагинъ, такъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о своемъ отправленіи въ текинскую экспедицію 1880—81 годовъ. „Передъ отъѣздомъ меня осыпали вопросами: гдѣ такой текинскій оазисъ? Не знаете ли, не можете ли вы мнѣ показать на картѣ его границы? Вы вотъ ѣдете въ текинскую экспедицію, объясните, пожалуйста, за что мы съ ними деремся? И по правдѣ сказать, я не могъ хорошенько отвѣтить. Попасть я желалъ въ этотъ походъ только ради того, что начальникомъ экспедиціи былъ Скобелевъ. Его я хорошо узналъ въ прошлый походъ и высоко уважалъ, какъ боевого генерала, и поэтому-то мнѣ и хотѣлось служить съ нимъ. Я былъ увѣренъ, что Скобелевъ не сдѣлаетъ тѣхъ ошибокъ, какія были сдѣланы въ предшествовавшія экспедиціи, и поведетъ дѣло умно, энергично и быстро завоюетъ край. Кромѣ того, я хорошо зналъ, что всѣ участники похода будутъ получать большое жалованье, не говоря уже о служебныхъ наградахъ. Я не сомнѣвался, что получу за походъ слѣдующій чинъ и очередную награду. А оставаясь на Кавказѣ, я этого не получилъ бы и въ десять лѣтъ". А о странѣ, куда онъ направлялся, онъ имѣлъ представленіе, какъ о такомъ краѣ, „гдѣ жители, вольные, какъ птицы, нападаютъ на всякаго чужого, грабятъ и убиваютъ его совершенно безнаказанно". Въ дальнѣйшемъ мы часто видимъ, какъ авторъ охотится за текинцами, именно какъ за „вольными птицами". Одинъ разъ его солдаты упустили патруль изъ пяти текинцевъ: открыли огонь слишкомъ рано, и тѣ ускакали, не оставивъ ни одного убитаго. Потомъ онъ узналъ, что ему рѣшено было дать за это дѣло Георгія, если бы можно было доказать, что перестрѣлка имѣла серьезный характеръ, если бы были убитые или раненые. „Когда я услышалъ это",— говоритъ Верещагинъ,—„мнѣ еще болѣе стало досадно за тѣхъ пяте-

Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ.

Съ портрета, писаннаго М. Щербатовымъ. 1885 г.
(Съ любезн. разрѣш. кн. Н. Д. Бѣлосельской-Бѣлозерской въ С.-Петерб.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

20



рыхъ текинцевъ, которые ускакали у насъ изъ-подъ носу. Вотъ, думаю, кабы они теперь лежали около нашей калы, такъ и было бы чѣмъ похвастать“ [1]).

Такъ разсуждалъ простой, наивный солдатъ: но не забудемъ, что такіе солдаты дѣлались первыми администраторами завоеваннаго края. Послѣ взятія штурмомъ Денгиль-Тепе Верещагинъ сталъ его комендантомъ. А затѣмъ, лучше ли разсуждали, про себя, а не для публики, высшіе руководители завоевательныхъ походовъ? Скобелеву, въ глазахъ его почитателей, очень немногаго не хватало, чтобы быть настоящимъ государственнымъ человѣкомъ. Мы уже не будемъ припоминать извѣстнаго анекдота изъ дней его молодости: когда подчиненные уличили его въ томъ, что онъ выдумалъ вовсе не бывшую схватку съ туркменами, чтобы получить отличіе. Тогда это былъ почти мальчикъ. Но подъ Хивой въ 1873 году это былъ уже подполковникъ, начальникъ небольшого самостоятельнаго отряда: всего черезъ четыре года этотъ подполковникъ сталъ самымъ популярнымъ изъ русскихъ генераловъ. И вотъ какой эпизодъ изъ хивинской экспедиціи разсказываетъ близкій пріятель Скобелева, извѣстный художникъ Верещагинъ (братъ предыдущаго). „Одинъ разъ только еще (послѣ упомянутаго прегрѣшенія дней его молодости) сдѣлалъ ошибку Скобелевъ: онъ повелъ солдатъ на штурмъ города Хивы въ то самое время, когда изъ другихъ воротъ выходила городская депутація съ хлѣбомъ-солью, чтобы выразить свое полное, безусловное подчиненіе главнокомандующему. Генералъ Кауфманъ разсказывалъ мнѣ, что онъ уже зналъ о сдачѣ города и готовился въ него вступить, когда, къ своему смущенію и негодованію, услыхалъ ружейную пальбу и крики ура...“ А не менѣе близкій къ Скобелеву человѣкъ, его бывшій начальникъ штаба, Куропаткинъ, разсказываетъ нѣчто еще болѣе любопытное уже изъ такой эпохи, когда Скобелевъ былъ самъ главнокомандующимъ и отправлялся завоевывать текинскій оазисъ. По словамъ Куропаткина, текинцы, сознавая, что имъ не справиться съ русскими, собирались зимою 1879—80 года добровольно выселиться изъ Денгиль-Тепе,—которое потомъ русскимъ пришлось брать приступомъ. Извѣстія объ этомъ преисполнили Скобелева большимъ „безпокойствомъ“: ибо ему нужна была блестящая побѣда, а отнюдь не мирная оккупація Текке-Туркменіи. Были приняты всякія мѣры, чтобы задержать уходившую добычу: по настоянію русскихъ властей текинцевъ не пустили ни въ хивинскія владѣнія, ни въ Персію. А къ своимъ родичамъ въ Мервъ они не могли уйти—тѣ сами страдали отъ недостатка воды. Наконецъ, больше всего помогли Скобелеву англійскіе агенты, по словамъ Куропаткина: они убѣдили текинцевъ, что русскимъ сопротивляться можно, и тѣмъ подготовили Скобелеву новый блестящій успѣхъ.

Если мы припомнимъ исторію

[1]) „Дома и на войнѣ“, стр. 474—475, 477, 514.

кавказской войны временъ Николая Павловича, мы не найдемъ во всемъ этомъ ничего новаго. Не нова была цѣль, не новы были и средства. Тотъ же В. В. Верещагинъ передаетъ, между прочимъ, такія сцены изъ эпохи самаркандскаго похода въ 1868 году. Городъ только что былъ взятъ вторично: жители, добровольно подчинившіеся при первомъ приближеніи войскъ генерала Кауфмана, вновь „отпали“, когда русскій отрядъ ушелъ дальше, а подъ Самаркандомъ появились состоявшіе на службѣ эмира шахрисябцы. Попросту говоря, несчастные самаркандцы, по азіатскому обычаю, подчинились тому, кто былъ сильнѣе въ данный моментъ. Они, однако, на этотъ разъ прогадали: при всей незначительности силъ, оставленныхъ Кауфманомъ въ самаркандской цитадели, взять эту послѣднюю обратно бухарцамъ не удалось. Городъ былъ жестоко наказанъ за свое непостоянство: между прочимъ, сожженъ былъ огромный самаркандскій базаръ, разгромлены мечети, минаретами которыхъ пользовались нападающіе во время осады цитадели. Что „зачинщики“ были безъ милосердія казнены, это разумѣлось само собой, при чемъ судопроизводство было упрощено до послѣднихъ предѣловъ возможности: комендантъ цитадели называлъ командующему войсками „виновныхъ“, а тотъ, попокуривая папиросу, равнодушно приговаривалъ по поводу каждаго: „разстрѣлять, разстрѣлять, разстрѣлять“. Это показалось черезчуръ простымъ даже раздѣлявшему взгляды военнаго начальства русскому художнику... Но самому начальству этого показалось мало,— и оно вдобавокъ ко всему прочему, разрѣшило солдатамъ въ теченіе нѣсколькихъ дней грабить городъ, не разбирая уже ни праваго, ни виноватаго. Одинъ изъ руководившихъ грабежомъ, какой-то интендантскій чиновникъ, такъ разсказывалъ Верещагину про свои подвиги: „зашелъ я съ солдатами въ одинъ домъ, гдѣ старая престарая старуха насъ встрѣтила словами „аманъ, аманъ“ (будьте здоровы). Смотримъ, а подъ цыновкой, на которой она сидѣла, что-то шевелится. И дѣйствительно, тамъ оказался мальчуганъ, лѣтъ шестнадцати. Мы его вытащили и, натурально, убили вмѣстѣ со старухой“.

Самаркандъ не былъ взятъ приступомъ. Въ немъ приходилось убивать безоружныхъ хладнокровно, безъ опьяненія предыдущимъ боемъ, и на это больше были способны интендантскіе чиновники, чѣмъ солдаты. Тотчасъ послѣ штурма возможны были сцены, еще болѣе яркія. Даемъ слово другому Верещагину, міросозерцаніе котораго было еще проще, чѣмъ его знаменитаго брата. Мы черезъ нѣсколько часовъ послѣ взятія приступомъ Денгиль-Тепе, 12 января 1881 года. „Въ сторонѣ, за большой, совершенно новенькой бѣлой кибиткой, замѣтны фигуры двухъ солдатъ съ синими околышами. Они спорятъ между собой изъ-за текинскаго мальчика, лѣтъ 4-хъ. Одинъ солдатъ хочетъ заколоть его штыкомъ, другой не даетъ, хватается за штыкъ и кричитъ: „брось, что малаго трогать—грѣхъ!“ „Чего ихъ жалѣть? Это отродье все

передушить надо, мало, что ли, они нашихъ погубили!“ — восклицаетъ солдатъ и замахивается штыкомъ. Завидя насъ (офицеровъ), они оба скрываются между кибитками, а мальчишка уползаетъ въ какое-то отверстіе въ землѣ.“ „Вонъ партія солдатъ, человѣкъ 5—6, подходитъ къ одной землянкѣ. Она представляетъ изъ себя какъ бы берлогу и помѣщается подъ землей, только круглое отверстіе или входъ въ нее чернѣетъ издали. Изъ землянки доносится чей-то плачъ. Солдаты останавливаются, наклоняются, прислушиваются, толкуютъ между собой, и просовываютъ въ отверстіе ружья и стрѣляютъ въ темноту, на голосъ. Крики сначала замираютъ, но затѣмъ усиливаются. Солдаты хохочутъ, даютъ еще нѣсколько выстрѣловъ и, повидимому, совершенно довольные, двигаются дальше“ [1]).

Когда мы читаемъ потомъ у одного русскаго путешественника, бывшаго въ краѣ лѣтъ черезъ десять послѣ экспедиціи Скобелева, что текинцы глядѣли на него и его спутниковъ „съ нескрываемымъ неудовольствіемъ и подозрительностью“,—которое смѣнилось „нескрываемымъ сочувствіемъ“ лишь послѣ того, какъ одинъ изъ этихъ спутниковъ оказался англичаниномъ, насъ не можетъ это удивить [2]). Но текинцы—разбойники, по представленію не однихъ русскихъ офицеровъ 70-хъ годовъ. Правда, тотъ же путешественникъ,—по своему патріотизму ни мало не уступающій братьямъ Верещагинымъ,—приводитъ такіе разговоры на эту тему мѣстныхъ старожиловъ, которые, по меньшей мѣрѣ, значительно колеблютъ это представленіе. „Помилуйте, да у насъ на Руси свой народъ, а грабежи и убійства случаются чаще, чѣмъ здѣсь,—говорилъ г. Маркову одинъ инженеръ закаспійской дороги ...только и слышно иногда объ убійствахъ на кордонѣ по горамъ. Ну, да вѣдь это еще текинцы или нѣтъ?“ Возьмемъ, однако, сартовъ: ихъ нравственными качествами нашъ путешественникъ не можетъ нахвалиться. Это—„мирный, трудовой народъ, чрезвычайно способный и дѣятельный“, „отличающійся“ такой „душевной воспитанностью“, какой, къ великому стыду нашему, такъ часто недостаетъ нашему русскому простому человѣку“. — Народъ, обратившій свою страну въ одинъ „безконечный садъ“. И, тѣмъ не менѣе, когда нашъ авторъ пробирался черезъ толпу этого, видимо, ему самому очень симпатичнаго, народа, „вездѣ кругомъ чувствовалась какая-то раздраженная и недовольная атмосфера. Сотни сердитыхъ глазъ съ недоброжелательною суровостью слѣдили за нашимъ торжественнымъ шествіемъ и, казалось, можно было руками схватить эти отовсюду вонзающіеся въ насъ злые лучи“. А дѣло было еще на улицахъ Бухары, не испытавшей непосредственно ужасовъ русской расправы. Потомъ всюду, въ Самаркандѣ, въ Ташкентѣ, въ Ферганѣ провожали путешественника „красивыя, но непріятныя лица сартовъ“, доведя его, наконецъ, до пессимистическихъ раз-

[1]) „Дома и на войнѣ“, стр. 584—585.
[2]) Е. Марковъ. „Россія въ Средней Азіи“.

сужденій о томъ, какъ, „случись въ Россіи какое-нибудь крупное политическое или военное замѣшательство, и въ Туркестанѣ сейчасъ же начнется народное движеніе противъ русскихъ“.

Мы послѣ увидимъ, какія болѣе глубокія причины придали длительный и прочный характеръ этому антагонизму; для насъ важно констатировать, что исходнымъ пунктомъ его были тѣ условія, при какихъ край перешелъ въ русскія руки. Это отнюдь не была только замѣна дикой тираніи туземныхъ хановъ и бековъ гуманнымъ и цивилизованнымъ управленіемъ русскихъ губернаторовъ. Это было завоеваніе въ настоящемъ смыслѣ этого слова—насильственное подчиненіе плохо организованнаго и отставшаго въ военномъ отношеніи народа. Этотъ характеръ „конквисты“, особенно ярко выступаетъ въ послѣднемъ, по времени, успѣхѣ русскаго оружія въ Средней Азіи—завоеваніи Ахалъ-текинскаго оазиса въ 1880—1881 гг., котораго мимоходомъ мы уже касались раньше. Повидимому, ни къ кому фразы кн. Горчакова о „полудикихъ бродячихъ народахъ“, къ которымъ приходится примѣнять „мѣры обузданія“, не подходятъ въ такой степени, какъ къ кочевымъ туркменамъ закаспійской области, для которыхъ „аламаны“, набѣги на персидскія владѣнія, составляли, дѣйствительно, почти правильно организованный промыселъ. Но мы, однако, уже видѣли, что и эти „разбойники“, если только они могли быть въ чемъ-нибудь опасны „русскимъ предѣламъ“ (т.-е. военнымъ постамъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря—ничего другого до 80-хъ годовъ здѣсь не было), вполнѣ готовы были отъ этихъ предѣловъ уйти возможно дальше по доброй волѣ. А затѣмъ, прослѣживая шагъ за шагомъ движеніе русскихъ въ закаспійскія степи, по классической работѣ ген. Куропаткина [1]), вы пріобрѣтаете совершенно опредѣленное и не возбуждающее никакихъ сомнѣній представленіе о томъ, кто на чьи предѣлы наступалъ. Русскіе впервые становятся здѣсь твердой ногой въ 1869 году, когда былъ основанъ Красноводскъ. „Въ теченіе слѣдующихъ 4-хъ лѣтъ“, говоритъ ген. Куропаткинъ, „мы предприняли цѣлый рядъ смѣлыхъ разъѣздовъ мелкими отрядами черезъ степь и проникли почти до Аму-Дарьи и Ахалъ-текинскаго оазиса. До столкновеній не доходило почти нигдѣ: іомуды подчинились безъ сопротивленія, въ то время какъ текинцы внѣшнимъ образомъ (?) соблюдали миръ“. Авторъ хотѣлъ, очевидно, дать понять своему читателю, что коварные азіаты скрывали свои истинныя чувства. Одинъ эпизодъ, однако, который онъ самъ же подробно разсказываетъ, свидѣтельствуетъ, что текинцы не были столь лицемѣрны и дѣйствительно не хотѣли задирать русскихъ. Въ 1873 году, во время похода на Хиву,—похода, подготовленнаго съ особеннымъ эффектомъ и явно разсчитаннаго, чтобы произвести особо сильное впечатлѣніе на туземцевъ,—одинъ изъ отрядовъ былъ двинутъ

---

[1]) „Исторія похода Скобелева въ Туркменію“.

съ Кавказа черезъ Красноводскъ. Хивинцы съ ужасомъ должны были видѣть, что „бѣлыя рубахи“ идутъ отовсюду и что нигдѣ отъ нихъ не укроешься. Климатическія условія испортили эффектъ. Кавказскій отрядъ едва не погибъ отъ жажды (разстояніе между колодцами оказалось вдвое больше, чѣмъ разсчитывало русское начальство,—а самые колодцы вдвое бѣднѣе водою). Онъ вернулся назадъ въ самомъ жалкомъ видѣ—текинцамъ ничего не стоило перерѣзать истомленныхъ русскихъ солдатъ, и, однако, никого изъ нихъ „степные разбойники“ не тронули пальцемъ. Казалось бы, не было ни малѣйшаго предлога начинать противъ нихъ какія-либо военныя дѣйствія: но при желаніи предлогъ всегда найти можно. Іомуды были уже номинально русскими подданными: текинцы не сообразили, что это дѣлаетъ іомудовъ столь же неприкосновенными для нихъ, какъ и сами солдаты „Бѣлаго царя“. Они продолжали время отъ времени грабить іомудовъ, какъ и іомуды ихъ, конечно, при случаѣ. Этого было достаточно, чтобы „въ 1877 г. возникъ планъ—занять городъ Кизилъ-Арватъ, ворота въ текинскій оазисъ, при чемъ думали, что это можетъ быть достигнуто безъ войны“. Миролюбіе текинцевъ, однако, же не доходило до того, чтобы они позволяли русскимъ занимать текинскіе „города“ безъ сопротивленія. Подъ Кизилъ-Арватомъ произошло первое сраженіе русскихъ съ текинцами, кончившееся, конечно, тѣмъ, что русскіе потеряли 12 человѣкъ, а текинцы 200. „Ледъ былъ сломанъ“ — поприще для новыхъ подвиговъ русскаго оружія открыто. За экспедиціей 1877 года послѣдовали мелкіе набѣги въ 1878-мъ, на что текинцы съ своей стороны отвѣтили набѣгами. Война питаетъ войну—въ 1879 году большой русскій отрядъ (по первоначальному разсчету до 12.000 человѣкъ—географическія условія заставили уменьшить его потомъ слишкомъ вдвое, но осталась все-таки сила не меньше той, съ какой въ свое время были заняты Ташкентъ и Самаркандъ) двинулся ужъ прямо для завоеванія оазиса. Текинцы оказались болѣе серьезнымъ противникомъ, чѣмъ ждали, и военная неудача этого похода (штурмъ на Геокъ-тепе 28 августа 1879 года былъ отбитъ) съ логической неизбѣжностью повела за собой экспедицію Скобелева.

Послѣднимъ „военнымъ дѣйствіемъ“ въ закаспійской области было сраженіе отряда ген. Комарова (30 марта 1885 года) уже не съ туркменами, а съ афганцами,—съ войсками государства, занимающаго по отношенію къ Англіи приблизительно такое же положеніе, какъ Бухара по отношенію къ Россіи. Фактически это былъ заключительный актъ текинской экспедиціи: движеніе русскихъ къ Пенджде, давшее непосредственный поводъ для столкновенія, было вызвано необходимостью прикрыть съ юга Мервъ, столицу закаспійской Туркменіи, добровольно подчинившейся Россіи годомъ раньше (весною 1884 года). Занятію этого пункта русскими войсками придавали большое значеніе англичане, серьезно относившіеся къ фантастическимъ

проектамъ завоеванія Индіи, періодически появлявшимся въ русской военной и вообще націоналистической литературѣ (одинъ изъ нихъ, между прочимъ, принадлежалъ генералу Скобелеву). На самомъ дѣлѣ въ область реальныхъ цѣлей русской политики завоеваніе Индіи входило такъ же мало, какъ мало сами англичане собирались завоевывать Туркестанъ. Но такъ какъ англо-индійскимъ военнымъ кругамъ угроза русскаго нашествія была выгодна—она оправдывала англійскій милитаризмъ и создавала видимость какой-то крупной національной задачи для британской арміи въ Индіи, играющей, въ сущности, чисто полицейскую роль—то время отъ времени этотъ призракъ вызывали на сцену, и англійская дипломатія, подстрекаемая англо - индійскимъ офицерствомъ, начинала тревожиться, требовать отъ русской дипломатіи гарантій и уступокъ, а на периферіи русскихъ средне-азіатскихъ владѣній появлялись англійскія экспедиціи и отдѣльные эмиссары. Первые русско-англійскіе переговоры этого рода относятся еще къ 30-мъ годамъ XIX вѣка. Въ 70-хъ гг. было формально установлено, что Афганистанъ составляетъ нейтральную полосу, неприкосновенную для обѣихъ сторонъ: но кризисъ 1878 года, когда между Россіей и Англіей едва не вспыхнуло войны изъ-за турецкихъ дѣлъ [1]), имѣлъ послѣдствіемъ, что обѣ стороны рѣшили отказаться отъ этого принципа. Обсуждая планъ войны противъ Англіи, съ русской стороны имѣли въ виду и диверсію со стороны Туркестана; но тутъ выяснилось, что наши тогдашнія владѣнія, отрѣзанныя отъ англійскихъ горами и пустынями, являются весьма неудобнымъ исходнымъ пунктомъ даже для диверсіи—не говоря уже о серьезной войнѣ съ англичанами въ Азіи. Потребность подойти къ самымъ границамъ англійскаго сосѣда, эмира афганскаго, была одною изъ главныхъ причинъ форсированнаго движенія русскихъ въ закаспійскія степи съ 1879 года. Въ связи съ этимъ англійскіе страхи предъ походомъ русскихъ въ Индію достигли максимальнаго напряженія, какое только они имѣли за все время ихъ существованія. Въ Гератѣ, на сѣверо-западной границѣ Афганистана, появились англо-индійскія войска, подъ видомъ „конвоя“ англійской разграничительной комиссіи генерала Ламсдена. Ободренные этимъ, афганцы и рѣшились напасть на отрядъ ген. Комарова—и были разбиты на-голову. Ожидали немедленной войны между Россіей и Англіей. Ничего такого, однако не произошло: обѣ стороны мирно размежевались между собою: Англія отъ лица эмира афганскаго, Россія отчасти непосредственно за себя, отчасти за Бухару. Заключительнымъ актомъ этой размежовки былъ раздѣлъ — между Россіей, Англіей, Афганистаномъ и Китаемъ - Памирской области уже въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія. Безъ небольшого кровопролитія не обошлось и здѣсь: въ 1892 году русскіе уничтожили на Памирѣ маленькій афганскій отрядъ. Но такъ

[1]) См. „Вост. вопр.“ въ т. VI, стр. 59 и сл.

какъ эта пустынная область, представляя громадный географическій интересъ, не имѣетъ ровно никакого другого значенія, то войны изъ-за этого подавно выйти не могло. Послѣ стычки 12 іюня 1892 года на Памирѣ, русскіе въ Средней Азіи болѣе не видали передъ собою непріятеля.

Война кончилась, но Туркестанъ не перестал быть „военной“ страной—и картина, которую онъ давалъ въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка впервые попавшему туда свѣжему человѣку, лучше чѣмъ что-либо другое объясняла, какъ проникло въ этотъ край русское господство и на чемъ оно держалось. „Тутъ все военное“, пишетъ о туркестанской столицѣ, Ташкентѣ, г. Марковъ, „цѣлыя улицы полны солдатъ, казаковъ, джигитовъ, офицеровъ, генераловъ, идущихъ, ѣдущихъ скачущихъ; вездѣ руки взмахиваютъ, подъ козырекъ, вездѣ звенятъ шпоры, и быстро бѣгущій по тротуару рядовой то и дѣло молодецки дѣлаетъ фронтъ какому-нибудь проходящему начальству“. „Въ Ташкентѣ не только крѣпость военная, не только многочисленныя военныя казармы, передъ которыми сверкаютъ штыки и пушки, но и большая часть чиновъ и учрежденій, собранья, клубы, библіотеки, школы. Даже церкви тутъ военныя. Вонъ, напримѣръ, старый „Солдатскій соборъ“ на площади, а вонъ рядомъ съ нимъ новый „Военный Спасопреображенскій“ соборъ. Войдите въ него и не увидите тамъ почти никого, кромѣ тѣхъ же солдатъ, офицеровъ, генераловъ да солдатскихъ, офицерскихъ и генеральскихъ женъ и дочерей... „Вольные“ (такъ называютъ въ Туркестанѣ штатскихъ) и тутъ незамѣтно тонутъ среди господствующей массы военнаго люда“.

Военные люди—военные и нравы. Нѣтъ надобности говорить, что чисто-полицейскій порядокъ поддерживался здѣсь истинно-военными средствами. Г. Марковъ неоднократно имѣлъ случай убѣдиться, что отзывъ его знакомаго инженера о закаспійской области—что въ ней по части грабежей и разбоевъ, гораздо тише, нежели въ самой Россіи—можетъ быть распространенъ на всю Среднюю Азію. „Но“,—повѣствуетъ онъ—„этотъ трепетъ азіатовъ передъ русскимъ именемъ былъ достигнутъ нелегко и стоилъ недешево. Необходимы были безпощадныя кровавыя расправы съ туземцами за малѣйшую ихъ попытку напасть на русскаго,—прежде чѣмъ могло установиться въ странѣ теперешнее вполнѣ безопасное положеніе. *Цѣлые кишлаки* [1]) *выжигались до тла за какое-нибудь одно тѣло убитаго русскаго, найденное по-сосѣдству.* И иначе поступать было невозможно съ народомъ, для котораго грабежъ и убійство были обычной стихіей“. Мы ужъ видѣли, что въ другомъ мѣстѣ нашъ авторъ находилъ у этого народа такую „душевную воспитанность“, какой, къ его огорченію, онъ не замѣчалъ у „простого русскаго человѣка“. Но не будемъ ловить его на словесныхъ противорѣчіяхъ: вотъ факты, которые передалъ ему „одинъ очень авторитетный русскій житель

[1]) Деревни.

Ташкента, имѣвшій возможность со всѣхъ сторонъ изучить бытъ туземцевъ". „Мы нашли тутъ, въ Туркестанѣ, такую строгость нравовъ, о которой у насъ и понятія не имѣютъ. Слово самаго маленькаго начальника для нихъ было закономъ. Послушаніе изумительное. *Честность такая вездѣ была, что ни одинъ домъ на ночь не запирался;* въ Ташкентѣ, впрочемъ, и до сихъ поръ они не запираются по старой памяти, хотя *воровство удесятерилось противъ прежняго...*" „Авторитетный русскій житель" относилъ наступившее развращеніе нравовъ къ вліянію новыхъ русскихъ судовъ. Но для насъ важенъ его отзывъ о туземныхъ порядкахъ *до* русскаго завоеванія. Иной читатель, пожалуй, подумаетъ, что для усмиренія столь смирнаго народа жечь деревни было, можетъ быть, излишней роскошью: но что же было дѣлать военному начальству въ мирное время?

Мы сейчасъ увидимъ вполнѣ серьезную экономическую подкладку этого режима „крови и желѣза". Но нельзя пройти мимо тѣхъ эффектовъ, которые давалъ этотъ режимъ въ областяхъ наиболѣе мирныхъ,—въ области народнаго просвѣщенія, напримѣръ. Вотъ какъ въ Ташкентѣ открывали учительскую семинарію. „Вдругъ",—разсказывалъ ея бывшій директоръ г. Маркову, — „неожиданный приказъ — ѣхать въ Ташкентъ и непремѣнно открыть къ 30 августа учительскую семинарію. Гдѣ взять учениковъ, учителей? Бросился я въ Вѣрный къ генералу Колпаковскому; тотъ далъ приказъ станичнымъ атаманамъ набрать сколько можно было грамотныхъ казачатъ, и вотъ я, нагрузивъ ими почтовыя тройки, явился со своею добычею въ Ташкентъ и открылъ семинарію къ 30 августа, какъ было приказано". Откуда онъ взялъ учителей—директоръ не разсказывалъ; мимоходомъ мы узнаемъ только, что въ г. Перовскѣ школьнымъ учителемъ былъ унтеръ-офицеръ, смотрѣвшій за цейхгаузомъ. Само собою разумѣется, что семинарія произвела на нашего путешественника самое отрадное впечатлѣніе: „воспитанники все народъ рослый и ловкій, смотрятъ молодцевато, по-военному". Одно было жаль: „среди 58 воспитанниковъ семинаріи *сартовъ только одинъ*, киргизовъ девять. Это и немудрено, потому что въ семинарію поступаютъ только воспитанники городскихъ училищъ, а въ ташкентскомъ городскомъ училищѣ *нѣтъ ни одного сарта*" [1]). Авторъ видитъ здѣсь, конечно, лишнее доказательство злокозненности сартовъ и объясняетъ эту злокозненность очень оригинально. „Сартъ",—говоритъ онъ,—„изстари имѣетъ свое собственное, хотя и жалкое, образованіе, свою собственную, хотя и скудную, литературу, свою собственную систему, хотя и никуда негодныхъ, школъ. Онъ и держится за нихъ, какъ за знамя своей народности, своей религіи, своей исторіи..." Одинъ изъ „знатоковъ края", съ которымъ бесѣдовалъ нашъ путешественникъ, не видѣлъ другого средства загнать сартовъ въ русскія школы, какъ—закрыть всѣ сартскія...

---

[1]) Курсивъ г. Маркова, раньше курсивъ вездѣ нашъ.

У болѣе дикой части туркестанскаго населенія, кочевыхъ киргизовъ, своихъ школъ не было—такъ что имъ оставалось пользоваться или русскими или сартскими. „Киргизы охотнѣе поступали въ русскія учебныя заведенія“, говоритъ г. Марковъ, „потому что болѣе довѣрчиво относятся ко всему русскому, да и мусульмане не Богъ знаетъ какіе строгіе“. Вы радуетесь: вотъ, наконецъ, нашелся разрядъ туземцевъ, для котораго русское завоеваніе, въ самомъ дѣлѣ, было благодѣтельно. Увы, одинъ настоящій знатокъ края, самъ военный и, конечно, ужъ никакъ не менѣе патріотъ, генералъ Гродековъ, такими чертами рисуетъ вліяніе заведенныхъ русскими порядковъ на киргизскій народный судъ (судъ біевъ). „При регламентаціи народнаго суда законъ 1867 г. значительно уклонилъ его отъ суда обычнаго. Это обстоятельство столь существенно и вредно повліяло на развитіе слабыхъ сторонъ суда біевъ, что положеніе его оказалось весьма неудовлетворительнымъ и повлекло за собою убѣжденіе многихъ мѣстныхъ дѣятелей въ необходимости уничтоженія этого суда и замѣны его судомъ русскимъ. Тогда какъ по народному обычаю стороны вольны обращаться для разбора дѣла къ любому бію, *законъ 1867 г. обязалъ киргизовъ судиться только у біевъ, утвержденныхъ военнымъ губернаторомъ*. Въ случаѣ весьма частаго на практикѣ несогласія сторонъ на третейскій судъ, законъ вмѣнялъ истцу въ обязанность избирать бія непремѣнно изъ волости отвѣтчика. Такъ какъ при существованіи родового начала всякій бій, естественно, стоитъ за своего родовича, то обязательный судъ бія изъ волости отвѣтчика равносиленъ отказу въ справедливости, ибо отъ родовича отвѣтчика истецъ не можетъ ожидать безпристрастія. Даже внутри самой волости такая организація суда біевъ не гарантировала справедливаго суда, потому, что, при обязательности обращенія къ волостнымъ біямъ и при ограниченности ихъ числа, біи сдѣлались доступны корысти, подкупу, вліянію богатыхъ и почетныхъ людей и избирательныхъ партій... Въ результатѣ судъ біевъ сдѣлался судомъ подкупнымъ, непопулярнымъ и подчиненнымъ туземнымъ должностнымъ лицамъ“[1]).

А положеніе этихъ послѣднихъ хорошо освѣщаетъ одна маленькая, почти анекдотическая черточка, которую мы встрѣчаемъ все у того же г. Маркова. Его взоры особенно радовала масса зелени въ русскихъ городахъ Туркестана—роскошныя аллеи пирамидальныхъ тополей и другихъ деревьевъ, и на улицахъ, и по дорогамъ. Но еще въ закаспійской Туркменіи онъ узналъ, какимъ простымъ путемъ создавалась эта радующая глазъ картина. „Прикажетъ генералъ-губернаторъ сажать вездѣ по ауламъ, по дорогамъ, по арыкамъ бѣлую акацію или айлантъ, или другое какое-нибудь невиданное кочевниками дерево, ну и сажаютъ всѣ безъ разсужденій, накупая деревца въ питомникѣ сколько какому аулу приказано. Аксакалы (старшины) знаютъ, что имъ будетъ, если не будетъ исполненъ во всей строгости

[1]) Гродековъ, „Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области“, стр. 199—200.

приказъ грознаго командира края". Масса привозныхъ деревьевъ гибла отъ суровыхъ зимъ Средней Азіи—казенные питомники больше уповали на приспособленность жителей къ военному управленію, нежели сами приспособлялись къ климату страны. Но это не считалось бѣдой.—Вообще было принято, что „благоустройство" края оплачиваютъ туземцы, а чего имъ это стоило,—не интересовались. „Вы упомянули думу",—спрашивалъ г. Марковъ своего ташкентскаго знакомаго: „неужели-жъ и у сартовъ уже заведены русскіе порядки?"—„Видите ли, дума, собственно, въ русскомъ Ташкентѣ, но она завѣдуетъ всѣмъ городомъ вообще, и азіатскимъ и нашимъ; 48 гласныхъ русскихъ выбирается, а 24 сартовъ".—„Азіатамъ, стало быть накладно выходитъ?"—„Какъ вамъ сказать? Дѣйствительно, всѣ расходы благоустройства въ русскомъ городѣ падаютъ и на сартовъ".

Мы не будемъ больше утомлять читателя выписками изъ путевыхъ замѣтокъ словоохотливаго патріота. И приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы знать, какъ слѣдуетъ понимать „цивилизаторскую миссію" русской администраціи въ Туркестанѣ. Это было, въ лучшемъ случаѣ, созданіе русской цивилизаціи въ краѣ—силами и средствами мѣстнаго населенія. Но было бы, конечно, большой ошибкой считать капризную волю мѣстнаго начальства конечной причиной и послѣднимъ источникомъ туркестанской цивилизаціи. Сажать по дорогамъ деревья, которыя въ первую же зиму замерзали—это былъ, разумѣется, лишь капризъ. Но эксплуатировать край для русскихъ—это была основная линія поведенія, диктовавшаяся всѣми условіями русской конквисты. Русскіе за тѣмъ сюда и пришли, чтобы эксплуатировать край, и не даромъ всероссійское купечество было такъ близко заинтересовано въ завоеваніи, и рядомъ съ именами Черняева и Кауфмана мы встрѣчаемъ имена Хлудова и Первушина. Верещагинъ (художникъ) передаетъ трогательную картинку кучки русскихъ приказчиковъ, во время осады самаркандской цитадели скучившихся въ темномъ углу передъ иконами и трепетно бившихъ поклоны при каждомъ выстрѣлѣ бухарскихъ пушекъ. Какъ только пушечные выстрѣлы затихли, край былъ „замиренъ", русскій капитализмъ вышелъ изъ угловъ, куда его загнала канонада, и поразительно быстро, едва ли не быстрѣе русскихъ штыковъ, сдѣлалъ страну своей.

Въ эпоху завоеванія въ Туркестанѣ было широко развито кустарное ткачество шелковыхъ и бумажныхъ тканей. Двадцать пять лѣтъ спустя, въ началѣ 90-хъ годовъ, шелковыя матеріи мѣстнаго производства находили здѣсь себѣ сбытъ только среди пріѣзжихъ русскихъ, почему туземные ткачи и приспособлялись (иногда къ немалому неудовольствію покупателей, желавшихъ имѣть „настоящую азіатскую" вещь) къ русскимъ цвѣтамъ и рисункамъ. Зато мѣстное населеніе одѣвалось въ ситцы яркихъ, истинно-азіатскихъ цвѣтовъ, но привезенные изъ Московской или Владимірской губерніи [1]). Въ 1893 году

[1]) Марковъ, I, 491.

въ Самаркандъ было привезено около 354.000 пудовъ русской мануфактуры—это была первая статья привоза по размѣрамъ; что еще характернѣе—„пряжи и нитокъ всякихъ“ ввезено было около 36.000 пудовъ: „такой большой ввозъ пряжи“, говоритъ цитируемый нами авторъ, „объясняется большимъ спросомъ на русскую пряжу у туземныхъ ткачей для выдѣлки мѣстной ткани-алачи, вся основа которой ткется изъ русской пряжи“ [1]). Такимъ образомъ, и мѣстное кустарное производство стало въ зависимость отъ русскаго капитализма. Но еще болѣе была зависимость отъ него мѣстнаго земледѣлія. Туркестанъ сталъ форменной русской колоніей,—можетъ быть единственной, заслуживающей этого имени: онъ долженъ былъ доставлять своей метрополіи сырье и получать въ обмѣнъ приготовленные изъ этого самаго сырья фабрикаты. Вздорожаніе цѣнъ на хлопокъ въ концѣ 80-хъ годовъ впервые натолкнуло русскихъ мануфактуристовъ на мысль: въ широкихъ размѣрахъ использовать климатическія условія Средней Азіи для того, чтобы избавиться отъ монополіи американскаго хлопка. Хлопокъ въ Туркестанѣ и раньше былъ свой, но волокно мѣстнаго хлопчатника не годилось для изготовленія европейской пряжи. Теперь начинается форсированное распространеніе между туземцами американскихъ сѣмянъ. Началась хлопковая горячка. Гнали во всю, агенты разныхъ фирмъ старались только объ одномъ — какъ бы отбить хлопководовъ другъ у друга. „Сѣмена сваливались тысячами пудовъ въ общую громадную кучу на дворѣ, подъ сараемъ, въ амбарѣ, а потому въ такихъ скопищахъ, развивавшихъ высокую температуру внутри себя, нѣжное сѣмя хлопчатника, содержащее до 40% масла, неминуемо портилось. Передъ выдачей задатковъ такія сѣмена выдавались хлопководамъ *безъ сортировки*, и, понятно, лишь тотъ изъ нихъ былъ счастливѣе другихъ, кто получалъ сѣмена съ поверхности кучи“ [1]). Принимался хлопокъ тоже кое-какъ. Въ концѣ-концовъ, наступила реакція—въ 1894 году въ Самаркандской, напримѣръ, области, было засѣяно американскимъ хлопкомъ уже только 9.589 десятинъ,—тогда какъ въ 1892—18.365 десят. (въ $3^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ 1890 году). Но хлопковая горячка уже успѣла дать результаты — и весьма своеобразные: за тѣ же четыре года, 1890—1894, цѣна *хлѣба* въ краѣ возросла болѣе, чѣмъ въ два съ половиной раза. Болѣе дорогой и прибыльный хлопокъ вытѣснилъ болѣе дешевую пшеницу, притомъ въ громадныхъ размѣрахъ: въ 1892 г. почти семь съ половиной тысячъ десятинъ лучшей земли взято было изъ-подъ хлѣба подъ американскій хлопчатникъ, опять-таки въ одной Самаркандской области. Въ Ферганѣ хлопчатникъ занялъ, въ различныхъ мѣстахъ, отъ $^1/_3$ до $^1/_2$ всѣхъ культурныхъ земель. Спекуляція на

[1]) Ю. Якубовскій, „Ввозъ и вывозъ товаровъ“. Справочная книжка Самаркандской области на 1895 годъ, отд. IV, стр. 82, 85.

[1]) М. Вирскій, „Обзоръ хлопководства въ Самаркандской области за 1893—1894 гг.“, ibid. отд. II, стр. 12.

хлопокъ, естественно, вела за собою и спекуляцію на землю, годную подъ хлопчатникъ. „Крупные спекулянты-туземцы"—говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ,—„не занимаясь сами хлопководствомъ, но владѣя значительнымъ количествомъ ирригаціонной земли, раздаютъ послѣднюю мелкими участками отъ $^1/_2$ до 1 десятины исполу малоземельнымъ сельскимъ хозяевамъ съ условіемъ, чтобы весь урожай хлопка былъ доставленъ имъ, владѣльцамъ, а они уплачиваютъ испольщикамъ за половину сбора по продажѣ сырца на базарѣ".

Мы остановились подробнѣе на хлопкѣ потому, что его исторія особенно характерна для *типа* ворвавшагося въ Туркестанъ русскаго капитализма,—жаднаго, хищническаго, спекулятивнаго, „хапавшаго" направо и налѣво, не разбирая, во что ему самому это, въ концѣ-концовъ, обойдется: на хлопкѣ только въ двухъ уѣздахъ, Самаркандскомъ и Катты-Курганскомъ, русскіе спекулянты потеряли до 500.000 р., нажились только спекулянты-туземцы. Конечно, какъ и во всякой другой колоніи, и въ русской Средней Азіи капитализмъ являлся не только хищникомъ: въ этомъ огромное отличіе завоеванія Туркестана отъ кавказской войны. Тамъ русское господство обратило въ пустыню культурныя области западнаго Кавказа, населенныя черкесами. Здѣсь, въ самомъ процессѣ войны, вмѣстѣ съ экспедиціей Скобелева, врѣзывалась въ край желѣзная дорога, давшая колоссальный толчокъ развитію мѣстнаго капитализма. Торговля не завоеванной непосредственно русскими Бухары съ одной Россіей доходила уже въ 1891 г. до 15 милліоновъ рублей. Рядомъ съ конторами спекулянтовъ мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу заводы и фабрики. Правда, заводы эти — хлопкоочистительные, напримѣръ, имъ конечно принадлежало первое мѣсто — были оборудованы крайне примитивно, работа на нихъ велась почти безъ машинъ, въ ручную; гигіеническія условія были ужасныя—отъ носящагося въ воздухѣ волокна дышать было нельзя—и все это хозяева откровенно объясняли тѣмъ, что здѣсь „рабочія руки очень дешевы". Но въ странѣ, которая двадцать лѣтъ назадъ не знала никакой крупной промышленности, и это было успѣхомъ. Съ буржуазной точки зрѣнія русской колонизаціи въ Средней Азіи было чѣмъ гордиться [1]). Но примитивно-

[1]) О русской колонизаціи въ собственномъ смыслѣ, т.-е. о ничтожныхъ русскихъ земледѣльческихъ поселкахъ въ Средней Азіи мы не говоримъ здѣсь: въ XIX вѣкѣ ихъ значеніе было совсѣмъ третьестепенное. Въ наиболѣе подвергшейся обрусѣнію Семирѣченской области, гдѣ русскіе стали твердой ногой еще до Черняева въ 1890 году было нѣсколько болѣе 9% русскаго населенія. Въ трехъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области, въ то же время, русскіе составляли менѣе 1%, считая тутъ военныхъ, чиновниковъ и купцовъ. Собственно земледѣльческаго русскаго населенія во всемъ Туркестанѣ было къ концу 1891 года 11.560 душъ обоего пола. См. для начала 90-хъ годовъ статью г. Дингельштедта „Наша колонизація въ Средней Азіи" („Вѣстникъ Европы", 1892 г., ноябрь). При всемъ оптимизмѣ автора ему все-таки приходится изображать картину еле-еле обозначающагося процесса. А край былъ въ русскихъ рукахъ уже 25 лѣтъ!

сти русско-туркестанскаго капитализма мы не должны забывать уже потому, что она даетъ намъ ключъ къ объясненію того затяжного военнаго положенія въ краѣ, о которомъ мы говорили выше. Когда въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка г. Марковъ ѣздилъ по русской Средней Азіи, кругомъ него стонъ стоялъ отъ жалобъ на засилье сарта. „Русскимъ тутъ теперь дѣлать нечего", говорилъ г. Маркову одинъ ташкентскій старожилъ-еврей.—„Тутъ теперь все сартъ захватилъ. Половина домовъ въ русскомъ городѣ уже ихъ. И строили ихъ тоже они. Подряды, опять-таки, всѣ у нихъ, мастеровые, торговцы — все жъ они. Куда ни кинься, все сартъ да сартъ". Подъ вліяніемъ этихъ разговоровъ авторъ написалъ и свою характеристику сарта, уже отчасти цитированную нами выше. „Этотъ чрезвычайно способный и дѣятельный народъ, вдобавокъ изумительно скромный въ своихъ вкусахъ и образѣ жизни, очень быстро усвоилъ всѣ полезныя нововведенія, внесенныя русской цивилизаціей, очень хорошо понялъ ихъ выгоду для себя и въ настоящее время сдѣлалъ почти невозможнымъ соперничество съ нимъ въ его родномъ краю—гдѣ ему и углы помогаютъ — русскихъ купцовъ, русскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, русскихъ подрядчиковъ, русскихъ мастеровыхъ... Можно предвидѣть, что пройдетъ еще немного лѣтъ, и русскій элементъ въ краѣ будетъ представляться только военнымъ сословіемъ да чиновнымъ людомъ". „Одновременно съ экономической силой сартовъ разрастается съ каждымъ днемъ, по увѣренію мѣстныхъ русскихъ жителей, и распущенность ихъ нравовъ". Военный, знатокъ Туркестана, разсказывавшій г. Маркову, какъ до прихода въ край русскихъ ни одинъ домъ въ Ташкентѣ не запирался на ночь, сразу же объяснилъ своему собесѣднику причины и „экономической силы" и „распущенности". Вся суть, по его словамъ, была „въ новыхъ судахъ", т. е. введенномъ въ краѣ русскомъ судопроизводствѣ, безъ присяжныхъ, разумѣется, но съ нѣкоторыми европейскими обрядностями („признаете ли вы себя виновнымъ? и тому подобныя глупости..."). „Прежде, до этихъ судовъ, начальники наши военные гораздо короче и проще все разбирали. Жалобъ было гораздо меньше. *А теперь то и дѣло на самихъ уѣздныхъ начальниковъ съ жалобами лѣзутъ...*" Гдѣ же тутъ конкурировать русскимъ съ туземцами при такомъ развратѣ! Была желѣзная рука, и русскій капитализмъ, хотя представителями его частенько бывали люди, „никуда не годные на родинѣ, ничего не умѣющіе и ничего не имѣющіе", держалъ страну подъ своимъ игомъ крѣпко. Ослабѣла немного — куда меньше, чѣмъ въ остальной Россіи— эта рука, и весь аппаратъ капиталистическаго режима оказался въ рукахъ туземца.

Но и ему не дешево стоило это приспособленіе. Изслѣдованія нашихъ средне-азіатскихъ статистиковъ даютъ рядъ краснорѣчивыхъ цифръ, составляющихъ итоги русской цивилизаторской работы въ краѣ. Во-первыхъ, что стоила „цивилизація" населенію непосред-

ственно? Отвѣтъ на это даютъ размѣры налоговаго бремени, падающаго на туземцевъ теперь, сравнительно съ тѣмъ, что они платили до начала русскаго владычества и въ первые его годы. Вотъ одинъ примѣръ: Дагбитская волость Самаркандской области и уѣзда. „Ранѣе (до 1892 года) взимаемый налогъ, въ суммѣ 320 рублей, ниже размѣра новаго налога, въ суммѣ 5107 р. 51 к. *на 1496,09%*". Вы думаете, что это исключенiе? Развѣ лишь въ смыслѣ яркости примѣра: перечтите итоги по другимъ мѣстностямъ, вы увидите 87%, 135%, 264% превышенiя новаго поземельнаго налога надъ старымъ. Всюду налоги въ $1^1/_2$—$2^1/_2$ раза выше, относительно, чѣмъ въ самой Россiи. Меньше всего подверглась фискальной эксплуатацiи изъ волостей Самаркандскаго уѣзда волость Дюрткульская — ея новые налоги выше старыхъ всего на 43,35%. Но надо знать, что такое Дюрткульская волость. Вотъ что о ней говоритъ *офицiальная* статистика: „къ началу 70-хъ годовъ въ этой волости было на счету русской администрацiи 45 населенныхъ мѣстъ съ 976 дворами, а спустя 20 лѣтъ, въ 1893 году, здѣсь найдено 36 населенныхъ мѣстъ съ 817 дворами, т.-е. менѣе на 9 селенiй и 159 дворовъ". Но изъ наличныхъ дворовъ 225 было выморочныхъ, а 90 — сиротскихъ. „Если ко всему этому прибавить почти полное отсутствiе людей въ возрастѣ за 50 лѣтъ и наружный крайне захудалый видъ населенiя волости, то понятнымъ становится",—вы думаете, влiянiе русскаго управленiя на судьбу этой волости? Нѣтъ: „немаловажное значенiе санитарныхъ условiй" [1]).

Туземное населенiе, въ концѣ-концовъ, выдержало кризисъ. Оно не вымерло, а прiобрѣло „экономическую силу" и, повидимому, въ общемъ и цѣломъ даже болѣе примирилось съ русскими порядками, чѣмъ казалось наблюдателямъ 90-хъ годовъ. Даже такiя „военныя и политическiя волненiя въ Россiи", какъ имѣвшiя мѣсто въ 1904—1905 годахъ, не вызвали здѣсь нацiональной, сартской революцiи. Андижанское возстанiе 1898 года пока осталось одинокой вспышкой, характерной, безъ сомнѣнiя, какъ симптомъ, но не поведшей за собою дальнѣйшихъ послѣдствiй. Русскiй колонiальный капитализмъ нашелъ здѣсь еще болѣе примитивныя формы экономическаго быта, чѣмъ онъ самъ, и постольку явился въ Туркестанѣ прогрессивной силой. Въ двухъ другихъ случаяхъ, которые намъ придется разбирать дальше, реакцiонныя черты его выступаютъ уже гораздо яснѣе.

2. Ближнiй Востокъ.

Къ началу 80-хъ годовъ завоеванiя русскимъ капиталомъ Средней Азiи было въ полномъ ходу. Но средне-азiатскiй рынокъ удовлетворялъ лишь извѣстную часть русскихъ предпринимателей—на немъ наживались преимущественно мануфактуристы; были другiе разряды—желѣзозаводчики и желѣзнодорож-

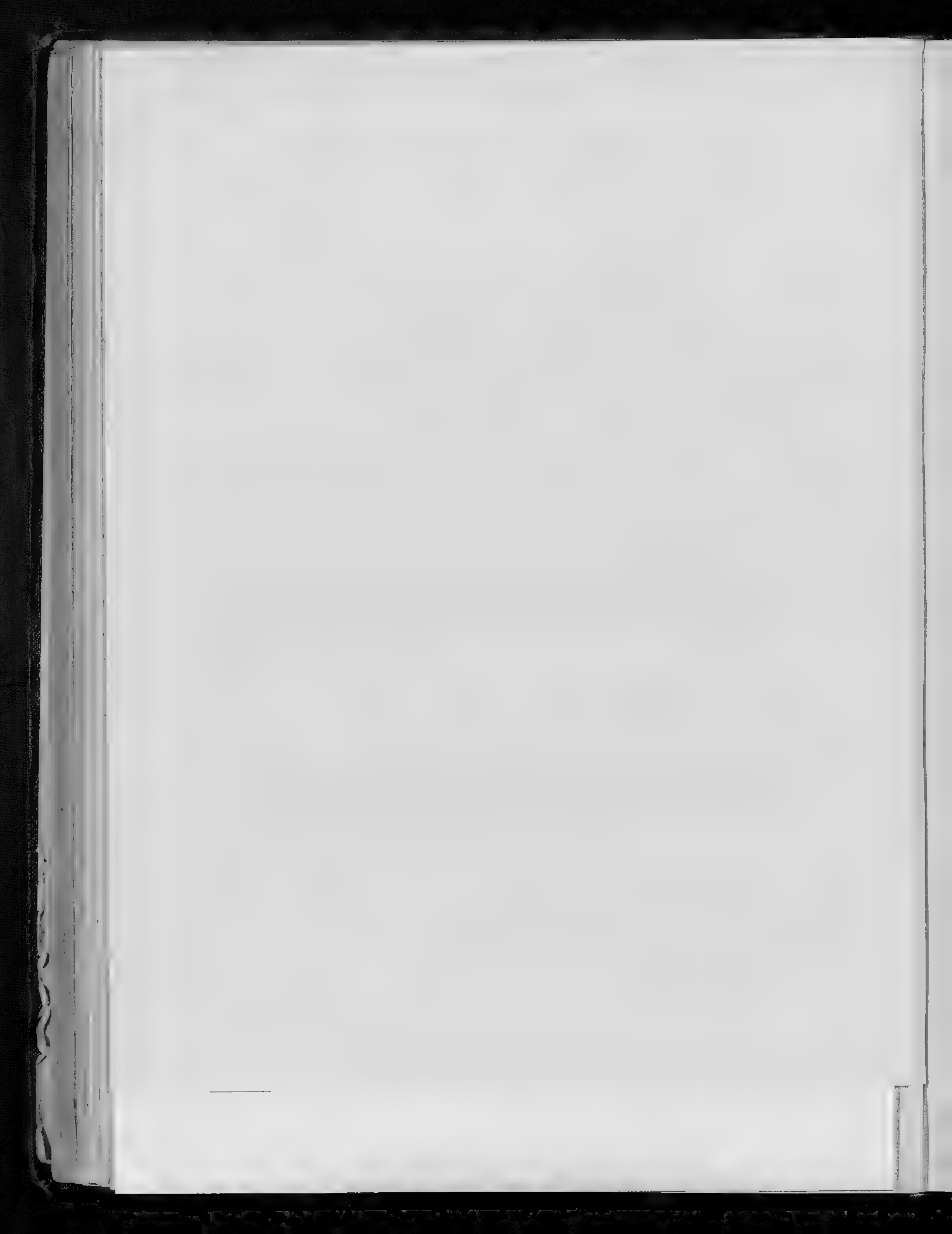
[1]) Справочная книжка Самаркандской области на 1895 годъ, ст. г. Вирскаго.

Гр. Іосифъ Владиміровичъ Гурко.

Съ гравюры М. В. Рундальцева. 1909 г.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°"

21



н іки, прежде всего,—которые также не прочь были имѣть свою „колонію". О Дальнемъ Востокѣ въ тѣ дни еще и помину не было,—какъ объектъ эксплуатаціи русскаго капитализма онъ выступилъ десятью годами позже. Была страна гораздо ближе, только что освобожденная силою русскаго оружія, здѣсь несшаго свою цивилизаторскую миссію такъ же, какъ и въ Туркестанѣ. Война за Болгарію 1877—1878 гг. не была войною за рынки: по своему происхожденію, какъ мы видѣли, это была своеобразная форма самообороны русскаго феодализма отъ буржуазнаго строя, надвигавшагося на него въ образѣ „Европы". Въ этомъ смыслѣ война была проиграна—пришлось согласиться на превращеніе и послѣднихъ угловъ, гдѣ могъ найти себѣ убѣжище „славянскій духъ", Сербіи и Болгаріи, въ буржуазныя государства шаблоннаго западно-европейскаго типа, съ конституціей, свободой печати и тому подобными „дурачествами", употребляя счастливое выраженіе одного изъ совѣтниковъ Александра II, сказанное по другому поводу [1]). Правда, „освободители Болгаріи" утѣшали себя надеждой, что освобожденные скоро раскаются въ своемъ грѣхопаденіи, увидя на опытѣ все то зло, какое несутъ съ собою эти западныя дурачества. Военный совѣтъ, засѣдавшій въ Филиппополѣ лѣтомъ 1878 г. и немедленно, по полученіи тамъ извѣстій о рѣшеніяхъ Берлинскаго конгресса, занявшійся вопросомъ, что же дѣлать дальше съ освобожденной страной, былъ въ этомъ твердо убѣжденъ. „При ограниченіи царствующаго князя въ законодательной власти и отсутствіи въ Болгаріи способныхъ людей для управленія государственной машиной, — разсуждали русскіе генералы,—печать и собранія являются тормозомъ въ правильномъ теченіи государственныхъ дѣлъ, тѣмъ самымъ является застой въ дѣлахъ центральнаго управленія, и усиливается неудовольствіе населенія противъ правительства и иногда даже противъ верховнаго главы государства. Тогда является необходимость въ государственномъ переворотѣ. *При существованіи въ странѣ подобнаго порядка вещей болгарскій народъ придетъ къ сознанію необходимости протектората Россіи и самъ обратится къ покровительству Царя-Освободителя*" [1]).

Когда эти дѣтскія надежды совершенно не оправдались, болгарскій народъ обнаружилъ видимыя симпатіи къ своей демократической конституціи [2]) и стремился исполь-

---

1) См. гл. „Крест. реформа" въ III т., стр. 93.

1) „Оккупаціонный Фондъ". Документы изъ секретнаго архива русскаго правительства. Софія—Берлинъ 1893. Русское министерство иностранныхъ дѣлъ въ свое время офиціально опровергло подлинность опубликованныхъ въ этой брошюрѣ документовъ, начавъ, въ то же время, противъ доставившаго ихъ лица судебное преслѣдованіе за „кражу" (а не за „поддѣлку") ввѣренныхъ ему по службѣ бумагъ. Герои драмы, непосредственно задѣтые разоблаченіями, въ своей частной перепискѣ ни на минуту не сомнѣвались въ подлинности большей части бумагъ. См. Golovine, „Fürst Alexander I von Bulgarien", Wien, 1896, S. 495.

2) См. по этому вопросу П. Милюковъ, „Болгарская конституція", „Русское Богатство", 1904, 8—10.

зовать ее возможно шире, возникла идея добиться цѣли инымъ путемъ. Эта попытка—осуществить, во что бы то ни стало, „необходимый" для счастья Болгаріи „государственный переворотъ" — окутана такимъ густымъ облакомъ лжи, что разсмотрѣть ея дѣйствительную сущность не легко. Апологеты русской политики, казалось бы, наилучше освѣдомленные въ дѣлѣ, по своему служебному положенію, въ родѣ генерала Соболева, не стѣснялись утверждать, что „прѣвратъ" 15/27 апрѣля 1881 года былъ совершенъ княземъ Александромъ Баттенбергомъ безъ вѣдома и даже чуть не вопреки прямо выраженной волѣ русскаго правительства. Съ перваго взгляда, однакоже, крайне мало вѣроятно, чтобы болгарскій государь, ставленникъ Россіи и близкій родственникъ русскаго царствующаго дома, которому онъ былъ всѣмъ обязанъ, рѣшился на такую дерзкую попытку, какъ фактическое превращеніе себя изъ конституціоннаго монарха въ самодержца, не спросясь Петербурга. Чрезвычайно близкое участіе въ „прѣвратѣ" русскихъ генераловъ и дипломатовъ—участіе сознательное, котораго они не думали скрывать, которымъ нѣкоторые изъ нихъ позже даже хвалились, тоже говорить противъ этого: въ русскихъ бюрократическихъ кругахъ дисциплина въ тѣ времена не падала такъ низко, чтобы отдѣльные представители бюрократіи помогали предпріятію, дѣйствительно — а не на словахъ только—запрещенному начальствомъ. А наконецъ, у насъ имѣется и документальное доказательство, что еще за нѣсколько мѣсяцевъ до 15 апрѣля 1881 года, при жизни Александра II, русское министерство иностранныхъ дѣлъ знало о намѣреніяхъ Баттенберга—и совсѣмъ не расположено было ему мѣшать [1]). Министерство интересовалось однимъ,—какъ отнесутся къ упраздненію (на дѣлѣ, а не на словахъ) болгарской конституціи западныя державы, такъ настаивавшія на ней во время Берлинскаго конгресса. При наличности ихъ согласія на переворотъ, или хотя бы при отсутствіи прямого противодѣйствія съ ихъ стороны, Баттенбергъ могъ дерзать съ полною вѣрою въ моральную поддержку со стороны Россіи. А посылка въ Болгарію какъ разъ къ нужному моменту генерала Эрнрота, на другой день послѣ переворота ставшаго во главѣ болгарскаго кабинета и при помощи такихъ энергичныхъ мѣръ, какъ введеніе полевыхъ судовъ, возстановленіе турецкаго закона о печати и практическое упраздненіе тайной подачи голосовъ на выборахъ, блестяще проведшаго самоупраздненіе болгарскаго парламента, показываетъ, что при Александрѣ III эта моральная поддержка понималась еще шире, чѣмъ при его отцѣ. Что и русскій генералъ не могъ осуществить своей программы безъ помощи мѣстныхъ

---

1) См. секретный циркуляръ министра иностр. дѣлъ Гирса у Головина, „Fürst Alexander I v. Bulgarien", S. 133—4 и изложеніе разговоровъ по этому поводу въ совѣтѣ министровъ въ „Оккупаціонномъ Фондѣ", стр. 45—46. Послѣдній въ данномъ случаѣ не имѣетъ, конечно, значенія документальнаго источника, но приводимые имъ факты весьма правдоподобны.

Гр. Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ

Съ портрета, писаннаго Ф. Ленбахомъ
Копія Нерадовскаго.
(Съ любезнаго разрѣшенія гр. Э. Тотлебена въ С.-Петербургѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ“. Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

22

элементовъ, въ лицѣ крупной болгарской буржуазіи, представленной партіей консерваторовъ [1]), это было слишкомъ естественно и вовсе не ставило еще переворота въ національныя рамки, — не дѣлало его исключительно домашнимъ болгарскимъ дѣломъ. Притомъ, какъ только вскрылись экономическіе факторы, изъ-за кулисъ руководившіе желѣзной рукой генерала Эрнрота, солидарность русскаго правительства и его болгарскихъ друзей быстро стала таять, а событія весны 1881 года — принимать видъ попытки вторичнаго захвата того, что ушло изъ рукъ въ 1878 году. Въ виду того, что это вторичное завоеваніе Болгаріи уже несомнѣнно составляетъ одинъ изъ эпизодовъ русской колоніальной политики, слѣдуетъ заняться „прѣвратомъ" 1881 года подробнѣе.

Первый фактъ, который приходится отмѣтить, это—что въ Россіи не только правительство, но и та часть общества, для которой интересъ къ балканскимъ дѣламъ былъ своего рода монополіей, были какъ нельзя быть болѣе довольны всѣмъ совершившимся. О недовѣріи къ „нѣмцу", какъ стали скоро называть Баттенберга, не было и рѣчи: напротивъ, глава славянофиловъ, Иванъ Аксаковъ, считалъ Александра способнымъ создать въ Болгаріи „истинно національную" систему управленія. Въ разрушеніи конституціи Аксаковъ видѣлъ одинъ изъ главнѣйшихъ залоговъ именно этой „національности": конституція вѣдь есть нѣчто наносное, западное; истинно славянскимъ принципомъ является мѣстное самоуправленіе—классическимъ типомъ его для Аксакова была русская община—„безъ политическаго значенія". Народъ не стремится—въ Россіи и другихъ славянскихъ странахъ—къ верховной власти, не ищетъ господствовать въ государствѣ, а требуетъ правительства, которое бы своей энергіей, силой, „безкорыстіемъ и своимъ народнымъ характеромъ внушало довѣріе" [1]). Но на мѣстѣ, въ Болгаріи, такой оптимизмъ скоро потерялъ подъ собою почву. Участіе Россіи въ переворотѣ 27 апрѣля исходило отъ мысли, что Баттенбергъ окончательно рѣшилъ поступить на русскую службу,—стать своего рода генералъ-губернаторомъ „Задунайской области": внѣшнимъ образомъ это было выражено, между прочимъ, тѣмъ, что князю Александру было ассигновано жалованье изъ удѣльныхъ суммъ, по 100.000 рублей въ годъ. Правда, болгарскій князь увѣрялъ потомъ, что онъ ни копейки изъ этого жалованія фактически не получилъ: но важенъ самый фактъ его назначенія. На князя Александра надѣялись, видѣли въ немъ „своего человѣка". Но былъ ли Баттенбергъ на самомъ дѣлѣ „свой"? Ближайшій наблюдатель, русскій дипломатическій агентъ въ Болгаріи, Хитрово, усомнился въ этомъ еще до „великаго собранія", вручившаго

---

[1]) О партійной борьбѣ этихъ дней въ Болгаріи см. у г. Милюкова.

[1]) Изъ письма Аксакова къ кн. Александру, написаннаго въ концѣ іюля 1881 г., т.-е. мѣсяца черезъ три послѣ переворота. См. Golovine, S. 187—188.

князю чрезвычайныя полномочія [1]), во время своего совмѣстнаго путешествія съ Александромъ. Его смутили, прежде всего, безукоризненно хорошія отношенія болгарскаго государя съ представителями той самой „Европы“, которая, по традиціи, считалась главнымъ нашимъ врагомъ на Балканскомъ полуостровѣ,—въ особенности съ представителемъ явной русской конкурентки, Австріи. Хитрово сразу заподозрѣлъ здѣсь двойную игру, а наблюденіе надъ личнымъ характеромъ князя очень скоро убѣдило его, что психологически такая двойная игра здѣсь вполнѣ возможна и даже весьма вѣроятна. „Что касается до личныхъ качествъ принца Баттенбергскаго, — писалъ уже въ іюнѣ 1881 года русскій дипломатическій представитель одному изъ своихъ подчиненныхъ,— то я долженъ вамъ сознаться, что я его считаю способнымъ на всѣ пакости“ [2]). Подозрѣнія перешли въ увѣренность, когда всталъ на очередь основной вопросъ, составлявшій экономическій базисъ всего переворота,—вопросъ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Государственный совѣтъ, учрежденіе котораго фигурировало въ первомъ же изъ ультимативныхъ требованій, поставленныхъ Александромъ „великому народному собранію“—за тѣмъ и былъ нуженъ болгарскимъ консерваторамъ, что при его помощи они надѣялись достигнуть того, на что у нихъ не было никакихъ шансовъ въ народномъ собраніи: передачи этого важнѣйшаго для Болгаріи предпріятія въ руки „консервативныхъ“ грюндеровъ, въ родѣ крупнаго подрядчика и софійскаго городского головы, Хаджіенова, кассира консервативной партіи, не даромъ истратившаго на „агитацію“ лѣтомъ 1881 года нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ. Уже въ одномъ этомъ крылось очевидное руссофобство: ибо на столь выгодное дѣло были охотники и въ самой Россіи, въ лицѣ Полякова, барона Гинзбурга, ген. Струве и многихъ другихъ. Русская дипломатія обязана была, конечно, отстаивать интересы этихъ послѣднихъ; сердечное единеніе русскаго правительства и болгарскихъ консерваторовъ не могло не пострадать отъ этого съ первыхъ же шаговъ. Хитрово добился личнаго согласія князя Александра на то, чтобы постройка желѣзныхъ дорогъ была передана барону Гинзбургу, но надо было добиться согласія еще той партіи, которая, благодаря поддержкѣ русскаго правительства, стояла теперь у дѣлъ въ Болгаріи, а это было прямо невозможно: консерваторы готовы были поддерживать русское господство чѣмъ угодно, но только не деньгами изъ своего кармана. Этотъ конфликтъ аппетитовъ весьма скоро осложнился конфликтомъ ин-

[1]) Постановленія „великаго собранія“ сводились къ слѣдующимъ тремъ пунктамъ: 1) князь въ теченіе 7 лѣтъ можетъ дѣйствовать, не стѣсняясь конституціей, даже, въ случаѣ надобности, создавать новыя учрежденія (государственный совѣтъ, напримѣръ); 2) очередное народное собраніе отмѣняется, при чемъ бюджетъ въ силѣ остается прошлогодній; 3) князю предоставляется, до истеченія 7 лѣтъ, созвать еще разъ „великое собраніе“ для пересмотра конституціи.

[2]) „Оккупаціонный Фондъ“, стр. 65.

тересовъ, гораздо болѣе крупнаго масштаба. „Національный режимъ" въ Болгаріи, выраженный въ экономическихъ терминахъ, означалъ превращеніе освобожденной русскими усиліями страны въ рынокъ для русскихъ фабрикатовъ. Не даромъ, по почину именно Аксакова, московское купечество снарядило спеціальную торговую экспедицію въ Болгарію и стало усиленно хлопотать о пониженіи пошлинъ въ Болгаріи на русскіе товары. Экспедиція дѣйствовала, почти какъ официальная власть, требуя отъ мѣстныхъ административныхъ властей полнаго себѣ содѣйствія,—за недостаточную предупредительность въ этомъ отношеніи одинъ префектъ былъ смѣщенъ. Картина россійскаго купечества, явившагося хозяйничать въ Болгаріи вслѣдъ за русскими генералами, дипломатами и жандармами, тоже была не изъ тѣхъ, которыя могли бы расположить къ Россіи сердца болгарскихъ „предпріемачей"—столповъ консервативной партіи. Но и это былъ еще только оттѣнокъ. Основной фонъ давалъ вопросъ о *направленіи* будущихъ болгарскихъ желѣзнодорожныхъ линій. Для самой Болгаріи наиболѣе выгодной являлась желѣзная дорога, связывавшая центральные земледѣльческіе округа страны съ Чернымъ моремъ — открытой и дешевой дорогой ко всѣмъ странамъ. Представители Россіи настаивали на „русскомъ" направленіи—отъ центра страны къ Дунаю, именно къ Систову; помимо технико-экономическихъ соображеній, возможности легко связаться съ русской желѣзнодорожной сѣтью, тутъ играли роль и стратегическія: въ направленіяхъ Систово — Тырново и Систово — Софія шли главныя операціонныя линіи русскаго похода въ 1877 году. Что „русское" направленіе являлось самымъ дорогимъ изъ всѣхъ возможныхъ, это, конечно, менѣе всего смущало его защитниковъ, а съ точки зрѣнія охотившихся за болгарскими желѣзными дорогами русскихъ грюндеровъ это былъ, разумѣется, прямо плюсъ. Но тутъ то и обнаружилась со всею ясностью „измѣна" князя Александра. Онъ категорически настаивалъ на *западномъ* направленіи будущей желѣзнодорожной линіи, Софія—Царибродъ—Вакарель; оно было слишкомъ вдвое дешевле „русскаго" [1]), но связывало болгарскую сѣть не съ русской, а съ австрійской. Впечатлѣніе получалось тѣмъ болѣе тягостное, что въ подтвержденіе своей мысли князь ссылался на желаніе державъ-участницъ Берлинскаго конгресса и недвусмысленно давалъ понять, что онъ въ этомъ случаѣ надѣется на поддержку Европы. Хуже этого ничего нельзя было и придумать.

Позиція, занятая княземъ Александромъ въ желѣзнодорожномъ вопросѣ, рѣшала все дѣло; съ этого именно момента онъ начинаетъ становиться тѣмъ „нѣмцемъ", какого постоянно рисовала потомъ казенно-славянофильская публицистика. Уже къ осени 1881 года отъ прежняго благоволенія славянофильскихъ

[1]) По признанію самого ген. Соболева, „русская" линія обошлась бы въ 42 мил. франковъ, а „международная"—всего 18 м. См. „Русская Старина", 1886 г., сентябрь, стр. 726, прим. 1.

публицистовъ къ Баттенбергу не оставалось и слѣда. „Михаилъ Никифоровичъ (Катковъ) совсѣмъ сердится на насъ—писалъ въ октябрѣ этого года Хитрово одному изъ своихъ коллегъ. — Онъ говоритъ: вмѣсто того, чтобы избавить Болгарію отъ лишняго нѣмца, будто бы, мы выдали ему какое-то уполномочіе на самостоятельную продажу славянъ. По его словамъ, нѣмецъ и насъ продастъ за грошъ своимъ братьямъ. Почтенный Михаилъ Никифоровичъ полагаетъ, что въ скоромъ будущемъ мы будемъ призывать къ намъ на помощь тѣхъ изъ болгаръ, которыхъ мы теперь заключили въ тюрьму и выслали изъ предѣловъ княжества. Нашихъ же мнимыхъ приверженцевъ мы сами будемъ называть измѣнниками обоихъ отечествъ." Но уже еще раньше въ головѣ самого Хитрово сложился опредѣленный планъ противодѣйствія кознямъ "измѣнившаго" России князя. Суть этого плана, быстро получившаго одобреніе въ Петербургѣ, заключалась въ томъ, чтобы использовать полученныя Баттенбергомъ полномочія противъ самого Баттенберга и поддерживавшихъ его консерваторовъ, назначивъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и предсѣдателемъ совѣта министровъ въ Болгаріи русскаго генерала. „Желѣзная рука" Эрнрота возрождалась теперь для разрушенія того самаго дѣла, которое она создала. Но роль новаго освободителя Болгаріи и спасителя ея, на этотъ разъ отъ „нѣмецкаго" ига, выпала на долю новаго лица, такъ какъ теперь требовалась не только энергія, но и знаніе мѣстныхъ условій. Работать приходилось самостоятельно, не надѣясь ни на чью помощь и поддержку—ни со стороны консерваторовъ, теперь явно неблагонадежныхъ, ни со стороны либераловъ, напуганныхъ и совершенно основательно не довѣрявшихъ Россіи послѣ той роли, какую она сыграла въ переворотѣ [1]). Въ виду этого въ Болгарію рѣшено было послать человѣка, хорошо знавшаго страну и принадлежавшаго къ тому кружку русскихъ военныхъ и дипломатовъ, которые еще въ 1878 г. составили опредѣленную програму дѣйствій относительно болгарскаго князя и его народа, въ видахъ подчиненія ихъ болѣе или менѣе непосредственно русской власти. Этимъ чиновникомъ былъ бывшій дѣлопроизводитель знакомаго намъ „военнаго совѣта" 1878 года, тогда полковникъ, а теперь уже генералъ, Соболевъ. Въ октябрѣ 1881 года, менѣе чѣмъ черезъ полгода послѣ переворота, назначеніе Соболева въ Болгарію для борьбы съ „нѣмцемъ" было уже дѣломъ рѣшеннымъ.

Баттенбергъ, своевременно извѣщенный о грозившей ему непріятности, продолжалъ вести свою двойную игру. Онъ или, вѣрнѣе, руководившіе имъ и правившіе отъ его имени болгарскіе консерваторы прекрасно понимали, что „воля Россіи" для нихъ единственный козырь

1) „Такіе русскіе" (какъ тѣ, что содѣйствовали князю Александру въ „прѣвратѣ")—писалъ Др. Цанковъ Хитрово лѣтомъ 1881 года—„добиваются у насъ того же, чего они добились въ Сербіи: что болгары вспомнятъ слова, сказанныя однимъ древнимъ мудрецомъ пчелѣ,—„я не хочу отъ тебя ни меду, ни жала".

передъ народными массами,—что открытый разрывъ съ Россіей будетъ ихъ политической смертью. Они твердо рѣшили избѣгать всякой видимости такого разрыва—и, едва узнавъ о кандидатурѣ Соболева, Александръ поспѣшилъ воспользоваться первой же своей поѣздкой въ Петербургъ, чтобы *просить* генерала себѣ въ министры. Для глазъ людей, не посвященныхъ въ подкладку дѣла, все выходило какъ нельзя болѣе благополучно. А затѣмъ консерваторы разсчитывали, что они все-таки знаютъ болгарскія дѣла лучше Соболева, да и по части практической политики сильнѣе его, въ чемъ они опять-таки были правы, такъ какъ имъ довольно легко удалось заставить русскаго генерала согласиться на избирательный законъ, выгодный исключительно для консерваторовъ (законъ уменьшалъ число депутатовъ, вводилъ непрямые выборы, имущественный и образовательный цензъ), ни мало не увеличившій популярности Россіи и поставленнаго ею министра,—но всецѣло легшій на его отвѣтственность: законъ такъ и получилъ названіе „соболевскаго“. Но никакая шахматная игра не была болѣе возможна, разъ выступили на сцену экономическіе интересы, а не выступить они не могли, ибо въ нихъ была суть дѣла. Какъ только снова сталъ на очередь желѣзнодорожный вопросъ, конфликтъ былъ неминуемъ.

А вопросъ появился на сценѣ съ первыхъ же дней пребыванія въ Болгаріи „генераловъ“ — какъ въ просторѣчіи стали называть Соболева и его товарища, военнаго министра Каульбарса. „Желѣзнодорожный вопросъ все время не сходилъ съ устъ генерала Соболева“— говоритъ біографъ перваго болгарскаго князя, Головинъ. Намъ нѣтъ надобности входить въ разборъ и оцѣнку тѣхъ личныхъ мотивовъ, которые этотъ авторъ, все вообще склонный объяснять личными мотивами, подставляетъ въ видѣ объясненія къ каждой перипетіи желѣзнодорожнаго вопроса [1]). Для насъ совершенно достаточно, что съ этимъ „руссофобомъ“—въ русскомъ происхожденіи котораго не сомнѣвались, кажется, даже „Московскія Вѣдомости“ — вполнѣ согласенъ, въ основномъ, такой несомнѣнный „руссофилъ“, какъ самъ присланный изъ Петербурга первый министръ Болгаріи. „Главная суть дѣла заключалась въ разрѣшеніи желѣзнодорожнаго вопроса“ — пишетъ въ своей оправдательной запискѣ генералъ Соболевъ [2]). Такъ какъ, по его словамъ, консерваторы „уже имѣли готовый планъ желѣзныхъ дорогъ“, а въ ихъ рукахъ были всѣ министерскіе портфели, кромѣ „генеральскихъ“, въ томъ числѣ и министерство общественныхъ работъ, завѣдывавшее желѣзнодорожнымъ строительствомъ, то вопросъ съ самаго начала сталъ кабинетскимъ. Соболеву непремѣнно нужно было выжить изъ министерства Вулковича, консервативнаго министра общественныхъ работъ, съ которымъ, не только номинально, были солидарны всѣ вожди консер-

[1]) См. „Fürst Alexander I v. Bulgarien“ S. 201, 293 sq., 206, 220 sq. etc.

[2]) „Русская Старина“ 1886, сентябрь, стр. 706.

вативной партіи, засѣдавшіе въ министерствѣ—Начевичъ, Грековъ и Стоиловъ. Произошелъ рядъ рѣзкихъ сценъ, которыя даже въ завѣдомо смягченномъ изображеніи самого генерала Соболева даютъ чрезвычайно яркую картину внутренней жизни „солидарнаго“ болгарскаго кабинета въ 1882 году. Русскій генералъ называлъ въ глаза своего коллегу по министерству „агентомъ Гирша“ (строившаго ранѣе въ Болгаріи желѣзныя дороги), а въ своей „запискѣ“ онъ откровенно приписываетъ консерваторамъ намѣреніе „ограбить княжество“ [1]). Нельзя, конечно, не признать, что по существу онъ былъ совершенно правъ, но бѣда была въ томъ, что его противники могли усвоить всѣ эти лестные эпитеты приверженцамъ русскаго плана. По плану, который отстаивалъ ген. Соболевъ, желѣзныя дороги въ Болгаріи должны были строиться не только русскими предпринимателями при содѣйствіи русскихъ инженеровъ, но и рабочіе для постройки должны были быть привезены изъ Россіи, и подвижной составъ долженъ былъ быть доставленъ оттуда же [2]). А болгары по опыту прекрасно знали, что значило пользоваться подобными „даровыми“ услугами русскаго правительства; у нихъ было еще свѣжо въ памяти, напримѣръ, какъ Россія „снабжала“ болгарское войско ружьями, ставя болгарскому правительству винтовки Крынка, признанныя негодными для вооруженія русской арміи, по заводской цѣнѣ, тогда какъ на рынкѣ можно было купить тѣ же винтовки чуть не за гроши. Нужно было быть слишкомъ наивнымъ человѣкомъ, чтобы не понять, что та же исторія повторится и съ русскими рельсами, паровозами и вагонами. А уже кто не былъ наивными людьми, такъ это, конечно, болгарскіе консерваторы и стоявшіе за ихъ спинами Хаджіеновъ и К°. Въ борьбѣ съ генераломъ Соболевымъ консерваторамъ, быть можетъ, неожиданно даже для самихъ себя, пришлось стать дѣйствительно защитниками національныхъ интересовъ, отстаивающими народный карманъ отъ покушеній на него со стороны заграничныхъ хищниковъ. Партія, непосредственно послѣ переворота настолько непопулярная, что могла держаться только угрозой русскихъ штыковъ, становится теперь мало-по-малу пріемлемой даже для болѣе умѣренной части болгарскихъ либераловъ, типа Цанкова; передъ лицомъ надвигавшейся хищнической конкуренціи всѣ слои болгарской буржуазіи начали сознавать общность своихъ интересовъ. Своей „энергіей“ русскій премьеръ болгарскаго кабинета только подготовилъ тотъ блокъ консерваторовъ и либераловъ, о который разбилась, въ концѣ-концовъ, его авантюра. Вытѣснивъ Вулковича изъ министерства, онъ не нашелъ на его мѣсто ни одного болгарскаго министра, а такъ какъ на приглашеніе третьяго русскаго въ составъ кабинета его коллеги рѣшительно не соглашались, то Соболеву пришлось взять этотъ портфель самому. Фактическимъ начальникомъ бол-

[1]) Ib. 710.

[2]) См. Golovine, S. 221; ср. Соболевъ, въ „Рус. Стар.“, 726, примѣч.

гарскихъ дорогъ сталъ кн. Хилковъ (будущій русскій министръ путей сообщенія), нарочно для этой цѣли приглашенный Соболевымъ изъ России. Надъ министерствомъ была, такимъ образомъ, одержана побѣда; но вопросъ о постройкѣ желѣзнодорожной сѣти долженъ былъ пройти еще черезъ народное собраніе, а здѣсь русскій генералъ самъ подготовилъ почву для своихъ противниковъ, лучше которой они не могли и пожелать. Мы уже упоминали о „соболевскомъ“ избирательномъ законѣ; уже его было бы достаточно, чтобы создать человѣку, связавшему съ нимъ свое имя, совершенно опредѣленную репутацію среди болгарской интеллигенціи. Но твердо помня „удачные“ результаты тактики генерала Эрнрота, его преемникъ и продолжатель на этомъ не остановился. Гражданамъ снова помогли найти достойныхъ кандидатовъ въ члены собранія, при чемъ выдающуюся роль въ этой операціи сыграли „драгуны“; такъ назывались въ Болгаріи наши жандармы. Тутъ на долю консерваторовъ досталась совсѣмъ выигрышная роль. Хотя они сами, конечно, нисколько не постѣснялись бы пустить въ ходъ совершенно подобныя же средства избирательной агитаціи, но разъ эти средства примѣняли не они, а русскіе генералы, позиція консерваторовъ была совершенно ясна. Начевичъ, Грековъ и Стоиловъ потребовали упраздненія „драгунскаго“ корпуса и разыграли по этому случаю даже комедію министерскаго кризиса. Князь Александръ—неизвѣстно, было ли это продолженіемъ двойной игры или просто на дѣло повліяли его нѣмецко-гвардейскія привычки—сталъ на сторону Соболева. „Драгуны“ остались [1]. Но выборы въ собраніе, несмотря на ихъ участіе, прошли дружно подъ лозунгомъ „Болгарія для болгаръ“, и „соболевскій“ законъ нисколько не помѣшалъ тому, что выбранные на основаніи этого закона депутаты весьма рѣшительно выразили недовѣріе генералу Соболеву, потребовавъ, чтобы министромъ общественныхъ работъ былъ назначенъ болгаринъ. Никакой надежды провести черезъ такое собраніе „русскій“ типъ желѣзнодорожнаго проекта, разумѣется, и быть не могло. Въ слѣдующую сессію концессія на постройку желѣзныхъ дорогъ была передана одной болгарской компаніи.

Неудача съ желѣзными дорогами въ свое время чрезвычайно мало обратила на себя вниманіе современниковъ, за исключеніемъ, разумѣется, лицъ спеціально заинтересованныхъ—Поляковыхъ и Гинзбурговъ. Но, въ сущности, это было начало конца. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ сколько-нибудь подробно остановиться на перипетіяхъ борьбы, которую вела русская дипломатія въ Болгаріи въ послѣдующія пять лѣтъ до дня 5 ноября 1886 года, когда страна-освободительница прекратила всякія дипломатическія сношенія съ освобожденной ею страной. Мы напомнимъ только, что весь этотъ пятилѣтній промежутокъ наполненъ для рус-

---

[1] Эпизодъ этотъ подробно разсказанъ самимъ Соболевымъ. См. „Рус. Стар.“, стр. 711—717.

скаго правительства однѣми неудачами. Всѣ попытки вернуть болгаръ къ „исполненію своего долга“ ласкою или угрозою ни къ чему не приводили. Разорвавъ съ консерваторами, „генералъ“ думалъ опереться на либераловъ и, въ залогъ будущей дружбы съ послѣдними, возстановить уничтоженную при участіи Россіи тырновскую конституцію: Баттенбергъ примирился съ либералами и возстановилъ конституціонный порядокъ раньше, чѣмъ Соболевъ и его коллега успѣли за это приняться. Тогда русская дипломатія, въ видѣ постояннаго средства завоевать симпатіи болгаръ, стала подготовлять объединеніе сѣверной и южной Болгаріи (восточной Румеліи); правительство князя Александра и тутъ кончило дѣло скорѣе, чѣмъ русскіе могли его начать. Съ момента уніи (8 сентября 1885 года) русское вліяніе въ Болгаріи могло разсчитывать исключительно на факторы, наиболѣе матеріальнаго свойства — на деньги и штыки. Но и первымъ не удавалось устроить больше нѣсколькихъ пронунціаменто, въ родѣ низверженія князя Александра въ августѣ 1886 года,—результаты которыхъ не могли продержаться дольше двухъ дней. А вторыхъ „Европа“ твердо рѣшила не впускать вторично въ Болгарію.

3. Дальній Востокъ.

Попытка средне-азіатскими пріемами проложить русскому капитализму дорогу на Балканскій полуостровъ кончилась полной неудачей. Еще разъ отброшенный на Западѣ, этотъ капитализмъ имѣлъ теперь лишнее основаніе искать компенсаціи на Востокѣ. Но средне-азіатскій Востокъ былъ уже использованъ до конца къ этому времени; послѣ занятія Мерва двигаться дальше въ этомъ направленіи было нельзя, не рискуя опять встрѣтить на своемъ пути „Европу“, въ образѣ Англіи. Было достаточно горькаго опыта, чтобы не чувствовать въ этомъ случаѣ особенной бодрости. Нужно было выбирать противника болѣе по своимъ силамъ. И не совсѣмъ случайно параллельно съ болгарскими неудачами въ кругъ вниманія людей, правившихъ судьбами Россіи, вдвигаются берега Великаго океана. Въ 1887 году иркутскій генералъ-губернаторъ, гр. А. Игнатьевъ, въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, особенно подчеркивалъ важность и необходимость постройки желѣзныхъ дорогъ въ Восточной Сибири. Мысль была отнюдь не новая: первый проектъ желѣзной дороги отъ Нижняго - Новгорода до береговъ Амура относится еще къ 1858 году. Но въ то время, какъ тогдашніе государственные дѣятели „не видѣли существенной надобности“ ни въ чемъ подобномъ, слова Игнатьева нашли себѣ сейчасъ же очень живой отголосокъ. Императоръ Александръ III написалъ на отчетѣ иркутскаго генералъ - губернатора: „Уже сколько отчетовъ генералъ-губернаторовъ Сибири Я читалъ и долженъ со стыдомъ и грустью сознаться, что правительство до сихъ поръ почти ничего не сдѣлало для удо-

Гр. Николай Павловичъ Игнатьевъ.

Съ фотографическаго портрета.

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

23

влетворенія потребностей этого богатаго, но запущеннаго края. А пора, давно пора!“ Согласно съ духомъ высочайшей резолюціи, особое совѣщаніе о сибирскихъ желѣзныхъ дорогахъ, образованное весною 1887 года, и рѣшило вопросъ въ положительномъ смыслѣ. „Основная точка зрѣнія членовъ этого совѣщанія — говоритъ оффиціальная исторія сибирской желѣзной дороги — состояла въ единогласномъ признаніи, что *въ общегосударственномъ и въ особенности въ стратегическомъ отношеніяхъ* ускореніе сношеній Европейской Россіи съ отдаленнымъ Востокомъ становится съ каждымъ годомъ все болѣе неотложнымъ, несмотря на то, что проложеніе рельсоваго пути черезъ Сибирь не обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ, при ограниченномъ торговомъ сибирскомъ движеніи, положительныхъ выгодъ и можетъ окупиться лишь со временемъ“. Сообразно съ этимъ, совѣщаніе признавало необходимымъ „дѣятельное участіе“ въ производствѣ изысканій для новой дороги и опредѣленіи ея направленія — „военнаго вѣдомства“ [1]). Съ самаго начала, такимъ образомъ, стало ясно, что дѣло идетъ не столько о нуждахъ „богатаго, но запущеннаго края“, сколько о новой операціонной линіи военно-коммерческихъ экспедицій и театрѣ будущихъ колоніальныхъ войнъ.

По воспоминаніямъ о прежнихъ подвигахъ въ этихъ отдаленныхъ областяхъ задача казалась здѣсь едва ли не еще болѣе легкой, чѣмъ въ Туркестанѣ. Ближайшимъ возможнымъ нашимъ противникомъ на Амурѣ были китайцы. Провербіальное отвращеніе этого народа къ войнѣ — профессія военнаго человѣка, въ глазахъ китайца, какъ извѣстно, ничуть не почетнѣе профессіи разбойника — въ концѣ 50-ыхъ годовъ прошлаго вѣка было блестяще подтверждено „завоеваніемъ“ Амура гр. Н. Н. Муравьевымъ, самымъ оригинальнымъ завоеваніемъ, какое только можно себѣ вообразить, когда оказалось достаточнымъ даже не выстрѣловъ, а только угрозъ выстрѣлами, чтобы заставить противника уйти, уступивъ все, чего отъ него требовали. Въ Средней Азіи все же приходилось на дѣлѣ стрѣлять, и иной разъ неоднократно, чтобы достигнуть такой цѣли [1]). Экспедиція Муравьева сама по себѣ чрезвы-

---

[1]) „Сибирская желѣзная дорога въ ея прошломъ и настоящемъ“; Спб. 1908, стр. 72—73. Курс. нашъ.

[1]) Захватъ Муравьевымъ лѣваго берега р. Амура долго оставался фактомъ, юридически не санкціонированнымъ, такъ какъ пекинское правительство отказывалось ратификовать сдѣлку, заключенную напуганными русской экспедиціей мѣстными китайскими властями съ русскимъ генераломъ. Отправленный въ Пекинъ для окончательнаго разрѣшенія этого вопроса генералъ-маіоръ Игнатьевъ (будущій, въ 1875—76 гг., посолъ въ Константинополѣ) пріѣхалъ на мѣсто назначенія какъ разъ въ ту минуту, когда англо-французскія войска готовились брать китайскую столицу. Въ такой обстановкѣ перепуганные придворные богдыхана за посредничество готовы были отдать что угодно — и договоръ 2 ноября 1860 г. не только утвердилъ за Россіей лѣвый берегъ, но и отдалъ ей, какъ бы въ видѣ штрафа за медленность, еще весь Уссурійскій край. Это былъ первый дипломатическій успѣхъ будущаго вершителя восточной политики — съ него началась блестящая карьера Игнатьева.

чайно характерна, между прочимъ, своимъ хронологическимъ совпаденіемъ съ экспедиціей Перовскаго на Сыръ-Дарьѣ. Только вспомнивъ, что 40—50-е годы XIX вѣка были періодомъ перваго расцвѣта русскаго капитализма, поперекъ дороги которому стояло крѣпостное право, мы поймемъ эту „тягу на Востокъ" русскихъ генераловъ, между собой не сговаривавшихся и, вѣроятно, очень смутно представлявшихъ себѣ конечныя цѣли своего наступленія. Муравьевъ-Амурскій видѣлъ въ „завоеванныхъ" имъ областяхъ, главнымъ образомъ, театръ будущей русской колонизаціи и въ этомъ случаѣ онъ, конечно, ошибался самымъ жестокимъ образомъ. Климатически поставленная въ гораздо худшія условія, чѣмъ даже южная окраина Западной Сибири, не говоря уже о Туркестанѣ, Амурская область и черезъ сорокъ лѣтъ послѣ Муравьева была почти такой же пустыней, какъ при немъ. Къ 1 января 1895 года русское населеніе области достигло съ небольшимъ 100 тысячъ человѣкъ (102.414 душъ обоего пола), т.-е. менѣе 0,2 человѣкъ на квадратную версту. „Мощныя и прекрасныя на видъ почвы области не могутъ равняться по своей производительности съ черноземомъ Россіи", говоритъ очень оптимистическое ея описаніе 1898 года. „Но что особенно затрудняетъ введеніе и развитіе хлѣбопашества въ краѣ — это его неблагопріятныя климатическія условія и, въ частности, крайне неравномѣрное распредѣленіе осадковъ по временамъ года, къ которымъ вовсе не приспособлены практикуемые нынѣ способы веденія сельскаго хозяйства. Къ тому же амурскій хлѣбъ не можетъ разсчитывать найти сбытъ и въ сосѣднихъ странахъ: Китаѣ, Японіи и Америкѣ, какъ по плохому качеству своего зерна, такъ и по отсутствію тамъ спроса на сельскохозяйственные продукты. Въ такомъ же положеніи находится въ краѣ и и скотоводство... Единственно что, судя по всему, можетъ поднять производительныя силы края—это *развитіе въ немъ обрабатывающей промышленности*" [1]). Только крупно-капиталистическое предпринимательство, ради интересовъ котораго и работалъ, безсознательно, Муравьевъ, какъ и его современники, Перовскій, Черняевъ и Кауфманъ, могло внести жизнь въ эти унылыя и мертвыя страны. Но для этого предпринимательства, на тогдашней стадіи его развитія, амурская перспектива была слишкомъ далекой. Едва буржуазныя реформы Александра II нѣсколько развязали ему руки у себя дома, а завоеваніе Туркестана дало колоніальный рынокъ—Дальній Востокъ на время былъ забытъ

До 80-ыхъ годовъ русская дипломатія имѣла дѣло съ Китаемъ только посредственно—поскольку и онъ являлся русскимъ сосѣдомъ со стороны только что завоеваннаго Туркестана. Восточная окраина этого послѣдняго, Кульджа, со второй половины восемнадцатаго вѣка принадлежала къ Китайской имперіи. Принадлежала юридически—фактически же, какъ разъ въ 60-ыхъ годахъ, когда одна область западнаго Туркестана за другой стали пере-

---

[1]) „Сибирскій торгово-промышленный календарь" на 1897 годъ. Курс. нашъ.

ходить въ русскія руки, мусульманское население восточнаго Туркестана прогнало отъ себя китайскихъ чиновниковъ, разбило посланныя для его усмиренія китайскія войска и, видимо, готовилось образовать на восточной границѣ туркестанскаго генералъ-губернаторства новое независимое ханство. Такая перемѣна вовсе не шла навстрѣчу намѣреніямъ русскаго правительства, и такъ какъ китайцы были, очевидно, безсильны помѣшать возникновенію новаго туземнаго государства въ Туркестанѣ, эту задачу взяли на себя русскія войска. Въ 1871 году они оккупировали Кульджу, населеніе которой, очень довольное, что избавилось отъ китайцевъ, русскимъ почти не оказало сопротивленія. Юридически дѣло было поставлено такъ, что своей экспедиціей русскіе оказывали сосѣдскую услугу правительству богдыхана, „возстановляя порядокъ" за его счетъ и въ его пользу; но объ этой услугѣ въ Пекинѣ узнали уже заднимъ числомъ и, повидимому, не были ею слишкомъ обрадованы, считая не безъ основанія, что переходъ Кульджи въ руки Россіи ничѣмъ не лучше потери ея всякимъ инымъ путемъ. Между тѣмъ, русское правительство намѣревалось использовать непрошенную услугу возможно шире и не оставляло усмиренной имъ области почти десять лѣтъ подъ разными предлогами, между прочимъ, и подъ предлогомъ жестокостей, совершавшихся китайскими войсками въ борьбѣ съ возставшимъ мусульманскимъ населеніемъ. Генералъ Кауфманъ, нѣсколько успѣвшій забыть, очевидно, какъ самъ онъ усмирялъ возставшій Самаркандъ [1]), писалъ по этому поводу искренне негодующія письма китайскому главнокомандующему, Цзо-Цзунь-Тану. Когда, наконецъ, Китай поставилъ вопросъ о возвращеніи Кульджи ребромъ и отправилъ въ Россію чрезвычайнаго посланника, съ главною цѣлью хлопотать объ этомъ дѣлѣ, русская дипломатія, принявъ своего китайскаго собрата съ довольно кислымъ видомъ (ему было дано понять, что появленіе китайскаго чрезвычайнаго посла въ Петербургѣ „не предусмотрѣно трактатами", и трактовали его только, какъ „представителя китайскаго правительства", безъ опредѣленнаго титула), потребовала за оказанную въ 1871 году добрососѣдскую услугу вознагражденія, совершенно необычайнаго по своимъ размѣрамъ. Китай не только долженъ былъ уплатить 5 милліоновъ рублей въ видѣ непосредственнаго вознагражденія за расходы Россіи по оккупаціи Кульджи, но еще русскимъ подданнымъ должны были быть предоставлены обширнѣйшія преимущества въ ихъ торговлѣ съ Китаемъ. По сухопутной границѣ эта торговля фактически должна была стать безпошлинной, и права русскихъ торговцевъ во всемъ сравнивались съ туземными, что, по справедливому заключенію китайскихъ чиновниковъ, критиковавшихъ трактатъ, должно было повести къ экономическому завоеванію Россіей всей Монголіи и всего китайскаго Туркестана. Вдобавокъ къ этому, русскіе торговцы получали почти не-

[1]) См. въ настоящ. томѣ выше, стр. 192.

ограниченный доступъ во внутреннія провинціи Китая, что ставило ихъ въ привилегированное положеніе въ ряду остальныхъ европейцевъ, имѣвшихъ право торговать лишь въ немногихъ опредѣленныхъ „открытыхъ портахъ". За все это Россія возвращала „законному обладателю" не всю Кульджу, а лишь часть ея, сохраняя въ своихъ рукахъ стратегически наиболѣе важные пункты. Несмотря на все это, китайскій чрезвычайный посланникъ безъ титула былъ такъ терроризованъ развернувшимся передъ его глазами могуществомъ русскаго императора и властнымъ тономъ его чиновниковъ, что не посмѣлъ не подписать трактата [1]). Но Цзунь-Ли-Ямынь въ Пекинѣ, не безъ вліянія западно-европейской дипломатіи, оказался храбрѣе и дезавуировалъ своего трусливаго представителя. Въ первый разъ за двѣсти лѣтъ заговорили о войнѣ Китая съ Россіей. Къ лѣту 1880 года Россія сосредоточила въ Тихомъ океанѣ большую часть своихъ морскихъ силъ, а въ Кульджу было стянуто до 8.000 человѣкъ войска, на помощь которымъ готовъ былъ двинуться тридцатитысячный туркестанскій корпусъ. Все это, однако, имѣло лишь въ виду поставить дипломатическій торгъ въ возможно болѣе выгодныя условія. Какъ только въ Петербургѣ получили представленіе, что Китай идетъ на максимальныя уступки, какихъ можно отъ него добиться, тамъ тотчасъ согласились на пересмотръ Ливадійскаго трактата. Петербургскимъ трактатомъ (12 февраля 1881 года) привилегіи русскихъ торговцевъ и количественно—въ смыслѣ объема территоріи, на которую онѣ распространялись, — и качественно были значительно сужены, оставшись все же очень большими, если принять въ расчетъ чисто средневѣковую исключительность китайцевъ въ вопросахъ международнаго обмѣна. Только самая западная часть Кульджи осталась въ русскихъ рукахъ; но зато денежное вознагражденіе было повышено до девяти милліоновъ золотыхъ рублей [1]).

События 1879—80 годовъ интересны, главнымъ образомъ, съ той точки зрѣнія, что они намѣчаютъ передвижку русскихъ экономическихъ интересовъ въ тѣ области, куда ихъ напрасно старался привлечь въ свое время Муравьевъ-Амурскій. На то же явленіе указывали и „научныя" экспедиціи, посылавшіяся русскимъ правительствомъ въ Китай въ первой и во второй половинѣ 70-хъ годовъ, хотя, вопреки ихъ офиціальной „научности", во главѣ ихъ стояли не ученые, а военные люди. Первая изъ этихъ экспедицій—подъ руководствомъ подполковника Сосновскаго — была подробно описана однимъ изъ ея участниковъ [2]). Изъ его обстоятельной книги русская публика впервые узнала, что страшный Китай, гдѣ европейцу якобы угрожаетъ неминуемая гибель отъ

---

[1]) Этотъ, такъ наз. „Ливадійскій" трактатъ, заключенный въ октябрѣ 1879 года, не былъ опубликованъ—читатель сейчасъ увидитъ, почему.

[1]) Полный текстъ трактата см. у Cordier, „Histoire des relations de la Chine avec les puissances occidentales"; Paris 1902, т. II, стр. 223 и слѣд.

[2]) Докторомъ Пясецкимъ.

рукъ „дикихъ“ туземцевъ, если его не будутъ непрестанно охранять пушки европейскихъ эскадръ, есть, въ сущности, весьма культурная страна съ мирнымъ, трудолюбивымъ населеніемъ, гдѣ личная безопасность стоитъ во всякомъ случаѣ не ниже, чѣмъ въ Россіи, и выше, чѣмъ въ Персіи или Турціи[1]). А въ русскихъ офиціальныхъ сферахъ отчеты Сосновскаго и его преемниковъ должны были укрѣпить и безъ того достаточно твердо, со временъ Муравьева, державшееся тамъ мнѣніе, что отъ китайцевъ всего можно добиться, если удачно выбрать время и быть понастойчивѣе. Груша зрѣла, оставалось только терпѣливо дожидаться, пока она упадетъ. Въ половинѣ 90-хъ годовъ, когда китайско-японская война лишній разъ доказала все военное ничтожество „Срединной имперіи“ [2]), желанный моментъ, казалось, наконецъ наступилъ. Китайскій флотъ былъ уничтоженъ, китайская армія, обновленная по европейскимъ образцамъ, о которой такъ много толковали передъ войной, самымъ блестящимъ образомъ опровергла эти толки. Между побѣдоносными войсками маршала Ямагаты и Пекиномъ, въ сущности, ничего не было. Изъ державъ, которыя имѣли и интересы и серьезныя вооруженныя силы въ сѣверной части Тихаго океана, Англія и Соединенные Штаты были на сторонѣ Японіи. Не къ кому было обратиться, кромѣ Россіи. Въ 1895 году на берегахъ Пей-Хо повторилась сцена, разыгравшаяся въ 30-хъ годахъ на берегахъ Босфора: Россія явилась въ роли спасительницы беззащитнаго союзника, погибавшаго подъ ударами враговъ. Японія заняла обѣ стороны пролива, ведущаго изъ океана въ Желтое море, и Портъ-Артуръ, и Вей-Хай-Вей, и желала удержать ключъ отъ воротъ китайской столицы въ своихъ рукахъ. По Симоносекскому договору (17 апрѣля 1895 года) Китай уступилъ своей побѣдительницѣ Ляо-Дунскій полуостровъ съ Портъ-Артуромъ и Таліенваномъ въ вѣчное обладаніе и соглашался на занятіе японскими войсками Вей-Хай-Вея и Шанъ-Дунскаго полуострова (vis-à-vis Ляо-Дуна) впредь до выполненія Китаемъ остальныхъ условій мира. Русское министерство иностранныхъ дѣлъ, едва условія договора стали извѣстны, поспѣшило обратиться къ остальнымъ европейскимъ кабинетамъ съ заявленіемъ, что переходъ въ руки Японіи Ляо-Дунскаго полуострова обозначаетъ собой „постоянную угрозу столицѣ Китая, дѣлаетъ въ то же время призрачной независимость Кореи и въ будущемъ явится непреоборимымъ препятствіемъ для поддержанія мира на Дальнемъ Востокѣ“. На русскій починъ откликнулась Франція — уже русская союзница формально, Германія, имѣвшая свои виды на японскія завоеванія, какъ обнаружилось очень скоро, и Испанія, тогда еще владѣвшая Филиппинами. Въ отвѣтъ

[1]) Читатель не забудетъ, что рѣчь идетъ о 70-хъ годахъ.

[2]) Какъ извѣстно, употребительное названіе „Небесная имперія“ есть продуктъ отчасти лести, отчасти невѣжества европейскихъ миссіонеровъ, неудачно переведшихъ китайское выраженіе, означающее собственно *поднебесная*.

на совмѣстное „представленіе“ этихъ державъ японское правительство въ первую минуту запросило было своихъ главнокомандующихъ на сушѣ и на морѣ, считають ли они возможнымъ оружіемъ защищать пріобрѣтенія Японіи отъ кого бы то ни было. Но получивъ отвѣтъ, что всѣ военные рессурсы слѣдуетъ признать уже исчерпанными, дипломатія микадо вынуждена была пойти на уступки и, попытавшись сначала отстоять хотя бы одинъ Портъ-Артуръ, подъ конецъ отказалась отъ всякихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній за счетъ Китая, подъ условіемъ увеличенія денежной контрибуціи. Китай былъ „спасенъ“: по словамъ одного европейскаго дипломата, очень близко наблюдавшаго событія, онъ въ это время гораздо больше боялся своей спасительницы, нежели самихъ японцевъ [1]).

Появленіе Россіи въ роли суперъ-арбитра японско-китайскаго спора (въ противоположность обычнымъ суперъ-арбитрамъ не выбраннаго ни тою, ни другою стороной и даже, какъ мы сейчасъ видѣли, едва ли желательнаго обѣимъ) не было, конечно, такою неожиданностью, какъ можетъ показаться изъ нашего краткаго изложенія. Одинъ изъ историковъ русско-японской войны справедливо отмѣчаетъ два событія, гласныхъ и официальныхъ, которыми предвозвѣщалось близкое и активное выступленіе русскаго правительства на Дальнемъ Востокѣ: во-первыхъ, торжественную закладку восточнаго конца великой сибирской магистрали во Владивостокѣ, 19 мая 1891 года; во-вторыхъ, соединеніе сибирскаго телеграфа съ китайскими телеграфными линіями—фактъ крупнаго политическаго значенія, потому что имъ была отнята у Англіи монополія быстрыхъ сношеній съ Пекиномъ, и русская дипломатія не рисковала болѣе быть отрѣзанной отъ своего центра въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній съ этой стороны. Тотъ, кто могъ бы проникнуть въ это время за политическія кулисы, увидалъ бы приготовленія еще болѣе обширнаго характера. Въ головѣ человѣка, готовившагося управлять судьбами Россіи, сибирская желѣзная дорога далеко переросла не только ту скромную роль, какую ей предназначало правительство, но и сравнительно широкія перспективы русскихъ стратеговъ. „Сибирская магистраль открываетъ новый путь и новые горизонты и для всемірной торговли, писалъ осенью 1892 года Витте, и это значеніе ея ставитъ сооруженіе ея въ рядъ міровыхъ событій, которыми начинаются новыя эпохи въ исторіи народовъ и которыя нерѣдко вызываютъ коренной переворотъ установившихся экономическихъ сношеній между государствами“ [1]). Но для того, чтобы стать „міровымъ событіемъ“, сибирская дорога изъ скромной узкоколейки, по которой могли бы черепашьимъ шагомъ ползти черезъ тайгу „теплуш-

[1]) M. v. Brandt, „Drei Jahre ostasiatescher Politik“, S. 133.

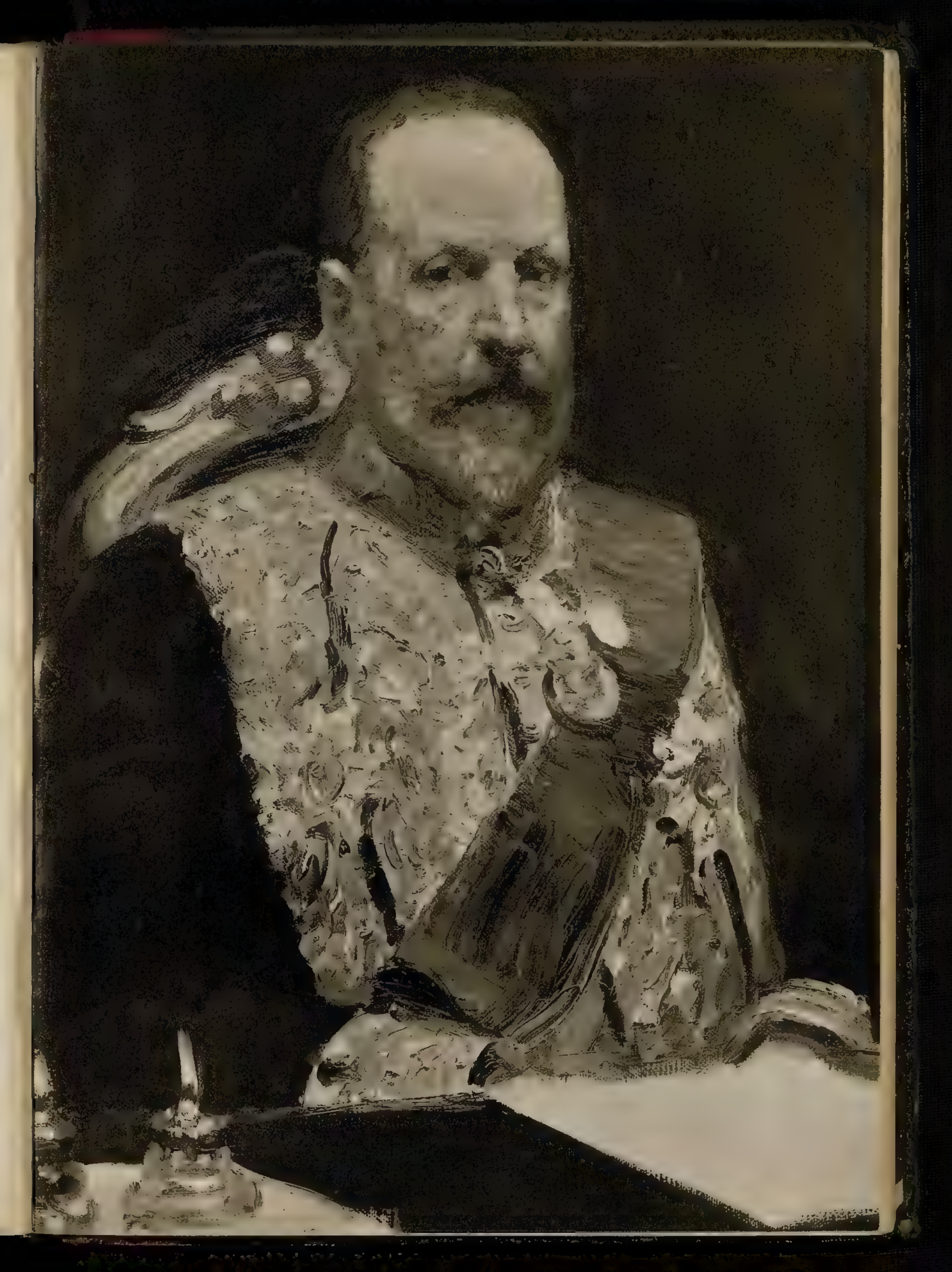
[1]) F. Rey, „La guerre russe-japonaise au point de vue du droit international“, I; Paris 1907, pp. 10—11. „Сибирская желѣзная дорога въ ея прошломъ и настоящемъ“, стр. 114.

Гр. Сергѣй Юльевичъ Витте.

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ.
(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ.)

„ИСТОРІЯ РОССІИ ВЪ XIX ВѢКѢ". Изданіе Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°".

24



ки“ съ солдатами или переселенцами, должна была превратиться въ европейскую „тихоокеанскую дорогу“ съ международными экспрессами и милліардами пудовъ груза, отбитаго у океанскихъ пароходовъ всѣхъ странъ, до сихъ поръ монопольно державшихъ въ рукахъ обмѣнъ между Дальнимъ Востокомъ и Европой. Такую дорогу нельзя было вывести къ захолустному тупику, хотя бы и носившему громкое имя „Владивостокъ“. Логика Витте вела къ повороту на югъ, въ сторону незамерзающаго моря и крупныхъ центровъ дальневосточной торговли. Удача русскаго министра финансовъ, какъ и всякая другая историческая удача, впрочемъ, всегда и вездѣ, опредѣлилась тѣмъ, что логика фактовъ совпала съ его личной логикой. Разгромъ Китая японцами въ 1894—1895 годахъ сдѣлалъ реальностью то, о чемъ можно было только мечтать за три года передъ тѣмъ. Своимъ вмѣшательствомъ въ Симоносекскій договоръ Россія уже привязала къ себѣ Китай узами дружбы и благодарности; но въ международныхъ отношеніяхъ безкорыстной дружбы не бываетъ—Китай потому такъ и боялся своего новаго „друга“, что предвидѣлъ весьма тяжелую форму „благодарности“, какой отъ него потребуютъ. Витте же, съ своей стороны, не ограничился однѣми моральными узами, а сразу далъ русско-китайской дружбѣ весьма прочную конкретную оболочку. Очищеніе Ляо-Дуна японскими войсками было обусловлено, какъ мы помнимъ, уплатою китайскимъ правительствомъ контрибуціи въ увеличенномъ размѣрѣ. Надо было достать очень крупную сумму — 400 милліоновъ франковъ,—которой въ казначействѣ богдыхана, само собой разумѣется, не имѣлось, и которую не такъ легко было найти на европейскомъ рынкѣ на другой день послѣ столь позорно окончившейся войны. Русское правительство, стоявшее тогда въ расцвѣтѣ своей дружбы съ парижскими банкирами, немедленно и здѣсь предложило свои услуги. Русско-французскій союзъ никогда еще не выступалъ передъ свѣтомъ въ такой драстической формѣ. Во главѣ контракта (24 іюня—6 іюля 1895 года), опредѣлявшаго условія новаго китайскаго займа, стояло имя „его превосходительства россійскаго министра финансовъ“, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ слѣдовали Crédit Lyonnais, Comptoir d'Escompte, Société Générale и т. д., и т. д. Всѣ эти лица и учрежденія сообща опекали его величество императора китайскаго, имя котораго упоминалось только въ концѣ и между прочимъ, какъ нѣчто совсѣмъ третьестепенное. Къ такому обидному для китайскаго самолюбія распредѣленію именъ было полнѣйшее основаніе: заемъ могъ быть заключенъ, и притомъ на довольно льготныхъ, при данныхъ обстоятельствахъ, условіяхъ [1]), только благодаря тому, что русское правительство гарантировало исправную уплату по немъ процентовъ.

---

[1]) Изъ 4% годовыхъ, при выпускной цѣнѣ для участвовавшихъ въ дѣлѣ банкировъ $94\frac{1}{8}$, а для публики 98,80 за сто. Куртажъ союзниковъ составлялъ, такимъ образомъ, около 4% — 16 милл. франковъ на весь заемъ.

Быть кредиторомъ Китая значило быть кредиторомъ Россіи; а западно-европейскій сберегатель уже зналъ, что это положеніе пріятное и достаточно обезпеченное. Съ другой стороны, русскій министръ финансовъ силою вещей сдѣлался теперь вхожъ въ китайскія государственныя дѣла, и притомъ съ самаго существеннаго ихъ конца, со стороны казначейства. Свое вліяніе, теперь уже основанное не только на шаткомъ устоѣ „сердечной признательности", онъ использовалъ немедленно же и весьма серьезно. Въ декабрѣ того же 1895 года тѣ же банкиры, подъ офиціальнымъ высокимъ покровительствомъ Россіи (указъ 10 декабря этого года), образовали русско-китайскій банкъ, которому въ слѣдующемъ году китайское правительство выдало концессію на постройку желѣзныхъ дорогъ въ Манчжуріи. Онѣ должны были связать сибирскую магистраль съ сѣтью строившихся китайскихъ желѣзныхъ дорогъ; ближайшую къ русскимъ границамъ часть этой сѣти Россія бралась даже построить сама, въ случаѣ финансовой невозможности этого для Китая. Мы говоримъ „Россія", потому что уже тогда ни для кого ни составляло тайны, что „русско-китайскій банкъ" есть просто ширма, изъ-за которой дѣйствуетъ русское министерство финансовъ, субсидируемое парижскими банкирами. Что новыя манчжурскія дороги будутъ простымъ продолженіемъ сибирскаго желѣзнаго пути, и притомъ не только технически, но и политически, это концессія устанавливала совершенно прямо и опредѣленно, оговаривая, что онѣ не только будутъ строиться по русскому типу и подъ исключительнымъ контролемъ русскаго правительства, но что, въ виду пустынности и слабой заселенности мѣстностей, по которымъ онѣ пройдутъ, дороги будутъ охранятся „специальными отрядами кавалеріи и пѣхоты, расположенными на главнѣйшихъ станціяхъ, для лучшей охраны желѣзнодорожной собственности". Китай получалъ право собственности на эти дороги лишь черезъ 80 лѣтъ, а выкупить ихъ могъ только черезъ 36 лѣтъ: до этого момента дороги „русско-китайскаго банка" должны были оставаться настоящимъ государствомъ въ государствѣ, даже и съ наиболѣе выразительнымъ аттрибутомъ „государственности", въ лицѣ вооруженной силы.

Общественное мнѣніе европейскихъ колоній Дальняго Востока было убѣждено, что соглашеніе русскаго и китайскаго правительствъ въ 1896 году далеко не ограничивалось желѣзнодорожной концессіей. Дальневосточная англійская печать утверждала, что знаменитый — нѣсколько дутой, впрочемъ извѣстности — китайскій реформаторъ Ли-Хунъ-Чангъ, бывшій въ маѣ этого года въ Москвѣ, на коронаціи, въ качествѣ чрезвычайнаго посла китайскаго императора, подписалъ тамъ секретный договоръ съ Россіей, дѣлавшій послѣдней широчайшія уступки уже чисто политическаго характера. Главнѣйшіе пункты этого секретнаго договора, получившаго въ европейской печати названіе „конвенціи Кассини", по имени тогдашняго русскаго посланника въ Пекинѣ, сводились

будто бы къ тому, что Россія получала въ продолжительную аренду портъ Кіао-Чао, на Шанъ-Дунскомъ полуостровѣ, долженствовавшій быть связаннымъ желѣзнымъ путемъ съ Пекиномъ и явиться, такимъ образомъ, южнымъ выходомъ всей русско-китайской сѣти, и могла его использовать не только коммерчески, но и съ военными цѣлями, какъ базу для своего тихоокеанскаго флота. Порты Ляо-Дунскаго полуострова (Портъ-Артуръ и Таліенванъ, впослѣдствіи „Дальній") Китай обязывался также предоставить Россіи для этой цѣли, но лишь въ случаѣ войны, въ которой обѣ договаривающіяся стороны представлялись на протяженіи всего трактата союзницами. До этого момента Китай обязывался принять всѣ мѣры къ охранѣ этихъ пунктовъ отъ чужого захвата; а такъ какъ русское правительство имѣло основанія сомнѣваться въ военной готовности своего союзника, то Китай долженъ былъ въ возможно краткій срокъ реформировать по европейскому образцу всю свою армію, подъ руководствомъ русскихъ инструкторовъ. Въ чисто экономическомъ отношеніи „конвенція Кассини" дополняла желѣзнодорожную концессію чрезвычайно важной привилегіей — разработки минеральныхъ богатствъ Манчжуріи, что имѣло исключительное значеніе, въ виду недавняго передъ тѣмъ открытія богатыхъ золотыхъ розсыпей въ сѣверной Манчжуріи и не менѣе богатыхъ залежей каменнаго угля въ южной. Горячая фантазія одного французскаго публициста связала даже съ этой привилегіей введеніе въ Россіи золотой валюты годъ спустя.

Гораздо болѣе сомнительно, чтобы и вся „конвенція" являлась лишь плодомъ фантазіи англо-китайскихъ журналистовъ. Широта ея захвата не должна насъ удивлять, если мы вспомнимъ, какъ близко къ русско-китайскимъ дѣламъ стоялъ тогда такой фанатическій проповѣдникъ русской миссіи на Дальнемъ Востокѣ, какъ кн. Ухтомскій (предсѣдатель правленія русско-китайскаго банка). То, что главные ея пункты не осуществились, еще не говоритъ противъ ея существованія. Подписавшій ее Ли-Хунъ-Чангъ фактически уже не пользовался тогда прежнимъ вліяніемъ — японско-китайская война разсѣяла все обаяніе его „реформъ". Отречься отъ его подписи пекинскому двору было тѣмъ легче, что „конвенція" была секретная, и офиціальное оглашеніе ея вызвало бы невѣроятный скандалъ среди заинтересованныхъ въ дальневосточныхъ дѣлахъ европейскихъ державъ. Огласить же ее частнымъ образомъ было очень ловкимъ шагомъ со стороны китайской дипломатіи (напечатавшая „конвенцію" впервые англо-китайская газета утверждала, что документъ ею полученъ изъ цзунь-ли-ямыня); это было косвенной апелляціей противъ русскаго „засилья" къ Англіи и другимъ конкурентамъ Россіи. Предусмотрѣть непосредственное слѣдствіе этой апелляціи китайцы едва ли могли, ибо оно, дѣйствительно, было не совсѣмъ обыкновенно. А именно, Германія, правильно оцѣнивъ будущее значеніе Кіао-Чао и не менѣе правильно

разсуждая, что нѣмецкіе коммерческіе интересы въ Китаѣ во много разъ крупнѣе русскихъ [1]), завладѣла названнымъ портомъ въ свою пользу (14 ноября 1897 года) и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ воплей со стороны Китая о полномъ попраніи нѣмцами международнаго права и всѣхъ дипломатическихъ приличій, добилась отъ пекинскаго правительства арендваго договора на Кіао-Чао, аналогичнаго съ тѣмъ, какой „конвенція Кассини" проектировала для Россіи. А то, что Россія отвѣтила на этотъ шагъ Германіи приблизительно такой же — съ нѣсколько большимъ соблюденіемъ дипломатическихъ аппарансовъ — оккупаціей Портъ-Артура и Таліенвана, и что Китай на эту ампутацію согласился очень быстро и безъ особыхъ споровъ, показываетъ, съ одной стороны, что для Россіи дѣло Кіао-Чао было далеко не безразлично, а съ другой — что и Китай былъ готовъ къ чему-нибудь подобному. И то, и другое объяснится наиболѣе простымъ и удовлетворительнымъ образомъ, если мы предположимъ, что аренда одного изъ китайскихъ портовъ Россіей, и притомъ именно одного изъ названныхъ, принципіально была рѣшена заранѣе, и арендный договоръ 15/27 марта 1898 года о Квантунскомъ полуостровѣ лишь осуществлялъ то, что можно еще было осуществить отъ давно намѣченной сдѣлки [1]).

Договоръ 15 марта (дополненный спеціальнымъ соглашеніемъ 7 мая того же года) былъ, дѣйствительно, преддверіемъ къ „міровымъ событіямъ". Дѣло шло уже не о Манчжуріи, а о всемъ Дальнемъ Востокѣ, въ самый центръ котораго вдвигала Россію новая сдѣлка. Русское министерство иностранныхъ дѣлъ само за три года раньше опредѣлило положеніе, заявивъ, что Японія, владѣя Ляо-Дуномъ, будетъ держать подъ шахомъ Пекинъ и сдѣлаетъ призрачной независимость Кореи. Но очевидно, что для Пекина и Кореи положеніе не мѣнялось къ лучшему отъ того, что на мѣстѣ Японіи въ Ляо-Дунѣ хозяйничала Россія. То обстоятельство, что сѣверная часть Ляо-Дуна была объявлена нейтральной и русская оккупація распространялась лишь на южную оконечность полуострова, его Квантунскій выступъ, и что формально Россія была лишь „арендаторомъ", а не собственникомъ оккупированной территоріи, тоже ничего, конечно, не мѣняло. Какъ понималась русскими властями эта „аренда", видно изъ того, что немедленно же по заключеніи договора послѣднія стали требовать отъ иностранцевъ, вступающихъ на „ки-

[1]) Объ ихъ сравнительномъ значеніи даютъ понятіе слѣдующія цифры: въ 1897 году — годъ захвата Кіао-Чао — стоимость германскаго морского ввоза въ Китай составляла 26 милліоновъ „таэлей", русскаго — около 50 тысячъ „таэлей". Таэль — около полутора русскаго рубля по тогдашнему курсу. Къ этому надо прибавить русскій сухопутный ввозъ на $6^1/_4$ милл. рублей.

[1]) Однимъ изъ косвенныхъ подтвержденій этого предположенія служитъ, между прочимъ, замѣтный интересъ къ Кіао-Чауской гавани, обнаруживавшійся еще задолго до захвата ея нѣмцами „Котлиномъ", органомъ русскаго морского министерства. См. Brandt, цитир. соч., стр. 209.

тайскую“ территорію, паспортовъ, визированныхъ *русскими* консулами. Только послѣ самыхъ энергичныхъ представленій Англіи мѣра эта перестала примѣняться. „Нейтралитетъ“ же Ляо-Дуна могъ представлять какой-нибудь интересъ для китайскаго населенія, и въ особенности китайскихъ чиновниковъ, но никакъ не для конкурентовъ Россіи въ этихъ мѣстахъ, ибо Портъ-Артуръ и Таліенванъ — единственные пункты, ради которыхъ можно было хлопотать о всемъ дѣлѣ,—согласно договору, должны были немедленно же быть связанными съ русской сибирской дорогой соединительной вѣтвью, поставленной, разумѣется, въ такія же условія, какъ и всѣ русско-манчжурскія дороги вообще, т.-е. представлявшей собою „государство въ государствѣ“, и притомъ государство русское. Фактически, русская граница была теперь на берегахъ Печилійскаго залива, и это было самое важное. Все остальное являлось совершенно второстепеннымъ. Нужно сказать, что и въ этой второстепенной области русскіе интересы были достаточно ограждены: никакихъ концессій на „нейтральной“ территоріи Китай никому не могъ давать безъ согласія Россіи. Русскій капиталъ и здѣсь, такимъ образомъ, гарантировалъ себѣ монополію. Но главный смыслъ захвата и его ближайшее значеніе были не только коммерческіе: Портъ-Артуръ долженъ былъ стать исключительно военной гаванью, входъ въ которую былъ закрытъ для кого бы то ни было, кромѣ русскихъ и китайскихъ военныхъ кораблей. Тогда какъ коммерческая гавань Таліенванъ (скоро переименованная русскими солдатами въ „Дальній“—каковое имя за нимъ и оффиціально укрѣпилось,—а петербургской публикой въ „Лишній“) была открыта для судовъ всѣхъ націй. Изъ перваго собирались „грозить шведу“, а во второй ждали къ себѣ въ гости „всѣ флаги“.

Исторія обманула оба ожиданія. Но ея коварство обнаружилось далеко не сразу. Въ первую минуту можно было думать, что событіями марта—мая 1898 года, какъ въ извѣстномъ водевилѣ, „всѣ остались довольны“. Изъ державъ, имѣвшихъ крупные интересы на Дальнемъ Востокѣ, Германія только что насытила свой аппетитъ въ полной мѣрѣ, Франція — колоніально-капиталистическая Франція, о которой только и могла итти рѣчь,—въ сущности стояла за спиной Россіи. Оставались Соединенные Штаты, Англія и Японія. Но первые по отношенію къ азіатскому континенту давно усвоили себѣ линію поведенія, классическую для буржуазнаго государства: не стремясь къ захвату ни клочка территоріи въ свою собственность (типично феодальная форма завоеванія), требовать доступа всюду для своихъ капиталовъ и своихъ товаровъ на условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ, какія только могутъ быть въ данномъ мѣстѣ достигнуты. Открытая гавань Таліенвана на первыхъ порахъ была достаточнымъ удовлетвореніемъ для американской политики „открытыхъ дверей“. Въ дальнѣйшемъ, камнемъ преткновенія могли бы послужить русскія монополіи въ Манчжуріи. Но это были дѣла уже, такъ сказать,

второй линіи: въ первой линіи для Америки въ это время стояли Филиппины, только что отнятые Соединенными Штатами у испанцевъ. По отношенію къ Англіи въ нашей націоналистической печати долго держалась легенда о томъ, какъ будто бы только необыкновенной ловкости и смѣлости русскихъ моряковъ удалось предупредить захватъ Портъ - Артура британской эскадрой въ самую послѣднюю минуту. Въ дипломатическихъ документахъ эпохи этотъ романтическій эпизодъ не оставилъ, однако же, никакихъ слѣдовъ. Напротивъ, содержаніе этихъ документовъ, а также и простая послѣдовательность фактовъ заставляютъ предположить, что здѣсь постарались уладить дѣло съ самаго начала. Vis-à-vis Портъ-Артура расположена китайская гавань Вей-Хай-Вей, въ 1895 году, какъ помнитъ читатель, также взятая японцами. 2 апрѣля 1898 года—менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ послѣ перехода къ Россіи Квантуна—Вей-Хай-Вей, на такихъ же приблизительно условіяхъ, былъ „арендованъ“ Англіей. Этимъ *стратегически* положеніе Россіи и Англіи у воротъ Пекина совершенно уравнивалось — уравнивалось теоретически, разумѣется: практически оно было настолько выгоднѣе для Англіи, насколько англійская тихоокеанская эскадра была сильнѣе русской. Экономическіе же интересы обѣихъ странъ были мирно размежеваны соглашеніемъ 16/28 апрѣля слѣдующаго 1899 года. Въ силу этого соглашенія Англія признала за Россіей монопольное право на постройку желѣзныхъ дорогъ къ сѣверу отъ Великой Китайской стѣны, а Россія — такое же право Англіи по отношенію къ долинѣ Янъ-Цзы-Цзяна. Оставалась Японія. Но въ первую минуту и по отношенію къ ней, казалось, удалось вполнѣ мирно размежеваться. Вознагражденіемъ за русско-китайскій договоръ 15 марта для Японіи должна была послужить ликвидація русско-корейской авантюры, которую можно назвать первой авантюрой этого рода, чтобы отличить ее отъ предпріятій статсъ - секретаря Безобразова, ликвидированныхъ русско-японской войной. Объ этой корейской авантюрѣ „перваго призыва“ стоитъ сказать нѣсколько словъ какъ въ виду характерности политической позиціи, занятой въ этомъ дѣлѣ Россіей, такъ и для лучшаго пониманія почвы, на которой разыгрались дальнѣйшія событія этого рода.

Японія занимала въ Кореѣ совершенно исключительное положеніе не только въ силу географической близости обѣихъ странъ и историческихъ воспоминаній о когда-то, триста лѣтъ назадъ, имѣвшемъ мѣсто завоеваніи Кореи японцами, а главнымъ образомъ потому, что Японія первая открыла Корейскій полуостровъ для международной торговли. „Страна утренняго спокойствія“ изъ всѣхъ странъ Дальняго Востока всегда была наиболѣе отсталой, далеко оставляя за собой въ этомъ отношеніи даже Китай. Тѣ сказки о дикости населенія, которыя распространялись европейскими купцами и миссіонерами по поводу китайцевъ, по отношенію къ корейцамъ заключали въ себѣ долю

истины. Случаи истребленія экипажей разбившихся у корейскихъ береговъ иностранныхъ судовъ не были рѣдкостью, а во внутренность страны европейцы чаще всего попадали въ видѣ скованныхъ плѣнниковъ. Будь Корея такой же богатой страной, какъ южный Китай, этой „исключительности“ скоро былъ бы положенъ конецъ европейскими пушками. Но такъ какъ Корея—страна, относительно, бѣдная, то пушки дѣйствовали весьма вяло, и двѣ экспедиціи, французская и американская, внушили даже корейцамъ странную мысль о ихъ „непобѣдимости“. Этотъ предразсудокъ суждено было разсѣять японцамъ. Ихъ молодая буржуазія не погнушалась тѣмъ, на что съ презрѣніемъ смотрѣли европейскіе торговцы опіумомъ, и въ 1876 году Японія вынудила у Кореи заключеніе перваго въ исторіи этой страны международнаго торговаго трактата, открывшаго нѣсколько корейскихъ гаваней для японскихъ купцовъ. Послѣдніе явились здѣсь, фактически, монополистами, и уже въ 70-хъ годахъ японцы могли разсматривать Корею, какъ свою колонію. Но „старшіе“, чѣмъ Японія, колонизаторы очень скоро замѣтили новую открытую дверь, и, такъ какъ войти въ нее теперь не стоило никакого труда, международные трактаты съ Кореей посыпались, какъ изъ рога изобилія. Самъ почти столь же „исключительный“, по традиціи, Китай явился въ данномъ случаѣ подстрекателемъ: считая Корею своимъ вассаломъ, но не считая себя въ силахъ выгнать оттуда японцевъ, китайское правительство надѣялось выжить ихъ при помощи иностранцевъ. Прямой борьбы, впрочемъ, избѣжать не удалось. Уже въ серединѣ 80-хъ годовъ дѣло дошло до погрома японскихъ колонистовъ въ Сеулѣ, организованнаго не безъ участія китайцевъ, контръ-погрома, устроеннаго уже японцами, и, наконецъ, до событій, гдѣ китайскія войска прямо стрѣляли по японскимъ чиновникамъ. Дѣло кончилось на этотъ разъ побѣдой китайцевъ и „патріотической“ реакціей корейскаго населенія противъ иностранцевъ (по словамъ одного хорошо знающаго край англійскаго наблюдателя, ничто такъ не чуждо корейцамъ, какъ патріотизмъ въ европейскомъ смыслѣ). Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, „народъ“ игралъ роль статистовъ, а судьбами страны, подъ эгидой китайскихъ мандариновъ, правило мѣстное дворянство („янъ-бани“), повидимому, самое жадное и самое невѣжественное въ мірѣ, ведшее отчаянную борьбу съ немногочисленной, усвоившей себѣ японскую культуру буржуазіей. Эта послѣдняя и выдѣлила изъ своей среды корейскую „партію реформъ“, на минуту ставшую у власти въ 1884 году и быстро погибшую подъ натискомъ „патріотической“ реакціи. Нашедшіе себѣ убѣжище въ Японіи остатки ея были постоянной угрозой для китайско-дворянскаго владычества. Японская буржуазія относилась къ этимъ корейскимъ эмигрантамъ, какъ къ своимъ, и во всякую минуту готова была поддержать ихъ дѣло. Развязку тормозило японское правительство, само отчасти вѣрившее въ силу „реформированнаго“

Ли-Хунъ-Чангомъ Китая и не считавшее Японію созрѣвшей для войны съ нимъ. Но къ началу 90-хъ годовъ корейскій вопросъ сталъ вопросомъ жизни и смерти самого японскаго правительства: только что народившійся (съ 1890 года) въ Японіи парламентъ обнаружилъ самое шовинистическое настроеніе, двукратный роспускъ палаты далъ прежнее большинство, въ воздухѣ начинало пахнуть революціей [1]), и въ 1894 году микадо вынужденъ былъ послать свои войска въ Корею, воспользовавшись, какъ предлогомъ, безпорядками, происходившими тамъ, впрочемъ, едва ли не каждый годъ. На этотъ разъ, вступивъ въ Корею, японцы твердо рѣшили не уходить изъ нея. Симоносекскій договоръ покончилъ разъ навсегда съ юридической фикціей зависимости Кореи отъ Китая. Корея была признана „самостоятельнымъ государствомъ", фактически же хозяиномъ страны сталъ японскій посланникъ. Партія реформъ снова стала у власти, и на очередь была поставлена обширная программа преобразованій, которыя вкратцѣ можно охарактеризовать, какъ „европеизацію Кореи". Съ чего приходилось здѣсь начинать японскимъ реформаторамъ, видно изъ того, что исходными пунктами стали: замѣна натуральныхъ податей денежными и отдѣленіе частнаго хозяйства корейскаго короля отъ государственнаго. Но отъ XIV вѣка довольно быстро шли въ XVIII. Уже введеніе денежныхъ податей выдвигало на первое мѣсто буржуазію, хозяйку денежныхъ капиталовъ,—и мѣстную, и японскую: въ Сеулѣ возникло спеціальное общество, съ цѣлью „содѣйствовать" правительству въ проведеніи финансовой реформы. Въ дальнѣйшемъ планъ преобразованій намѣчалъ цѣлый рядъ реформъ въ буржуазномъ духѣ: здѣсь было и упраздненіе дворянскихъ привилегій, и уничтоженіе рабства, и отдѣленіе администраціи отъ суда. Какъ и всѣ реформаторы, дѣйствующіе сверху — народъ, въ цѣломъ, относился къ дѣлу совершенно пассивно, — какъ и европейскіе „просвѣтители" XVIII столѣтія, японцы и ихъ корейскіе друзья не могли удержаться въ границахъ реально-допустимаго и реально-нужнаго для этого молчащаго народа. Интересы японской буржуазіи подавили буржуазные интересы самой Кореи. Наивность и слабая теоретическая подготовленность преобразователей также внесли свое. Появились такія, напримѣръ, распоряженія, какъ запрещеніе носить одежду традиціоннаго покроя и цвѣта—изъ мѣстной ткани, что косвенно вынуждало покупать привозную японскую матерію. Народъ сталъ выходить изъ пассивности, но не въ пользу „партіи реформъ". Тогда, опять-таки по примѣру европейскихъ просвѣтителей позапрошлаго вѣка, пустили въ ходъ силу. Главной опорой дворянской партіи была королева, сама принадлежавшая къ крупнѣйшему изъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ. При почти совершенно открытомъ участіи японскаго послан-

[1]) Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробнѣй коснуться этого движенія, которое чрезвычайно важно для пониманія остроты корейскаго вопроса въ Японіи. См. Brandt, цит. соч., особ. стр. 13—14.

ника составился дворцовый заговоръ, окончившійся убійствомъ королевы. Затѣмъ такимъ же путемъ избавились отъ нѣсколькихъ дворянскихъ министровъ. Все завершилось „государственнымъ переворотомъ“ самаго необыкновеннаго характера: корейскій король и его наслѣдникъ, въ женскомъ платьѣ, бѣжали въ русское посольство, откуда и послѣдовалъ высочайшій манифестъ, отмѣнявшій всѣ введеныя и проектировавшіяся японцами реформы. Участіе въ подготовкѣ этого переворота русской дипломатіи почти столь же мало подлежитъ сомнѣнію, какъ и участіе японской въ убійствѣ королевы. У японцевъ опять изъ-подъ носу похитили плоды ихъ трудовъ, какъ въ 1884 году: и какъ тогда не было иного исхода, кромѣ войны съ Китаемъ, такъ и теперь не видѣлось иного исхода, кромѣ войны съ Россіей. Все, чего удалось добиться правительству микадо, это того, что съ Японіей „подѣлились“: соглашеніемъ 2/14 мая 1896 года былъ установленъ „кондоминіумъ“ Россіи и Японіи надъ Кореей — дѣла этой страны должны были вершиться по соглашенію русскаго и японскаго посланниковъ. Россія, однако же, замѣтно брала въ этомъ случаѣ перевѣсъ: корейская армія получила русскихъ инструкторовъ, корейское министерство финансовъ русскаго „совѣтника“, фактически принявшаго финансы „страны утренняго спокойствія“ въ свое завѣдываніе; былъ основанъ русско-корейскій банкъ на условіяхъ, аналогичныхъ съ русско-китайскимъ. Словомъ, видѣлось совершенно ясно расширеніе русской „сферы вліянія“ въ этомъ направленіи. Нужно замѣтить, что въ то время, какъ японское вліяніе держалось на совершенно опредѣленномъ экономическомъ фундаментѣ, русское — было продуктомъ чисто-политическихъ факторовъ: русская торговля съ Кореей была еще ничтожнѣе, чѣмъ съ Китаемъ, и всѣ усилія привлечь туда русскихъ торговцевъ были безуспѣшны. Въ мартѣ 1898 года все это начинавшееся „экономическое завоеваніе“ Кореи могло быть поэтому закончено съ такою же волшебною быстротой, какъ и началось. Въ обмѣнъ на Квантунъ, Корея была всецѣло предоставлена японцамъ.

Корейская сдѣлка была оффиціально закрѣплена „соглашеніемъ“ между Россіей и Японіей отъ 13/25 апрѣля 1898 года. „Соглашеніе“, въ десятый разъ устанавливая, что Корея есть государство независимое и въ своей внутренней политикѣ совершенно самостоятельное, экономически отдавало независимую и самостоятельную страну въ руки Японіи. Россія обязывалась „въ виду широкаго развитія японскихъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ Кореѣ, а равно значительнаго числа японскихъ подданныхъ, проживающихъ въ этой странѣ, не препятствовать дальнѣйшему развитію торговыхъ и промышленныхъ сношеній Кореи съ Японіей“. Японцы толковали потомъ эту двусмысленную фразу въ смыслѣ передачи имъ Кореи въ монопольную торгово-промышленную эксплуатацію. Но прямо и всѣми буквами о *монополіи* японцевъ здѣсь ничего не говорилось: русская дипломатія

имѣла предосторожность оставить лазейку и для русскихъ предпріятій. Въ данный моментъ, впрочемъ, никакихъ подобныхъ предпріятій въ Кореѣ не было. Фактически, японцы были въ странѣ монополистами. Нѣсколько цифръ и фактовъ покажутъ, какъ использовали они свою монополію. Въ 1897 году въ Кореѣ считалось 13.600 японскихъ поселенцевъ; въ 1902 году ихъ было уже 18.000, а въ 1904—25.000. Девяносто процентовъ кораблей, посѣщавшихъ корейскія гавани, носили японскій флагъ. „Образовались общества для эксплуатаціи рыбныхъ ловлей на берегахъ Кореи; японцы получили концессію на разработку большей части рудниковъ (меньшая часть, нужно добавить, разрабатывалась англичанами и нѣмцами, но ни одинъ русскими); желѣзная дорога отъ Чемульпо до Сеула, которую начали строить американцы, была въ 1899 году выкуплена японскимъ синдикатомъ; на желѣзную дорогу отъ Сеула до Фузана, которая должна была связать столицу Кореи съ южными портами, концессію получили также подданные микадо; главные японскіе банки открыли свои отдѣленія въ Кореѣ. Одинъ изъ нихъ сталъ выпускать билеты, которые могли оплачиваться въ японской монетѣ; корейское правительство долго этому противилось, но должно было уступить настояніямъ и угрозамъ Японіи. Правительство этой послѣдней съ величайшей энергіей поддерживало начинанія своихъ подданныхъ: оно назначило консуловъ во всѣ вновь (послѣ 1896 года) открытыя для торговли гавани, создало почтовыя конторы, взяло на себя эксплуатацію телеграфныхъ линій, субсидировало пароходныя и желѣзнодорожныя компаніи, получило концессію на постройку маяковъ вдоль корейскаго побережья и т. д. Въ своихъ дѣйствіяхъ оно опиралось на войска, которыя, въ силу соглашенія съ Россіей, оно могло держать въ Кореѣ для охраны консульствъ и телеграфныхъ линій" [1]).

Въ то время, какъ экономическое завоеваніе Японіей ея доли „добычи" шло такъ ходко, русскія перспективы на своемъ участкѣ продолжали оставаться, несмотря на совершившіяся и готовившіяся совершиться „міровыя событія", самыми тощими. Русская торговля съ Китаемъ еще въ 1897 году носила ужасающе-пассивный характеръ; китайскихъ товаровъ въ Россію ввозилось несравненно больше, нежели русскихъ въ Китай: на 6,4 милліоновъ рублей русскаго вывоза приходилось 39,2 мил. рублей китайскаго ввоза [2]). Пассивный характеръ, хотя и не въ столь ужасающей пропорціи, оставался даже, если мы исключимъ чай, составлявшій около 32,1 мил. рублей, изъ общей стоимости всѣхъ китайскихъ продуктовъ, шедшихъ въ Россію: и тогда останется разница въ пользу Китая приблизительно въ 700 тыс. рублей. Нѣтъ надобности подчеркивать ничтожность самыхъ цифръ для двухъ государствъ, граничившихъ другъ съ другомъ на протяженіи 8.000 верстъ. Когда начала строиться

[1]) Rey, цитир. соч., стр. 122—123.

[2]) Для 1899 года соотвѣтствующія цифры будутъ 7,5 мил. руб. и 43,5 мил. руб.

русско-манчжурская желѣзная дорога, вывозъ русскихъ денегъ въ Китай увеличился внѣ всякаго сравненія съ привозомъ китайскихъ товаровъ въ Россію. Оборудованіе одного порта Дальняго стоило почти 19 милліоновъ рублей; при чемъ устройство порта далеко не было закончено. Верста Китайско-Восточной желѣзной дороги обошлась въ 106—107 тысячъ рублей, почти на 10.000 р. дороже версты Забайкальской вѣтви Сибирской дороги, „наиболѣе подходящей по условіямъ постройки къ Китайско-Восточной", по признанію офиціальнаго историка. Попытка его скрасить дѣло нѣсколькими (кромѣ одного, весьма жалкими) туннелями, которые пришлось построить въ Манчжуріи, немедленно же рушится подъ натискомъ имъ самимъ приводимыхъ цифръ: эти туннели могли дать лишку, для Манчжурской дороги, не болѣе 2.000 руб. на версту [1]).

Цитированная нами сейчасъ книга вышла въ 1903 году—45 лѣтъ послѣ того, какъ Россіи удалось „ногою твердой стать" на берегахъ Тихаго океана, восемь лѣтъ послѣ того, какъ Россія выступила вершительницей судебъ Китая, пять лѣтъ послѣ того, какъ совершилось „міровое событіе" захвата Портъ-Артура, и болѣе десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ это событіе было предугадано и начало подготовляться тогдашнимъ руководителемъ русской политики. И при всемъ томъ автору книги оставалось только констатировать „слабое развитіе русскаго экспорта въ предѣлахъ восточно-азіатскихъ государствъ": по вывозу въ Китай Россія занимала тогда седьмое мѣсто (ниже Даніи!), а по вывозу въ Японію—просто „послѣднее". Мы не будемъ критиковать его объясненій этого факта—сравнительной дешевизной морской перевозки и дороговизной сухопутной, ибо въ распоряженіи русскихъ экспортеровъ былъ цѣлый, созданный на казенныя деньги, „Добровольный флотъ", а Одесса по числу миль не дальше отъ береговъ Китая, чѣмъ Марсель, и ближе, чѣмъ Соутхемптонъ. Суть дѣла и безъ того была совершенно ясна. На Дальнемъ Востокѣ дѣло шло иначе, нежели въ Средней Азіи, потому что послѣдняя была *физически* изолирована отъ всѣхъ другихъ капиталистическихъ странъ, кромѣ Россіи; въ Манчжуріи же географія отказывалась помогать, въ этомъ случаѣ россійской коммерціи. На помощь должна была притти политика: географически, благодаря океану, связанную со всѣмъ широкимъ божьимъ міромъ страну нужно было изолировать *искусственно*, введя ее въ русскую таможенную черту. Тогда Манчжурія (и Монголія) поневолѣ сдѣлались бы русскимъ рынкомъ—рынкомъ своего рода *крѣпостнымъ*. Съ этой попыткой превратить „внѣшнія" (лежащія внѣ Великой стѣны) провинціи сѣвернаго Китая въ русскій крѣпостной рынокъ связанъ послѣдній эпизодъ русской дальневосточной политики, лежащей еще въ хронологическихъ предѣлахъ настоящаго очерка,—захватъ Россіей Манчжуріи въ 1900 году, во время „боксерскаго" возстанія въ Китаѣ.

———

[1]) „Сибирская желѣзная дорога", стр. 289.

Движенiе, извѣстное подъ именемъ „боксерскаго“ [1]), тѣсно связано съ двумя фактами, одинъ изъ которыхъ никогда не составлялъ секрета ни для кого, другой подразумѣвался многими еще тогда, а теперь можетъ считаться также установленнымъ вполнѣ точно. Первый фактъ, это—совершенно своеобразное значенiе, которое получила христiанская миссiя въ Китаѣ. Весьма мало имѣя успѣха въ смыслѣ собственно религiозной пропаганды (за 200 лѣтъ работы христiанскимъ миссiонерамъ удалось обратить не болѣе 1.000.000 китайскихъ душъ, т.-е. около $^1/_4 {}^0/_0$ всего населенiя имперiи), миссiи давно прiобрѣли выдающееся коммерческое значенiе. Вдвойнѣ привилегированное положенiе миссiонера въ Китаѣ—и какъ европейца, въ силу трактатовъ неподсуднаго мѣстнымъ властямъ, и какъ особы священной, имѣющей сугубыя права на поддержку со стороны европейской дипломатiи,—давно привели къ тому, что покровительство христiанской миссiи стало очень выгодно тѣмъ, кто къ нему прибѣгалъ, и что эту выгоду руководители миссiй привыкли, не стѣсняясь, использовать. Обанкротившiйся китаецъ дѣлался христiаниномъ—и становился неуязвимъ для своихъ кредиторовъ, оставшихся „язычниками“. Европеецъ въ рясѣ забиралъ на честное слово огромныя партiи товаровъ у китайскихъ купцовъ, и, если онъ не хотѣлъ платить, принудить его оказывалось невозможнымъ [1]). При такихъ условiяхъ пресловутая „ненависть китайца къ иностранцамъ“, о которой любили разсказывать миссiонеры, живописуя опасности, какимъ они подвергаются „среди язычниковъ“, являлась не чѣмъ инымъ, какъ ненавистью эксплуатируемаго къ эксплуататору, притомъ часто самому грубому и безсовѣстному, какого можно себѣ представить. Поднять возстанiе противъ христiанъ въ Китаѣ было всегда легче, нежели натравить чернь на еврейскихъ ростовщиковъ въ средние вѣка, ибо еврейскiе ростовщики никогда не пользовались такими привилегiями, какъ христiанское духовенство въ Китаѣ. Погромы христiанъ поэтому были явленiемъ частымъ, но оставались изолированными и не сливались въ общее движенiе, пока не нашлись силы, которыя сверху стали руководить этимъ движенiемъ, утилизируя его въ своихъ интересахъ. Эта сила въ послѣднiе годы XIX вѣка и оказалась на сценѣ—въ лицѣ китайскаго правительства. Здѣсь мы имѣемъ второй изъ указанныхъ нами фактовъ. Растаскиванiе Китая по частямъ иностранцами, открытое въ 1894 году японцами, мало затронуло китайскую народную массу. Глубоко аполитичная, эта масса была совершенно равнодушна къ тому, кто ею управляетъ: и такъ какъ

[1]) Повидимому, не только вслѣдствiе неудачнаго перевода китайскаго названiя „И-хе-туань“, iероглифы котораго обозначали и „большой кулакъ“ и „физическую силу“ вообще, а и потому, что члены тайныхъ обществъ дѣйствительно занимались физическимъ спортомъ.

[1]) Факты и документы, иллюстрирующiе эти положенiя, см. у *Alex. Ular*, „Un empire russo-chinois“; Paris 1903, главы IX, X, XI.

европейская или японская администраціи были, конечно, лучше туземной, то китайское населеніе Шанъ-Дуна, напримѣръ, по словамъ вполнѣ, повидимому, объективнаго наблюдателя, ничего не имѣло бы противъ того, чтобы попасть подъ управленіе нѣмецкаго генералъ-губернатора Кіао-Чау. Впослѣдствіи, китайцы очень охотно помогали японцамъ въ Манчжуріи противъ русскихъ, и сами русскіе должны были много сдѣлать, чтобы вызвать противъ себя нѣчто въ родѣ „національной“ ненависти манчжурскихъ китайцевъ. Но если населеніе было равнодушно къ „иностраннымъ дьяволамъ“, поскольку тѣ ему не вредили, то для китайскаго мандарината это былъ вопросъ жизни и смерти, и прежде всего правившая въ Пекинѣ династія не могла относиться равнодушно къ тому, что станется съ китайскимъ государствомъ. Крайне непопулярная на Югѣ, въ собственномъ Китаѣ (который и остался нетронутымъ „боксерскимъ“ движеніемъ), эта династія имѣла кое-какія связи съ населеніемъ ближайшихъ къ столицѣ провинцій. Весной 1900 года стоявшая фактически во главѣ правленія императрица - вдова, мать императора, принимая въ спеціальной аудіенціи одного изъ видныхъ представителей чиновничьяго китайскаго національзма, высказывала ему свое отвращеніе къ „иностраннымъ дьяволамъ“ и сочувствіе къ сектѣ „боксеровъ“, около которой группировались наиболѣе фанатическіе враги миссіонеровъ. Чтобы не оставить ихъ безъ руководства, они были ввѣрены особому попеченію нѣсколькихъ крупныхъ придворныхъ сановниковъ. А бесѣдовавшій съ императрицею націоналистъ, не скрывавшій своей принадлежности къ сектѣ, очень скоро, съ полнымъ нарушеніемъ всякой служебной очереди, былъ назначенъ губернаторомъ столицы. Уже тогда, въ маѣ 1900 года, людямъ, знающимъ Китай, было ясно, что готовится христіанскій погромъ особаго рода и несравненно болѣе грандіознаго масштаба, чѣмъ бывало ранѣе. При болѣе внимательномъ наблюденіи признаки приближающейся бури можно было подмѣтить еще за полгода: въ декабрѣ 1899 года корреспондентъ одной англо-китайской газеты писалъ, что „борцы за справедливость и согласіе“ (одно изъ названій тайныхъ обществъ) теперь выступаютъ подъ девизомъ „охранять династію, истреблять иноземцевъ“.

Къ числу людей, правильно угадывавшихъ событія завтрашняго дня, не принадлежала, какъ извѣстно, русская дипломатія,—хранившая невозмутимый оптимизмъ чуть не до того момента, когда солдаты регулярной китайской арміи стали стрѣлять на улицахъ Пекина въ европейскихъ дипломатовъ. Чѣмъ объясняется эта странная идіосинкразія? Не разъ уже цитированный нами историкъ внѣшней политики Китая даетъ факту наиболѣе простое и, такъ сказать, наглядное объясненіе: по его словамъ, русскіе дипломаты, „мягко выражаясь, показали себя людьми посредственными“ [1]). Не оспаривая самаго факта,

[1]) Cordier, цитир. соч., III, стр. 597.

можно, однако, возразить, что „простота“ ума измѣряется отнюдь не простотой его комбинацій, а ихъ цѣлесообразностью. Посредственная голова можетъ строить весьма сложные планы: только они ей, обыкновенно, не удаются. Одинъ соотечественникъ цитированнаго нами автора—слишкомъ горячій, чтобы быть вполнѣ точнымъ, что не мѣшаетъ ему, однако, правильно угадывать смыслъ иныхъ событій, —даетъ олимпійскому спокойствію представителей Россіи иное, не менѣе простое, хотя и нѣсколько неожиданное объясненіе: русскіе не боялись просто потому, что *знали* о готовящемся и были глубоко убѣждены, что ихъ оно не коснется. Это послѣднее убѣжденіе оказалось ложнымъ, и въ этомъ обнаружилась „посредственность“ русскихъ соучастниковъ китайской императрицы. Но свою долю пользы изъ своей „освѣдомленности“ они все же извлекли, явившись на мѣсто раньше и лучше подготовленными, чѣмъ кто-либо, кромѣ японцевъ.

Авторъ, о которомъ мы говоримъ, Алекс. Уларъ (Ular), утверждаетъ, что еще въ мартѣ 1900 года между русскимъ и китайскимъ правительствами была заключена въ Кантонѣ секретная конвенція, устанавливавшая со стороны Россіи обязанность поддержать китайское правительство противъ западныхъ державъ, а въ случаѣ надобности и противъ „боксеровъ“, а со стороны Китая—согласіе на оккупацію Россіей „внѣшнихъ“ провинцій, съ сохраненіемъ въ нихъ лишь туземной, китайской администраціи, дѣйствующей, однако, подъ русскимъ контролемъ [1]). Само собой разумѣется, что подлинность опубликованнаго Уларомъ документа была своевременно кѣмъ слѣдуетъ опровергнута. Онъ и самъ, впрочемъ, не утверждаетъ, что въ его рукахъ былъ подлинный документъ; по характеру то, что имъ напечатано,—не то черновикъ, не то частное письмо, излагающее содержаніе переговоровъ. Но если бы мы приняли подлинность хотя бы не документа, а факта, облеченнаго неизвѣстно въ какую дипломатическую форму, намъ стали бы понятны слова ближайшаго совѣтника китайской императрицы, Канъ-И, сказанныя весною того же 1900 года и приведенныя тогда же одной англо-китайской газетой. „Намъ нужно свести счеты съ Великобританіей за ограбленіе императорскаго дворца—сказалъ будто бы Канъ-И въ засѣданіи китайскаго государственнаго совѣта,—съ Японіей за Формозу и съ Соединенными Штатами, которые обращаются съ китайцами на Филиппинахъ не лучше, чѣмъ съ собаками. *Противъ Россіи мы ничего не имѣемъ.* Тѣмъ болѣе, что если Франція поможетъ Россіи, то, хотя мы глубоко ненавидимъ Францію, мы отъ этого станемъ только сильнѣе. *Я настаиваю на самой тѣсной дружбѣ съ Россіей, такъ какъ, пока она за насъ, мы можемъ смѣяться надъ всѣмъ міромъ.* Только когда Россія будетъ съ нами, Великобританія склонитъ голову и оставитъ насъ въ покоѣ“ [2]).

Когда въ Пекинѣ началось дви-

---

[1]) См. назв. соч. Ular'а, стр. 253—255.

[2]) North-China-Herald отъ 16 мая 1900 г. Цитировано по Cordier, назв. соч., стр. 498.

женіе противъ „иноземныхъ дьяволовъ", русская дипломатія, при наличности такихъ чувствъ у вождей китайскаго націонализма, могла быть спокойна не потому, что она ничего не подозрѣвала, а потому, что кое-что она знала лучше, чѣмъ ея западно-европейскіе и американскіе коллеги. Что звѣрь, которымъ мандарины собирались травить своихъ враговъ, несчастная, одурманенная боксерскими шаманами[1]) китайская народная масса, можетъ сорваться съ цѣпи и броситься на своего господина и его друзей, объ этомъ, съ весьма характернымъ для обоихъ союзниковъ презрѣніемъ къ народной массѣ вообще, просто „не догадались". Когда императрица и ея совѣтники увидали, что волны устроеннаго ими наводненія топятъ ихъ самихъ, они поспѣшили скрыться со сцены—и бѣжали изъ Пекина, оставивъ своихъ разъяренныхъ, но почти безоружныхъ подданныхъ лицомъ къ лицу съ пулеметами „западныхъ чертей". А русскимъ, вмѣсто того, чтобы помогать мандаринамъ подавить движеніе, когда оно уже больше не будетъ нужно, пришлось начать со штурма фортовъ Таку, занятыхъ регулярными китайскими войсками.

Въ планъ нашего изложенія не входитъ разсказъ о подробностяхъ той трагедіи „усмиренія" и „возмездія", которая разыгралась подъ стѣнами Тянь-Цзина и Пекина лѣтомъ 1900 года. Въ той общей формѣ, въ какой она могла бы, по условіямъ мѣста, быть разсказанной здѣсь, она у всѣхъ еще въ памяти. Мы напомнимъ только, что оккупація Манчжуріи (будто бы условленная уже въ мартѣ этого года), благодаря боксерскому движенію, совершилась съ наилучшимъ предлогомъ, какой можно было найти, и притомъ въ безцеремонныхъ формахъ настоящаго завоеванія. Азіатскаго завоеванія, нужно прибавить, ибо въ Европѣ даже и настоящіе завоеватели не сумѣли бы показать ничего подобнаго такимъ сценамъ, какъ потопленіе въ Амурѣ нѣсколькихъ тысячъ мирныхъ китайцевъ, или систематическій грабежъ не менѣе мирныхъ городовъ Манчжуріи[1]). „17 августа, генералъ-лейтенантъ Грибскій, военный губернаторъ оккупированной территоріи, опубликовалъ въ „Амурской Газетѣ" сводъ вводимыхъ русскихъ правилъ и постановленій. Онъ объявлялъ тамъ, что территорія на правомъ берегу Амура, занятая императорскими войсками, переходитъ подъ юрисдикцію русскихъ властей. Китайцамъ, которые покинули берега рѣки, запрещено было туда возвращаться, и земли ихъ были отданы русскимъ переселенцамъ. Частнымъ лицамъ было запрещено селиться въ бывшихъ городахъ Айгунѣ и

[1]) О шаманизмѣ боксерскихъ вождей и религіозной истеріи, характеризующей все движеніе, см. Ular, гл. XVIII, и Cordier, назв. соч., стр. 453—455.

[1]) См. обо всемъ этомъ у нашего стараго знакомаго по Средней Азіи, Александра Верещагина, который и для манчжурской экспедиціи далъ не менѣе цѣнныхъ подробностей, чѣмъ для текинской. У насъ былъ подъ руками нѣмецкій переводъ, гдѣ благовѣщенскія „нуайяды" описаны, со словъ очевидцевъ, на стр. 16—18, а также на стр. 55—57, 63, 65—66 и т. д. „Quer durch die Mandchurei": Mühlheim am Rh., 1903.

Сакалинѣ или въ сосѣдствѣ ихъ; возстановленіе этихъ городовъ было запрещено, и китайскія зданія, которыя не были разрушены, обращены въ провіантскіе магазины и въ казармы для войскъ“ [1]). 4 августа того же года русскія войска, прибывшія изъ Портъ-Артура, заняли Нью-Чуанъ, единственный „открытый“ для заграничной торговли портъ Манчжуріи. Таможня этого города перешла въ завѣдываніе русскихъ властей: фактъ, который изъ всего происходившаго въ Манчжуріи вызвалъ наиболѣе энергичныя представленія со стороны иностранныхъ державъ, особенно со стороны Соединенныхъ Штатовъ, видѣвшихъ въ попыткѣ обратить Нью-Чуанскую таможню въ русскую явное нарушеніе принципа „открытыхъ дверей“. Въ свою очередь, русское правительство ни за что не держалось такъ цѣпко, какъ именно за Нью-Чуанъ съ его таможней, и, при всѣхъ неоднократныхъ обѣщаніяхъ очистить снова Манчжурію, всегда находило случай сдѣлать оговорку по поводу этого города.

Практическія послѣдствія захвата Манчжуріи не имѣли времени развернуться. Развязка пришла раньше, чѣмъ ее ждали, изъ той страны, которая казалась окончательно покинутой въ жертву японскому капитализму, изъ Кореи. Исторія второй корейской авантюры и непосредственно вызванной ею войны лежитъ внѣ рамокъ настоящаго изложенія. Судьбѣ не угодно было дать русскому капитализму опытъ чисто экономическаго соперничества съ капитализмомъ восточно-азіатскимъ. Но исходъ, и безъ войны, можно было предугадывать, сравнивая успѣхъ русской и китайской колонизаціи на Амурѣ. Когда одинъ русскій офицеръ, участникъ манчжурскаго завоеванія, впервые плылъ по этой рѣкѣ, его поразила полная пустынность лѣваго, русскаго, берега, тогда какъ на правомъ, китайскомъ, довольно часто попадались воздѣланныя поля, сады, деревни,— правда, въ ту минуту по большей части покинутые жителями. Но между обоими берегами, по серединѣ рѣки, двигалась сила, быстро уничтожавшая слѣды этой несправедливой привилегіи праваго берега. То былъ плывшій на девяти пароходахъ отрядъ. Стоило ему пристать къ берегу, и китайскія деревни пылали „со всѣхъ четырехъ концовъ и со всѣми ихъ запасами...“ На обоихъ берегахъ воцарялся одинаковый порядокъ.

---

[1]) Rey, назв. соч., стр. 41.

Библіографія.

Общая политика правительства 1866—1900.

(Къ 1 гл. VII т. и 7 гл. IX т.)

А. Императоры Александръ II и Александръ III. *С. Татищевъ.* Имп. А. II (2 т., 1901); *Сборникъ* Имп. Русск. Историч. Общ., тт. XXX и XXXI; *Мердеръ.* Записки („Русск. Стар.“, 1885).—*Письма* А. II къ Мердеру (тамъ же, 1886); *Vict. Laferté.* A. II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort.—*Бергъ.* Воспоминанія объ Имп. А. III („Старина и Новизна“, изд. О-ва ревнит. русск. историч. просвѣщ., т. III); *гр. С. Д. Шереметевъ.* Письма изъ Рущукск. отряда (тамъ же, т. II).

В. Внутренняя политика. I. Источники и матеріалы. *Государственный* Совѣтъ 1801—1901 (1901); *Обзоръ* дѣятельн. Гос. Сов. въ царств. Имп. А. III. Всеподдан. отчетъ предсѣд. Гос. Сов. (1893); *Дѣятельность* Гос. Сов. за время царств. Госуд. Имп. Александра Алексан. (1903); *Историческое* обозр. дѣят. комит. мин. (1902—03); *Общій* обзоръ дѣят. мин. внутр. дѣлъ за время царств. Имп. А. III (1901); *Министерство* финансовъ 1802—1902 (1902); *Обзоръ* дѣят. мин. финанс. въ царств. Имп. А. III (1902); *Историч.* обзоръ дѣят. мин. нар. просв. 1802—1902; *Столѣтіе* военн. мин. (1902—05); *Юбилейн.* изд. исторіи мин. иностр. дѣлъ и др. *Дневникъ* гр. П. А. Валуева („Вѣстн. Евр.“, 1907, I—III). *Конституція* гр. Лорисъ-Меликова (изд. Фонда вольн. русск. пр., Лонд., 1893); *Самодержавіе* и Земство. Записка мин. фин. С. Ю. Витте. Съ предисл. Р. Н. С. (П. Б. Струве) (Stuttg., 1901). *Базилевскій* (*Богучарскій*). Государств. преступл. въ Россіи въ XIX в. (3 т., загран. изд. 1903—5; Спб. 1906—7); *В. Бурцевъ.* За сто лѣтъ. 1800—1896 (Лонд. 1897); *Календ.* Нар. В. на 1883 г. (Жен.); *Революціонная* журналистика 70-хъ гг. („Русск. истор. библіот.“ Б. Базилевскаго—В. Богучарскаго. Спб. 1907); *Литература* партіи Нар. В. (тамъ же); *Хроника* соціалистич. движ. въ Россіи 1878—87 (отчетъ ген. Шебеко, изд. Саблина, М., 1907); *Воспоминанія* Дебагорія-Мокріевича, Крапоткина, Аптекмана, Степняка и др.; *Кеннанъ.* Сибирь и ссылка (1906); *Галлерея* шлиссельбургскихъ узниковъ (1907); *Матеріалы* и статьи въ журналахъ „Былое“ и „Минувшіе годы“; *Сводъ* статист. данныхъ, касающ. эконом. полож. сельск. нас. Евр. Россіи (изд. Канц. Комит. мин. 1894); *Матеріалы* комиссіи по изслѣд. благосост. сельск. нас. среднеземлед. губ. (изд. Комиссіи центра, 3 т. 1903); *Сводъ* трудовъ мѣстн. комит. о нуждахъ с.-хоз. промышленности (1904); *Витте.* Записка по крестьян. дѣлу (1904). *Нужды* деревни (сборникъ стат., изд. Н. Н. Львова и А. А. Стаховича, 2 тт., 1904); *Мелкая* земская единица (сборн. стат., изд. кн. П. Д. Долгорукова и кн. Д. И. Шаховского, 1903); *Крестьянскій* строй (сб., изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого, т. I, 1905); *Аграрный* вопросъ (сб., изд. кн. П. Д. Долгорукова и И. И. Петрункевича, 2 т., 1905—07); *Историко-статист.* обозр. промышл. въ Россіи (1882); *Сельское* и лѣсн. хоз. въ Россіи (для Чикагск. выст. 1893); *Фабрично-завод.* промышл. (для той же выст.); *Производ.* силы Россіи (для Нижегор. выст. 1896); *Россія* въ концѣ XIX в. (для Париж. выст. 1900); *Сборникъ* свѣдѣній по истор. и статист. внѣшн. торговли Россіи (съ 1902); *Сводъ* статист. свѣдѣній по сельск. хоз. Россіи въ концѣ XIX в. (съ 1902 г. 3 т.); *Н. В. Пономаревъ.* Истор. обзоръ правит. мѣропр. къ разв. с. хоз. въ Россіи (1887); *В. А. Крандіевскій.* Обзоръ земск. мѣропр. въ обл. с. х. (1894, изд. Моск. общ. с. х.); *Г. Сазоновъ.* Обзоръ дѣят. земствъ по с. х. 1865—95 (изд. Деп. Земл., 3 т., 1896); *Справочн.* свѣдѣнія о дѣят. земствъ по с. х. (изд. Деп. Земл., 9 вып., 1895—1908); *Б. Веселовскій.* Истор. земствъ за 40 лѣтъ (2 т., 1909); *Матеріалы* о движ. земельн. собств. въ Россіи. Состав. А. Рейнботъ (изд. Мин. Финанс., вып. I—III, 1894—98); *Обзоръ* дѣят. крест. земельн. банка за 1883—1904; *Янжулъ.* Фабрич. бытъ Моск. губ. 1884 (отчетъ фабр. инспект. Моск. г. 1886); *Янжулъ.* Изъ воспомин. и переписки фабричн. инсп. (Спб. 1907); *Песковъ.* Фабричн. бытъ Владим. губ. (1886); *Святловскій.* Фабричн. раб. (Варш. 1899); *Эрисманъ.* Пища рабоч. на фабр. Моск. губ. (М. 1893); *Янжулъ.* Очерки по изслѣд. ф.-зав. промышл. въ Ц. Польск. (М. 1887); *Свирскій.* Фабрики и др. промышл. завед. Владим. губ. 1890; *Изслѣдованіе* кустарн. промышл. Россіи (Изд. М. Землед., 5 т. 1892—98); *Обзоръ* дѣят. правительства по куст. пром. (изд. М. Землед. 1902); *Труды* съѣзда по куст. пром. (2 т. 1902); *Обзоръ* дѣят. земствъ по кустарн. промышл. (Мин. Земл. 1897 и 1899).

II. Общія сочиненія. 1. Экономическое положеніе. *Янсонъ.* Опытъ статистич. изслѣдованія о крестьян. надѣлахъ и платежахъ (2 изд. 1881); *А. Посниковъ.* Общинное землевладѣніе (2 т., 1878); *кн. Васильчиковъ.* Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи (2 т., 2 изд. 1881); *Keussler.* „Zur Geschichte und kritik des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland“ (1876); *В. В.* Крестьянск. община (въ „Итогахъ экономич. изслѣдов. Россіи“, т. 1-й, 1892); *А. Кауфманъ.* Крестьян. община въ Сибири (1895); *его же.* Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста (1908); *Качоровскій.* Русская община (1900); *В. В.* Прогрессивныя теченія въ крестьян. хозяйствѣ (1892); *Карышевъ.* Крестьянск. внѣнадѣльныя аренды (2-й томъ „Итоговъ экономич. изслѣд. Россіи“, 1892); *Сазоновъ.* Ростовщичество-кулачество (1894); *Гвоздевъ.* Кулачество-ростовщичество (1899); *кн. Шаховской.* Сельско-хозяйств. отхожіе промыслы (1896); *Варбъ.* Наемн. сельско-хоз. рабочіе (1899); *Хижняковъ.* Пришлые сельско-хоз. рабочіе въ Херсонск. губ. (1899); *Постниковъ.* Южно-рус. крестьянск. хозяйство (1891); *А. Скворцовъ.* Экономич. причины голодовокъ въ Россіи (1894); *Вліяніе* урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкотор. стороны русск. народн. хоз. Сбор. подъ ред. Чупрова и Посникова (2 т., 1897); *А. Кауфманъ.* Переселеніе и колонизація; (*Ермоловъ*). Неурожай и народное бѣдствіе (1892); *Лохтинъ.* Состояніе сельск. хоз. въ Россіи (1901); *его же.* Беземельный пролетаріатъ въ Россіи (1905); *Щербина.* Крестьян. бюджеты (1900); *Вихляевъ.* Очерки по русск. сельско-хоз. дѣйствительности (1901); *Дементьевъ.* Фабрика (1893, 2-е изд. 1897); *Туганъ-Барановскій.* Русск. фабрика (1898, 3-е изд. 1907); *Д. Менделѣевъ.* Толковый тарифъ (1892); *его же.* Къ познанію Россіи (2-е изд. 1906); *Брандтъ.* Иностранные капиталы (1898); *его же.* Торгово-промышл. кризисъ въ Россіи и въ З. Европѣ (1902); *Люксембургъ.* Промышленное развитіе Польши; *Шульце-Геверницъ.* Очерки обществ. хозяйства и экономич. политики Россіи (пер. Авилова и Струве, 1901); *Issajeff.* Zur Politik des russisch. Finanzministerium (Stuttg., 1898).

2. Общественныя направленія. *Данилевскій.* Россія и Европа (1871); *К. Леонтьевъ.* Востокъ, Россія и славяне (1885); *Катковъ.* Сочиненія; *Невѣдѣнскій.* Катковъ и его время (1888); *Страховъ.* Борьба съ Западомъ; *гр. Д. Толстой.* Рѣчи и статьи (1876); „*Московскій* сборникъ“ изд. *К. П. Побѣдоносцева* (1896); *Л. Тихомировъ.* Почему я перестал быть революціонеромъ (1896); *его же.* Конституціоналисты въ эпоху 1881 г. (1895); *И. С. Аксаковъ.* Статьи (1886, 2-е изд. 1903); *И. С. Аксаковъ* въ его письмахъ (2 т., 1888); *Л. Полонскій.* На досугѣ (1884); *М. Бакунинъ.* Сочиненія; *Батуринскій.* Герценъ, его друзья и знакомые (т. I, 1904); *С. Муромцевъ.* Статьи и рѣчи (3 вып., 1910); *А. И. Чупровъ.* Рѣчи и статьи (3 т., 1909); *Юзовъ* (*Каблицъ*). Основы народничества (2 т., 1882—1893); статьи *И. Ч.* (*П. П. Червинскаго*) въ „Недѣлѣ“ 1875 и 1876 гг.; *Энгельгардтъ.* Письма изъ деревни (1882); *В. В.* Судьбы капитализма въ Россіи 1882); *его же.* Судьбы капиталистической Россіи (1907); *Русановъ.* Противъ экономич. оптимизма („Дѣло“, 1880, 12); *Николай—онъ.* Очерки нашего пореформен. хозяйства (1893); *В. В.* Наши направленія (1894); *Каблуковъ.* Объ условіяхъ развитія крестьян. хоз. въ Россіи (1899, 2 изд. 1908); *Кривенко.* На распутьи (1901); *Шелгуновъ.* Очерки русской жизни (1895); *Михайловскій.* Литературн. воспомин. и современная смута (2 т., 1902); *А. В—нъ.* Народники и народъ („В. Евр.“, 1891 г., 2); *его же.* Теорія народничества (тамъ же 1892, 10; 1893, 2); *Слонимскій.* Наши теоретики народничества (тамъ же, 1893, 11); *П. Струве.* Критич. замѣтки къ вопросу объ экономич. развитіи Россіи (1894); *В. Ильинъ.* Развитіе капитализма въ Россіи (1898); *его же.* За 12 лѣтъ. Собр. статей (т. I, 1908); *А. Волгинъ* (*Плехановъ*). Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (1896); *Н. Бельтовъ* (*Плехановъ*). Къ вопросу о развитіи монистич. взгляда на исторію (2 изд. 1905); *Масловъ.* Условія развитія народн. хозяйства въ Россіи (1903); *Очерки* реалистическ. міровоззрѣнія (2 изд. 1902). См. также ниже библіогр. къ литературѣ, отд. II, Б, III, А, IV, А, V, А (стр. 240, 244, 247).

3. Общественное движеніе. *Тунъ.* Исторія революц. движенія въ Россіи, пер. В. И. Засуличъ и др. съ прилож. (1906); *Цилліакусъ.* Революц. Россія (пер., 1906); *Сватиковъ.* Общ. движ. въ Россіи 1700—1895 (1905); *Корниловъ.* Обществ. движеніе при Ал. II; *A. Leroy-Beaulieu.* L'Empire des Tsars et les Russes (3 vol. Par. 1897—98); *sir D. M. Wallace.* Russia (2 vols, Lond. 1905); „*Bibliothek* russischer Denkwürdigkeiten“, herausg. v. Th. Schimann (Stuttg., 1894); *Л. Шишко.* Къ характерист. движенія 70-хъ годовъ („Русск. Богат.“, 1906, 10); *Бѣлоконскій.* Земское движеніе (1910); *Общественное* движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка (подъ ред. Мартова, Маслова и Потресова; т. I и II, 1909 — 1910); см. далѣе библіогр. къ III ч., гл. X и XI (т. VII, стр. 278—280).

С. Внѣшняя политика. 1) **Русско-французскій союзъ.** *Daudet, Ern.* Histoire diplomatique de l'Alliance fr.-russe (1873—93). Paris 1894. *Hansen, Jules.* L'Alliance franco-russe, Paris, 1897; *его же.* Ambassade à Paris du Baron de Mohrenheim, Paris, 1907; *Cyon* (*E. de*). La France et la Russie, Paris, 1890; *его же.* Études politiques, Paris, 1892; *его же.* Les finances russes et l'épargne française, P. 1895; *Geffcken, Heinr.* Frankreich, Russland und d. Dreibund, Berlin, 1893; *Halpérine-Kaminsky.* France et Russie, alliance économique. Paris, 1904; *Questions* économiques. Industrie russe et capitaux français. Paris, 1902. „*Le finances* de la Russie“, Paris. 1886 et suiv. *Leroy-Beaulieu, Anat.* La France, la Russie et l'Europe. Paris, 1888. *Teste, Louis.* Alexandre III et la Russie, Paris, 1883; *Dovérine, A.* France et Russie, P. 1888. *Golitzyn.* Die französisch-russische Allianz. Berlin, 1887; *Popowski* (*Josef*). Die französisch-russische Allianz. *Wien.* 1891; *Mesnard* (*baron de*). Mémoires en faveur de l'alliance avec la Russie. Foutenay le Comte. 1900.

2) **Завоеваніе Средней Азіи.** *С. Татищевъ.* Императоръ Александръ II. *Верещагинъ, А.* Дома и на войнѣ. Спб. 1886. *Верещагинъ, В.* Замѣтки, очерки и воспоминанія. *Марковъ, Евг.* Россія въ Средней Азіи. Очерки путешествія. 2 тт. Спб. 1901. *Kramer.* Russland in Mittel-Asien. Leipzig. 1898. *Kuropatkin.* Geschichte des Feldzuges Skobelew's, Mühlheim a. K. 1904. „*Справочная* книжка Самаркандской области“ 1893 и сл.

3) **Ближній Востокъ.** „*Оккупаціонный* фондъ“. Документы изъ секретнаго архива русскаго правительства, съ предисловіемъ *Д. Петкова*, Софія, 1893. *Матвѣевъ.* Болгарія послѣ Берлинск. конгресса. *Drandar.* Cinq ans ed règne en Bulgarie. P. 1884; *его же.* Les événements politiques en Bulgarie depuis 1885. *Соболевъ.* Записки („Русская Старина“, 1886 г., сентябрь). Отвѣтъ *Эрирота* (тамъ же, ноябрь). *Golowine.* Fürst Alexander I v. Bulgarien, Wien. 1896. *Милюковъ, П.* Болгарская конституція („Русское Богатство“, 1904 г.).

4) **Дальній Востокъ.** „*Сибирь* и сибирская желѣзная дорога“. Спб. 1903. „*Описаніе* Кореи“, составлено въ канцеляріи мин. финансовъ. Спб. 1900. *Brandt.* M. v. Drei Jahre ostasiatischer Politik. Stuttgart, s. a. *Vladimir.* Russia on the Pacific. London. 1899. *Cordier.* Histoire des relations de la Chine avec les puissances occidentales. Paris. 1902. 3 vol. *Rey.* La guerre russo-japonaise. Paris. 1907. *Ular, Alex.* Un empire russo-chinois. Paris. 1903.

ГЛАВА I.

Государственное хозяйство (1892—1903).

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ статьѣ, см. библіографію при VII томѣ.

ГЛАВА II.

Развитіе промышленности и рабочее движеніе съ 1893 до 1903 г.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ статьѣ, см. библіографію при VII томѣ.

ГЛАВА III.

Общественная медицина въ связи съ условіями жизни народа.

Земская медицина. *Сводъ* узаконеній и распоряженій правит., изданн. по врачебн. и санит. части. Изд. медиц. департ. 1895—97 гг. *Земско-медицинскій* сборникъ. I—VII вып. Заключит. часть этого сборника издана отдѣльно подъ назв. *Русская* земская медицина. Обз. развит. земск. медицины въ Россіи вообще и отдѣльно въ Моск. губ. Сост. Е. А. Осиповъ, И. В. Поповъ и П. И. Куркинъ. *Описаніе* самарск. губ. медицины за 25-лѣтній періодъ существов. губерниск. земства (Самара, 1891). *В. И. Яковенко.* Обзоръ дѣятельности всѣхъ земствъ по призрѣнію душевнобольныхъ со времени передачи имъ больницъ приказовъ обществ. призрѣнія („Архивъ психіатріи“ 1897). *П. А. Архангельскій.* Отчетъ по осмотру русскихъ психіатр. заведеній (Москва, 1887). *Труды* съѣздовъ земскихъ врачей въ разныхъ губерніяхъ. Въ нихъ разсыпана масса цѣнныхъ свѣдѣній и статей по различн. вопр. земск. мед. Обширн. матеріалъ, заключ. въ „Трудахъ“, далеко не разработанъ и можетъ послужить источн. для цѣлаго ряда научныхъ работъ по вопр. санитаріи. Особенно цѣнны труды съѣздовъ земск. врач. Моск. губ., Самарск., Саратовск., Тверск. и др. *П. Я. Соколовъ.* Очеркъ исторіи приказной и земской медицины (Черниговъ, 1908). *Г. Поповъ.* Русск. народно-бытовая медицина (Спб., 1903). Обзоръ двадцатипятилѣтней дѣят. Моск. земства. Попеченіе о народн. здрав. (Москва, 1892). *А. Васильчиковъ.* О самоуправленіи. Т. I и II. *Россія* въ концѣ XIX вѣка. Подъ общ. редакц. В. И. Ковалевскаго (Спб., 1900). Изд. мин. фин. Статья „Народное здравіе“. *В. Веселовскій.* Исторія земства за сорокъ лѣтъ. Т. I (Спб., 1909). *М. Я. Капустинъ.* Основные вопросы земск. медицины (Спб., 1889). *Отчеты* о состоян. народн. здравія. Изд. медиц. департ. и управленія главн. мед. инспектора 1877—1906 гг. *Г. А. Бердичевскій.* Къ оцѣнкѣ положенія. „Журналъ общ. русск. врачей въ память Н. И. Пирогова“ № 1 (1908). *М. Я. Капустинъ.* Задачи гигіены въ сельск. Россіи (Москва, 1902). *А. И. Шингаревъ.* Вымирающая деревня (Спб., 1907). *В. Португаловъ.* Вопросы обществ. гигіены (Спб., 1873). *И. И. Молессонъ.* Четверт. съѣздъ врач. Пермск. губ. въ г. Екатеринбургѣ (Пермь, 1887). *Международная* клиника 1886—1887. Здѣсь собраны отзывы о мѣрахъ оздоровл. Россіи. *И. И. Молессонъ.* Къ вопросу объ оздоровл. Россіи. Сборникъ Пермск. зем., № 6, 1886. *Очерки* эпидеміи холеры 1892—1893 гг. въ Воронеж. губ. Мѣропріятія въ будущемъ (Воронежъ, 1905). *Пироговскій* съѣздъ по борьбѣ съ холерой (Москва, 1905). *С. В. Мартыновъ.* Современное полож. русск. деревни (Саратовъ, 1903). *Г. И. Ростовцевъ.* Мелкіе промыслы въ селеніяхъ Дмитровск. у. Московск. губ. въ санитарн. отнош. (Москва, 1902). *Совѣщаніе* представит. и членовъ врачебно-санитарныхъ организацій московск. зем. по вопросамъ борьбы съ холерой (Москва, 1908). *Ф. А. Щербина.* Крестьянскіе бюджеты (Воронежъ, 1900). *Л. Н. Марессъ.* Производство и

потребленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ (Спб., 1892). *В. В. Фавръ.* О голодномъ хлѣбѣ 1898 г. (Харьковъ, 1899). *Ѳ. К. Стефановичъ.* Матеріалы для изученія свойствъ голодн. хлѣба. *Е. Варбъ* Наемные сельскохозяйственные рабочіе въ жизни и законодательствѣ (Москва, 1899). *И. Х. Озеровъ.* Экономическая Россія и ея финанс. политика (Москва, 1905). *Н. И. Тезяковъ.* Рынки найма с.-хоз. рабочихъ на югѣ Россіи въ санит. отнош. (Спб., 1902). *В. В. Хижняковъ.* Пришлые с.-хоз. рабочіе въ Херсонск. губ. (Херсонъ, 1894). *Отчеты* санитарныхъ врачей Спб. земства за 1899 и 1901 г. (Спб., 1900 и 1903). *Н. Д. Соколовъ.* Питьевое водоснабженіе селеній Москов. губ. (Москва, 1907). *Е. И. Ростовцевъ.* Дѣят. земства по улучшенію водоснабженія въ Дмитровскомъ уѣздѣ (Москва, 1902). *Труды* Пироговскихъ съѣздовъ I—IX. *К. И. Шидловскій.* Сводка ходатайствъ пироговскаго общества врачей предъ правит. учрежден. (М. 1904). *А. Г. Трахтенбергъ.* Матеріалы о санит. состояніи школъ въ Россіи (Спб., 1903). *Труды* совѣщанія врачебныхъ инспекторовъ Кіев., Подольск. и Волын. губ. (Кіевъ, 1901). *С. М. Богословскій.* Земскій медицинскій бюджетъ Моск. губ. (Москва, 1908). *Г. В. Плехановъ.* О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи (Спб., 1906). *Герценштейнъ.* Сифилисъ въ Россіи. Т. I. 1885. *В. А. Левицкій.* Къ вопросу о физич. состояніи населенія Подольск. уѣзда (Москва, 1901). *О состояніи* народн. здравія въ Россіи и о мѣрахъ къ поднятію его. Докладъ Совѣта мед. общества при имп. Новороссійскомъ универс. (Одесса, 1905). *И. В. Поповъ.* Санитарное сост. Моск. губ. Труды четырнадцатаго съѣзда земск. врачей Моск. губ. (Москва, 1905). *А. И. Скибневскій.* Санит. сост. уѣздовъ Моск. губ. Труды четырн. съѣзда (Москва, 1905). *П. И Куркинъ.* Нѣсколько фактовъ изъ области иностранной демографіи. Труды четырн. съѣзда (Москва, 1905). *С. А. Новосельскій.* Статист. матеріалъ по вопр. о высокой смертности въ Россіи. „Вѣстн. общ. гиг.“ №1—2. 1908. *А. И. Шингаревъ.* Заболѣваемость насел. Воронеж. губ. въ 1898—1902 гг. Изд. Ворон. Губ. Зем. 1906. *Н. Д. Соколовъ.* Къ характерист. физич. развитія и грамотности нас. Клинск. уѣзда. Изд. Моск. Губ. Зем. (Москва, 1903). *П. И. Куркинъ.* Статистика движенія населенія въ Моск. губ. въ 1883—1897 г. (Москва, 1902). *Его же.* Статистика болѣзненности насел. въ Моск. губ. за періодъ 1883—1902 г. (Вып. I—III. Москва, 1903). *Его же.* Дѣтская смертность въ Моск. губ. въ 1883—1902 (Москва, 1902). *С. М. Богословскій.* Земск. медицинскій бюджетъ за 1883—1905 г. (Москва, 1908). *А. И. Скибневскій.* Чахотка и легочныя заболѣв. въ сельскомъ населеніи Богородск. у. (М. 1901).

Городская медицина. *Санитарное* сост. городовъ Россійск. имп. въ 1892 г. Изд. управл. главн. мед. инспект. (Спб., 1895). *Санитарное* сост. гор. Росс. имп. въ 1895 г. Изд. упр. главн. мед. инсп. (Спб., 1899). *К. Генрихсенъ.* Смертность г. Одессы за 17 лѣтъ (1874—1891). Изд. Одесск. Гор. Общ. Упр. (Одесса, 1896). *Н. П. Васильевскій.* Очеркъ санит. сост. г. Одессы. Юбил. сборникъ общ. одесск. врачей (Одесса, 1901). *Г. И. Шрейдеръ.* Наше городск. общ. самоуправл. (Спб., 1905). *А. А. Чертовъ.* Городск. медицина въ Евр. Россіи (М. 1903). *Его же.* Къ вопросу о полож. врачебно-санит. дѣла въ русск. городахъ. Труды VIII Пирог. съѣзда. Вып. II. (М. 1901). *И. Вернеръ.* Жилища бѣднѣйшаго нас. г. Москвы (М. 1902). *А. И. Рубель.* Жилища бѣднѣйшаго нас. г. Петербурга. „Журналъ общ. охр. народ. здравія“. Декабрь 1897. *С. В. Куркинъ.* О нѣкоторыхъ условіяхъ жизни населенія Хитрова рынка (М. 1898). *Г. И. Хлопинъ.* Гигіена городовъ (Юрьевъ, 1903). *М. С. Уваровъ.* С.-Петербургская городск. санит. организація. „Общественно-санитарн. обозрѣніе“ 2—3. 1896. *А. Н. Рубель.* Очеркъ врачебно-санит. организаціи Петербурга. Труды IX Пирог. съѣзда. Т. IV (Спб. 1905).

Фабрично-заводская медицина. *Труды* комиссіи, Высочайше утвержд. для составленія проекта полож. объ устр. и содержаніи промышл. заведеній и заводовъ (Спб. 1895). *Труды* комиссіи для пересмотра уставовъ промышл. и ремесл. (Спб. 1863). *Е. М. Дементьевъ.* Врачебная помощь фабричнымъ рабочимъ (Спб. 1899). *В. П. Литвиновъ-Фалинскій.* Фабричное законодат. и фабричн. инспекція въ Россіи. (Спб. 1900). *М. Г. Лунцъ.* Сборникъ статей. Посмертное изд. (М. 1909). *А. Н. Быковъ.* Фабричное законодат. и развит. его въ Россіи (Спб. 1909). *Врачебная* помощь фабричн. рабочимъ. Изд. мин. финанс. (Спб. 1899). *К. Пажитновъ* Положеніе рабочаго класса въ Россіи (Спб. 1908). *И. Д. Астраханъ.* Фабричная медицина г. Москвы. „Извѣстія моск. гор. думы“ за 1904 годъ. *Сборникъ* статистическихъ свѣдѣній по Моск. губ. Т. IV (М. 1893). *А. В. Шидловскій.* Казанскій фабричный округъ (Спб. 1886). *Г. И. Городковъ.* Виленскій фабр. округъ (Спб. 1886). *В. И. Миропольскій.* Воронеж. фабр. округъ (Спб. 1886). *И. И. Янжулъ.* Изъ воспоминаній и переписки фабричн. инсп. перваго призыва (Спб. 1907). *Е. М Дементьевъ.* Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ (Спб. 1899). *С. А. Новосельскій.* Профессіональная смертность въ Англіи. „Вѣстн. общ. гиг., суд. и практ. мед.“ № 3. 1909. *М. С. Уваровъ и Л. М. Лялинъ.* Охрана жизни и здоровья рабочихъ (М.). *С. М. Богословскій.* Проектъ классификаціи и номенклатуры производствъ, промысловъ и занятій. Свѣд. о зар. бол. и санит. врач. орг. Моск. губ. № 1. 1904. *Его же.* Заболѣваемость фабричныхъ рабочихъ Богор.-Глух. мануфактуры (М. 1906). *А. И. Скибневскій.* Обращаемость фабричнаго нас. Моск. губ. въ лѣчебныя завед. за 1901—1903 г. (М. 1907). *Ф. Ф. Эрисманъ.* Общая сводка по изслѣдованіямъ фабричн. заведеній Моск. губ. Т. I и II. (М. 1890 и 1893). *А. И. Скибневскій.* Жилища фабрично-заводск. рабочихъ Богородск. у. (М. 1901). *Г. И. Ростовцевъ.* Кустарные промыслы въ сел. Дмитровск. у. въ санит. отнош. (М. 1902). *А. И. Скибневскій.* Фарфор.-фаянсовое производство Гжельскаго района Моск. губ. въ санит. отнош. (М. 1904). *С. М. Богословскій.* Санит. описаніе заведеній мелкой промышл. Богород. у. (М. 1907). *И. Алиевовъ.* Жилищныя условія рабочихъ Чернаго города (Баку, 1905). *И. М. Козьминыхъ-Ланинъ.* Законъ 2 іюня 1903 года о вознагражденіи увѣчныхъ (М. 1909). *А. Свавицкій и В. Шеръ* Очеркъ положенія рабочихъ печатн. дѣла въ Москвѣ (Спб. 1909). *П. И. Кедровъ.* Санитарныя условія труда и жизни рабочихъ на кирпичныхъ заводахъ (М. 1899). *Поль Луи.* Рабочій и государство. (М.) *С. Н. Прокоповичъ.* Бюджеты петербургскихъ рабочихъ (Спб. 1909). *Труды* перваго съѣзда фабричныхъ врачей. Т. I и II (М. 1910).

ГЛАВА IV.

Исторія русской литературы за вторую половину XIX в.

(Къ 12 гл. IV т., 16 гл. VII и 4 гл. IX т.)

(Библіографія составлена П. Н. Сакулинымъ, при содѣйствіи А. Г. Фомина).

I. Справочныя пособія. *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографич. словарь русск. писателей и ученыхъ. 6 тт. Спб. 1889—1904. *Его же.* Источники словаря русск. писателей. Т. I Ааронъ—Гоголь. Спб. 1900; т. II Гогоцкая—Карамзинъ. Спб. 1910. *Его же.* Русскія книги (А—В). 3 тт. Спб. 1896—1899. *Д. Д. Языковъ.* Обзоръ жизни и трудовъ русск. писателей и писательницъ, умершихъ 1881—1891 гг. 11 вып. М. и Спб. 1885—1909. *В. Межовъ.* Исторія русск. и всеобщ. словесности. Спб. 1872. *А. В. Мезьеръ.* Русская словесность съ XI по XIX ст. Ч. II. Спб. 1902 (наиболѣе важное пособіе). *Списокъ* русскихъ повременныхъ изданій съ 1703 по 1899 г. Изд. Академіи Наукъ. Спб. 1901. *Н. М. Лисовскій.* Русская періодическая печать. Вып. I. 1703 — 1856. Спб. 1895; вып. II 1856 — 1880. Спб. 1901. *Его же.* Списокъ указателей къ русск. періодическимъ изданіямъ. Спб. 1903. Дополненія: *П. А. Дилакторскаго, Н. К. Пиксанова* и *К. П. Альбицкаго*—„Литерат. Вѣстн.“ 1903, VII—VIII; *Д. П. Сильчевскій.* Указатель къ журналу „Былое“ 1906—1907 гг. „Вѣстн. исторіи и литературы“, 1908, XII; *Д. П. Сильчевскій.* Указатель къ журналу „Минувшіе годы“ за 1908 — „Минувшіе Годы“, 1908, XII; *Б. М. Городецкій.* Системат. указатель содержанія „Историч. Вѣстн.“ (1880—1904). Спб. 1908; *Роспись* „Русскаго Архива“ (1863—1908)—„Русск. Арх.“ 1907 и 1908; отдѣльно М. 1909. *Къ 25-лѣтію* „Русск. Мысли“. Указат. статей съ 1900—1904. *Русскій* біографическій словарь. *Карцовъ* и *Мазаевъ.* Опытъ словаря псевдонимовъ русск. писателей. Спб. 1891. *Н. А. Рубакинъ.* Среди книгъ. Опытъ справочнаго пособія для самообразованія. Спб. 1906. *Ю. Битовтъ.* Книга о книгахъ. Толковый указатель книгъ для самообразованія. М. 1907. *И. В. Владиславлевъ.* Русскіе писатели отъ Гоголя до нашихъ дней. Опытъ библіографическаго пособія. Бердянскъ. 1909. *К. Н. Деруновъ.* Примѣрный библіотечн. каталогъ. 2 части. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. *Д. И. Малининъ.* Что читать по русской литературѣ XIX вѣка? Юрьевъ. 1906 и 1910.

II. Мемуары, историческія и критическія работы общаго содержанія. А. Мемуары. *П. Д. Боборыкинъ.* За полвѣка.—„Минувш. Годы“, 1908, IV, V—VI и XI. *Н. Бунаковъ.* Записки. Спб. 1909. *Н. А. Бѣлоголовый.* Воспоминанія. М. 1897; 4-е изд. Спб. 1901. *Васюковъ.* Былые дни и годы.—„Историч. Вѣстн.“ 1908, кн. I—XI. *Головачева-Панаева.* Русскіе писатели и артисты. Спб. 1890. *К. Головинъ.* Мои воспоминанія, т. I. Спб. 1908; т. II. Спб. 1910. *Г. К. Градовскій.* Итоги. Кіевъ. 1908. *Д. В. Григо-*

ровичъ. Литературныя воспоминанія.—Сочиненія, т. XII. Спб. 1896 (приложеніе къ „Нивѣ“). *Засодимскій.* Изъ воспоминаній. М. 1908. *А. Ѳ. Кони.* Отрывки изъ воспоминаній.—„Вѣстн. Евр.“ 1908, V. *Его же.* Очерки и воспоминанія. Спб. 1904. *А. В. Мещерскій.* Воспоминанія. М. 1901. *А. В. Никитенко.* Моя повѣсть о самомъ себѣ. Записки и дневникъ. 2 тт. Спб. 1905. *Н. А. Огарева-Тучкова.* Воспоминанія 1848—1870. М. 1903. *В. А. Панаевъ.* Воспоминанія.—„Русск. Стар.“, 1901, IX. *И. И. Панаевъ.* Литерат. воспоминанія. 3-е изд. Спб. 1888; сочиненія т. VI. *И. С. Тургеневъ.* Литературныя и житейскія воспоминанія.—Сочиненія, т. I. Спб. 1883; т. X. Спб. 1884; т. X. Спб. 1891; т. X. Спб. 1897; т. XII. Спб. 1898, изд. Маркса (приложеніе къ „Нивѣ“). *Е. Утинъ.* Изъ литературы и жизни. 2 тт. Спб. 1896. *А. Фетъ-Шеншинъ.* Мои воспоминанія. 2 чч. М. 1890. *И. И. Янжулъ.* Воспоминанія о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909. Вып. I. М. 1910.

Б. Историческія и критическія работы. *С. Г. Сватиковъ.* Обществ. движеніе въ Россіи (1700—1895). Ростовъ на/Д. 1905. *Вл. Бурцевъ.* За сто лѣтъ (1800—1896). Сборникъ по исторіи политическихъ и общественныхъ движеній въ Россіи. Лондонъ. 1897. *Государственныя* преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Сборникъ подъ ред. *Б. Базилевскаго (Яковлева-Богучарскаго).* 2 тт. (1825—1877 г.) Stuttgart. 1903—1904; 3 тт. Ростовъ на Дону. 1906—1907. *Н. С. Русановъ (Кудринъ).* Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908. *А. Тунъ.* Исторія революціоннаго движенія въ Россіи. Спб. 1905 и М. 1905. *А. М. Скабичевскій.* Очерки по исторіи русской цензуры. Спб. 1892. *М. К. Лемке.* Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX стол. Спб. 1904. *Его же.* Эпоха цензурныхъ реформъ. Спб. 1904. *В. Розенбергъ* и *В. Якушкинъ.* Русская печать и цензура. М. 1905. *К. К. Арсеньевъ.* Законодательство о печати. Спб. 1903. *И. С. Аксаковъ.* Сочиненія. 7 тт. *И. С. Акс.* въ его письмахъ. 2 тт. М. 1888. *М. В. Авдѣевъ.* Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы. Спб. 1874; 2-е изд. Спб. 1907. *Ю. И. Айхенвальдъ.* Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М. 1906; 2-е изд М. 1908; вып. II. М. 190*; 2-е изд. М. 1909; вып. III. М. 1910. *Г. В. Александровскій.* Чтенія по новѣйшей русск. литературѣ Вып. I. Кіевъ. 1903. Изд. 5-е. Кіевъ. 1907; вып. II. Кіевъ. 1907. *Андреевичъ (Соловьевъ).* Опытъ философіи русской литературы. Спб. 1905. *Е. Соловьевъ (Андреевичъ).* Очерки изъ исторіи русск. литературы XIX вѣка. Спб. 1902; 2-е изд. Спб. 1903; 3-е изд. Спб. 1907. *С. А. Андреевскій.* Литературные очерки. Спб. 1902. (3-е изд. Литерат. чтеній. Спб. 1891 и 2-е изд. Спб. 1892). *П. В. Анненковъ.* Воспоминанія и критическіе очерки. 3 тт. Спб. 1877—1881; Литерат. воспоминанія. Спб. 1909. *К. К. Арсеньевъ.* Критическіе этюды по русской литературѣ. 2 тт. Спб. 1888. *Н. Н. Баженовъ.* Психіатрическія бесѣды на литерат. и обществ. темы. М. 1903. *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды Погодина. 22 книги. Спб. 1888--1910 (см. указатель при 22 книгѣ). *Ѳ. Д. Батюшковъ.* Критическіе очерки и замѣтки. Спб. 1900. II. т. Спб. 1902. *Бельтовъ (Плехановъ).* За двадцать лѣтъ. Спб. 1905; 2-е изд. Спб. 1906; 3-е изд. Спб. 1909. *А. К. Бороздинъ.* Литературныя характеристики. 2 тт. Спб. 1903—1907. *Brückner.* Geschichte der russischen Litteratur. Leipzig. 1905.—Русскій переводъ *А. Саввинскаго*—Русская литература въ ея историческомъ развитіи. Изд. „Вѣстн. Знанія“. Спб. 1908. *В. П. Буренинъ.* Критическіе этюды. Спб. 1888. *А. Введенскій.* Общественное самосознаніе въ русской литературѣ. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1909. *С. А. Венгеровъ.* Очерки по исторіи русской литературы. Т. I. 1-е и 2-е изд. Спб. 1907. *Его же.* Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. 2-е изд. съ прибавленіемъ этюда „Побѣдители или побѣжденные?“ (О модернизмѣ). Спб. 1909. *А. Н. Веселовскій.* Западное вліяніе въ новой русской литературѣ. М. 1883; 2-е изд. М. 1896; 3-е изд. М. 1906; 4-е изд. М. 1910. *A. Wesselovsky.* Die russische Litteratur. (Die Kultur der Gegenwart. I, 9. Berlin und Leipzig. 1908). *Вогюэ.* Современные русскіе писатели. М. 1887. *К. Головинъ.* Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1904. *А. А. Григорьевъ.* Сочиненія. Спб. 1876. *А. Е. Грузинскій.* Литературные очерки. М. 1908. *А. В. Дружининъ.* Собраніе сочиненій 8 тт. Спб. 1865—1867. *И. И. Ивановъ.* Новая культурная сила. Русскіе писатели XIX в. Спб. 1901. *Его же.* Исторія русской критики. 2 тт. Спб. 1898—1900. *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русск. обществ. мысли. 2 тт. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. 3-е изд. 1911. *Его же.* Литература и общественность. Спб. 1910. *Исторія* русск. литературы XIX в. подъ ред. *Д. Н. Овсянико-Куликовскаго.* М. 1908 — 1911 (продолжается). *К. Д. Кавелинъ.* Собраніе сочиненій. 4 тт. Спб. 1897—1899. *М. Н. Катковъ* 1863—1864 гг. Два сборника статей. М. 1887. *Нѣвядѣнскій.* Катковъ и его время. Спб. 1888. *А. И. Кошелевъ.* Записки. Берлинъ. 1884. *А. И. Кирпичниковъ.* Очерки по исторіи нов. русской литературы. Спб. 1896; 2-е изд. 2 тт. М. 1903. *П. Коганъ.* Очерки по исторіи нов. русской литературы. Т. I. Вып. I. М. 1902; вып. II. М. 1909; т. III, вып. I—II. М. 1910. *Н. И. Коробка.* Очерки литерат. настроеній. Спб. 1903. *В. Г. Короленко.* Отошедшіе. Спб. 1908. *Н. А. Котляревскій.* Старинные портреты. Спб. 1907. *П. Крапоткинъ.* Идеалы и дѣйствительность въ русск. литературѣ. Спб. 1907. *Л. Мельшинъ (П. Ф. Гриневичъ-Якубовичъ).* Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. *О. Ѳ. Миллеръ.* Русскіе писатели послѣ Гоголя. 5-е изд. Спб. 1909. *П. Н. Милюковъ.* Изъ исторіи русской интеллигенціи. Спб. 1902; 2-е изд. Спб. 1903. *Его же.* Очерки по исторіи русск. культуры. Спб. 1900 — 1903. *П. О. Морозовъ.* Минувшій вѣкъ. Спб. 1902. *Ю. В. Португаловъ.* Къ психологіи русскихъ литерат. теченій эпохи 1860—1890 гг. Оренбургъ. 1908. *М. Протопоповъ.* Литературно критич. характеристики. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1898. *Его же.* Критическія статьи. М. 1902. *A. von Reinholdt.* Geschichte der russischen Litteratur von ihren Anfängen bis an die neueste Zeit. Leipzig. 1886. *В. Розановъ.* Литературные очерки. Спб. 1899. *В. Саводникъ.* Очерки по исторіи русской литературы XIX вѣка. М. 1906; 3-е изд. М. 1907. *Р. Сементковскій.* Сочиненія. 3 тт. Спб. 1906. *А. М. Скабичевскій.* Исторія новѣйшей русской литературы. Спб. 1891. 7-е изд. Спб. 1909. *Его же.* Сочиненія. Спб. 1890; 2-е изд. Спб. 1895; 3-е изд. Спб. 1903. *Н. Страховъ.* Критическія статьи. 2 тт. Кіевъ. 1901 — 1902. *Н. В. Шелгуновъ.* Сочиненія 2 тт. Спб. 1891; 2-е изд. 3 т. Спб. 1895; 3-е изд. 3 тт. Спб. 1904. *Л. Шестовъ.* Начала и концы. Спб. 1908.

III. Шестидесятые годы. А. Общія пособія (кромѣ упомянутыхъ подъ рубрикой II). *Н. Ф. Анненскій.* Страничка изъ воспоминаній. — „Русск. Богат.“, 1908, XII. *Л. Барріве.* Освободительное движеніе въ царствованіе Александра II. М. 1909. *В. В. Берви-Флеровскій.* Положеніе рабочаго класса въ Россіи. Спб. 1869. *Его же.* Философія безсознательнаго, дарвинизмъ и реальная истина. Спб. 1878. *Его же.* Азбука соціальныхъ наукъ. Спб. 1871 (уничтожено цензурой); вышла за границей. *Его же.* Критика идей естествознанія. Спб. 1904. *С. А. Венгеровъ.* В. В. Берви-Флеровскій.— Критико-біографич. словарь, т. III и VI. *Н. Малиновскій.* Не пора ли вспомнить? (о Берви-Флеровскомъ).—„Русская Мысль“, 1905, IV. *Г. Благосвѣтловъ.* Сочиненія. Спб. 1882. *С. А. Венгеровъ.* Благосвѣтловъ.—Критико-біографическій словарь. Т. III. *В. Я. Богучарскій-Яковлевъ.* Столкновеніе двухъ теченій общественной мысли. Очерки изъ исторіи русск. журналистики XIX вѣка.—Изъ прошлаго русскаго общества. Спб. 1904. *Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ).* Литературное и критическое движеніе 60-хъ годовъ.—Исторія русск. литературы XIX вѣка подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. III, гл. III. *Б. Б. Глинскій.* Борьба за конституцію. Историч. очерки. Спб. 1908. *А. Ершовъ.* Къ исторіи русск. журналистики и общественности. I. „Современникъ“ (1836—1866).—„Образованіе“, 1903, X и XI.—II. „Отеч. Зап.“ (1818—1884).—„Образованіе“, 1905, I—V.—III. „Р. Слово“ (1859—1866) — „Образованіе“, 1906, IX, XI и XII. *С. А. Венгеровъ.* В. А. Зайцевъ. Критико-біогр. словарь, т. VI. Спб. 1904. *За много лѣтъ.* Воспоминанія неизвѣстнаго.—„Русск. Старина“, 1894, II, VII, IX, X; 1895, II, V и VII и отдѣльно. Спб. 1897. *Засодимскій.* Изъ воспоминаній. М. 1908. *Ивановъ-Разумникъ.* Обществ. и умствен. теченія 60-хъ гг. и ихъ отраженіе въ литературѣ.—Исторія русск. литер. XIX в. подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. III, гл. II. *А. Н. Ильинскій.* За полстолѣтія. 1841—1892. Воспоминанія.—„Русск. Стар.“, 1894, II—XI. *Н. И. Іорданскій.* Конституціонное движеніе 60-хъ годовъ. Спб. 1906. *А. А. Корниловъ.* Очерки изъ исторіи обществен. движенія въ Россіи и крестьянскаго дѣла. Спб. 1905. *Его же.* Обществ. движеніе при Александрѣ II. М. 1909. *Его же.* Историческій очеркъ эпохи 60-хъ год.—Исторія русской литературы XIX вѣка подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, т. III, гл. I. *Н. А. Котляревскій.* Очерки изъ исторіи обществ. настроенія въ Россіи въ 60-хъ гг. „В. Евр.“ 1910, авг. и слл. *М. К. Лемке.* Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Спб. 1907. *Его же.* Очерки освободительнаго движенія 60-хъ годовъ. Спб. 1908. *Матеріалы* для исторія революціоннаго движенія въ Россіи въ 60-хъ годахъ. Приложеніе къ сборн. Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ подъ ред. *Базилевскаго (Яковлева-Богучарскаго).* Paris 1905; Ростовъ н/Д. 1906. *В. Обручевъ.* Изъ пережитого.—„В. Евр.“, 1907, V—VI. *С. С. Окрейцъ.* Изъ литерат. воспоминаній.—„Ист. Вѣстн.“ 1907, IV—V. *Л. Ф. Пантелѣевъ.* Изъ воспоминаній прошлаго, кн. I. Спб. 1905; кн. II. Спб. 1908. *Н. И. Пироговъ.* Вопросы жизни.—Соч. Т. I. Спб. 1887; 2-е изд. Спб. 1900; 3-е изд. Кіевъ 1910. *А. Н. Пыпинъ.* Мои замѣтки. М. 1910. *А. Пятковскій.* Изъ моего прошлаго.—„Наблюдатель“, 1899, III, IV и VI; 1900, I. *В. И. Се-*

шевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи. 2 тт. Спб. 1888. *А. М. Скабичевскій*. Изъ воспоминаній о пережитомъ.—„Русск. Богат.“ 1907, VI—VIII. *Его же*. Первое 25-лѣтіе моихъ литерат. мытарствъ.—„Историч. Вѣстн.“ 1910, I—IV. *Н. Страховъ*. Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ. 3 тт. Спб. 1882—1883; 2-е изд. Спб. 1887—1896. *Н. Н. Страховъ* (*Косица*). Изъ исторіи литерат. нигилизма. Спб. 1890. *С. С. Татищевъ*. Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе. Спб. 1903. *Н. В. Шелгуновъ*. Изъ воспоминаній.—Юбилейный сборникъ Литерат. Фонда. Спб. 1910. *Л. Шелгунова*. Изъ далекаго прошлаго. Переписка Н. В. Шелгунова съ женой. Спб. 1900. *А. Пругавинъ*. Шелгуновъ въ ссылкѣ. (По неизд. источникамъ.)—„Русская Мысль“, 1910, II и III. *Протопоповъ*. Шелгуновъ.—Литературно-критич. характеристики. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1898. *А. Г. Фоминъ*. Писатель-гражданинъ. Н. В. Шелгуновъ.—„Историч. Вѣстн.“, 1908, VIII. *С. С. Шашковъ*. Сочиненія. 2 тт. Спб. 1898.

Б) Отдѣльные писатели[1]. **1) Н. Г. Чернышевскій. (1828—1889).** а) Полное собраніе сочиненій. 11 тт. Спб. 1905—1906. *Письма*: къ Бабсту.—Памяти Бѣлинскаго. Сборникъ. М. 1899; къ Краевскому.—„Былое“, 1906, I; къ Гольцеву.—Памяти Гольцева. Сборникъ. М. 1910; *Н. С. Русановъ*. Чернышевскій въ Сибири.—„Русск. Богат.“, 1910, III—IV. *Дневникъ* (1852—1853 гг.)—Полное собраніе сочиненій, т. XI. б) *Библіографія*: *Д. Д. Языковъ*. Обзоръ жизни и трудовъ русск. писателей, вып. IX; Полное собр. сочиненій, т. X, вып. II; *М. Н. Чернышевскій*. Библіографическій указатель статей о Чернышевскомъ и его сочиненіяхъ за время 1854—1909. Спб. 1909; дополненія къ этому указателю см. въ рецензіяхъ на него—1) „Рѣчь“, 1910, № 86 и 2) *А. Г. Фомина* „Истор. Вѣстн.“, 1910, IV. *Н. Денисюкъ*. Критическая литература о произведеніяхъ Н. Г. Чернышевскаго. М. 1908. *В. Е. Вѣтринскій*. Ранніе годы Н. Г. Чернышевскаго.—„Вѣстн. Европ.“ 1908, VII—IX. *Евг. Ляцкій*. Н. Г. Чернышевскій въ годы ученія и на пути въ университетъ.—„Совр. Міръ“, 1908, V и VI. *Его же*. Н. Г. Чернышевскій въ университетѣ.—„Соврем. Міръ“, 1908, XII; 1909, III. *Его же*. Юношеская любовь Н. Г. Чернышевскаго.—„Познаніе Россіи“, 1909, I. *Его же*. Н. Г. Ч. и И. И. Введенскій. „Совр. Міръ“ 1910, № 6. *Его же*. Н. Г. Ч. и учителя его мысли (Гегель, Бѣлинскій, Фейербахъ). Ibid., 1910, № 10, 11 и слѣ. *Ал. Лебедевъ*. Къ біографіи Ч—аго. „Ист. Вѣстникъ“, 1909, дек. *Мих. Лемке*. Очерки освободительнаго движенія 60-хъ годовъ. Спб. 1908. *Его же*. Политическіе процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевскаго. Спб. 1907. *М. Н. Чернышевскій*. Послѣдніе дни жизни Н. Г. Чернышевскаго.—„Былое“, 1907, VIII. *К. М. Ѳедоровъ*. Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій.—Асхабадъ, 1904; 2-е изд. Спб. 1905. *Н. Е. Кудринъ*. Ч. и 60-е годы. „Р. Бог.“ 1905, № 3 и сл. *Н. С. Русановъ*. (*Н. Е. Кудринъ*). Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908; 2-е изд. Спб. 1909. *Его же*. Ученики Маркса о Чернышевскомъ.—„Русск. Богат.“, 1909, XI. *Е. А. Ляцкій*. Чернышевскій и Фурье.—„Современ. Міръ“, 1909, XI. *А. Посниковъ*. Чернышевскій и его комментарій къ „Политич. Экономіи“ Милля.—Юбил. Сборн. Литерат. Фонда. Спб. 1910. *А. А. Корниловъ*. Чернышевскій и крестьянская реформа.—„Русская Мысль“, 1910, I. *М. Антоновъ*. Чернышевскій. М. 1910. *Бельтовъ* (*Плехановъ*). За двадцать лѣтъ. Спб. 1905; 2-е изд. Спб. 1906; 3-е изд. Спб. 1909. *Э. К. Пекарскій*. Беллетристика Чернышевскаго.—„Русск. Богат.“, 1900, X. *Д. И. Писаревъ*. Схоластика XIX в. Разрушеніе эстетики. Мыслящій пролетаріатъ.—Сочиненія, т. I, IV и дополнительный вып. Спб. 1907. *Г. Плехановъ* (Бельтовъ). Н. Г. Чернышевскій. Спб. 1909. *Ю. М. Стекловъ*. Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность (1828—1889). Спб. 1909. *В. Г. Короленко*. Отошедшіе. Спб. 1908. *А. Г. Фоминъ*. Чернышевскій и его значеніе въ исторіи русской общественной мысли.—„Историч. Вѣстн.“, 1907, V и VI.

2) Н. А. Добролюбовъ (1836—1861). а) *Сочиненія*: 4 тт. Спб. 1862; 5-е изд. О. Н. Поповой. Спб. 1896; 6-е изд. П. П. Сойкина. Спб. 1901; 7-е изд. П. П. Сойкина. Спб. 1908. *Н. Г. Чернышевскій* (*Андреевъ*). Матеріалы для біографіи Д—ва.—„Современ.“ 1862, I и Сочиненія Ч-го, т. IX; „Р. Мысль“, 1889, I и II и Сочиненія Ч-го т. X. Изд. Солдатенкова. М. 1890. *Дневникъ* 1857 г. Съ замѣткой *С. А. Венгерова*. Юбилейный сборникъ Литерат. Фонда. Спб. 1910. б) *Библіографія*: *Списокъ* статей Д—ва.—„Соврем.“, 1861, XI; *Указатель* литературы о Д—вѣ, перечень его произведеній и псевдонимовъ.—Сочиненія Добролюбова. 5-е изд. Спб. 1896; *В. С. Карцевъ*. Библіографич. указатель книгъ и статей о Добролюбовѣ и его сочиненіяхъ.—Сочиненія Добролюбова. Изд. 7-е. Спб. 1908; *С. А. Венгеровъ*. Источники словаря русскихъ писателей, т. II. Спб. 1910; *К. П.* (*Петровъ*). Систематич. указатель къ сочиненіямъ Бѣлинскаго съ присоединеніемъ соотвѣтств. указаній на сочиненія Добролюбова. Спб. 1865; 2-е изд. Спб. 1879. *В. Засуличъ*. Писаревъ и Добролюбовъ.—Сочиненія т. II. Спб. 1907. *Н. Златовратскій*. Изъ воспоминаній о Добролюбовѣ.—Юбилейн. сборн. Литерат. Фонда. Спб. 1910. *И. Ивановъ*. Исторія русской критики. Ч. IV, кн. II. *Д. И. Писаревъ*. Сочиненія т. III—VI. *Протопоповъ*. Добролюбовъ.—„Русская Мысль“, 1896, XII. *А. М. Скабичевскій*. Добролюбовъ. Спб. 1894.

3) Д. И. Писаревъ (1840—1868). а) *Сочиненія*: 10 чч. Спб. 1866—1867; 2-е изд. 6 тт. Спб. 1894; 3-е изд. 6 тт. Спб. 1901; доп. выпускъ. Спб. 1907; 4-е изд. 6 тт. Спб. 1904. *Письма*: „Русск. Обозр.“, 1893, I; *Е. Соловьевъ-Андреевичъ*. Писаревъ. Спб. 1894; „Р. Стар.“, 1900, X; „Нов. Обозр.“, 1900, № 5540; „Лит. Вѣстн.“ 1901, II; О бракѣ. Письма П. Спб. 1906. б) *Библіографія*: *Базаровъ*. Изъ исторіи просвѣтительства. „Правда“, 1904, VI—VIII. *Барро*. Забытое. Первыя произведенія П. Спб. 1893. *Его же*. Писаревъ.—„Новое Слово“, 1894, III. *Бельтовъ* (*Плехановъ*). За двадцать лѣтъ. Спб. 1905; 2-е изд. Спб. 1906; 3-е изд. Спб. 1909. *И. Ивановъ*. Исторія русской критики. Т. II. Спб. 1900. *Ивановъ-Разумникъ*. Исторія русской общественной мысли. Т. II. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. *В. Засуличъ*. Сборникъ статей. Т. II. Спб. 1907. *М. К. Лемке*. Политическіе процессы Михайлова, Чернышевскаго и Писарева. Спб. 1907. *Протопоповъ*. Писаревъ.—„Русск. Богат.“, 1895, I. *А. М. Скабичевскій*. Сочиненія. Т. I.

4) С. Т. Аксаковъ (1791—1859). а) *Сочиненія*: подъ ред. И. С. А—ва и П. А. Ефремова, 6 тт. Спб. 1886; 6 тт. М. 1895; 6 тт. изд. А. Карцева. М. 1897—1902; подъ ред. Ч. Вѣтринскаго. Спб. 1909; подъ ред. А. Г. Горнфельда. 6 тт. Спб. 1909—1910 (изд. продолж.). *Е. Бобровъ*. Затерян. произведенія С. Т. А—ва.—Литература и просвѣщ. въ Россіи. Т. III. Казань. 1902. *Его же*. „Драматич. прибавленія“ С. Т. Аксакова.—Литература и просвѣщеніе въ Россіи. Т. IV. Казань. 1903. *Письма*: Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ къ Тургеневу. Съ введеніемъ Л. Майкова. М. 1894; къ В. П. Безобразову.—„Нов. Вр.“, 1901, № 9003; къ А. О. Смирновой.—„Русск. Арх.“, 1905, X. б) *Библіографія*: *В. И. Межовъ*. Указатель книгъ и статей о жизни и сочиненіяхъ Аксакова. Спб. 1888; *С. А. Венгеровъ*. Источники словаря русск. писателей. Т. I. Спб. 1900. Словарь литературныхъ типовъ. Вып. V. Аксаковъ. Спб. 1909. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М. 1906; 2-е изд. М. 1908. *П. В. Анненковъ*. Воспоминанія и критич. очерки. Т. II. *Архангельскій*. С. Т. Аксаковъ. Дѣтство и студенчество.—„Русск. Обозр.“, 1895, VII—IX. *В—нъ* (*Пыпинъ*). С. Т. Аксаковъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1890, IX. *С. А. Венгеровъ*. Критико-біографическій словарь. Т. I. *А. Горнфельдъ*. Аксаковъ.—„Русск. Богат.“, 1909, IV. *Н. А. Добролюбовъ*. Сочиненія. Т. I. *О. Миллеръ*. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Т. III. *П. Н. Милюковъ*. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Спб. 1902; 2-е изд. Спб. 1903. *В. Н. Острогорскій*. С. Т. Аксаковъ. Спб. 1891. *М. Протопоповъ*. Литературно-критич. характеристики. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1898. *Смирновъ*. Аксаковы, ихъ жизнь и литерат. дѣятельность. Спб. 1895. *С. Г. Смирновъ*. Аксаковъ.—Десять чтеній по литературѣ. 2-е изд. М. 1903. *В. И. Шенрокъ*. С. Т. Аксаковъ и его семья.—„Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1904, X—XII.

5) Д. В. Григоровичъ (1822—1899). а) *Сочиненія*: Полное собраніе сочиненій 10 тт. Спб. 1884; 2-е изд. 10 тт. Спб. 1890; 3-е изд. Маркса 12 тт. Спб. 1896 (приложеніе къ „Нивѣ“). *Письма*: „Русск. Мысль“, 1902, XII; „Русск. Арх.“, 1909, XI. *Воспоминанія* Григоровича—Сочиненія. Т. XII, изд. Маркса. Спб. 1896 (приложеніе къ „Нивѣ“). б) *Библіографія*: *С. А. Венгеровъ*. Источники словаря русск. писателей. Т. II. Спб. 1910; *Д. Д. Языковъ*. Литерат. дѣятельность Григоровича.—„Русск. Обозр.“, 1893, XI. *П. В. Анненковъ*. Воспоминанія и критич. очерки. Т. II. *А. С. Архангельскій*. Григоровичъ и литература 40-хъ годовъ. Казань. 1894. *С. Ашевскій*. Бѣлинскій и Григоровичъ.—„Образованіе“, 1900, IV. *Его же*. „Антонъ Горемыка“.—„Міръ Божій“, 1897, XI. *А. К. Бороздинъ*. Литературныя характеристики. Т. II, вып. II. Спб. 1907. *Н. Л. Бродскій*. Д. В. Григоровичъ (Исторія р. литературы XIX в., подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго). *В. Г. Бѣлинскій*. Русская литература въ 1846 г. Взглядъ на русскую литературу 1847 г. *А. Григорьевъ*. Сочиненія. Т. I. *А. В. Дружининъ*. Сочиненія. Т. III, VI и VII. *Исаевъ*. Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли.—Въ пользу голодающихъ. Сборникъ, изд. „Русск. Мысли“. М. 1891. *Мизиновъ*. Гри-

---

[1]) Въ рубрикѣ „Отдѣльные писатели“ здѣсь, равно какъ и въ слѣдующ. частяхъ этой библіогр., подъ лит. *а* помѣщены сочиненія и переписка автора, подъ лит. *б*—біографич. и критич. работы о немъ.

горовичъ наканунѣ 60-хъ годовъ.—Исторія и поэзія. М. 1900. *Н. К. Михайловскій.* Памяти Григоровича.—„Русск. Богат.“ 1900, I. *П. О. Морозовъ.* Григоровичъ.—„Образованіе“ 1900, I. *А. Налимовъ.* Старый народникъ и гуманистъ. „Образованіе“, 1897, V и VI. *В. Острогорскій.* Поэтъ „сермяжныхъ героевъ“.—„Міръ Божій“, 1900, II. *В. И. Покровскій.* Григоровичъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ статей. М. 1905. *С. Смирновъ.* Григоровичъ.—Десять чтеній по литературѣ. М. 1895; 2-е изд. М. 1903. *Н. Г. Чернышевскій.* Сочиненія. Т. II, III. *М. Харламовъ.* Григоровичъ.—„Филолог. Зап.“, 1909, V.

6) **И. С. Тургеневъ (1818—1883).** а) *Сочиненія:* Полн. собр. соч. 10 тт. Спб. 1883; 2-е изд. 10 тт. Спб. 1884; 3-е изд. 10 тт. Спб. 1891; 4-е изд. 10 тт. Спб. 1897; изд. Маркса 12 тт. Спб. 1898 (прил. къ „Нивѣ“). *Письма:* Т—въ въ его письмахъ (1874—80).—„Р. Стар.“, 1883, X; къ С. А. Левитской.—„Истор. Вѣстн.“, 1883, XI; Первое собраніе писемъ. Изд. Литер. Фонда. Спб. 1884; „Живоп. Обозр.“, 1884, № 27; къ Е. П. Ковалевскому.—„Русск. Стар.“, 1884, V; *П. В. Анненковъ.* Шесть лѣтъ переписки съ Тургеневымъ (1856—1862).—„Вѣстн. Евр.“, 1885, III и IV; къ Н. С. Тургеневу.—„Русск. Стар.“, 1885, VIII и X; 1886, III; къ Писемскому.— „Новь“, 1886, XII, № 23; *П. В. Анненковъ.* Изъ переписки съ Тургеневымъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1887, I; *В. Стасовъ.* 20 писемъ Тургенева.—„Сѣв. Вѣстн.“, 1888, X; къ М. М. Стасюлевичу.—Сборн. общ. любител. россійск. словесности на 1891 г.; Письма Тургенева и Герцена къ Краевскому. Изъ собранія автографовъ Публичн. Библ. Спб. 1893; къ П. В. Анненкову.—„Русск. Обозр.“, 1894, I—III; переписка съ Аксаковыми.—„Вѣстн. Евр.“, 1894, I—II; къ Герцену.—„Русск. Обозр.“, 1895, I; „Русск. Мысль“, 1896, VI—VIII; „Сѣв. Вѣстн.“, 1896, X и XI; къ С. К. Брюлловой.—„Русск. Мысль“, 1897, VI; къ П. В. Анненкову.—„Русск. Обоз.“, 1898, III—V; къ Стасюлевичу.—Памяти Бѣлинскаго. Сборникъ. М. 1899; Неизданныя письма Тургенева къ Віардо и его французск. друзьямъ (1846—1882). М. 1900; Письма къ Віардо. М. 1900; къ А. Ѳ. Видерту.—„Вѣстн. Всемірн. Исторіи“, 1900, VI, май; Помощь евреямъ, пострадав. отъ неурожая. Сборн. Спб. 1901; къ Н. В. Ханыкову.—„Ежемѣсячн. Сочиненія“, 1901, XII; къ Вучетичу.—„Литер. Вѣстн.“, 1901, I; къ Кавелину.—„Русск. Стар.“, 1901, IV; „Русск. Обозр.“, 1901, I; *E. Halpérine-Kaminsky.* Ivan Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris. 1901; Письма Тургенева къ его французскимъ друзьямъ.—„Вѣстн. Иностр. Литературы“, 1902, I; къ Некрасову.—„Русск. Мысль“. 1902, I; Письма Тургенева къ Стечкинымъ. Одесса. 1902; къ Фету.—„Сѣверн. Цвѣты на 1902 г.“ Сборн. М. 1902; къ М. В. Авдѣеву.—„Русск. Стар.“, 1902, VIII и IX; къ Бартеневу.—„Русск. Арх.“, 1902, IX; „Литер. Вѣстн.“, 1903, V; *Н. Стечкинъ.* Изъ воспоминаній о Тургеневѣ. Спб. 1903; Письма Тургенева къ Віардо и франц. друзьямъ. М. 1903; Erinnerungen, Reden und Studien von L. Friedländer. Strassburg. 1905. „Щукинскій Сборникъ“, вып. V. М. 1906; къ Віардо.—„Русск. Мысль“, 1906, IX; Ivan Tourguéneff. Lettres inédites à Madame Viardot. Avec préface de M. Halpérine-Kaminsky.—„Revue Bleue“, 1906; Неизданныя письма Тургенева къ Віардо (изъ „Revue Bleue“). „Нов. Вр.“, 1906, №№ 10861, 10872, 10879, 10886, 10987 и 11015; къ Лаврову.—„Былое“, 1906, II; Бертенсонъ. Тургеневъ въ воспоминаніяхъ современниковъ и въ его письмахъ къ нимъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1906, X; къ П. В. Шумахеру.—„Щукинскій сборникъ“. Вып. VI. М. 1907; къ К. К. Случевскому.—„Щукинскій сборникъ“. Вып. VII. М. 1907; къ С. А. Толстой.— „Вѣстн. Евр.“, 1908, I; къ Лаврову и М. Вовчку.—„Минувш. Годы“, 1908, VIII; къ И. П. и П. И. Борисовымъ (1858 — 1871) и А. А. Фету (1858—1873).—„Щукинскій сборникъ“. Вып. VIII. М. 1909; къ нѣмецкимъ друзьямъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1909, III—VI; *П. В. Анненковъ.* Литерат. воспоминанія. Спб. 1909; къ В. П. Острогорскому.— Юбилейный сборникъ Литерат. фонда. Спб. 1910. Письма къ Тургеневу.—„Щукинскій Сборникъ“. Вып. VI. М. 1907; вып. VIII. М. 1909. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ къ Тургеневу. Съ введеніемъ Л. Майкова. М. 1894. *В. В. Стасовъ.* 20 писемъ Тургенева и мое знакомство съ нимъ.— „Сѣв. Вѣстн.“, 1888, X. Указанія на остальныя письма см. *А. В. Мезіеръ.* Русская словесность. Спб. 1902 и *Каталогъ* выставки въ память Тургенева въ Академіи Наукъ. Спб. 1909. *Воспоминанія:* Сочиненія, т. I. Спб. 1883; т. X. Спб. 1884; т. X. Спб. 1891; т. X. Спб. 1897; т. XII. Спб. 1898 изд. Маркса (приложеніе къ „Нивѣ“). б) *Библіографія:* *Н. Агафоновъ.* Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Тургенева. Казань. 1884; *Д. Д. Языковъ.* Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей, вып. III; Каталогъ выставки въ память Тургенева въ Академіи Наукъ. Спб. 1909. Библіографія въ Сборникѣ Академіи Наукъ 1910 г. *В. Зелинскій.* Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія Тургенева. 3 тт. М. 1884—1907. Словарь литературныхъ типовъ. Вып. II—III. Тургеневъ. Спб. 1908. *Ю. И. Айхенвальдъ.* Силуэты русскихъ писателей. Вып. II. М. 1908; 2-е изд. М. 1909. Дневникъ Вѣры Сергѣевны *Аксаковой.*— „Минувш. Годы“, 1908. VIII. *Аммонъ.* Невѣдомое въ поэзіи Тургенева.—„Журналъ Мин. Нар. Просвѣщ.“, 1904, IV. *А. Андреева.* „Призраки“, какъ исповѣдь Тургенева.— „Вѣстн. Евр.“, 1904, IX. *Ея же.* И. С. Тургеневъ въ кругу фр. литераторовъ. Починъ. Сборникъ О. Л. Р. Сл. на 1896 годъ. *С. А. Андреевскій.* Литературные очерки. Спб. 1902. *П. В. Анненковъ.* Воспоминанія и критическіе очерки. Т. II. *И. Ф. Анненскій.* Умирающій Тургеневъ.—Книга отраженій. Спб. 1906. *В. Батуринскій.* Герценъ, его друзья и знакомые. Спб. 1904. *В. П. Батуринскій.* Къ біографіи Тургенева.—„Минувшіе годы“, 1908. VIII. *Брандесъ.* Тургеневъ. Спб. 1888. *В. П. Буренинъ.* Литературная дѣятельность Тургенева. Спб. 1884; 2-е изд. Спб. 1885. *С. А. Венгеровъ.* Русская литература въ ея современ. представителяхъ. Тургеневъ. 2 чч. Спб. 1875. *Вогюэ.* Современные русскіе писатели. Тургеневъ. М. 1888. *Т. Ганжулевичъ.* „Записки охотника“ Тургенева. Спб. 1908. *К. Головинъ.* Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1904. *А. Григорьевъ.* Сочиненія. *А. Е. Грузинскій.* Литературные очерки. М. 1908. *Его же.* Тургеневъ.— Исторія русской литературы XIX вѣка подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Т. III, гл. VII. *Н. Гутьяръ.* Тургеневъ. Юрьевъ. 1907. *Его же.* Тургеневъ и семейство Віардо Гарсіа.—„Вѣстн. Евр.“, 1908, VIII. *Его же.* Къ біографіи Тургенева.—„Русск. Стар.“ 1908, VIII. *Его же.* Тургеневъ и его нелитератури. друзья.—„Русская Старина“, 1909, III. *Н. А. Добролюбовъ.* Когда же придетъ настоящій день?—Сочиненія. Т. III. *М. П. Драгомановъ.* Воспоминанія о знакомствѣ съ Тургеневымъ. Казань. 1906. *А. В. Дружининъ.* Сочиненія. Т. VII. *Н. Златовратскій.* Изъ литерат. воспоминаній.—Братская помощь. Сборникъ. М. 1898. *И. И. Ивановъ.* Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество. Спб. 1896. Иностранная критика о Тургеневѣ. Спб. 1884; 2-е изд. Спб. 1908. *А. Исаевъ.* Что сдѣлали Тургеневъ и Григоровичъ для русской экономической мысли.— Сборникъ въ пользу голодающихъ. Изд. „Русск. Мысли“. М. 1891. *М. М. Ковалевскій.* Баденскій періодъ жизни Тургенева.—Юбилейный Сборникъ Литер. Фонда. Спб. 1910. *Его же.* Воспоминанія о Тургеневѣ.—„Минувшіе Годы“, 1908, VIII. *П. Коганъ.* Очерки по исторіи нов. русск. литературы. Т. I, вып. II. М. 1909. *А. Ѳ. Кони.* Отрывки изъ воспоминаній. — „Вѣстн. Европы“, 1908, V. *Его же.* Отрывки изъ воспоминаній. — „Москов. Еженедѣльникъ“, 1908, № 50. *Н. А. Котляревскій.* Тургеневъ—драматургъ. Старинные портреты. Спб. 1907. *W. Leonhardi.* Tourgenjeffs Romane. Ein Beitrag zur Kenntniss der Geschichte des russischen Romans um die Mitte des XIX Ihdts. Leipzig. 1909. *О. Ѳ. Миллеръ.* Русскіе писатели послѣ Гоголя. Т. I. *Н. К. Михайловскій.* Сочиненія. Т. I, II и V. *Невѣдомскій.* Два начала. — „Современ. Міръ“, 1908, X. *А. Незеленовъ.* Тургеневъ въ его произведеніяхъ. Спб. 1885 и Собраніе сочиненій. Т. II. Спб. 1903. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Этюды о творчествѣ Тургенева. Харьковъ. 1896; 2-е изд. Спб. 1904. *Его же.* Собраніе сочиненій. Т. II. Тургеневъ. *Его же.* Исторія русской интеллигенціи. Ч. I. М. 1906; 2-е изд. М. 1907; ч. II. М. 1907; Собраніе сочиненій. Т. VII и VIII. *Д. И. Писаревъ.* Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе типы въ романахъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова. Базаровъ. Нерѣшенный вопросъ (Реалисты). Сочиненія. Т. I, II, IV. *Н. Покровскій.* Тургеневъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Изъ критич. статей и книгъ о Тургеневѣ. М. 1905. *В. И. Покровскій.* Тургеневъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературн. статей. М. 1905; 2-е. изд. М. 1908. *М. Протопоповъ.* Критики Тургенева.—„Русское Богатство“, 1896, I. *Бор. Садовскій.* И. С. Т. Опытъ историко-психологич. изслѣдованія. „Р. Архивъ“ 1909, апрѣль. *П. Н. Сакулинъ.* Художникъ эпохи перелома. — „Вѣстн. Воспит.“ 1908, VIII. *А. М. Скабичевскій.* Новое время и старые боги. Сочиненія. Т. I. *И. Смирновъ.* Заступники народные. М. 1908. *Е. Соловьевъ (Андреевичъ).* Тургеневъ, его жизнь и литерат. дѣятельность. Біограф. библіотека Павленкова. Спб. 1894. *Н. Стечкинъ.* Изъ воспоминаній о Тургеневѣ. Спб. 1903. *Н. Страховъ.* Критическія статьи о Тургеневѣ и Толстомъ. Спб. 1887; 4-е изд. Кіевъ. 1901. *Тихонравовъ.* Тургеневъ въ Московскомъ университетѣ.— Сочиненія, т. III. *Фетъ.* Мои воспоминанія. М. 1890. *Н. Г. Чернышевскій* Сочиненія. Т. II и III. *В. Чижъ.* Тургеневъ, какъ психопатологъ. М. 1899.

7) **И. А. Гончаровъ (1812—1891).** а) *Сочиненія:* 8 тт. изд. Глазунова. Спб. 1884; 2-е изд. 9 тт. Спб. 1887—89; 3-е изд. 9 тт. Спб. 1896; изд. Маркса 12 тт. Спб. 1899 (прил. къ „Нивѣ“). *Письма:* къ Л. А. Полонскому—„Страна“,

1880, № 45; къ А. Θ. Писемскому—„Новь“, 1891, №№ 13 и 14; къ М. И. Семевскому—„Р. Стар.“, 1891, кн. VIII; къ А. А. Краевскому—Собр. бумагъ Краевскаго.—Отчетъ Публ. Библ. за 1889. Спб. 1893; къ К. Д. Кавелину.—„Русск. Мысль“, 1895, кн. II; къ А. С. Норову.—„Русск. Арх.“, 1899, I; къ М. Стасюлевичу.—„Памяти Бѣлинскаго“. Сборникъ. М. 1899; къ А. А. Фету-Шеншину.—„Русск. Арх.“ 1900, кн. V; къ гр. П. И. Капнисту.—„Ежемѣсячн. Сочин.“, 1903, I; къ А. Н. Пыпину.—Е. А. Ляцкій. „Гончаровъ“. Спб. 1904; къ гр. А. А. Толстой.—„Вѣстн. Евр.“, 1905, IV; И. А. Гончаровъ въ неизданныхъ письмахъ къ гр. П. А. Валуеву. Спб. 1906; къ В. М. Лазаревскому и А. А. Кирмаловой.—„Вѣстн. Евр.“, 1907, II; къ Ф. А. Романченко.—„Русск. Стар.“, 1908, XII; къ В. П. Острогорскому.—Юбилейный Сборн. Литерат. Фонда. Спб. 1910. *Автобіографія*: Сборникъ историческихъ и статистич. матеріаловъ о Симбирской губ. на 1868 г.; „Вѣстн. Евр.“, 1907, кн. II. *Воспоминанія* Гончарова: Сочиненія т. IX (изд. Глазунова) и т. XII (изд. Маркса, прилож. къ „Нивѣ“). б) *Библіографія*: *Д. Д. Языковъ*. Обзоръ жизни и трудовъ русск. писателей. Вып. XI. Спб. 1909; *С. А. Венгеровъ*. Источники словаря русск. писателей. Т. II. Спб. 1910. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русск. писателей. Вып. I. М. 1906. 2-е изд. М. 1908. *Евг. Соловьевъ (Андреевичъ)*. Гончаровъ. Біографическая библіотека Ф. Ф. Павленкова. Спб. 1895. *В. Г. Бѣлинскій*. Взглядъ на русскую литературу 1847 года.—*С. А. Венгеровъ*. Гончаровъ. Біографич. очеркъ.—Полн. собраніе сочиненій Гончарова. Изд. А. Ф. Маркса. Т. I. Спб. 1899. Гончаровъ-цензоръ. Неиздан. матеріалы для его біографіи. Съ предисловіемъ *К. Вовнскаго*. „Русск. Вѣстн.“, 1906. Т. 305, кн. X. *А. Григорьевъ*. Тургеневъ и его дѣятельность. Сочиненія. Т. I. Спб. 1876. *Н. А. Добролюбовъ*. Что такое Обломовщина?—Сочиненія. Т. II. Спб. 1862: 7-е изд. Спб. 1908. *А. В. Дружининъ*. Сочиненія. Т. VII. Спб. 1865—1867. *Е. А. Ляцкій*. Гончаровъ. Спб. 1904. *Д. С. Мережковскій*. Вѣчные спутники. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1908. *О. Θ. Миллеръ*. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Т. II. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*. Исторія русской интеллигенціи. Ч. I. М. 1906; 2-е изд. М. 1907 и Собраніе сочиненій. Ч. VII. *В. П. Острогорскій*. Этюды о русскихъ писателяхъ. Т. I. Гончаровъ. М. 1888; 2-е изд. Спб. 1910. *Д. И. Писаревъ*. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе типы въ романахъ и повѣстяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова.—Сочиненія. Т. I. *В. И. Покровскій*. Гончаровъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литерат. статей. М. 1905. *Г. Н. Потанинъ*. Воспоминанія объ И. А. Гончаровѣ.—„Историч. Вѣстн.“, 1903, кн. IV. *М. Протопоповъ*. Гончаровъ.—„Русск. Мысль“, 1891, XI. *А. М. Скабичевскій*. Старая правда. Эпидемія легкомыслія.—Сочиненія, т. I и II. *М. Суперанскій*. И. А. Гончаровъ и новые матеріалы для его біографіи.—„Вѣстн. Евр.“, 1907, кн. II; 1908, кн. XI и XII. *Н. В. Шелгуновъ*. Талантливая бездарность.—Сочиненія, т. II.

8) **А. Θ. Писемскій (1820—1881)**. а) *Сочиненія*: 4 тт. Спб. 1861—67; Полн. собр. сочин. 20 тт. Спб. 1883—86; 2-е изд. 24 тт. Спб. 1895—1896; изд. Маркса, прил. къ „Нивѣ“. Спб. 1910. *Письма*: къ Деремл.—„Новь“, 1889, т. XXIX; Сочиненія, т. I. Спб. 1895; Письма къ Краевскому въ Собраніи бумагъ Кр—го.—Отчетъ Публ. Библ. за 1889. Спб. 1893; къ С. П. Шевыреву.—„Русск. Стар.“, 1899, XII; Изъ архива Никитенка; „Русск. Стар.“, 1900, I; „Русск. Вѣстн.“, 1901, XII. Письма къ И—му Анненкова, Гончарова, Кашпирева, Никитенко, Л. Толстого и Тургенева.—„Новь“, 1886, № 22, 1888, № 20; 1890, № 7; 1891, № 13 и 14. *Автобіографія*: Сочиненія т. I. Спб. 1895, т. I, изд. Маркса. Спб. 1910 (приложеніе къ „Нивѣ“). б) *Библіографія*: *А. С. Венгеровъ* Писемскій. Спб. 1884; Сочиненія Писемскаго, т. I. Спб. 1895; *Д. Языковъ*. Жизнь и труды русск. писателей, вып. I. *В. В. Зелинскій* Писемскій. Критико-біографическій очеркъ.—Сочиненія Писемскаго, т. I изд. Маркса. Спб. 1910 (приложеніе къ „Нивѣ“). *В. Г. Авсѣенко*. Кружокъ.—„Историч. Вѣстн.“, 1909, V. *П. Анненковъ*. Писемскій, какъ художникъ и простой человѣкъ.—Собраніе сочиненій Писемскаго, т. I. Спб. 1895. *Его же*. О дѣловомъ романѣ.—Воспоминанія и критич. очерки, т. II. *И. Θ. Анненскій*. Три соціальныхъ драмы.—Книга отраженій Спб. 1906. *Е. А. Арловъ-Апрѣлева*. Воспоминанія о Писемскомъ.—„Русск. Вѣд.“, 1905, №№ 97 и 101. *С. А. Венгеровъ*. Писемскій. Спб. 1884. *Ч. Вѣтринскій* (*Вас. Е. Чешихинъ*). А. Θ. Писемскій.—Исторія русской литературы XIX вѣка подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, т. III, ч. III, гл. VI. *К. Головинъ*. Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1904. *А. Григорьевъ*. Реализмъ и идеализмъ въ нашей литературѣ.—„Свѣточъ“, 1861, IV. *А. В. Дружининъ*. Сочиненія, т. VII. *В. Зайцевъ*. Взбаломученный романистъ.—„Русское Слово“, 1863, X. *И. И. Ивановъ*. Писемскій. Спб. 1898. *А. И. Кирпичниковъ*. Достоевскій и Писемскій. Одесса. 1894. *Его же*. Очерки по исторіи нов. русск. литературы. Спб. 1896; 2-е изд. М. 1903. *Лобовъ*. Славянофильство и его литературн. представители. Писемскій. Спб. 1906. *О. Θ. Миллеръ*. Русскіе писатели послѣ Гоголя, т. II. *Н. К. Михайловскій*. Писемскій и Достоевскій. Литературн. замѣтки 1878 г.—Сочиненія, т. IV и V. *Налимовъ*. Забытъ ли Писемскій?—„Образованіе“, 1901, VII—VIII. *Д. И. Писаревъ*. Стоячая вода. Писемскій, Тургеневъ и Гончаровъ. Женскіе типы въ произведеніяхъ Писемскаго, Тургенева и Гончарова.—Сочиненія, т. I. *А. М. Скабичевскій*. Русское недомысліе.—Сочиненія, т. I. *Его же*. Писемскій. Біограф. библіотека Павленкова. Спб. 1894. *Цебрикова*. Гуманный защитникъ женскихъ правъ.—„Отеч. Зап.“, 1870, II. *Н. Г. Чернышевскій*. Сочиненія, т. III. *Н. В. Шелгуновъ*. Люди 40-хъ и 60-хъ годовъ.—„Дѣло“, 1869, IX—XI.

9) **А. Н. Островскій (1823—1886)**. а) *Сочиненія*: 2 тт. Спб. 1859; 5-е изд. 10 тт. М. 1890; 6-е изд. 10 тт. М. 1896—1897; 10 тт. изд. „Просвѣщенія“. Спб. 1904—1905. *Письма*: „Русская Мысль“, 1890, XII; къ Θ. Бурдину.—„Артистъ“, 1891, 18; 1892, 19—21; Привѣтъ. Сборникъ. Спб. 1898. *П. Безобразовъ*. Рукописи Островскаго.—„Историческій Вѣстникъ“, 1900, II. *Кашинъ*. Къ исторіи текста произведеній Островскаго.—„Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Ак. Наукъ“, 1908, т. XIII, кн. II и отд. Спб. 1908. *Его же*—Изв. Отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1909, т. XIV, кн. 3 и 1910, т. XV, кн. 2. б) *Библіографія*: *Д. Д. Языковъ*. Жизнь и труды русск. писателей, вып. VI и XI. *В. Зелинскій*. Критическій комментарій къ сочиненіямъ О—го. 5 чч. М. 1894—97; М. 1902—06. *Н. Денисюкъ*. Критич. литература о произвед. Островскаго. 4 тт. М. 1906. *Ап. Григорьевъ*. Сочиненія. *Н. Добролюбовъ*. Темное царство. Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ.—Сочиненія, т. III. *А. В. Дружининъ*. Сочиненія, т. VII. *И. Ивановъ*. Островскій. Біографическая Библіотека Павленкова. Спб. 1900. *Н. А. Кропачевъ*. Островскій на службѣ при Императорскихъ театрахъ. М. 1901. *С. В. Максимовъ*. Островскій по моимъ воспоминаніямъ.—„Русск. Мысль“, 1897. I, III, V; 1898. I и IV. *О. Θ. Миллеръ*. Русскіе писатели послѣ Гоголя, III. *П. О. Морозовъ*. Литературные дебюты Островскаго.—Минувшій вѣкъ Спб. 1902. *А. И. Незеленовъ*. Островскій. Спб. 1888 и Собраніе сочиненій, т. III. Спб. 1903. *Θ. Θ. Нелидовъ*. Островскій въ кружкѣ „Молодого Москвитянина“.—„Русская Мысль“, 1901, III. *Д. И. Писаревъ*. Мотивы русской драмы.—Сочиненія, т. III. *Н. Покровскій*. Островскій въ значеніи русскаго драматурга. Изъ критич. литературы объ Островскомъ. М. 1908. *В. И. Покровскій*. Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1905. *А. М. Скабичевскій*. Сочиненія, т. II. *С. Сухонинъ*. Матеріалы для біографіи Островскаго (по неизданнымъ источникамъ).—„Всемірн. Вѣстн.“, 1908, № 5. *Н. Г. Чернышевскій*. Сочиненія, т. I и III. *А. А. Θоминъ*. Артисты, публика и театръ у Островскаго.—„Міръ Божій“, 1901, I и II. *Его же*. Положеніе русск. женщины въ семьѣ и обществѣ по произведеніямъ Островскаго. М. 1899.

10) **Н. Г. Помяловскій (1835—1863)**. а) *Сочиненія*: Полн. собраніе сочин. 2 тт. Спб. 1865; 8-е изд. Спб. 1897; 9-е изд. Спб. 1902; 10-е изд. Спб. 1904. *Письма*: къ Я. П. Полонскому.—„Р. Стар.“, 1884, I. б) *Библіографія*: *П. Анненковъ*. Русская беллетристика въ 1863 г.—Воспоминанія и критич. очерки. II. *Н. Благовѣщенскій*. Помяловскій. Біографич. очеркъ.—Сочиненія Помяловскаго. *Вѣтринскій*. Помяловскій.—„Журн. для всѣхъ“, 1903, X и XI. *В. Л—въ*. Школьные годы Помяловскаго.—„Истор. Вѣстн.“, 1896, VII. *П. О. Морозовъ*. Помяловскій.—„Образованіе“, 1898, XI. *В. П. Острогорскій*. Этюды о русскихъ писателяхъ. Помяловскій. Спб. 1889; 2-е изд. М. 1905. *Д. И. Писаревъ*. Романъ кисейной дѣвушки. Погибшіе и погибающіе. Мыслящій пролетаріатъ.—Сочиненія, т. IV и V и дополнит. выпускъ. Спб. 1907. *П. Н. Сакулинъ*. Помяловскій.—Исторія русск. литературы XIX вѣка подъ ред. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, т. III, гл. VIII. *А. М. Скабичевскій*. Сочиненія, т. I и II.

11) **А. И. Левитовъ (1842—1877)**. а) *Сочиненія*: 2 тт. М. 1884; 2-е изд. Спб. 1905. б) *Библіографія*: *И. Гвоздевъ*. Библіографія сочиненій Левитова.—„Русскій Архивъ“, 1907, XII. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русскихъ писателей, вып. III. М. 1910. *Засодимскій*. Изъ воспоминаній. М. 1908. *Златовратскій*. Левитовъ.—Починъ. Сборникъ. М. 1895. *А. Налимовъ*. Живописатель нравовъ. Левитовъ.—„Образованіе“, 1904, VII. *Ф. Нефедовъ*. Левитовъ.—Сочиненія Левитова. М. 1884. *В. А. Никольскій*. Левитовъ.—Полное собраніе сочиненій Левитова. Спб. 1905. *А. Н. Пыпинъ*. Беллетристъ-народникъ 60-хъ гг.—„Вѣстн. Евр.“, 1884, VIII. *А. М. Скабичевскій*. Левитовъ.—Сочиненія, т. II.

12) **Θ. М. Рѣшетниковъ (1841—1871)**. а) *Сочиненія*: 2 тт. Спб. 1869; изд. Солдатенкова. М. 1874; изд. Павлен-

кова. Спб. 1890; Спб. 1896; Полное собраніе сочиненій. Спб. 1904. б) *Библіографія*: *П. В. Быковъ*. Библіографія сочиненій Рѣшетникова. — Сочиненія Рѣшетникова. Спб. 1904; *С. А. Венгеровъ*. Критико-біографическій словарь, т. VI. *В. Весновскій*. Рѣшетниковъ, его жизнь и литературная дѣятельность. 1900. *К. Головинъ*. Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1904. *В. С. Деслятовъ*. Къ біографіи Рѣшетникова, Казань. 1897. *Н. К. Михайловскій*. Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ.—Сочиненія, т. II. *Протопоповъ*. Рѣшетниковъ, какъ писатель и человѣкъ.—Литерат.-критич. характеристики. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1898. *А. М. Скабичевскій*. Рѣшетниковъ.—Полн. собр. сочиненій Рѣшетникова. Спб. 1904. *Ткачевъ*. Разбитыя иллюзіи.—„Дѣло“, 1868, XI и XII. *Г. И. Успенскій*. Рѣшетниковъ. Біограф. очеркъ.—Сочиненія Успенскаго, т. VI. Спб. 1908, изд. Маркса. *М. Цебрикова*. Лѣтописецъ темнаго царства. М. 1874. *Чуйко*. Беллетристъ-самородокъ.—„Наблюдатель“, 1890, VIII. *Н. В. Шелгуновъ*. Народный реализмъ въ русской литературѣ.—Сочиненія, т. II.

13) **Н. А. Некрасовъ (1821—1877).** а) *Сочиненія*: Мечты и звуки. Спб. 1840; Стихотворенія, первое посмертное изд. 4 тт. Спб. 1879 (наиболѣе полное и лучшее изданіе). Полное собраніе сочиненій. 1 т. Спб. 1881; 2-е изд. 1 т. Спб. 1882; 4-е изд. 2 тт. Спб. 1886; 9-е изд. 2 тт. Спб. 1905. — Дополненія къ изд. сочиненій: Литерат. Архивъ Картавова. Спб. 1902; „Литерат. Вѣстн.“, 1903, I; *В. Максимовъ*. Литер. дебюты Некрасова. Спб. 1908 (выдержки изъ сборника „Мечты и звуки“. Отрывки изъ драматич. произведеній). Поправки къ напечат. тексту сочиненій Некрасова—*Чернышовъ*. Некрасовъ въ жизни и по смерти. Спб. 1908. *Письма*: къ гр. Л. Н. Толстому.—Литер. прилож. къ „Нивѣ“, 1898, II; къ И. К. Бабсту и А. В. Дружинину.—Памяти Бѣлинскаго. Сборникъ. М. 1899; Русскіе писатели въ ихъ перепискѣ.—„Русская Мысль“, 1902, XII; къ М. В. Авдѣеву.—„Русск. Стар.“, 1902, VIII; „Сѣверные цвѣты на 1902 г.“. Сборникъ. М. 1902; къ И. С. Тургеневу.—*А. Н. Пыпинъ*. Некрасовъ. Спб. 1905. Письма *Тургенева* къ Некрасову.—„Русская Мысль“, 1902, I. б) *Библіографія*: *А. Голубевъ*. Некрасовъ. Спб. 1878; Стихотворенія Некрасова, первое посм. изд. Спб. 1879, т. IV; *Л. Лобовъ*. Библіографич. обзоръ литературы о Некрасовѣ.—„Литерат. Вѣстникъ“, 1903, IV; *А. Н. Пыпинъ*. Некрасовъ. Спб. 1905; *В. Максимовъ*. Литерат. дебюты Некрасова. Спб. 1908 (обзоръ литературы о Н—вѣ); *Заболотскій*. Некрасовъ. Современное состояніе матеріаловъ по вопросу о личности и творчествѣ поэта. Нѣжинъ. 1908. *Зелинскій*. Сборникъ критич. статей о Некрасовѣ. 3 чч. М. 1886—1887. М. 1902—1906. *В. И. Покровскій*. Некрасовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ истор.-литер. статей. М. 1906. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русск. писателей. Вып. II. М. 1908; 2-е изд. М. 1909. *Г. В. Александровскій*. Некрасовъ и его поэзія. Кіевъ. 1898; 2-е изд. Кіевъ. 1900; 3-е изд. Кіевъ. 1903. *Аммонъ*. Пѣвецъ скорби и упованій.—„Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.“ 1900, VIII. *С. А. Андреевскій*. Литературные очерки. Спб. 1902. *К. К. Арсеньевъ*. Критическіе этюды, т. II. Спб. 1888. *Барро*. Забытое. „Мечты и звуки“ Некрасова. Спб. 1892. *Бельтовъ* (*Плехановъ*). За двадцать лѣтъ. Спб. 1905; 2-е изд. Спб. 1906; 3-е изд. Спб. 1909. *А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ*. Некрасовъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1903, IV. *В. Бѣлинскій*. Сочиненія, тт. IV и X. *А. Г. Горнфельдъ*. Русскія женщины Некрасова въ новомъ освѣщеніи.—„Рус. Богат.“, 1904, IV. *Мельшинъ* (*Якубовичъ*). Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. *И. Ивановъ*. Поэзія Некрасова.—Новая культурная сила. Спб. 1901. *И. Игнатовъ*. Некрасовъ-художникъ.—На славномъ посту. Сборникъ. Спб. 1901; 2-е изд. Спб. 1906. *В. П. Кранихфельдъ*. Некрасовъ.—„Міръ Божій“, 1902, XII. *В. Максимовъ*. Литературные дебюты Некрасова. Спб. 1908. *О. Миллеръ*. Русскіе писатели послѣ Гоголя, т. III. *А. Н. Пыпинъ*. Некрасовъ. Спб. 1905. *П. Н. Сакулинъ*. Творчество Некрасова. М. 1903 (оттискъ изъ „Научнаго Слова“). *А. М. Скабичевскій*. Некрасовъ.—Сочиненія, т. II. *И. Смирновъ*. Заступники народные. М. 1903.

14) **И. С. Никитинъ (1824—1861).** а) *Сочиненія*: 2 тт. Воронежъ. 1869; 2-е изд. М. 1878; 3-е изд. М. 1883; 4-е изд. М. 1886; 5-е изд. М. 1889; 6-е изд. М. 1893; 7-е изд. М. 1896; 8-е изд. М. 1900; Неизданныя стихотвор.—„Былое“, 1906, VII. *Письма*: „Истор. Вѣстн.“, 1901, III; къ Д. Н. Толстому. — „Всеміpн. Вѣстн.“, 1904, IX; къ А. Ѳ. Кони.—„Русск. Арх.“, 1909, XI. б) *Библіографія* и обзоръ литературы о Никитинѣ: *И. Камовъ*. Содержаніе и характеръ поэзіи Никитина.—„Русск. Филологич. Вѣстн.“, 1899, I—II; 1900, I—IV; 1901, I—IV. *И. Ивановъ*. Новая культурная сила. Спб. 1901. *Н. К. Михайловскій*. Сочиненія, т. IV. *Де-Пуле*. Біографія И. С. Никитина. Сочиненія Никитина. *Путинцевъ*. Никитинъ. Юрьевъ. 1905. *Его же*. Дѣтскіе и отроческіе годы Никитина. — „Филологич. Записки“, 1905, I—II. *Савицкій*. Никитинъ. Біографич. библіотека Павленкова. Спб. 1893.

15) **Ѳ. И. Тютчевъ (1803 — 1873).** а) *Сочиненія*: Спб 1886; 2-е изд. Спб. 1900. *Письма*: „Русск. Арх.“, 1898, XII, 1899, IV. *Записки* (1866 — 1869).—„Сѣверные цвѣты на 1901 г.“. Сборникъ. М. 1901. *В. Я. Брюсовъ*. О собраніи сочиненій Тютчева.—„Русск. Арх.“, 1898, X. б) *Библіографія*: *Д. Д. Языковъ*. Тютчевъ. Его жизнь и поэзія. М. 1904. *В. И. Покровскій*. Тютчевъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1904. *Ѳ. Т.* Матеріалы къ біографіи Ѳ. И. Тютчева. — „Историч. Вѣстн.“, 1903, VII. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русск. писателей. Вып. I. М. 1906; 2-е изд. М. 1908. *И. С. Аксаковъ*. Тютчевъ. Біографич. очеркъ. М. 1874; 2-е изд. М. 1886. *Аммонъ*. Нѣсколько мыслей о поэзіи Тютчева.— „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1903, VI. *В. Я. Брюсовъ*. Тютчевъ и Некрасовъ.—„Русск. Архивъ“, 1900, III. *Его же*. Тютчевъ. Лѣтопись его жизни.—„Русск. Арх.“, 1903, XI и XII; 1906, X. *Его же*. Тютчевъ. „Нов. Путь“, 1903, XI. *А. Волынскій*. Книга великаго гнѣва. Спб. 1904. *Л. Мельшинъ* (*П. Ф. Гриневичъ-Якубовичъ*). Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. *П. Перцовъ*. Философскія теченія русской поэзіи. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1899. *Вл. Соловьевъ*. Поэзія Тютчева.—Сочиненія, т. VI. *Н. Страховъ*. Замѣтки о Пушкинѣ и др. поэтахъ. Спб. 1888; 2-е изд. Кіевъ. 1897. *И. С. Тургеневъ*. Сочиненія, т. XII. Спб. 1898. *Г. Чулковъ*. Покрывало Изиды. Критическіе очерки. М. 1909.

16) **А. К. Толстой (1817—1875).** а) *Сочиненія*: Полн. собр. стихотв. 2 тт. Спб. 1876; 2-е изд. Спб. 1877; Полн. собр. сочин. 3-е изд. 4 тт. 1882—1883; 4-е изд. 4 тт. Спб. 1884; 5-е изд. 4 тт. Спб. 1895; 6-е изд. 4 тт. Спб. 1898—1899; 4 тт. Спб. 1902; 4 тт. Спб. 1904; 4 тт. Спб. 1906; 4 тт. изд. Маркса. Спб. 1907—1908 (прилож. къ „Нивѣ“). *Письма*: къ Полонскому.—„Русск. Стар.“, 1884, т. XLI; „Вѣстн. Евр.“, 1895, X—XII, 1897, IV, VI и VII; Памяти Бѣлинскаго. Сборникъ. М. 1899; къ Тургеневу.—„Всем. Вѣстн.“, 1904, VIII; Изъ дружеской переписки Толстого.—„Вѣстн. Евр.“, 1906, I и IV; письма Толстого собраны въ IV т. Сочиненій, изд. Маркса (приложеніе къ „Нивѣ“) *Автобіографія*: Сочиненія, т. I. *Дневникъ*: Сочиненія, изд. Маркса (прилож. къ „Нивѣ“). б) *Библіографія*: *Д. Д. Языковъ*. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій гр. А. К. Толстого.—„Истор. Вѣстн.“, 1885, X; *Ефремовъ*. Къ матеріаламъ для полнаго собранія сочиненій А. К Толстого.—„Истор. Вѣстн.“, 1885, XI; *П. В. Быковъ*. Библіографія произведеній А. К. Толстого.—Сочиненія Толстого, изд Маркса, т. IV (прилож. къ „Нивѣ“). *Н. Денисюкъ*. Критическая литература о произведеніяхъ Толстого. 2 вв. М. 1907. *Д. Д. Языковъ*. Гр. А. К. Толстой. М. 1900. *В. И. Покровскій*. А. К. Толстой. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литерат. статей. М. 1904. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русск. писателей. Вып. II. М. 1908; 2-е изд. М. 1909. *Аммонъ*. Художникъ-боецъ.— „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1896, I. *П. В. Анненковъ*. Воспоминанія и критическіе очерки, II. *С. А. Венгеровъ*. Толстой. Критико-біографич. очеркъ.— Сочиненія Толстого, изд. Маркса (приложеніе къ „Нивѣ“). *Н. А. Котляревскій*. Старинные портреты. Спб. 1907. *Левенстимъ*. Толстой, его жизнь и произведенія.—„Вѣстн. Евр.“, 1906, X и XI. *О. Ѳ. Миллеръ*. Толстой, какъ лирическій поэтъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1875, XII. *Пактовскій*. Толстой и его поэтическое творчество. Казань. 1900. *Перцовъ*. Философскія теченія русск. поэзіи. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1899. *А. М. Скабичевскій*. Поэзія гр. А. Толстого, какъ типъ чужеяднаго творчества.—Сочиненія, т. II. *Н. М. Соколовъ*. Иллюзіи поэтическаго творчества. Спб. 1890. *Вл. Соловьевъ*. Сочиненія, т. VI и VIII. *Н. Страховъ*. Замѣтки о Пушкинѣ и др. поэтахъ.

IV. Семидесятые годы. А) Общія пособія (кромѣ упомянутыхъ подъ рубрикой II). *О. В. Аптекманъ*. Изъ исторіи революціоннаго народничества. „Земля и Воля“ 70-хъ годовъ. По личнымъ воспоминаніямъ. *Бельтовъ* (*Плехановъ*). Наши беллетристы-народники.—За двадцать лѣтъ. Спб. 1905; 2-е изд. Спб. 1906; 3-е изд. Спб. 1909. *А. В—нъ* (*Пыпинъ*). Народничество.—„Вѣстн. Евр.“, 1884, I и II. *Его же*. Народники и народъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1891, II. *Его же*. Теоріи народничества.—„Вѣстн. Евр.“, 1892, X; 1893, II. *В. В.* (*Воронцовъ*). Наши направленія. Спб. 1892. *Его же*. Судьбы капитализма въ Россіи. Спб. 1882. *Его же*. Отъ семидесятыхъ годовъ къ девяностымъ. Спб. 1907. *К. Головинъ*. Мои воспоминанія, т. I. Спб. 1908. *А. Д. Градовскій*. Трудные годы. Спб. 1880. *Н. А. Демертъ*. Наши общественныя дѣла. „Отеч. Записки“ 1869—1875. *А. Ершовъ*. Къ исторіи русск. журналистики. „Отеч. Зап.“ 1818—1884.—„Образованіе“, 1905, I—V. *Засодимскій*. Изъ воспоминаній. М. 1908. *Житецкій*. Литерат. воспоминанія о 70-хъ годахъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1908, X. *Л. П. Лавровъ*. Народники-пропагандисты 1873—1878 го-

довъ. Спб. 1907. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русск. интеллигенціи. Ч. II. М. 1907 и Собраніе сочиненій, т. VIII. *Ю. В. Португаловъ* Къ психологіи русскихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890 гг. Оренбургъ 1908. *А. Н. Пыпинъ.* Исторія русской этнографіи, т. II, гл. XII. *Революціонная* журналистика 70-хъ годовъ. Приложеніе къ сборн. Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ подъ ред. *Б. Базилевскаго* (*Яковлева-Богучарскаго*). Paris. 1905. *А. М. Скабичевскій.* Беллетристы-народники. Спб. 1888. *Л. Слонимскій.* Наши теоретики народничества.— „Вѣстн. Евр.“, 1893, XI. *Ткачевъ.* Мужикъ въ салонахъ современной беллетристики.—„Дѣло“, 1879, III, VI—IX *А. И. Фаресовъ.* Семидесятники. Спб. 1905. Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887. М. 1907. *Н. Ч.* (*Червинскій*). Статья о томъ, почему наша литература пришла въ упадокъ.—„Недѣля“, 1875, I. *Шишко.* Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ.—„Русск Богат.“, 1906, X. *А. Щаповъ.* Сочиненія, 2 тт. Спб. 1906. *Юзовъ* (*Каблицъ*). Основы народничества. Спб. 1882; 2-е изд. Спб. 1888. *Его же.* Интеллигенція и народъ въ обществ. жизни въ Россіи. Спб. 1886. *Его же.* Современная русская жизнь и ея задачи. М. 1881. *Его же.* Націонализмъ, его приверженцы и враги. М. 1882. *А. Энгельгардтъ.* Изъ деревни. Спб. 1885; 2-е изд. Спб. 1897.

Б) **Отдѣльные писатели.** 1) **П. Л. Лавровъ** (1823—1900). а) *Сочиненія:* Три бесѣды о современномъ значеніи философіи. Спб. 1861; 2-е изд. 1907; Историч. письма. Спб. 1870 (подъ псевдонимомъ *П. Миртовъ*); 2-е изд. Спб. 1905 (подъ псевдонимомъ *С. С. Арнольди*); Опытъ исторіи мысли. 1874 (подъ п. *П. Л—въ*); 2-е изд.—Опытъ исторіи человѣческой мысли. Спб. 1876 (подъ п. *П. Л—въ*), 3-е изд. Опытъ введенія въ исторію человѣческой мысли. Спб. 1903 (подъ псевдонимомъ *Доленга*); Задачи пониманія исторіи. М. 1898 (подъ псевдонимомъ *С. С. Арнольди*), 2-е изд. Спб. 1903 (подъ псевдонимомъ *С. С. Арнольди*); Важнѣйшіе моменты въ исторіи мысли. М. 1903 (подъ псевдонимомъ *А. Доленга*); Цивилизація и дикія племена. Спб. 1904 (подъ псевдонимомъ *С. С. Арнольди*); Современныя ученія о нравственности и ея исторія. Спб. 1904 (подъ псевдонимомъ *С. С. Арнольди*); Кому принадлежитъ будущее. М. 1905 (подъ псевдонимомъ *С. С. Арнольди*); Народники-пропагандисты 1873—1878 гг. Спб. 1907. Изъ бумагъ Лаврова.—„Былое“, 1907, IX. *П. Л. Лавровъ* о себѣ самомъ. „Вѣстн. Европы“. 1910, № 10. Два письма *Н. К. Михайловскаго* къ П. Л. Лаврову.—„Минувшіе Годы“, 1908, I. Неизданныя письма *Тургенева* къ П. Л. Лаврову.—„Минувшіе Годы“, 1908, VIII. б) *Библіографія: Я. Н. Колубовскій.* Матеріалы для исторіи философіи въ Россіи.—„Вопр. философіи и психол.“ 1890. *Н. И. Карѣевъ.* Введеніе въ изученіе соціологіи. Спб. 1897. *Бурцевъ.* За сто лѣтъ. Лондонъ. 1897. *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской обществ. мысли, т. II. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. *Н. И. Карѣевъ.* Теорія личности Лаврова. Спб. 1907. *Н. С. Кудринъ* (*Русановъ*). Лавровъ, человѣкъ и мыслитель.—„Русск. Богат.“, 1910, II. *П. Н. Милюковъ.* Лавровъ.—„Міръ Божій“, 1900, III. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русской интеллигенціи. Ч. II. М. 1907 и Собраніе сочиненій, т. VIII. *X. Раппопортъ.* Философія Лаврова. *Н. С. Русановъ* (*Н. Кудринъ*). Лавровъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности.—„Былое“, 1907, II и Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908 (см. *М. Антоновичъ.* По поводу статей Русанова.—„Былое“, 1907, IV). *Н. Г. Чернышевскій.* Антропологическій принципъ въ Философіи.—Сочиненія, т. VI. *Н. В. Шелгуновъ.* Историческая сила критической личности.—Сочиненія, т. II. *С. Южаковъ.* Соціологическіе этюды. Спб. 1896.

2) **Н. К. Михайловскій** (1842—1904). а) *Сочиненія:* 7 тт., посмертное изданіе. Спб. 1906—1909; Литературныя воспоминанія и современная смута. 2 тт. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1904 и Сочиненія, т. VII. Спб. 1909; Отклики. 2 тт. Спб. 1904; Послѣднія сочиненія. 2 тт. Спб. 1905. *Письма:* къ П. Л. Лаврову.—„Минувшіе Годы“, 1908, I; Изъ переписки Михайловскаго.—„Русск. Богат.“, 1909, I; къ Гольцеву.—Памяти Гольцева. Сборникъ. М. 1910; къ Якубовичу-Мельшину.—„Русск. Богат.“, 1910, I. *Воспоминанія* Михайловскаго.—„Былое“, 1907, IX. б) *Библіографія: Д. П. Сильчевскій.* Списокъ трудовъ Михайловскаго.—На славномъ посту. Сборникъ. Спб. 1901; 2-е изд. Спб. 1906. *Бельтовъ* (*Плехановъ*). Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Спб. 1895; 2-е изд. Спб. 1905; 3-е изд. Спб. 1908. *Бердяевъ.* Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Спб. 1901. *Ю. Гарденинъ* (*В. М. Черновъ*). Памяти Михайловскаго. Спб. 1906. *С. Елпатьевскій.* Близкія тѣни. Спб. 1909. *В. И. Засуличъ.* Сборникъ статей, т. II. Спб. 1907. *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской общественной мысли, т. II. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. *Его же.* Литература и общественность. Спб. 1910. *Н. И. Карѣевъ.* Основные вопросы философіи исторіи. *Его же.* Памяти Михайловскаго, какъ соціолога.—„Русск. Богат.“, 1904, III. *Б. Коварскій.* Михайловскій и общественное движеніе 70-хъ годовъ. Спб. 1909. *В. Г. Короленко.* Михайловскій.—„Русск. Богат.“, 1904, II. *А. И. Красносельскій.* Міровоззрѣніе гуманиста нашего времени. Спб. 1900. *Его же.* Литературно-художественная критика Михайловскаго.—„Русск. Богат.“, 1905, I. *Его же.* Нравственность и общественность въ ученіи Михайловскаго.—„Современныя Записки“, 1906, I. *Его же.* О нравственномъ ученіи Михайловскаго.—„Современность“ 1906, II, апрѣль. *Его же.* Михайловскій о религіи.—„Рус. Богат.“, 1907, IV. *Кудринъ* (*Русановъ*). Михайловскій, какъ публицистъ-гражданинъ.—„Русск. Богат.“, 1905, I. *Лавровъ.* Формула прогресса Михайловскаго.—„Отеч. Зап.“, 1870, II и отдѣльно 1906. *В. В. Лункевичъ.* Михайловскій. Характеристика-эскизъ.—„Русск. Богат.“, 1905, V и VI. *М. К. Менскій.* Михайловскій о половомъ и семейномъ вопросѣ. М. 1908. *П. Мокіевскій.* Михайловскій и западная наука.—„Русск. Богат.“, 1904, III. *На славномъ* посту. Литерат. сборникъ, посвященный Михайловскому. Спб. 1901; 2-е изд. Спб. 1906. *М. Невѣдомскій.* Михайловскій. Опытъ психологической характеристики.—„Міръ Божій“, 1904, IV. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русской интеллигенціи. Ч. II. М. 1907 и Собраніе сочиненій, т. VIII. *Ранскій.* Соціологія Михайловскаго. Спб. 1901. *С. П. Ранскій.* Апологія личности въ произведеніяхъ Михайловскаго.—„Образованіе“, 1904, IV. *Н. С. Русановъ* (*Н. Е. Кудринъ*). Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908. *Его же.* Политика Михайловскаго.—„Былое“, 1907, VII. *П. Б. Струве.* На разныя темы. Спб. 1902. *Тарле.* Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—Литературное Дѣло. Сборникъ Спб. 1902. *В. Черновъ.* Философскія основы ученія Михайловскаго.—Философскіе и соціологическіе этюды. М. 1907. *С. Южаковъ.* Соціологическіе этюды. Спб. 1896.

3) **Г. И. Успенскій** (1840—1902). а) *Сочиненія:* 8 тт. Спб. 1883—86; 2-е изд. 3 тт. Спб. 1889—91; 4-е изд. 3 тт. Спб. 1897—98; изд. Фукса. Кіевъ. 1903—04; 6-е изд. Маркса 6 тт. Спб. 1908 (прилож. къ „Нивѣ“). *Письма: Е. Некрасова.* Успенскій. Его бесѣды и письма.—„Русск. Мысль“, 1902, IX; „Образованіе“, 1902, V; *О. Н. Южаковъ.* Изъ переписки Успенскаго.—„Русск. Богат“, 1905, VII; Изъ писемъ Успенскаго къ А. В. Бараевой, впослѣдствіи Успенской.—„Минувшіе Годы“, 1908, IV; къ Гольцеву.—Памяти Гольцева. Сборникъ. М. 1910. *Автобіографіи:* Сочиненія Успенскаго, изд. Фукса, т. I. Кіевъ. 1903; Сочиненія Успенскаго, изд. Маркса, т. I. Спб. 1908; Изъ архива Успенскаго.— „Былое“, 1907, X. *Е. Некрасова.* У—кій. Его бесѣды и письма. — „Р. Мысль“, 1902, IX. б) *Библіографія: К. К. Арсеньевъ.* Лѣсная правда и высшая справедливость.—„Вѣстн. Евр.“, 1883, X. *Бельтовъ* (*Плехановъ*). За двадцать лѣтъ. Спб. 1905; 2-е изд. Спб. 1906; 3-е изд. Спб. 1909. *В. Богучарскій.* Что такое „землед. идеалы“.—„Начало“, 1899, III. *Волжскій.* Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902. *Его же.* Успенскій о заболѣваніи личности русскаго человѣка.— Изъ міра литературныхъ исканій. Спб. 1906. *А. В—нъ* (*Пыпинъ*). Новыя сочиненія Успенскаго.—„Вѣстн. Евр.“, 1891, III. *И. Н. Игнатовъ.* Эстетика Успенскаго.—На славномъ посту. Сборникъ. Спб. 1901; 2-е изд. Спб. 1906. *С. Елпатьевскій.* Близкія тѣни. Спб. 1909. *А. И. Иванчинъ-Писаревъ.* Глѣбъ Успенскій и революціонеры 70-хъ год.—„Былое“, 1907, X. *В. Г. Короленко.* Отошедшіе Спб. 1908. *В. П. Кранихфельдъ.* Успенскій.—„Міръ Божій“, 1902, V. *О. Ѳ. Миллеръ.* Успенскій. Спб. 1889. *Н. К. Михайловскій.* Сочиненія, т. IV—V. *Его же.* Литературныя воспоминанія и современная смута. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1904; Сочиненія, т. VII. Спб. 1909. *Его же.* Матеріалы для біографіи Успенскаго.—Послѣднія сочиненія, т. II. *Новополинъ.* Успенскій. Харьковъ. 1903. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русск. интеллигенціи. Ч. II. М. 1907 и Собраніе сочиненій, т. VIII. *В. Починковская* (*В. Т—ва*). Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе. Воспоминанія и впечатлѣнія.—„Минувш. Годы“, 1908, I и II. *Протопоповъ.* Литературно-критическія характеристики. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1898. *Н. Рубакинъ.* Успенскій. Матеріалы къ его біографіи.—Сочиненія Успенскаго, изд. Маркса. Спб. 1908 (приложеніе къ „Нивѣ“). *А. М. Скабичевскій.* Сочиненія, т. I и II. *Уманьскій.* Бытописатель переходнаго времени.—„Русская Мысль“, 1902, II и III.

4) **Н. Н. Златовратскій** (род. въ 1845 г.). а) *Сочиненія:* 3 тт. М. 1897. *Воспоминанія Н. Златовратскаго:* Дѣтскіе и школьные годы.—„Вѣстн. Воспит.“, 1908, I и II. *Его же.* Какъ это было. Очерки изъ 60-хъ годовъ. „В. Е.“ 1910, № 9 и 10 и отдѣльно—1910. б) *Библіографія: С. А. Венгеровъ.* Источники словаря русск. писателей, т. II. Спб. 1910. *А. И. Богдановичъ.* Годы перелома. Спб. 1908. *В—нъ* (*Пыпинъ*). Народники и народъ.—„Вѣстн. Евр.“, 1891, II. *Н. К. Михайловскій.* Отклики, т. II. *Никитинъ* (*Ткачевъ*).

Мужикъ въ салонахъ беллетристики.—„Дѣло“, 1879, III, VI и IX. *М. Протопоповъ.* Послѣдовательный народникъ.—Критическія статьи. М. 1902. *А. М. Скабичевскій.* Новый человѣкъ деревни.—Сочиненія, т. II. *Его же.* Беллетристы-народники. Спб. 1888. *Филипповъ.* Народникъ-идеалистъ.—„Дѣло“, 1886, VI. *А. Хирьяковъ.* Художникъ переходнаго времени.—„Образованіе“, 1898, I.

5) **М. Е. Салтыковъ-Щедринъ (1826—1889).** а) *Сочиненія*: 9 тт. Спб. 1889—1890; Полное собраніе сочиненій 12 тт. Спб. 1891—1892; 3-е изд. 12 тт. Спб. 1894—1895; 4-е изд. 12 тт. Спб. 1900—1901; 5-е изд. 12 тт. Спб. 1905—1906 (приложеніе къ „Нивѣ“). *Письма*: Въ память Юрьева. Сборн. М. 1891. *Н. А. Бѣлоголовый.* Воспоминанія. М. 1897; 4-е изд. Спб. 1901; къ Н. А. Бѣлоголовому. Братская помощь. Сборникъ. М. 1898; къ И. С. Тургеневу.—Памяти Бѣлинскаго. Сборникъ. М. 1899; къ Н. А. Бѣлоголовому. — Дѣло. Сборникъ. М. 1899; къ Чернышевскому.— „Былое“, 1906, II; къ Гольцеву. — Памяти Гольцева. Сборникъ. М. 1910. *Автобіографія*: „Русская Старина“, 1889, VI; Автобіографическое письмо къ С. А. Венгерову.—Путь-дорога. Сборникъ. Спб. 1893 и *К. К. Арсеньевъ.* Салтыковъ-Щедринъ. Спб. 1906. б) *Библіографія: Д. Д. Языковъ.* Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей, вып. IX; *А. А. Шилогъ.* Библіографія произведеній Салтыкова и отзывовъ о нихъ, приложеніе къ книгѣ К. К. Арсеньева. Салтыковъ-Щедринъ. Спб. 1906. *Н. Денисюкъ.* Критическая литература о произведеніяхъ Салтыкова-Щедрина. 5 тт. М. 1905—1906. *Н. Покровскій.* Салтыковъ, какъ сатирикъ, художникъ и публицистъ. Изъ критической литературы о Салтыковѣ. М. 1906. *П. В. Анненковъ.* Воспоминанія и критическіе очерки, II. *К. К. Арсеньевъ.* Салтыковъ-Щедринъ. Спб. 1906. *К. Головинъ.* Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1904. *Н. А. Добролюбовъ.* Сочиненія, т. I. *Н. Каблуковъ.* Экономическіе и юридическіе мотивы произведеній Салтыкова. „Русск. Богат.“, 1892, X. *В. П. Кранихфельдъ.* Салтыковъ. Опытъ литер. характеристики.—„Міръ Божій“, 1904, IV, VI и VII. *Его же.* Памятникъ россійскому дворянству въ сатирахъ Щедрина.—„Современ. Міръ“, 1906, X и XI. *Его же.* Десятилѣтіе о среднемъ человѣкѣ.—„Современный Міръ“, 1907, XI и XII. *Его же.* Буржуазія въ произведеніяхъ Щедрина.—„Минувшіе Годы“, 1908, I. *Его же.* Въ плѣну у буржуазіи.—Зарницы. Сборникъ, № 2. М. 1909. *С. Кривенко.* Салтыковъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографич. библіотека Павленкова. Спб. 1891; 2-е изд. Спб. 1896. *М. К. Лемке.* Къ біографіи Салтыкова.—„Русская Мысль“, 1906, I. *О. Ѳ. Миллеръ.* Русскіе писатели послѣ Гоголя, т. II. *Н. К. Михайловскій.* Щедринъ.—Сочиненія, т. V. *Его же.* Литературныя воспоминанія и современная смута, т. I. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1904; Сочиненія, т. VII. Спб. 1909. *Его же.* Послѣднія сочиненія. т. I. Спб. 1905. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русской интеллигенціи, II. М. 1907 и Собраніе сочиненій, т. VIII. *Д. И. Писаревъ.* Цвѣты невиннаго юмора.—Сочиненія, т. III. *А. Н. Пыпинъ.* Салтыковъ. Спб. 1899. *Н. С. Русановъ* (*Кудринъ*). Щедринъ—общественный провидецъ.—„Образованіе“, 1909, V. *В. И. Семевскій.* Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ Салтыкова. Ростовъ на Д. 1906. *А. М. Скабичевскій.* Салтыковъ, какъ человѣкъ и писатель.—„Литер. приложенія къ „Нивѣ“, 1904, X и XII. *Н. Г. Чернышевскій.* Сочиненія, т. II, III.

6) **Ѳ. М. Достоевскій (1821—1881).** а) *Сочиненія*: Полное собраніе сочиненій 14 тт. Спб. 1882—1883; 2-е изд. 6 тт. Спб. 1885; 4-е изд. 12 тт. Спб. 1894—1895 (приложеніе къ „Нивѣ“); 7-е изд. 12 тт. Спб. 1906—1907. *Письма*: Полн. собраніе сочиненій Достоевскаго, т. I. Спб. 1882 и Біографія, письма, замѣтки изъ записной книжки. Спб. 1883; Д—кій въ его письмахъ.—„Русск. Стар.“ 1883, X и XII; къ А. С. Хитрово (1867—1870).—„Русск. Стар.“, 1885, VII; къ М. М. Достоевскому изъ Сибири (1850—1854).—„Русск. Стар.“, 1885, IX; Московскій Сборникъ. М. 1887 (письма 1874—80); къ П. Е. Анненковой (1855).—„Р. Вѣстн.“ 1888, IV; къ А. П. Милюкову—„Р. Вѣстн.“, 1889, II; къ Э. И. Тотлебену.—„Р. Вѣстн.“, 1889, XII; къ Е. А. Штакеншнейдеръ.—„Р. Арх.“, 1891, X; Переписка и замѣтки.—„Сѣв. Вѣстн.“, 1891, X и XI; „Нива“, 1891, № 4; къ Н. Д. фонъ-Визинъ.—Помощь голодающимъ. Сборникъ. М. 1892; „Вѣстн. Воспит.“, 1894, I; къ Бѣлинской.—„Сынъ Отеч.“, 1894, № 239 и „Русск. Вѣд.“, 1894, № 241; къ М. А. Юркевичу.—„Русск. Обоз.“, 1896, I; „Нов. Вр.“ 1897, № 7688; „Литер. прилож. къ „Нивѣ“, 1898, № 4; „Русск. Арх.“, 1902, IX; къ Н. П. Петерсену (1878).—„Русск. Арх.“, 1904, III; „Нов. Вр.“ 1906, № 10866; къ Э. И. Тотлебену.—„Былое“ 1907, I; къ гр. С. Толстой.—„Вѣстн. Евр.“, 1908, I; „Минувш. Годы“, 1908, VIII; къ Коломійцевой.— „Истор. Вѣст.“, 1909, V. Оправдательная записка Достоевскаго по дѣлу Петрашевскаго.—„Бирж. Вѣд.“, 1898; № 215 и № 216 и сборникъ „Петрашевцы“. М. 1907. Формулярный списокъ Ѳ. М. Достоевскаго.—„Истор. Вѣстн.“, 1909, IV. б) *Библіографія: Д. Д. Языковъ.* Обзоръ жизни и трудовъ русск. писателей, вып. I, 2-е изд. М. 1903 и вып. XI; *С. А. Венгеровъ.* Источники словаря русскихъ писателей, т. II. Спб. 1910 и *А. Достоевская.* Библіографич. указатель сочиненій и произведеній искусства, относящихся къ жизни и дѣятельности Достоевскаго. Спб. 1906. *Ея же.* Музей памяти Ѳ. М. Д. при Имп. Росс. Историч. музеѣ въ Москвѣ. Спб. 1907. *В. Зелинскій.* Критич. комментарій къ сочиненіямъ Д—го. 4 чч. М. 1885—1886; 4-е изд. М. 1907. *В. И. Покровскій.* Ѳ. М. Достоевскій, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литерат. статей. М. 1908. *И. Ф. Анненскій.* Книга отраженій, 2 кн. Спб. 1906—1909. *Е. Соловьевъ* (*Андреевичъ*). Достоевскій, его жизнь и литерат. дѣятельность. Спб. 1891. *Ю. И. Айхенвальдъ.* Силуэты русск. писателей. Вып. II. М. 1908; 2-е изд. М. 1909. *С. А. Андреевскій.* Литературные очерки. Спб. 1902. *Н. Н. Баженовъ.* Психіатрическія бесѣды на обществ. и литерат. темы. М. 1903. *В. Г. Бѣлинскій.* Сочиненія, т. X. *Н. Бердяевъ.* Новое религіозное сознаніе и общественность. Спб. 1907. *Булгаковъ.* Отъ марксизма къ идеализму. Спб. 1904. *А. Волынскій.* Достоевскій. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1909. *Волжскій.* Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902. *Его же.* Достоевскій. Жизнь и проповѣдь. М. 1906. *Его же.* Религіозно-нравственная проблема у Достоевскаго. — „Міръ Божій“, 1905, VI—VIII. *К. Головинъ.* Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1904. *Н. Добролюбовъ.* Забитые люди.— Сочиненія, т. III. *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русск. обществ. мысли, т. II. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. *А. Ѳ. Кони.* Очерки и воспоминанія. Спб. 1906. *Кирпичниковъ.* Очерки по исторіи нов. русской литературы. Спб. 1896; 2-е изд. М. 1903. *О. Ѳ. Миллеръ.* Русскіе писатели послѣ Гоголя, т. I. *Н. К. Михайловскій.* Жестокій талантъ.—Сочиненія, т. V. *Д. С. Мережковскій.* Толстой и Достоевскій. 2 тт. Спб. 1901; 2-е изд. Спб. 1903 и 3-е изд. Спб. 1909. *Его же.* Пророкъ русской революціи. Спб. 1905. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Исторія русской интеллигенціи. Ч. II. М. 1907 и Собраніе сочиненій, т. VIII. *Петрашевцы.* Изд. Саблина. М. 1907. *Д. И. Писаревъ.* Погибшіе и погибающіе.—Сочиненія, т. V и VI. *В. Розановъ.* Легенда о великомъ инквизиторѣ Достоевскаго. 2-е изд. Спб. 1902; 3-е изд. Спб. 1906. *Вл. Соловьевъ.* Сочиненія, т. III. *Н. Страховъ.* Воспоминанія о Достоевскомъ.—Сочиненія Д—го, т. I. Спб. 1882. *В. Чижъ.* Достоевскій, какъ психопатологъ. М. 1885. *Л. Шестовъ.* Начала и концы. Спб. 1908. *Его же.* Достоевскій и Ницше. Спб. 1903.

7) **Н. С. Лѣсковъ (1831—1895).** а) *Сочиненія*: 12 тт. Спб. 1889—1896; 2-е изд. 12 тт. Спб. 1897; 3-е изд. 12 тт. Спб. 1902—1903 (прилож. къ „Нивѣ“). *Письма*: Откликъ. Сборникъ въ пользу голодающихъ. Одесса. 1892; къ Кравцову.—Привѣтъ. Сборникъ. Спб. 1898; *А. И. Фаресовъ.* Противъ теченія. Спб. 1904; къ С. А. Юрьеву.—Щукинскій сборникъ. Вып. V. М. 1906; къ М. И. Пыляеву.—Щукинскій сборникъ. Вып. VIII. М. 1909. *Н. С. Лѣсковъ.* 4 письма къ Краевскому въ Публ. Б. *Автобіографія*: *А. И. Фаресовъ.* Противъ теченія. Спб. 1904. б) *Библіографія*: *П. В. Быковъ.* Библіограф. перечень произведеній Лѣскова.—Собраніе сочиненій Лѣскова, т. X. Спб. 1889; *Курловъ.* Полное собр. сочиненій Лѣскова.—„Лит. Вѣстн.“, 1904, III. *Н. Я. Абрамовичъ.* Мистицизмъ въ творчествѣ Лѣскова.—„Литерат.-критич. очерки“. Кн. I. Спб. 1909. *А. И. Богдановичъ.* Лѣсковъ писатель-анекдотистъ.—Годы перелома. Спб. 1908. *А. Волынскій.* Лѣсковъ. Спб. 1898. *Его же.* Царство Карамазовыхъ. Лѣсковъ. Спб. 1901. *К. Головинъ.* Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897. 2-е изд. Спб. 1904. *Н. К. Михайловскій.* Литература и жизнь.—„Русск. Богат.“, 1897, VI. *Его же.* Изъ дневника Ив. Непомнящаго и Фальсификація художественности.—Сочиненія, т. II и VI. *М. Протопоповъ.* Больной талантъ.—Критич. статьи. М. 1902. *Сементковскій.* Лѣсковъ. Критико-литературн. очеркъ.—Собраніе сочиненій Лѣскова, т. I, 2-е изд. Спб. 1897. *А. М. Скабичевскій.* Чѣмъ отличается направленіе въ искусствѣ отъ партійности.—„Сѣв. Вѣстн.“, 1891, III, IV и V. *Его же.* Русское недомысліе.—Сочиненія, т. I. *А. И. Фаресовъ.* Противъ теченія. Спб. 1904.

8) **А. Н. Майковъ (1821—1897).** а) *Сочиненія*: Стихотворенія. Спб. 1842; 2-е изд. 2 тт. Спб. 1858; 3-е изд. 3 тт. Спб. 1872; Полное собраніе сочиненій; 4-е изд. 3 тт. Спб. 1884; 5-е изд. 3 тт. Спб. 1889; 6-е изд. 3 тт. Спб. 1893; 7-е изд. 4 тт. Спб. 1901. *Письма:* Щукинскій сборникъ, вып. VII. М. 1907. б) *Библіографія*: *Д. Д. Языковъ.* Жизнь и труды Майкова.—„Русскій Вѣстн.“, 1897, V, VII, XI и XII и отд. М. 1898. *В. И. Покровскій.* Майковъ, его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-ли-

тер. статей. М. 1904. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русск. писателей, вып. II, М. 1908; 2-е изд. М. 1909. *К. К. Арсеньевъ*. Критич. этюды, т. II. Спб. 1888. *М. Бородкинъ*. Поэтическое творчество Майкова. Спб. 1900. *Бѣлинскій*. Сочиненія, т. VI, VII и X. *М. Златковскій*. Майковъ. Біограф. очеркъ. Спб. 1888; 2-е изд. Спб. 1898. *Ѳ. Зелинскій*. Античный міръ въ поэзіи Майкова.—Изъ жизни идей. Спб. 1905. *Д. С. Мережковскій*. Вѣчные спутники: Достоевскій, Гончаровъ и Майковъ. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1908. *Его же*. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современ. русск. литературы. Спб. 1893. *О. Ѳ. Миллеръ*. Майковъ.—„Русск. Мысль“, 1888, V—VI. *Нечаевъ*. Поэзія Майкова. Спб. 1898. *П. Перцовъ*. Философскія теченія рус. поэзіи Спб. 1896. *Вл. Соловьевъ*. Сочиненія, т. IX. *Н. Страховъ*. Замѣтки о Пушкинѣ и др. поэтахъ. *Его же*. Отчетъ о присужденіи Пушкинскихъ наградъ за 1882. Спб. 1883. *М. Сухомлиновъ*. Особенности поэтическаго творчества Майкова, объясненныя имъ самимъ.—„Русск. Стар.“, 1899, III. *Уманьскій*. Майковъ.—„Русск. Богат.“, 1897, IV.

9) **А. А. Фетъ-Шеншинъ (1820—1892).** а) *Сочиненія:* Лирич. Пантеонъ. 1840; Стихотворенія, 2-е изд. М. 1850; 3-е изд. М. 1856; 4-е изд. М. 1863; „Вечерніе огни“, 4 вып. М. 1883—1891; Лирическ. стихотворенія, 2 чч. Спб. 1894; Полн. собр. стихотв. изд. Маркса, 3 тт. Спб. 1900—1901. Ранніе годы моей жизни. М. 1893; Мои воспоминанія. 2 чч. М. 1890. *Письма:* „Сѣверные Цвѣты на 1901 г.“ Сборникъ. М. 1901; „Русск. Обозр.“, 1901, I; „Вѣстн. Евр.“, 1908, I. *Автобіографія:* Мои воспоминанія. 1848—1889 М. 1890. *Воспоминанія:* Ранніе годы моей жизни. М. 1893; Мои воспоминанія 1848—1889. 2 чч. М. 1890. Письма *Тургенева* къ И. П. и Н. И. Борисовымъ и къ Фету (1858—73).—„Щукинск. Сборникъ“, вып. VIII. М. 1909. *И. С. Тургеневъ*. 1-е собраніе писемъ. Спб. 1884. б) *Библіографія:* *В. И. Покровскій*. Фетъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ ист.-лит. статей. М. 1904. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русскихъ писателей, вып. II. М. 1908; 2-е изд. М. 1909. *В. П. Боткинъ*. Сочиненія, т. II. Спб. 1891. *А. Волынскій*. Книга великаго гнѣва. Спб. 1904. *А. Григорьевъ*. Сочиненія. *Н. Гутьяръ*. Тургеневъ. Юрьевъ. 1907. *Н. И. Коробка*. Поэзія Фета.—„Образованіе“, 1901, VII—VIII. *П. Красновъ*. Поэзія Фета.—„Недѣля“, 1893, I. *В. Л—ій*. Фетъ, какъ поэтъ, переводчикъ и мыслитель.—„Русская Мысль“, 1894, II. *Л. Майковъ*. Историко-литературные очерки. Спб. 1895. *Н. К. Михайловскій*. Сочиненія, т. V. *Его же*. Литературныя воспоминанія и современная смута. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1904; Сочиненія, т. VII. Спб. 1909. *Л. Мельшинъ (П. Ф. Гриневичъ-Якубовичъ)*. Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. *Б. Никольскій*. Поэтъ философъ.—„Русское Обозрѣніе“, 1894, XII. *Перцовъ*. Философскія теченія русской поэзіи. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1899. *Вл. Соловьевъ*. Сочиненія, т. VI. *Н. Страховъ*. Замѣтки о Пушкинѣ и другихъ поэтахъ. Спб. 1888; 2-е изд. Кіевъ. 1897.

10) **Я. П. Полонскій (1820—1898).** а) *Сочиненія:* 4 тт. Спб. 1869—1870; Полн. собр. сочин. 10 тт. Спб. 1885—1886; Полн. собраніе стихотв. 5 тт. Спб. 1896; Повѣсти и разсказы. 2 тт. Спб. 1889; 2-е изд. Спб. 1895. *Воспоминанія:* Прилож. къ „Нивѣ“, 1898, XII. *Письма:* Откликъ въ пользу голодающихъ. Одесса. 1892; къ Фету.— „Русск. Обозр.“, 1901, I; къ М. В. Авдѣеву.—„Русск. Стар.“, 1902, VIII; къ К. П. Побѣдоносцеву.—„Русск. Арх.“, 1902; VI; къ В. М. Лаврову.—„Русск. Мысль“, 1902, X; къ К. К. Случевскому.—„Щукинскій сборникъ“, вып. VII. М. 1907; къ гр. С. Толстой.—„Вѣстн. Евр.“, 1908, I; къ Ѳ. А. Кони.—„Русск. Арх.“, 1909, XI. б) *Библіографія. В. И. Покровскій*. Полонскій. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литерат. статей. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русскихъ писателей, вып. II. М. 1908; 2-е изд. М. 1909. *Аммонъ*. Ветеранъ русск. поэзіи.—„Журн. Мин. Нар. Пр.“, 1897, II. *К. К. Арсеньевъ*. Полонскій, какъ лирикъ.—Критич. этюды, т. II. Спб. 1888. *А. Э.* Полонскій въ прозѣ.—„Вѣстн. Евр.“, 1900, IV. *В. Г. Бѣлинскій*. Сочиненія, т. X. *Н. А. Добролюбовъ*. Сочиненія, т. III. *О. Ѳ. Миллеръ*. Полонскій въ своей поэзіи.—„Русск. Мысль“, 1887. VI. *Н. К. Михайловскій*. Памяти Полонскаго.—„Отклики“, т. II. *Михайловъ*. Поэзія Полонскаго. Спб. 1900. *Перцовъ*. Философскія теченія въ русской поэзіи. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1899. *Протопоповъ*. Поэтъ-ветеранъ.—„Русск. Богат.“, 1896, X. *Н. Соколовъ*. Лирика Полонскаго. Спб. 1899. *Вл. Соловьевъ*. Сочиненія, т. VI. *Н. Страховъ*. Замѣтки о Пушкинѣ и др. поэтахъ. Спб. 1888. *М. Г. Халанскій*. Полонскій и его поэзія. Харьковъ. 1900. *Хирьяковъ*. Поэзія Полонскаго.—„Образованіе“, 1896, XI. Изъ записокъ *Е. А. Штакеншнейдеръ*.—„Русск. Вѣстн.“ 1901, V—VIII и X.

V. Восьмидесятые и девяностые годы. А) Общія пособія (кромѣ назван. подъ рубрикой II). *Я. В. Абрамовъ*. Малыя и великія дѣла.—„Недѣля“, 1896, VII. *В. Акимовъ (Махновецъ)*. Очеркъ развитія соціалъ-демократіи въ Россіи. Спб. 1906. *В. Б—ъ*. Воспоминанія петербуржца о второй половинѣ 80-хъ годовъ.—„Минувшіе Годы“, 1908. X и XI. *Плехановъ*. Собраніе сочиненій, т. I. Женева, 1905. *Бельтовъ (Плехановъ)*. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. Спб. 1895. 2-е изд. Спб. 1905; 3-е изд. 1908. *Плехановъ*. Наши разногласія. Женева. 1884. Спб. 1903. *Волгинъ (Плехановъ)*. Обоснованіе народничества въ трудахъ г-на Воронцова (В. В.). Спб. 1896. *А. Богдановъ*. Основные элементы историческаго взгляда на природу. Спб. 1899. *Н. Ѳ. Бунаковъ*. Записки. Спб. 1909. *И. П. Бѣлоконскій*. Земское движеніе до образованія партіи Народной Свободы.—„Былое“, 1907, IV—X.—Къ исторіи земскаго движенія въ Россіи.—„Истор. Сборникъ“. Спб. 1907. Дневникъ гр. *П. А. Валуева* 1880 г.—„Вѣстн. Евр.“, 1907, I—III. Гр. *В. А. Валуевъ* въ 1881—1884 гг. (Дневникъ Валуева).—О минувшемъ. Сборникъ. Спб. 1909. *В. В. (Воронцовъ)*. Очерки современныхъ направленій.—„Новое Слово“, 1895, II—III; 1896, VI. *Его же*. Экономическій матеріализмъ на русской почвѣ.—„Новое Слово“, 1895, II и III. *Его же*. Отъ семидесятыхъ годовъ къ девятисотымъ. Спб. 1907. *Н. Водовозовъ*. Экономическіе этюды. М. 1897. *А. Волынскій*. Борьба за идеализмъ. Спб. 1900. *К. Головинъ*. Мои воспоминанія, т. II. 1881—1894. Спб. 1910. *В. И. Засуличъ*. Сборникъ статей, 2 тт. Спб. 1907. *В. Ильинъ*. Экономическіе этюды и статьи. Спб. 1899. *Н. Карѣевъ*. Историко-философскіе и соціальные этюды. 2-е изд. Спб. 1899. *Его же*. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1890. *Его же*. Старые и новые этюды объ экономич. матеріализмѣ. Спб. 1896. *С. Кривенко*. На распутьи. Спб. 1895; 2-е изд. М. 1901. *Н. Кудринъ (Русановъ)*. На высотахъ объективной истины.—„Русск. Богат.“ 1895, V. *М. Лядовъ*. Исторія россійской соціалъ-демократической рабочей партіи. Спб. 1908. *Д. С. Мережковскій*. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русск. литературы. Спб. 1893. *С. Я. Надсонъ*. Литературные очерки. Спб. 1887. *Николай —онъ (Даніельсонъ)*. Очерки пореформеннаго хозяйства. 1893. *Его же*. Что же значитъ экономическая необходимость? „Русск. Богат.“, 1895, III. *Общественное* движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Мартова, Маслова и Потресова, т. I. Предвѣстники и основныя причины движенія. Спб. 1909. *В. и П. Перцовы*. Молодая поэзія. Спб. 1895. *Ю. В. Португаловъ*. Къ психологіи русскихъ литературныхъ теченій эпохи 1860—1890. Оренбургъ. 1903. *Самодержавіе* и печать въ Россіи, изд. „Свѣточа“. Спб. 1906. *П. Б. Струве*. На разныя темы (1893—1901). Спб. 1902. *Его же*. Критическія замѣтки. Спб. 1894. *Туганъ-Барановскій*. Экономическій факторъ и идеи.—„Міръ Божій“, 1896, IV. *Его же*. Значеніе экономическаго фактора въ исторіи.—„Міръ Божій“, 1895, XII. *М. Филипповъ*. Современные русскіе экономисты.—„Научн. Обозр.“, 1899, VII—XII. *Хроника* соціалистическаго движенія въ Россіи 1878—1887. М. 1907. *В. Черновъ*. Философскіе и соціологическіе этюды. М. 1907. *Его же*. Типы психол. и соціол. монизма.—„Русск. Богат.“, 1899, I. *Его же*. Экономическій матеріализмъ и критическая философія.—„Вопр. Философіи и Психологіи“, кн. 39. *Н. В. Шелгуновъ*. Очерки русской жизни. Спб. 1895. *Южаковъ*. Соціологическіе этюды, т. II. Спб. 1896.

Б) Символизмъ и декадентство. *Модернисты*, ихъ предшественники и критическая литература о нихъ. Одесса. 1908. *Евг. Аничковъ*. Литературные образы и мнѣнія. Спб. 1903, 1904. *С. Андреевскій*. Литературные очерки (статья „Вырожденіе риѳмы“). *Н. Н. Баженовъ*. Психіатрическія бесѣды на литерат. и обществ. темы. М. 1903. *К. Д. Бальмонтъ*. Бѣлыя зарницы. Мысли и впечатлѣнія. Спб. 1908. *Его же*. Горныя вершины. Сборникъ статей. М. 1904. *Андрей Бѣлый*. Символизмъ. Книга статей. М. 1910. Проф. *Р. Ю. Випперъ*. Символизмъ въ человѣческой мысли и творчествѣ. „Р. Мысль“, 1905, февр. *А. Волынскій*. Борьба за идеализмъ. Спб. 1900. *Книга* о рус. поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Подъ ред. Мод. Гофмана. Спб. 1909. *И. Гофштеттеръ*. Поэзія вырожденія. Философскіе и психологическіе мотивы декадентства. Спб. 1903. Графъ *де-ла-Бартъ*. Импрессіонизмъ, символизмъ и декадентство. *Луначарскій*. Этюды критическіе и полемическіе (въ статьѣ о М. Метерлинкѣ). *С. Миковскій*. Что такое русское декадентство.—„Образованіе“, 1905, IX. *Л. Мельшинъ (П. Ф. Гриневичъ)*. Очерки рус. поэзіи. Спб. 1904. (Соврем. миніатюры). *Д. С. Мережковскій*. О причинахъ упадка и о новыхъ теченіяхъ современной русской литературы. Спб. 1893. *Его же*. Декадентство и общественность. „Вѣсы“. 1906, № 5. *Н. К. Михайловскій*. Сочиненія, 7 тт., посмертное изд. Спб. 1906—1909. *Его же*. Литературныя воспоминанія и современная смута, 2 тт. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1904; Сочиненія, т. VII. Спб. 1909. *Его же*. Отклики. 2 тт. Спб. 1904. *Его же*. Послѣднія сочиненія, 2 тт.

Спб. 1905. *Невѣдомскій.* О современномъ художествѣ. „Міръ Божій“, 1903, апр. *Г. Новополинъ.* Въ сумеркахъ литературы и жизни. Харьковъ. 1902. *П. и В. Перцовы.* Молодая поэзія. Сборникъ избранныхъ произведеній молодыхъ русскихъ поэтовъ. Спб. 1895. *Перцовъ.* Филос. теченія рус. поэзіи. 1896. *Покровскій.* Современное декадентство передъ судомъ вѣковѣчныхъ идеаловъ. „Рус. Вѣстн.“ 1904, 6. *Русскіе символисты.*. Со вступленіемъ Вал. Брюсова. 2 вып. 1894. *Скабичевскій.* Новыя теченія въ соврем. литературѣ. „Р. Мысль“, 1901, ноябрь. *Вл. Соловьевъ.* Русскіе символисты.—Сочиненія, т. VI. Спб. 1905. *А. Усовъ.* Нѣсколько словъ о декадентахъ. „Сѣв. Вѣстн.“ 1893, VIII. *Эллисъ.* Русскіе символисты. М. 1910.

В) Отдѣльные писатели. 1) Л. Н. Толстой (1828—1910). а) *Сочиненія:* вышло 11 изданій, первое—Спб. 1864, 11-е изд. 14 тт. М. 1903; Полн. собр. сочин., запрещен. русск. цензурой. 10 тт. Christchurch. 1901; Полн. собр. сочин., запрещ. русск. цензурой. 6 тт. Спб. 1906; Собраніе сочиненій, печатавшихся до сихъ поръ за границей. Спб. 1906; Полн. собр. сочиненій, вышедшихъ за границей. 4 тт. Спб. 1906—1908. *Письма:* „Русск. Богат.“, 1885, IX и X; *Фетъ.* Мои воспоминанія. М. 1890; къ Писемскому.—„Новь“, 1890, VII; къ Зутнеръ.—„Сѣв. Вѣстн.“, 1891, XII; къ Новицкой.—„Вопросы филос. и психологіи“, 1896, II; „Журналъ для всѣхъ“, 1903, I—III, 1904, XI; *П. Бирюковъ.* Толстой. Біографія, т. I. М. 1906, т. II. М. 1908; *И. Тенеромо.* Воспоминанія о Толстомъ и его письма. Спб. 1906; „Минувш. Годы“, 1908, XII; къ В. А. Гольцеву.—Памяти Гольцева. Сборникъ. М. 1910; указанія на другія письма см. *Ю. Битовтъ.* Толстой въ литературѣ и искусствѣ. М. 1903 и *Толстовская* выставка. Каталогъ выставки для устройства музея имени Толстого. Спб. 1909. Письма Л. Н. Т., собр. П. А. Сергѣенко. М. 1910. *Автобіографія:* „Русск. Стар.“, 1906, XI, 1907, I—IV и отд. Спб. 1907 и Кіевъ 1908 и 1909; цѣнный автобіографическій матеріалъ находится въ книгѣ *П. Бирюкова.*—Толстой. Біографія. 2 тт. М. 1906 и М. 1908. б) *Библіографія:* *Ю. Битовтъ.* Гр. Толстой въ литературѣ и искусствѣ. Подр. библіографич. указатель русской и иностранной литературы о Толстомъ. М. 1903; *П. Д. Драгановъ.* Графъ Л. Н. Толстой, какъ писатель всемірный, и распространеніе его произведеній въ Россіи и за границей. Спб. 1903. *П. Бирюковъ.* Толстой. Біографія. 2 тт. М. 1906—1908; *Толстовская* выставка. Каталогъ выставки для устройства музея имени Толстого. Спб. 1909. *В. Зелинскій.* Русская критическая литература о произведеніяхъ Толстого. 8 чч. М. 1888—1906. *В. И. Покровскій.* Толстой. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1905. *Ю. И. Айхенвальдъ.* Силуэты русскихъ писателей, вып. II. М. 1908; 2-е изд. М. 1909. *С. А. Андреевскій.* Литературные очерки. Спб. 1902. *П. Анненковъ.* Воспоминанія и критическіе очерки, II. *С. А. Берсъ.* Воспоминанія о Толстомъ. Смоленскъ. 1894. *Брандесъ.* Литературныя характеристики. 1903. *Ѳ. Булгаковъ.* Толстой и критика его произведеній русская и иностранная. Спб. 1886; 3-е изд. Спб. 1899. *В. Р.* Толстой и „толстовство“ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ.—„Минувш. Годы“, 1908, IX. *Вогюэ и Геннекенъ.* Толстой. М. 1892. *К. Головинъ.* Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1904. *М. С. Громека.* О Толстомъ. М. 1894. *Его же.* Послѣднія произведенія Л. Толстого. М. 1836. *Дистерло.* Толстой, какъ художникъ и моралистъ. Спб. 1887. *А. В. Дружининъ.* Сочиненія, т. VII. *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской обществен. мысли, т. II. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. *А. А. Исаевъ.* Гр. Л. Н. Т., какъ мыслитель. Спб. 1911. *Н. И. Карѣевъ.* Историческая философія въ романѣ гр. Толстого. — „Вѣстн. Евр.“, 1887, VII. *В. Г. Короленко.* Толстой.—„Русск. Богат.“, 1908, VIII. *В. П. Кранихфельдъ.* Отъ великаго барина къ великому мужику.—„Современ. Міръ“, 1908, IX. *М. П. Кулешовъ.* Толстой по воспоминаніямъ крестьянъ. М. 1908. *Р. Левенфельдъ.* Толстой. Спб. 1896; 2-е изд. М. 1904. *Д. С. Мережковскій.* Толстой и Достоевскій. 2 тт. Спб. 1901—1902; 2-е изд. Спб. 1903; 3-е изд. Спб. 1909. *О. Ѳ. Миллеръ.* Русскіе писатели послѣ Гоголя, т. II. *Н. К. Михайловскій.* Сочиненія, т. III и VI. *Его же.* Литературныя воспоминанія и современная смута. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1904; Сочиненія, т. VII. Спб. 1909. *Его же.* Отклики. 2 тт. Спб. 1904. *Его же.* Послѣднія сочиненія. 2 тт. Спб. 1906. *Невѣдомскій.* Два начала.—„Современ. Міръ“, 1908, X. *Л. Оболенскій.* Толстой. Спб. 1887. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Толстой, какъ художникъ. Спб. 1899; 2-е изд. Спб. 1905. *Его же.* Собраніе сочиненій, т. III. Толстой. Спб. 1910. *Его же.* Толстой, къ 80-лѣтію великаго писателя. Спб. 1908. *О Толстомъ.* Международный Толстовскій альманахъ. Составл. *П. Сергѣенко.* М. 1909. *Д. И. Писаревъ.* Промахи незрѣлой мысли. Старое барство.—Сочиненія, тт. IV и VI. *Протопоповъ.* Литературно-критическія характеристики. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1898. *С. Семеновъ.* Толстой и крестьянство.—„Вѣстн. Евр.“, 1909, VI. *Сергѣенко.* Какъ живетъ и работаетъ Толстой. М. 1898. *А. М. Скабичевскій.* Сочиненія, т. I и II. *Е. Соловьевъ (Андреевичъ).* Толстой. Біографич. библіотека Павленкова. Спб. 1894; 2-е изд.—Толстой. Монографія. Спб. 1905. *Н. Страховъ.* Критическія статьи о Тургеневѣ и Толстомъ. Спб. 1887; 4-е изд. Кіевъ. 1901. Толстой. Жизнь и творчество, подъ ред. *Молоствова* и *Сергѣенко.* Спб. 1909—1910. *В. Трапезниковъ.* Экономическія воззрѣнія Толстого.—„Правда“, 1905, VI. *А. Фетъ.* Мои воспоминанія. М. 1890. *Е. Цабель.* Толстой. Кіевъ. 1903. *Н. Г. Чернышевскій.* Сочиненія, т. II. *Кн. Д. И. Шаховской.* Толстой и освободительное движеніе.— „Минувшіе Годы“, 1908, IX. *Л. Шестовъ.* Добро въ ученіи Толстого и Ницше. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1907.

2) Вс. М. Гаршинъ (1855—1883). а) *Сочиненія:* Разсказы, 12-е изд. Литературнаго Фонда. Спб. 1909; Полное собран. сочиненій, 4 кк. Спб. 1910. Изд. Маркса (прилож. къ „Нивѣ“). *Письма:* Памяти Гаршина. Сборн. Спб. 1889; „Русск. Обозр.“, 1895, II и IV. *Автобіографіи:* Красный цвѣтокъ. Сборн. Спб. 1889 (сообщ. *С. А. Венгеровъ*) и Полн. Собр. сочиненій Г—на, изд. Маркса (приложеніе къ „Нивѣ“). Спб. 1910. б) *Библіографія:* *Д. Языковъ.* Обзоръ жизни и трудовъ русск. писател., вып. VIII. М. 1900.—*С. А. Венгеровъ.* Источники словаря русск. писателей, т. I. Спб. 1900. Воспоминанія о Г—нѣ въ разныя эпохи его жизни *Е. М. Гаршина, В. С. Акимова, М. Е. Малышева, Н. В. Рейнгардта, В. А. Фаусека, А. Васильева, В. И. Бибикова.*—*Г. И. Успенскій.* Смерть Г—на.—Полное собраніе сочиненій Г—на, изд. Маркса (приложеніе къ „Нивѣ“). Спб. 1910. *Ю. И. Айхенвальдъ.* Силуэты русск. писателей, вып. I. М. 1906. *С. А. Андреевскій.* Литературные очерки. Спб. 1902. *К. К. Арсеньевъ.* Критическіе этюды. Спб. 1888. *Баженовъ.* Душевная драма Гаршина. — Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. М. 1903. *Волжскій.* Гаршинъ, какъ религіозный типъ. *Н. Златовратскій.* Изъ литературныхъ воспоминаній.— Братская Помощь. Сборникъ. М. 1898. *Н. И. Коробка.* Гаршинъ.—„Образованіе“, 1905, XI—XII. *Красный Цвѣтокъ.* Сборникъ. Спб. 1889. *В. Г. Короленко* — въ „Истор. р. лит.“. подъ ред. Овс.-Куликовскаго. *Н. К. Михайловскій.* Сочиненія, т. VI. *Новополинъ.* Въ сумеркахъ литературы и жизни. Харьковъ. 1902. *Памяти* Гаршина. Сборникъ. Спб. 1889. *М. Протопоповъ.* Литерат.-критич. характ. Спб. 1896. 2-е изд. Спб. 1898. *А. М. Скабичевскій.* Сочиненія, т. II. *К. И. Чуковскій.* О Всев. Гаршинѣ. — „Русск. Мысль“. 1909, XII.

3) Вл. Г. Короленко (род. въ 1853 г.). а) *Сочиненія:* Очерки и разсказы 2 тт. М. 1887—93; 2-е изд. М. 1888; 3-е изд. 3 тт. М. 1896; Спб. 1903, т. I, 10-е изд., т. II, 6-е изд., т. III, 2-е изд.; Въ голодный годъ. Спб. 1894, послѣднее изд. Спб. 1907; Отошедшіе. Спб. 1908; Исторія моего современника. Спб. 1909; Бытовое явленіе.—„Р. Богат.“, 1910, IV. *Письма:* къ В. Гольцеву.—Памяти Гольцева. Сборн. М. 1910. Судебная рѣчь К.—„Русск. Богат.“, 1906, V. б) *Библіографія.* *Ю. И. Айхенвальдъ.* Силуэты русск. писателей, вып. I. М. 1906; 2-е изд. М. 1908. *К. К. Арсеньевъ.* Критическіе этюды, т. II. Спб. 1888. *Ѳ. Д. Батюшковъ.* Короленко, какъ человѣкъ и писатель. Спб. 1905. *А. И. Богдановичъ.* Годы перелома. Спб. 1908. *Волжскій.* Короленко.—„Міръ Божій“, 1903, VII. *Его же.* Поэзія и правда человѣчности въ творчествѣ Короленко.—Изъ міра литературныхъ исканій. Спб. 1906. *Волынскій.* Борьба за идеализмъ. Спб. 1900. *И. И. Ивановъ.* Поэзія и правда міровой любви. Короленко. Спб. 1900. *Л. Козловскій.* Короленко. Опытъ литер. характеристики. М. 1910. *А. Луначарскій.* Этюды критическіе и полемическіе. М. 1906. *Н. К. Михайловскій.* Литература и жизнь. —„Русск. Богат.“, 1895, V. *Ю. Николаевъ.* Короленко. М. 1893. *Пактовскій.* Идеализмъ въ произведеніяхъ Короленко. Казань. 1901. *Плотниковъ.* Короленко.—„Образованіе“, 1898, X. *Трепляевъ.* Молодое сознаніе. Этюдъ о Короленко. М. 1904. *К. И. Чуковскій.* О Вл. Короленко. —„Русск. Мысль“, 1908, IX.

4) П. Д. Боборыкинъ (род. въ 1836 г.). а) *Сочиненія:* 12 тт. Спб. 1885—1886; Собраніе романовъ, повѣстей и разсказовъ. Изд. Маркса (прилож. къ „Нивѣ“). Спб. 1897, 12 тт.; Тяга.—„Вѣстн. Евр.“, 1898, I—V; Дома.—„Русск. Мысль“, 1899, I; Куда итти?—„Вѣстн. Евр.“, 1899, I—IV; На волѣ.—„Русск. Мысль“, 1900, I и II; Вѣчный городъ.—„Русск. Мысль“, 1899—1902 и отдѣльно. М. 1903; Европейск. романъ въ XIX стол. Спб. 1900; Одной породы.—„Вѣстн. Евр.“, 1900, I и II; Жестокіе.— „Русск. Мысль“, 1901, I—VI; Однокурсники.—„Вѣстн. Евр.“, 1901, I и II. Исповѣдники.—„Вѣстн. Евр.“, 1902, I—IV; Все прилично.—„Русск. Мысль“, 1902, I и II; Высшая школа.—„Русск. Мысль“, 1903, I—III; Разладъ.—„Русск. Мысль“,

1904, I—V; Братья.—„Вѣстн. Евр.“, 1904, I—IV; Карты на столъ. — „Вѣстн. Евр.“, 1906, I — II; Больной родиной. — „Русск. Мысль“, 1907, I — II; Великая разруха. Спб. 1908. *Воспоминанія* Боборыкина: За полвѣка. Мои воспоминанія. — „Русск. Мысль“, 1906, II, V и XI и „Минувшіе Годы“, 1908, IV, V—VI и XI. б) *Библіографія*: *С. А. Венгеровъ*. Критико-біографич. словарь, т. IV; *Его же*. Источники словаря русск. писателей, т. I. Спб. 1900 *Андреевичъ* (*Соловьевъ*). Очерки текущей русской литературы.—„Жизнь“, 1900, XI; 1901, I и II. *Е. Соловьевъ* (*Андреевичъ*). Очерки изъ исторіи русской литературы XIX вѣка. Спб. 1902; 2-е изд. Спб. 1903; 3-е изд. Спб. 1907. *А. Б.* (*Богдановичъ*). Критическія замѣтки.—„Міръ Божій“, 1900, XI; 1901, VIII, 1904, III. *С. А. Венгеровъ*. Критико-біографическій словарь, т. IV. *З. А. Венгерова*. Боборыкинъ.—„Образов.“, 1900, XI и XII. *К. Головинъ*. Русскій романъ и русское общество. Спб. 1897; 2-е изд. Спб. 1904. *В. Засуличъ* (*В. Ивановъ*). Плохая выдумка.—Сочиненія, т. II. Спб. 1907. *Н. К. Михайловскій*. Литературныя воспоминанія и современная смута, т. I. Спб. 1900; 2-е изд. Спб. 1904 и Сочиненія т. VII. Спб. 1909. *Его же*. Сочиненія, т. V и VI. *Его же*. Отклики, т. I. *П. Николаевъ*. Вопросы жизни въ современной литературѣ. М. 1902. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*. Исторія русской интеллигенціи ч. II. М. 1907 и Собраніе сочиненій, т. VIII. *М. Протопоповъ*. Беллетристъ-публицистъ.—Критическія статьи. М. 1902. *В. Чешихинъ*. Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Одесса. 1899.

5) **С. Я. Надсонъ (1862—1887).**—а) *Сочиненія*: стихотворенія, вышло 24 изд., первое Спб. 1885; 24-е Спб. 1908; Литературные очерки. Спб 1887; Недопѣтыя пѣсни. Спб. 1902; Къ тихой пристани. Незаконч. юношеская повѣсть. — Юбилейный сборн. Литерат. фонда. Спб. 1910. *Письма*: Надсонъ и графиня Лида. Ихъ переписка.—„Недѣля“, 1887, XI; Изъ писемъ Надсона.—„Недѣля“, 1891. XI. *Автобіографія*: „Вѣстн. Евр.“, 1887, III. б) *Библіографія*: *Д. Д. Языковъ*. Жизнь и труды русск. писат., вып. VII. М. 1892. *К. К. Арсеньевъ*. Критическіе этюды, т. II. Спб. 1888. *М. В. Ватсонъ*. Біографія Надсона.—Стихотворенія Надсона. *Л. Мельшинъ* (*П. Ф. Гриневичъ-Якубовичъ*). Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. *О. Миллеръ*. Надсонъ.—„Русск. Стар.“, 1887, XI. *Н. К. Михайловскій*. Сочиненія, т. VI. *Новополинъ*. Въ сумеркахъ литературы и жизни. Харьковъ. 1902. *М. Пановъ*. Сломленныя крылья.—„Русск. Мысль“, 1901, VI. *М. Протопоповъ*. Поэты переходнаго времени.—Критическія статьи. М. 1902. *Сборникъ* статей, посвященныхъ памяти Надсона. Спб. 1887. *Тепловъ*. Надсонъ. Кіевъ. 1887. *Цыревскій*. Надсонъ. Казань. 1890.

6) **А. М. Жемчужниковъ (1821—1908).** а) *Сочиненія*: Стихотворенія 2 тт. Спб. 1892; 2-е изд. Спб. 1898; Пѣсни старости. Спб. 1900; Прощальныя пѣсни. Спб. 1908. *Автобіографія*: Стихотворенія Ж — ва. 2-е изд. Спб. 1898. б) *Библіографія*: *С. А. Венгеровъ*. Источники словаря русск. писателей, т. II. *Аммонъ*. Полвѣка поэтич. служенія.—„Русск. Мысль“, 1901, IX. *К. К. Арсеньевъ*. Жемчужниковъ. Поэзія „цвѣтущей старости“.—„Вѣстн. Евр.“ 1908, V. *Его же*. Цвѣтущая старость.—„Вѣстн. Евр.“, 1892, X. *И. Бунинъ*. Поэтъ-гуманистъ.—„Вѣстн. Воспитанія“, 1900, III. *П. И. Вейнбергъ*. Жемчужниковъ, какъ поэтъ-гражданинъ. — „Извѣстія отд. русск. яз. и словесн. Академіи Наукъ“. 1908, IV. *А. Н. Веселовскій*—въ „Ист. р. лит. XIX в.“ подъ ред. Овс.-Кулик. *Н. А. Котляревскій*. Памяти Жемчужникова.—„Вѣстн. Евр.“, 1908, VI. *Полонскій*. Стихотворенія Жемчужникова. Спб. 1893. *М. Протопоповъ*. Поэтъ „забытыхъ словъ“. Прекрасный закатъ. — Критическія статьи. М. 1902. *Его же*. Литер.-критич. характеристики. Спб. 1896; 2-е изд. Спб. 1898.

7) **А. П. Чеховъ (1860—1904).** а) *Сочиненія*: Полное собраніе сочиненій изд. Маркса, 10 тт. Спб. 1900 — 1901, дополнительный 11-й томъ. Спб. 1906; изд. Маркса, 16 тт. Спб. 1902 (приложеніе къ „Нивѣ“). *Письма*: Письма Чехова, собраны *Б. Бочкаревымъ*. М. 1909; Собраніе писемъ Чехова. Подъ ред *В. Брендера*. М. 1910: Нижегородск. Сборникъ. Спб. 1905; къ А. В. Жиркевичу.—„Историч. Вѣстн.“, 1905, II; На памятникъ Чехову. Спб. 1906. Н. А. Лейкинъ въ его воспоминаніяхъ и перепискѣ. Спб. 1907; „Новое Слово“. Сборникъ, 1908, № 2; „Русск. Мысль“; 1908. I; къ Эртелю.—„Русская Мысль“, 1909, I; къ А. П и Л. Н. Ленскимъ. — „Русск. Мысль“, 1910, I; Памяти Гольцева. Сборникъ. М. 1910; Друкарь. Сборникъ. М. 1910. *Автобіографіи*: „Русск. Вѣд.“ 1904, № 188; „Міръ Божій“, 1904, VIII. *В. В. Каллашъ*. Литературные дебюты Чехова.—„Русск. Мысль“, 1905, III, VI и VII. *Н. Орловскій*. Забытые разсказы Чехова.—„Русская Мысль“, 1909, VI. б) *Библіографія*: *А. Г. Фоминъ*. Чеховъ въ русской критикѣ. Спб. 1907; *А. С—въ*. Чеховъ. Владиміръ. 1904; *И. Масаиновъ*. Библіографія сочиненій Чехова. М. 1906. *В. И. Покровскій*. Чеховъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1907. *Н. Покровскій*. Чеховъ въ значеніи русскаго писателя-художника. Изъ критической литературы о Чеховѣ. М. 1906. *Ю. И. Айхенвальдъ*. Силуэты русскихъ писателей, вып. I. М. 1906; 2-е изд. М. 1908, вып. II. М. 1908, 2-е изд. М. 1909. *Альбовъ*. Два момента въ развитіи творчества Чехова.—„Міръ Божій“, 1903, I. *И. Ф. Анненскій*. Драма настроеній.—Книга отраженій. Спб. 1906. *Андреевичъ* (*Е. Соловьевъ*). Книга о Горькомъ и Чеховѣ. Спб. 1900. *Ѳ. Д. Батюшковъ*. Чеховъ и освободительное движеніе. — „Міръ Божій“, 1906, IV. *Его же*. Предсмертный завѣтъ Чехова.—„Міръ Божій“, 1904, VIII. *Его же*. Критич. очерки и замѣтки о современникахъ. Т. II. Спб. 1902. *А. И. Богдановичъ*. Годы перелома. Спб. 1908. *С. Булгаковъ*. Чеховъ, какъ мыслитель.—„Нов. Путь“, 1904, X и XI и въ его книгѣ „Отъ марксизма къ идеализму“ и отдѣльно. *М. Вогюэ*. Чеховъ. М. 1902. *Войтоловскій*. Идеалы общественности въ произведеніяхъ Чехова.—„Правда“, 1904, XII. *Волжскій*. Очерки о Чеховѣ. Спб. 1903. *Его же*. Изъ міра литературныхъ исканій. Спб. 1906. *А. Волынскій*. Борьба за идеализмъ. Спб. 1900. *В Гольцевъ*. Дѣти и природа въ разсказахъ Чехова и Короленко. М. 1904. *Его же*. Литерат. очерки. М. 1895. *М. Горькій*. Отрывки изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ.—Нижегородскій Сборникъ. Спб. 1905. *А. Г. Горнфельдъ*. Книги и люди. Спб. 1908. *С. Елпатьевскій*. Близкія тѣни. Спб. 1909. *И. Замотинъ*. Предразсвѣтныя тѣни. Къ характеристикѣ общ. мотивовъ въ произведеніяхъ Чехова. Казань. 1904. *Ивановъ-Разумникъ*. Исторія русской общественной мысли. Т. II. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. *И. Казанскій*. Человѣкъ и жизнь въ произведеніяхъ Чехова. М. 1905. *Н. Карповъ*. Чеховъ и его творчество. Спб. 1904. *Качерецъ*. Чеховъ. М. 1902. *В. Г. Короленко*. Отошедшіе. Спб. 1903. *Красносельскій*. Творчество Чехова, его мотивы и идеи.—„Вѣстн. Евр.“, 1908, VIII—IX. *А. И. Купринъ*. Памяти Чехова.—Сборникъ т-ва „Знаніе“, кн. III. Спб. 1904. *Вл. Ладыженскій*. Изъ воспоминаній о Чеховѣ. — „Міръ Божій“, 1905, IV. *Б. Лазаревскій*. Чеховъ по личнымъ воспоминаніямъ. — „Журналъ для Всѣхъ“, 1905, VII. *Его же*. Матеріалы для біографіи Чехова. — „Русск. Мысль“, 1906, XI. *И. Лысковъ*. Чеховъ въ пониманіи критики. Матеріалы для характеристики его творчества. М. 1905. *Е. А. Ляцкій*. Чеховъ и его разсказы.—„Вѣстн. Евр.“, 1904. I. *I. Малиновскій*. Вопросы права въ сочиненіяхъ Чехова. Томскъ. 1905. *Его же*. Университетъ въ сочиненіяхъ Чехова. Томскъ. 1904. *Д. С. Мережковскій*. Грядущій Хамъ. Спб. 1906. *Н. К. Михайловскій*. Сочиненія, т. VI. *Его же*. Отклики, т. II. *Его же*. Послѣднія сочиненія, т. II. На память Чехову. Сборникъ. Спб. 1906. *Невѣдомскій*. Чеховъ и его творчество.—„Современный Міръ“, 1906, VIII. *Новополинъ*. Въ сумеркахъ литературы и жизни. Харьковъ. 1902. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій*. Собраніе сочиненій, т. V. *Его же*. Вопросы психологіи творчества. Спб. 1902. *О Чеховѣ*. Воспоминанія и статьи Авиловой, Боборыкина, Брандеса, Брендера, Бунина, Бѣлоусова, Горькаго, Елпатьевскаго, Карпова, Короленки, Куприна, Ладыженскаго, Сергѣенко, Тихонова, М. Чехова, Федорова. М. 1910. *Пактовскій*. Современное общество въ произведеніяхъ Чехова. Казань. 1901. *Памяти* Чехова. Сборникъ изд. Общ. любит. росс. слов. М. 1906. *Протопоповъ*. Жертва безвременья.—„Русск. Мысль“, 1892, VI. *А. Ростовцевъ*. Пѣвецъ тоски и сумерекъ. Спб. 1904. *А. М. Скабичевскій*. Чеховъ. — „Русская Мысль“, 1905, VI. *Его же*. Мужикъ въ русской беллетристикѣ.—„Русская Мысль“, 1899, IV—V. *Его же*. Есть ли у Чехова идеалы?—Сочиненія, т. II. *М. Чеховъ*. Объ А. Чеховѣ.—„Журналъ для всѣхъ“, 1905, VII, 1906, VI. *Его же*. Новое слово. Сборникъ. 1907, I. *В. Чешихинъ*. Современное общество въ произведеніяхъ Боборыкина и Чехова. Одесса. 1899. *К. И. Чуковскій*. Отъ Чехова до нашихъ дней.—1, 2 и 3 изд. Спб. 1908. *Н. Шапиръ*. Чеховъ, какъ реалистъ-новаторъ. — „Вопросы Философіи и Психологіи“, 1905, тт. 79—80. *Л. Шестовъ*. Начала и концы. Спб. 1908. *Шулятиковъ*. Теоретикъ талантливой жизни. — „Правда“, 1905, I. *Его же*. Возстановленіе разрушенной эстетики.—Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. Сборн. Спб. 1904. *И. Щегловъ*. Изъ воспоминаній о Чеховѣ.—Ежемѣсячныя литер. приложенія къ „Нивѣ“, 1905, VI и VII. *Сборникъ*, изд. „Образованіемъ“, М. 1910. *Юбилейный* Чеховскій Сборникъ. М. 1910.

8) **Максимъ Горькій (А. М. Пѣшковъ; род. въ 1869 г.).** а) *Сочиненія*: Разсказы 5 тт. (т. I 10-е изд.; тт II—IV 9 е изд.; т. V 7-е изд.) и пьесы 3 тт. Спб. 1898 — 1909. Новыя произведенія М. Горькаго печатаются въ Сборникахъ „Знанія“. б) *Библіографія*: *Критическія* статьи о произведеніяхъ Горькаго. Спб. 1901. *З. К.* Горькій въ иностранной критикѣ. — Литерат. дѣло, Сборникъ. Спб.

1902. *Иностранная* критика о Горькомъ. Состав. *Л. Г. М.* М. 1901. *Жизнь* и сочиненія М. Горькаго въ оцѣнкѣ западно-европейской критики. Спб. 1904. *Горькій* за границей. Кіевъ. 1902 *Л. Г.* Иностранная критика о Горькомъ. М. 1904. *Ю. И. Айхенвальдъ.* Силуэты русскихъ писателей, вып. III. М. 1910. *Г. Александровскій.* Горькій и его сочиненія. Кіевъ. 1900; 2-е изд. Кіевъ. 1901. *А. В. Амфитеатровъ.* Литерат. альбомъ. 2-е изд. Спб. 1907. *Его же.* Новый Горькій.—Современники. М. 1910. *Андреевичъ* (*Е. Соловьевъ*). Книга о Горькомъ и Чеховѣ. Спб. 1900. *И. Ѳ. Анненскій.* Три соціальныхъ драмы. Книга отраженій. Спб. 1906. *Е. В. Аничковъ.* „На днѣ“ Горькаго и современная драма.—Литературные образы и мнѣнія. Спб. 1904. *Ѳ. Д. Батюшковъ.* Критич. очерки и замѣтки. Спб. 1900. *И. Бибиковъ.* Горькій какъ драматургъ. М. 1903. *А. И. Богдановичъ.* Годы перелома. Спб. 1908. *В. Ѳ. Боцяновскій.* Горькій. Спб. 1901; 2-е изд. Спб. 1907. *Брандесъ.* Литерат. характер. Кіевъ. 1903. *Вогюэ.* М. Горькій. Спб. 1902. *Волжскій.* О нѣкоторыхъ мотивахъ творчества М. Горькаго. — Изъ міра литературныхъ исканій. Спб. 1906. *Гельротъ.* Горькій и Ницше.—„Русск. Богат.“, 1903, V. *Н. Горинъ.* Основныя идеи произведеній М. Горькаго. Спб. 1902. *А. Г. Горнфельдъ.* Книги и люди. Спб. 1908. *Дивильковскій.* Горькій.—„Правда“, 1905, II—IV. *Ивановъ-Разумникъ.* Исторія русской общественной мысли. Т. II. Спб. 1906; 2-е изд. Спб. 1908. *А. Крайній* (*З. Гиппіусъ*). Выборъ мѣшка. — Литерат. дневникъ. Спб. 1908. *В. Львовъ.* Горькій. — На рубежѣ. Сборникъ. Спб. 1909. *Е. А. Ляцкій.* Горькій. — „Вѣстн. Евр.“, 1901. XI. *Д. С. Мережковскій.* Грядущій Хамъ. Спб. 1906. *Н. К. Михайловскій.* О Горькомъ и его герояхъ.—Отклики, т. II. *Его же.* Литература и жизнь. — „Русск. Богат.“, 1898, IX, X; 1902, II, 1903, IV. *Л. Оболенскій.* Горькій и причина его успѣха. Спб. 1903. *Д. Н. Овсянико-Куликовскій.* Собраніе сочиненій, т. V. *Плехановъ.* Къ психологіи рабочаго движенія — „Соврем. Міръ“, 1907, V. *М. Протопоповъ.* Пропадающія силы. Беллетристы новѣйшей формаціи. — Критическія статьи. М. 1902. *Треплевъ.* Фактъ и возможность. Этюдъ о Горькомъ. М. 1904. *Д. Философовъ.* Слова и жизнь. Спб. 1909. *К. И. Чуковскій.* Отъ Чехова до нашихъ дней. 1, 2 и 3 изд. Спб. 1908. *Г. Чулковъ.* Покрывало Изиды. Критич. очерки. М. 1909.

9) **К. Д. Бальмонтъ (род. въ 1867 г.).** а) *Сочиненія:* Сборникъ стихотвореній. Ярославль. 1890; Подъ сѣвернымъ небомъ. Спб. 1894, 2-е изд. М. 1905, 3-е изд. М. 1909; Въ безбрежности. М. 1895, 2-е изд. М. 1896, 3-е изд. М. 1909; Тишина. Спб. 1898, 2-е изд. М. 1905, 3-е изд. М. 1909; Горящія зданія. М. 1900, 2-е изд. М. 1904, 3-е изд. М. 1908; Будемъ какъ солнце. М. 1903, 2-е изд. М. 1904, 3-е изд. М. 1908; Только любовь. М. 1903, 2-е изд. М. 1908; Горныя вершины. Сборн. статей. М. 1904; Собраніе стиховъ. 2 тт. М. 1904—1905; Литургія красоты. М. 1905; Фейныя сказки. М. 1905; Злыя чары. Книга заклятій. М. 1906; Жаръ-птица. М. 1907; Пѣсни мстителя. Paris. 1907. Три расцвѣта. Спб. 1907; Полн. собр. стиховъ, вышли: т. I. М. 1909, т. II. М. 1908, т. III. М. 1908, т. VII. М. 1907 и т. X. М. 1909; Птицы въ воздухѣ. М. 1908; Бѣлыя зарницы. Мысли и впечатлѣнія. Спб. 1908; Зовы древности. Спб. 1908; Зеленый вертоградъ. Спб. 1909; Хороводъ времени. М. 1909; Морское свѣченіе Спб. 1910; Змѣиные цвѣты. М. 1910. *Автобіографіи:* *С. А. Венгеровъ.* Критико-біографич. словарь, т. VI; Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Подъ ред. *М. Гофмана.* Спб. 1909. б) *Библіографія:* *С. А. Венгеровъ.* Источники словаря русскихъ писателей, т. I. Спб. 1900. *А. В. Амфитеатровъ.* Современники. М. 1910. *Е. В. Аничковъ.* Литературные образы и мнѣнія. Спб. 1904. *И. Ѳ. Анненскій.* Бальмонтъ лирикъ.—Книга отраженій. Спб. 1906. *Ѳ. Д. Батюшковъ.* Новые побѣги русской поэзіи. — „Міръ Божій“, 1903, X. *А. Блокъ.* Новый путь. 1904, I и VI. *В. Я. Брюсовъ.* „Міръ искусства“ 1903, VII—VIII. *Волынскій.* Книга великаго гнѣва. Спб. 1904. *Его же.* Борьба за идеализмъ. Спб. 1900. *С. Городецкій.* „Вѣсы“. 1907, VIII. *Б. Диксъ.* Бальмонтъ.—Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Подъ ред. М. Гофмана. Спб. 1909. *А. Измайловъ.* Помраченіе божковъ и новые кумиры. М. 1909. *П. Коганъ.* Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Т. III. Современники. Вып. II. М. 1910. *Н. И. Коробка.* Очерки литературныхъ настроеній. Спб. 1903. Литерат. распадъ. Сборникъ. Спб. 1908. *Л. Мельшинъ* (*П. Ф. Гриневичъ-Якубовичъ*). Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. *Н. Поярковъ.* Поэты нашихъ дней. М. 1907. *К. И. Чуковскій.* Отъ Чехова до нашихъ дней. 1, 2 и 3 изд. Спб. 1908.

10) **В. Я. Брюсовъ (род. въ 1873 г.).** а) *Сочиненія:* Русск. символисты. М. 1894; Chefs d'oeuvre. М. 1895; 2-е изд. М. 1896; Me eum esse. М. 1897; О искусствѣ. М. 1899; Tertia vigilia. М. 1900; Urbi et orbi. М. 1903; Избранныя стихотворенія. М. 1904; Вѣнокъ. М. 1906; Земная ось. М. 1907; Пути и перепутья. 3 тт. М. 1908—1909; Огненный ангелъ. 2 тт. М. 1908; Испепеленный. Къ характеристикѣ Гоголя. М. 1909; 2-е изд. М. 1910. *Автобіографическая замѣтка.* — Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Подъ ред. *М. Гофмана.* Спб. 1909. б) *Библіографія:* *Пути* и перепутья. Тт. I—III. М. 1908—1909. *Ю. И. Айхенвальдъ.* Валерій Брюсовъ. Опытъ литерат. характеристики. М. 1910 и Силуэты русск. писателей, вып. III. М. 1910. *Е. В. Аничковъ.* Литературн. образы и мнѣнія. Спб. 1904. *Т. Ардовъ* (*В. Тардовъ*). Ересь символизма и Валерій Брюсовъ.—Отраженіе личности. М. 1909. *А. Бѣлый.* Поэзія Брюсова.—„Новый Путь“. 1904, VII. *Его же.* Вѣнокъ лавровый. — „Золотое Руно“. 1906, № 5. *М. Волошинъ.* Верхарнъ и Брюсовъ.—„Вѣсы“. 1907, II. *А. Волынскій.* Борьба за идеализмъ. Спб. 1900. *Его же.* Книга великаго гнѣва. Спб. 1904. *А. Измайловъ.* На переломѣ. Литерат. размышленія. Спб. 1908. *Его же.* Помраченіе божковъ и новые кумиры. М. 1909. *Ю. Каменевъ.* О ласковомъ старикѣ и о Брюсовѣ.—Литер. распадъ. Спб. 1908. *П. Коганъ.* Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы, т. III. Современники, вып. II. М. 1910. *Е. А. Ляцкій.* Пути и перепутья въ поэзіи Брюсова. — „Соврем. Міръ“, 1908, III. *В. Львовъ-Рогачевскій.* Вал. Брюсовъ. „Совр. Міръ“, 1910, № 6. *С. Маковскій.* „Образованіе“, 1905, № 9. *Л. Мельшинъ* (*П. Ф. Гриневичъ-Якубовичъ*). Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. *П. Пильскій.* О. Л. Андреевѣ, В. Брюсовѣ и др. статьи. Спб. 1910. *Н. Поярковъ.* Поэты нашихъ дней. М. 1907. *Вл. Пястъ.* Брюсовъ. Книга о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Подъ редакц. *М. Гофмана.* Спб. 1909. *В. Сиводнинъ.* „Русск. Вѣстн.“. 1901, № 1. *В. Соловьевъ.* Сочиненія, т. VI. *К. И. Чуковскій.* Отъ Чехова до нашихъ дней. 1, 2 и 3 изд. Спб. 1908. *А. Шемшуринъ.* Стихи В. Брюсова и русскій языкъ. М. 1908.

VI. Литература XX вѣка. Литература XX в. уже выходитъ за хронологическіе предѣлы нашего изданія. Но, въ интересахъ читателя, назовемъ нѣсколько работъ общаго характера (ср. также рубрику V, Б). *Н. Я. Абрамовичъ.* Литературно-критическіе очерки, кн. I. Спб. 1909. *Его же.* Въ осеннихъ садахъ. М. 1909. *Его же.* Художники-мыслители. М. 1911. *Ю. Александровичъ.* Послѣ Чехова. Очеркъ молодой литературы послѣдняго десятилѣтія. М. 1908; т. II. М. 1909. *А. В. Амфитеатровъ.* Противъ теченія. Спб. 1908. *Его же.* Современники. М. 1910. *Е. В. Аничковъ.* Литературные образы и мнѣнія. Спб. 1904. *Т. Ардовъ* (*В. Тардовъ*). Отраженіе личности. Критическіе опыты. М. 1909. *Н. Бердяевъ.* Sub specie aeternitatis. Опыты философскіе, соціальные и литературные (1900—1906). Спб. 1907. *Его же.* Новое религіозное сознаніе и общественность. Спб. 1907. *Его же.* Декадентство и мистическій реализмъ. — „Русская Мысль“, 1907, VI. *А. Богдановичъ.* Годы перелома. 1895—1906. Сборникъ критич. статей. Спб. 1908. *Б. Л. Бразоль.* Критическія грани. Спб. 1909. *Андрей Бѣлый.* Символизмъ. М. 1910. *С. А. Венгеровъ.* Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. 2-е изд. съ прибавленіемъ этюда „Побѣдители или побѣжденные?“ (О модернизмѣ.) Спб. 1909. *Вершины.* Сборникъ. Спб. 1909. *Волжскій.* Изъ міра литературныхъ исканій. Спб. 1906. *Вѣхи.* Сборникъ статей о русской интеллигенціи. М. 1909; 4-е изд. М. 1910. *Вѣхи, какъ знаменіе времени.* Сборникъ статей. М. 1910. *Въ защиту интеллигенціи.* Сборникъ статей. М. 1909. *А. Г. Горнфельдъ.* Книги и люди. Литературныя бесѣды. Спб. 1908. *М. Гуковскій.* Новыя вѣянія и настроенія. Одесса. 1903. *Е. Жураковскій.* Литерат.-критич. очерки. Трагикомедія современной жизни. М. 1906. *В. Ивановъ.* По звѣздамъ. Спб. 1909. *Ивановъ-Разумникъ.* О смыслѣ жизни. Спб. 1908; 2-е изд. Спб. 1910. *Его же.* Литература и общественность. Спб. 1910. *А. Измайловъ.* Помраченіе божковъ и новые кумиры. М. 1909. *Его же.* На переломѣ. Литерат. размышленія. Спб. 1908. *Изъ исторіи* новѣйшей русской литературы. Сборникъ. М. 1910. *Интеллигенція* въ Россіи. Сборникъ статей. Спб. 1910. *Книга* о русскихъ поэтахъ послѣдняго десятилѣтія. Критическіе очерки. Стихотворенія и автографы-автобіографіи. Подъ ред. *М. Гофмана.* Спб. 1909. *П. Коганъ.* Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы, т. III. Современники, вып. I—II. М. 1910. *А. Крайній* (*З. Гиппіусъ*). Литерат. дневникъ. 1899—1907. Спб. 1908. *Кризисъ театра.* Сборникъ статей. М. 1908. *Куда мы идемъ?* Сборн. статей. М. 1910. *Литературный распадъ.* Сборникъ, кн. I. Спб. 1908; кн. II. Спб. 1909. *В. Львовъ-Рогачевскій.* Борьба за жизнь. Сборникъ статей. Спб. 1907. *Л. Мельшинъ* (*П. Ф. Гриневичъ-Якубовичъ*). Очерки русской поэзіи. Спб. 1904. *Д. С. Мережковскій.* Грядущій Хамъ. Спб. 1906. *Его же.* Не миръ, но мечъ. Спб. 1908. *Его же.* Больная Россія. Спб. 1910. *Н. Минскій.* На обществен. темы. Спб. 1909. *Его же.* Религія будущаго. Спб. 1905. *Модернисты,* ихъ предшествен-

ники и критическая литература о нихъ. Одесса. 1908. *На рубежѣ.* Къ характеристикѣ современныхъ исканій. Сборникъ. Спб. 1909. *Г. С. Новополинъ.* Порнографическій элементъ въ русской литературѣ. Спб. 1909. *Общественное движеніе* въ Россіи въ началѣ XX вѣка. Подъ ред. Мартова, Маслова и Потресова, I, II, IV тт. Спб. 1909—1910 (изданіе продолжается). *О вѣяніяхъ времени.* Сборникъ. Спб. 1908. *О критикѣ* и критикахъ. Спб. 1909. *Очерки* реалистическаго міровоззрѣнія. Сборникъ статей. Спб. 1904. *П. Пильскій.* О Л. Андреевѣ, В. Брюсовѣ, Н. Минскомъ, Ѳ. Сологубѣ, А. Купринѣ, М. Арцыбашевѣ. О критикѣ, о Д. Писаревѣ, Е. Соловьевѣ, В. Буренинѣ, Ант. Крайнемъ и др. Спб. 1910. *Его же.* Проблема пола, половые авторы и половой герой. Спб. 1909. *Г. Плехановъ.* Отъ обороны къ нападенію. М. 1910. *По Вѣхамъ.* Сборникъ статей. М. 1909. *Н. Поярковъ.* Поэты нашихъ дней. М. 1907. *Проблемы* идеализма. Сборникъ статей. М. 1903. *А. Пѣшехоновъ.* На очередныя темы. Спб. 1904. *Ѳ. Рыбаковъ.* Современные писатели и больные нервы. М. 1908. *Театръ.* Книга о новомъ театрѣ. Сборникъ статей. Спб. 1908. *Текущій моментъ.* Сборникъ. М. 1906. *Д. Философовъ.* Слова и жизнь. Литерат. споры новѣйшаго времени. 1901—1908. Спб. 1909. *К. И. Чуковскій.* Отъ Чехова до нашихъ дней. 1, 2 и 3 изданія. Спб. 1908. *Его же.* I. Натъ Пинкертонъ и современная литература. II. Куда мы пришли? М. 1910. *Г. Чулковъ.* Покрывало Изиды. Критическіе очерки. М. 1909. *Л. Шестовъ.* Апоѳеозъ безпочвенности. Спб. 1905.

ГЛАВА V.

Развитіе естествознанія въ Россіи въ послѣднюю четверть вѣка.

(Здѣсь же дана библіографія къ XIV гл. III части — по отдѣлу математики — и XV гл. той же части).

Общія статьи. *К. А. Тимирязевъ.* Общественныя задачи ученыхъ обществъ. *И. М. Сѣченовъ.* Научная дѣятельность русскихъ университетовъ по естествознанію за послѣднее двадцатипятилѣтіе („Вѣстникъ Европы“, 1883 г., № 11). *Біографическій* словарь профессоровъ С.-Петербургскаго университета.

Отдѣльные авторы: 1) Ѳ. Ѳ. Бейльштейнъ. Свыше 100 работъ по спеціальнымъ вопросамъ органической химіи. Подробный перечень ихъ (до 1890 г.) въ статьѣ проф. П. П. Алексѣева въ „Критико-біогр. словарѣ“ Венгерова, а также въ некрологѣ Б. въ „Журналѣ Русск. Физ.-Хим. Общ.“.

2) **Н. Н. Бекетовъ.** Подробный перечень работъ до 1891 г. въ словарѣ Брокгауза Эфрона (полутомъ 5, стр. 340). Дальнѣйшія работы помѣщались почти исключительно въ „Журналѣ Русск. Физ.-Хим. Общ.“ и въ „Извѣстіяхъ Академіи Наукъ“.

3) **И. П. Бородинъ.** Физіологич. изслѣд. надъ дыханіемъ листовыхъ побѣговъ (1876; диссертація). Большинство трудовъ Б. помѣщены въ „Трудахъ Спб. общ. естествоиспытателей“, начиная съ т. XI (1876 г.), а также въ „Бюллетеняхъ Академіи Наукъ“.

4) **Д. К. Бобылевъ.** Свои изслѣдов. помѣщалъ гл. обр. въ „Журналѣ Р. Физ.-Хим. Общ.“ Подр. перечень его трудовъ (по 1891 г.) въ „Энцикл. словарѣ“ Брокгауза Эфрона (статьи Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго).

5) **И. И. Боргманъ.** Подробный перечень работъ Б. до 1891 г. см. „Энциклоп. Словарь“ Брокгауза-Эфрона, вып. 7 (статья Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, стр. 388—9). Дальнѣйшія работы помѣщены главн. обр. въ „Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.“.

6) **А. М. Бутлеровъ.** Введеніе къ полн. изученію органической химіи (1864—66). Переизд. учениками Бутлерова въ 1887 г. Рядъ спеціальныхъ изслѣд. по органич. химіи, помѣщенныхъ гл. образомъ въ „Журналѣ Русск. Физ.-Хим. Общ.“ и въ заграничныхъ изданіяхъ. Рядъ статей по общей химіи: Основныя понятія въ химіи. Химическое строеніе и теорія замѣщенія и др. Подробный перечень трудовъ Бутлерова можно найти въ статьяхъ Густавсона, Зайцева и Марковникова, помѣщенныхъ въ „Журналѣ Р. Физ.-Химич. Общ.“ за 1887 г.

7) **С. Н. Виноградскій.** *S. Winogradsky.* Ueber Schwefelbacterien. „Bot. Ztg“. Bd. 45, 1887. *Его же.* Ueber Eisenbacterien. „Bot. Ztg“. Bd. 46, 1888. *Его же.* Beiträge zur Morphologie und Physiologie der Bacterien. 1888. *Его же.* Recherches sur les sulfobactéries. „Ann. Past.“, t. 3, 1889. *Его же.* Sur le pléomorphisme des bactéries. „Ann. Past.“, t. 3, 1889. *Его же.* Recherches sur les organismes de la nitrification. 2 статьи въ „Comptes Rendus“, t. 113, 1889 и 5 статей въ „Ann. Pasteur“, t. 4 и 5, 1890—1891. *Его же.* Ueber die Organismen der Nitrifikation (Vortrag, gehalten in der Sitzung der züricher naturforschenden Gesellschaft, vom 22 Februar 1891). *Его же.* Sur la formation et l'oxydation des nitrites pendant la nitrification. „Comptes Rendus“, 1891. *С. Н. Виноградскій.* Къ морфологіи организмовъ процесса образованія селитры въ почвѣ. „Архивъ біол. наукъ“, т. I, стр. 86, 1892. *Его же.* Sur l'assimilation de l'azote gazeux de l'atmosphère par les microbes. „Comptes Rendus“, 1893 et 1894. *Его же.* Sur le rouissage du lin et son agent microbien, „C. R.“, t. 121, 1895. *Его же.* Объ усвоеніи свободнаго азота атмосферы микробами, „Арх. біол. наукъ“, т. 3, 1895. *Его же.* Zur Mikrobiologie des Nitrifikationsprozesses. „Centralbl. f. Bact.“, Bd. 2, 1896. *Его же.* О роли микробовъ въ общемъ круговоротѣ жизни (рѣчь). Спб. 1897. *Его же* и *В. Л. Омелянскаго.* Вліяніе органическихъ веществъ на работу микробовъ нитрификаціи. „Арх. Біол. Наукъ“, т. 7, 1899. *Его же.* Clostridium Pastorianum seine Morphologie und Eigenschaften, als Buttersäure-Ferment. „Centralbl. f. Bakt.“ t. 9, 1902. *Его же.* Die Nitrifikation (глава въ Handbuch der techn. Mykologie, t. 3).

8) **А. И. Воейковъ.** Климаты земного шара (1884). Рядъ статей по метеоролог. и физич. географіи въ „Запискахъ Импер. Р. Геогр. Общ.“ и въ „Извѣстіяхъ“ того же Общества; въ „Запискахъ Минерал. Общества“, „Журналѣ Рус. Физ.-Хим. Общества“, „Метеорологич. Вѣстникѣ“, а также въ иностранныхъ журналахъ: „Meteorologische Zeitschrift“, „Zeitschr. f. wiss. Geographie“, „Nature“ и др. Его же перу принадлежатъ многочисленныя популярныя статьи по метеорологіи и географіи въ „Русской Мысли“, „Русскомъ Обозрѣніи“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ и др.

9) **М. С. Воронинъ.** Труды В. по мико- и альгологіи помѣщ. въ „Мемуарахъ Имп. Ак. Наукъ“, въ „Трудахъ Спб. Общества естествоисп.“ и въ рядѣ иностр. ботаническихъ журналовъ: „Bot. Ztg.“, „Ber. d. deutsch. bot. Gesellsch.“ и др. В. принадлежитъ также нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, какъ „Микологическія изслѣдованія“ (Спб. 1869) и др.

10) **В. В. Докучаевъ.** Овраги и ихъ значеніе (1876). Итоги о русскомъ черноземѣ (1877). Способы образованія рѣчныхъ долинъ Европ. Россіи (Магист. диссертац., 1878). Предв. отчетъ по изслѣд. юго-зап. части черноземной полосы Россіи (1878). Предв. отчетъ по изслѣд. юго-вост. части черноз. полосы Россіи (1879). Картографія русскихъ почвъ (1879). По вопросу о сибирскомъ черноземѣ (1882). Схем. почв. карта черноз. полосы Европ. Россіи (1882). Русскій черноземъ (Докт. дисс., 1883). О происхожд. рус. черноз. (1884). О такъ наз. юрьевскомъ черноз. (1884—5). Къ вопросу о русскомъ черноземѣ (1885). О пользѣ изученія мѣстной номенклатуры русскихъ почвъ (1886). Матеріалы по оцѣнкѣ земель Нижегородской губ., вып. I—XIV (1882—1886). О нормальной оцѣнкѣ почвъ Европ. Россіи (2 ст., 1887). Методы изслѣд. вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи? (1888). Матеріалы по оцѣнкѣ земель Полтавской губ., вып. I—XIII (1889—1892). Къ вопросу о соотношеніяхъ между возрастомъ и высотой мѣстности, съ одной стороны, характеромъ и распредѣленіемъ черноземовъ, лѣсныхъ земель и солонцовъ, съ другой (1891). Наши степи прежде и теперь (1892). О происхожденіи русскаго лёсса (1892).

11) **А. А. Иностранцевъ.** Важнѣйшія работы: Петрографическій очеркъ острова Валаама (1867). Геогностическ. строеніе зап. береговъ Ладожскаго озера (1869). Геологическій обзоръ мѣстности между Бѣлымъ моремъ и Онежскимъ озеромъ (1876). Untersuchungen über Kalksteinen und Dolomiten (1872). Геологич. изслѣд. на сѣверѣ Россіи (1872). Плеченогіе въ древнемъ красномъ песчаникѣ рѣки Ояти (1873). Замѣтка объ изслѣдованіи непрозрачныхъ минераловъ (1875). Геолог. очеркъ Повѣнецк. уѣзда и его рудныхъ мѣсторожденій (1877). Ein neues äusserste Glied in d. Reiche d. amorphen Kollenstoffe (1880). Подраздѣленіе каменнаго вѣка на періоды (1880). Доисторич. человѣкъ побережья Ладожск. оз. (1882). Sur la variabilité de la concentr. et de la compos. des sources minerales (1883). Ueber eine Vergleichungskammer zur mikroscop. Untersuch. (1885). Коренное мѣсторожд. платины на Уралѣ (1893). О формѣ выдѣл. платины въ коренной породѣ Урала (1893). Гнейсъ — фундаментъ для Спб. (1893). Кромѣ того, И. принадлежитъ извѣстное руководство по геологіи, выдержавшее нѣсколько изданій.

12) **С. В. Ковалевская.** „С. В. Ковалевская, ея жизнь и научн. дѣятельн.“, біографическій очеркъ *Е. О. Литвиновой* (Біографическая библіотека Ф. Павленкова: Жизнь замѣчательныхъ людей). Статья „С. В. Ковалевская“ въ сборникѣ популярныхъ статей *А. Г. Столѣтова.* Воспоминанія С. В. Ковалевской („Вѣстникъ Европы“, 1890 г., № 7 и 8). Рефераты трудовъ С. В. Ковалевской см. „Математич. сбор.“, т. 16 (статьи А. Г. Столѣтова, Н. Е. Жуковскаго

и П. А. Некрасова). Ея *труды:* Zur Theorie der partiellen Differentialgleichungen („Journal f. die reine u. angewandte Mathematik", 1874). Ueber die Reduction einer bestimmten Klasse Abel'scher Integrale 3-ten Ranges auf elliptische Integrale („Acta Mathematica", 4). Zusätze und Bemerkungen zu Laplace's Untersuchung über die Gestalt der Saturnsringe („Astronomische Nachrichten", 1885). Ueber die Brechung des Lichtes in kristallinischen Medien („Acta Mathematica", 6). Sur le problème de la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe („Acta Mathematica", 12). Sur une propriété du système d'équations différentielles qui definit la rotation d'un corps solide autour d'un point fixe („Acta Mathematica", 14).

13) **А. О. Ковалевскій.** „А. О. Ковалевскій", статья *И. И. Мечникова* („Вѣстникъ Европы", 1902 г., № 12). Памяти А. О. Ковалевскаго. *А. Тихомірова* („Естествознаніе и Географія" 1902 г., I, 25 стр.). Воспоминанія объ А. О. Ковалевскомъ. *Д. К. Заболотнаго* (рукопись). *А. О. Ковалевскій.* Исторія развитія ланцетника. Диссертація. Спб. 1865 г. Beiträge zur Anatomie u. Entwicklungsgeschichte d. Loxoma Neapolitanum („Mém. de l'Ac. Imp. de St.-Pétersb.", 1866), Entwicklungsgeschichte der Rippenquellen (ibid.). Entwicklungsgeschichte der einfachen Ascidien (ibid.). Beiträge zur Entw. der Holothurien (Ibid.). Анатомія и исторія развитія Phoronis (Прилож. къ „Зап. Имп. Ак. Наукъ", т. XI, 1867). О планаріеобразномъ самцѣ Бонелліи („Зап. Кіевск. Общ. Ест.", 1870). Embryologische Studien an Würmern u. Arthropoden. („Зап. Имп. Ак. Н.". 1871). Weitere Studien über die Entwicklung der einfachen Ascidien („Archiv f. mikrosk. Anatomie", 1871). О безполомъ размноженіи Amaroecium. (Протоколы съѣзда русскихъ естеств. въ Кіевѣ, 1871). Наблюденія надъ развитіемъ Coelenterata („Изв. Имп. Общ. Люб. Ест.", 1874). Ueber die Knospung der Ascidien („Arch. f mikr. An.", 1874). Наблюденія надъ развитіемъ Brachiopoda („Изв. Имп. Общ. Люб. Ест.", 1874). Ueber die Entw.-geschichte d. Pyrosoma („Arch. f. mikr. An.", 1875). Zur Entwicklungsgeschichte d. Alcyoniden, Sympodium coralloides u. Clavularia crassa („Zool. Anz.", 1879). Embryogénie du Chiton Polii etc. („Ann. du Musée d'hist. nat. d. Marseille", 1883). Zur Entwicklungsgeschichte der Lucernaria („Zool. Anz.", 1884). Zum Verhalten des Rückengefässes u. d. guirlandenförmigen Zellstranges der Musciden während der Metamorphose („Biol. Ctbl.", 1886). Zur Embryologie der Musciden (ibid.). Къ исторіи развитія кавказскаго скорпіона (совмѣстно съ *М. Шульгинымъ*) („Зап. Новоросс. Общ. Ест.", т. XI). Beiträge zur Kenntniss der nachembryonalen Entwicklung d. Musciden („Z. f. wiss. Zoologie", 1887). О выдѣлительныхъ органахъ членистоногихъ. („Зап. Нов. Общ. Ест.", т. XII). Sur les espèces de Proneomenia des côtes de Provence (совмѣстно съ *Marion*) („Compt. Rend.", т. 106). Ein Beiträg z. Kenntniss d. Excretionsorgane („Biol. Ctbl." IX, 1889). О выдѣлительныхъ органахъ безпозвоночныхъ животныхъ („Зап. Новор. Общ. Ест.", 1890). О выдѣлит. органахъ нѣкот. насѣкомыхъ (ibid.). О селезенкѣ у моллюсокъ (ibid.). О превращеніи личинки асцидій и объ образованіи мантіи („Вѣстникъ Естествозн.", 1891). Einige Beiträge z. Bildung des Mantels der Ascidien. („Зап. Имп. Ак. Н.", 1892). Ein Beiträg z. Kenntniss der Excretionsorgane der Pantopoden (ibid.). Sur les organes excréteurs chez les arthropodes terrestres („Travaux du congrès international de Zoologie à Moscou", 1893). Études expérimentales sur les glandes lymphatiques des invertebrés („Mém. Biol. Bull. de l'Ac. Imp. des Sc.", t. 13, 1894). Études sur le coeur de quelques Orthoptères. („Arch. Zool. expér. générale", t. 2, 1894). Наблюденія надъ лимфатической системой насѣкомыхъ и многоножекъ („Изв. Имп. Акад. Наукъ", 1894). Une nouvelle glande lymphatique chez le Scorpion d'Europe („Compt. Rend.", t. 121, 1895). Études des glandes lymphatiques de quelques Myriapodes („Arch. Zool. expér. générale", t. 3, 1896). Sur les glandes lymphatiques de quelques Néréides („Congrès Internat. Leyde. 1896). Лимфатическія железы у Nereis cultrifera и Halla parthenopeia („Изв. Имп. Акад. Наукъ". 1896). Étude sur l'anatomie de l'Acanthobdella peledina et Archaeobdella Esmontii („Bull. de l'Acad. Imp. des Sciences", t. 5, 1896). Étude sur l'anatomie de l'Acanthobdella peledina. Ibid. Étude sur l'anatomie de l'Archaeobdella Esmontii. (Ibid.). Études biologiques de quelques Hirudinées („Compt. Rend.", t. 122, 1896). Études biologiques sur les Clepsines. („Mém. de l'Ac. Imp. des Sciences". St.-Pétersb., t. 5, 1897). Une nouvelle glande lymphatique chez le Scorpion d'Europe. (Ibid., t. 5, 1867). Наблюденіе надъ развитіемъ Archaeobdella и біологіи Clepsine costata Müll. („Труды И. Спб. Общ. Ест.", т. 28, 1898). Quelques mots sur l'Haementeria costata Müll. („Compt. Rend.", t. 128, 1899). Imprégnation hypodermique chez l'Haementeria costata de Müll. (Ibid., t. 128, 1899). Отчетъ о моихъ зоологич. изслѣдованіяхъ на Севастопольской станціи лѣтомъ 1899 г. („Изв. Имп. Акад. Наукъ", 1899). Étude biologique de l'Haementeria costata Müll. („Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences". St.-Pétersburg, t. XI, 1900). Phénomènes de la fécondation chez l'Helobdella algina Moq. Tandon. („Mém. de la Société Zool. de France", t. 13, 1900). Процессъ оплодотворенія у Haementeria costata Müll. („Записка Имп. Ак. Наукъ", т. II, № 10, 1900). Sur le genre Chaetoderma („Arch. de zool. expér. générale", t. 9, 1901). Sur le genre Pseudovermis. („Зап. Ак. Наукъ", т. 12, 1901). Études anatomiques. (Ibid.). Les Hedilidées. Étude anatomique (Ibid.).

14) **А. А. Марковъ.** Его *труды:* Объ интегрированіи дифференціальныхъ уравненій при помощи непрерывныхъ дробей (За это сочиненіе награжденъ золотой медалью отъ университета). О бинарныхъ квадратныхъ формахъ положительнаго опредѣлителя (Магистерская дисс. 1880). Доказательство трансцедентности чиселъ e и π (1883). О нѣкоторыхъ приложеніяхъ алгебраическихъ непрерывныхъ дробей (Докторская дисс. 1885 г.). Доказательство сходимости многихъ непрерывныхъ дробей (1885). О распредѣленіи корней нѣкоторыхъ уравненій (1885). О дифференціальномъ уравненіи гипергеометрическаго ряда (1886). Исчисленіе конечныхъ разностей (1889—91). Mémoire sur la transformation des séries peu Convergentes en séries très Convergentes (1890). Sur les nombres entiers dépendants d'une racine cubique d'un nombre entier ordinaire (1892). О псевдо-эллиптическихъ интегралахъ (1894). О наивыгоднѣйшихъ изображеніяхъ нѣкоторой части данной поверхности вращенія на плоскости (1895). О простыхъ дѣлителяхъ чиселъ вида $1+4x^2$ (1895). Новыя приложенія непрерывныхъ дробей (1896). Полный списокъ трудовъ М. приведенъ во 2-мъ томѣ „Біографическаго словаря профессоровъ Спб. университета".

15) **Д. П. Коноваловъ.** О хлористомъ пиросульфурилѣ (1883). Объ упругости пара растворовъ (Магистерская диссертація 1884). О роли контактныхъ дѣйствій въ явленіяхъ диссоціаціи (Докторская диссертація 1885). О теоріи жидкостей (1886). Объ образованіи и разложеніи эѳировъ (1887—88). Объ электропроводности растворовъ (1892). Промышленность Соед. Штатовъ Сѣв. Америки и современные пріемы химической технологіи (1894) и др. Большинство трудовъ К. помѣщалось въ „Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.".

16) **П. Ф. Лесгафтъ.** Анатомія человѣка, вып. I—II (1895—6 г.). Основы теоретич. анатоміи (1905). Спеціальныя работы Л. помѣщены въ „Извѣстіяхъ С.-Петерб. біолог. лаборат.", въ „Мемуарахъ Имп. Акад. Наукъ", въ „Anat. Anzeiger" и др. Первые годы жизни ребенка. Семейное воспитаніе ребенка. Періодъ возмужалости. Руководство къ физическому образованію дѣтей школьнаго возраста и мн. др.

17) **Д. И. Менделѣевъ.** Полный списокъ ученыхъ трудовъ М. помѣщенъ въ „Біографическомъ словарѣ Спб. Университета".

18) **Н. А. Меншуткинъ.** Подробная библіографія трудовъ М. приведена въ книгѣ Б. Н. Меншуткина „Жизнь и дѣятельность Н. А. Меншуткина" (Спб., 1908 г.).

19) **И. И. Мечниковъ.** Сборникъ, посвященный И. И. Мечникову въ память пребыванія его въ Петербургѣ 14—25 мая 1909 г. (Изданіе журнала „Практическая Медицина") „Медицинское Обозрѣніе" (Спримона), т. 72, 1909 г., № 18, посвященный И. И. Мечникову, съ біографическимъ очеркомъ, составленнымъ О. Бронштейномъ. E. Metschnikoff, статья M. Gruber'a въ „Münchener medic. Wochenschrift", 1909 г., № 6, стр. 291. *Труды* М.: Embryologische Studien an Insekten („Z. f. wiss. Zoologie", 1866). Исторія развитія Sepiola (Дисс.) 1867 г. Embryol. Studien an Medusen. Wien. 1868. Medusologische Mitteilungen. 1868. Studien über die Entwickelungsgeschichte der Echinodermen u. Nemertinen. 1868. Пелагическая фауна Чернаго моря (Труды 1-го съѣзда естеств.). Embryologie des Scorpions („Z. f. wiss. Zoologie". 1871). Изслѣд. о калмыкахъ („Труды геогр. общ", 1874). Studien über die Entwickelung der Medusen u. Siphonophoren („Z. f. wiss. Zool.", 1894). Embryologie der doppeltfüssigen Myriapoda. 1874. Антропологическій очеркъ калмыковъ („Изв. Моск. Общ. Любит. Ест.", 1876). Zur Lehre über die intracelluläre Verdauung („Zool. Anz.", 1882). Untersuchungen über die intracell. Verdauung der Wirbellosen („Arb. a. d. zool. Inst." Wien, 1883). Ueber die mesodermale Phagocyten der Wärbelthiere („Biol. Ctbl.", 1883). Sur l'atténuation des bactéridies charbonneuses dans le sang des moutons réfractaires („Ann. Past.", I, 42, 1887). Sur la lutte de l'organisme contre l'invasion des microbes („Ann. Past.", 1, 321, 1887) Pastearia ramosa etc. („Ann. Past.", II, 165, 1888). Réponse à la critique de M. Weigert au sujet des cellules géantes de la tuberculose („Ann. Past.", II, 604, 1888). Lettre de M. Metschnikoff à M. E. Duclaux („A. P.", II, 610, 1888). Recherches sur la digestion intracellulaire („A. P.", III, 25, 1889). Contribution à l'étude du

pléomorphisme des bactéries („A. P.“, III, 61, 1889). Etudes sur l'immunité (5 мемуаровъ). („Ann. Past.“, III, 289; IV, 65, 193; V, 465; VI, 289). *Metschnikoff* et *Roux*. Sur la propriété bactéricide du sang de rat („Ann. Past.“, V, 479, 1891). *Metschnikoff* et *Roudenko*. Recherches sur l'accoutumance aux produits microbiens („Ann. P.“, V, 567, 1891). La phagocytose musculaire, contribution à l'étude de l'inflammation parenchymateuse („Ann. P.“, VI, 1, 1892). Note au sujet du mémoire de M. Soudakewitsch. („A. P.“, VI, 158, 1892). Лекціи о воспаленіи. Спб. 1892. Sur la propriété préventive du sang humain vis-à-vis du vibrion de Koch (1-er mém.; „Ann. P.“, VII, 403, 1893). Recherches sur le choléra et les vibrions, sur la propriété pathogène des vibrions (2 mém.). („A. P.“, VII, 562, 1893). Recherches sur le choléra et les vibrions (3 mém.). Sur la variation artificielle du vibrion cholérique („A. P.“, VIII, 257, 1894). Recherches sur le choléra et les vibrions (4 mém.). Sur l'immunité et la réceptivité vis-à-vis du choléra intestinal („A. P.“, VIII, 529, 1894). L'état actuel de la question de l'immunité (Rapport au Congrès international de Boudapest., („A. P., VIII, 706, 1894). Etudes sur l'immunité (6 mém.). Sur la destruction extracellulaire des bactéries dans l'organisme („A. P.“, IX, 433, 1895). *Metschnikoff*, *Roux* et *Salimbeni*. Toxine et antitoxine cholérique („A. P.“, X, 257, 1896). Quelques remarques à propos de l'article de M. Gabrizshewsky sur la fièvre récurrente („A. P.“, X, 654, 1896). Réponse à M. Gabrizschewsky („A P.“, XI, 245, 1897). Recherches sur l'influence de l'organisme sur les toxines („A. P.“, XI, 801, 1897; XII, 81 и 263, 1898). Etudes biologiques sur la vieillesse („A. P.“, XII, 912, 1898). Etudes sur la résorption des cellules („A. P.“, XIII, 737, 1899). Recherches sur l'influence de l'organisme sur les toxines. Sur la spermotoxine et l'antispermotoxine (4 mém.). („A. P.“, XIV, 1, 1900). Sur les cytotoxines („A. P.“, XIV, 369, 1900). Etudes biologiques sur la vieillesse („A. P.“, XV, 865, 1901). Невоспріимчивость въ инфекціонныхъ болѣзняхъ. Спб. 1901.

20) **И. В. Мушкетовъ.** М. принадлежитъ свыше 70 печ. работъ. Назовемъ изъ нихъ: Волынитъ (1872). О минералогич. классиф. Дона (1873). Краткій отчетъ о геологич. путешествіи по Туркестану въ 1875 г. Матеріалы для изученія геологич. строенія и рудныхъ богатствъ Златоустовскаго горнаго округа въ южномъ Уралѣ (1876). Les richesses minerales du Turkestan russe (1878). Геол. замѣтка о восточн. Монголіи (1878). Геологич. поѣздка на Кавказъ (1881). Нефритъ и его мѣсторожденія (1882). Геол. очеркъ Липецкаго у. въ связи съ минеральн. источниками г. Липецка (1883). Геол. замѣтка о кавк. мин. водахъ (1884). Туркестанъ, т. I (1886). Геол. карта Туркест. края (1886). Вѣрненское землетряс. 28 мая 1887 г. Физич. геологія, т. I (1887). О нефритѣ и жадеитѣ съ Вост. Памира (1889). Землетрясенія, ихъ характеръ и способы ихъ наблюденія (1889). Краткій геол. очеркъ Закасп. обл. съ первой геолог. картой этой мѣстности (1892). Замѣтка о происхожденіи крымскихъ соляныхъ озеръ (1895). Краткій курсъ петрографіи (1895). Программа для наблюденій надъ ледниками (1893).

21) **С. Г. Навашинъ.** Полный перечень научныхъ трудовъ Н. приведенъ въ статьѣ „Чествованіе проф. С. Г. Навашина по случаю 25-лѣтія его научно-педагогической дѣятельности“ („Труды Ботанич. Сада Имп. Юрьевскаго Университета“ 1909 г.).

22) **М. В. Ненцкій.** *Marceli Nencki*. Opera Omnia. Gesammelte Arbeiten von Prof. M. Nencki. Bd. I (1869—1885) u. Bd. II (1886—1901). Braunschweig, 1904.

23) **И. П. Павловъ.** Сборникъ статей, посвящ. И. П. Павлову его учениками, товарищами и почитателями („Архивъ Біологич. наукъ“, т. XI, приложеніе) съ біографическимъ очеркомъ, составл. проф. Тигерштедтомъ. Его *труды*: *1878 г.* *I. Pavloff*. Folgen der Unterbindung des Pankreasganges bei Kaninchen. „Pflüger's Archiv“, Bd. XVI, S. 123. *M. Afanassieff* u. *I. Pavloff*. Beiträge zur Physiologie des Pancreas, Ibid., S. 173. *I. Pavloff*. Experimenteller Nachweis des Accomodationsmechanismus der Blutgefässe. Ibid. S. 266. Ueber die reflectorische Hemmung der Speichelabsonderung. Ibid., S. 272. Weitere Beiträge zur Physiologie der Bauchspeicheldrüse. Ibid. Bd. XVII, S. 555. *1879 г.* Zur Lehre über die Innervation der Blutbahn. Ibid. Bd. XX. S. 210. Ueber die normalen Blutdruckschwankungen beim Hunde. Ibid., S. 215. Новые способы наложенія панкреатической фистулы. „Труды Общества естествоиспыт. при Спб. Университетѣ“. T. XI, стр. 51; „Архивъ Біолог. Наукъ“, т. IV. *1883 г.* Центробѣжные нервы сердца (диссертація). Къ методу собиранія мочи. „Еженед. клин. газ.“ 1883 г., стр. 479. Блуждающій нервъ, какъ регуляторъ общаго кровяного давленія. Ibid., стр. 489. *1885 г.* Wie die Muschel ihre Schale öffnet. „Pflüger's Archiv“, Bd. XXXVII, S. 6. *1887 г.* Ueber den Einfluss des Vagus auf die Arbeit der linken Herzkammer. „Du-Bois-Reymond's Archiv“. 1887, S. 451. Ueber die centrifugalen Nerven des Herzens. Ibid., S. 498. *1888 г.* Усиливающій нервъ сердца. „Еженед. клин. газ.“, 1888, стр. 469. Иннервація поджелудочной железы. Ibid., стр. 667. *1889 г.* Усиливающій нервъ сердца. *И. П. Павловъ* и *Г. А. Смирновъ*. Возрожденіе поджелудочной железы у кролика. „Врачъ“, 1889, стр. 285. *1890 г.* *Его же*. Балансъ азота въ слюнной подчелюстной железѣ при работѣ. „Врачъ“, 1890, стр. 153. *Онъ же* и *Е. О. Шумова-Симановская*. Иннервація желудочныхъ железъ у собаки. Ibid., стр. 929. *1892 г.* *М. Ганъ, В. Н. Массенъ, М. Ненцкій* и *И. П. Павловъ*. Экковскій свищъ венъ нижней полой и воротной и его послѣдствія для организма. „Архивъ біол. наукъ“, т. I. *1893 г.* *И. П. Павловъ*. Нѣкоторое видоизмѣненіе операціи экковскаго свища между воротной и нижней полой венами. „Архивъ біолог. наукъ“, т. II. *1894*. Къ хирургической методикѣ изслѣдованія секреторныхъ явленій желудка. „Труды Общ. Русск. Врачей“. Спб. О неполнотѣ современнаго физіологическаго анализа дѣйствія лѣкарствъ. „Труды 5-го Пирог. Съѣзда“. 1894, стр. 216. Нѣкоторые вопросы фармакологіи пищеваренія въ свѣтѣ новыхъ фактовъ (рѣчь), „Труды Общ. Русск. Врачей“. Спб. 1894—95, стр. 151. *1895 г.* О взаимномъ отношеніи физіологіи и медицины въ вопросахъ пищеваренія. Ibid., стр. 167. Объ опытахъ д-ра Глинскаго надъ работой слюнныхъ железъ. Ibid., стр. 340. Замѣтка о венномъ свищѣ д-ра Экка съ хирургической точки зрѣнія. Ibid., 1895—96. О смерти животныхъ вслѣдствіе перерѣзки блуждающихъ нервовъ. Ibid., 1894—5, стр. 298. *1896 г.* О выживаніи собакъ съ перерѣзанными блуждающими нервами. Ibid., стр. 7. Лабораторный случай экспериментальной брюшной водянки у собаки. „Труды Общ. Русск. Врачей“, 1896—1897, стр. 43. *М. Ненцкій, И. Залѣсскій* и *И. Павловъ*. О содержаніи амміака въ крови и органахъ и образованіи мочевины у млекопитающихъ. „Арх. Біолог. Наукъ“, т. IV, стр. 191. *1897 г.* *И. П. Павловъ*. Патолого-терапевтическій опытъ надъ желудочнымъ отдѣленіемъ собаки. „Больничная газета Боткина“, 1897 г., стр. 809. Объ отдѣлительной работѣ желудка при голоданіи. Ibid., стр. 1569. Памяти R. Heidenhain'a. Ibid., стр. 1857. *М. Ненцкій* и *И. Павловъ*. Къ вопросу о мѣстѣ образованія мочевины у млекопитающихъ. „Архивъ біол. наукъ“, т. 5. *И. П. Павловъ*. Лекціи о работѣ главныхъ пищеварительныхъ железъ. *1898 г.* Лабораторныя наблюденія надъ патологическими рефлексами съ брюшной полости. „Больничная газ. Боткина“, стр. 465.

24) **В. И. Палладинъ.** О внутреннемъ строеніи и способѣ утолщенія клѣточной оболочки и крахмальнаго зерна (1883). Значеніе кислорода для растеній (магистерская диссертація, 1886). Athmung u. Wachsthum (1886). Bildung d. organischen Säuren in den wachsenden Pflanzentheilen (1887). Образованіе органическихъ кислотъ въ растущихъ частяхъ растеній (1887). Ueber Eiweiszersetzung in den Pflanzen bei Abwesenheit von freiem Sauerstoff (1888). Вліяніе кислорода на распаденіе бѣлковыхъ веществъ въ растеніяхъ (докт. дисс. 1889). Kohlenhydrate als Oxydationsproducte der Eiweissstoffe (1889). О причинахъ измѣненія формы этіолированныхъ растеній (1889). Количество воды въ зеленыхъ и этіолированныхъ листьяхъ (1890). Eiweissgehalt der grünen u. etiolirten Blätter (1891). Ergrünen u. Wachstum der etiolirten Blätter (1891). Aschengehalt der etiolirten Blätter (1892). Физіологич. изслѣдованія надъ этіолированными листьями (1892). Recherches sur la respiration des feuilles vertes et des feuilles étiolées (1893). Sur le rôle des hydrates de carbone dans la résistance à l'asphyxie chez les plantes supérieures (1894). Значеніе углеводовъ для интрамолекулярнаго дыханія сѣменныхъ растеній (1894). Beiträge zur Kenntniss der pflanzlichen Eiweissstoffe (1894). Палладину принадлежитъ также рядъ распространенныхъ учебниковъ по анатоміи, физіологіи и систематикѣ растеній.

25) **А. Г. Столѣтовъ.** Общая задача электростатики и приведеніе ея къ простѣйшему случаю (магистерская диссертація, 1869). Изслѣдованіе о функціи намагниченія мягкаго желѣза (докторская диссертація, 1872). Подробный перечень его работъ помѣщенъ въ „Журналѣ Русск. Физ.-Хим. Общ.“, т. 29, стр. 72.

26) **К. А. Тимирязевъ.** Приборъ для изслѣдованія разложенія углекислоты (1868 г.). Спектральный анализъ хлорофилла (1871 г., маг. дисс.). Объ усвоеніи свѣта растеніемъ (1875 г.; докт. дисс.). L'état actuel de nos connaissances sur la fonction chlorophyllienne (Bull. du Congrès internat. de Botanique à St.-Pétersbourg, 1884). Въ этой рѣчи приводится подробный перечень 27 трудовъ Т. до 1884 г. L'effet chimique et l'effet physiologique de la lumière sur la chlorophylle („Compt. Rend.“, 1885). Chemische u. physiologische Wirkung des Lichtes auf das Chlorophyll („Chem.

Centralblatt", 1885). La protophylline dans les plantes étiolées („Compt. Rend.", 1889) Enregistrement photographique de la fonction chlorophyllienne par la plante vivante („Compt. Rend.", 1890). Фотохимическое дѣйствіе крайнихъ лучей видимаго спектра („Труды Отдѣленія Физич. Наукъ Общества Любит. Естествознанія", 1893). La protophylline naturelle et la protophylline artificielle (Compt. Rend.", 1895). Изслѣд. газоваго обмѣна въ корневыхъ желвачкахъ бобовыхъ („Труды Спб. Общ. Естествоиспытателей", т. 23). Публичныя лекціи и рѣчи, 1888. Земледѣліе и физіологія растеній, 1893. Нѣкоторыя основныя задачи современнаго естествознанія, 1895. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе, 1898. Жизнь растеній (рядъ изданій).

27) **А. С. Фаминцынъ.** *Труды Ф.* съ 70-хъ гг.: Die anorganishen Salze als ausgezeichnetes Hülfsmittel zum Studium der Entwickelung niederer chlorophyllhaltiger Organismen („Bot. Ztg.", 1871). Die Wirkung des Lichtes auf die Zelltheilung („Mém. biol.", 1873). Beitrag zur Kenntniss der Myxomyceten. („Bot. Ztg.", 1873). Beitrag zur Keimblattlehre im Pflanzenreiche („Mém. Biol.", 9). Entwickelung der Blattsbreite von Phaseolus multiflorus („Bot. Ztg.", 1875). Beitrag zur Keimblattlehre im Pflanzenreiche („Mém. de l'Ac.", 22). Zweiter Beitrag zur Keimblattbildung im Pflanzenreiche („Bot. Ztg.", 1876). Ueber Knospenbildung bei Equiseten („Mém. Biol.", 1879). Die Zerlegung der Kohlensäure durch Pflanzen bei künstlicher Beleuchtung („Mém. Biol.", 1880). Die Wirkung der Intensität des Lichtes auf die Kohlensäurezersetzung durch Pflanzen (Ibid.). Обмѣнъ веществъ и превращеніе энергіи въ растеніяхъ (1883). Studien über Krystalle und Krystallite (Mém. de l'Ac.", 1884). Ueber Kieselsäur-membranen und geschichtete Myelingebilde (Mém. Biol.", 1884). Изслѣдованіе состава золы цвѣтени сосны (совмѣстно съ *С. Пржибытекомъ.* „Труды Спб. Общ. Ест.", 1885). Ueber Knospenbildung bei Phanerogamen („Bull. de l'Ac.", 30). Учебникъ физіологіи растеній (1887). Beitrag zur Symbiose von Algen u. Thieren („Mém. de l'Ac.", 1889). О психической жизни простѣйшихъ представителей живыхъ существъ („Труды VIII съѣзда Русск. Ест. и Врачей", 1890). Обзоръ ботанической дѣятельности въ Россіи за 1890—93 гг. О симбіозѣ водорослей съ животными („Труды Бот. Лабор. Импер. Ак. Наукъ", 1891). Новая форма изъ бактерій Newskia ramosa (тамъ же). О судьбѣ хлорофилловыхъ зеренъ въ сѣменахъ и проросткахъ (тамъ же, 1893). Современное естествознаніе и психологія (1898).

28) **Ѳ Н. Чернышевъ.** Наиболѣе важные ученые *труды*: Матеріалы по изученію девонскихъ отложеній Россіи (1884). Фауна нижняго девона западнаго склона Урала (1887). Общая геологическая карта Россіи. Описаніе центральной части южнаго Урала (1889). Aperçu sur les dépôts posttertiaires au Nord et à l'Est de la Russie d'Europe (1891). Фауна нижняго девона восточнаго склона Урала (1893). Орографическій очеркъ 139 листа геол. карты Россіи (совмѣстно съ *А. Карпинскимъ*; 1897). Верхне-каменноугольныя брахіоподы Урала и Тимана (1902).

29) **Ѳ. Н. Шведовъ.** Рядъ статей въ „Журн. Русск. Физ.-Хим. Общ.", въ „Зап. Новоросс. Университета", въ „Метеорол. Сборникѣ", въ „Revue Scientifique" и др. Подробная библіографія см. въ „Словарѣ Брокгауза-Эфрона", т. 77, стр. 257.

ГЛАВА VI.

Высшая школа въ концѣ вѣка.

Кромѣ сочиненій, указанныхъ въ статьѣ, см. библіографію при IV томѣ.

ГЛАВА VII.

Внѣшняя политика Россіи въ концѣ вѣка.

См. выше библіогр. къ „Общей политикѣ правительства", подъ лит. С, стр. 238.

Оглавленіе.

ТОМЪ VIII.

ГЛАВА I.

Государственное хозяйство (1892—1903).

(М. И. Боголѣпова).

ГЛАВА II.

Развитіе промышленности и рабочее движеніе съ 1893 до 1903 г.

(Л. Мартова).

ГЛАВА III.

Общественная медицина въ связи съ условіями жизни народа.

(В. Я. Канеля).

ТОМЪ IX.

ГЛАВА IV.

80-ые и 90-ые годы въ нашей литературѣ.

(М. Невѣдомскаго).

ГЛАВА V.

Развитіе естествознанія въ Россіи въ послѣднюю четверть вѣка.

(В. Л. Омелянскаго).

ГЛАВА VI.

Высшая школа въ концѣ вѣка.

(В. М. Фриче).

ГЛАВА VII.

Внѣшняя политика Россіи въ концѣ XIX вѣка.

(М. Н. Покровскаго).

Снимки съ портретовъ, картинъ и скульптуръ, помѣщенные въ четвертой части.

Списокъ художественныхъ приложенiй, помѣщенныхъ въ „Исторiи Россiи въ XIX вѣкѣ“ (I—IX т.).

Общее оглавленіе „Исторіи Россіи въ XIX вѣкѣ“ (I—IX т.).

Часть I. Дореформенная Россія (1801—1840).

Томъ I.

Томъ II.

Часть II. Эпоха реформъ (1840—1866).

Томъ III.

Часть III. Эпоха реакціи

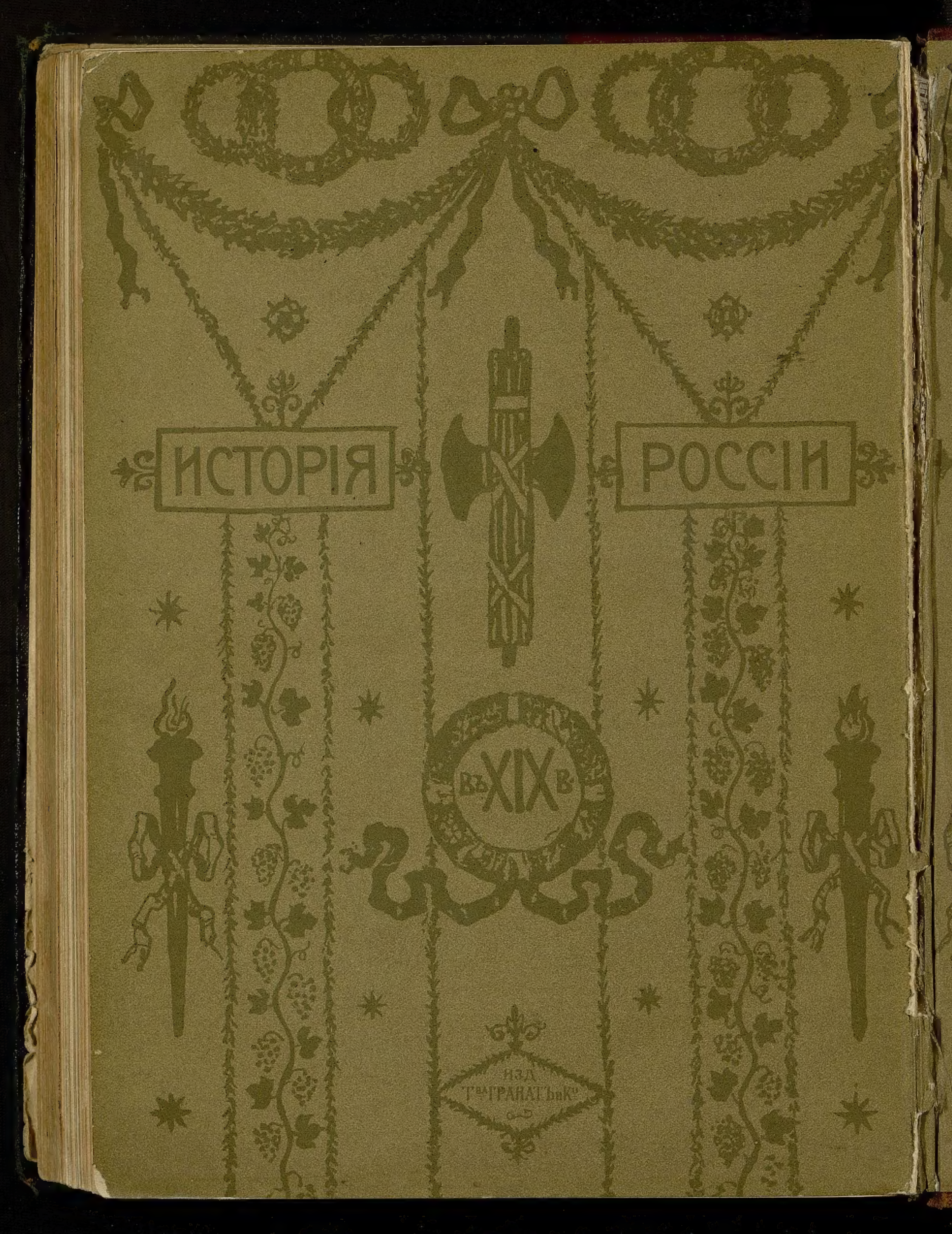
(1866—1892).

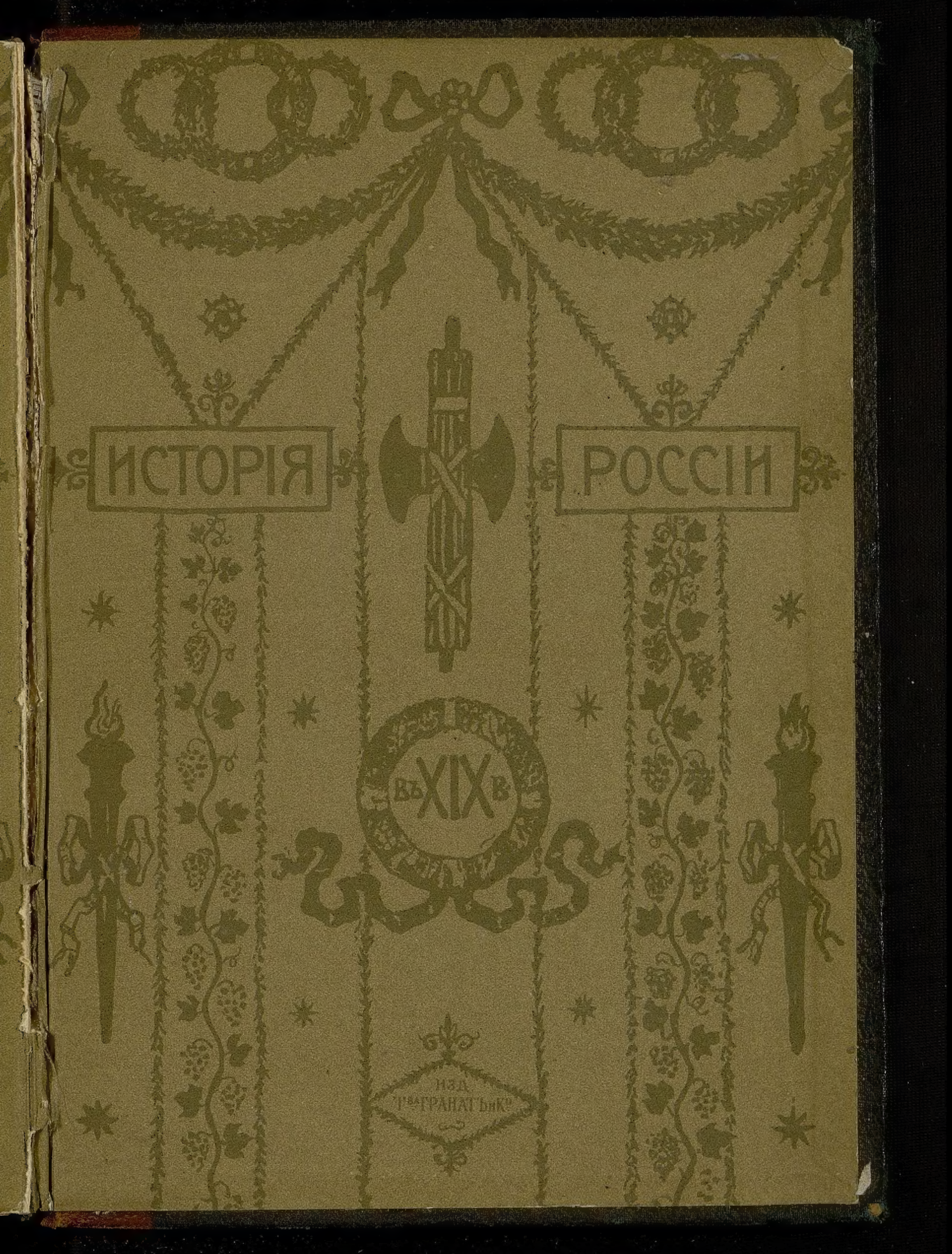
Часть IV. Конецъ вѣка

(1892—1900).

Томъ VIII.

Томъ IX.


ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX В.
ИЗД
Т-ва ГРАНАТЪ и К°


ИСТОРІЯ
РОССІИ
ВЪ XIX В.
ИЗД.
Т-ва ГРАНАТЪ и К°